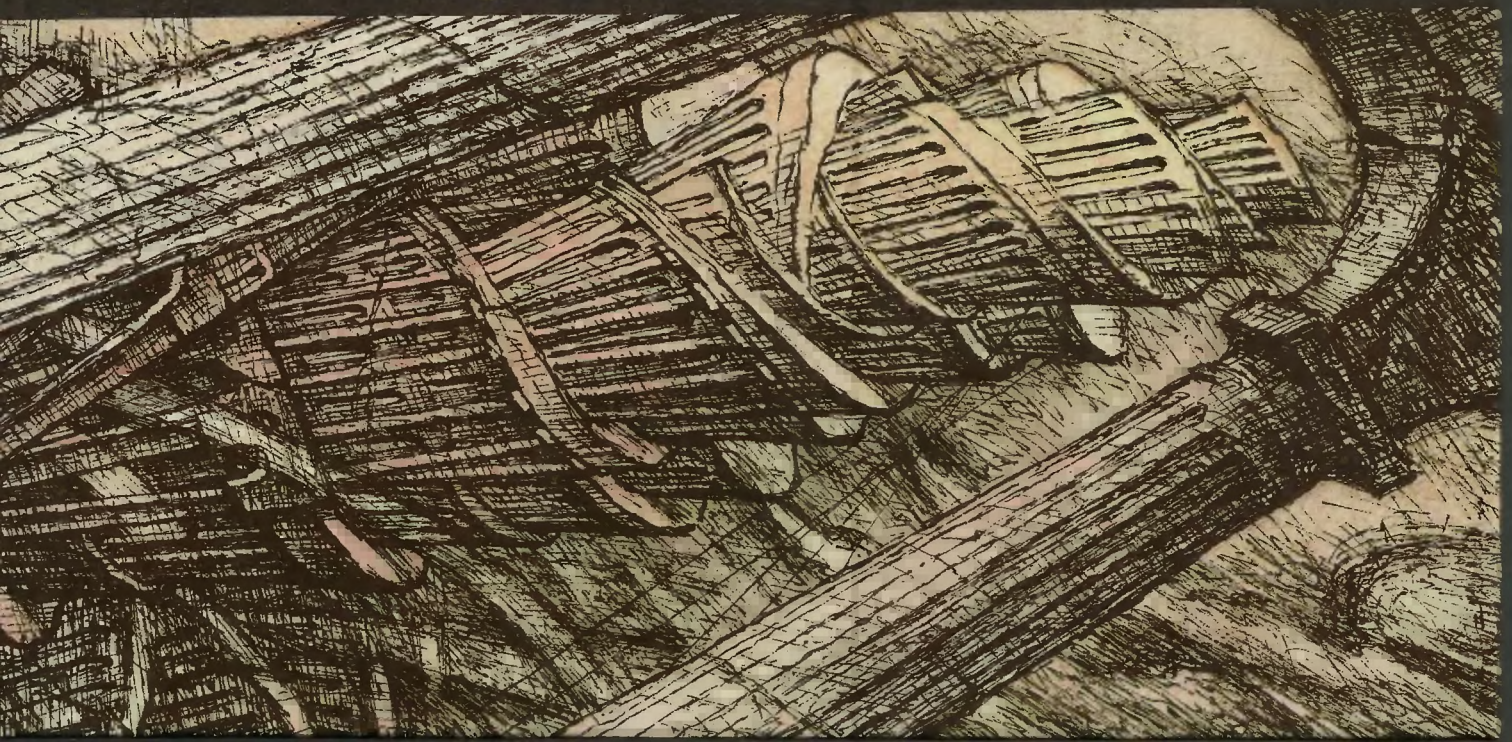
С. Павлов · «Лунная радуга»
В. Щербаков · Чаша бурь

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

14

Сергей ПАВЛОВ «Лунная радуга»

Владимир ЩЕРБАКОВ Чаша бурь

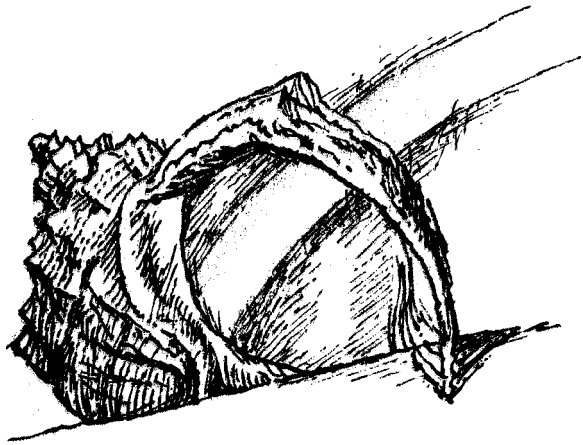

Библиотека фантастики в 24 томах

Редакционная
коллегия
серии
«Библиотека
фантастики»
А. П. Казанцев
(председатель)
Д. А. Жуков
В. П. Карцев
А. П. Кешоков
А. П. Кулешов
А. А. Леонов
Е. И. Парнов

Сергей ПАВЛОВ

«Лунная радуга»

Владимир ЩЕРБАКОВ

Чаша бурь

Москва «Художественная литература» 1991

ББК 84Р7
П12

Предисловие
К. Феоктистова

Художник
А. Антонов

П 4702010201-411
028(01)-91 подписное

ISBN 5-280-00538-Н

© Предисловие. Иллюстрации. Издательство «Художественная литература», 1990 г.

Два романа о звездных ветрах

С интересом все мы в детстве читали книги о дальних морских странствиях к таинственным островам и островам сокровищ, созданных фантазией любимых писателей. Но сейчас в нашу жизнь вошло нечто такое, что потеснило обжитые миры, в которых обосновались любимые литературные герои нашего детства и нашей юности. Нет, нас по-прежнему увлекает фантазия Жюля Верна, Стивенсона, Обручева, но вместе с тем все отчетливей и яснее проявляется и становится доминирующим новое направление в жанрах, граничащих, с одной стороны, с мечтой, с другой — с приключениями.

Фантастика нашего времени вышла в космос.

Межпланетные корабли бороздят бескрайние просторы Галактики. И чем дальше в океаны пространства и времени уводит нас фантазия автора, тем с большими неожиданностями мы можем встретиться. Еще порой грезятся нам алые паруса и легкая поступь Бегущей по волнам из волшебных гриновских книг, но бег звездного парусника ничуть не менее притягателен, чем стремительно рассекающие водные просторы знаменитые клиперы.

Да, многое из того, что еще не так давно казалось недосягаемым, сегодня становится реальностью. Но мечта, совершенно неожиданно, все так же расправляет крылья, будит мысль и воображение, и парус, сверкая под солнечным ветром, обегает небесные круги один за другим.

Мечта наших дней, соединяясь с космическим сегодня и космическим завтра, как и прежде, зовет нас в мир гармонии и поэзии.

Немало создано интересных произведений об этом сравнительно не так давно открытом пространстве. Но задача настоящего писателя-фантаста, повествующего о приключениях в космосе, совсем не так проста, как представлялось еще вчера. Мало воспеть невесомость

или бесконечность Вселенной, мало представить конструкции космических кораблей далекого будущего, мало увидеть и изобразить далекие миры. Конечно, это тоже важно и без этого не обойтись. Но самое главное, как и в любом действительно художественном произведении, раскрыть в новых обстоятельствах, показать с новой, прежде незнакомой стороны мир человека.

В очередной том серии «Библиотека фантастики» включены два научно-фантастических романа: «Лунная радуга» Сергея Павлова и «Чаша бурь» Владимира Щербакова. В первом романе человек изменяет космос, но и космос, по законам обратной связи, изменяет человека. Во втором — космос неожиданно возвращает человека к извечным ценностям, различное отношение к которым становится причиной острейшего конфликта.

Оба произведения — новые по своим идеям,— и очень разные. Действие романа «Лунная радуга» перенесено в будущее, настоящее и прошлое остаются как бы за кадром. Сузив поле зрения, ограничив повествование достаточно узкими временны́ми рамками, С. Павлов выигрывает в остроте и динамике действия. Автор не стремится выйти за рамки конфликта, связанного с освоением космоса, и в то же время проблемы, поставленные в романе, уже сегодня достаточно актуальны.

В романе «Чаша бурь» органично соединены далекое прошлое, возвращающее нас к истокам человеческой культуры, настоящее и будущее. Эффекта достоверности В. Щербаков достигает, исследуя психологию своих героев, прикоснувшихся к Неизвестному, рисуя оттенки их настроений, их взаимоотношений, мир переживаний и надежд.

«Лунную радугу» С. Павлова населяет множество персонажей, судьба которых так или иначе связана с космосом. Скупые и точные описания звездных кораблей, маршрутов, планет, новой технологии изображены очень достоверно. Но даже не это самое главное. В романе решается сложная морально-этическая проблема. Человек обретает в космосе совершенно новые качества, которые обычному человеку просто невозможно себе представить. Один из героев романа, космодесантник Дэвид Нортон может, например, одним прикосновением руки из обыкновенного прутика сделать радиоприемник. И вот несколько космонавтов, вернувшихся на Землю после долгих лет работы в космосе, вынуждены тщательно скрывать свои уникальные способности, приобретенные вопреки их личному желанию вдали от родной планеты. Почему? Да потому, что они прежде всего люди, а не сверхчеловеки и их вовсе не радует та сторона их бытия, которая может привести к конфликту с обществом, с близкими...

В романе «Чаша бурь» В. Щербаков осуществляет превращение одной из гипотез о древнем конфликте этрусков и атлантов

в конфликт сегодняшнего дня. Одно дело — знать, что настоящее и будущее вырастают из прошлого, как бабочка из куколки. Но совершенно иное дело — смоделировать в деталях историю борьбы атлантов и жителей Средиземноморья, о которой писал Платон, и затем представить необыкновенные последствия космического продолжения этой борьбы, перенесенной опять на Землю, но уже в наши дни.

В. Щербаков, писатель-фантаст, ученый, в течение многих лет изучает мифы и гипотезы об Атлантиде. В повести «Далекая Атлантида» он попытался определить время катастрофы, в которой погибла легендарная земля Платона. По его предположению, произошло это 11 800 (!) лет назад, причем катаклизм был глобальным, именно тогда погибли мамонты в небывалых селевых потоках, захлестнувших долины рек — летние пастбища животных.

Трудно поверить в то, что автору «Чаши бурь» удалось расшифровать загадочные этрусские надписи. Тем не менее именно к публикациям В. Щербакова обратился югославский ученый Р. Пешич, сделавший не так давно сенсационный доклад на Миланском конгрессе о древнейших памятниках славянской и этрусской письменности на побережье Адриатики.

Еще в прошлом веке русский ученый А. Чертков искал путь к древним этрусским корням, исходя из гипотезы о праязыке в Средиземноморье. Но материал А. Черткова и его переводы сочли ошибочными. Идея была забыта. В. Щербаков вновь вернулся к этой идее.

Один из критиков однажды написал, что В. Щербаков использовал уже известную идею в своем романе. Да. Но идею эту нужно было не «использовать», а возродить на совершенно новом материале. Это, пожалуй, иногда труднее, чем высказать совершенно новую идею.

Думаю, читатель этой книги сможет самостоятельно, без помощи ведущего, оценить остроту коллизий обоих романов, необычность сюжета, неожиданность — в лучшем смысле слова — происходящих событий и приключений. Я не оговорился, оба произведения — это еще и книги приключений, без всякого преувеличения.

Свойство разума — предвидеть опасность в любой ее форме, даже если она сокрыта в глубинах космоса. Так, например, в шестидесятых годах из глубин пространства неожиданно вынырнул пятикилометровый астероид Торро с нестабильной, как бы качающейся орбитой. Астрономам пришлось в спешном порядке рассчитать его перемещения на ближайшие десятилетия. Затем были открыты и другие астероиды с орбитами, которые нестабильны из-за влияния планет. Значит ли это, что в неразведанных глубинах космоса нет других опасностей, подстерегаю-

щих нашу Землю и нас всех? Трудно дать гарантию полной безопасности даже при современном уровне знаний и техники. И тем труднее, чем о большем сроке идет речь. Даже если обратиться к древним легендам многих народов, можно убедиться, как много в них скрытой тревоги за будущее и прошлое. Космические факторы воздействуют на планету, меняют климат, рельеф, направление морских течений. Существует гипотеза, которая объясняет этим воздействием даже всемирный потоп и гибель Атлантиды.

С. Павлов и В. Щербаков хорошо знакомы с такого рода гипотезами. Когда видишь Землю из космоса, понимаешь, что опасения за судьбу планеты, человечества, высказанные в обоих произведениях, не напрасны. Космос необъятен. Нельзя сбрасывать со счета и фактор неизвестности. Мы не знаем даже о всех возможных воздействиях на нас и планету нашего светила. Мы многого не знаем о Солнце, о корпускулярных потоках, о гамма- и нейтринном его излучении, о взаимодействии их с атмосферой. Мы изучаем, размышляем, порой делаем выводы, а затем убеждаемся в преждевременности некоторых из них.

Проблемы, которые ныне приходится решать научно-фантастической литературе, стали гораздо сложнее в наш беспокойный век по сравнению с веком минувшим. Происхождение человека, жизни вообще, истоки нашей цивилизации, человек и творчество, человек и техника, поиски разумной жизни вне Земли, место человечества во вселенском процессе становления разумной жизни, а также стремление к социальной справедливости, любовь, воспитание детей — вот далеко не полный перечень вопросов, которые решают в своем творчестве современные писатели-фантасты. Жажда знаний — одна из главных страстей человека. Этой благородной страстью проникнуты и лучшие произведения современной научной фантастики. Тот удивительный сплав науки, воображения и человеческих чувств, который является главным материалом фантастики, требует неустанного поиска, упорной работы, умелого использования языковых средств.

Научно-техническая революция породила поток произведений, если можно так сказать, параллельных техническому развитию человечества, популяризирующих достижения в области науки и техники. Однако, как писал И. А. Ефремов, «не популяризация, а социально-психологическая действенность науки в жизни и психике людей — вот сущность научной фантастики настоящего времени». Такой социально-психологической действенностью, я считаю, обладают представленные в книге произведения Сергея Павлова и Владимира Щербакова.

Константин Феоктистов,
летчик-космонавт СССР

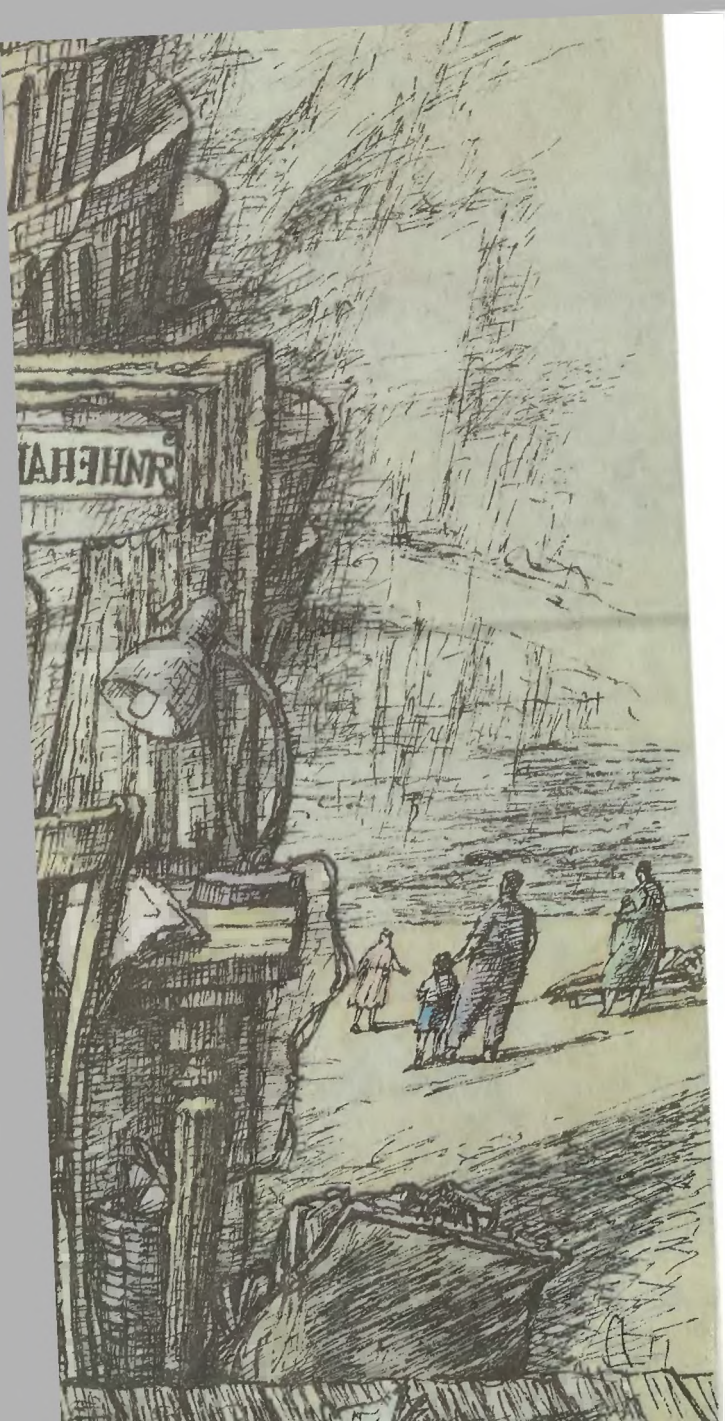
Сергей ПАВЛОВ «Лунная радуга»

роман

— Где мы? — спросил человек.

— На звездной дороге,— ответил Звездный олень. Сверкнув рогами, грациозно выгнул шею и посмотрел вперед.— Пойдем?

— Конечно. Другого пути у нас нет.

И они пошли рядом.

Часть I

1. К вопросу об аллигаторах

Спасаясь от пены, Фрэнк бросился на четвереньки, юркнул в круглый лаз какого-то коллектора. Труба коллектора не могла быть глухой: в конце ее хотя и слабо, но все же светилось отверстие выхода, и это весьма обнадеживало. Пена шла буквально по пятам, и Фрэнк со всей возможной в его положении резвостью пробирался вперед.

Труба выходила в небольшой овальный, тускло освещенный зал и неожиданно заканчивалась широким раструбом — довольно высоко над полом. Фрэнк высунулся из трубы по пояс. Сделал попытку ухватиться за верхний край раструба. Не удалось. Прыгать вниз головой не хотелось, но другого выхода не было. Фрэнк вытер пот с лица испачканным ржавчиной рукавом, привстал на руках и, рывком подтянув ноги, швырнул себя в воздух.

Приземлился он сравнительно мягко — «кошкой». Вскочил, внимательно осмотрелся, насколько это позволяло тусклое освещение. Было жарко и сыро, где-то шумела вода. Только теперь ему пришло в голову, что здешние лабиринты очень напоминают нижние ярусы старой венерианской базы «Маммут».

Побаливало бедро — результат поспешного спуска по спиральному желобу во время пожара в кольцевой галерее. Впрочем, легко отделался. Неизвестно,

чем бы все кончилось, если б не заприметил спасительный желоб еще до того, как сработали огнетушители. Фрэнк с омерзением сплюнул (создателей пены отнюдь не заботили ее вкусовые достоинства), поправил под мышкой кобуру с бластером, пошел в обход зала.

Не считая массивной решетки, запирающей низкую полуовальную амбразуру непонятного назначения, зал был пуст. Фрэнк вынул нож, включил вмонтированный в рукоять фонарик и направил его за решетку. Луч упал на глянцевую поверхность воды. Должно быть, бассейн. И наверное, очень большой, потому что свет фонаря не достигал противоположной стенки. Над водой курился туман. Фрэнк бесполезно подергал решетку. Похоже, зал — это вовсе не зал, а просто большая цистерна...

Фрэнк осмотрел гладкие стены и понял, что наверху они не сливаются с потолком. Потолочная крышка наверняка приподнята над закраиной этого металлического стакана, иначе под крышку не проникали бы отблески внешних светильников. Вдоль стены свисала тонкая труба — конец трубы не слишком высоко, и если подпрыгнуть... Выхватив бластер, Фрэнк стремительно обернулся — ему почудилось какое-то движение наверху, с тыла.

Минуту он всматривался в гребень стены — оружие на изготовку. Вокруг все было спокойно. Подозрение, что это, быть может, выглядывал дыроглаз, мало-помалу угасло. Почудилось, значит...

Фрэнк спрятал оружие и, немного расслабившись перед прыжком, направился к тонкой трубе. Лязгнул металл: бзанг! — Фрэнк потерял под ногами опору. Падая в темноту, он инстинктивно сжался, защищая руками голову от удара. Шумный всплеск...

Вынырнув, Фрэнк перевел дыхание и бешено взглянул вверх. В зените светлый круг, похожий на большую тусклую луну. Растяпа! Наивный котенок! Надо же, люк обойти не сумел!.. Потом он решил, что «растяпа» — это, пожалуй, слишком. Тем более что встретился не просто люк. Обыкновенный люк он бы, конечно, заметил. Это что-нибудь наподобие входа в сливной колодец, закрытого многолепестковой диафрагмой. Знакомые штучки... Когда диафрагма незаперта, по ней и лиса не пройдет.

Он поводил рукой в темноте и нащупал шершавую стенку. Ухватиться здесь было не за что. Откуда-то струйками лилась вода, малейший всплеск порождал звучное эхо. Вода имела неприятный привкус металла. На фоне тускло светящейся горловины люка появился силуэт

округлого выступа — впечатление такое, будто в люк заглядывает чья-то голова... Фрэнк сделал вид, что достает бластер. Силуэт моментально исчез. «Мне бы такие глаза!» — позавидовал Фрэнк.

Он включил фонарик, поводил тонким лучом. Да, колодец... Точнее, колодезный резервуар, заметно сужи-вающийся кверху. Бурые от налета ржавчины голые стены. Примерно на половине высоты колодезного ствола темнели отверстия, из которых сочилась вода. Лестничных скоб, на которые очень рассчитывал Фрэнк, в колодце не было. Натуральная мышеловка...

Прежде всего он подумал о бластере. Конечно, можно выжечь в стене лесенку углублений до самого верха. Но... во-первых, как уберечься от брызг расплавленного металла? Не говоря уже о том, что стена имеет отрицательный угол наклона, пусть не очень крутой, но достаточный, чтобы лишить эту затею всякого смысла. Да, стрельба отпадает...

Держась на плаву, он упрямо высвечивал удручающе голые влажные стены. «На двух «липучках» я выбрался бы отсюда в два счета!..» — с раздражением подумал он. Вдруг в глаза ему бросилось то, на что следовало бы обратить внимание с самого начала: стены были влажными до половины ствола. Несколько выше пояса сливных отверстий пролегала хорошо заметная граница, дальше которой ствол был сухим. Вода стояла высоко, потом куда-то ушла. И ушла ведь недавно — стены еще не успели обсохнуть!.. По-дельфиньему перевернувшись вниз головой, Фрэнк пошел в глубину.

Погружался он с фонарем, но мало что видел в мутной воде. Короткое лезвие света, казалось, освещало только само себя, кончик его расплывался в дымчатой мгле, как в тумане, и Фрэнк приятно был изумлен, когда неожиданно быстро наткнулся на вход в подводный тоннель. Он сразу понял, что это тоннель, хотя входное отверстие было затянуто эластичной и скользкой на ощупь мелкоячеистой сеткой. «Фильтр!..» — коротко подумал Фрэнк, вспарывая преграду ножом. Вода в тоннеле оказалась чище, и Фрэнк сумел разглядеть там, в конце, желтое пятно второго фильтра. «В конце ли?..» — коротко подумал он, устремляясь вдоль подводного коридора. Мысль о рискованности подводной разведки не беспокоила его — он доверял автоматизму своего чутья, зная по опыту тренировок, до какой степени безошибочно можно оценивать соотношение кислорода в крови с пройденным расстоянием.

Главное в «мертвой зоне» — проверенный путь к отступлению, все остальное Фрэнк полностью возложил на чутье и больше об этом не думал — для размышлений требовалось время, а это как раз то, чего у него не было. Если б он стал размышлять, он бы погиб.

Путь к отступлению не пригодился. Продравшись через вторую преграду, Фрэнк довольно уверенно определил, что оказался в новом колодце, и прежде чем всплыть, посветил фонариком вверх — больше всего он опасался подводных решеток. В ответ блеснуло зеркало поверхностной пленки воды. Решетки не было.

Фрэнк всплыл, осмотрелся и понял, что совершил бросок через «мертвую зону» не зря. Колодец был просторнее прежнего, но отсюда ничего не стоило выбраться. Вдобавок здесь было гораздо светлее: в отверстие люка заглядывал сверху краешек светильника. Прямо перед глазами темнел полузатопленный зев второго тоннеля, в мрачной его глубине что-то надсадно сипело и булькало, но Фрэнк любопытства к этому не проявил. От потолочной кромки тоннеля шел в сторону люка вертикальный ряд вделанных в стену коротких стержней с черными набалдашниками. Назначение стержней было для Фрэнка загадкой, однако они вели кверху, и это его вполне устраивало.

Он вплыл в тоннель, нащупал коленями пол.

Здесь можно было стоять почти во весь рост. Вода доходила до бедер. В глубине тоннеля продолжало сипеть и булькать, будто кто-то огромный усиленно полоскал осипшее горло и все время пробовал, каковы результаты. Результаты были неважные. Фрэнк хотел привалиться спиной к удобно вогнутой стене (дать себе минутную передышку), но не успел: на воду упала тень. Медленно, очень медленно он вынул бластер, отклонился к самому краю тоннеля. Застать дыроглаза врасплох можно было только внезапным выстрелом из-за укрытия...

Вспышка выстрела озарила колодец. И сразу стало темно. Бренча о стены, сверху сыпался стеклянный мусор. Фрэнк отстранился и, когда осколки перестали шлепаться в воду, выглянул снова. Отверстие люка фосфоресцировало в темноте голубоватым пятном... Фрэнк машинально спрятал оружие. Он понятия не имел, удалось ли подбить дыроглаза. Вот в светильник влепил — это уж точно. Великолепное попадание. Метко и глупо...

На ощупь стержни были не из металла. Эти штуки были похожи на игрушечные гантели, крепко вделанные в стену и облитые слоем упругого пластика. Расстояние

между ними около метра — подниматься легко. Сначала Фрэнк карабкался вверх, подтягиваясь на руках. Затем, с помощью ног, дело пошло веселее. Пятый стержень, шестой (профессиональная привычка считать пройденные ступеньки)... восьмой, девятый... Стоп! А, черт!.. Десятый стержень выскочил из гнезда, и секунду-другую спустя снизу донесся всплеск. Фрэнк включил фонарик, посветил над головой. Так, стержня нет, но зато есть отверстие. Выше отверстия последний стержень и люк... Был соблазн: вставить в отверстие палец и, удержав таким образом равновесие, взобраться на ступеньку выше. Одной ступеньки достаточно, чтоб дотянуться до крайнего стержня...

Фрэнк преодолел соблазн, вставил в отверстие нож — раздался треск, полетели искры электрического разряда, запахло жженым пластиком и озоном. Да, совать туда пальцы не стоит, изоляцией стержни покрыты не зря. Но как быть? Не висеть же на этой стене бесконечно!..

Исполнив сложный акробатический этюд, Фрэнк стащил с себя мокрую куртку, снял портупею. Куртку он вышвырнул в люк, а портупею навернул на руку так, чтобы из кулака свешивалась достаточно длинная ременная петля. Взмах — и петля зацепилась за верхний стержень с первой попытки. Стержень выдержал несколько пробных рывков. Остальное было делом мускульной силы и гимнастической техники.

Выбравшись наружу, Фрэнк взглянул на часы. Ему казалось, будто он провозился в колодцах четверть часа. Прошло всего пять с половиной минут.

Сердечник разбитой колонки светильника, пульсируя голубым огоньком, потрескивал, как цикада. Под ногами хрустели осколки. На всякий случай Фрэнк прощупал окружающий сумрак лучиком фонаря. Быстро разделся. Выжимая одежду, он заботился, чтобы бластер все время был под рукой.

Пространство, где он находился, напоминало собой суженное кверху ущелье, стиснутое тремя ярусами бетонированных откосов. «Ущелье» имело два выхода: совершенно темный круглый тоннель и прямоугольный коридор, в конце которого виднелся скупо освещенный тамбур. Фрэнк выбрал коридор и, соблюдая осторожность, бесшумно скользнул вдоль стены.

Дойдя примерно до середины коридора, он услышал странный чавкающий звук, остановился. Посветил, но ничего подозрительного не заметил. Двинулся дальше и только у самого выхода обнаружил большой круглый люк.

Люк был открыт. В его горловине, обнесенной невысоким бортиком, колыхалась и пучилась бугристая беловатая масса. Фрэнк попятился. Можно было бы попытаться проскочить между бортиком и стеной, однако он не знал, что собой представляет эта бугристая мерзость, и не хотел рисковать. Он прикинул на глаз ширину препятствия, отошел назад, разогнался и прыгнул.

Пол у выхода был почему-то скользким, Фрэнк едва удержался на ногах и, не останавливаясь, выскочил в тамбур — если тамбуром можно назвать узкий загон, с трех сторон ограниченный стенами, внешняя из которых лоснилась блеском неокрашенного металла. «Загон» не имел потолка, источники света находились где-то очень высоко, и Фрэнк, задрав голову кверху, увидел, что свет пробивается полосами сквозь многорядье ажурных металлоконструкций; среди решетчатых ферм, балок, труб, вантовых переходов, затеняя и без того скудное освещение, висели прикрепленные к опорным мачтам огромные тупоносые баки. Шагах в пяти-шести пол обрывался в темноту. Фрэнку даже фонарь не понадобился — по шуму воды догадался: выход к бассейну.

Где-то на полпути к воде металлическая стена резко забирала вправо, и Фрэнк, полагая, что в его положении все-таки лучше двигаться посуху, свернул за угол. В глаза ударил прожекторный луч ослепляющей яркости, Фрэнк отскочил назад. Блеснула зарница, яростно зашипело, и на бетонной стене, освещенной прожектором, вздулся малиново-красный волдырь. Полыхнувшее пламя обдало жаром лицо, Фрэнк инстинктивно зажмурился. Вот как! Кто-то вел по нему прицельный огонь. Причем из машинки тремя классами выше его несчастного бластера...

Что-то мягко обвило ботинки, коснулось колен — Фрэнк замер. Медленно вынул оружие из кобуры. После малиновой вспышки перед глазами все еще плавали радужные пятна, и первые секунды он таращился, не понимая, что это ползает и копошится у ног.

Белесые липкие стебли червеобразными движениями упорно пытались взобраться выше колен. Фрэнк дернулся и почувствовал мягкое, но сильное сопротивление. Неожиданно клейкие стебли напряглись, подобно упругой резине, и Фрэнк едва не сверзился на пол. Распластавшись спиной на стене, он обернулся. И чуть не выронил бластер. Буквально рядом — руку протянуть! — колыхался холм желеобразного вещества. В тамбуре его скопилось уже предостаточно, однако новые массы слизи напирали из

коридора, сползая поверх студенистого холма широкими жирными складками. Фрэнк спрятал бластер и выхватил нож. Он узнал бледную эльву — бич венерианских рудников, быстрорастущую слизь,— но в таком количестве видел эльву впервые. В тягучем, судорожно-медленном передвижении ее отростков и складок было что-то беспомощно-жалкое и мерзкое одновременно. Освобождаясь, Фрэнк несколькими взмахами ножа отсек дрожащие клейкие побеги.

С десяток секунд он выиграл, и этим надо было воспользоваться. Он быстро сорвал с себя куртку, размахнулся и выбросил из-за угла вверх под прожекторный свет. Блеснула зарница. В броске Фрэнк пересек освещенный участок, извернулся ужом, распластался в тени за укрытием. Рядом, распространяя удушливый чад, догорали лохмотья расстрелянной куртки.

Укрытие выглядело надежным: вертикальная связка толстых труб, прикрепленная к опорной мачте. Далеко наверху связка разветвлялась отдельными трубопроводами, которые разбегались в разные стороны веером, пересекая решетчатые фермы. Путь наверх казался заманчивым, однако Фрэнк понимал, что стрелку (даже если он один) ничего не стоит «снять» идущего верхом первым же выстрелом сквозь это металлическое решето.

Фрэнк прислушался к шуму воды. Придется снова купаться — выбора нет. Фрэнк быстро вскарабкался по мачтовым переплетам на достаточную для его замысла высоту и почти наугад пальнул из бластера в сторону прожектора. Так же быстро спускаясь, он видел вспышку ответного выстрела. Что-то с грохотом лопнуло над головой, из продырявленной трубы с ревом забила струя перегретого пара, все окружающее утонуло в мутной пелене. Фрэнк подивился эффективному результату, казалось бы, безобидной дуэли и, не теряя времени, бросился в воду.

Он чуть не захлебнулся и, вынырнув на поверхность, ошарашенно глотал пропитанный паром воздух. Вода в бассейне была нестерпимо горячей!

В жарком сумраке ничего не было видно. Фрэнк нащупал стенку бассейна и поплыл вдоль нее, рассчитывая обойти стрелка с левого фланга.

Скоро он вынужден был признать, что рассчитывал на это зря. Стенка высокая, гладкая — ни единого выступа. Она служила хорошим прикрытием, и только. Ухватиться за верхний край невозможно.

В сумеречной глубине бассейнового пространства над темной водой возвышалась какая-то мачта. Или колонна. Или просто большая труба. Фрэнк без всплеска ушел под воду, благо она была здесь гораздо прохладнее, и так же бесшумно вынырнул вблизи колонны. С верхушки этого столба свисали в бассейн ржавые цепи. Пошарив вокруг основания, Фрэнк обнаружил удобный уступ. Теперь он мог стоять над водой и, затаившись в укрытии, изучать позицию стрелка.

Набережная просматривалась как на ладони. Там, откуда светил прожектор, громоздились исковерканные взрывом скелеты обрушенных ферм, переломленный надвое остов опорной мачты, раздавленный бак. Над взорванным участком серебрилась паутина обвисших вант. Труба, пробитая выстрелом, все еще клокотала, как гейзер, прожекторный луч шарил в клубящемся облаке пара. Возле прожектора копошилась продолговатая тень, иллюминированная двумя неярко фосфоресцирующими шарами. Фрэнк всматривался до боли в глазах. Ясно было одно: на дыроглаза эта штука совсем непохожа...

Постепенно он разобрался в главных особенностях внешнего вида противника. По форме это был гриб с коническим утолщением ножки у основания. Криво посаженная широкополая шляпка «гриба» периодически меняла наклон — очевидно, вращалась. Фосфоресцирующие голубовато-серые шары, казалось, свободно разгуливали по краям шляпного конуса, сближаясь, сталкиваясь, разбегаясь...

Тело колонны было прохладным, шершавым от ржавчины — удобный упор для плеча. Фрэнк обеими руками поднял бластер. Застыл, наблюдая поверх прицела игру суетливых шаров. Руки держали бластер твердо, но очень мешало ощущение нелепости происходящего.

Фрэнк выстрелил. Один из шаров рассыпался ярко-зелеными искрами, «гриб» покачнулся. Уцелевший шар забегал на «шляпке» с удвоенной скоростью. Глаз прожектора беспокойно ворочался в поисках снайпера — луч, словно стеклянный щуп, шарил в бассейне. Фрэнк, задержав дыхание, выстрелил снова и отступил за колонну. Фейерверк ярко-зеленых искр, металлический лязг и грохот...

Грохот затих. Минута настороженного ожидания. Слышно, как в воду шлепаются капли. Луч прожектора запрокинулся кверху и теперь, строго вертикальный и неподвижный, как мраморный обелиск, бессмысленно светил в зенит. Фрэнк снял ботинки, выплеснул воду, обулся, пере-

прыгнул на ближнюю цепь. Подниматься по звеньям было удобно.

На верхушке колонны он обнаружил массивный кронштейн, в котором был закреплен барабан с большими ржавыми зубьями. Тяжелые нити цепей поднимались на барабан, огибали его по желобам зубчатых блоков и, провисая над водой, тянулись в противоположном от набережной направлении. Полумрак, сгустившийся там почти до полной непроницаемости, не позволял разглядеть, куда вела «дорога трех цепей», и Фрэнку это не нравилось. Однако он понимал: ожесточенный поединок с грибовидной шароглазой тварью — верный признак того, что по набережной его не пропустят.

Цепи были натянуты неравномерно. Чего уж проще: топай себе по нижней цепочке, а за ту, которая выше, придерживайся для страховки рукой... Но хождение по цепям оказалось делом настолько своеобразным, что Фрэнк быстро взмок от усердия и, раскачиваясь над водой, дивился собственной самоуверенности. Именно потому, что цепи натянуты неравномерно, амплитуды их качаний не совпадали, и приходилось тратить много усилий, чтобы не потерять под ногами опору. Ближе к середине прогиба «веселая» качка перешла в беспорядочную болтанку. Фрэнк посмотрел вниз. Темно... Кроме желтовато-серой полосы, пересекавшей черный бархат пространства перпендикулярно «дороге цепей», ничего не видно. Это скорее всего задняя стенка бассейна, отражавшая тусклый свет набережной. Или общая стенка двух смежных бассейнов?.. Пробираясь над полосой, Фрэнк почти был уверен, что слышит тихие всплески.

Толчок снизу был неожиданно сильным, как залп аварийно-спасательной катапульты. Перевернувшись в воздухе, Фрэнк, падая, успел ухватиться за звенья одной из цепей. Повис. И только теперь сообразил, что случилось. Цепи двигались. Двигались шумно и резво, увлекая его в темноту.

Лязг и скрежет напомнили Фрэнку, что дело может окончиться зубчатым барабаном. Или чем-то похуже... Что могло быть хуже ржавых шипов, он доискиваться не стал — времени для размышлений не было. Левой рукой он выхватил нож, посветил вниз. Догадка о смежных бассейнах, к его облегчению, подтвердилась,— вода!.. Ничего другого не оставалось, как отбросить в сторону фонарик-нож, разжать пальцы и...

Фрэнк вынырнул на поверхность, выплюнул воду, поискал глазами огонек фонарика: рукоятка сделана из пено-

пласта, поэтому нож должен был всплыть... Должен был... Мрак стоял плотной стеной, ни единого проблеска. Спасибо, хоть вода прохладная и, судя по вкусовым ощущениям, чистая.

Фрэнк немного проплыл наугад, остановился. Он чувствовал: в бассейне что-то происходит. Неясный, приглушенный гул, шипение, уже знакомые всплески, бульканье... Из-за скрежета и лязга проклятых цепей разобраться в хаосе странных и не очень громких созвучий было трудно. Фрэнк подосадовал на себя за то, что так легкомысленно понадеялся на плавучесть ножа — темнота начинала действовать ему на нервы. Он даже нырнул с открытыми глазами, чтобы проверить, не светит ли крохотный огонек где-нибудь в глубине. Абсолютная тьма...

Вынырнув, он уже не услышал лязга и скрежета — цепи остановились. Источник гула, шипения, бульканья явно приблизился, но не стал от этого более понятным; странные звуки сливались теперь в однообразный ровный шум. Фрэнк терялся в догадках. Он вдруг ощутил, что его подхватило и понесло куда-то быстрое течение. Встревоженный и удивленный, он чуть промедлил, не зная, что предпринять. Чтобы выиграть время, он поплыл против течения, но скорость воды стремительно возрастала (он это чувствовал), и ему поневоле пришлось вступить с потоком в серьезную схватку. В какой-то момент показалось, будто из темноты надвигается пенистый вал. Фрэнк инстинктивно отпрянул, попытался рывком уйти от захлеста. Понял свою ошибку и прекратил бесполезное сопротивление. Никакого «пенистого вала» не было. Была воронка водоворота...

В водяную ловушку Фрэнк попался впервые, однако довольно отчетливо представлял себе физический механизм ее действия.

Для пловца, затянутого водоворотом, практически существует одна возможность спастись: не изнуряя себя в неравной борьбе, пойти ко дну. У самого дна круговой ток воды сжимается, ослабевает, и пловец с хорошим самообладанием имеет немалые шансы быстро покинуть опасную зону и всплыть достаточно далеко от воронки. Те, кто расчетливо погружаются, чтобы спастись, как правило, выживают. Все зависит от гибкости человеческой психики. Но если имеешь дело с водоворотом в бассейне... Здесь едва ли не все зависит от диаметра и длины трубы водосброса, у входа в которую и образуется мощный водоворот.

Крутящийся поток буйствовал, брызгал пеной в лицо, норовил захлестнуть. Фрэнк чувствовал близость центра во-

ронки и старался выровнять дыхание. Он знал, что способен продержаться без воздуха ровно три минуты, и при любых обстоятельствах не был намерен сокращать этот скудный запас жизненно важного времени хотя бы на одну секунду.

Воронка чмокнула, заглатывая добычу. Фрэнк вскинул руки над головой, погрузился в бешеную круговерть...

Путь по трубе водосброса был, к счастью, недолог: сумасшедший поток с минуту шумно буравил тьму, затем выплеснул свою жертву куда-то в наполненное синим светом пространство и, напоследок обрушив на Фрэнка многотонные массы ревущей воды, неожиданно успокоился.

Ошеломленный Фрэнк медленно всплыл на поверхность. Сощурил глаза, привыкая к прозрачному ультрамарину. Первое, что он увидел отчетливо, была лесенка, прикрепленная к стенке бассейна...

Фрэнк взошел по ступенькам, снял портупею с оружием, опустился на парапет. Лег на спину и, расслабив мышцы, окинул взглядом ультрамариновый прямоугольник потолка.

Металлическая облицовка парапета приятно холодила затылок, потолок покачивался. Фрэнк смежил веки, чтобы не видеть этого покачивания. Удивительно устроен человек. Кажется, сейчас ничто не в силах заставить его шевельнуться, несколько минут неподвижности — вопрос жизни и смерти, не меньше. Но, явись такая необходимость, он встанет, измученный, мокрый, вернется в исходную точку и снова проделает тот же путь на втором или третьем дыхании. На четвертом, пятом, шестом... Пока не рухнет ультрамариновый потолок.

Под сомкнутыми веками покачивалось море синеватой мглы, и Фрэнк позволил себе погрузиться в чуткую полудрему.

Мягкие губы знакомо пощекотали предплечье.

— Ты? — беззвучно спросил он.

— Я,— ответил Звездный олень.

На широко раскинутых дивных рогах капельный блеск незнакомых созвездий. Это было печально и уже не тревожило так, как тревожило раньше.

— Ты да я... Обмен весьма содержательной информацией.— Беззвучные ленты фраз чайками падали в темную с просинью глубину.

— Что скажешь, верный товарищ?..

— Попутчик,— поправил Звездный олень. Выпрямил шею, словно смотрел далеко в прозрачную ночь.— До-

рожный попутчик из твоего румяного детства... Ты возмужал, поумнел. Научился бездумно орудовать бластером.

— Бездумно?

— Не нравится это слово? Возьми другое: бесцельно. Тоже не нравится? А хочешь знать почему?

— Да, любопытно.

— Потому, что постоянно чувствуешь себя участником глупейшего аттракциона. И здесь и там, наверху. Ты не обиделся?

— Нет.

— Прости, сегодня я откровенен.

— Спасибо. Однако ты упускаешь из виду одно обстоятельство.

— А именно?

— Видишь ли, самое скверное не то, что приходится орудовать бластером на полигонах невежества. В конце концов, это частность...

— Я говорил об иллюзорности выдуманной цели вообще.

— А я беру шире и говорю о тупиках человеческих представлений. Понимаешь?.. Люди неплохо знают себя в пределах Земли. Много хуже — в пределах Системы. Но в звездных масштабах... Там Абсолютная Неизвестность. И против нее нет у нас философского иммунитета. Против неожиданностей космоса иммунитет просто немыслим... Наше лихое стремление к якобы романтичным и якобы дивным мирам постепенно сходит со сцены. Мы слишком рано придумали для себя место в Галактике. Теперь же, увязнув в труднейших делах освоения Солнечной системы, мучительно размышляем: какое такое место нам уготовила в своих пределах сама Галактика... Мы в тупике. В глухом тупике собственных представлений...

Веки дрогнули — синяя тьма озарилась длительной вспышкой. В зале включили белое освещение.

Со стороны набережной раздались шаги. Кто-то приблизился и со стуком поставил что-то твердое на парапет. У самых ног послышался тихий скрежет. Фрэнк приподнял голову и, щурясь от непривычно яркого света, посмотрел поверх собственных ботинок. Это был Вебер. Сидя на парапете, Вебер сосредоточенно вспарывал жестянку с пивом. У него было красное от загара лицо, на носу и щеках шелушилась кожа.

— Устал? — спросил он, однако не отвлекаясь от дела.

Фрэнк не ответил. Нащупал затылком прохладное место и обозрел потолок. Теперь потолок был белого цвета и в смысле своей естественной неподвижности выглядел благополучно. В тишине приятно скрипела жестянка.

— Ничего... Двадцать минут пассивного отдыха, теплый душ, сухая одежда — и снова будешь в отличной форме.— Вебер со скрежетом отодрал крышку от банки: — Пей.

— Кажется, ты мне сочувствуешь, Мартин? — Фрэнк поочередно поднял ноги, чтобы вытряхнуть из ботинок воду.

— Нет, я тебя поздравляю. Как ты догадался, что проще всего уничтожить шары?

— Это старо, как... Ладно, догадался, и все тут.— Фрэнк сел и потянулся к банке. Пиво было отличное, с привкусом поджаренных орехов, но слишком холодное.

— Если бы ты промазал или выстрелил в корпус кибера, мы устроили бы тебе хорошую баню,— доверительно сообщил Вебер.

— Тоже верно. Зачем размениваться на мелочи вроде пожаров, эльвы, средневековых цепей на барабанах с шипами...

Помолчали, Фрэнк машинально взбалтывал пиво и пил небольшими глотками. Вебер смотрел на его руки: ему показалось, будто руки Фрэнка дрожат.

— Я шел последним? — полюбопытствовал Фрэнк.

— Предпоследним. За тобой идет Эгул. Неплохо идет — он сейчас в кольцевой галерее, сражается с пеной. Мур Баркман не смог пройти эльву, трое засыпались на перестрелке. Хак прошел, но утопил бластер. Чисто прошли пока только Дуглас и ты. Как тебе понравился водоворот?

— Водоворот? Было слишком темно... Но я тебе благодарен.

На лице Вебера отразилось неудовольствие.

— Хотя бы за то,— продолжал Фрэнк,— что ты не догадался запустить в бассейн живых аллигаторов. Кстати, я нож потерял. Вернее, некстати.

— Нож вынесло через трубу водосброса. Стоит тебе сейчас плюхнуться в воду, и «средневековый» инструмент снова будет у тебя в руках.

Фрэнк свесился с парапета и посмотрел вниз. Нож плавал у самой стенки.

Вебер стал раздеваться. Заметив, что Фрэнк внимательно на него смотрит, пояснил:

— Хочу освежиться, пока ты будешь занят в душевой.

Вебер вспрыгнул на парапет. Изготовился для прыжка в бассейн, но задержался.

— И вот еще что...— сказал он, не оборачиваясь.— К вопросу об аллигаторах. Если ты испытываешь потребность упражнять свое остроумие, то при чем здесь Вебер? Я тренирую ваши мышцы и нервы. Но кто сказал, что в мои обязанности входит тренировка вашего интеллекта?

Эхо разнесло по залу шумный всплеск.

«Действительно,— подумал Фрэнк,— при чем здесь Вебер, если ни в какие ворота не лезет сама система...»

От нечего делать Фрэнк знакомился с географией облысения черепа пятидесятилетнего человека. Фрэнк не рискнул бы причислить это занятие к категории достаточно развлекательных, но он был выше Вебера на целую голову, а кабинка цилиндрического лифта была для двоих слишком тесной.

Внизу что-то щелкнуло, кабинка вздрогнула, остановилась. Закругленная стенка раздвинулась — в дверную щель заглянула серо-зеленая мгла, пахнуло прохладой. Вебер шагнул за порог, постоял — руки в карманах. Свет из кабинки освещал его сзади, шея и обнаженные локти на фоне зеленоватого полумрака казались неестественно красными.

— Могу ли я считать кабину свободной? — осведомился Фрэнк.

— Лифт мы использовали до конца. Я проведу тебя на эскалатор. Это недалеко. И потом... ты мне еще нужен.

Фрэнк вышел. Оглянулся на лифтовый ствол. Над сферической крышей кабины угадывались очертания механизмов подъемника.

— Скользящая подвеска,— Вебер кивнул на темные перекладины ферм.— Трубы лифтовых стволов можно двигать с места на место. Да и не только трубы... Хозяйство сложное.

Скользящая подвеска Фрэнка не заинтересовала.

Они шагали по бетонированной платформе вдоль светящейся серо-зеленой стены. На платформе уложены рельсы. Было очень сыро, холод пронизывал до костей. Фрэнк старался обходить большие лужи, ежился и чувствовал, что скоро начнет дрожать и лязгать зубами,— летний костюм не мог защитить от леденящего сквозняка. Оголенные до локтей руки Вебера покрылись пупырышками.

— Нельзя сказать, что у тебя за кулисами слишком уютно,— проворчал Фрэнк.

— Кулисы гораздо ниже. А здесь у нас кухня, где готовится весь реквизит.

На ходу Вебер вынул из кармана паллер и, перехватив левой рукой за короткий тупоносый ствол, не глядя, протянул Фрэнку:

— Держи.

Фрэнк машинально принял оружие. Это был небольшой, но довольно увесистый импульсный лучемет в керамической облицовке — рукоятка удобно лежала в руке. «Заряд трехразового действия»,— подумал Фрэнк.

— На всякий случай,— пояснил Вебер.— Возможно, тебе придется отразить внезапную атаку.

Если Вебер говорит «возможно», с этим надо считаться. Фрэнк сунул паллер в карман.

Засмотревшись на серо-зеленую стену, Фрэнк въехал в лужу ногой, брезгливо отряхнул ботинок. Сначала стена показалась ему покрытой светящимся пластиком, но потом он заметил резвую струйку воздушных пузырьков и понял, что стена стеклянная и все это сооружение — огромный аквариум. Фрэнк приотстал. В мутноватой глубине аквариума он разглядел большое желтое колесо с выступающими по ободу спицами и черными лопастями...

Где-то пронзительно взвизгнул металл. Фрэнк оглянулся. Вебер стоял на краю платформы и, потирая озябшие локти, смотрел вниз. Фрэнк подошел и тоже посмотрел вниз.

На дне бетонированного котлована поочередно вспыхивали разноцветные столбы. Их было восемь, они стояли ровным рядом: молочно-белый столб, за ним все остальные — семь цветов радуги. Возле столбов расстилалась идеально ровная площадка, размерами с хоккейное поле, а вокруг были навалены горы песка. В песке копошилась гусеничная машина с кузовом, организованно сновали небольшие жуки-автоматы. Вспыхивал белым сиянием первый столб — гусеничный автопогрузчик, урча, приближался к площадке и покрывал ее слоем песка, опоражнивая кузов через шипящий и извивающийся рукав со щелевым наконечником. Белый столб угасал, вспыхивал красный — на площадку спешили отряды «жуков» и ровняли песок; зажигался оранжевый — другие «жуки», с непомерно раздутыми брюшками, наползали в челночном порядке, заливая песчаный прямоугольник темной и остро пахнущей жидкостью. Волна неприятного запаха быстро достигла края платформы.

Фрэнк отшатнулся.

— Для чего этот слоеный пирог?

— Для кого,— поправил Вебер.— Собственно, для вас.

По кусочку на всю вашу братию... Придет время — узнаешь.

Металлический визг повторился. Вебер продолжал смотреть вниз, но Фрэнк был убежден, что звук идет не из котлована. Визг этот послужил сигналом к зарождению лавины звуков — шорохов, скрежета, рокота, хруста... Бетонный монолит платформы дрогнул, мышцы Фрэнка рефлекторно напряглись — поблизости рухнуло и раскололось что-то очень тяжелое. Грохот обвала прокатился гулкими раскатами беспорядочного эха.

— Морозильники сбрасывают лед в соседний котлован,— сказал Вебер.— Следующий ваш полигон будет с красивым названием: «Ледовые грезы»...

Над гребнем стены, разделяющей котлованы, выросло облако снежной пыли.

Фрэнк промолчал.

— Пойдем. Становится прохладно.

Они пересекли платформу по диагонали, торопливо прошли мимо наклонных люков, заиндевелые крышки которых напоминали о близости морозильных камер, свернули в узкий коридор со стеклянным потолком — сквозь матовое стекло свободно проникал слепящий ртутно-белый свет. В конце коридора журчала, поскрипывая ступеньками, коричневая лента эскалатора. Вебер галантно посторонился, пропуская Фрэнка вперед.

Наверху было гораздо теплее. Коричневая лента вползла в просторный тамбур. В отличие от неуютных нижних помещений, где все дышало непостоянством театральных декораций, тамбур выглядел стационарно и благоустроенно. Ни одной кабинки в лифтовых стволах, однако, не было — стеклянные трапеции дверей светились чистым аквамарином.

— Нулевой этаж,— подсказал Вебер.— Отсюда вы начинаете полигон. Идем, покажу.— Вебер поднял руку. Повинуясь жесту, участок стены с мягким шелестом утонул в образовавшемся проеме.

Фрэнк почувствовал неудовольствие. Он устал, и все это начинало его раздражать. Вебер ускользнул в проем. Фрэнку больше ничего не оставалось, как последовать его примеру. Они вошли в помещение, примечательное, пожалуй, лишь голыми стенами.

— Узнаешь? — спросил Вебер.

— Нет,— ответил Фрэнк, наблюдая, как зарастает выход. Угроза Вебера все еще оставалась в силе, и надо было правильно оценить обстановку.

Фрэнк перевел взгляд на потолок. Понял, что находится в коридоре, через который сегодня утром выходил на полигон. В потолке темнело отверстие лифтового колодца — единственный вход сюда, известный участникам полигона — «реалигентам». В цилиндрической кабине они спускались в этот коридор по одному (реже — по двое) и, проверив снаряжение, уходили выполнять придуманные Вебером задания. Коридор вел их в неизвестность. Сейчас он никуда не вел, его перекрывала глухая стена. Утром этой стены не было.

— Кстати...— проговорил Вебер.— Давно хотел спросить, за каким дьяволом вы расстреливаете наши следящие телефотеры и телемониторы? Чем они вам мешают?

— Дыроглазы? — изобразив на лице любопытство, уточнил Фрэнк и подумал: «Значит, попал!..» — Откуда нам знать, что это телефотеры? Сам же привил нам «реакцию на опасность». Теперь недоволен?

— Брось врать — не умеешь,— проворчал Вебер.— Вижу я вашего брата насквозь. Зубы мне заговаривать!..— Вебер рассеянно озирался. Словно бы чего-то ждал.

Фрэнк поглаживал в кармане рукоятку паллера и тоже ждал неизвестно чего и думал: «Кто кому тут заговаривает зубы?..»

Все произошло очень быстро. Фрэнк находился в состоянии готовности, но такого удара по нервам предвидеть не мог: откуда-то выскочил взъерошенный красно-черный клубок — пронзительный визг, хрюканье, осатанелый лай. Клубок шарахнулся под ноги. Вебер отпрыгнул. Фрэнк тоже отпрыгнул и выстрелил. Вместо выстрела — пневматический выхлоп. Воющий клубок промчался мимо, вычертил в воздухе красно-черный зигзаг и скрылся в отверстии колодца... Вой стих. В воздухе остался запах озона.

Вебер чуть ли не с силой отобрал у Фрэнка паллер. Открыл тыльную часть ствола, выдвинул обойму фиксатора, прищурясь, заглянул в окошечко призмы.

— Удачный выстрел. Поздравляю.

— Не с чем,— тихо ответил Фрэнк.— Это случайно. Я стрелял наугад.

— Все в порядке.— Ударом ладони Вебер вогнал обойму на место, захлопнув казенник ствола.— Если ты способен метко отразить атаку раньше, чем успеваешь осмыслить ее, мои усилия не пропали даром.

— Не пропали. Сначала метко стреляем, потом смотрим в кого. А по какому поводу — это уже не имеет значения.

Вебер постоял, почесывая рукояткой паллера подбородок.

— Все в порядке,— повторил он.— Можешь себе философствовать сколько угодно, но стреляешь ты автоматически. И очень неплохо. Никто не посмеет назвать мою школу... Впрочем, тебя это мало касается, умник.

Он повернулся к стене:

— Джимми, сделай нам выход!

В стене образовалась темная щель. В бархатной темноте ничего не было видно, кроме горизонтального пунктира красных огней.

Вебер подтолкнул Фрэнка под локоть:

— Входи. Из вашей братии ты единственный, кто сможет похвастать, что был у меня в операторской. Да еще во время работы полигона.

Фрэнк это знал.

— Вот как,— пробормотал он.— Он ваших щедрот, так сказать.

— Ну... если угодно. В качестве извинения за бассейн, где ты опасался встретить живых аллигаторов. Ведь опасался, а?

Фрэнк промолчал.

2. *Коллеги*

В операторской оказалось светлее, чем Фрэнк ожидал,— просто стены, пол, потолок помещения были покрыты черным светопоглощающим материалом. Блики от многоцветных экранов, табло сияли на рукоятках аппаратуры маленькими полумесяцами, создавая занятный геометрический узор, будто капли росы на узлах сплетения нитей невидимой паутины. В самом центре «паутины» перед широким экраном типа «Стереоспектр» маячила фигура очень высокого тощего человека. «Шест на ходулях»,— окрестил его Фрэнк про себя.

Трое других операторов были заняты чем-то у малых экранов плоского типа, скрытых наполовину козырьками нарамников. Лица упрятаны под ажурные забрала мускулопультов, впечатление такое, будто к лицу человека присосалось металлическое насекомое величиной с паука-птицееда. Техника тонкая. Бровью повел — кто-то на полигоне в люк провалился, рот приоткрыл — мощный водоворот. Подмигнул — выстрел, поморгал — серия... Эффектным дополнением к забралам мускулопультов были розовые удлиненно-выпуклые крышки наушников — от

висков к подбородкам. Ни дать ни взять огромный двусторонний флюс. Чутко слышу, ясно вижу, с тобой, простофиля, все, что угодно, сделать смогу... Нет, как бы там Вебер не возмущался, а потягаться с дыроглазами на равных — дело почтенное.

Вебер толкнул гостя в кресло, сам плюхнулся в соседнее, тихо спросил:

— Пива хочешь?

Фрэнк моргнуть не успел, как уже держал в руке высокий стакан с белой шапочкой пены.

— Будь здоров, Фрэнк.— Вебер налил себе и поднял стакан.

— Будь здоров, Мартин.

На большом экране возникли скелеты решетчатых ферм.

— Алло, Джимми! — позвал Вебер.

Джимми приблизился. При ходьбе его ноги почти не сгибались в коленях — иллюзия, будто он на ходулях, была просто неотразимой.

— Главный режиссер полигона,— представил Вебер своего помощника.

Фрэнк пожал неудобно-плоскую ладонь главного режиссера.

— Рад вас приветствовать,— сказал Джимми.— Вас я знаю давно. Вы, как правило, плотно проходите полигон, с вами легко работать.

— Что значит «плотно»? — спросил Фрэнк.

— Этот не совсем удачный термин включает в себя перманентную множественность понятий...— Джимми сделал движение головой, словно ему давил воротник белоснежной рубашки.— В сущности, полигон можно рассматривать как сложный комплекс методов тренировочного воздействия на психику реалигента. Однако практическая трансформация разработанных нами деталей сценария не всегда...— Джимми запнулся.— Вы меня хорошо понимаете?

— Да,— сказал Фрэнк.— На полигоне я действую довольно однообразно, и это вам на руку.

— Скажем иначе,— вмешался Вебер.— На полигоне ты действуешь рационально.— Он показал на экран.— Джимми, как случилось, что Эгул идет верхним путем?

— На взорванном участке набережной скопилось много металла... и, выбирая новую позицию, я неудачно поместил кибер-стрелка под противопожарным баком. Реалигент воспользовался этим — отстрелил крепления бака.

«Знай наших!» — весело подумал Фрэнк.

— Кибер, конечно, в лепешку? — спросил Вебер, отодвигая стакан.

— Нет, до такой степени кибер-стрелок не деформирован, но комплекс его функциональных возможностей теперь ограничен. Действия реалигента были для операторов неожиданными, нейтрализовать его реакцию не удалось.

— Неплохо,— одобрил Вебер.— Эгул в равной степени умело пользуется бластером и обстоятельствами. Но мне необходимо окунуть его в водоворот. Пожалуй, сделаем так...— Вебер что-то там забубнил про «малый дождик», про «универсальную лягушку», про «качающийся тандем». Джимми, склонившись над креслом, внимательно слушал. Его нос, похожий на остро заточенный томагавк, навис над лысеющим черепом Вебера, и это казалось опасным.

Получив инструкции, Джимми ушел. Посыпались отрывистые слова команд, в молчаливой компании операторов произошло заметное оживление. «Трое на одного»,— мысленно посочувствовал Эгулу Фрэнк.

— Не обращай внимания,— посоветовал Вебер.— Им не до нас.

Пили неторопливо, смакуя. Фрэнк признал вкусовые достоинства пива, но выразил опасение:

— Говорят, от пива брюхо растет.

— Ерунда,— проворчал Вебер.— Каждый день пью, а где у меня брюхо?

— Да, брюха у тебя нет. Брюшко. Спортивный животик.

— Ну, если сравнить с животиком нашего шефа... Кстати, напомни при случае Носорогу, что я давно не видел его на разминках. Подтянуть брюхо ему не мешало бы.

— Ладно,— пообещал Фрэнк, с наслаждением вытягиваясь в кресле.— Но вряд ли... Такого случая долго не будет. Шеф завален делами по горло.

— Я вижу, все вы там... по горло. Дисциплина ни к черту! Гейнц и Лангер пропустили два полигона, Кьюсак отметился в прошлый раз и сбежал, Хаст вообще куда-то запропастился. Что ж мне, начальству рапорт на вас подавать?

— Разморило меня...— томным голосом сообщил Фрэнк.— Мартин, все претензии — шефу. Плесни-ка еще... Говоришь, дисциплина? — Фрэнк дунул на пену, хлеб-

нул.— Там у нас тоже своя дисциплина, зря рычишь на ребят... они-то при чем? Дел у нас выше бровей. Гейнц, к примеру, висит на хвосте, Кьюсак и Лангер сушат болото. Хаст сушит где-то за горизонтом. Видимо, скоро вернется... Позавчера шеф и мне выдал перо на болото.

Вебер спросил осторожно:

— Болото хоть с блеском? Впрочем, судя по твоему настроению...

— Хороший ты психолог,— похвалил Фрэнк.— Я ведь на Корк-Айленд летал — какой уж там блеск!

— Не был я на Корк-Айленде,— с сожалением сказал Вебер.— Я, признаться, ни в одной зоне СК еще не был.

«Нам, бедным реалигентам, неслыханно повезло»,— подумал Фрэнк. Глядя на собеседника поверх стакана, сказал:

— И не мечтай. В зону СК тебя не пропустят... А если пропустят, то уже навсегда. Тебе ведь не хочется навсегда? — Фрэнк развлекался.— Ну зачем тебе в зону?

— Мне интересно.

— Н-да... Знал бы ты, как там интересно. В морге тебе интересно? Так вот, на Корк-Айленде еще интереснее.

— Неужели настолько... гм... неприятно?

— Неприятно — не то слово, Мартин. Ты что... действительно не знаешь?

— Откуда ж мне знать? Кое-что слышал, конечно. В самых общих чертах. Корк-Айленд, «Энорис». Зоны «полного отчуждения»... Ведь толком никто ничего не расскажет. Попрыгают, постреляют — и след простыл. Все новости мимо проходят. Будто и не в одной конторе работаем. Вот как-нибудь соберусь и выскажу все это шефу.

— Не советую.

— Что? Тайна великая?

— Нет, но все равно не советую. То, чего ты не знаешь, не сможет тебе повредить.

— Тебе повредило?

— Не сомневайся. Вояж на Корк-Айленд по меньшей мере на месяц вперед обеспечил меня кошмарными сновидениями.

— Да? Это уже любопытно.

— Кому как... В этом мире, знаешь ли, все относительно.

В глубине большого экрана что-то мелькнуло сверкающей полосой, грохнуло и разлетелось звонкими брызга-

ми. На фоне светлого пятна остывающего металла появилось искаженное гримасой лицо. Фрэнк с трудом узнал Эгула и стал наблюдать.

Эгул тяжело дышал. Дико озираясь, он смахивал пот с лица рукой с зажатым в ней бластером. Чаще всего он оглядывался назад, палил из бластера и спешил дальше. Во время бластерных вспышек Фрэнк видел его спину. Воротник куртки полуоторван, на спине зияла прореха. Эгул остановился, неожиданно выстрелил вверх, бросил оружие в кобуру, подхватил конец перебитого троса. Фрэнк понял, зачем ему это нужно, когда заметил, что по вантовым переходам и перекладинам ферм растекаются языки зеленого пламени. Металл горел. Подергав трос, Эгул откачнулся и прыгнул в темный пролет между решетками ферм. Пылающий трос плавно вычертил огненную дугу и, освобожденный от груза, вернулся на середину пролета, закачался в воздухе, роняя огневые капли. Далеко внизу едва виднелась плохо освещенная фигурка Эгула.

— Отлично!..— Вебер стукнул кулаком в ладонь.— Джимми,— крикнул он,— убери «дождик» и постарайся вытряхнуть Эгула ближе к воронке!

Эгул на чем-то висел. Изображение укрупнилось. Он висел, уцепившись руками за одну из трех знакомых Фрэнку цепей...

Самостоятельность, трудно добытая Эгулом в честном бою, на этом заканчивалась. Все остальное от личной инициативы его теперь никак не зависело. Водоворот и труба водосброса... Эгул вынырнул в зале с ультрамариновым потолком и, заметив удобную лесенку, спешно к ней устремился, демонстрируя неожиданно мощный и поспортивному очень техничный «дельфин». Шел, что называется, на гребне волны. Опасался, должно быть, очередного подвоха...

— Хорошо идет,— одобрил Вебер.— Красиво. Король полигонов!

Эгул взобрался на парапет, срывая на ходу мокрую куртку и портупею. Короля полигонов изрядно шатало...

Экраны погасли, на потолке проступили рыжие пятна неяркого света. Джимми адресовал Фрэнку прощальный кивок и ушел встречать Эгула. Операторы, сворачивая свое хозяйство, издали поглядывали на Фрэнка и чего-то там пересмеивались. Вебер сделал им знак удалиться. Помещение опустело, чуть слышно прошелестел убегающий лифт.

— Не торопишься? — Вебер наполнил стаканы.

— Нет.— Фрэнк посмотрел на часы и позволил себе приятно расслабиться.— Пока нет.

— Пока... Недавно ведь как было: утром сделал свой полигон — и катись на все четыре стороны, отдыхай.

— Что было, то было,— рассеянно ответил Фрэнк.— Но есть основания думать, больше не будет.

Вебер быстро взглянул на него:

— То-то я и смотрю: в последнее время засуетились...

— Давай о чем-нибудь другом,— попросил Фрэнк.— О чем это мы с тобой так интересно беседовали?..

— О Корк-Айленде.

— Дался тебе этот Корк-Айленд.

— Может, расскажешь подробнее?

— Расскажу. Но этого словами не... Это надо собственными глазами. А лучше бы и не надо... Ну остров. Хороший остров. Прочный, зеленый. В прежние времена, говорят, база там военная была, для подводных лодок-ракетоносцев... Крохотный городок. Тоже с виду обыкновенный. Веселенький такой, разноцветный. Пляжи роскошные... В общем, приятно с воздуха посмотреть. Ну сели. Прямо на крышу лечебно-экспериментального корпуса. Пилот двигатели остановил, дверцу кабины отодвинул и на меня странно так смотрит. Включил какую-то музыкальную звукозапись на полную мощность. «Я, говорит, лучше здесь посижу». «Чудак, думаю, вышел бы ноги размять перед обратной дорогой». Дело у меня было несложное, и через час нам надлежало снова на материк...

— Какое дело, если не секрет?

— Не секрет. Выполнял подстраховку одной гипотезы шефа согласно его хитромудрому императиву: «Отсутствие ожидаемого результата есть уже результат».

— Понятно...— Вебер хлебнул из стакана, вытер губы тыльной стороной ладони.— Зря, значит, летал?

— Нет, отчего же зря? В силу вышеупомянутого императи...

— Ладно, я понял. Сочувствую. Продолжай.

— Ну выпрыгнул я из кабины. В ушах... сам знаешь... после высоты и свиста двигателей этакая мутная неопределенность. Однако слышу: бьют барабаны. Бум-бу-бум, бум-бу-бум,— в таком вот ритме. Повертел головой — крыша просторная, ничего не видать, кроме верхушек деревьев и синего неба. «Что за черт, думаю, праздник у них какой, что ли? Нет, не похоже — ритм барабанного боя не тот. Под этот ритм праздновать разве что День

тоски и печали...» А барабаны лупят и лупят. Не по себе мне стало, мурашки по телу... «Так-так, думаю, не рановато ли я пилота в чудаки записал?» Потом уже, когда я с крыши спустился и синюков увидал, мне врачи объяснили про барабан. «Единственное средство,— говорят.— Больше ничего не помогает. Синюк,— говорят,— барабанному ритму только и подчиняется». Вот и лупят ночью и днем, без передышки. Особенно важно в лунные ночи... Бьют, конечно, не в натуральные барабаны, а просто транслируют звукозапись на всю территорию...

— Погоди, погоди! — Вебер недоуменно поморщился.— Синяк... это как понимать?

— Синяк? Посиневший кроповодтек от ушиба на человеческом теле. Хочешь, брюки сниму и покажу сегодняшний свежий синяк величиной с чайное блюдце?

— Ну этот... как его? А, черт! Синюк!..

— Синюк — дело другое.— Фрэнк пристально посмотрел в глаза собеседника.— Синюк — это свежий кровоподтек на теле нашей цивилизации. И не единственный, между прочим.

— Ладно, разницу я уловил. Только мне все равно ни черта...

— Про очаги «синего бешенства» на рудниках Венеры слыхал?

— Так это?..

— Да.

— И все шестьдесят человек?

— Да. Если их еще можно назвать человеками.

— А я полагал...

— Нет. Все уже на Земле. Корк-Айленд. Пятая зона СК, морской отряд военизированной охраны. От нас в двух часах летного времени. Зона «полного отчуждения»... Мы гуманисты.

— А какие гарантии мы...

— Гарантии? Я вижу, в тебе поубавилось энтузиазма быть гуманистом. Гарантии!.. Врачи утверждают, что неопасно. Иначе бы... Ну, словом, это не вирусное заболевание типа марсианского «резинового паралича». Это както там связано с вегетативной нервной системой, гормонами. Одни считают виновником неизвестный ядовитый газ, выделившийся из пирокластических пород на рудниках, другие — пыль какого-то редкого минерала...

— «Венерины слезы»? Прозрачный такой, с металлическим блеском?.. Ну который мы так поспешно изъяли из ювелирного обращения в прошлом году.

— Не знаю. Венерины, говоришь?.. Похоже, что наши.

Помолчали.

Вебер спросил:

— А синюки эти... что, совсем безнадежно?

Фрэнк помедлил.

— Изучают пока... По-моему, безнадежно. Ты бы вблизи на них посмотрел.

— И ты... с ними...

— Нет! — догадался Фрэнк.— Только через бетонную стену. Стекло и бетон! Я исповедую гуманизм, но... Да и никто бы мне не позволил. Крыша лечебного корпуса и кабинет главного медика зоны — вот и все.

— Как же тебе удалось?..

— Посмотреть? Главный медик, с которым я разговаривал, высветлил для меня наружную стену своего кабинета. Глянул я, да так и обмер. Пока смотрел, их несколько мимо проковыляло. Голые, синие... Их солнцем и воздухом лечат. Чем их там только не лечат. Головы безволосые, морщинистые, в буграх и шишках. Глаза навыкате, рты до ушей, будто улыбка с голубым оскалом. Движения какие-то куриные — судорожно-резкие, составленные из отдельных фаз. Кур видел? Очень похоже. Поворот головы, к примеру,— три-четыре фазы, не меньше... Ходят поодиночке, сутулясь. Ковыляют без устали, с какой-то жуткой настойчивостью. При этом руки чуть в стороны, ладонями вперед, будто все время ловят кого-то вслепую!.. В общем, дико смотреть. Понимаешь... цветы кругом, изящные коттеджи. Небо синее, море синее и эти... синие, как утопленники. Под барабанный бой. И еще, знаешь... качели там на площади, и на многих из них синюки... Аккуратно так. Рядами. Покачиваются...

Лицо у Вебера странно застыло, и Фрэнк пояснил:

— Ну... не качели, конечно. По-другому их там называют. Воздушные компенсаторы, что ли. Это когда на синюка находит, он начинает землю руками скрести, его, голубчика, на мягких лямках вздергивают. Подрыгает он ногами и успокоится. Через полчаса отпускают — гуляй. Дело, в общем, для тамошней медицины обычное. А вот в светлые ночи, особенно в полнолуние, медикам тяжело. Бывает, барабаны плохо помогают. Тут уж приходится синюков опасаться. Тогда их стараются всех... на эти... воздушные компенсаторы. А то и вниз головой... Тебе интересно?

Вебер что-то промычал в ответ.

— Понимаешь, Мартин... Это все, так сказать, иллю-

стративная сторона дела. Синюки, барабаны, воздушные компенсаторы... Существо дела гораздо сложнее. И проще... Диалектика, одним словом. Наша предприимчивая цивилизация вырвалась в просторы Солнечной системы, плохо себе представляя, во что это нам обойдется...

— Твоя диалектика? — полюбопытствовал Вебер, промокая салфеткой влажный лоб.

Фрэнк, свободно вытянувшись в кресле и заложив руки под голову, некоторое время разглядывал потолок.

— Нет,— сказал он.— Диалектика бытия. Нашего с тобой сегодняшнего бытия.

Хотел добавить «...и завтрашнего», но воздержался. Подумал: на кой черт все это надо? То есть на кой черт все это Веберу? Нервы у него в порядке, прекрасное пищеварение, отличный сон, вот его диалектика. В конце концов, Веберу наплевать на Корк-Айленд, «Энорис» и на все остальные зоны СК, вместе взятые. И цена, которую надлежит заплатить человечеству за вторжение во Внеземелье, лично его, Мартина Вебера, мало волнует. Две зоны «полного отчуждения»? Хоть двадцать две. Лишь бы гарантия, что неопасно. Ах, наука сегодня настойчиво ищет способы выйти в просторы Большого Космоса, к звездам?! И завтра, быть может... Ну что ж, придется удвоить, утроить сложность завтрашних полигонов. Вместо «малого дождика» — душ из напалма и раз в неделю прыжки с Ниагарского водопада. Нет, кто же спорит, платить настоящую цену за выход в звездные дали, конечно, придется, но... Как вы сказали? Две тысячи двадцать две зоны «полного отчуждения»? Треть человечества в плотном кольце спецкарантинной охраны?! Н-да, многовато... Но это, простите, забота потомков. Потомки... хе-хе... наверное, станут умнее и что-нибудь непременно придумают, сообразят. Как в прошлом — вы помните? — осторожные дети стали умнее отцов термоядерной бомбы...

— Ты прав,— нарушил молчание Вебер.— Освоили малую часть Внеземелья, практически только в пределах орбиты Юпитера, а уж хлопот полон рот. Что ни день, новый сюрприз...

— Освоили? — переспросил Фрэнк.

— Ну... во всяком случае, процесс освоения идет полным ходом.

— Ах, процесс!..

— А что? Как-никак по данным отдела Статистики нашего Управления на внеземельных объектах работает

шестьсот две тысячи человек. Не считая личного состава Объединенного космофлота Системы. Я постеснялся бы называть это «легким знакомством».

— Да, легким не назовешь. Особенно если учесть то, о чем мы с тобой говорили. А если и то, о чем не говорили...

Вебер молчал. Нетрудно было заметить, как отчаянно он пытается разобраться в логике собеседника. Фрэнк посмотрел на него и добавил:

— Условия спецкарантина, Мартин, меняются прямо на наших глазах. И весьма радикально. Два года назад ты что-нибудь слышал о зонах «полного отчуждения»? То-то... Сегодня Корк-Айленд, «Энорис» уже не в диковинку. Старый наш плакатный девиз «Осторожность не повредит!» превратился в отчаянный супердевиз «Осторожность, помноженная на осторожность!». Мы теперь возвели этот супердевиз в ранг безусловного принципа своего отношения к Внеземелью.

— И правильно сделали,— отрезал Вебер.

— Да. Но это верный признак растерянности. Это есть оборона. Мы начинаем защищаться, Мартин. Сегодня стекло и бетон. А завтра?

— Стекла и бетона хватит нам и на завтра.

— А, превосходно.

Фрэнк посмотрел на стакан. Пить уже не хотелось. Разговаривать тоже. Вебер ему надоел. Он ощущал себя достаточно отдохнувшим, чтобы уйти, но еще не настолько, чтобы это хотелось сделать немедленно.

Вебер спросил:

— Тебе на «Энорис» летать приходилось?

— Приходилось.

— Ну и что?..

— Ничего. Просто космическая оранжерея. Овощи, фрукты, цветочки... Помню, там был отличный ресторан, с красивым видом на созвездие Лебедя.

— Ресторан и я помню. Ну а потом?

— Потом? Комфортабельная космическая тюрьма для тех, кто подхватил на Марсе «резиновый паралич». Тюрьма, которую мы с присущей нам деликатностью именуем объектом СК-4. Или зоной «полного отчуждения» номер два, что, на мой взгляд, менее деликатно.

— Я спрашиваю: потом летать приходилось?

— Разумеется, нет. И знаешь, не сожалею.

— Я почему спросил, верно ли говорят, что у «резиновых паралитиков» кости гибкие, как эластик?

— Ерунда. Кости обыкновенные, твердые. А вот суставы, хрящи, сухожилия — те действительно... Мышцы как тряпки. Ведь его, паралитика, вчетверо можно сложить. Ему коленки можно свободно выгнуть назад, локти вперед, а голову повернуть почти вкруговую. Сверхгибкость. Видел, есть куклы такие — ноги и руки болтаются на резинках? Точная копия. Вернее, модель.

— А с этим у них...— Вебер стукнул себя пальцем в лоб,— полный порядок?

— Абсолютно. Заняты научной работой — большинство из них имеют отношение к институтам по мерзлотоведению и гляциологии. Уравновешены и спокойны, продолжают надеяться на скорое выздоровление. Даже чувство юмора в норме.

— Ладно хоть так... А медики что говорят?

— Разное говорят... Но тоже надеются. Работают в поте лица. Одни говорят, что вирус не наш, не земной, другие подозревают мутацию вируса гриппа... В общем, теперь на «Энорисе» целый научно-исследовательский комплекс. На двести больных гляциологов столько же, если не больше, врачей. Молодые дерзкие микробиологи готовы на все, лишь бы попасть на «Энорис». По счастью, излишняя дерзость сегодня не очень в почете.

— Охрана надежная?

— О, будь спокоен! И самое парадоксальное то, что наш респектабельный гуманизм здесь не терпит почти никакого урона. Ведь жить на Земле узникам этой тюрьмы физически неудобно. Им, беднягам, нужна невесомость.

— Прямо как в цирке...— Вебер качнул головой.— Синюки, барабаны. Орбитальные паралитики... На Земле становится слишком весело, а?

— Похоже, Мартин, скоро нам будет еще веселее.

— Ты серьезно так думаешь?

— Будем считать, что это продукт моего остроумия. На всякий случай, однако, нам не мешало бы пополнить запасы стекла и бетона. Сколько там у нас не занятых еще оранжерейных спутников типа «Энорис»?

— Где же, по-твоему, выход?

— Ценишь, значит, мое остроумие. Спасибо. Но лично я не знаю, где выход. И пока не знаю никого, кто знал бы.

— Но если это действительно так, то... То как будет дальше?

— Как в цирке,— рассеянно ответил Фрэнк.— Ведь сам говоришь: освоение Внеземелья идет полным ходом. Все правильно, так оно и есть. Человек шагает по сосед-

ним планетам или зондирует их с планетарных орбит. Чего ж удивляться, если у нас на Земле ковыляют синие синюки, а в небесах болтаются эластичные паралитики? Мы осваиваем Внеземелье — Внеземелье малопомалу осваивает нас... А почему бы и нет? Обратная связь.

Тишину операторской нарушил мелодичный писк. Фрэнк насторожился и поискал глазами звуковую колонку спикера внутренней информации.

— Внимание! — произнес женский голос. Писк прекратился. Кокетливо растягивая слоги, голос вещал: — Всем участникам операции «Черный след» объявлен сбор в инструкторском холле второго отдела. Повторяю...

— Это меня,— сказал Фрэнк, вздохнул и поднялся.

— Сядь,— сказал Вебер.— Любопытное дельце?

— Что?

— «Черный след».

— Не знаю.

— Я кое-что слышал...

— Что именно и от кого?

— Ну... это неважно.

— Неважно — помалкивай. Где тут выход на лифт?

— Сядь, я сказал. Поедешь с комфортом.

Фрэнк сел. Вебер мрачно посоветовал:

— Подними подлокотник.

Фрэнк приподнял, обнаружил миниатюрный кнопочный пульт.

— Тебе на семнадцатый?

— Да.

— Ну и чего копаешься? Ищи кнопку с цифрой «семнадцать». Сначала нажми белый клавиш. Стой! Скажи мне одно... Это очень опасно для парней, которые там?..— Вебер покрутил пальцем над головой, имея в виду, очевидно, весь контингент работников Внеземелья.

— Я сказал, что не знаю.— Фрэнк надавил клавиш. Пунктир красных огней сдвинулся в сторону, кресло тронулось и покатило в темную нишу.— Всего хорошего, Мартин. Встретишь Эгула, не забудь угостить его пивом!

— Ладно, отчаливай.

На семнадцатом этаже Фрэнк вышел из лифта и увидел широкую спину Барнета Лангера, который удалялся по коридору, наклонив голову вперед, будто намереваясь

таранить лбом одному ему заметную преграду,— эта его манера ходить всегда вызывала у встречных прохожих легкое замешательство.

— Салют, Барни! — окликнул Фрэнк.

Лангер живо обернулся, помахал рукой.

— Ого, ты пользуешься персональным лифтом Вебера! Премия за полигон?

— Нет. В качестве премии Вебер водил меня за кулисы.

— Впервые слышу такое от рядового реалигента.

— Почему рядового? Теперь я в фаворе у старика.

— Ах, вот даже как!..

Они поравнялись.

— Тебе удалось нащупать у Вебера слабую точку? — осведомился Лангер.

— Две. Первая — полигон, понятно. Старик спит и видит, как бы устроить нам пакость позамысловатее. Мне он устроил темный водоворот, и я в запале неосторожно подкинул ему идею запустить в бассейн живых аллигаторов...

— Мой полигон послезавтра,— задумчиво сообщил Лангер.— Под кодовым названием «Дичь». Если вместо вальдшнепа мне придется иметь дело с живым аллигатором, я с тобой рассчитаюсь.

— Мой полигон был под названием «Поплавок». Нанырялся я и наплавался до обалдения. Думаю, роль вальдшнепа придется исполнить тебе самому.

— Ну хорошо...— Лангер взял Фрэнка под руку и заставил сбавить шаг.— Вторая слабая точка Вебера?

— Жгучая любознательность.

— Ты меня развеселил!

— И тем не менее... Боюсь, я в этом смысле надолго испортил ему настроение.

— И поделом. Ему не следует совать свой нос выше нулевого этажа.

— Но мне его жаль. Он начинает подозревать, что с помощью средневековых цепей, ржавых ферм и современных огнетушителей моделировать варианты «космических неожиданностей» ему не под силу. Это гложет его... Вбил себе в голову, что обычных тренировок нам недостаточно. Ищет для полигонов некий универсум, посредством которого надеется привить нашему брату иммунитет против любых — любых! — сюрпризов Внеземелья. У меня духу не хватило сказать ему прямо, что задача неразрешима в принципе...

— Стоп! — сказал Лангер и действительно остановился.— В упаковке из умонастроения Вебера ты, кажется, преподносишь мне собственную мораль?

На мгновение у Фрэнка перехватило горло от ярости. Не против Лангера, нет. Скорее по поводу заколдованного круга мнимых двусмысленностей, в котором Фрэнк все чаще и чаще себя ощущал, когда в разговорах с коллегами вольно или невольно касался того, что его в последнее время тревожило. Он тоже остановился, взглядом окинул — сверху вниз — массивную фигуру товарища. Вспышка гнева угасла.

— Ну и что? — уже совершенно бесстрастно спросил он.

— Ничего,— Лангер заговорщически подмигнул.— Превосходный ты парень, вот что. Но как только ты принимаешься философствовать, у меня почему-то свербит в носу и возникает иллюзия умственного переутомления.

— Да, это у тебя не совсем нормально... Впрочем, надо же тебе с чего-то начинать.

Они стояли друг против друга, загораживая проход. Но, кроме них, никого в коридоре не было. Далеко в коридорную перспективу уходили матово-белые светящиеся полосы люминесцентного пластика вдоль стен и вдоль потолочных карнизов. Стены казались сплошными, о местонахождении дверей можно было лишь догадываться по вмонтированным в стены символическим фигуркам из нержавеющей стали; фигурки больше походили на украшения, хотя служили главным образом для кодового обозначения отделов. Прямолинейный коридор был только в этом крыле Управления, и только здесь, на семнадцатом этаже,— крыло просматривалось насквозь.

— Я знаю, что у тебя на уме.— Лангер сочувственно ткнул товарища кулаком в плечо.— Космос, дескать, щедр на сюрпризы, разбираться в которых с помощью лучеметов нехорошо, неэтично...

— Прежде всего непрактично,— вяло огрызнулся Фрэнк.

— Когда мы брали банду Меира Шлокера, это было практично,— напомнил Лангер. Он похлопал себя по шее в том месте, где розовел шрам от ожога.— Это было практично, потому что никто из бандитского экипажа «Черной жемчужины» не умел стрелять в условиях перегрузок так, как умеем мы. Даже сам Шлокер. Я выхватил бластер на четверть секунды раньше, чем это успел сделать он.— Лангер широко улыбнулся.

— Между прочим,— заметил Фрэнк,— наша контора называется «Западный филиал Международного управления космической безопасности и охраны правопорядка».

— Это так же верно, как то, что меня зовут Барнет Лангер. А тебя Фрэнк Полинг. А нашего шефа...

— Космической безопасности, Барни! Безопасность по отношению к неожиданностям Внеземелья! Я плохо знаю «дело Шлокера», но абсолютно убежден, что ликвидация банды на «Черной жемчужине» — это чистейшей воды акция по охране правопорядка!

Лангер поморщился:

— Не ори, у меня прекрасный слух. Мы с тобой поразному воспринимаем термин «космическая неожиданность», вот и все.

— Верно.— Фрэнк заставил себя успокоиться.— Юридическое образование не позволяет мне валить в одну кучу гангстеров Шлокера и, скажем, загадку «резинового паралича», скосившего добрую треть гляциологов Марса.

— Видишь ли, суть, наверное, не в терминах. И здесь я, пожалуй, с Вебером солидарен. Главная наша забота: суметь защитить человека от любых — любых! — неожиданностей Внеземелья, успеть вовремя стать между ним, человеком, и подстерегающей его всякой разной опасностью. Ведомой и неведомой.

— Это ваша забота, господа сверхчеловеки,— возразил Фрэнк.— Если, конечно, ты считаешь себя сверхчеловеком.

— Я считаю себя сотрудником оперативно-следственного отдела.

— О, мы, оказывается, коллеги.

— Да, если ты имеешь в виду штатное расписание.

— Ну это не так безнадежно, Барни. Тому порукой нивелирующая деятельность Вебера...

— Пойдем, коллега,— миролюбиво предложил Лангер.— Мне не терпится увидеть Хаста.— Он повернулся и чуть ли не бегом бросился вдоль коридора.

Фрэнк нагнал его двумя прыжками.

— Почему ты сразу не сказал, что Хаст вернулся?

— Для тебя это новость?

— Я слышал, что нас приглашают в инструкторский холл, но откуда мне было знать, по какому поводу. Ведь кроме тех нескольких слов, которые ты мне вчера...

— Кстати,— Лангер загадочно ухмыльнулся,— Хаст прилетел не один.

— С этим... из «диких кошек»? С Кизимовым?

Эмблема второго отдела — стальной хромированный трезубец. Лангер тронул среднее острие, шагнул в открывшийся проход.

— Нет,— сказал, входя следом, Фрэнк.— Готов держать пари — это не Кизимов. Скорее кто-нибудь из Восточного филиала.

— Точнее, шеф оперативно-следственного отдела Восточного филиала Сергей Никольский.

Фрэнк тихо присвистнул.

Они вошли в холл. Массивная мебель казенного образца и большое, во всю стену, залитое солнцем окно. Прямые лучи дробились на светорассеивающих ребрах верхней половины стекла, но ближе к окну лежал на полу жаркий солнечный прямоугольник. В прямоугольнике стояли четверо: носатый Вуд, белобрысый Альвен, Кьюсак и Гейнц. Компания щурилась и сосредоточенно смаковала через соломинки содержимое круглых, как елочные шары, бокалов. Гейнц был в огромных светозащитных очках и, несмотря на свой относительно небольшой рост, выглядел в них очень воинственно,— темная грива его волос живописно и дико топорщилась на затылке.

— Общий салют дегустаторам! — поздоровался Лангер.

Никто не ответил. Лангер понял, что продолжать в том же духе не стоит. Направился к бару, поднял крышку, влез туда по пояс, долго там копался и звенел стаканами.

Фрэнк подошел к молчаливой четверке. Заметил под глазом у Кьюсака желтый остаток недавно сведенного синяка.

— Судя по вашим физиономиям, надвигается пыльная буря.

— У тебя разыгралась фантазия,— мягко возразил Кьюсак.

— Это иногда бывает после вонючих подземелий Вебера,— добавил Гейнц.

Вуд принюхался.

— От него разит пивом! — объявил он.— Мы здесь уже одурели от водопроводной воды, а Полинг благоухает, как баварская пивоварня! Да еще возымел наглость обозвать нас дегустаторами!

— Дегустаторами обозвал нас Лангер,— вступился за Фрэнка Альвен, соблюдавший справедливость при любых обстоятельствах.

— Вуд, тебе придется обнюхать и Барни,— сказал Гейнц.

— Не советую,— прогудел Лангер из бара.— Я могу ненароком задеть его обонятельный орган, и ему придется отложить сегодня свидание с Кэт.

— Да,— согласился Вуд.— Риск не оправдан. Пусть его обнюхивает Носорог.

Снова молчание. «Вероятно, не знают?..» — подумал Фрэнк и, сунув руку в карман, нащупал жетон с выдавленной надписью «07. Черный след». Хотел было вынуть и показать, но раздумал.

— Кто-нибудь скажет мне наконец, что случилось? — не выдержал он.— Можно без шутовства, откровенно. Тем более что со вчерашнего дня я член вашей группы.

— Успокойся,— ответил Альвен.— Ничего особенного не случилось.

— Ничего особенного,— добавил Гейнц,— за исключением того...

Кьюсак деликатно наступил Гейнцу на ногу, закончил:

— ...За исключением того, что провалилась миссия Хаста.

— Вот именно,— заметил Фрэнк.— Будто вы всерьез надеялись на ее успех.

— Тем большая ответственность ложится теперь на твои тренированные Вебером плечи,— сказал Кьюсак.

Все четверо разглядывали Фрэнка в упор.

— Чего вы на меня уставились? — спросил он.

В холл вошли Гэлбрайт, Хаст и двое незнакомцев. Один из них — лет пятидесяти, суховат и строен, быстроглаз, но сдержан в движениях. «Никольский»,— догадался Фрэнк. Второй — хилого телосложения и совершенно лыс. В разгар знойного летнего дня одет в официально-строгий черный костюм. Длинное, по-стариковски обрюзгшее лицо выглядело утомленным. «Старый, заезженный конь,— подумал Фрэнк.— Но кто он, этот мумифицированный предок?..» Хаст плелся сзади, прижимая к груди большую синюю папку.

— Добрый день, парни! — произнес Гэлбрайт и сделал над головой судорожный взмах пухлой рукой, долженствующий обозначать фамильярно-теплое приветствие.— Прошу всех за круглый стол.— Его зеленоватые глаза окатили Фрэнка волной холодного и очень откровенного внимания. Это длилось мгновение, но Фрэнк это мгновение уловил и в полной мере прочувствовал.

За стол с полированной крышкой в форме овала сели Гэлбрайт и гости. Остальные лишь приблизились и встали полукругом за спиной шефа. Никольский сел рядом с Гэл-

брайтом, лысый старик занял скромное место в противоположном конце стола. Из бара вынырнул Лангер и, держа на весу два стакана с охлажденным напитком, оглядел собрание.

— Да, это кстати,— Гэлбрайт шевельнул бровями, и Лангер отдал стаканы гостям.— Итак, все в сборе?

Все были в сборе, но от рапорта воздержались, поскольку никто не знал, как расценивать обстановку.

— Прежде всего,— сказал Гэлбрайт,— я хотел бы познакомить вас с двумя участниками совещания, которые, не являясь членами нашей оперативно-следственной группы, имеют самое непосредственное отношение к операции «Черный след». Это наш коллега, представитель Восточного филиала Международного управления космической безопасности и охраны правопорядка мистер Никольский. Его субординарный ранг в точности соответствует моему. Второй участник...— Гэлбрайт покосился на старика,— временно я назову его мистером Икс, является научным консультантом. Он сам объяснит свою роль в конце совещания.

Мистер Икс вставил в ухо розовый шарик слухового аппарата и замер. Сгорбившись, он неподвижно и безучастно смотрел на блестящую крышку стола; глаза, полуприкрытые пленками бледных век, выражали усталость и равнодушие.

Фрэнк тоже ощутил усталость. В этом смысле *сегодняшний полигон не прошел для него даром.*

3. Черный след

Стараясь не привлекать к себе внимания, Фрэнк отступил за широкую спину Лангера, сел в кресло. Фраза Кьюсака об «ответственности» и «тренированных Вебером плечах» не выходила из головы. А собственно, что он хотел этим сказать?

— Первые сведения о «черных следах» мы получили неделю назад,— говорил Гэлбрайт, показывая Никольскому копии документов.— Отдел Наблюдения нашего филиала представил нам на рассмотрение вот это...

Никольский быстро прочитал предложенный картон.

— Сосед Эдуарда Йонге лично видел «черный след»? — У Никольского был громкий, но приятный голос, чем-то похожий на голос Лангера.

— Да, вот его показания. Обратите внимание на дату, когда он впервые заметил «черный след».

— Гм... давненько. Полтора года назад.

— Случилось это на следующий день после того, как Йонге поселился в окрестностях Сан-Франциско.

— То есть влияние местных условий практически исключено. Немаловажное обстоятельство.

— Которое нам позволило сразу отсечь земную ветвь подозрений. Дальше...— Гэлбрайт передал Никольскому очередной картон.

Совещание превращалось в деловую беседу двух спецов. Фрэнк взглянул на мистера Икс и не нашел никаких изменений ни в его позе, ни в выражении лица. Остальные ребята тоже исподтишка наблюдали за консультантом. Фрэнк видел, как Лангер наклонился к Хасту и, улыбаясь, шепнул ему на ухо что-то, должно быть, забавное. Хаст не был расположен шутить — определенно все еще находился под тяжестью впечатлений от восточной поездки,— и Лангер, махнув на него рукой, стал шептать на ухо Гейнцу. Гейнц оглянулся на старика, вздрогнул, поднял глаза к потолку — даже со спины было заметно, каких усилий стоило ему сдержать смех.

Перед Никольским и Гэлбрайтом вырос ворох пластмассовых листов (по традиции листы назывались «картонами»). Шеф прекрасно ориентировался в этом ворохе, разговор не замирал ни на минуту. Фрэнк старался слушать внимательно. Кое-что понимал. Кое-что... Черт бы побрал манеру шефа втягивать сотрудников в дело прямо с ходу, без подготовки! Вчера, в самом конце рабочего дня, забегает, дожевывая бутерброд, Лангер и, швырнув жетон издалека, мычит: «Перебирайся, малыш, в нашу группу. Шеф дает тебе выход на «черный след». Понял?» — «Нет. Это что за новость — «черный след»? Объясни толком».— «М-м... а дьявол его знает! Явление, которое... Спроси о чем-нибудь полегче».— «Ладно... Кто наследил?» Кивок снизу вверх, в пространство над головой. Розовый шрам от ожога на шее, ухмылка. Глоток и ответ: «Наши подопечные, понятно. Двое. Из бывших... «дикие кошки». Некто Йонге у нас под носом. Шустряк. Успел Кьюсаку глаз запечатать прежде, чем тот разглядел, с кем дело имеет, и в контакт не вошел... Ведь я говорил Носорогу: «Нужно меня посылать!» — «Где второй?» — «На востоке. Некто Кизимов».— «Тоже в контакт не вошел?» — «М-м... чего не знаю, коллега, того не знаю. И шеф не знает. Один Хаст знает, но он еще не вернулся... Так, жетон я тебе передал, с приказом по отделу ознакомишься этажом ниже. Салют!» Этажом ниже автомат-делопроизводитель, урча

и вздыхая, выдал узкую ленту: «ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ МУКБОП+ОПЕРАТИВНО-СЛЕДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ+ГЭЛБРАЙТ++СЧИТАТЬ ФР. ПОЛИНГА СОТРУДНИКОМ ОП.-СЛ. ГРУППЫ О7+ИНСТРУКТАЖ В РАБОЧЕМ ПОРЯДКЕ+++». Вот и все. Через пять минут лента рассыпалась в воздухе. Недоумение осталось.

Первый этап беседы закончился, и Фрэнк решил пересесть к столу. Его примеру последовали все, кроме Лангера, который добровольно взял на себя обязанности бармена.

— Материал добротный,— похвалил Никольский.— Я хотел бы еще раз взглянуть на послужной список Йонге.

Гэлбрайт протянул ему картон. Никольский внимательно перечитал документ и спросил:

— Вы уверены, что в отношении «черных следов» Кизимов аналог Йонге?

— Другими словами, есть ли у нас доказательства? Есть. А доказательства мы раздобыли... где бы вы думали? У себя под носом, в отеле «Эспланейд». Один из служащих отеля узнал Кизимова на фотоснимке и вспомнил, что наблюдал в его номере явление, которое мы называем «черный след».

— Когда это было? Я имею в виду «черный след» в «Эспланейде».

— Год назад. Разве вам не известно, что Кизимов встречался с Йонге? Взгляните на фотоснимок.

— Для меня это новость.— Никольский посмотрел предложенный картон.— Странный снимок. Такое впечатление, будто Кизимова и Йонге фотографировали вопреки их желанию.

— Так и есть. Их сфотографировали в полицейском участке морской зоны отдыха калифорнийского побережья. Ничего особенного: перевернули катер. Это фото украсило стенд общественного порицания на одном из самых модных пляжей. Нить, которая нам помогла обнаружить Кизимова и его причастность к «черному следу». А главное — дала нам понять, что «черный след» не является «монополией» Эдуарда Йонге.— Гэлбрайт озабоченно потер виски.— К тому же вчера дошли до нас новые сведения...

— Третье звено? — щурясь, спросил Никольский.

— Кьюсак, будьте добры!..— Шеф пощелкал пальцами, и Кьюсак подал ему длинный черный футляр.

Крышка пружинно откинулась. Фрэнк, подогреваемый любопытством, подался вперед. В футляре лежала само-

дельная тросточка в полметра длиной. Обыкновенная палочка из орешника, на подсохшей коре вырезан незамысловатый узор...

— Вы разочарованы? — спросил Гэлбрайт Никольского.

— Нет, я ожидал увидеть что-нибудь в этом роде. Кизимов тоже любил развлекать детвору поющими деревяшками. Пока не узнал, что его рукоделия ставят в тупик взрослых дядей из Управления космической безопасности. Простите, я, кажется, перебил вас.

Гэлбрайт взглянул на часы.

— У нас в запасе три минуты,— сказал он с видом человека, которому не дали произвести сенсацию, но который считает себя выше мелочных побуждений.— Я хотел продемонстрировать вам работу этой... этого... У меня не поворачивается язык назвать деревяшку прибором. Однако иначе не назовешь, поскольку она принимает телевизионные стереопередачи детской программы, хотя техническая экспертиза не обнаружила здесь решительно ничего напоминающего микросхему телеприемника. Биологическая экспертиза подтвердила: самое обыкновенное дерево, канадский орешник, без каких бы то ни было изменений микроструктуры коры и древесных волокон. Но обыкновенное дерево с обыкновенными волокнами, совершенно не согласуясь с авторитетным мнением экспертов, продолжает работать как телевизионный приемник. И через три... впрочем, уже через две минуты желающие смогут убедиться в этом воочию.

— Кто автор... э-э... деревянной конструкции? — задал вопрос Никольский.

— Довольно известный в прошлом космодесантник. Из тех, чей послужной список мало чем отличается от послужных списков Кизимова, Йонге.— Гэлбрайт поискал глазами Фрэнка, добавил: — К тому ж он приходится родственником одному из сотрудников нашего отдела.

Фрэнк обмер.

— Да, Полинг, я говорю о Нортоне. Дэвид Майкл Нортон — муж вашей сестры Сильвии Нортон, урожденной Полинг, не так ли?

Фрэнк медленно осознавал ошеломительную новость.

— Дэвид Нортон!..— с каким-то странным удовлетворением проговорил Никольский. Взгляды присутствующих оставили Фрэнка и обратились к нему.

— Я вижу, это имя произвело впечатление не только на Полинга,— заметил Гэлбрайт.

— Признаться, да.— Никольский был очень доволен и не пытался этого скрыть.— Я, грешным делом, ожидал услышать другое имя...

— Любопытно.— Кустистые брови Гэлбрайта сошлись к переносице.— Не буду вас интриговать: никакими другими сведениями мы пока не располагаем. Йонге, Кизимов и Нортон — это все, о ком мы более или менее доказательно можем беседовать с вами по вопросам загадки «черного следа». Материалы, делающие беседу доказательной, перед вами. Это все, что я могу вам сказать в ответ на ваше ожидание.

— Не так уж и мало, Гэлбрайт. Будет ли этого достаточно, покажет сравнительный анализ, на который я очень надеюсь.

— Я тоже. Особенно если у наших коллег из Восточного филиала найдется некое существенное дополнение к тем сведениям, с которыми вы, Никольский, ознакомились и которые достаточно высоко оценили.

— Дополнения будут. Дело вот в чем. Третье звено овеществилось для вас в лице Нортона, для нас в лице Лорэ. Космодесантник в отставке... Впрочем, просматривая списки бывших космодесантников, вы наверняка это имя встречали. Не станете же вы меня уверять, что «открыли» Нортона чисто случайно?.. Но как бы там ни было, идея совместного обсуждения операции «Черный след» дает хорошие виды на урожай.

В холле повисло молчание. Все ждали, что скажет шеф. Фрэнк встретился глазами с мистером Икс. Старик внимательно его разглядывал, и Фрэнку стало не по себе. Заметив, что Фрэнку не по себе, старик перевел взгляд на футляр.

— Добрый день, малыши! — негромко, но весело поздоровался черный футляр, и над столом замелькали прозрачные образы, бледные и почти непонятные, как уличные отражения в стеклах витрин. Деревянный телеприемник приступил к демонстрированию своих изобразительных возможностей.

— Та-ак...— сказал шеф.— Действительно, урожай.

— Меня зовут Р-руби,— жизнерадостно донеслось из футляра.— Смотрите, какие у меня кр-расивые пер-рышки! Мой бр-рат...

Гэлбрайт захлопнул крышку футляра, собрал документы.

— Йонге, Кизимов, Нортон, Лорэ...— произнес он, складывая листы в аккуратную стопку.— Кто они, эти четверо?

Товарищи по несчастью? Изуродованные космосом люди? Нелюди? Безопасные для нашей планеты или потенциально опасные?.. От решения этих вопросов, быть может, зависит судьба человечества. Я произнес громкую фразу, но до тех пор, пока не будет строго доказана ее излишняя высокопарность, она остается в силе. На четырех примерах ясно: мы имеем дело с непонятной для нас реконструкцией природных свойств человека...

Фрэнк обвел взглядом лица присутствующих. Лица были суровы — каждый чувствовал свою ответственность за судьбы человечества. Кроме, пожалуй, Никольского и лысого старика. Старик дремал или делал вид, что дремлет; Никольский рассеянно помешивал соломинкой лед в стакане.

Фрэнк понимал: предстоит скорая встреча с Дэвидом. Ясно как день. И встреча не будет приятной — тоже совершенно ясно. После сообщения Гэлбрайта Фрэнк чувствовал себя в дурацком положении. Если не хуже. Он частенько бывал в семье своей старшей сестры и не мог бы сказать, что встречи с Дэвидом Нортоном вообще доставляли ему удовольствие. Однако ж... он делал это для Сильвии. Теперь он вынужден будет сделать это для человечества. Ни больше ни меньше. Да, дело дрянь... Старина Дэв никогда не казался опасным. Даже потенциально. И тем более для человечества. Резковат, часто угрюм, неразговорчив — да, за ним это водится. Но чтобы опасен?.. Любит природу, детей. Не любит соседей и друзей жены. К своим друзьям и бывшим товарищам по работе в пространстве, иногда посещающим его виллу в Копсфорте, относится почти радушно. Правда, после таких посещений Дэв становится угрюмей обычного. Космический леопард в отставке не может привыкнуть к рутине размеренной жизни в «этом овечьем загоне», как называет он свою виллу в минуты душевной депрессии. Но, с другой стороны, «черный след», деревянные «телевизоры»... Отдел Наблюдения вряд ли мог ошибиться. И если Дэв действительно в одной компании с теми, о ком так тревожно распространяется шеф... Бедная Сильвия! Как она там одна... с ним?

Гэлбрайт пододвинул к Никольскому стопку сложенных документов, сказал:

— В полное распоряжение Восточного филиала. Когда мы сможем получить от вас документальные сведения о Лорэ?

— Это зависит от расторопности вашего сотрудника,— пошутил Никольский. Из-за его спины поднялся Хаст, от-

крыл синюю папку и передал шефу пачку пластмассовых прямоугольников.

— Первые двадцать листов — Кизимов,— пояснил Никольский.— Девять следующих — Лорэ. Йонге всего в двух картонах, но мы решили вручить вам копии всех материалов по «Черному следу», хотя в половине из них вы уже не нуждаетесь. Мистер Хаст, передав приглашение, как-то не посвятил нас в подробности предстоящей беседы.

— Он выполнял мои инструкции,— сказал Гэлбрайт, жадно просматривая документы.— Кстати, Хаст, я еще не знаю подробностей провала вашей миссии на Памире...

— Вам достаточно вспомнить подробности провала миссии в Калифорнии, и мне не нужно будет ничего объяснять,— лихо отреагировал Хаст. Ответ явно был приготовлен заранее.

— И все-таки меня интересует, чем закончилась ваша беседа с Кизимовым.

Хаст подергал кончик веснушчатого носа, что обычно проделывал в затруднительных для себя обстоятельствах.

— Примерно тем же, чем закончилась беседа Кьюсака с Эдуардом Йонге. Мы немного повздорили...

— Вот как? — Гэлбрайт не спеша перевернул прочитанный лист. Фрэнк и все остальные смотрели на Хаста сочувственно. Шеф почти никогда не устраивал подчиненным разносы, но редко упускал возможность устроить публичный спектакль.— И что же сказал Кизимов вам на прощание?

— Ничего не сказал,— сдался наконец Хаст.— Как только я ознакомил его с показаниями служащего из отеля «Эспланейд», он молча спустил меня с лестницы.

— Почему не наоборот? Если об этом пронюхает Вебер, ваш следующий полигон будет состоять в основном из лестничных пролетов.

— Хоть два полигона,— пробормотал Хаст.— Что такое полигон по сравнению с этим... с этой...

— Здесь сыграла роль неожиданность,— вступился за Хаста Никольский.— Мистер Хаст неосторожно положился на условности этикета светской беседы, и ему выпал случай удостовериться, что эмблему «Вайлдкэт»[1] космодесантники носят не зря.

— Первым удостоверился Кьюсак,— рассеянно сообщил Гэлбрайт.— Йонге его немножко побил. Теперь выпал случай удостовериться Хасту. Дело за Полингом?.. Скажите,

[1] Дикая кошка (от *англ.* wild cat).

Никольский, почему в ваших материалах я не могу найти прямых свидетельств причастности Кизимова к «черным следам»?

— Очень просто. Прямых свидетельств у нас нет. Но они есть у вас. Мы заинтересовались Кизимовым после визита Лорэ. Подобно случаю в «Эспланейде», Лорэ имел неосторожность оставить «черный след» в гостинице «Памир» и тем самым дал нам повод начать расследование. Ничего не подозревая, Лорэ побывал в гостях у Кизимова и спокойно укатил к себе домой на берега Адриатики. Разумеется, под негласной опекой наших сотрудников из отдела Наблюдения. И Кизимов тоже, само собой разумеется, оказался в поле нашего зрения. Прощупывая его друзей, мы вдруг обнаружили странность, которую назвали «эффектом метеостанции»...

— Извините меня,— перебил Гэлбрайт.— Я здесь уже читал об этом, но, пожалуйста, изложите суть «эффекта» для остальных.

Никольский помедлил, собираясь с мыслями.

— В северо-западном районе Памира действует высокогорная автоматическая метеостанция «Орлиный пик». Дежурным на метеостанции работает некто инженер-атмосферник Тимков, с которым Кизимов поддерживает приятельские отношения. Надо сказать, метеостанции такого типа оснащены автоматами очень высокой надежности, и там почти никого не бывает, кроме дежурных. Приятель Кизимова заинтересовал нас прежде всего потому, что в прошлом сам был связан с работой в Пространстве. Он участвовал в исследованиях атмосферы Юпитера, попал в какую-то аварию, все обошлось сравнительно благополучно, но дорога в космос для него была закрыта, и Тимков удовлетворился скромной должностью инженера погоды. Месяц назад он, принимая очередное дежурство, пригласил Кизимова посетить его высотную резиденцию. Кизимов прибыл на «Орлиный пик» в одноместном спортивном аэрокаре типа «Фазан». Тимков радушно встретил гостя, познакомил его с оборудованием своего довольно сложного метеорологического хозяйства, и целый день с пятачка, где расположена станция, друзья любовались суровыми ландшафтами Памира.

Вечером Кизимов улетел, а Тимков в отличном расположении духа включил видеотектор и сдал вечерний радиорапорт. К его удивлению, вместо обычной формулы: «Рапорт принят, спокойной ночи, конец связи, конец»,— дежурный связист посоветовал ему не отключаться, по-

скольку связь с «Орлиным пиком» срочно затребовал старший инженер-синоптик Среднеазиатского Центра погоды. В разговоре с Тимковым старший синоптик очень темпераментно пытался выяснить, по какой такой причине приборы метеостанции сегодня выдали Центру совершенно фантастические результаты измерений. Тимков ответил, что аппаратура станции работает нормально, обвинения в его адрес несостоятельны и вообще поддерживать разговор в таком тоне он не считает для себя возможным. Старший синоптик уже повежливее намекнул, что если температуру воздушной среды, равную температуре плавильной печи, Тимков считает нормальным явлением в метеорологии, то разговаривать действительно не о чем. Ошеломленный Тимков всю ночь напрасно возился с проверкой приборов. Аппаратура была в порядке...

Загадка так и осталась бы загадкой, не посети Кизимов «Орлиный пик» вторично. Это было неделю назад. С первыми звездами Кизимов улетел восвояси, Тимков помахал ему вслед и с нехорошим предчувствием направился сдавать вечерний радиорапорт. Предчувствие не обмануло его. Центр сообщил: результаты дневных измерений метеостанции полностью забракованы.

Мы застали Тимкова в момент весьма неприятных для него объяснений с комиссией Центра. Сбитые с толку члены комиссии пытались найти для своего протокола хоть какую-нибудь вразумительную предпосылку, однако Тимков, сбитый с толку гораздо более основательно, ничем не мог им помочь. Он сознавал, что, заподозрив Кизимова, так далеко выходит за рамки понятия о «вразумительности предпосылок», что об этом лучше помолчать. Уловив смысл претензий, предъявленных дежурному инженеру метеостанции «Орлиный пик», мы попросили уважаемых членов комиссии оставить поле деятельности за нами, на что они с большой охотой согласились.

Мы приготовились к трудному разговору, но достаточно было упомянуть о Кизимове, и Тимков выложил нам свои подозрения... То есть даже не подозрения, а твердую уверенность в том, что стоило Кизимову появиться вблизи измерительного комплекса метеорологической аппаратуры, приборы начинали врать. Мы попросили Тимкова взять на себя труд провести еще один такой эксперимент, но получили отказ. «Экспериментировать над своим другом я не намерен,— заявил Тимков.— К тому же я убежден, что третий эксперимент в условиях «Орлиного пика» ничего нового вам не даст». Нам оставалось признать его правоту и внести

в свою картотеку странный «эффект метеостанции». С экспериментами мы решили повременить, дополнительный материал могло нам дать простое наблюдение за Кизимовым...

Никольский остановился, вопросительно взглянул на Гэлбрайта.

— Продолжайте, прошу вас.— Гэлбрайт кивнул.

— Собственно, я рассказал почти все. Наблюдение за Кизимовым действительно было результативным. Отдел Наблюдения преподнес нам сюрприз — поющие деревяшки вот наподобие этой...— Никольский постучал по крышке футляра.— И мы решили, что располагаем достаточным материалом для прямой беседы с производителем мелких чудес. Один из наших сотрудников посетил Кизимова в его дачном особняке и попытался установить контакт. Попытка провалилась. Кизимов выпроводил визитера не намного вежливее, чем сделал это в отношении мистера Хаста. Тогда мы предложили строптивому собеседнику быть с ответным визитом у нас. Если интересуетесь подробностями состоявшегося разговора, мы подготовили звукозапись на картоне номер девятнадцать.

Гэлбрайт нашел нужный картон и передал Фрэнку. Поднял руку, призывая к тишине, хотя безмолвие в холле нарушалось только нетерпеливым сопением Хаста. Фрэнк нащупал в крышке стола щель лингверсора, бросил в нее пластмассовый прямоугольник.

— Запись немного сокращена,— успел предупредить Никольский.— Изъяты детали, которые не относятся к делу.

В колонках спикера на потолке пронзительно заверещала настройка лингверсора.

Первую фразу трудно было понять. Автомат-переводчик быстро менял варианты фонем в поисках тональности, наиболее близкой к звуковому оригиналу. Вторая фраза звучала сравнительно чисто:

— Прошу вас, назови... свои фами... имя, род занятий.

— Простите, как мне вас называть?

— Можете называть меня инспектором.

— Инспектор, я попросил бы вас избавить меня от формальностей. Скажите сразу, что вам от меня угодно, и я постараюсь или ответить вам прямо...

— Или?

— Или не ответить.

Длинная пауза.

— Скажите, Кизимов, почему вы избегаете открытого разговора с представителями Управления космической безопасности?

— Вопрос поставлен неверно. Я избегаю говорить лишь на темы, обсуждать которые не нахожу возможным.

— Позвольте спросить почему?

— По причинам сугубо личного свойства.

— Вы не могли бы сказать о причинах подробнее?

— Нет, не мог бы.

— Вы связаны определенными обязательствами?

— Я не понял вашего вопроса.

— Вы давали кому-нибудь обязательства не касаться интересующих нас тем?

— Ах, вот оно что... Нет, не давал.

— С кем вы поддерживаете дружеские отношения?

— Это мое личное дело.

— Вы считаете своим другом Жана Лорэ?

— Да, считаю.

— Вы сознаете, что ваши необычные свойства, приобретенные, видимо, за пределами нашей планеты, не могли нас не заинтересовать?

— Это ваше дело.

— Это общественное дело, Кизимов!

— Я ведь не сказал — личное.

— Себя вы противопоставляете обществу?

— Ни в коем случае, инспектор! Разрешите вопрос?

— Да, конечно.

— По-вашему, я представляю собой угрозу обществу?

— Вы должны понимать, что мы не имеем права не учитывать такую вероятность. А как бы на этот вопрос вы ответили сами?

— Отрицательно. То есть для общества я опасен не более, чем любой другой «обыкновенный» житель планеты Земля.

— То есть вы сознаете свою необыкновенность?

Недолгая пауза.

— Сознаю, разумеется... Но кому от этого хуже, кроме меня?

— Простите, я вас не понял.

— Инспектор, поверьте мне на слово: моя необыкновенность для меня такая же загадка, как и для вас.

— Может быть, это болезнь?

— Должен вас упрекнуть: вы не очень внимательно просмотрели мой бюллетень служебного спецкарантина. Заключение медэкспертизы гласит: «Здоров. С учета спецкарантинного сектора снят. Бессрочный пропуск на планету Земля выдан».

— Хорошо, не болезнь. Назовем это как-нибудь по-другому.

— Да, вы правы. Суть, конечно, не в терминах... Это неизвестно где и неизвестно как приобретенные свойства, необычные для «нормального» человека. Предупреждаю возможный вопрос: я действительно не знаю где и не знаю как.

— А вам не хотелось бы избавиться от такого «приобретения»?

— Видите ли... Для меня это уже не имеет значения.

— Как понимать ваш ответ?

— Как вам будет угодно.

— А для других?

— Что для других?

— Это имеет значение?

— Простите, о чем вы спрашиваете?

— Вам не приходилось говорить на эту тему с другими обладателями подобных свойств... ну, скажем, с Лорэ?

— Лорэ?.. Нет, не приходилось.

— Вас удивил мой вопрос?

— Да. При чем здесь Лорэ?.. Ах, понимаю!..

— Вы с Лорэ ничего не знали о способности друг друга оставлять «черные следы»?

— Вероятно, вы говорите о... Нет, за Лорэ я этого не замечал. Я полагал, что кроме Йонге и меня...

— ...Феноменов такого рода больше не существует?

— Да. Ну что ж... тем хуже для Лорэ.

— Что вы имеете в виду?

— Прежде всего вашу назойливость. Я всегда опасался дать вам для нее повод. В отношении «черных следов», как вы называете их, я проявлял особую осторожность. Дело прошлое, инспектор, но скажите мне откровенно, где вы могли заметить оставленный мною «черный след»?

— В умении скрывать «черные следы», Кизимов, вы достигли совершенства. Мы их не наблюдали ни разу. Мы располагаем косвенными данными. Но откровенность за откровенность. Скажите, как Йонге относится к своему положению феномена?

— Думаю, он не в восторге.

— Почему вы говорите об этом в форме неуверенного допущения?

— Уверенного, инспектор. По аналогии с ощущениями собственной персоны.

— И только?

— О, этого достаточно!.. Даже с избытком.

— Йонге знает, что вы его аналог по ощущениям такого рода?

— Думаю, нет.

— Откуда вам известно, что Йонге ваш собрат по феноменальным свойствам?

— Однажды я случайно видел оставленный им «черный след».

— Как объяснил он вам это явление?

— Он сделал вид, что ничего особенного не произошло.

— А какова была ваша реакция?

— Я сделал вид, что ничего особенного не заметил.

— В беседах с ним вы никогда не касались этой темы?

— Нет. Это не та тема, которая могла бы доставить удовольствие.

— Неприязнь к этой теме как-то связана с вашей работой в Пространстве?

— Маленькое уточнение, инспектор: в Пространстве я уже не работаю. Полтора года назад вышел в отставку. Сейчас я работаю в школах первого цикла инструктором спортивных игр для школьников среднего возраста и прошу меня принимать именно в таковом качестве.

— Вы хотите сказать, что не поняли моего вопроса?

— Я хочу сказать, что на вопросы, как-то связанные с прошлой моей работой в Пространстве, я отвечать не буду.

— Но это главное, что нас интересует, Кизимов!

— Будем считать, что я не сумел удовлетворить вашу любознательность.

— Странный каприз...

— Скорее вынужденная самооборона.

— А как, по-вашему, поведут себя в подобной ситуации Лорэ и Йонге?

— Это их личное дело.

— Еще вопрос, Кизимов. По дороге в мой кабинет вы прошли коридором со стенами в виде пластмассовых жалюзи...

— Я помню, инспектор.

— Дело в том, что жалюзи скрывают комплекс аппаратуры, совершенно аналогичный тому, которым оборудована метеостанция «Орлиный пик».

— Я прошел мимо, но никаких нарушений в нормальной работе приборов не обнаружено, так?

— Вот именно. Как вы объясните, что эксперимент не удался?

— Он удался, инспектор. По крайней мере, вам удалось установить, что мое присутствие необязательно действует на электронные нервы приборов.

— Каким же образом вы сумели дважды подействовать на «электронные нервы» аппаратурного комплекса метеостанции «Орлиный пик»?

— Уверяю вас, это неумышленно. Очевидно, это зависит... от характера моих эмоций.

— То есть?

— На «Орлином пике» я находился в состоянии приподнятости, если не сказать — восторга. Чистейший воздух, живительный холод, голубизна ледников... ну и все такое.

— То есть вы способны воздействовать на электронную аппаратуру только в состоянии накала положительных эмоций?

— Видимо, так. Но я не уверен, что это происходит всегда. Иначе на метеостанции я вел бы себя осмотрительнее.

— А как насчет накала отрицательных эмоций?

— Сегодня я уже успел побывать в экспериментальном коридоре. Выводы делайте сами.

— Значит, способность воздействовать на приборы вам подконтрольна?

— Да, если я не забываю следить за своим настроением.

— «Черный след» тоже вам подконтролен?

— К сожалению, нет. Малейшая неосторожность и... Но я стараюсь быть осторожным.

— В каком-нибудь смысле это явление представляется вам опасным?

— Только в том смысле, что оно вызывает всеобщее любопытство. В других отношениях оно опасно не более, чем тень от хвоста отдыхающей на заборе вороны.

— Вы нам могли бы продемонстрировать сам «черный след» и то, как он возникает?

— Мог бы. Но не прежде, чем получу от вас твердые гарантии, что на этом все наши с вами недоразумения будут исчерпаны.

— Увы, Кизимов, мы не готовы дать вам такие гарантии.

— В свою очередь, инспектор, я, увы, не готов к демонстрированию «черных следов».

— Впервые с этим явлением вы встретились в Пространстве, не так ли?

— Я устал, разрешите мне вас покинуть. Не давайте мне повод усомниться в действенности всемирного Закона о личных свободах граждан планеты.

— До свидания, Кизимов. Благодарю вас за исключительно интересную беседу. Надеюсь, у нас еще будет повод свидеться вновь.

— Вряд ли, инспектор. Но вы мне чем-то понравились. Хотите добрый совет?

— Я весь внимание.

— Оставьте нас в покое, инспектор: Лорэ, Йонге, меня... Этот «след» никуда не ведет. То есть я хочу сказать, что здесь нет криминала. Не ройтесь в наших душах, не надо. Хотя бы потому, что это не только бессмысленно, но и жестоко. Будьте здоровы, инспектор!

Запись кончилась, лингверсор умолк. Никольский и Гэлбрайт обменялись многозначительными взглядами. Остальные словно бы ждали чего-то еще. Даже неугомонный Лангер сидел неподвижно, подперев щеку рукой, и глаза его были на редкость задумчивы.

Гэлбрайт покопался в груде разложенных на столе документов, отобрал половину, сделал Кьюсаку знак подойти. Кьюсак взял отобранные листы, шеф тихо с ним поговорил и выпроводил за дверь. Фрэнк понял, что документы отправлены на обработку в аналитический цех.

После ухода Кьюсака Гэлбрайт объявил перерыв.

— Парни,— сказал он,— вы все свободны до шестнадцати ноль-ноль.

Фрэнк поднялся вместе с ребятами.

— Все, кроме Полинга,— добавил шеф.— В назначенный час сбор в этом холле.

Ребята потянулись к выходу. Фрэнк, стоя за столом, смотрел им вслед. Лангер обернулся и ободряюще ему подмигнул. Фрэнк сел. За столом никого уже не было. Никольский, разминая ноги, вышагивал у окна. Гэлбрайт и лысый старик о чем-то переговаривались возле бара. Вернее, говорил шеф. Консультант рассеянно слушал, держа в неудобно вытянутой руке стакан с молочным коктейлем, и было заметно, что навязанный ему кем-то стакан он держит просто из вежливости. Фрэнк подпер голову кулаками и уставился на футляр с ореховой тростью. Ему хотелось пощупать загадочное изделие Нортона, но открыть футляр он почему-то не решался.

Никольский подступил к окну вплотную. С высоты семнадцатого этажа были видны многоцветные автострады, маленькое озерко в бетонных берегах, наполовину закрытое кронами старых платанов, блестящая полоса прямого и тоже взятого в бетон канала, пересекавшего огромный старый парк, и дальше пятнистые желто-зеленые спины холмов. За холмами было морское побережье, но его отсюда не было видно, и Никольский с мимолетной завистью о нем подумал. Подошел Гэлбрайт, взглянул на холмы, вполголоса произнес:

— Кажется, Полинг нервничает.

— Еще бы,— не оборачиваясь, ответил Никольский.— Его можно понять.

— Его — да. Однако поймет ли он сам исключительную важность своей миссии...

— Вы правы. Ситуация... гм... деликатная.

— Без его помощи мы очень рискуем затянуть это дело.

— Признаюсь вам, Гэлбрайт,— мягко сказал Никольский,— надежда на миссию Полинга представляется мне иллюзорной.

— Мне тоже. И если бы не крайняя нужда, я пощадил бы родственные чувства своего подчиненного. Но чем черт не шутит...

Солнце, отражаясь в зеркале озера, слепило глаза, и Никольский надел очки-светофильтры.

Гэлбрайт спросил:

— Намерение связаться с нами возникло у вас после беседы с Кизимовым?

— Да, как только Кизимов незаметно для себя проговорился о Йонге. К тому же появление Хаста на Памире убедило нас, что «черный след» попал в поле зрения Западного филиала. Мы решили не чинить препятствий вашим попыткам самостоятельно установить контакт с Кизимовым. Мы понимали: неудача заставит Хаста обратиться к нам с каким-то предложением о согласованности действий.

— Вы правильно понимали,— одобрил Гэлбрайт. Помолчал и добавил: — Теперь мы с вами правильно понимаем малонадежность миссии Полинга. Если так и дальше пойдет, мы рискуем сесть в большую общую западно-северо-юго-восточную лужу.

— Не исключено,— сказал Никольский.— Это мы с вами, к счастью, тоже правильно понимаем.

Гэлбрайт сверил свои часы с часами Никольского.

— Я послал в аналитический цех одного из самых расторопных парней,— сказал он, словно оправдываясь.

— Потерпим. Похоже, задержка у аналитиков связана с нашим материалом.

— Вам крупно повезло с метеостанцией, Никольский... Вы получили великолепный предлог для прямой беседы с Кизимовым.

— Кстати, о нашем везении, Гэлбрайт. Вам не кажется... ну если не странным, то хотя бы занятным, что в показаниях первых очевидцев фигурирует только «черный след»? Исключительно «черный след»...

— И ни слова о чем-то похожем на «эффект метеостанции» или поющие деревяшки?..

Гэлбрайт задумался. Никольский смотрел в окно и молчал.

— Да... пожалуй, в этом что-то есть,— проговорил Гэлбрайт.— Либо те, кто сталкивается с «черным следом», не замечали всего остального, либо...

Никольский молчал.

— Либо «всего остального» раньше попросту не было?

— Я склоняюсь в пользу последнего,— ответил Никольский.— Иначе трудно объяснить, как обладателям подобных свойств удалось миновать рогатки спецкарантина.

— А затем и пройти полгода спустя обязательный медосмотр для бывших работников Внеземелья,— добавил Гэлбрайт.

— Да. И еще беседа с Кизимовым... Конечно, он много недоговаривает, настроен если и не совсем враждебно, то, уж во всяком случае, отнюдь не дружелюбно. Однако не лжет, не пытается запутать следствие. И когда он дает нам понять, что происшествие на метеостанции было неожиданностью для него самого, нет оснований этому не верить. Там, у себя, мы сделали вывод весьма тревожного свойства: интересующий нас феномен раньше дремал, а теперь по каким-то причинам стал заметно активнее. Буквально в последнее время...

— Демон, вселившийся в наших подопечных, начинает показывать зубы?

— Всего лишь гипотеза,— ушел от прямого ответа Никольский.

— И довольно зловещая.— Гэлбрайт пожевал губами, размышляя.— Да, с ней придется считаться... Нет ли у вас заодно и гипотезы о причинах активности феномена?

— Увы...

— Жаль. Если пружина сработала где-то внутри самого черноследника — полбеды. Но если толчок направлен откуда-то извне...— У Гэлбрайта повело и резко дернуло щеку.

Никольский посмотрел на его почти не тронутое загаром лицо. Сказал сочувственно:

— Кстати, завтра суббота.

Гэлбрайт понял это по-своему.

— Завтра — очень удобный для нас с вами день,— сказал он.— Вернее, для естественной окраски визита Полинга в Копсфорт.

— Шурин будет безумно счастлив видеть его.

— Н-да... но предложите мне более оперативный способ разведки.— Минуту Гэлбрайт изучал пространство за окном.— В конце концов, мы оставляем за Полингом право пойти на попятный, если там запахнет паленым. Меня тревожит другое...

— Неопытность Полинга?

— Нет. Он сообразителен, умен. Меня беспокоит вопрос: располагаем ли мы достаточной суммой сведений о черноследниках. Голыми руками Нортона не возьмешь. Вызвать его на существенный разговор можно, лишь ошеломив фактами.

— Да, только так... Что ж, посмотрим, чем порадуют нас аналитики.

У Фрэнка, который провел это время в одной компании с черным футляром и немым стариком, сильно испортилось настроение, и он с несвойственным ему злорадством отметил про себя, что в темных очках долговязый Никольский выглядит просто нелепо (темные очки действительно не шли Никольскому), а упитанный шеф теряет изрядную долю солидности, когда вот так елозит в кресле, то и дело нервозно глядит на часы и, натужно посапывая, озирается по сторонам, словно забыл, по какому поводу здесь очутился. Прозвищем Носорог ребята наградили шефа очаровательно метко... Умный Носорог, грозный Носорог, праведный Носорог. Трудолюбивый и проницательный Носорог. Его, Носорога, слегка побаивались, но уважали. Интересно, какое прозвище у Никольского? Ведь есть же у него какое-нибудь прозвище. Восточного типа. Скажем, Лось или Зубр. Или совсем экзотично — Копыто.

Раздражение улеглось, и Фрэнк постепенно проникся сочувствием к этим двум корифеям оперативного сыска, несущим на своих давно не тренированных плечах бремя головоломных расследований и постоянных тревог за судьбы — только подумать! — всего человечества. Разумеется, он понимал, что, кроме сочувствия, корифеям нужна его помощь, и готов был землю рыть от усердия, но вместе с тем сознавал совершенно отчетливо, что в поединке с таким человеком, как Дэв, иметь в своем арсенале одно лишь усердие — это все равно что не иметь ничего...

— Не помню случая, когда бы аналитический цех укладывался в свои законные четверть часа,— прорычал Гэлбрайт.

— Не рискнуть ли нам попытаться в общих чертах предугадать результаты анализа? — невозмутимо предложил Никольский.

Гэлбрайт взглянул на него:

— Ну хорошо... Окинем ретроспективным взглядом события общеизвестные, но подозрительные в свете отобранных нами фактов. Вот, скажем, незавершенное дело трехлетней давности — авария на Сиреневом плато...

— Меркурий?

— Да. Позволю себе напомнить обстоятельства дела. Орбитальная станция «Гелиос-2» по неизвестной причине сошла с орбиты и врезалась в энергетический комплекс «Солар»...

— Припоминаю. И что же?

— Любопытен список участников спасательной экспедиции, сброшенной на руины «Солара». Вернее, список участников ее десантного авангарда.

— Я просматривал список. Там есть Кизимов, Нортон и Йонге. Но там нет Лорэ.— Никольский снял очки.— Послушайте, Гэлбрайт, космодесантник Лорэ вышел в отставку восемь лет назад. С тех пор постоянно живет на Земле и никакого касательства к Внеземелью уже не имеет. С другой стороны, мы уверенно полагаем, что «черный след» — феномен внеземельного происхождения.

— Итак, вы настаиваете, что Йонге, Кизимов, Нортон, Лорэ оказались носителями «черных следов» строго одновременно?

— Я ни на чем не настаиваю. Просто легче предположить, что эта... гм...— Никольский поиграл очками, подыскивая нужное слово,— феноменизация, что ли, настигла всех четверых одновременно, при одних и тех же условиях. Давайте договоримся не затрагивать пока со-

бытий, отмеченных более поздней датой, чем отставка Лорэ.

— Договорились. Положим в основу будущей версии принцип одновременности.— Гэлбрайт смотрел куда-то мимо Никольского.

У Фрэнка, внимательно следившего за разговором, складывалось впечатление, будто это не столько обмен информацией, сколько размышления вслух. Размышления осторожные, как осмотр обнаруженной бомбы с хитроумным устройством взрывателя.

— Принцип одновременности,— сказал Никольский,— дает нам реальный шанс взять быка за рога.

— Или хотя бы потрогать за хвост,— добавил Гэлбрайт.— Что ж, будем считать этот шанс главным доводом в пользу нашего договора.

— И единственное, что находится в нормальном соответствии с условием нашего договора... во всяком случае, мне это так представляется...

— Да,— сказал Гэлбрайт,— «Лунная радуга».

Никольский с треском сложил дужки очков.

Фрэнк понял, куда нацеливались корифеи. В перекрестье прицела разведочно-десантный рейд «Лунная радуга». А точнее, вторая катастрофа на Обероне...

Момент, пожалуй, был любопытный: версия зачиналась на основе события десятилетней давности. Нортон один из тех, кому во время этих событий удалось выжить... Фрэнк покосился на старика. Мистер Икс спокойно разглядывал черный футляр с ореховой тростью, и любопытный момент зачатия версии, казалось, ни в малейшей степени его не занимал.

— «Лунная радуга»,— повторил Гэлбрайт, пальцами выбивая барабанную дробь на столе.— Экипаж — тридцать два человека. Капитан корабля Игорь Молчанов, штурман-навигатор Гюнтер Дитрих, первый пилот Меф Аганн...

— Начальник рейда на Оберон Николай Асеев,— подхватил Никольский.— Ну и... командир группы десантников Юс Элдер. Похоже, все, что касается «Лунной радуги», мы с вами знаем едва ли не наизусть. Симптоматично, Гэлбрайт. Очень симптоматично...— Никольский тоже побарабанил пальцами.

— Ну, если полный букет имен феноменальной четверки можно встретить лишь в списке десантной группы Элдера... Скажите, Никольский, а вас не смущает тот факт, что события на Обероне имеют без малого десятилетнюю давность?

— Смущает. В том плане, что мы, очевидно, плохо работаем. Не знаю, надо ли ставить это в упрек только отделам Наблюдения, но ситуация совершенно скандальная: сегодня мы занимаемся тем, чем обязаны были заняться, по крайней мере, лет восемь назад...

— А в идеале сразу после злополучного рейда «Лунной радуги»,— подхватил Гэлбрайт.

«Пароксизм самобичевания,— подумал Фрэнк.— Каждый раз та же самая песня: плохо работаем, недосмотрели, недоучли... Неужели им никогда не понять, что идея «космической предусмотрительности» — это просто мыльный пузырь ненормально большого размера?!»

— Простите,— не выдержал он,— вопрос можно?

— Можно,— позволил шеф и свирепо взглянул на часы.— Но учтите, Полинг, времени у вас немного — на полсекунды больше, чем продлится безобразное молчание аналитиков.

— Спасибо, учту.— Фрэнк обратился к Никольскому: — Мистер Никольский... вот вы говорите: плохо работаем. Верно. А почему, как по-вашему?

На лице Никольского появилось странное выражение. Бесцветным голосом он произнес:

— Полагаю, это не относится к предмету нашего следствия.

— Вы правы. Это относится к направлению нашей стратегии в целом.

— Ах, стратегии!..— повторил Никольский, и странное выражение на его лице обозначилось еще отчетливее.

— Хочу заранее вас успокоить: в мои намерения не входит праздное вопрошательство,— продолжал Фрэнк.— Я для этого слишком рационален. Итак, я осмелился затронуть тему, которая в нашей служебной среде, мягко выражаясь, не популярна... Волею судеб, или, лучше сказать, под давлением обстоятельств, создано Управление, определены задачи, укомплектован штат — два чудовищно разбухших филиала. Солидные средства, грамотный персонал, новейшая техника, а работаем из рук вон... Скверно, в общем, работаем. Вот вы помянули отделы Наблюдения... А если глубже? Если нет у нас гибкой функциональной программы? Ведь не секрет, что наши рабочие методы сплошь и рядом себя не оправдывают. А может быть, вообще дело не в этом и мы и наши методы здесь ни при чем? Может, дело в природной ограниченности функциональных возможностей нашего мозга?

— Э-э... в каком это смысле «природная ограниченность»? — осведомился Никольский.

— В прямом. Или, если хотите, в буквальном. Природа, видите ли, сконструировала мозг в условиях Земли и для земных условий. Насчет космических она в силу известных причин просто не думала. За нее теперь думаем мы. И думаем, как показала практика, плохо, потому что думать нам приходится мозгом сугубо земным, который с грехом пополам разобрался в домашних проблемах родимой планеты. Да и то...

— Но ведь то, о чем вы говорите, тоже входит в сферу «домашних проблем», не так ли?

— Да, но с космической спецификацией. Разница есть.— Фрэнк уже пожалел, что затеял эту дискуссию: шеф тяжело ворочался в кресле, прямо-таки излучая неудовольствие.

— Свой резон в этом, конечно, имеется,— согласился Никольский, и в глазах у него отразилось нечто такое, что Фрэнка задело: нечто вроде терпимости страуса к экспансивным выходкам молодого наглого воробья.— Размышлять земным умом над загадками космоса действительно... э-э... неудобно. Если я правильно понял, вам очень не нравится слабая приспособленность нашего мозга к оперативным оценкам космических неожиданностей. Кстати, мне тоже. Вы имеете предложить что-нибудь... гм... позитивное?

— Позитивное, негативное...— Фрэнк вздохнул.— Я ничего такого не предлагаю. Я и не имел в виду что-нибудь предлагать. Я ведь о чем говорю. Пока не задумываешься над стратегическим смыслом наших усилий, работать приятно и увлекательно. Но уж если задумался... Понимаете?

— Понимаю. Вы недавно работаете в системе нашего Управления?

— Да. Но задуматься, как видите, успел.

— Это пройдет,— пообещал Никольский.— Я имею в виду вашу склонность к отчаянию. Непременно пройдет, как только вам выпадет случай проявить свои деловые качества.

— А можно полюбопытствовать, из какого источника вам удается черпать этот субстрат оптимизма?

— Из опыта.

— А опыт не подсказывает вам, что перед любой мало-мальски серьезной угрозой оттуда...— Фрэнк покрутил пальцем над головой, копируя памятный жест Вебера,— мы, в сущности, безоружны? Действительно, что мы имеем

на вооружении? Да ничего стоящего...— пардон! — за исключением деловых качеств. Кстати, буквально на этой неделе двое наших сотрудников — я уж не трогаю ваш филиал — успели свои деловые качества продемонстрировать. И теперь, как остроумно предполагает мой проницательный шеф, дело за мной.

Фрэнк покосился на шефа. Гэлбрайт безмолвствовал. Лицо у него шло пятнами, в глазах бродило бешенство, но держать себя в руках он умел. Лицо Никольского, напротив, смягчилось и подобрело. Отчего оно так смягчилось и подобрело, можно было лишь строить догадки. Старик консультант сидел по-прежнему неподвижно и смотрел почему-то на Гэлбрайта. «Консультант по вопросам морали безмолвия»,— мельком подумал Фрэнк и решил, что язык все-таки надо попридержать. «Иначе меня занесет,— думал он,— и мне будет плохо. Шеф явно созрел, чтобы сделать мне плохо...»

— Я слушаю вас, продолжайте,— сказал Никольский.

— Спасибо,— искренне поблагодарил Фрэнк.— Воспользуюсь. Я говорю неприятные вещи, но мне нужно, чтобы меня наконец кто-то выслушал...

— Вы говорили о нашей слабой вооруженности,— напомнил Никольский.

— Да. Ну что мы имеем в арсенале «противокосмических» средств? Про деловые качества я уже... Далее — сомнительной надежности антисептика, немногим более надежные лучеметы. И еще — зоны спецкарантина. Вот, кажется, все. Я ничего не упустил?

— Сущую безделицу — весь арсенал современной науки.

— Да? А что сказала наука хотя бы по поводу «эффекта метеостанции»? Или этих вот деревяшек? — Фрэнк ткнул пальцем в черный футляр.

— Пока ничего, но, разумеется, скажет.

— А что сказала наука по поводу взрыва Тунгусского метеорита? А по поводу очагов «синего бешенства» на Венере? Насколько я понимаю, тоже «пока ничего». Для многих успокоительно знать, что тунгусский взрыв был давно и в тайге. А если «тунгусское диво» позволит себе повториться? И не в тайге?.. Слово «пока» — удобный, но очень слабый аргумент.

— И между прочим, единственный,— добавил Никольский.— Именно по тем причинам, о которых вы говорите. Только за этим аргументом будущее, альтернативы нет. И да помогут нам опыт и интуиция.

— Про интуицию это вы хорошо... Не знаю, как ведет себя интуиция ваша, а вот моя, откровенно признаться, выходит за рамки приличия. С каждым днем она все увереннее подсказывает мне: мы проиграли. Мы, люди Земли, планетарный вид хомо сапиенса... Точнее, проигрываем, но это все равно, потому что процесс необратим. Если по мере нашего вторжения во Внеземелье количество «сюрпризов» будет расти хотя бы такими же темпами, мы поставим сами себя на грань биологической катастрофы. Поверхность планеты покроется зонами «полного отчуждения», и в конечном итоге мы, настоящие люди Земли... Словом, едва ли удастся нам сохранить свою природную сущность. Разве что в каком-нибудь специально организованном для «настоящих людей» заповеднике.

— Мрачноватая перспективка,— ровным голосом отозвался Никольский.

— Это я вижу и сам. Хотелось бы знать, как это видите вы...

— Я понимаю. Подсознательно — или сознательно? — вы хотите, чтобы кто-то помог вам обнаружить брешь в вашем таком монолитном, как вы полагаете, логически безупречном построении. Разумеется, я не уйду от ответа, но, боюсь, моя точка зрения покажется вам тривиальной. Видите ли, Полинг, в чем разница... Для вас «космическая неожиданность» — бомба сегодняшнего дня, дамокловым мечом нависшая над современным человечеством...

— Вы представляете это себе как-то иначе? — удивился Фрэнк.

— Да. Я полагаю, с «космической неожиданностью» человек познакомился не сегодня. Он с нею родился, ею взлелеян и ею воспитан. Разве менее эффектным «сюрпризом» для троглодита было Великое оледенение? Добавьте к этому ужасы землетрясений и наводнений, и не надо будет объяснять, как часто волосатый наш предок видел перед собой «конец света». А что имел он в арсенале «противостихийных» средств? Сомнительной надежности дубину, немногим более надежный каменный топор и быстрые ноги, чтоб улепетывать подальше от опасных зон катастрофических катаклизмов...

— Шарик наш голубой сегодня так мал, что улепетывать нам практически некуда,— заметил Фрэнк.— Это во-первых. А во-вторых, «космическое» не есть «стихийное». Качество уже не то. Не земное... Но это детали. Я понимаю, что вы хотите сказать.

— Вот именно. Да, угроза биокатастрофы для планетарного вида человека разумного сегодня теоретически существует. Но практически... Практически люди во все времена довольно-таки убедительно демонстрировали свою изобретательность в борьбе за выживание. С какой же стати отказывать человечеству в праве продемонстрировать это еще раз?

— Понятно. Человечество уповает на дальновидность лидеров, лидеры кивают на человечество, а угроза биокатастрофы тем временем зреет. Более того, начинает уже плодоносить... И нет достаточно действенных средств, чтобы этому воспрепятствовать.

— Вот здесь-то наши взгляды и расходятся. Такие средства есть. И самое действенное из них — это наша с вами работа. Видите ли, Полинг... Любое стихийное бедствие — ну, скажем, крупное наводнение — было для троглодита «космической неожиданностью». Но лишь до тех пор, пока он не научился строить плотины.

— Для того чтобы строить эту плотину сегодня, нам нужен четко обоснованный, строго рациональный проект. Иначе легко уподобиться... нет, даже не троглодитам. Муравьям, которые строят свой муравейник на дне завтрашнего крупного водохранилища.

— А разве такого проекта не существует? — вмешался Гэлбрайт.— Полинг, внимательно перечитайте свой служебный устав. Ибо сказано там: «Главной задачей, обязанностью и высшей общественной привилегией штатных сотрудников Управления считать оперативное производство и неукоснительное исполнение мер по обеспечению безопасности человечества в целом в период разведки и освоения внеземельных объектов». По-моему, предельно ясно. Это вам и проект, и руководство к действию, и функциональная программа.

— Прошу прощения, шеф,— осмелился возразить Фрэнк,— но это пока всего лишь голая схема, изготовленная по образцу кладбищенских оград. Ограда, стало быть, есть, а кладбище продолжает исправно функционировать...

Фрэнк прикусил язык, но поздно. Лицо онемевшего шефа явило взору присутствующих полную гамму спектральных цветовых тонов — от сочно-красного до бледно-фиолетового. Шеф сделал несколько движений ртом, без звука, как рыба на воздухе.

— М-мальчишка! — наконец просипел он сдавленным горлом.— Пороть! Вот и вся педагогика!..— Он дважды

дернул щекой и, спохватившись, заставил себя успокоиться (было заметно, каких усилий ему это стоило).— Служебный устав для него ограда на кладбище! А сам он, видите ли, роется на свалках истории философии, подбирает изъеденный молью экзистенциализм и пытается взгромоздить эту пыльную рухлядь на космический пьедестал. И конечно же, мнит при этом, что действует исключительно в интересах всего человечества! Нет, видали вы такое?! — Последний возглас, надо полагать, был адресован Никольскому.

Фрэнк молчал. Никольский взглянул на него и сказал:

— Аверьян Копаев... Запомните это имя, Полинг. Если вам доведется бывать в стенах Восточного филиала, вы с Аверьяном, пожалуй, быстро найдете общий язык. Подобно вам, он самым активным образом озабочен проблемой спасения человечества.

— Ах, там, у себя, вы тоже ходите в ретроградах?! — мгновенно подхватил Гэлбрайт, словно уже одна мысль о том, что Никольский ходит там, у себя, в ретроградах, доставляла ему огромное удовольствие.

— Ну может ли быть иначе? — отозвался Никольский.— Правда, мое положение еще сложнее. Аверьян Копаев — сын моего погибшего друга.

— Копаев?..— Гэлбрайт потер пальцами лоб.— Позвольте!.. Михаил Копаев, участник второй бригады меркурианского доследования по делу о «Солнечных галлюцинациях»?

— Совершенно верно. Опыт работы на Меркурии дался нам дорого...

— Да, отчаянные были дела... Один лишь Каньон Позора чего нам стоил! Долина Литургий, Лабиринт Сомнений!.. А нейтринно-солнечные синдромы! «Молодежный синдром», он же «меркурианский синдром Камасутры»...— Гэлбрайт вздохнул.— Странно, что именно Меркурий оказался для нас самой тяжелой планетой. Да и не только для нас... Кажется, вы работали там в группе технического наблюдения?

— Нет. В лагере техников состоялось наше с вами знакомство, а работал я в штабе бригады второго доследования.

— Да, да, припоминаю!.. Даже помню, что кто-то из штаба бригады предлагал применить в Каньоне Позора техническую блокаду...

Улыбчиво щуря глаза, Никольский дополнил:

— А кто-то из вашей группы шел еще дальше и пред-

лагал разделаться с ни в чем не повинным Каньоном залпами аннигиляторов. По счастью, мы уже догадались задрать голову кверху и с помощью гелиофизиков допросить настоящего виновника злополучных синдромов.

Гэлбрайт смущенно покашлял и неузнаваемо бархатным голосом высказался в том смысле, что молодости свойствен радикализм и что, видимо, в этом проявляет себя динамика формирования личности. Задев Фрэнка блуждающим взглядом, вдруг остановил на нем зеленые глаза, словно увидел впервые.

— Впрочем, мне кажется...

Он не успел сообщить, что ему кажется,— пискнул сигнал внутренней связи.

Шеф медленно посмотрел на часы.

— Прекрасно,— сказал он. Тоном выше добавил: — Очень хорошо! — И спросил куда-то в пространство: — Ну, что там у вас, парни?

— Докладывает старший оператор группы синтеза Купер,— отозвался спикер на потолке.— Аналитики сделали свое дело, шеф, состыковались с нашей системой. Мы готовы, можно начинать.

— Превосходно, Купер, начинаем немедленно. Встретимся в раут-холле.— Никольскому: — Раут-холл этажом ниже, нам там будет удобнее.

Никольский поднялся. Гэлбрайт остановил его жестом и тронул кнопку под крышкой стола.

— У нас с вами нет времени для ходьбы. К сожалению.

Стол, кресла и сидящие в них люди мягко опустились этажом ниже.

4. Дело о досрочных отставках, диверсия на «Голубой пантере»

Светлый овал сомкнулся над головой. Полная темнота. Кто-то чихнул, и Фрэнк, ощутив медленный ток охлажденного воздуха, с беспокойством подумал о старике.

— Долго возитесь, Купер! — бросил в темноту Гэлбрайт.

— Адаптация зрения, шеф.

— Оставьте. Привыкнем по ходу дела.

Вокруг неуверенно замерцало. Судя по абрисам пола и потолка, холл был цилиндрический или бочкообразной формы. Стены источали мягкое сияние, создавая иллюзию

пространственной глубины, и (как отметил про себя Фрэнк) ничем существенным не отличались от экранных стен залов экспресс-информации в других отделах Управления. Но вот иллюзорная глубина слабо окрасилась: левая половина холла нежно-зеленым, правая — голубым, и холл стал похож на остекленный зал демонстрационного океанариума с двухцветной водой; а там, где должна была проходить граница слияния красок, проступило крупное изображение оператора. Это был сероглазый брюнет, лет тридцати, в черно-белой форменной рубахе.

— Джон Купер,— представил оператора Гэлбрайт,— специалист синтез-информационной группы.

Купер приподнялся над пультом, кивнул. В его неторопливых, небрежно-ловких движениях угадывались приметы, свойственные человеку самоуверенному.

Гэлбрайт перешел к делу:

— В поле нашего зрения... вернее будет сказать, подозрения, рейдер «Лунная радуга». Корабль третьей по счету экспедиции к Урану. Что у вас по результатам анализа, Купер?

— То же самое, шеф. На подозрении космодесантники группы Элдера. Даю список.

Оператор произвел на пульте нужные манипуляции, и на голубой стене возникли две колонки имен и фамилий:

Тимур Кизимов	Юс Элдер
Дэвид Нортон	Аб Накаяма
Эдуард Йонге	Мстислав Бакулин
Жан Лорэ	Леонид Михайлов
Марко Винезе	Рамон Джанелла
Золтан Симич	*Николай Асеев*
Меф Аганн	

— Вторая колонка — список десантников, погибших в момент так называемого «оберонского гурма»,— пояснил Купер.— Пилот «Лунной радуги» Меф Аганн и начальник рейда Николай Асеев в десантной группе официально не числились, однако участвовали в высадке на Оберон.

— Первую колонку можно оставить,— позволил Гэлбрайт.

Вторая колонка растаяла на голубом и проступила на зеленом поле экранной стены, слева от изображения Купера.

— Если мне память не изменяет,— проговорил Гэлбрайт,— Винезе четыре года назад пропал без вести во время разведки пещер Лабиринта Сомнений в недрах Меркурия.

— Память вам не изменяет,— подтвердил Никольский.— Винезе придется убрать из списка живых.

— Золтана Симича, к сожалению, тоже,— добавил Купер.

Никольский и Гэлбрайт уставились на оператора.

— Это с какой стати? — спросил Гэлбрайт.

— Согласно последним данным отдела Регистрации, шеф.

— Когда?..

— Сорок один час назад.

— При каких обстоятельствах?

— Принимал участие в поисках дисколета, потерпевшего аварию в южной зоне Горячих Скал на Венере. Погиб во время кольцевого вулканического извержения.

— Тело Симича? — быстро спросил Никольский.

Секунды напряженного молчания. Фрэнк обратил внимание на мистера Икс и поразился происшедшей в нем перемене: подавшись вперед, старик по-птичьи вцепился в край стола белыми пальцами, рот приоткрыт узкой и темной щелью — поза весьма заинтересованного человека.

— Тело Симича? — переспросил Купер. Обвел глазами пространство — должно быть, оглядывал там, в операторской, невидимые отсюда экраны. Манера водить глазами, почти не поворачивая головы, придавала облику оператора деловую сосредоточенность.— У меня таких сведений нет.

— Сделайте срочный запрос,— посоветовал Гэлбрайт.

Купер с ловкостью факира выхватил откуда-то блестящий шарик и профессионально-точным движением вставил его себе в ухо.

— Свяжите меня с отделом Регистрации. Да, сектор «Венера»... Ты, Викинг? Привет! Нас интересуют последние новости из южной зоны Горячих Скал... Так. Понятно... Благодарю тебя, Викинг.— Купер выключил переговорное устройство.— Дисколет найден, шеф. Экипаж уцелел. Под извержение попали двое: Симич и его напарник. На месте их гибели — озеро высокотемпературной лавы. Поиски прекращены.

— М-да...— проговорил Гэлбрайт,— многообещающее начало. Что ж, остается известная нам четверка плюс

Меф Аганн... Купер, пожалуйста, все сведения об Аганне. Послужной список, портрет, характер, привычки... ну, словом, все, что касается этого человека. Остальное — в запасник.

Список десантников полностью перекочевал на зеленое поле. По голубому прошла темная полоса, оставляя после себя восемь колонок четкого текста. Над первой колонкой — красочный слайд: коренастый человек в белом спортивном комбинезоне прижимал к груди какой-то круглый металлический предмет и улыбался. У человека были очень светлые желтоватые волосы и синие, с бирюзовым оттенком глаза.

— Обаятельная внешность,— признал Гэлбрайт.— Посмотрим, однако, что в тексте... Родился, учился, мечтал, закончил, летал, участвовал... Так, хорошо. Спортивные увлечения: пневмолыжи, экранолет, гиромобиль... Великолепно. Общителен, терпелив, способен к решительным действиям, дружелюбен, покладист... и все остальное в том же духе. Не человек, а вместилище всех совершенств и достоинств. И почему-то холост... Летная стажировка на «Альбатросе», должность второго пилота на «Скандинавии», первый пилот «Лунной радуги». Восемь лет назад администрацией Управления объединенного космофлота Системы (УОКС) назначен капитаном танкера «Анарда». Премии, награды, поощрения... Купер, какие линии сейчас обслуживает танкер?

— Решением администрации УОКСа танкер снят с дальнорейсовых линий, переброшен в лунную систему Сатурна и поставлен на орбитальный прикол у Япета. УОКС намерен всучить эту ржавую бочку сатурнологам Первой комплексной экспедиции. В качестве орбитальной базы.

— Понятно. Аганн?

— Теперь он «соломенный» капитан.

— Подал в отставку?

— Нет. И даже не покинул борт «Анарды». Формально он имеет на это право, пока не будут утверждены акты на списание и передачу танкера.

— Странно... Пятьдесят два года — предельный возраст для космонавта. На что он рассчитывает?

— Трудно сказать. Администрация отдела летного состава УОКСа тоже в недоумении, но торопить заслуженного ветерана с отставкой пока не решается.

Гэлбрайт, откинувшись в кресле, разглядывал слайд.

— Купер, а что он держит в руках?

— Приз, которым его наградили за первое место в трансатлантических гонках на спортивных экранолетах по маршруту Дакар — Флорида.

— Когда это было?

— Десять лет назад.

— Значит, перед отлетом на Оберон... Какими видами спорта он увлекается позже?

— Это было его последнее увлечение, шеф.

— Чем же он заполняет свой досуг во время отпуска на Земле?

— Мне придется связать нашу синтез-систему с информатекой отдела охраны труда УОКСа.

Пока оператор был занят, Гэлбрайт перечитывал текст.

— Готово, шеф.

— Я весь внимание, Купер.

— Согласно данным УОКСа за последние десять лет Аганн провел на Земле отпускного времени вдвое меньше, чем этого требуют нормы охраны труда. Даю диаграмму.

Вспыхнул красочный круг с разноцветными секторами. Минуту Гэлбрайт разглядывал диаграмму.

— Такое впечатление,— сказал он,— будто после событий на Обероне Аганн намеренно избегает бывать на Земле.

— Да, шеф. Отдел охраны труда чуть ли не силой заставляет Аганна использовать право на отдых, и каждый раз Аганн покидает Землю задолго до окончания отпуска. Более того... Ни для кого не секрет, что экипажи кораблей УОКСа, призванные на космодромы и базы Луны для переподготовки, формирований летного состава или просто в резерв, используют любую возможность, чтобы часть этого времени провести на Земле. До событий на Обероне Аганн поступал точно так же. Однако последний десяток лет...

— Достаточно, Купер. Я жду ответа на свой предыдущий вопрос.

— Все свое отпускное время Аганн проводил в постоянных разъездах, но очень однообразно.

— То есть?

— В одном из агентств объединения «Глобус» он заказывал туристский литер на посещение нескольких, но всякий раз одних и тех же городов. Свой турвояж неизменно начинал и завершал в Торонто.

— Список всех городов! — потребовал Гэлбрайт.

На голубом поле экранной стены промелькнул сверкающий зигзаг, и рядом с кругом цветной диаграммы появилась новая колонка текста:

г. Торонто — Элдер
г. Буэнос-Айрес — Джанелла
г. Киев — Бакулин
г. Суздаль — Асеев
г. Иркутск — Михайлов
г. Симода — Накаяма
г. Торонто — Элдер

— В чем дело?! — Гэлбрайт даже привстал.

— Сработал синтез-блок совпадений...— Купер пожал плечами. Теперь, оглядывая экраны операторской, он довольно-таки энергично вертел головой. Тишина в раутхолле стала почти осязаемой.— Ах, вот оно что! Ну понятно!..

— Мы охотно разделим с вами ваш восторг,— прошипел Гэлбрайт.

— Аганн посещал родные города погибших десантников, шеф...

Гэлбрайт переглянулся с Никольским. Сказал Куперу:

— Список немедленно передать отделу Наблюдения.— Нашарил на столе кнопку внутренней связи.— Соедините меня с отделом Наблюдения.

— Дежурный отдела Наблюдения Бауэр,— откликнулся спикер.

— Оперативно-следственный отдел. Гэлбрайт. Вам передан список шести городов и привязанных к ним фамилий космодесантников. Это по делу «Черный след». Поднимите на ноги всю нашу агентуру в указанных городах. Задание первое: провести операцию типа «Эспланейд» в местных отелях объединения «Глобус». Подозреваемый — Меф Аганн, капитан танкера «Анарда». Задание второе: выяснить, встречался ли Аганн с родственниками или друзьями перечисленных в списке погибших космодесантников. Если да, то по каким вопросам конкретно. Относительно городов восточного полушария вам необходимо срочно войти в контакт с отделом Наблюдения Восточного филиала. Контакт запросите от имени...— Гэлбрайт вопросительно взглянул на Никольского — тот кивнул,—...от имени шефа оперативно-следственного отдела этого филиала Никольского. Все

сведения по мере их поступления немедленно передавать мне. Выполняйте.

— Дежурный Бауэр принял.

— Я очень рассчитываю на вашу расторопность, Бауэр. Желаю успеха.

Заложив руки за спину, Гэлбрайт направился вокруг стола.

— Как вы полагаете, Никольский... Аганн причастен к «черным следам»?

— Полагаю, мы обязаны его подозревать.

— Меня смущает заметная разница в отношениях к Земле у десантников и у Аганна. Первые любят бывать на Земле, охотно используют отпуск и любые другие возможности. Последний не любит.

— Любят, не любит...— проговорил Никольский.— Пожалуй, это не те слова, Гэлбрайт.

Остановившись, Гэлбрайт медленно повернулся к собеседнику.

— Кажется, улавливаю вашу мысль... Купер, поройтесь в информатеке УОКСа: нет ли там документов, которые бы свидетельствовали о намерении кого-либо из наших десантников выйти в отставку досрочно.

Купер склонился над пультом.

Фрэнк вздохнул и посмотрел в потолок — затея шефа представлялась ему абсурдной. Он знал, что такое досрочная отставка для бравого молодца с эмблемой «Дикая кошка» на рукаве... По крайней мере, за Нортона можно было без риска поручиться собственной головой.

Купер выпрямился, тихо присвистнул.

— Кто? — спросил шеф.

— Все. Кроме Винезе и, разумеется, Мефа Аганна. Даю текст.

Появилось пять колонок текста. Фрэнк нашел фамилию Дэва и не сразу поверил глазам. Дэвид Нортон (который всегда был для Фрэнка загадочным средоточием мужества, жесткости, силы) трижды ставил в тупик администрацию УОКСа просьбами о досрочной отставке!..

Ошарашенный Фрэнк проверил другие фамилии. Два раза просил об отставке Симич, по разу — Кизимов, Йонге, Лорэ. Пальма «первенства» принадлежала Нортону... Да, ручаться головой в такого рода делах по меньшей мере наивно.

— Чем дальше в лес, тем больше дров...— туманно выразился Никольский.

— Обращает на себя внимание слабость сопровождающих просьбы мотивировок,— заметил Гэлбрайт.— Похоже, авторы просьб старались скрыть настоящий мотив. Или я начинаю судить предвзято?

— Нет,— сказал Купер.— Ваше мнение совпадает с мнением УОКСа. Только просьбу Лорэ УОКС признал достаточно мотивированной, поскольку она опиралась на заключение медэкспертизы. У десантника всерьез пошаливали нервы.

— Самое любопытное,— заметил Никольский,— основная масса просьб падает на второй и третий годы после событий на Обероне.

— Да, на четвертый приходится лишь последняя — Нортона.— Гэлбрайт метнул взгляд в сторону оцепеневшего Фрэнка.— Нортон выглядит рекордсменом во всех отношениях.

Никольский тоже посмотрел на Фрэнка, но ничего не сказал.

«Не воображают ли они, будто я что-то утаиваю?..» — с недоумением подумал Фрэнк.

Гэлбрайт сел, удобно откинувшись в кресле.

— Вот что, Купер... Возьмите всю эту компанию соискателей досрочной отставки и постарайтесь дать нам общую картину их служебной деятельности после Оберона.

— По-моему,— сказал Никольский,— есть смысл включить в сводную схему Винезе и Мефа Аганна. Для контраста.

— Не возражаю. Купер, давайте всех семерых.

В голубом пространстве экрана возникло схематическое изображение Солнечной системы. Схема напомнила Фрэнку большую мишень с оранжевым Солнцем-яблочком в центре. Избавляясь от наваждения, он встряхнул головой и послал проклятие Веберу.

Из центра схемы одновременно, вспышкой, брызнули десять радиусов лучей, и «космическая мишень» стала стремительно покрываться узорной мозаикой разноцветных кружочков, словно попала под перекрестный огонь торопливых и неумелых стрелков, успевших «изрешетить» орбиты Юпитера и Сатурна прежде, чем им удалось наконец «пристреляться» к орбитам внутренних планет. Появились короткие надписи: названия кораблей, кодовые наименования рейдов и операций. Возникла целая система связующих линий, сплошных и пунктирных. Луны, базы, колонии, станции, даты... Фрэнк вознамерился было

самостоятельно проследить служебный путь Дэвида, но от этого намерения пришлось отказаться — рябило в глазах.

— Вы удовлетворены этой схемой? — спросил Гэлбрайт Никольского.

— Э-э... в какой-то мере,— тактично ответил Никольский.

— А вы, Купер?

— Я?..— На лице оператора проступило некоторое замешательство.— Готов дать любые гарантии, все здесь на своих местах.

— Мы принимаем ваши гарантии, но свое загадочное произведение вам придется прокомментировать.

Купер помолчал, соображая. Гэлбрайт терпеливо ждал.

— После возвращения «Лунной радуги»,— заговорил оператор,— для наших десантников начинается новый этап работы в Пространстве. Чтобы облегчить обзор, я предлагаю принять за условный ноль отсчета времени момент катастрофы на Обероне.— Купер вопросительно замер.

— Продолжайте.— Гэлбрайт кивнул.— И покороче, самую суть.

— Первый год: возвращение, отпуск, Земля. Все у них в норме, если, конечно, сбросить со счета последствия шока, пережитого на Обероне. Год второй. Базовый город Гагарин на Луне: переподготовка, ожидание новых формирований и, наконец, служебные визы на выход в Пространство. Симич, Йонге, Кизимов, Лорэ попадают в состав десантного отряда «Голубая пантера», который был создан для лунной системы Юпитера. Там начиналось строительство крупных стационарных баз, и десантникам...

— Это можно опустить,— доброжелательно позволил Гэлбрайт.

— Аганн и Нортон — желтые и синие элементы схемы — вошли в состав четвертой экспедиции к Урану. Точнее, в состав «экспедиционной комиссии Юхансена» — комиссии по расследованию оберонских катастроф. Корабль экспедиции — та же «Лунная радуга». Аганн, как и прежде,— первый пилот корабля, Нортон — командир десантной группы. Благополучная высадка на Оберон, благополучный отлет и... первая просьба Нортона о досрочной отставке.

— Ах вот как! — оживился Гэлбрайт.— Первая ласточка все-таки из системы Урана!..

— Да, шеф, но... пока УОКС переваривал эту пилюлю, из системы Юпитера одна за другой поступили аналогичные просьбы от Йонге и Симича, а месяц спустя — от Лорэ. Год третий...

— Виноват,— вежливо вставил Никольский.— Вы забыли Винезе.

— Верно, простите. Винезе — красные элементы на схеме — сразу попал на Меркурий в отряд специального патрулирования «Меркьюри рэйнджерс». Там и работал до известного вам происшествия в Лабиринте Сомнений. Просьб о досрочной отставке не подавал. Год третий...

Купер давал пояснения коротко, быстро, при этом ярко вспыхивали соответствующие элементы схемы — следить было удобно. Фрэнк следил, слушал и ждал, когда же дело наконец дойдет до Нортона, и испытывал нетерпение, потому что дело до Нортона не доходило.

— Вернемся к Нортону,— перебил оператора шеф.— В ответ на первую просьбу УОКС переводит его... Куда его там переводят?

— В систему Сатурна.

— Так. И что изменилось?

— Ничего. Как и прежде, Нортон стремится выйти в отставку.

— Понятно... И Нортона переводят в систему Юпитера? Я правильно ориентируюсь на вашей живописной схеме?

— Да, шеф. Но и в системе Юпитера его преследует мысль об отставке. Не желая терять опытного специалиста, УОКС решается на третий перевод. Теперь уже на Меркурий.

— Именно там Нортон перестал терроризировать свою администрацию странными просьбами?

— Да. В итоге к исходу пятого года...

— Спасибо, Купер, достаточно,— остановил его Гэлбрайт. Никольскому: — Занятная «география», не так ли?

— Весьма!..— задумчиво ответил тот.— После событий на Обероне что-то очень мешает нашим десантникам нормально работать в зоне дальних планет...

— ...И настолько, что даже позор досрочной отставки не кажется им слишком дорогой ценой за избавление от этого «чего-то».

— Но, судя по всему, на внутренних планетах это «что-то» или ослабевает, или отсутствует вообще. Во всяком случае, после провала затеи с досрочной отставкой

десантники облюбовали Венеру, Меркурий — в основном почему-то Меркурий — и успокоились.

— Я бы сказал — затаились. А насчет Меркурия, по-моему, ясно: традиционные трудности освоения этой, мягко выражаясь, знойной планеты, как правило, не позволяли УОКСу отвлекать в дальнее Внеземелье десантные силы меркурианских отрядов. Тем более отряда «Меркьюри рэйнджерс». И в этом все дело.

Подчеркнутое шефом «затаились» вызывало у Фрэнка интуитивный протест. С какой стороны ни возьми, а понятие «затаился» решительно не вязалось с характером Нортона.

— Иными словами,— продолжал Гэлбрайт,— мы обнаружили весьма загадочную реакцию бывших десантников «Лунной радуги» на собственное пребывание в зоне дальнего Внеземелья.

— Их реакция слишком напоминает испуг,— предложил свою версию Купер.

— Сомнительно,— сказал Никольский.— Пугливый космодесантник, робкий сорвиголова, почти ежедневно рискующий жизнью... Не звучит, понимаете.

Посовещавшись, Никольский и Гэлбрайт решили, что весь объем полезной информации по этим вопросам, пожалуй, исчерпан и наступила пора заняться самим Обероном.

— Итак,— сказал Гэлбрайт, отправляясь в очередное путешествие вокруг стола,— мы имеем серьезные основания заподозрить плотную связь между предметом нашего следствия и системой Урана. Каков первый источник надежной информации об этом районе?

— Первыми были транзитные станции-автоматы серии «Пионер»,— ответил Купер.— Основную программу беспилотной разведки Урана завершили кассетные станции серии «Радиант».

— Собранный материал дал хоть какой-нибудь повод для сомнений относительно безопасности этого района?

— Ни малейшего... Весь научно-исследовательский материал, как это положено, прошел досмотр в отделе Допуска нашего Управления и с интересующей нас точки зрения оказался чист, как звездный поцелуй.

— Превосходно. Переходите к этапу экспедиционных посягательств на Уран.

— «Громовая стрела», разведочный рейдер с экипажем в одиннадцать человек. Пропал без вести примерно на половине пути между орбитами Сатурна и Урана.

— Расценивать это как первый тревожный сигнал по вопросам нашего следствия? — обратился Гэлбрайт к Никольскому.

— Не имеем права,— возразил тот.— В делах разведки системы Урана «Громовая стрела» была только возможностью, но так и не успела стать инструментом. Она затерялась на дальних подступах к цели, и причина вряд ли была... э-э... слишком экстравагантной. В полете может случиться всякое. Взрыв реактора, например.

— Взрыв реактора... Ладно, возьмем на заметку. Но продолжайте, Купер.

— Год спустя стартовал к Урану малотоннажный рейдер «Леопард».

— Вот это другое дело,— пробормотал Никольский.

— Пять человек на борту,— продолжал Купер,— под предводительством Эллингхаузера. Среди космических асов того времени он широко был известен под прозвищем Пауль-везунчик. Экипаж прославился умением находить выход из самых отчаянных положений.

— Да, это был отборный экипаж...— Никольский покивал.— Все как один многоопытные, хорошо подготовленные парни.

— Несмотря на их многоопытность, «Леопард» пропал без вести так же загадочно, как и «Громовая стрела»,— гнул свое Гэлбрайт.

— Ну... не совсем так.— Никольский сделал жест несогласия.— «Леопард», во-первых, достиг цели. И без каких бы то ни было происшествий, заметьте. Эллингхаузер радировал победный рапорт, в котором, кстати сказать, кроме неумеренных восторгов по поводу прибытия в систему Урана, нет ничего достойного внимания. Однако главное в другом. Едва осмотревшись в системе, Эллингхаузер азартно бросился в погоню за ближайшим спутником. На этом его везение кончилось, потому что ближайшим оказался именно Оберон.

— Значит, вы предлагаете опираться на выводы комиссии Юхансена?

— Я предлагаю опираться на факты.

— Боюсь, как бы нам не пришлось опираться на их отсутствие,— мрачно заметил Гэлбрайт, возвращаясь в кресло.— Купер, давайте припомним, как действовал Эллингхаузер.

Купер пожал плечами:

— Действовал правильно, шеф. Следуя типовым инструкциям лунной разведки, «подвесил» рейдер на кру-

говой орбите, сбросил на Оберон несколько кибер-зондов и телемониторов. Положенное время вел трансляцию оберонских ландшафтов вперемежку с данными киберзондирования. У селенологов, принимавших трансляцию «Леопарда», большой интерес вызвала так называемая Ледовая Плешь. По словам самого Эллингхаузера, Оберон был похож на «арбуз с отрезанной верхушкой». На фоне очень неровной поверхности планетоида Ледовая Плешь выглядела удивительно плоской. Она имела около двухсот километров в диаметре, а в центре ее одиноко зиял глубокий кратер диаметром в тридцать один километр...

— Купер, кажется, мы вспоминаем действия Эллингхаузера.

— Осталось добавить немного,— перехватил инициативу Никольский.— Покончив с телетрансляцией, Эллингхаузер сообщил о своем намерении посадить рейдер на Ледовую Плешь в районе, разведанном кибер-зондами. На этом связь с «Леопардом» прекратилась, никаких сообщений больше не поступало. Двадцать суток спустя стартовала к Урану «Лунная радуга».

— Представляю себе изумление ее экипажа...

— Да, «Леопарда» не было на Обероне. Орбитальный осмотр планетоида ничего не прояснил. Радары и телефотеры «Лунной радуги» тщательно обшарили поверхность — все было так, как сообщал и показывал Эллингхаузер: Ледовая Плешь, воронка глубокого кратера. Но не было «Леопарда». Ни следов посадки его, ни обломков... Мнения членов командного совета «Лунной радуги» разделились: одни считали, что «Леопард» вообще не садился на планетоид, другие — что рейдер садился, однако ушел с Оберона, не оставив на месте посадки даже радиобакена. Ведь никому и в голову прийти не могло, что Оберон западня.

— Это верно,— сказал Гэлбрайт,— но только в отношении вылазки на Оберон десантников «Лунной радуги».

— Хотите сказать, это неверно в отношении «Леопарда»?

— Я говорю об отсутствии фактов. У нас нет прямых доказательств, что «Леопард» садился на Оберон. Мы знаем о намерении Эллингхаузера, но не более того.

— Наряду с методом прямых доказательств, Гэлбрайт, существует и метод прямых аналогий. Гибель десантников Элдера...

— Простите, Никольский, я не оспариваю действенность этого метода.

— Значит, мне показалось.

— Вижу, мне следует объясниться. Комиссия Юхансена, усмотрев прямую аналогию между трагедией группы Элдера и судьбой «Леопарда», сочла свою работу законченной. Однако дело, завершенное на уровне аналогий, бумерангом вернулось к нам и требует пересмотра. С чем я эту комиссию и поздравляю.

— Не разделяю вашей иронии, Гэлбрайт. Свою задачу Юхансен выполнил.

— Да, если говорить о том, что он добросовестно выяснил, как срабатывал механизм оберонской западни. Будучи специалистом по лунным системам внешних планет, он понимал свою роль председателя комиссии по расследованию оберонских событий скорее как роль ученого. Другими словами, Юхансен-ученый возобладал над Юхансеном-следователем, и это в достаточной степени скверно сказалось на результатах работы комиссии в целом.

— С высоты теперешнего положения нам легче рассуждать о недостатках «работы комиссии в целом»,— заметил Никольский.

— Разумеется. И я намерен это использовать. Собственно, все мои доводы можно свести к одному: коллективному мозгу комиссии недостало воображения. Жрецы внеземельных наук подошли к странностям Оберона с неоправданно жесткими мерками своего оправданно куцего опыта.

На этот раз Никольский промолчал.

— Комиссия,— продолжал Гэлбрайт,— столкнулась с космической неожиданностью самого экстравагантного свойства. При всем при том в отчетах комиссии я не нашел ни единого факта, который мог бы служить хоть каким-то звеном между цепью событий на Обероне и цепочкой «черных следов» на Земле.

— Но кто бы мог теперь поручиться, что комиссия действительно имела возможность собрать больший объем фактического материала, чем тот, который представлен ею в отчетах? Я, например, не взял бы на себя такую смелость.

— Тогда разрешите это сделать мне,— прозвучал в раут-холле великолепно поставленный баритон.

Фрэнк повертел головой. Голос подал старик — больше вроде бы некому,— но Фрэнк не сразу в это поверил.

Похоже, оторопел от неожиданности и Никольский — покосился на старика, ничего не сказал, перевел взгляд на Гэлбрайта. С экранной стены лучилась любопытством физиономия Купера.

Старик слабо пошевелился, выложил на стол худые синевато-мраморные кулаки.

— Я думаю,— сказал он,— Гэлбрайт увлекся и слишком строго судит работу комиссии. На разных этапах следствия — разные задачи, и, как вы справедливо отметили,— он посмотрел на Никольского,— Юхансен свою задачу выполнил. Дело за вами. Но что касается... э-э... неизбежных, пожалуй, в следственной практике упущений, я хотел бы упомянуть об «экранных диверсиях».

— «Экранные диверсии»?..— переспросил Никольский.

— Молодой человек, могу одолжить вам свой слуховой аппарат.

«Нет, но каков орешек!» — изумился Фрэнк, с удовольствием глядя на старика.

— Простите,— сказал Гэлбрайт Никольскому,— я еще не представил вам нашего консультанта. Чарлз Леонард Роган, профессор Института космической медикологии, руководитель кафедры психоанализа, автор известной монографии «Генезис психопопуляций в условиях Внеземелья».

Никольский кивнул:

— Рад познакомиться.

— В свое время,— продолжал Гэлбрайт,— профессор помог нам вывести из тупика следствие по одному весьма запутанному делу...

— В свое время,— перебил Роган,— я настоятельно рекомендовал Управлению выяснить мотивы «экранных диверсий», участившихся на кораблях и базах Внеземелья.

Гэлбрайт обеспокоенно поерзал в кресле.

— Купер, будьте любезны, запросите следственный архив...

— Не надо,— сказал Роган.— Следствия по этому делу не было. «Экранные диверсии» пошли на убыль, о моих рекомендациях благополучно забыли. И совершенно напрасно.— Роган извлек откуда-то плоский пакетик в глянцевой оболочке, броском отправил его по полированной крышке стола в сторону Гэлбрайта.

Пакет скользнул мимо Фрэнка и, оказавшись у шефа в руках, распался на прямоугольные карточки. Шеф и Никольский углубились в изучение картотеки профессора.

— Гм...— смущенно произнес Никольский, обмениваясь карточками с Гэлбрайтом,— выходит, Юхансен знал об «экранных диверсиях».

— Знал, но вниманием не удостоил.— Гэлбрайт развернул карточки веером.— Я ожидал чего-нибудь в этом роде.

— Кстати, количественный пик «диверсий» хорошо совпадает с периодом просьб о досрочной отставке.

— Да. Лишнее свидетельство достоверности этого материала и...

— Молодой человек,— высокомерно перебил Гэлбрайта Роган,— в такого рода делах я убежденный педант и привык тщательно взвешивать свои доводы.

Гэлбрайт и бровью не повел. Разложил карточки на столе, спросил:

— Откуда у вас эти сведения, профессор?

— А вам, собственно, зачем? — с прежним высокомерием осведомился Роган.

«И в цирк ходить не надо!..» — наслаждаясь сценой, подумал Фрэнк.

— Затем, что наши отделы Внеземельного сектора такими сведениями не располагают,— мягко ответил Гэлбрайт.— Вам удалось самодеятельно обнаружить в космосе то, чего не смогла разглядеть у себя под носом специально подготовленная агентура. Мы просто обязаны использовать ваш опыт. Итак?..

Старик было заерепенился, но Гэлбрайт умел настоять на своем, и делиться «опытом» Рогану все же пришлось. Фрэнк понятия не имел, о каких это «диверсиях» идет речь, и следил за беседой с повышенным интересом.

Удачливая самодеятельность старика, которую шеф соизволил отметить, объяснялась просто. Руководитель кафедры психоанализа Чарлз Леонард Роган был плодовит. Плодовит идеями, учениками, последователями. Изрядное количество его питомцев трудилось на внеземельных объектах, и большинство этих трудящихся (как в силу редкостной специфики своей работы, так и по причине своего естественного благонравия) продолжали поддерживать с альма-матер довольно тесные контакты. Фрэнк по ходу дела прикинул, что диплодок-профессор имеет в космосе едва ли не более разветвленную «агентурную сеть», чем оба филиала Управления космической безопасности вместе взятые. Не выходя из кабинета, старый гриб ухитрялся быть в курсе многих событий напряженной жизни Внеземелья.

Впервые об «экранных диверсиях» Роган узнал от медикологов системы Юпитера. Бывший аспирант профессора, некто Луис Нино де Ривера поведал ему эпизод из собственной практики. Эпизод, представленный молодым медикологом в виде курьезного случая, таковым профессору не показался и даже, напротив, весьма неприятно его удивил и озаботил. Суть рассказанного де Риверой сводилась к следующему.

Однажды на имя Ответственного Распорядителя лунной системы Юпитера (база «Каллисто-Центр») от старшего администратора шестой луны (ЛЮ-6 «Гималия») поступил зашифрованный радиорапорт, из коего следовало, что на базе космодесантников «Голубая пантера» несколько часов назад имело место происшествие, «которое нельзя квалифицировать иначе как необъяснимый случай исступленного умопомешательства». «Разобраться и объяснить» было поручено де Ривере. Медиколог быстренько оснастил типовой медицинский бот соответствующим оборудованием и стартовал на шестую луну.

ЛЮ-6 — стодвадцатикилометровый обледенелый мирок, похожий на неровно обработанную глыбу мрамора с красновато-коричневыми прожилками. На светлом фоне база космодесантников виделась четким узором татуировки: два пунктирных прямоугольника, соединенные пунктирной дугой... Медицинскому боту своевременно дали «добро» на посадку, предупредительно «развернули» полную карту сигнальных огней на территории космодрома, экипаж — медиколога и пилота — молчаливо, но вежливо встретили прямо у выхода из шлюза. Никаких признаков «исступленного умопомешательства»... Очень живой и общительный по характеру де Ривера засыпал встречавших вопросами. В ответ пожимали плечами. Озадаченный медиколог, оказавшись с глазу на глаз со старшим администратором, потребовал объяснений. Администратор препроводил его в бункер, у входа в который сияла рубиновым светом запретная надпись: «Стоп! Комплект ДО-2», посторонился, кивнул на экраны. Это были роскошные сингуль-хроматические экраны новейшего образца с необыкновенно высоким качеством цветоинтерпретации. Располагались они вдоль бункерных стен двумя поясами. Верхний пояс был цел. Нижний... Почти половина экранов нижнего пояса была варварски уничтожена. Из разбитых проемов, стеклянно блестя, свисали пучки оборванных световодов, на пультах и креслах темнели потеки оптической жидкости, под ногами хрустело хрупкое крошево...

Били чем-то тяжелым, определил де Ривера и невольно одобрил диагноз, предложенный старшим администратором. У человека, здравого умом, рука не поднялась бы сделать такое... На вопрос де Риверы, кто чаще всех бывал в этом бункере, администратор, вздыхая и хмурясь, дал подробный, но мало что прояснивший ответ.

На всех без исключения базах космодесантных отрядов имеется дубль-комплект диспетчерского оборудования ДО-2. Необходимость? Вряд ли... Скорее инерция, анахронизм, наследие времен, когда надежность аппаратуры еще не достигала должного уровня. Лично ему, администратору, за двадцать лет работы во Внеземелье только однажды пришлось быть свидетелем практического оправдания подобной предусмотрительности, и то по причине скверного обогрева основной диспетчерской рубки — дежурные мерзли. Мало-помалу дубль-бункер — этот технический рудимент — принял на себя роль обычного информатория, доступ в который открыт для всех. Что? Да, в любое время дня и ночи. Запретное «стоп!» — тоже анахронизм и давно уж никого ни к чему не обязывает. Поскольку дубль-комплект работает синхронно с аппаратурой диспетчерской рубки, свободные от вахты люди иногда заглядывают в бункер узнать подробности текущих дел или просто послушать местные новости. Ведь доступ в основную рубку разрешен только членам командного совета базы. Конечно, большей популярностью пользуется главный информаторий-кафе, однако в напряженные часы десантных операций дубль-бункер бывает забит до отказа. И вот, извольте видеть... Администратор горестно повел рукой.

Медиколог, теряя терпение, прямо спросил, кого из людей администрация держит на подозрении.

— Вынужден вас огорчить,— был ответ,— на подозрении практически все.

— А вы подумайте,— настаивал де Ривера.— Мы не имеем права подвергать унизительной процедуре медицинской перепроверки весь коллектив базы.

— Верно. Такого права мы не имеем. Видите ли, я полагал... специалисты вашего профиля владеют каким-нибудь методом... ну... без посредства этих... диагностических машин, шлемов, датчиков и присосок. Мне казалось, какой-нибудь хитроумно составленный тест, психологический трюк...

— Трюк?! — Медиколог медленно закипал.— Послушайте, уважаемый! Я не шаман, и фольклорный метод

зачерненного сажей горшка применять здесь решительно не собираюсь. Либо строго научный анализ на основе машинной — как это вам ни претит — диагностики, либо...

— Я понял,— печально ответил администратор.— Что ж... действуйте, как находите нужным.

— Действовать я не могу, пока вы не представите мне заподозренного вами человека. Кто-то ведь должен быть у вас на примете. Ну хорошо, не один, пусть даже несколько — группа. Но не весь коллектив, разумеется! След горячий — экраны разрушены только вчера. Ведь не призрак разрушил ваши экраны!

— В некотором смысле — призрак. Видите ли... Инструмент разрушения пойман, а сам разрушитель...

— Как вы сказали? — Медиколог взглянул в глаза собеседника с этаким профессиональным интересом.— Пойман инструмент?

— Да. Но вы не волнуйтесь, я объясню. Сам разрушитель экраны не бил. Он приказал это сделать киберуборщику ХАУМ-7-8 класса «Стюард». Когда приказал — неизвестно. Может, вчера, а может, неделю назад... Память уборщиков-автоматов этого класса рассчитана для семидневного цикла работы.

— Что ж вы мне раньше...— У медиколога опустились руки.— Ведь это меняет дело...— Минуту он молчал, сосредоточенно соображая. Сказал наконец: — Боюсь, я ничем не смогу вам помочь: мотивы умышленной порчи имущества базы не по моей специальности. Да, да, и не смотрите на меня так. Обстоятельства дела наводят на мысль, что за всем этим...— де Ривера кивнул на разрушенные экраны,— скорее скрывается трезвый расчет, чем ущербность рассудка.

Администратор безропотно выслушал мнение медиколога, и глаза у него были усталые и несчастные.

Для очистки совести де Ривера побеседовал с местным врачом. Тот признал, что истребление экранов — случай, конечно, ошеломительный, но дал понять, что попытка администрации представить все это в «психопатологическом ракурсе» лично с его стороны не получит поддержки. Нет, он не оспаривает правомерность той или иной гипотезы для объяснения вчерашнего события, но гипотезу об «умопомешательстве» считает наименее удачной. «Диверсионная» гипотеза тоже не вызывает у него никакого сочувствия, поскольку заведомо отсутствует мотив диверсии.

— А если предположить, что мотив просто нам неизвестен? — спросил де Ривера.

— Тогда неизбежно придется признать гангстеризм в системе Юпитера,— ответил врач, разводя руками.— Но это ведь несерьезно — гангстерское гнездо на базе космодесантников!

— Резонно...— пробормотал медиколог.— Вынужден согласиться. Однако что вы предлагаете взамен?

— Я бы рискнул предложить третью гипотезу. И весь ее смысл заключен в одном-единственном слове: недоразумение. Расшифровочка требуется?

— Да, будьте любезны.

— Так вот: никакого «умопомешательства» на базе не было, «умышленной порчи имущества» тоже. Было недоразумение. Кибер-уборщик истолковал как приказ чью-то случайную фразу и выполнил то, о чем его, дурака, никто никогда не просил. Специалисты, правда, считают, что это выходит за рамки возможного. Дескать, логика автоматов класса «Стюард» принимает приказ только вместе с произнесенной формулой обращения. Но представьте себе ситуацию: по хозяйственной надобности кто-то сказал эту формулу, кто-то рядом стоящий его перебил, а кто-то проходивший мимо как-нибудь неудачно, к примеру, сострил... Впрочем, можно представить себе ситуацию и посложнее.

— Понимаю... Благодарю вас, коллега. Вы меня убедили...

Удрученный де Ривера полюбопытствовал взглянуть на виновника переполоха. Ничего особенного: новая модель «Стюарда» — помесь механического осьминога с пылесосом и рукомойником. Автомат, поблескивая бусинами глаз, послушно выполнил несколько команд администратора. Затем, уже по собственной инициативе, пустил струю какой-то жидкости медиколога на ботинки, посвистел пылесосом, повращал шаровидными щетками. Такую же процедуру проделал с ботинками администратора.

— Что это с ним? — спросил де Ривера.

— Заметает следы собственного преступления,— задумчиво глядя на ХАУМа, ответил администратор.— На ботинках мы притащили из бункера кварцолитовую пыль от разбитых экранов. Кстати, убрать «за собой» в бункере он не успел: как раз вчера завершился недельный цикл его работы и семидневная программа автоматически стерлась...

Де Ривера выразил администратору сочувствие, подписал протокол посещения базы и стартовал восвояси...

— Я,— сказал в заключение Роган,— так подробно передал вам исповедь моего бывшего аспиранта не только потому, что это был самый живописный случай «экранной диверсии». Мне хотелось показать вам, во-первых, насколько изобретательно действовали «диверсанты»,— кстати, «курьез» де Риверы насторожил меня именно этим — и насколько обманчивы изящные на вид гипотезы, во-вторых.

— О, здесь мы решительно с вами согласны, профессор! — Гэлбрайт кивнул.— В этом плане изящная версия сродни ложному обвинению: она тем опаснее, чем правдоподобнее выглядит.

— Встречаясь с медикологами Внеземелья,— продолжал Роган,— я выяснил, что случаи безжалостного истребления экранов отнюдь не монополия системы Юпитера и даже не монополия баз. Очажки «экраноненавистничества» вспыхивали в самых разных местах от Меркурия до Урана, в том числе на рейдовых спецкораблях. Правда, не в такой эффектной форме, как на «Голубой пантере». Я не мог понять, почему «диверсии» тяготеют к совершенно определенной категории работников Внеземелья, и передал свои материалы вашему Управлению.

— Н-да, проморгали...— с сожалением сказал Никольский.— Отличную возможность проморгали. Там, в Пространстве, мы могли бы на вполне законных основаниях применить к «диверсантам» ответные санкции...

— Боюсь, поводов для этого скоро будет у нас достаточно,— мрачно предположил Гэлбрайт.— Однако вернемся к вопросу о «диверсиях». Извините, профессор, мы перебили вас.

— Разве я еще не насытил вашу... э-э... несколько запоздалую любознательность? — ядовито осведомился Роган.

Гэлбрайт дернул щекой и убрал руки с крышки стола на подлокотники кресла. Фрэнк следил за ним с любопытством и уважением: несмотря ни на что, лицо шефа являло собой образец хладнокровия. Образец, правда, слегка побелевший, но в скульптурном отношении безупречный. Верно говорят — школа!..

— Отправная точка нашего разговора — упущения в работе комиссии Юхансена,— деловито напомнил Гэлбрайт.— В этой связи, пожалуй, нам будут полезны подробности «экранных диверсий» на «Лунной радуге». Как вы считаете, профессор?

— Я считаю, вы напрасно меня агитируете. Уж если я пожертвовал для вас драгоценным лекторским временем,

значит, дело того стоит... Мой интерес к «экранным диверсиям» был до такой степени обострен, что я не поленился подготовить соответствующую звукозапись. Карточка номер пять. И еще я считаю, что «экранные диверсии» — сущий пустяк по сравнению с другими данными. Впрочем, выводы делайте сами.

Гэлбрайт, выбиравший в этот момент нужную карточку, настороженно посмотрел на профессора.

— Перевод не потребуется,— предупредил Роган.— Легкий акцент, свойственный медикологу «Лунной радуги» Альбертасу Грижасу, не помешает вам понимать его речь и даже приятен на слух.

Фрэнк опустил карточку в щель лингверсора, и в холле послышался тихий шелест. Купер, не меняя позы, повел рукой с небрежным изяществом утомленного музыканта над клавиатурой пульта, и шелест исчез. Затем откуда-то сверху отчетливо:

— Одну минутку, Альбертас! Затронутая нами тема настолько выходит за рамки частной беседы, что... Короче говоря, вы не станете возражать, если мы сделаем фонокопию вашего рассказа? И не стесняйтесь мне возразить — не в моих правилах обременять приятных гостей хлопотными просьбами.

Фрэнк сразу узнал профессорский баритон и подивился мягкости и теплоте интонаций. Похоже, этот колючий, как высохший кактус, старик умел бывать обаятельным собеседником.

— Помилуйте, профессор, какие могут быть возражения! — прозвучал голос тенорового регистра.— Признаться, ваш интерес к «экранным диверсиям» на «Лунной радуге» меня интригует. Кстати, откуда вы могли узнать?..

— Видите ли, друг мой... Борт «Лунной радуги» не единственное место происшествий подобного рода.

— Ах, даже так! Понимаю... С чего я должен начать?

— Вам виднее. Начинайте сначала. Одно пожелание: не скупитесь на подробности. Мне бы хотелось полнее представить себе обстановку на корабле.

5. Детективная лихорадка

...В общем и целом рейс нашей Четвертой экспедиции к Урану проходил в спокойной деловой обстановке. Команда рейдера, как это ей и положено, исправно несла корабельные вахты. Группа десантников, по настоянию

Нортона, большую часть своего времени отводила спецзанятиям и тренировкам. Члены комиссии — семеро ученых во главе с Юхансеном — вырабатывали тактику изучения оберонской загадки на бесконечных совещаниях. При этом каждый из них очень тактично отстаивал свою позицию и очень доброжелательно, деликатно критиковал позицию оппонента... Я, как положено медикологу корабля, следил за самочувствием экипажа, регламентировал усердие десантников, чересчур увлекавшихся «перегрузочно-силовой» тренировкой, удерживая их от намерений сломать себе шею до прилета на Оберон. Ну что еще?.. Ах да, пожалуй, следует упомянуть о моем лингвистическом увлечении: в этом рейсе я прилежно осваивал хеттолувийскую ветвь вымерших языков. На борту «Лунной радуги» я был (как, впрочем, и многие здесь) новичком, и невинное увлечение помогало мне коротать свободное время.

Все шло нормально, здоровье экипажа было отменным, языковые крепости сдавались мне одна за другой, цель экспедиции — система Урана — уже просматривалась даже на средних экранах салонного информатора. И, увидев однажды в стройном ряду средних экранов малопривлекательную темную дыру, я, признаться, особого значения этому не придал... Ну, может быть, испытал мимолетное чувство досады по поводу чьей-то небрежности или неосторожности.

Чувство некоторого недоумения я испытал, когда неделю спустя увидел разбитый дисплей, которым я пользовался накануне, копируя текст лидийского манускрипта времен династии Гераклидов...

Для ремонта пришлось вызвать инженера-хозяйственника — порядок есть порядок. Инженер-хозяйственник — он же суперкарго и он же механик по ангарному, палубному... ну и прочим видам вакуум-оборудования нашего корабля — без интереса, мельком взглянул на изуродованный экран дисплея, но зато как-то очень внимательно посмотрел на меня. Мне даже стало не по себе... Припоминаю, в тот момент я невольно подумал, что прозвище Бак прилипло к этому человеку не без причины. Тяжелая, до глянцевого блеска выбритая голова с большим, квадратной формы подбородком и приплюснутым носом... Я поспешил заверить механика, что к повреждению экранов дисплея и салонного информатора не имею никакого отношения. Бритоголовый Бак молча вмонтировал новый экран, ушел. Я вздохнул и продолжил свои язы-

ковые упражнения. В этот день без особого, впрочем, успеха.

Но окончательно хетто-лувийскую ветвь, на которой я так уютно устроился, подрубило новое происшествие. Как-то, зайдя в кухонный отсек, чтобы наполнить свой термос кофейным напитком, я услышал гневное бормотание, а затем и увидел бритую голову Бака, менявшего экран системы аварийного оповещения. На подбородке механика красовалась нашлепка медицинского пластыря.

— Что, третий?..— осторожно полюбопытствовал я, в ту минуту больше заинтригованный пластырем, нежели разбитым экраном.

Бак обернулся, и я чуть не выронил термос. Механик смотрел одним глазом. Правым. Левый просто не различался на фоне ярко-фиолетового синяка. Мне давно не приходилось видеть таких великолепных «фонарей», и я, растроганный почти до слез, твердо решил устроить своему первому пациенту королевский прием.

— Третий!!! — прорычал Бак, продолжив работу.— А одиннадцатый не хочешь?! — И, пересыпая речь самоцветами рискованных междометий, выразил мнение, что на обратный рейс запасных экранов не хватит.— Пусть тогда глазеют в иллюминаторы! — мстительно прошипел он и грозно добавил: — Поймаю — голову оторву!

Я, сразу заподозрив самую тесную связь между его последним возгласом и левосторонним украшением, сказал, что вполне разделяю его справедливое негодование, и задал несколько наводящих вопросов. Бак не ответил.

Разумеется, я увлек пострадавшего к себе и с помощью врачебной косметологии привел его живописную физиономию в соответствие с современными представлениями о благообразии человеческого лица. Бак повертел головой перед зеркалом, остался доволен. Можно было начинать серьезный разговор. Я вынул заветный сосуд с красочной этикеткой и, будто это было самым обычным делом в космической практике, лихо поставил на медицинский стол. Выражение довольства на лице Бака сменилось вполне понятным смятением.

— Как у вас с аппетитом? — ханжески осведомился я.

— Хуже некуда,— ответил Бак, издали разглядывая этикетку.— Отбили мне аппетит... О, «Сибирская кедровая»! Редкая вещь в космическом рационе.

Со зрением, по крайней мере, у него было благополучно.

— Это лекарство,— сказал я.— Присядьте. Как врач я разрешаю вам умеренную дозу. Для восстановления аппетита. А главное — для нервной разрядки, в которой вы, я вижу, сегодня нуждаетесь.

— За матушку медицину! — Бак опрокинул стаканчик, помотал головой, выдохнул: — З-забористая, доложу я вам, микстура!.. А насчет нервной разрядки — это вы точно... Нуждаюсь. Сегодня особенно. Ушел ведь гад!..

— Как ушел?

— А вот так и ушел. Треснул меня снизу в челюсть и смылся.

— Кто?

— Да если б знать!.. Темно было, не разглядел.

— Где?

— А там же, в кухонном отсеке.

— Темнота в кухонном отсеке? Странно...

— Чего странного? Освещение он, стервец, вырубил, а экран разбил. Остались розовые цифры на часах — вот все, за что там было глазу уцепиться.

Беседа приняла доверительный оттенок, и Бак поведал мне подробности своих ночных похождений.

— Пошел это я перед сном на вечерний обход. Жилой сектор проверил — порядок. Побродил в секторе отдыха, никого не встретил. Даже в просмотровом зале фильмохранилища было пусто. Рейд серьезный, людям как-то не до веселья...

«Он прав,— подумал я.— Нельзя требовать хорошего настроения от людей, которым предстоит работать на Обероне...»

— Ну так вот,— продолжал он,— вышел я к трамплину шахты пониженной гравитации и не знаю, спускаться туда или нет. Было поздно — около полуночи, и, откровенно говоря, обходить бытовые отсеки мне очень уж не хотелось. Да и не любитель я прыгать на эти гравитационные «подушки» — прямо цирк, чесТное слово. Или возраст уже не тот?.. Привык, знаете ли, к нормальным эскалаторам на прежних кораблях... Но правило у меня такое с детства: если очень не хочется делать чего-то, надо взять себя в руки и сделать. А детство мое прошло на нижнем Дунае...

Он задумался и долго молчал. Может быть, вспоминал свое нижнедунайское детство.

— На чем я остановился?

— Вы спрыгнули в шахту. Видимо, на мостик бытового яруса?

— Да, сдуло меня с «подушки» на мостик третьего яруса, и пошел я осматривать бытовые отсеки. Тоже безлюдно... Правда, в бане обнаружил трех парней, сменившихся с вечерней вахты. Сидят, голубчики, в чем мать родила и вдумчиво так играют за одной доской в трехсторонние шахматы. Позиция у них сложилась интересная, я постоял немного, понаблюдал. Потом побрел себе дальше вдоль коридора. Тихо везде, порядок. Иду и кляну свой беспокойный характер: нормальные люди спят давно, а я вот шастаю по кораблю как полуночное приведение... Только миновал кухонный отсек, вдруг отчетливо слышу: лопнуло что-то с хрустом, посыпалось!.. У меня сердце так и упало. Одиннадцатый, думаю, не иначе!.. Вижу: дверь отсека потихоньку съехала в сторону и тут же задвинулась — стало быть, заметил меня, стервец! Ах, думаю, чтоб тебе пусто было!.. Кровь мне в голову ударила, вскипел я и опрометью к двери. Боялся: уйдет через люк в холодильный отсек, а оттуда на склады и поминай как звали... Только он, должно быть, не знал дороги на склад и просто стоял рядом с дверью, прижавшись к стене. Бросился я в темноту, а он мне ногу подставил и дверь задвинуть успел. Это чтоб, значит, не выдать себя силуэтом. Рухнул я на пол, вскочил и, пока он раздумывал, что предпринять, попытался нашарить панель освещения. И что бы вы думали? Сцапал он меня сзади за воротник, да так ловко, будто видел! А темнотища — глаз выколи!.. Ну, схватились мы в обнимку. Я по-медвежьи было насел на него. Попался, думаю, голубчик!.. Так он, дьявол сильный и гибкий, как леопард, сбросил меня и снова за воротник — толкает зачем-то к двери. Я даже опешил — за что боролись? Мне ведь только того и надо: вытащить его на свет в коридор! Хитрость этого молодца я потом раскусил, да поздно. Он правильно все рассчитал: видел по часам над дверью, что это полночь, ноль-ноль, и сейчас по всему кораблю, кроме жилого яруса и коридорных дорожек, вырубят поле искусственного тяготения. Короче говоря, на этом он меня и подловил: отсчитал, стервец, пять первых сигналов, а на последний, шестой, ка-ак саданет мне в челюсть!.. Спасибо, ровно в ноль-ноль тяготение сняли, иначе я бы затылком треснулся. И пока я медленно переворачивался в воздухе, он спокойно дверь приоткрыл и был таков. Я даже его силуэта не видел. А если бы и увидел, то вряд ли узнал: в коридорах среднего яруса после полуночи освещение тоже ведь вырубают, и только дорожки светятся синим... Ну пришел

я в себя, побарахтался в невесомости, кое-как выбрался в коридор на дорожку. На ноги вскочил, а куда бежать за ним, представления не имею...— Бак тяжело вздохнул, насупился, почесал левую бровь.

— Бровь не трогать! — предупредил я поспешно.— Терпите! К вечеру заживет. Ловко он вам глаз подбил.

— Нет, фонарь мне уж потом подвесили... Я туда-сюда по коридору пометался и вспомнил про трех парней. Ну которые в бане. Думал, может, они заметили кого. Кинулся туда, да второпях из виду упустил, что ведь и в бане теперь невесомость!.. А они все так же сидят, вернее, висят голышом у доски под потолочным светильником, сосредоточенно мыслят. Махровые простыни плавают в воздухе, словно ковры-самолеты, и шар горячей воды качается у потолка, паром исходит... Вот и вышло, что как соскочил я с дорожки предбанника в невесомость, так по инерции со всего маху в голую компанию и влетел на манер пушечного ядра. Да еще по пути головой в простыню попал, запутался. Компания, конечно, вверх тормашками — крики, ругань, переполох! Вдобавок мы всей кучей на шар проклятый наткнулись, нас немного ошпарило, и в суматохе мне в глаз кто-то пяткой так звезданул, что у меня дыхание перехватило... Барахтаюсь под мокрой простыней, вода в рот лезет — захлебнуться, недолго, кричу-булькаю: «Помогите!..» Парни меня распутывают, смеются: получили, дескать, срочную бандероль без обратного адреса, любопытно, что тут внутри. Меня увидели, ахнули: «Братцы, да это же Бак! Откуда ты к нам, орел, залетел?!» — «Цыц,— говорю,— черти! Я к вам по делу...» — «Видим,— говорят,— что по делу, да боимся гадать по какому!» И пошло у них веселье — едва от смеха не лопаются. Спрашиваю: «Кроме вас, был здесь кто-нибудь или нет?» — «Ну был,— отвечают.— Незадолго до невесомости. Постоял, посмотрел, ушел. Кто был, мы и внимания не обратили. А что?..» — «Да так,— говорю,— ничего. Никого другого, значит, не видели?..» Пожали они голыми плечами. На том и расстались...

Бак поднял было руку бровь почесать, но вспомнил мой запрет и почесал за ухом.

— Занятная история,— сказал я.— А вы уверены, что все одиннадцать экранов на совести этого... гм... стервеца?

— Десять,— сказал Бак.— Один экран ходовой рубки на совести первого пилота Мефа Аганна, о чем есть запись в вахтенном журнале. Но это, конечно, не в счет.

— А вы проверили...

— Да,— понял Бак с полуслова.— Вчера Аганн заступил на вахту с двадцати трех ноль-ноль. Вдобавок он ниже ростом, чем тот... И на вид не так силен.

— Послушайте, Феликс (настоящее имя механика), вы давно летаете дальними рейсами?

— Девятнадцать лет. На Уран, правда, иду впервые. Чаще всего ходил на Юпитер.

— Солидный опыт! И сколько экранов обычно...

— По-разному бывает,— снова опередил меня Бак.— Смотря какой рейд. Бывает — много, бывает — мало. Но ведь дело не в этом. Ведь портят экраны без умысла — мало ли что может случиться, никто ничего не скрывает. Аганн, к примеру, не скрыл. А этот злодей... Ненормальный он, что ли?

— Нет, Феликс, это исключено.

— Значит, с умыслом? Гангстер, значит? Бандит?

— Н-да, загадочно... Вы докладывали об этом капитану или начальнику рейда?

— После восьмого экрана не выдержал и пошел. Кэп меня принял за утренним чаем. Я ему про экраны, а он мне про шестой трюм. «Почему,— говорит,— вакуум-гифы плохо действуют? Откуда на пандусе лед? Зачем там кабель не убран?..» В общем, поговорили...

— Ясно. А к начальнику рейда?

— Он мне не начальник.

— Понятно... Ну что ж, Феликс, если вы не ошибаетесь и у нас на корабле действительно завелся... гм... «экранный диверсант», то мало надежды, что на этом он остановится. Давайте понаблюдаем вместе и попытаемся разобраться, что к чему. Я со своей стороны обещаю вам всяческое содействие. В случае новых эксцессов переговоры с начальником рейда беру на себя.

— Годится,— одобрил Бак, и мы скрепили свой договор солидарным рукопожатием.

Я не знал, что с этого момента обрекаю себя на затяжную болезнь, известную под названием «детективная лихорадка». Моя жизнь превратилась в кошмар, а мой кабинет — в конспиративную квартиру. Я начисто утратил интерес к тому, о чем повествовалось в древних манускриптах, но с огромным пристрастием вникал в мелочи быта современного рейдера. Загадка «экранных диверсий» не давала мне покоя ни ночью ни днем. Я освоил игру в трехсторонние шахматы и массу спортивных снарядов для тренировки десантников, чем заслужил у последних прочную благосклонность и веское прозвище Молоток.

Я научился забивать «козла», обороняться без оружия, держать пари и... многому другому, о чем раньше имел слабое представление, но без чего стать «своим парнем» практически невозможно. Это была хорошая школа, но этого мне казалось мало. Я не жалел труда, чтобы повысить уровень моих технических познаний: изучал принцип работы экранных устройств, штудировал схемы их расположения в помещениях корабля, детально знакомился с планировкой ярусов и отсеков. Мы с Баком старались держать под контролем наибольшее количество участков, потенциально «удобных», по нашему мнению, для «диверсанта». Бывало, поздними вечерами я по собственной инициативе нес «патрульную службу» — бродил, как лунатик, по коридорам, проверяя отсеки, заговаривал с любым прохожим, пытаясь на основе чистой психологии проникнуть в «истинную» суть его намерений. К счастью, поздних прохожих было очень немного, и чаще всего я видел второго лунатика-детектива. Из конспиративных соображений мы спешили молча разойтись, не позволяя себе ни единого лишнего жеста...

Зато у меня в кабинете мы могли беседовать сколько угодно. И хотя разговор по существу нашего общего дела мог быть практически ограничен вопросом: «Что нового?» — и лаконичным ответом: «Пока ничего», мои беседы с механиком (точнее, его беседы со мной) приобретали день ото дня все более затяжной характер. К совершенному моему изумлению, Бак оказался очень словоохотливым человеком. Он рассказал всю свою биографию, начиная с младенческих лет, и с таким откровенным чистосердечием возложил на меня роль арбитра его незатейливых переживаний, что я не нашел возможным этому воспротивиться — сан медиколога не позволял. Но, с другой стороны, он между делом поведал мне множество любопытных историй, басен, притч и легенд явно «космического производства». То есть я неожиданно для себя обнаружил новую разновидность устного творчества, о чем не замедлил оповестить специалистов филологов в своей статье «Интернациональный фольклор Внеземелья». Но это к слову...

Что же касается главного результата «конспиративных» бесед, то особенно хвастать здесь было нечем. Правда, мы с Баком в достаточной степени определенно установили следующее. Во-первых: самое удобное время для уничтожения экранов — поздний вечер, примерно с двадцати трех часов условных корабельных суток и до

полуночи. После полуночи за целость экранов можно было не беспокоиться: Бак заметил, что брызги оптической жидкости, вытекшей из оборванных световодов всех разбитых экранов, не разлетались далеко, а это было бы невозможным, если разрушить экран в условиях невесомости. Во-вторых, «диверсант» производил впечатление аккуратного человека: после «диверсионного акта» он никогда не забывал открыть амбразуру санитарного шлюза и выпустить «крыс» — так называют у нас на борту малогабаритную модель автомата-уборщика, запрограммированную на поддержание чистоты в небольших помещениях. Забота «злодея» о чистоте казалась мне неестественной. И еще — это в-третьих — мне казалось, что в схватке с механиком «злодей» проявил не совсем понятную деликатность... Я попросил Бака припомнить все подробности его борьбы с неизвестным, потом запер дверь, и мы с ним, сцепившись посреди кабинета, очень тщательно, шаг за шагом, эпизод за эпизодом, воспроизвели «рисунок» сражения на себе. Мои подозрения подтвердились. В схватке с механиком неизвестный не применил ни одного маломальски опасного болевого приема, за исключением финального удара в челюсть. Медвежью силищу Бака он нейтрализовал умело и, я бы даже сказал, элегантно; когда я понял всю сложность понадобившихся для этого приемов и скорость необходимой реакции, я вдруг отчетливо ощутил, что имел в виду Бак, признавая способность своего противника ориентироваться в темноте — «будто видел!». Действительно, какой сверхчуткой маневренностью надо обладать, чтобы вот так уверенно — в темноте! — «водить» за воротник осатаневшего от ярости механика, держать на расстоянии, то и дело «гасить» или парировать его отчаянные выпады, не причиняя при этом ему никакого вреда!.. Ведь главная задача «диверсанта» — сохранение инкогнито — должна была по логике вещей толкнуть его на быстрые и весьма радикальные меры под неприглядным девизом: «Спасайся любой ценой!» Пользуясь темнотой и своим преимуществом в скорости, он мог свободно расправиться с Баком... ну, скажем, одним из варварских приемов каратэ — очень быстро и очень надежно. Однако он медлил: следил за часами и ждал невесомости. Ударил не раньше шестого сигнала, «убивая» тем самым сразу двух зайцев: избавил беднягу от излишних травм, а себя от разъяренного преследователя, и, пока тот барахтался в мягких, но цепких объятиях невесомости, был таков. Да, Бак отделался дешево. По-

чему? Здесь было над чем поразмыслить... Либо неизвестный проявил странную для диверсанта гуманность, либо в рискованной для себя ситуации (если учесть физическую силу Бака) действовал с удивительным хладнокровием, ни на секунду не упуская из виду того обстоятельства, что «одураченный Бак» — это далеко не то же самое, что «искалеченный механик». Разная, так сказать, вероятность огласки... Но как бы там ни было, я почувствовал, что мы имеем дело с личностью незаурядной. В этом смысле круг поисков несколько сузился. Правда, совсем недостаточно, потому что из шестидесяти девяти человек на борту рейдера по меньшей мере дюжину я мог бы представить себе в рамках заочных моих впечатлений о таинственном незнакомце... Вот в основном и все, чем были полезны «конспиративные» встречи.

После стычки с механиком «диверсант» на время притих. Мы с Баком упорно несли «патрульную службу», прислушивались, наблюдали. Не обошлось без курьезов. Однажды Бак, проходя мимо злополучной кухни, услышал «характерный» шум и, долго не раздумывая, кинулся на спину находившегося там человека. Об этом механик рассказывал мне, опустив кое-какие подробности, но краснота и припухлость его левого уха достаточно убедительно восполняли опущенное.

— Заскочил я, значит, туда, а он встал на карачки и норовит за корпус моечной машины... Я моментально цап его и грудью к полу. Ну... он лбом об пол немного и стукнулся. Увидел меня и начал ругаться нехорошими словами. Прямо взбесился парень, честное слово!.. Я на экран глаза перевел и обмяк. Мне бы сразу взглянуть... Цел экран и нормально работает. А шум, который я слышал, был... ну, в общем, совсем другого происхождения: этот парень — Боря Морковкин, из группы двигателистов — на вахту спешил и в спешке термос свой уронил, чайные ложки рассыпал. «Прости, говорю, Боря, промашка вышла...»

Бак с огорчением развел руками. Мне оставалось усмехнуться, но я постарался, чтобы это выглядело не очень заметно.

Говоря между нами, усмехался я зря. Дня через два я был за это наказан на верхнем ярусе рейдера. За какой-то надобностью мне нужно было в кабинет органической химии... Впрочем, все по порядку.

Верхний ярус был самым слабым местом нашей с Баком гипотезы о гангстере-диверсанте. Ведь именно там

сосредоточены контрольно-координационные системы корабля, отделы научно-исследовательского профиля, сектора связи, информации и почти вся оргтехника административного назначения. Почему же тогда из десяти диверсий две произошли на жилом ярусе, остальные — на бытовом, и ни одной — на верхнем?.. Испортить экраны важных узлов корабля — такая задача для гангстера-диверсанта имела бы некий практический смысл. Но крушить экраны бытовых отсеков, салонов отдыха, библиотек!.. Во всем этом было что-то чрезвычайно странное и загадочное.

Итак, какая-то необходимость понуждала меня подняться на верхний ярус после рабочего дня. Вышел я к шахте пониженной гравитации. Что? Не совсем понятно? Ну хорошо, буду объяснять по ходу дела. Широкие вертикальные шахты — или, как у нас их еще называют, атриумы — на современных рейдерах служат для межэтажного сообщения вместо лифтов и эскалаторов. Кстати, очень удобно и быстро: прыгай вниз — вот и вся «транспортировка». Искусственное тяготение в атриумах составляет едва половину нормального, к тому же на разных уровнях автоматически срабатывает упругий воздушный поток, и все это вместе называется гравитационной «подушкой». Для прыжков снизу вверх используют воздушные катапульты. Разумеется, надо знать, с какой ступеньки трамплина и в каком направлении прыгать, но освоить это несложно: небольшая практика — и начинаешь прыгать с яруса на ярус, как заправский кенгуру. В противоположность Баку я ничего не имею против подобных способов передвижения и ностальгической тоски по лифтам и движущимся тротуарам никогда не испытывал.

Ну, в общем, запрыгнул я на верхний ярус, побрел вдоль безлюдного коридора. После рабочего дня здесь трудно кого-нибудь встретить: на весь ярус четверо вахтенных дежурных, причем двое из них — женщины (в рубке дальней связи и в зале информации). Экранов великое множество. Идеальные условия для диверсанта. И почему-то ни одной диверсии. Впрочем, на самом нижнем ярусе ведь тоже не было ни одной...

Поравнявшись с приоткрытой дверью координационно-интеграторного зала, я заглянул в щель. Длинные ряды приборных стендов, однообразие серебристых панелей, усеянных матово-белыми ромбами, и тоже длинные и непривычные для глаз лимонно-желтые экраны с вереницами проплывающих в них красно-коричневых и ядовито-зеле-

ных парабол... За маленьким пультом, ячеистая форма которого мне странно напоминала архитектурный макет какой-то приморской гостиницы, отбывал вечернюю вахту инженер-координатор Клим Рукосуев. Сидел он к пульту вполоборота, комфортабельно развалившись в кресле, нога на ногу, держал в руках потрепанную книгу и беззвучно смеялся — это было заметно по его вздрагивающим плечам.

Я любил заглядывать в этот зал, но, к сожалению, Клим терпеть не мог посторонних. Мне нравилось смотреть на длинные экраны: цепочки плывущих парабол создавали иллюзию, будто корабль мчится в лимонно-желтом пространстве, а мимо проносится нескончаемая стая перелетных птиц. Иногда здесь звучали мелодичные гудки сигналов, экраны покрывались рябью стремительно бегущих синусоид, вдоль панелей проходила волна световых вспышек в сопровождении приглушенных звонков, что-то щелкало и стрекотало... «Мне,— сказал я однажды Климу, пытаясь завязать с ним беседу,— хорошо понятна роль многих систем корабля. Скажем, командная и ходовая рубки — это своего рода мозг, реактор — сердце... ну и так далее. А какие функции выполняет ваше хозяйство?» — «Функции мозжечка,— рассеянно ответил Клим.— Или, скажем, гипоталамуса. А функции кишечника нашего рейдера выполняет...» Он был явно в плохом настроении, и я поспешил откланяться.

Сегодня его настроение, судя по всему, имело другую окраску, но окликнуть координатора я все равно не решился, тихо задвинул дверь и побрел дальше.

Ирония Рукосуева была, конечно, не слишком уместна, однако сравнение с гипоталамусом казалось мне содержательным. Поскольку гипоталамус — одна из важнейших частей головного мозга и поскольку именно эта часть ответственна за приспособление отдельных функций к целостной деятельности всего организма, смысл работы координаторов переставал быть для меня загадкой. Для меня оставалось загадкой другое: почему такое изобилие экранов до сих пор не соблазнило «диверсанта» обратить внимание на верхний ярус...

За размышлениями я не заметил, как прошел мимо нужного мне кабинета и оказался в уютном салоне, в котором обычно устраивал свои совещания командный совет корабля. Никого здесь не было. Кресла, стол, секретеры были завалены грудами документации. Посреди стола в окружении бутылок из-под прохладительных напитков

красовалась блестящая ваза для фруктов, доверху заполненная мятыми салфетками. На многоцветных экранах — схемы, графики, математические выкладки вперемешку с россыпями формул и пояснительных слов. Судя по количеству вопросительных и восклицательных знаков, здесь кто-то кого-то в чем-то старательно убеждал, а этот кто-то отчаянно с чем-то не соглашался. Насколько я понял, речь шла об асимметрии гравитационного поля Оберона.

Совещание командного совета корабля — явление довольно редкое, поэтому в салоне практически безраздельно хозяйничала комиссия Юхансена. Это была ее штаб-квартира, где изо дня в день вот уже третий месяц тянулись бесконечные дебаты. Рабочий день комиссии был расписан по часам и минутам. Строгий регламент, перерывы на отдых, сон и еду. Дисциплинированность ученых меня изумляла. Эти здоровые, крепкие парни охотно занимались спортом и с удивительным прилежанием выполняли все мои предписания. Не помню случая, чтобы кто-нибудь из них уклонился от лечебно-профилактической процедуры или принял бы за обедом большее количество пищевых калорий, чем было рекомендовано. Я не мог избавиться от подозрения, что в такой же степени педантично они «принимали» необходимое количество «калорий искусства» во время... или, точнее будет сказать, «в процессе» вечернего отдыха. Всегда спокойный и глубокий сон, бодрое улыбчивое настроение, в меру живая общительность. Они скорее напоминали мне спортсменов, всецело озабоченных состоянием своего тела перед ответственными соревнованиями. Зная в деталях однообразно-жесткий распорядок их дня от подъема с постели до отхода ко сну, я не мог понять одного: когда они думают? Неужели они ухитрялись производить и выкладывать всю свою мозговую продукцию в рамках салонных дискуссий?..

Но как бы там ни было, результат дневной работы налицо, а комиссия, вероятно, в полном составе респектабельно ужинает в кают-компании жилого яруса. Приятного аппетита... Я смотрел на экраны и думал, что настоящему гангстеру-диверсанту, окажись таковой у нас на борту, ничего бы не стоило испортить аппетит целому коллективу. Вот хотя бы с помощью этой увесистой вазы. И тут я с особенной ясностью ощутил, что то, с чем столкнулись мы с Баком... Ну, словом, никакие это не диверсии.

Я опустился в ближайшее кресло, машинально выбрал чистый бокал и налил себе минеральной воды. Ночью и днем я ломал голову над измышлением самых разнооб-

разных причин, вследствие которых нормальный член нашего экипажа — не гангстер, не диверсант — мог бы иметь хоть какой-нибудь повод расколошматить экран. Разбить, расколоть, истребить, ликвидировать, уничтожить... Бесстрашно балансируя на грани допустимого и совершенно абсурдного, я перебирал догадку за догадкой, как правоверный мусульманин четки, и ни одна из них не показалась мне достаточно логичной. Пока мысль не уходила далеко за рамки вопроса «кто?» — все было таинственно и интересно, догадки, сменяя друг друга, шли косяком. Но ни одна догадка не могла выдержать столкновения с монолитом вопроса «зачем?».

Я допил минеральную воду, вспомнил, что меня привело на верхний ярус, и покинул салон.

Зайдя в кабинет органической химии, я раскодировал сейф, выбрал нужные мне реактивы. Здесь все отсвечивало слепящей белизной и холодно сверкало острым блеском. Неуютное ощущение: будто зашел по ошибке в безлюдный операционный зал... У выхода я по привычке обернулся — все ли в порядке? — и заметил, что квадратная крышка основного хранилища реактивов сдвинута в сторону. Чтобы закрыть ее, мне пришлось пересечь кабинет почти по диагонали, и я оказался рядом с внутренней дверью, которая вела в соседнее помещение — лабораторию физической химии. Я уже тронул холодную рукоятку крышки хранилища, как вдруг моих ушей достиг неясный шум — похоже, в лаборатории кто-то вскрикнул и что-то разбилось. Я замер. Оставил крышку в покое, выпрямился и посмотрел на дверь. Словно надеялся проникнуть взглядом сквозь лист металла, покрытый белой эмалью. Пульс у меня, наверное, резко подпрыгнул — я слышал удары собственного сердца. Мысль работала с лихорадочной быстротой, но я совершенно не знал, что нужно делать. В руках у меня не было ничего, кроме фармацевтического пакета. Я машинально положил пакет на стол, выключил освещение и в полном мраке вернулся к двери. Нашарил продолговатую ручку, осторожно потянул в сторону...

6. И было Рэнду видение...

Щелкнул фиксатор дверного замка, образовалась щель, но я ничего не увидел: в лаборатории тоже царила кромешная тьма. Скверный признак!..

В противоположном конце лаборатории была вторая дверь, ведущая в кабинет неорганической химии, так что

«диверсанта» здесь, пожалуй, не поймаешь. Я мысленно «поздравил» Бака с двенадцатым ремонтом, а себя — с первым случаем диверсии на верхнем ярусе и, собравшись с духом, вытянул руку вперед, сделал два шага в темноту. Рука уперлась в цилиндрический корпус нейтринного микроскопа; дверь тихо прошелестела, закрываясь за мной, снова щелкнул фиксатор замка.

— Кто там? — резко спросил чей-то сипловатый баритон. Я оторопел от неожиданности. Баритон показался мне очень знакомым, но в этот момент я был растерян и плохо соображал. Вспыхнул карманный фонарь. Я стоял в тени, прильнув к широкой колонне тубуса микроскопа. Мне пришло в голову, что «диверсант», вероятно, вооружен... Круг яркого света выхватил из темноты половину двери, едва успевшей затвориться за моей спиной, вильнув в сторону, погас.

— С чего ты взял, что там кто-нибудь есть? — внезапно прозвучал молодой насмешливый голос.

Ноги мои сделались ватными, и я вынужден был присесть на выступающий край основания тубуса.

— Слух у меня хороший, вот с чего...— не совсем уверенно ответствовал баритон, и я едва не сполз в изнеможении на пол.

Я узнал обоих! Да и как не узнать своих тренеров, снисходительно обучавших меня кувыркаться на головокружительных тренажерах! Своих недавних партнеров, пытавшихся приохотить меня к развеселой игре в домино под названием «марсианская мельница»!..

Обладатель насмешливого голоса — молодой десантник Украин Степченко, неуемная язвительность которого была метко отражена в его прозвище — Уксус. Баритон сипловатого тембра принадлежал Руслану Бугримову, десантнику такого мощного телосложения, что это выделяло его даже среди коллег; вероятно, поэтому Руслан получил на борту «Лунной радуги» весьма уважительное в сообществе «диких кошек» прозвище — Бугор. Интересно отметить: космодесантники обожают пользоваться прозвищами. Прихотливость фольклорных явлений внеземельного быта, как я уже говорил, всегда меня занимала. Но, размышляя по поводу прозвищ, я пришел к убеждению: здесь они возникают не столько на почве любви к словотворчеству, сколько в силу утилитарных причин. Ведь космодесантные подразделения в наше время — это, по существу, интернациональный конгломерат; сплошь и рядом бывает, что фамилия того или иного десантника либо труднопроизносима для его

товарищей, либо часто встречается. Прозвища — другое дело: они доступны для перевода на любой язык и нередко содержат в себе какую-нибудь намекающую информацию по поводу индивидуальных качеств своего носителя или его наклонностей. Скажем, был у нас на борту Даррел Петарда. Смысл прозвища ясен, могу лишь добавить, что этого десантника Нортон отстранил от работы за чрезмерную вспыльчивость. Прозвище Ян Весло отражало спортивные увлечения десантника Яна Домбровского. А прозвище самого командира десантной группы — Лунный Дэв — прекрасно характеризовало профессиональную ориентацию Дэвида Нортона.

Итак, я узнал обоих десантников по голосам и, разумеется, ощутил огромное облегчение. Но что понадобилось Уксусу и Бугру в физико-химической лаборатории? Да еще в кромешной тьме?! Я подтянул ноги, собираясь подняться и выйти из-за укрытия, однако нервно брызнул свет фонаря — опять в мою сторону, и это меня удержало на месте. Я колебался. Теперь, когда я упустил момент ответить на оклик, быть замеченным мне уже расхотелось.

Фонарь погас. Баритон:

— А может, и показалось... Вроде бы фиксатор щелкнул.

Голос Уксуса:

— Ерунда. Мы бы увидели свет из двери.

— Освещение вырубить можно,— резонно заметил Бугор.

— Ну и что? Тебе-то какое до этого дело? — Было слышно, как скрипнул амортизатор табурета. Они сидели на лабораторных табуретах. Что-то тихо там шелестело и булькало, и я наконец понял, что это работает смесительная камера активатора.

— Ничего ты не понимаешь,— сказал Бугор.— Бродят тут всякие... Вечерами.

— Привидения,— насмешливо добавил Уксус и рассмеялся, а мне подумалось: уж не нас ли с Баком они имеют в виду?..

Уксус лениво и весело произнес:

— Слышал я эту историю, как же... Сказочка для десантников среднего возраста.

— Слышал звон,— солидно ответствовал Бугор.

— Вот именно. Ян Весло балагурить любит. Вот и пустил нам звон про чужака на борту. Мы уши развесили, слушаем, а он потом над нами же и посмеется.

— Ян здесь ни при чем,— возразил Бугор.— Чужака Рэнд видел. А Рэнду я верю...

— А я не верю. Если он что-то такое спросонья увидел, то почему я должен верить? Нет, мой хороший, дудки! Чужака встретил? Возьми его за рукав, приведи ко мне, покажи — тогда поверю. Верно я говорю?

Лабораторию заполнила звуковая волна шумного вздоха:

— Младенец ты, Уксус... Ты еще бриться толком не умел, когда мы с Рэндом венерианские скалы бурили. Понял?

Ответа не было. Уксус, должно быть, подавленный мощью неотразимого аргумента, молчал. Разговор, невольным свидетелем которого я оказался, привел меня в состояние полного оцепенения. В другой ситуации мое положение постороннего слушателя в конце концов стало бы для меня нестерпимым, и я просто вышел бы, даже рискуя быть пойманным в круг света от фонаря. Но сейчас я об этом не думал. У меня не только не было возможности достойно выйти вон, но теперь вдобавок я и не имел на это права. Смутные подозрения, что на корабле не все ладно, обещали сложиться в систему...

— То-то,— сказал наконец Бугор.— Полетаешь с мое — уяснишь: Внеземелье... это... это очень сложная штука. С ним, мой хороший, тягаться в «мельницу» трудно. Иной раз оно так тебя по затылку хватит, что год не очухаешься. А зевать будешь — и в ящик сыграть недолго. Здесь каждая сказочка с натуральным намеком... Хочешь — верь, хочешь — не верь, а ушки держи на макушке, нос по ветру. Ноздрями не забывай пошевеливать да почаще оглядывайся...

— Уметь шевелить ноздрями, конечно, полезно,— саркастически заметил Уксус,— но иногда полезнее пошевелить мозгами.

— Ведь с Рэндом как было? — продолжал Бугор (ядовитое замечание Уксуса он игнорировал).— Вышел Рэнд из просмотрового зала за полчаса до полуночи, идет себе тихо, мирно...

— Ян говорит, что Рэнд специально приходит дремать на комедийные фильмы.

— Ну и что? Устает человек. На тренажерах он всегда работает честно, не в пример кое-кому из наших знакомых, вот и устает больше других. Ну действительно задремал... Проснулся — фильм закончился, в зале никого нет. Встал он и побрел в свою каюту. Только миновал среднюю шахту, видит — кто-то по коридору навстречу идет. Да быстро так, почти бежит... Ну, Рэнд вежливо посторонился, чтоб, значит, дорогу человеку дать, смотрит на этого торопыгу,

а узнать не может — совершенно незнакомое лицо!.. Прошагал этот тип мимо Рэнда чуть не вплотную, нахально так локтем, не глядя, его оттолкнул, с ходу в шахту запрыгнул. А ты говоришь — привидение.

— Да, Ян примерно так и рассказывал. И что же Рэнд?

— Ну что Рэнд!.. Постоял, похлопал глазами...

— ...И спокойно отправился спать! — торжествующе заключил Уксус.— Час поздний, решил с нахалом не связываться. Ой, не могу!

— А что ему оставалось делать?

— Как что?! Догнать, задержать, побеседовать! Откуда ты, дескать, хороший такой, на рейдере взялся?! Тоже мне, называется, «дикая кошка»! Слон инкубаторский этот твой Рэнд, и, кроме подушки, ему ничего не интересно.

— Я тебя уважаю, но ты Рэнда не трогай! — сипло предупредил Бугор.— Понял?!

— Ладно, извини,— примирительно проговорил Уксус.— Рэнд, конечно, парень толковый, я его однажды в деле видел. Просто меня удивила его реакция на чужака...

— А что реакция? Реакция нормальная. Ты бы, конечно, весь рейдер ночью на ноги поднял — не стал бы такого случая упускать. А Рэнд уравновешенный человек, разумный. Повернулся да к себе в каюту ушел. И правильно поступил. Ситуация непонятная, странная, и надо было сначала все хорошенько обдумать... По логике, ловля могла и до утра обождать. Чужаку с рейдера куда деваться?

— А может, обознался Рэнд? — высказал предположение Уксус.— Может, это кто-нибудь из корабельной команды на вахту проспал? Подхватился — видит, время ушло, да так, неумытый, опухший со сна, побежал. Рэнд его разглядеть как следует не успел, и было Рэнду видение!..

— Говорит, что успел. И потом, опоздавший на дежурство прыгать в шахту не будет — прямиком сиганет. К тому же корабельная команда носит другую одежду. А «видение», между прочим, было в нашем костюме.

— В нашем?

— Ну да. В голубом полетном, с эмблемой десантника на рукаве. Уж на что у Рэнда глаз верный, а издали он этого типа сначала даже за своего принял. Только вблизи разглядел. Проводил он чужака взглядом — у того на спине белыми буквами: «Лунная радуга. Четвертая эксп.» Все вроде по форме, а человек не наш...

— Костюм — ерунда. Костюм какой угодно напялить можно.

— Можно, кто спорит. Но зачем?.. Вот и Рэнд, совершенно сбитый всем этим с толку, верно решил, что утро вечера мудренее, и спать подался. Лег, ворочается, заснуть не может. Мысленно перебрал команду рейдера, десантников, ученых... нет никого, кто хоть сколько-нибудь походил бы на этого типа, и баста! Наконец не выдержал он — встал и побрел на разведку. Куда ни заглянет, везде ночное освещение, невесомость. Полный порядок, спит корабль. Только в бане трое ребят галдели — Бака из простыни выпутывали...

При последних словах десантника у меня, признаться, холодок по телу прошел. Незаметно для себя я поднялся и слушал дальнейшее стоя.

— Утром я Рэнда за завтраком встретил,— продолжал Бугор.— Вижу, он вялый какой-то. Глаза усталые, красные. Спрашиваю: ты случайно не заболел? Он только рукой махнул. Сидит за столиком против двери, не ест ничего, исподлобья каждого входящего разглядывает и пальцами, машинально так, гибкий бокал наизнанку выворачивает. Подсел я к нему, бокал отобрал. «А ну-ка выкладывай,— говорю,— какая муха тебя укусила, не то я сам за это возьмусь и приятную встречу тебе с Молотком живо организую — ты меня знаешь!» Видит он, деваться некуда. Рассказал... Думал я, думал, ничего путного не придумал и посоветовал ему все это Нортону выложить. Рэнд усомнился: «Поверит ли? Я,— говорит,— в этой группе человек новый...» — «Поверит не поверит,— говорю,— а рассказать надо. Все мы тут новые...» На том и порешили. Разошлись по своим тренажерам, и целый день я Рэнда не видел. Вечером встретились, спрашиваю: «Ну как?» Он рукой отмахнулся — дескать, плохо дело. «Нортону рассказал?» — «Рассказал...» — «И что?» — «А ничего. Не поверил, конечно. Выслушал, правда, внимательно, но хмуро так, с неудовольствием. Ну и сам догадаться можешь, что мне посоветовал. «Иди,— говорит,— к Молотку. Пусть он тебе своим молоточком по коленкам потюкает и под черепную крышку на всякий случай заглянет...» — «Ладно,— говорю я Рэнду,— не расстраивайся. В таком случае плюнь ты на это, забудь. В конце концов, не наше дело корабельных «зайцев» ловить. Если это начальству неинтересно, то нам тем более. Да и не хозяева мы на рейдере, а так — вроде платного приложения. Пусть сами хозяева и разбираются. А когда чужак себя обнаружит, я сам к Нортону подойду и за его недоверие к своим же ребятам... В общем, придется крупно поговорить».

— Может, Рэнд тебя просто разыгрывал? — высказал новое предположение Уксус.

— Ты слышал, чтобы Рэнд кого-нибудь разыгрывал? — строго и как-то даже торжественно вопросил Бугор.— Хоть один-единственный раз?

— Да, это правда...

— То-то! Рэнд не Весло, шутить не любит.

— Кстати... откуда эту историю знает Весло?

— Я выяснил потом откуда... Рэнд, понятно, хотел побеседовать с Нортоном с глазу на глаз; выбрал момент, когда спортзал опустел, Нортона попросил задержаться. А Весло в тот день попрыгал слегка, закатился на самый верхний батуд и притих. Лежит себе, как на пляже, нос почесывает... Рэнду и Нортону невдомек, что в зале третий присутствует. Поговорили... Весло, конечно, случай не упустил и вечером потешить вас вздумал. Жаль, меня в тот вечер на «мельнице» не было... Потом я прижал его к стенке, да поздно. Ну что с него взять? Ходячий выпуск последних известий...

— А почему ты в тот вечер не пришел? — полюбопытствовал Уксус.— За чужаком, должно быть, охотился?

— Нужен больно!.. Настроения не было — вот и не пришел.

— И Молоток перестал к нам ходить...— сказал Уксус с такой интонацией, словно видел меня в темноте сквозь корпус нейтринного микроскопа. Я медленно сел.

— Молоток «мельницу» за игру не считает,— сказал Бугор.

— В том-то и дело!.. И опять же спортом слишком увлекается...

— А кто здесь спортом не увлекается? Вон даже ученые наши и то занятий не пропускают. Вчера один прыжки с шестом осваивал — бежит сломя голову, и не увернись я вовремя, он бы мне концом шеста в рот попал. Остерегаться нам надо, когда они в зале.

— Ученые в «мельницу» не играют,— гнул свое Уксус,— а Молоток играл. И отважно играл, хотя играть ему было скучно. Должно быть, вынюхивал что-то, не иначе...

— Должно быть...— согласился Бугор.— Я всегда опасался, что, если он узнает про чужака, Рэнду несдобровать. Вызовет к себе, потюкает по коленкам и спишет в резерв. Или еще чего хуже придумает... Ну теперь, видать, не узнает.

Я сидел на неудобном выступе станины микроскопа, ладонями сжимал горящие щеки и готов был провалить-

ся сквозь палубу. Сейчас, когда со всей очевидностью выяснилось, что самым большим дураком в их веселой компании был я, мое присутствие здесь стало теперь для меня совершенно невыносимым. Разумеется, я понимал, как важно выйти отсюда тихо и незаметно, и, конечно, пытался придумать практический способ исчезновения, но придумать не мог. Все дело портил проклятый фиксатор дверного замка. После беседы о чужаке десантники наверняка насторожены и, чего доброго, могут устроить за мной нелепую гонку по коридорам. Только этого не хватало!..

Я встал, медленно высунулся из-за укрытия и в глубине лаборатории заметил слабое зеленовато-серое свечение. Приглядевшись, увидел на фоне слабого зарева два силуэта — плечи и головы. Один силуэт покачнулся, недовольно проговорил баритон:

— Готово? Сколько еще?

— Что, надоело? — спросил в свою очередь тенорок язвительного Уксуса.— Три минуты осталось. Да ты сиди, не ерзай. В инструкции сказано: как только камера остановится, будет звонок.

— А мы все правильно делаем? Смесь не испортим?

— Делаем как надо, по рецепту. Ты не волнуйся.

— Время позднее, вот я и волнуюсь. Скоро уже двадцать два, а нам эту пакость еще по батудам размазывать... К утру, думаешь, высохнет?

— К утру?.. Через час высохнет. Когда последние батуды разрисуем, на первых уже можно будет прыгать. Опробуем? Нортон неплохо придумал — в темноте прыжки интереснее.

— Ишь чего захотел! — проворчал Бугор.— Я думаю, как бы нам до невесомости управиться, а он опробуем! Если мы не успеем спортзал подготовить, Нортон нам этой зеленкой физиономии выкрасит...

— Что верно, то верно! — со смехом ответил Уксус.— А знаешь, зеленый цвет тебе, пожалуй, пойдет...

— А тебя и красить не надо. Ты сам по себе зелен кругом — и внутри и снаружи.

Мне стало понятно, чем они занимались. Это была удача! Я осторожно попятился к двери, нашарил ручку и замер в ожидании звонка. Звонок сигнального таймера — я это знал — был достаточно громким, чтобы в трелях его мог утонуть звук щелчков доброй сотни фиксаторов... Угольно-черные силуэты десантников тоже застыли над смотровыми окошечками камеры, в которой,

как мне теперь было ясно, Уксус активировал какую-то смесь люминесцентных веществ для светящейся краски. Химики-десантники... И рецепт ведь где-то раздобыли, кустари-самородки, и, наверное, половину запаса люминофоров из хранилища уволокли!

Затрещал звонок. Я вышел в темный кабинет. Задвинул за собой дверь, включил освещение. Взял со стола пакет и удалился восвояси.

Я был совершенно измучен. Кое-как распихал содержимое пакета по фармацевтическим ящичкам, ушел к себе в каюту и рано лег в постель. Размышлять о результатах своего детективного приключения не хотелось — по-видимому, сказывалось напряжение последних дней. В голове царила глухая, тревожная пустота, логически оформленных мыслей не было; я незаметно уснул, и мне приснился звонок лабораторного таймера. Я знал, что обязан этим пренепременно воспользоваться, чтобы куда-то уйти, но не мог заставить себя шевельнуться... Звонок трещал, и наконец я понял, что это зуммер внутренней связи. Не открывая глаз, я нашарил ручку афтера — переносного экрана, который всегда засовывал под подушку на случай экстренного вызова,— поднес афтер к лицу, как подносят зеркало, и только теперь поднял тяжелые веки. На экране светилась физиономия инженера-хозяйственника. Утопив пальцем кнопку приема, чтобы умолк надоедливый зуммер, я с трудом промычал:

— М-м-да... слушаю!

— Кажется, я разбудил вас? — неуверенно проговорил Бак.— Извините...

— М-да... то есть нет, ничего. Говорите.

Бак несколько мгновений молчал.

— Собственно, говорить-то... Ну, в общем, двенадцатый.

— Где?

— В аккумуляторном отделении. Малый отсек, где заправляют скафандровые аккумуляторы.

— Нижний ярус? Что-то новое... Когда?

— Около получаса назад.

— Ушел, конечно?

— Ушел.

— Гонялись за ним?

— Н-нет...

— Хорошо. И не надо. Вполне может быть, что это опасно... Оставьте все как есть до утра, и... приятных

вам сновидений. Отныне наша «патрульная служба» по вечерам отменяется. Утром поговорим.

Я сунул афтер под подушку и тут же уснул. Мне снился темный холодный спортзал, фосфоресцирующие полосы на расцвеченных светящейся краской батудах. В зале я был не один, хотя того, второго, не видел. Он был здесь — я это чувствовал,— чуть дальше вытянутой руки, но, когда я окликнул его, он промолчал, и мне стало жутко. «Не притворяйтесь,— сказал я ему.— Вы здесь, рядом, я знаю...» Он рассмеялся, и это меня озадачило. «Великолепно придумано,— внезапно обрывая смех, сказал он голосом Нортона.— В темноте прыгать лучше... Опробуем?» — «Не притворяйтесь,— повторил я.— Вы не Нортон. Вы... вы чужак! Зачем вы разрушаете экраны?» — «Затем. Когда разрушаешь экраны, нас, чужаков, становится больше.— Он свистнул и выкрикнул: — Эй, чужаки!..» И с батудов, пересекая светящиеся полосы, один за другим стали спрыгивать черные призраки... Я проснулся в холодном поту.

Утром я попытался припомнить, точно ли разговаривал ночью с механиком, и вынужден был признаться себе, что твердо ответить на этот вопрос не могу — настолько неясной мне представлялась граница между сном и реальностью. Такого со мной еще не бывало!

С приходом Бака все вроде бы стало на свои места. Но поведение самого Бака... Оно меня поразило, таким я Бака не знал. Он был молчалив, застенчив и робок, как девушка. Выглядел он свежо и очень опрятно, был чисто выбрит и распространял вокруг себя приторный запах земляничного лосьона. Было совершенно очевидно, что мое светское ему пожелание приятных сновидений странным образом успешно осуществилось на практике, и это необъяснимо меня раздражало. Обмениваясь с Баком односложными вопросами и ответами, я шагал по кабинету из угла в угол, не зная, как приступить к изложению главного.

— Послушайте, Феликс...— начал я неуверенно.— Вы, разумеется, хорошо знаете в лицо всех членов нашей экспедиции...

— Как свои пять.— Для вящей убедительности Бак показал мне растопыренные пальцы.— Да как же их не знать?! Тут все друг друга знают.

— Так вот... Один десантник уверяет, что видел у нас на борту чужака.

Бак вытаращил глаза. Спросил ошарашенно:

— Чужа... Что? Кто уверяет? Кого уверяет? Вас уверяет? И вы ему верите?

— Не беспокойтесь,— остановил я его.— Вас он уверять не будет, меня тем более. Я слышал случайно. И пропустил бы все это мимо ушей, если б здесь не было одного странного совпадения...

— Совпадения?

— Да. Десантник, имени которого я называть вам не буду, встретил чужака возле атриума минут за десять до того, как вы сцепились с неизвестным в кухонном отсеке.

— Что же нам делать?..— хрипло спросил Бак.

— Вам — ничего. Это главное, о чем мне нужно было вас предупредить. А я сейчас иду к капитану... Не знаю, что из этого выйдет, но независимо от результата нашего с ним разговора патрулирование коридоров прекратить, в ночные схватки не ввязываться. Никакой самодеятельности! Если заметите что-нибудь подозрительное, поднимайте тревогу, соблюдая при этом меры предосторожности. Ясно?

— Ясно...— Бак поморгал.

— Вы ничего не трогали в аккумуляторном отсеке?

— Нет. Оставил как было.

— Перед тем как идти к капитану, мне нужно на это взглянуть.

— Понятно. Только вряд ли у вас с кэпом что-нибудь выйдет.

— Я тоже не думаю, что мой визит ему придется по вкусу, но иного выхода нет. Проинформировать капитана мы просто обязаны. Все остальное зависит...

— Я о другом,— печально перебил Бак.— Вряд ли кэп сегодня вас примет.

— Это еще почему?

— Через час на борту объявят аврал. Ровно в двадцать ноль-ноль рейдер войдет в режим глубокого торможения, и сегодня у кэпа не будет свободной минуты. Считай, прилетели...

Я подошел к пульту видеотектора, набрал индекс командной рубки, попросил старшего инженера вахты связать меня с капитаном.

— Одну минуту,— ответил мне старший, и действительно, ровно через минуту голос капитана произнес по всей форме устава внутренней связи: — Капитан рейдера Молчанов на приеме.

— Медиколог рейдера Грижас,— тоже по форме представился я, поскольку экран мой был пуст. Не знаю,

чем объяснить, но командная рубка почти никогда не давала видеосвязь абоненту, если в данный момент он не имел отношения к вахтам.— Игорь Михайлович, по некоторым причинам довольно странного свойства я вынужден просить у вас аудиенции. Желательно без свидетелей.

— Сколько времени должен я буду вам уделить?

— На изложение — десять минут. Сколько потребуется на обсуждение, я сказать не могу. Это будет зависеть от вас.

— Хорошо...— Молчанов помедлил с ответом.— Вы придете в командную рубку за тридцать минут до начала дневного перерыва на отдых. Заодно сдадите мне рапорт о готовности вашего сектора принять режим глубокого торможения. До встречи. Пропуск в ходовой сектор специально не запрашивайте, я позабочусь. Конец связи.

Я обернулся к Баку:

— Вот видите, Феликс, пока все идет хорошо. Нас пока уважают...

Мы посмотрели друг на друга с задумчивым интересом, как будто в последний раз виделись перед тем, как нас уважать перестанут.

...Я сделал все, что полагалось мне сделать согласно авральному расписанию (проверил все системы индивидуальных противоперегрузочных средств, запрограммировал работу комплекса биофизической защиты), и ровно в двенадцать тридцать бортового времени был в носовом секторе корабля. Не знаю, какого рода «сезам» функционировал в этом всегда закрытом для посторонних секторе, но при моем приближении овальные щиты дверей со сказочной любезностью сдвигались в сторону и, дав пройти, немедленно закрывались, таинственно и бесшумно,— срабатывал обещанный капитаном пропуск.

Я вошел в командную рубку. Мне редко доводилось в ней бывать, однако сожалений по этому поводу я не испытывал, потому что чувствовал здесь себя до странности неуверенно и неуютно, хотя в иной ситуации необычно подсвеченное, яйцеобразной формы помещение могло бы показаться привлекательным. Стоило мне переступить порог, как я мгновенно подпадал под власть ужасно правдоподобной иллюзии, будто излучающие внутренний свет стены рубки по толщине и прочности своей не отличались от естественной яичной скорлупы и будто за хрупкими стенами не было других отсеков, не было

надежной тверди корабля, не было ничего... Ну, словом, будто бы рубка-яйцо висела сама по себе, наедине со звездными далями. Эту иллюзию создавал, конечно, большой панорамный экран, охвативший добрую треть помещения — половину вогнутого потолка, почти половину стен боковых и всю переднюю часть. Я старался не делать в рубке резких движений. Умом, разумеется, я понимал нелепость своих опасений, но... Пожалуй, здесь будет уместен игривый мысленный эксперимент-аналогия. Возьмем пустую скорлупу куриного яйца, на треть разрушенную верхне-передним проломом, положим ее... ну, скажем, на самый кончик шпиля высотного здания и в безоблачную и безлунную ночь подсветим снизу сильными прожекторами. Теперь остается вообразить, что бы почувствовал миниатюрный, размерами с муравья человечек, вдруг оказавшийся там, на головокружительной высоте, в ненадежно уравновешенной и сияющей на просвет скорлупе, обращенной проломом в звездное небо. Вот приблизительно спектр моих ощущений... Признаваться в этом не очень приятно, но, понимая ценность такой информации для специалистов-космопсихологов, не считаю возможным скрывать.

По той же причине не стану утаивать, что две соседние рубки — ходовая и пилотажная — вызывали во мне куда более сложные ощущения. Особенно пилотажная. Если командную рубку можно сравнить с открытым сверху и спереди яйцеобразным кузовом типа кабриолет, то с пилотажной дело обстоит иначе. Белое пятно задней стенки и две выходящие из нее матово-белые длинные полосы... Вот и все. Две широкие лыжи, просто выдвинутые из носового конца корабля наружу, в звездный простор. В пилотажную рубку я трижды заглядывал через дверь, но войти не решился ни разу, настолько был подавлен правдоподобием иллюзии, будто дверь распахнута в открытый космос. Нет, уж лучше фарфорово-хрупкий на вид космический «кабриолет», чем эта пара светящихся «лыж» над глубинами звездного океана... В командной рубке была хоть какая-то мебель: мягкие кресла, стол, похожий на большой прозрачный торшер с подставкой-столешницей, в толще которой переливались световые сигналы; на уровне груди охватывал стены полуовал приборных панелей успокоительно знакомой расцветки. В пилотажной ничего такого не было. Единственное, на чем здесь мог остановиться подавленный звездной безбрежностью взгляд,— это два спаренных

ложемента для первого и второго пилотов — два металлических паука, словно застывших перед прыжком в бездну на самых кончиках «лыж», поджав под себя телескопические лапы амортизаторов. Во время хода крейсерской скоростью ложементы пустуют — все управление полетом сосредоточено в командной, ходовой и навигационной рубках, но во время маневров сюда приходят работать пилоты, и подлокотники ложементов ощетиниваются рукоятками маневровочной тяги. И хотя существенная часть работы доверяется приборам, эти вахты бывают порой затяжными и напряженными,— пилоты их называют «ходом на бивнях». Да, иллюзорная картина, представляющаяся мне в «лыжном» варианте, хозяевами рубки воспринималась в ином ассоциативном ракурсе. Им было занятно, знаете ли, воображать свой рабочий процесс как езду верхом на бивнях слона-корабля, нацеленных в звездную перспективу. Это кажется мне любопытным в психологическом плане... Впрочем, я слегка уклонился от темы и решительно к ней возвращаюсь.

Капитан, как мы и условились, ждал меня в своей роскошной рубке типа «космический кабриолет». Он был один, что совершенно похвально соответствовало этикету конфиденциального разговора. Правда, понятия «ждал» и «один» нуждались в некотором уточнении смыслового оттенка, поскольку Молчанов был поглощен распорядительной беседой с тремя абонентами сразу. Речь шла о фокусировке какой-то «короны» какого-то «камер-инжектора» где-то в недрах главного реактора корабля. Наконец, заметив меня, Молчанов взглянул на часы, сделал жест извинения и объявил абонентам отбой. Я остро ощутил несвоевременность визита, но что было делать... Капитан выжидательно смотрел мне в глаза. Рапорт сдан, рапорт принят. Краткий обмен деловой информацией, предложение сесть, которым я не воспользовался. И снова этот ждущий взгляд.

— Мне...— начал я неуверенно,— мне трудно было решиться...

— Без вступлений,— тихо сказал капитан.

Я торопливо, в безобразно скомканном виде выложил Молчанову то, с чем пришел. Слушал он меня с бесстрастным выражением лица, спокойно, словно не ощущая ни малейшего различия между информацией о подготовке сектора к режиму торможения и информацией о чужаке. Под конец я выдал ему сообщение, на эф-

фект которого очень рассчитывал,— сообщение о разбитом экране аккумуляторного отсека. Дескать, вот вам вещественное доказательство очередной «диверсии», и делайте с ним что хотите. Молчанов не знал, что с ним делать. Спросил:

— Как, по-вашему, я обязан поступить?

— Вы власть. А власть принимает решения.

— Власть не всегда принимает решения единолично. Иногда ей нужен совет. Представьте себе на минуту, что подобную информацию получил не я, а получили вы. Как бы вы поступили на моем месте?

— Ну... прежде всего я, видимо, счел бы целесообразным вызвать к себе инженера-хозяйственника и десантника Рэнда...

— Час,— сказал капитан.— Переговоры с инженером-хозяйственником и Рэндом Палмером займут как минимум час. Не говоря уже обо всем остальном. Сегодня я не могу позволить себе такую роскошь. Но дело даже не в этом...

— Понимаю. Вы не верите мне.

— Вам я верю,— спокойно сказал он.— Но почему я должен уверовать в ситуацию, не подкрепленную точными фактами?

Как правило, по внешнему виду и манерам поведения современного человека довольно трудно угадать, какое место на иерархической лестнице в той или иной сфере общественной деятельности он занимает. Но встречаются прелюбопытнейшие индивидуумы, на которых это правило не распространяется. Сразу можно понять, где он стоит: «над» или «под». Знаете, есть такие очень яркие «под»: «Не уполномочен... Не имею права брать на себя ответственность... Сочувствую, рад бы, но от меня, к сожалению, не зависит...» Наш капитан — индивидуум противоположного полюса. Прямо посаженная голова, прямые плечи, идеально, будто нарочито выпрямленный торс. Но за этой кажущейся почти неестественной вертикально-прямолинейной осанкой угадывалась скрытая гибкость. Гибкость спокойная, взятая, я бы сказал, в жесткий корсет силовой выправки... Нет, наш капитан не страдает высокомерием, в его поведении, манерах вряд ли можно заметить что-нибудь необычное. Но две-три минуты общения с ним — и вы проникаетесь абсолютной уверенностью, что человек этот «над». Он ответствен за все, что может, и может все, за что ответствен. Выше его головы только совесть и долг. Разумеется, вы сознае-

те, что есть немало категорий реальности, «всевластие» над которыми выглядит эфемерно. Однако, общаясь с Молчановым, вы начинаете верить — верить! — что в любой непредвиденной ситуации он примет нужное, действительно правильное решение. А если не примет, то обстоятельства того, очевидно, не стоят. А отсюда следует... Я обескураженно смотрел на Молчанова, пытаясь себе уяснить, что же именно отсюда следует в теперешний момент.

— Так по каким же, на ваш взгляд, причинам мне следует верить в то, чему нет проверенных доказательств? — повторил вопрос капитан.

— Я не вижу причин, по которым верить не следует.

— Это не ответ.

— Согласен. Но о каких еще причинах может идти речь, если на корабле происходит нечто из ряда вон...

— На борту рейдера ничего особенного не происходит,— возразил капитан.— Полет протекает в строгом соответствии с разработанным планом. Ни одного серьезного отступления от полетного режима нет.

— С этим спорить не буду. Наверняка вы правы, и в административно-техническом аспекте все обстоит вполне благополучно. Так сказать, результат-концентрат. Но ведь нельзя не учитывать, что корабль живет еще и внутренней человеческой жизнью, как правило, глубоко скрытой от постороннего для нее административного ока.

— Если частная жизнь на борту не входит в явное противоречие с общими задачами экспедиции, то какое до нее дело административному оку?

— Видите ли, Игорь Михайлович... Когда дойдет до явного противоречия, может оказаться, что принимать какие-либо меры поздно.

— Видите ли, Альбертас Казевич, между «рано» и «поздно» существует вполне достаточный интервал для нормальной администраторской деятельности. Нельзя торопиться и не нужно опаздывать. Надо действовать вовремя.

— Понимать так, что я заинтересовался этим делом преждевременно?

— Вы — нет. Пожалуйста, интересуйтесь сколько угодно. Целиком на ваше усмотрение. Тем более что за состояние «внутренней» жизни экипажа вы несете известную долю ответственности.

— Кстати, вы тоже... известную долю.

— Не отрицаю. Но прежде всего я администратор и обязан действовать в рамках административных правил. Пока я вижу: вы не рискнули подать мне рапорт об этом в положенной форме, решили ограничиться частной беседой.

— Я готов подать рапорт в официальной форме.

— Допустим,— спокойно сказал капитан.— Однако готовы ли сделать то же самое инженер-хозяйственник и командир группы десантников Нортон?

— Инженер-хозяйственник — да. Ему первому довелось ощутить, что на борту корабля не все ладно. Нортон не знаю...

— Значит, скорее всего нет. Кстати... не кажется ли вам, что в поведении инженера-хозяйственника тоже не все ладно?

— Что вы этим хотите сказать?

— Опуская кое-какие подробности служебно-технического свойства, скажу: я дважды совершенно отчетливо улавливал исходящий от инженера-хозяйственника запах спиртного.

— Дважды?

— Почему удивились вы именно этому слову?

— Если бы вы сказали «однажды», я принял бы это на свою ответственность, поскольку именно однажды нашел необходимым прописать инженеру-хозяйственнику небольшую дозу спиртного. Из психотерапевтических соображений.

— Психотерапевтических...— повторил капитан.

— Другими словами, для нервной разрядки.

— Похоже, к этому способу нервной разрядки ваш пациент иногда прибегает и без специальных на то предписаний. Назревает нужда отвлечь его от опасной склонности к самолечению.

— Я, разумеется, это проверю и постараюсь принять соответствующие меры.

— Постараетесь?.. Очевидно, вы не поняли меня. Это мой приказ.

— Я понял. Приказ будет выполнен, если ваш «диагноз» действительно подтвердится. Я прежде всего медиколог и обязан действовать в русле этических принципов медицины.

— О результатах доложите мне лично в конце обратного пути,— продолжал капитан.— Не скрою, от этого результата во многом будет зависеть дальнейшее пребывание инженера-хозяйственника в составе экипажа. Кстати,

об этике...— Молчанов помедлил, словно раздумывая, стоит ли тревожить эту тему.— Не далее как вчера вечером инженер-хозяйственник устроил шумный скандал в одном из бытовых отсеков. Точнее, в девятом отсеке...

Я обомлел. Дело принимало скверный оборот. Бак утаил от меня подробности вчерашних событий. Однако, зная сверхъестественное умение инженера-хозяйственника попадать в глупейшие ситуации, легко можно было представить себе масштабы его очередного промаха... Забегая вперед, скажу, что мои дурные предчувствия подтвердились: десантники с удовольствием поведали мне живописные подробности вечерней заварушки. Попутно я выяснил, что инициатором заварушки и основным разглашателем ее результата был не кто иной, как вездесущий Ян Весло. Хотя происшествие не стоило и выеденного яйца, авторитет инженера-хозяйственника пал ниже нуля. А дело было так.

Неугомонному Яну пришло на ум принять перед сном холодный душ. Путь в душевую оказался неблизок, поскольку Ян, как это обычно с ним происходит, останавливался поболтать с каждым встречным. В атриуме его окликнул Нортон, который возвращался с нижнего яруса,— командир десантников, узнав о предстоящем торможении, ходил проверять состояние десантного оборудования. Естественно, Ян попытался завязать беседу. «Бака не видел?» — рассеянно спросил командир. «Не видел. А в чем дело?» — «Увидишь — передай, что в аккумуляторном отделении поврежден экран»,— ответил Нортон и вознесся на жилой этаж. Ян побрел по коридору бытового яруса. Его одолевало искушение отправиться на разведку в аккумуляторный отсек — вдруг там что-нибудь интересное!.. Он нерешительно остановился, и в этот момент из атриума показался Бак. «Салют, Феликс! — трагическим шепотом произнес Ян, как только механик с ним поравнялся.— Тебя мне и надо!..» — «Чего это ты здесь прохлаждаешься?» — подозрительно спросил Бак. Ян, округлив глаза, сообщил механику скверную новость и на всякий случай прибавил: «Сам видел: вдр-р-ребезги!.. И записка внутри: «Так будет с каждым, кто употребляет одеколон «Доброе утро». Во избежание неприятностей употребляйте исключительно лосьоны!» А в конце — череп с двумя мослами крест-накрест и подпись: «Веселый Парфюмер». Не веришь? Вот провалиться мне в атриум!..» — «Да не нужна мне записка, отстань!..— не принимая игру, проворчал механик и, на свою беду, вслух

подумал: — Мне интересно с самим Парфюмером как-нибудь встретиться...» Это была непростительная оплошность, которую склонный к мистификациям десантник не замедлил использовать. Тем более что с механиком у него были личные счеты. Однажды им двоим надлежало выполнить какую-то работу по проверке вакуум-оборудования корабля. Натянув скафандр, Ян битый час прождал механика на палубе вакуум-створа, изнывая от скуки, не дождался, ушел и не по своей вине получил от Нортона внушительную нахлобучку... «А мне, думаешь, не интересно? — сказал он, таинственно озираясь.— Я, думаешь, почему здесь стою? Жду, когда он выйдет!..» Ставку в игре Ян делал, конечно же, на легенду о чужаке. И бедный Бак, утратив бдительность, «клюнул». Легенду о чужаке он, правда, не слышал, но зато «диверсант» был для него ощутимой реальностью. «Кто выйдет? Откуда выйдет?» — «Тсс!..— свирепо прошипел Ян.— Откуда мне знать кто? Вот я стою и гадаю, что делать...» Бак молниеносным движением ухватил десантника за одежду на груди и, подтянув к себе рывком, прорычал: «Где он?!» Десантник молча указал на дверь девятого отсека...

Впоследствии он клятвенно утверждал, что выбор двери был совершенно случаен, но в это трудно поверить. Скорее всего он просто не принял в расчет горячности инженера-хозяйственника и полагал, что розыгрыш закончится сравнительно безобидно. Исход розыгрыша он представлял себе в трех вариантах. Первый: Бак заподозрит подвох, и ничего занятного не произойдет. Второй: Бак позвонит в указанную дверь, и начнутся забавные переговоры. Дело в том, что три из пяти бывших в составе экипажа нашего рейдера женщин незадолго до того момента, о котором идет речь, вошли в девятый отсек, и наблюдательный Ян это, конечно же, заприметил. Девятый отсек включает в себя целый комплекс специализированных кабинетов — массаж, гигиена, косметика... ну и так далее. Естественно, любые маневры механика у запретной для мужского населения двери выглядели бы весьма пикантно. Самым утонченным был третий вариант: Ян под каким-нибудь предлогом передает свой «наблюдательный» пост в коридоре обманутому механику и спокойно идет в душевую, а на обратном пути великодушно разъясняет «часовому» ситуацию, напомнив, что нечто подобное происходило на палубе вакуум-створа.

Сценарий развернулся по второму варианту, но в гораздо более скандальной форме, чем мог предположить

изобретательный десантник. Бак тяжело взглянул на дверь, сказал: «Постереги-ка мне его, я мигом...» — и со скоростью ветра умчался в аккумуляторный отсек. Никакой записки там, разумеется, не было, но был разбитый экран, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы выбить инженера-хозяйственника из колеи...

Вернувшись в ураганном настроении, он увидел соучастника «ловли» на прежнем посту и, уже не раздумывая, бросился к злополучной двери. Других входов и выходов девятый отсек не имел, и возбужденный механик уверовал, что «диверсант» в западне... Дверь была заперта, но, разумеется, вовсе не по причине, которую не без помощи хитроумного Яна вообразил себе Бак. На его звонки и рычание: «Ну-ка немедленно открывай!!!» — никто не откликнулся. Лишь мигнул, добавив механику ярости, объектив смотрового глазка. В ход пошли кулаки, коридор наполнился непривычным для обитателей рейдера грохотом. Ян с опаской отступил ближе к атриуму. Ничего не зная об изрядно досадившем Баку «диверсанте», он, естественно, был озадачен слишком решительным штурмом двери. Грохот уже начинал привлекать внимание тех, кто находился в отсеках бытового яруса (из предбанника с любопытством высунулись две обернутые простынями фигуры), и тех, кто еще бодрствовал наверху (Ян заметил спрыгнувшего в атриум человека). Уразумев наконец, что «утонченный» розыгрыш оборачивается глупым скандалом, десантник уж было собрался остановить самозабвенно атакующего запретный отсек механика, как вдруг дверь на мгновение распахнулась и механик исчез... Ян остолбенел. Фигуры в простынях обменялись невнятными возгласами. Дверь опять на мгновение распахнулась — в коридор, словно из катапульты, шумно вылетел человек в огромном, насаженном на голову почти до плеч, блестящем шлеме! Стукнувшись о стену, Бак снял с себя «шлем» — колпак для сушки волос — и, разбрасывая хлопья пены (с ног до головы он был облит какой-то очень ароматной пенящейся жидкостью), грозно потрясая колпаком, двинулся на десантника. Что и говорить, зрелище было постыдное... Вдобавок мстительные женщины успели разрисовать физиономию несчастного механика губной помадой. Ян, который оцепенело следил за приближением Бака, вряд ли смог бы легко уйти от возмездия, не заметь механик вовремя капитана. Молчанов неподвижно наблюдал развитие событий, а за его спиной застыли в ожидании плечистые фигуры двух пилотов. Меха-

ник выронил колпак. Произошла немая сцена, после которой Молчанов, круто повернувшись на месте, удалился в сторону атриума...

Но я, повторяю, об этом еще ничего не знал и, слушая в командной рубке жесткие слова капитана, пытался вообразить себе истинную подоплеку скандального происшествия. В одном я был убежден: Бак честный, искренний человек, и подозревать его в умышленном нарушении общепринятых норм морали и этики просто нелепо. Это свое убеждение я высказал капитану и добавил, что если дать себе труд разобраться в побудительных мотивах вчерашнего «проступка» механика, то ничего предосудительного, а тем более злонамеренного в них не сыщешь. Напротив, следовало бы оценить бескомпромиссность и мужество человека, который в одиночку вынужден вести неравную борьбу с противником необычайно изворотливым, ловким.

— Ну, положим, в существовании «диверсанта» я позволю себе усомниться,— возразил капитан.— А вот чисто служебные недочеты инженера-хозяйственника и его вчерашняя клоунада — это для меня вполне реальные факты. И настолько реальные, что я действительно вынужден дать им оценку. Правда, обратную той, которую предлагаете вы.

— В таком случае,— сказал я,— вынужден заявить: ответственность за вчерашний скандал, каким бы он ни был, лежит на мне, поскольку именно я инициатор ежевечернего патрулирования коридоров и бытовых отсеков. Правда, сегодня утром мы с инженером-хозяйственником решили прекратить всякую самодеятельность и передать добытую информацию вам. Убедить вас принять нужные меры мне не удалось... Жаль. Откровенно говоря, я разочарован.

— Но и я в недоумении,— серьезно сказал капитан.— Ваша настойчивость мне непонятна. Не могу же я запретить Рэнду Палмеру развлекать своих друзей небылицами о чужаке.

— Такое впечатление, будто мы беседуем на разных языках... Говоря о нужных мерах, я имел в виду не столько Рэнда Палмера, сколько обстановку в целом. Представим себе на минуту реальность чужака. Вопрос: что будет с корабельным «зайцем», если при торможении он по тем или иным причинам не сумеет воспользоваться средствами противоперегрузочной защиты?

— Сумел же воспользоваться во время разгона.

— Да, но теперь не сумеет. Не получится вдруг. Что будет?

— Успокойтесь,— бесстрастно сказал Молчанов.— Ничего такого не будет. Никаких корабельных «зайцев» на борту рейдера нет.

— Вы уверены в этом на все сто процентов?

Капитан взглянул на часы. В глазах его тенью прошла какая-то мысль, отразившись на лице выражением неудовольствия. Я тоже взглянул на часы. До перерыва на дневной отдых оставалось меньше десяти минут. Мне хотелось уйти, однако теперь, при всем своем желании, я не мог этого сделать без разрешения начальства. Стой и жди (даже если ждать тебе, кроме обратного пропуска, по-видимому, нечего) — таков порядок.

— В рабочей обстановке,— доверительным тоном заговорил капитан, приближаясь к столу,— я никогда не пользуюсь словом «уверен». Предпочитаю слово «убежден». И вам советую. Это поможет нам избежать неудобств, которые вы называете «беседой на разных языках».— Привычным движением он утопил одну из кнопок внутренней связи, будто ставил заключительную точку нашему разговору.— Вахта, прием!

Мне оставалось заручиться спокойствием.

В стеклянистой толще грибка столешницы замелькали голубые блики — вызов на связь. Я машинально взглянул на экран информатора в тыльной стороне рубки, но ничего на нем не увидел. Капитан смотрел куда-то в «космический» вырез боковой стороны. Я ввел поправку, посмотрел туда же и замер.

Да, это было великолепно! И не просто великолепно, а... как бы точней оценить? Ну, в общем, все двенадцать баллов по шкале эстетической категории высшего совершенства!..

Говорят, настоящую красоту прежде всего ощущаешь спиной — пробегают, знаете ли, эдакие резонансные мурашки сопричастности и восторга. Что ж, правильно говорят, я это в полной мере прочувствовал... Мне вспомнилось старое изречение: «Нет ничего прекраснее танцующей женщины, скачущего коня и чайного клипера под всеми парусами». Теперь я мог бы добавить: нет ничего романтичнее женской земной красоты в океане холодного блеска Вселенной... Я оцепенело всматривался в это, без сомнения, знакомое мне лицо, узнавая его и в то же время не узнавая там, среди звезд, и, признаюсь, готов был к восторженным декламациям. «Руки, богиня иль смертная

дева, к тебе простираю. Если одна из богинь ты, владычиц пространного неба, то с Артемидою только, великою дочерью Зевса, можешь сходна быть лица красотою... Нет, ничего столь прекрасного между людей земнородных взоры мои не встречали доныне; смотрю с изумленьем...» О да, забыв обо всем, стоял я как столб и завороженно созерцал новоявленную нимфу Млечного Пути. Было в ней что-то очень земное и одновременно экзотически неземное, звездно-музыкальное, вселенское... Улыбчивые карие глаза, жемчужно-розовые губы, плавные контуры темных волос. В серповидную прядь на виске великолепно «вписалась» драгоценная капля лучистой Капеллы...

— Вахта административно-технического сектора на приеме! — бодро отрапортовали жемчужно-розовые губы.— Слушаю, капитан.

Я медленно возвращался с неба на грешную зем... в командную рубку.

— Таня, дайте, пожалуйста, на экран информатора полную схему дислокации,— распорядился Молчанов.— Шесть рядов с цифровым итогом.

— Минуточку, капитан,— ответила из созвездия Возничего Таня.

«На экран информатора, значит...— подумалось мне.— Схему, значит, туда, а красавицу Таню сюда, на звездный экран большого обзора. А ведь он романтик, наш капитан! Ай-ай-ай, какой утонченный эстет!.. Да, в этом рейсе открытия сыплются на меня одно за другим. Кто-то любит кататься на «бивнях» слона-корабля, а кто-то не прочь украсить свою рабочую обстановку «звездными девушками». И ведь как эффектно украсить! Даже лучистая капля Капеллы на месте — в центре красиво изогнутой пряди волос у виска. И Таня, конечно, не знает. Будет жаль, если узнает. Пропадет естественная непринужденность — прощай тогда чарующий эффект...»

— Готово, капитан! — доложила «звездная девушка».— Полная расшифровка по шести секциям.

— Вы свободны, Таня, спасибо. Конец связи.

Владычица неба растаяла среди звезд.

Капитан жестом пригласил меня подойти к экрану информатора.

7. Рапорт на самого себя

Я понятия не имел, что такое «схема дислокации», и тупо смотрел на экран. То, что я видел перед собой, скорее походило на обычное информационное табло в зале какого-нибудь космопорта. Продолговатый экран расчерчен на шесть вертикальных рядов. В каждом ряду — колонки индексов. Такими индексами обозначались у нас на борту каюты, отсеки и прочие помещения корабля. Ниже индексов стояли однозначные (реже — двузначные) цифры, которые иногда менялись. Вот и все. Я ничего не понимал.

Удивленный моим невежеством капитан стал пояснять, проводя рукой по рядам:

— Первый ярус, второй, третий, четвертый, носовое отделение рейдера, хвостовое. Здесь индексы помещений, в которых сейчас находятся люди. Цифры — количество человек в помещении. Вот, к примеру, носовое отделение: индекс КР-Н и рядом — двойка. Это вы и я в командной рубке. И точно так же во всех шести обитаемых секциях рейдера. Ясно?

— Ясно...— пробормотал я. Теперь мне действительно было все ясно. Мне и в голову прийти не могло, что на рейдере существует подобная аппаратура!

— В конце каждого ряда обозначен цифровой итог,— продолжал капитан.— Для удобства. Ведь люди постоянно переходят из помещения в помещение, и проследить по строчкам за этой миграцией трудно. Легче по секциям. Ну-ка, возьмите конечные цифры по всем шести секциям и подсчитайте, сколько людей присутствует в данный момент на борту рейдера.

Я подсчитал. На борту рейдера в данный момент было, как и положено, шестьдесят девять человек. Ни больше ни меньше...

— Так где же он, ваш чужак?

Я промолчал. Стоял потерянно и смотрел на табло этого «счетчика человеческих душ» и не знал, что и думать. Я был сражен. Впрочем, сражен не то слово. Я был буквально смят и раздавлен.

— Как видите,— сказал Молчанов,— понятие «убежден» имеет существенное преимущество перед понятием «уверен». И пусть это вам послужит уроком. А что касается чужака... Вы даже не представляете, сколько легенд подобного рода мне приходилось слышать за годы работы в Пространстве.

Я на всякий случай спросил:

— А вы не допускаете возможности того, что человеку каким-нибудь образом удается выйти из-под контроля следящих датчиков этой аппаратуры?

— Исключено,— сухо ответил Молчанов.— Датчики системы дислокации пронизывают тело рейдера вдоль и поперек, выйти из-под их контроля — значит выйти за пределы корабля. Нейтрализовать чувствительность этой системы невозможно. Впрочем, есть один способ: не иметь нормальной температуры тела, не обладать нормальным человеческим запахом, не излучать никаких биологических волн, не двигаться и не дышать. Надеюсь, я вас убедил? — Он снова взглянул на часы.

Я отрицательно покачал головой:

— Н-нет...

— Нет? Ну, знаете ли!..

— То есть все это я, разумеется, принимаю к сведению. Однако...

— Однако?..

— Вы убедили меня в одном: дело, с которым я к вам пришел, требует гораздо более тонкого анализа, чем это мне представлялось.

Он смотрел на меня серьезно, спокойно и, я бы даже сказал, сочувственно.

— Ну хорошо,— сказал я.— Вы правильно говорили о преимуществах убежденности. Теперь пришла моя очередь заявить вам с полной ответственностью за свои слова: я совершенно убежден, что на борту рейдера есть человек, который умышленно уничтожает экраны и при этом старательно заметает следы. Моя неопытность в сфере криминалистики очевидна — я действительно не в состоянии выложить перед вами цепь доказательств, безупречных с точки зрения формальной логики. Но в сфере профессионального знания психологии я чего-нибудь да стою. Внутренняя логика поведения людей, участников этих событий, твердо меня убедила в серьезности очень странной на первый взгляд информации, которую мне приходится здесь излагать.

— Даже в серьезности очень странной информации о чужаке?

— Во всяком случае, я убежден в искренности Рэнда Палмера. Во-первых, потому, что Палмер вообще не склонен к мистификациям. Во-вторых, он не стал бы дурачить одновременно командира и своего ближайшего друга.

Молчанов впервые взглянул на меня с интересом.

— То же самое можно сказать про инженера-хозяйственника,— добавил я.— Нелепо думать, что ему пришла бы в голову идея мистифицировать медиколога и капитана. Мне кажется, он вообще избегает лишний раз попадаться вам на глаза.

— Увы, это ему, к сожалению, далеко не всегда удается. К моему сожалению... Ну что ж, надо признать, ваш психологический экскурс весьма любопытен. Действительно, внутренняя логика поведения двух людей находится в странном противоречии с формальной, как вы ее называете, логикой обстоятельств... Но, с другой стороны, чем могу быть полезен я, администратор и технический руководитель полета, в поисках ответа на этот, прямо скажем, сногсшибательный вопрос? Вы, конечно, не обижайтесь, но во время нашей беседы я мысленно пытался перешагнуть препятствия на пути вашей... ну, скажем, гипотезы и пришел к убеждению, что препятствия неодолимы. Благодарю вас за информацию, однако вынужден адресовать ее опять-таки вам. Я ведь не специалист в области психоанализа. Полагаю, именно вы обязаны найти и увязать концы загадочных противоречий. В заключение скажу: несмотря на малоподходящее для подобных бесед время и несколько нервозную обстановку, мне было приятно общаться с вами. Отдаю должное вашей выдержке и запасу энергии.

«Вот и все,— подумал я.— Этого следовало ожидать...»

— Благодарю за комплимент,— сказал я,— хотя, на мой взгляд, гораздо большую стойкость и выдержку проявили вы. Мне позволено будет произнести здесь несколько заключительных слов? Но заранее предупреждаю: ничего приятного в них не содержится.

— Прошу...

— Прежде всего я хочу выразить свое несогласие по поводу переадресовки этой злополучной информации. Главным образом потому, что имею веские основания относить подобную информацию не столько в область психоанализа, сколько в область космической безопасности и охраны правопорядка. Какой-то период я играл роль детектива-любителя и, каюсь, втянул в это дело инженера-хозяйственника. Но ведь ни он, ни я ничего не смыслим в тонкостях оперативно-следственной работы. Учитывая нашу беспомощность, я вынужден подать официальный рапорт вам и начальнику рейда Юхансену. Боюсь предугадывать, какова будет реакция Юхансена, однако наслышан, что его миссия связана с деятель-

ностью оперативно-следственных органов, и это внушает мне определенные надежды.

— Что ж, подавайте,— ответил Молчанов.— Это ваше право. Очень своеобразный рапорт. Даже не знаю... Как бы рапорт на самого себя.

— Очевидно, мне нравится подавать рапорты на самого себя... Будьте здоровы, капитан.

Плохо припоминаю, как я прошел носовой сектор. Опомнился в коридоре жилого яруса, и то, наверное, лишь потому, что вклинился в идущий мне навстречу косяк десантников. Точнее, прайд; в глазах рябило от кошачьих морд: рыси, тигры, барсы, пантеры, ягуары, пумы, гепарды... Проголодавшийся прайд валил на обед. Десантники здоровались и вежливо уступали мне дорогу. Интуитивно я поискал среди них Нортона. Не нашел и, подойдя к двери его каюты, позвонил. Над верхним срезом двери пузырем вздулась красная оболочка переговорного устройства и неприязненно, без знаков препинания произнесла: «Кто там, какого черта!» Я оглянулся (в коридоре, по счастью, никого уже не было), махнул рукой и продолжил путь в свою каюту.

...Мы с Баком составили совместный рапорт и, соблюдая все необходимые формальности, официально вручили его капитану и начальнику рейда Юхансену. Время для этого было совершенно неподходящее, но, с другой стороны, деваться нам тоже было некуда.

Затормозив, рейдер «повис» на круговой орбите возле Оберона, и началась та самая работа, ради которой мы сюда прилетели. Для десантников, ученой комиссии и корабельной команды наступили горячие дни — разведочные и научно-исследовательские десанты на планетоид следовали один за другим, и в такой обстановке Юхансен, ознакомившись с рапортом, вряд ли достаточно ясно уразумел, чего от него, собственно, хотят.

— Это срочно? — спросил он с недоумением.

Я сказал, что не знаю,— подавая рапорт, исполняю свой долг, а насколько это срочно, судить не берусь.

— Понимаете ли, уважаемый...

Да, он мог бы не продолжать, я его понимал.

— Ваш рапорт мы обязательно разберем на командном совете, но не сейчас. Потом, уважаемый, потом! Или вы настаиваете?..

Нет, я не настаивал. Я все понимал и ни на чем не настаивал. Напротив, я выразил сожаление, что рапорт родился в такое неподходящее время.

Работы у всех, повторяю, было по горло. Переговорить с командиром десантников не удалось, да я к этому и не стремился — обстановка не позволяла. Нортон все время куда-то спешил, постоянно что-то организовывал, распоряжался, лично участвовал едва ли не в каждой десантной операции, планировал и корректировал взаимодействие десантных групп — его рабочую энергию можно было сравнить с энергией действующего вулкана средних размеров. Рейдер ощетинился излучателями и антеннами самых разнообразных конструкций, широко распахнул трюмы, ангары, обнажил красочно освещенные палубы вакуум-створов и превратился в орбитальную матку целой флотилии снующих туда и сюда катеров. За четкость наружных работ нес ответственность механик по вакуумоборудовнию корабля, поэтому я редко видел Бака — он почти не вылезал из своего скафандра и подвижных герметических кабин. Кстати, безупречная работа вакуум-хозяйства заставила капитана несколько изменить свое мнение о служебных достоинствах механика.

По мере того как расширялся фронт исследовательских работ в системе Урана, дел у меня прибавлялось. Должно быть, с точки зрения подавляющего большинства я исполнял непрезентабельную роль тормозного устройства в кипучей атмосфере всеобщего энтузиазма: мне с великим трудом удавалось настаивать, чтобы люди нормально питались и спали хотя бы не менее семи часов в сутки (не говоря уже обо всем остальном). Я приблизительно знал, как соблюдался режим на борту корабля, но что происходило на самом Обероне, представлял себе плохо. Судя по участившимся случаям переутомления и легкого травматизма, ничего в этом смысле хорошего там не происходило. Во время очередного заседания командного совета я вынужден был серьезно поговорить с Нортоном. Разговор получился на повышенных тонах. Как медиколог экспедиции, я потребовал права на ревизию бункеров временных баз, разбросанных по Оберону. Нортон яростно сопротивлялся, но совет вынес решение не в его пользу, и мне в конце концов удалось навести на временных базах относительный порядок. Правда, ценой очень натянутых отношений с командиром десантников, но что оставалось делать?..

Мало-помалу программа исследовательских работ приближалась к финишу. После напряженнейшей работы на Обероне рейдер был направлен к планете, выведен на околоурановую орбиту, и десантники получили двухне-

дельный отдых. Пока проводился глубинный зондаж удивительно красивой матово-голубой атмосферной шубы таинственного гиганта и его многослойного Кольца, я «зондировал» самочувствие экипажа, безусловно отдавая предпочтение молодцам с кошачьими эмблемами на рукавах. Разумеется, дурная слава Оберона меня чрезвычайно тревожила — мне были известны кое-какие подробности загадочных и грозных оберонских катастроф, и я втайне радовался, что на этот раз все обошлось. Два вывиха, пять ушибов и одно не очень серьезное отравление дыхательной смесью из-за неполадок в системе скафандрового жизнеобеспечения — сущие пустяки... Десантники пребывали в отличном расположении духа, шутили, хвастались друг перед другом успехами и синяками, отсыпались, ели с аппетитом, послушно и, я бы даже сказал, как-то автоматически, походя выполняли все мои лечебно-оздоровительные предписания. Попутно и я приводил свои нервы в порядок. Главный этап — этап разведки зловещего планетоида — счастливо пройден. Комиссия сделала вывод, что Оберон утратил опасные свойства, и теперь уже, видимо, навсегда. Впереди нас ожидала не очень сложная (как я легкомысленно это себе представлял) работа на остальных вполне безопасных лунах Урана...

На «безопасной» сказочно красивой маленькой Миранде едва не погиб разведочный катер. Не буду описывать внешний вид этой снежной принцессы, поскольку она сразу стала излюбленной «телезвездой»... точнее, «телелуной» земных экранов. Напомню только, что ее причудливые снежные образования скрывают внутри ажурную «арматуру» из твердого льда. Первый катер благополучно сел на припорошенную хлопьями смерзшегося газа ледяную арку. Второму не повезло — он глубоко провалился в пушистый сугроб и поднял вокруг себя такую снежную бурю, что до сих пор непонятно, как ему удалось сманеврировать и вырваться из-под нависших ледяных колоссов...

На Ариэле у одного из десантников отказал скафандровый обогрев, и медицинская моя «коллекция» пополнилась случаем довольно серьезного обморожения. А «безопасный» Умбриэль всего за одни сутки «преподнес» мне два вывиха и скрытый перелом голени. Я с ужасом ждал высадки на Титанию — самую крупную луну Урана. Я понимал: люди вконец измотаны тяжелой работой, бдительность притупилась. Свои опасения я высказал на командном совете, чем поставил его перед сложной дилеммой:

либо отказаться от изыскательских работ на Титании, либо дать десантному отряду достаточно продолжительный отдых. Первое совершенно не устраивало ученую комиссию, второе не устраивало технических руководителей полета — ресурсы жизнеобеспечения корабля, предусмотренные на период разведки системы Урана, были истощены.

Совет принял компромиссное решение: высадку на Титанию произвести, но объем разведочных и научно-исследовательских работ сократить втрое против ранее намеченного. Ну и далее, как положено, по пунктам. Пункт номер один: комиссии срочно представить совету скорректированный план работ (ответственный: председатель комиссии Юхансен). Пункт номер два: медикологу совместно с командиром отряда десантников отобрать для производства вышеназванных работ десантную группу из двенадцати человек, наиболее надежных по физическим, физиологическим и психодинамическим характеристикам (ответственный: медиколог экспедиции Грижас). Пункт номер три: определить срок десантных работ на Титании в сто часов, начиная с момента согласования списка участников десанта между медикологом экспедиции Грижасом и командиром отряда Нортоном, принимающим на себя непосредственное командование десантно-оперативной группой «Титания»... Ну и т. д. и т. п.— не буду перечислять пункты, которые меня не касались прямо.

После придирчивого медосмотра предложенных Нортоном кандидатов я с тяжелым сердцем утвердил всех. Да, люди устали. Это были железные парни — Нортон, надо отдать ему должное, отлично знал своих людей,— но и металл устает. Я тоже устал. Я чувствовал неодолимую усталость от постоянных тревог. Каково же им, отчаянным труженикам Внеземелья?.. Но десантники, которым не довелось войти в число «двенадцати апостолов» (как теперь с легкой руки остроумного Яна стали называть группу «Титания»), штурмом брали мой кабинет. Каждый из них смотрел орлом, бодрился — грудь колесом — и требовал объяснений. Артель «мельников» даже пыталась воздействовать на меня «по знакомству». Я не знал, возмущаться мне или смеяться. Кстати, двое из этой компании — Бугримов и Степченко — в предварительном списке Нортона значились. Я утвердил и того и другого, хотя меня беспокоил полученный Степченко на Обероне ушиб кисти левой руки. Разумеется, я утвердил его не потому, что был намерен укомплектовать «апостолов» Фо-

мой неверующим,— просто десантник выглядел свежее остальных, поскольку до высадки на Умбриэль я запрещал ему участвовать в десантных операциях. Исключи я его и теперь — он до конца жизни считал бы меня своим личным врагом... Но дело не в этом. Гораздо важнее было то, что Степченко оказался одним из звеньев психологической цепочки в группе. За него стал горой Бугримов. Вплоть до самоотвода собственной кандидатуры. За Бугримова горой стал Рэнд Палмер, и тоже вплоть до самоотвода. За Рэнда...— ну и так далее. Нортон, не вмешиваясь в эту сцену ни жестом, ни словом, тяжело смотрел на меня немигающим взглядом. Ни дать ни взять круговая порука. «Ну что ж,— подумалось мне,— группа демонстрирует свою сплоченность — чем плохо?..»

— Ладно,— шутливым тоном сказал я возбужденным «апостолам»,— поберегите энергию для броска на Титанию. Утверждаю всех, и Христос с вами!

Я покосился на командира десантников: что-то неприятно изменилось в выражении его лица. Он тихо бросил подчиненным:

— По местам!

В моем кабинете произошло какое-то организованное движение, десантников словно ветром сдуло,— мы с Нортоном остались наедине.

Вручая Нортону согласованный список, я еще раз напомнил ему, что люди слишком устали, и не только физически, командиру следует это учесть.

— Особенную тревогу,— добавил я, внимательно глядя Нортону в глаза,— почему-то внушает мне Рэнд Палмер. Как вы думаете, мы не ошиблись, включив его в группу?

Нортон взгляда не отвел.

— Палмер — один из самых надежных в группе, и вы это знаете,— веско ответил он. И добавил без тени смущения: — Ваш вопрос, извините меня, дурно пахнет.

Я даже слегка растерялся. Он повернулся и вышел. Я проводил взглядом его ладную, вкрадчиво-гибкую, как у пантеры, фигуру. В моем сознании смутно забрезжил крохотный огонек какого-то интуитивного предощущения, которое обещало оформиться в мысль. Но не оформилось. По отношению к Нортону я испытывал одновременно странное любопытство и не менее странную неприязнь и, вероятно, поэтому не мог позволить себе ничего похожего на предвзятость...

Десант на Титанию, как я и опасался, стоил нам дорого. Во время бурения с отбором извлеченных из сква-

жин проб ударил фонтан сжиженного газа. Пытаясь спасти буровое оборудование, Рэнд Палмер поднял грузовой катер, выдвинул манипуляторы и атаковал фонтан. Маневрировать на тяжелой машине возле взбесившегося ледяного грифона было очень не просто. В конце концов катер сильно обледенел, потерял управление, врезался в шлюзовой отсек жилого бункера. Бункер мгновенно разгерметизировался, но, к счастью, в этот момент никого в нем не было. Катастрофу видели выскочившие из-под фонтана Бугримов и Степченко. Катер беспомощно застрял в раздавленном шлюзе — на боку, чуть кверху днищем... Бугримов опомнился первым — двумя прыжками преодолел расстояние до места катастрофы (сила тяжести на лунах Урана невелика) и, взобравшись на катер, попытался открыть донный люк. Не вышло. Рэнд на вызов не отвечал. Правда, ничего особенного с ним не случилось — его слегка оглушило. Но Бугримов этого не знал. Подоспевший Степченко увидел, как его напарник яростно продирается к верхнебоковому люку сквозь обломки шлюза. Нечеловеческим усилием отогнув в сторону рваный лист металла, Бугримов расчистил себе доступ к люку. Степченко заметил, что массивная туша катера тронулась с места и начинает медленно оседать кормой. Предупредительный возглас товарища Бугримов принять к сведению не успел, тем более что уже вскарабкался в открытый люк по пояс. Его просто разрезало бы пополам, да, спасибо, друг не растерялся. Трезво оценив обстановку, Степченко подставил под оседающую махину единственный рычаг, который был в его распоряжении в эти секунды,— собственное тело... Его расчет себя оправдал — удалось затормозить кормовое скольжение катера на несколько важных для Бугримова мгновений. Жизнь ценою жизни... Бугримов и пришедший в себя Палмер подняли буквально вдавленного в ледяную кашу товарища.

Пока его доставили на борт корабля, пока извлекли из скафандра и уложили на операционный стол-агрегат, наступила клиническая смерть. Реанимация прошла удачно, однако состояние тяжелораненого было критическим. Чудовищное повреждение грудной клетки (к счастью, правостороннее), перелом позвоночника... Да что говорить, это был самый отчаянный случай в моей медицинской практике. До сих пор не понимаю, как мне удалось сохранить пострадавшему жизнь. Впрочем, это не только моя заслуга. Одна из женщин — инженер дальней связи — имела смежную профессию хирургического ассистента, как

имеют те ли иные смежные профессии почти все члены экипажа современного рейдера. Ассистировала она безупречно. Мне нравилось ее имя — Инга...

Время на пути к Земле, понятно, было насыщено для меня совсем иными тревогами, чем на пути к Урану. Состояние Степченко улучшалось медленно. В условиях хирургического стационара этот случай, пожалуй, не имел бы права именоваться «особо тяжелым», но в специфических условиях полета... Словом, несмотря на принятые меры всесторонней биозащиты, после перегрузок стартового разгона борьбу за жизнь раненого надо было начинать, по существу, сначала.

Поглощенный медицинскими заботами, я, естественно, слабо реагировал на все остальное. Никаких особенных эмоций я не испытал, когда мне было официально объявлено, что рапорт, поданный мною «на самого себя», командный совет наконец рассмотрел. Утвержденное советом резюме гласило: «Явное противоречие между фактическим материалом и предложенной в рапорте информацией не позволяет...» Дальше я не читал. Не позволяет — и ладно. И превосходно. Главное — никаких «обязать». Мое время ценили.

Правда, некоторый интерес вызвал у меня распространившийся слух о намерении Нортона досрочно выйти в отставку. Сначала я не поверил, но слух держался упорно. Я догадался расспросить об этом Ингу — кому, как не ей, инженеру дальней связи, было знать о сообщениях, адресованных УОКСу. К моему изумлению, слух подтвердился.

Решение своего командира выйти в отставку десантники связывали с происшествием на Титании. На мой взгляд, это была чепуха. Сначала Нортон действительно был подавлен случившимся и по многу раз на день донимал меня или Ингу вопросами о состоянии раненого (впрочем, как и все остальные десантники). Однако, во-первых, довольно скоро я нашел возможным оповестить население корабля, что жизнь Степченко вне опасности. Во-вторых, сопоставляя настроение Нортона «до Урана» и «после Урана», я особой разницы не уловил. Все так же угрюм, малоразговорчив, замкнут... Но держаться он умел великолепно. Каждый жест его, каждый взгляд словно бы строго напоминали: «Я человек дела, а мое настроение никого не касается». Нет, похоже, Титания тут ни при чем. Его угнетало что-то другое. Мне оставалось теряться в догадках.

Я много был наслышан о предыдущем рейде «Лунной радуги», о катастрофе на Обероне, во время которой погибла половина десантников. В том числе командир этой группы Элдер и начальник рейда Асеев. Я точно знал, что в теперешней экспедиции участвуют лишь двое из тех, кому повезло спастись во время так называемого «оберонского гурма». А именно: Нортон и первый пилот нашего корабля Аганн.

Мне показалось любопытным сопоставить внешние линии поведения двух «старых оберонцев». Мешало то, что первого пилота я знал гораздо хуже, чем командира десантников,— редко его встречал, и еще реже мне доводилось с ним разговаривать. Разве только в кают-компании за обедом или на очередных медосмотрах... Но даже на основе довольно поверхностных наблюдений я рискнул бы сказать, что Аганн по своему характеру едва ли не антипод Нортона. По-моему, наиболее выразительная черта его — мягкость. Должен, однако, отметить: здесь я имею в виду отнюдь не мягкотелость.

Теперь о главном. О том, что мне показалось не очень понятным... Характеры не похожи, служебные обязанности абсолютно различны, а все-таки в линиях поведения «старых оберонцев» прослеживалось нечто общее. Прежде всего неразговорчивость, замкнутость, неулыбчивость (у Нортона переходящая в угрюмость). Похоже, они ни с кем не поддерживали не только дружеских, но и просто приятельских отношений. Разве не странно?.. Я ни разу не наблюдал, чтобы Аганн или Нортон принимали участие в какой-нибудь «неделовой» беседе. Ни разу не видел, чтобы они говорили между собой. Напротив, у меня создалось впечатление, будто они избегают друг друга. Или, по крайней мере, обходят друг друга вниманием больше, чем всех остальных. При встрече — легкий кивок в знак приветствия. И это все. Никаких иных жестов, никакого иного выражения эмоций. Не имею представления, как и где они проводили свое свободное время. Ни тот, ни другой не появлялись в просмотровом зале, в салонах отдыха или в библиотеках, не интересовались ни одной из бытовавших на рейдере игр... Чем глубже я об этом задумывался, тем загадочнее мне казался параллелизм в линиях поведения Нортона и Аганна.

Увы, на борту «Лунной радуги» мне довелось столкнуться с отдельными островками неодолимых, щекочущих нервы загадок. Экраны, «диверсии». Сам «диверсант». История с чужаком. И вот наконец таинственно схожие

элементы странного отчуждения двух очень разных людей. Загадки, загадки... Глухая, безответная стена. Иногда я, фигурально выражаясь, поглаживал эту стену, но пробить был не в силах.

Правда, я не удержался от соблазна порасспросить Ингу о прошлом рейде «Лунной радуги» в систему Урана. Как участница предыдущей экспедиции, она должна была знать о Нортоне и Аганне гораздо больше моего. Да, она видела перемены в поведении того и другого, но ничего особенно странного в этом не находила. Трагедия на Обероне тяжело подействовала на обоих. Во время той катастрофы оба потеряли самых близких друзей: Аганн — Элдера, Нортон — Михайлова. Уже не говоря о том, что погибли и другие их товарищи: Накаяма, Асеев, Бакулин, Джанелла... Да, раньше она не замечала за Нортоном теперешней угрюмости, и первый пилот был намного общительнее. Но что поделаешь, такова жизнь. Быть может, в какой-то мере они чувствуют вину перед погибшими. Ведь бывает такое у хороших, честных людей — ложное чувство вины! В той обстановке они сделали все, что могли, и ничего большего сделать было нельзя... Нет, она не знает, почему Нортон подал в отставку именно сейчас. Вероятно, у него были свои счеты с Внеземельем, но теперь, когда Оберон побежден, Нортон решил, что имеет полное право бросить работу в Пространстве совсем. Аганн? Нет, Аганн бросать не собирается. На днях УОКС сообщил, что переводит его капитаном на танкер юпитерианской флотилии. Аганн ответил согласием.

«Ну вот!..» — с некоторым даже умилением подумал я. Вдобавок еще и личные счеты! С Внеземельем?! Не слишком ли это абстрактно? Друг с другом? С какой стати? Если борт нашего корабля и есть арена сведения счетов, то проще предположить, что кто-то сводит «личные счеты» с экранами бытового яруса. Н-да...

Ну что ж, мне осталось добавить к своему рассказу два завершающих эпизода...

8. Маска

Во время профилактического медосмотра я попытался завязать беседу с Рэндом Палмером.

— Выглядите вы молодцом,— сказал я.— Все ваши физиологические и психодинамические характеристики в

норме. Пожалуй, до конца рейда тревожить вас я больше не буду... Удар был сильный?

— Где? — спросил он.

— Что значит «где»? На Титании, разумеется. Или удары были где-то еще?..

— Нет,— поспешно сказал он.

— Не скрывайте. От меня ничего не надо скрывать. Нет смысла. Ведь все равно вам придется пройти спецкарантинный досмотр в зоне СК-I на Луне, а там... Ну что мне вам объяснять, вы же не новичок.

— Я понимаю,— сказал Рэнд.— Там тебя все равно вывернут наизнанку, и будет хуже... Нет, в самом деле нет! Только Титания. Что говорить, стукнуло меня изрядно. Выкинуло из кресла вместе с привязными ремнями и оглушило о боковую стенку кабины. Пришел я в себя, а тут и Бугримов подоспел.

— Ощущали последствия?

— Нет. Не до того было... Степченко из-под кормы вытаскивали.

— А позже? Головокружений не было? В глазах не темнело?

— Темнело. Когда узнал, что все из-за меня, еще как потемнело!.. Только это не по медицинской части.

— Да, конечно. Успокойтесь. Вы совершенно не виноваты. Ведь не могли же вы предусмотреть фонтан.

— Верно. Предусмотреть не мог...— Рэнд поднялся.— Мне можно уйти?

— Да,— сказал я не совсем уверенно. Я так и не придумал, в какой бы деликатной форме задать десантнику интересующий меня вопрос...

Уже у двери он, адресуясь, видимо, больше к себе самому, обронил:

— В этом рейде я много чего не мог предусмотреть...

— Чужака, например,— вставил я. Полагаю, с достаточным равнодушием в голосе.

Он замер. Медленно повернулся. Я увидел его лицо и пожалел о сказанном. Упоминание о чужаке для десантника было, по-моему, равносильно удару, который его оглушил на Титании.

— Верно...— пробормотал он, приходя в себя. Помолчал, что-то соображая.— Только вот что... Это не по медицинской части.

— Знаю,— сказал я.— Успокойтесь. Я слишком тщательно обследовал вас, чтобы думать иначе.

— Спасибо.— Рэнд заметно приободрился.— А чужак... Его не было.

— Зачем же вы морочили голову своему командиру?

Рэнд посмотрел на меня.

— Ему заморочишь!..— проговорил с интонацией, которую я не понял.— Он сам кому угодно... В общем, не было чужака. Обознался я.

— Нелогично.

— Почему нелогично?

— Обознаться можно, лишь принимая чужого за своего. Или одного своего за другого, но опять-таки за своего же.

Рэнд переступил с ноги на ногу. Было видно, что затронутая тема его тяготит. Он мог в любую секунду уйти — я ведь насильно его не удерживал. Однако не уходил. Я давно заметил, что мужчины плохо переносят обвинение в нелогичности. Женщину трудно бывает смутить ссылками на нелогичность. В лучшем случае она пропустит это мимо ушей, в худшем — ответит насмешкой. Мужчина — другое дело, нелогичность очень его стесняет.

— Как хотите,— смущенно проговорил Рэнд,— но я ничего не выдумываю. Все правда.

Я промолчал. Я верил ему, но ничего пока не понимал. Рэнд мялся, переступая с ноги на ногу. По-видимому, хотел задать какой-то вопрос и не решался.

— Хотите о чем-то спросить?

— Да. Скажите... разговор о чужаке вам передал Нортон?

И выжидательно замер, словно ответ мой имел для него немаловажное значение.

— Нет,— сказал я.— Не Нортон.

— Благодарю вас,— пробормотал Рэнд.

— Не за что. Похоже, вы наводите справки о состоянии моральных качеств своего командира?

— Ничего подобного,— ответил он, пожимая плечами.— Я неплохо знаю своего командира и не имею к нему ни малейших претензий. И потом... мне, вообще говоря, нет до него никакого дела. О Нортоне я спросил по другому поводу.

— Ну разумеется,— сказал я с иронией.— По поводу рыбных запасов Балтийского моря.

— Я понимаю,— сказал он,— со стороны все это выглядит довольно глупо...

— Прежде всего очень путано, а потому не очень красиво.

— Тут как ни поверни — красиво не будет.— Рэнд протяжно вздохнул.— Ведь это касается не только меня лично. Не могу же я... Ну, в общем, у нас так не принято, вы уж меня простите. Одно могу вам сказать откровенно: это сначала я думал, что чужак был.

— А теперь?

— Теперь думаю: чужака не было.

«Что за черт!..» — подумал я. В эту минуту я ощутил себя в положении растяпы шахматиста, который, разбирая шахматный этюд, вдруг обнаружил, что все четыре слона стоят на одной линии белого поля.

Десантник вежливо попрощался и вышел. Я его не удерживал. В голове у меня царил хаос.

Итак, что мне известно?

Мне известно, что отправная точка истории о чужаке — Рэнд Палмер. Скромен, тверд, правдив, к мистификации не склонен. Лгать своему ближайшему другу Бугримову не стал бы. Тем более не стал бы вводить в заблуждение своего командира. Уж наверное понимал: посвящать Нортона в подробности такого рода происшествия — значит рисковать собственной репутацией. Но, посоветовавшись с другом, все же решился. Вывод: Рэнд действительно встретился в коридоре с незнакомым ему человеком. Ошибиться, не узнать «своего» десантник не мог. Это исключено. Коридоры жилого яруса великолепно освещены даже в ночное время. Вдобавок Рэнд столкнулся с незнакомцем, что называется, нос к носу. Кроме всего, у Рэнда (как, впрочем, у космодесантников вообще) профессионально развита наблюдательность. По свидетельству того же Бугримова, «у Рэнда глаз верный» — такая оценка в их среде кое-чего стоит. Да, на этом участке анализа логика торжествует, логически концы превосходно увязаны. Дальше... А дальше все летит вверх тормашками.

Против Рэнда... вернее, против его сногсшибательной истории о чужаке выступают два серьезных свидетеля: схема дислокации в командной рубке и обыкновенный здравый смысл. И я, безусловно, принял бы сторону этих очень серьезных свидетелей, если бы... Если бы я не верил десантнику Рэнду. Если бы на предыдущем участке анализа был хоть один логический ухаб. И наконец, если бы на борту корабля не было никаких других историй... Но ведь Рэнд и сам теперь отрицает бытность чужака!..

Что ж, видимо, следует поразмыслить над логикой схемы «чужак был — чужака не было». Как понимать? Сначала был, потом не было? Не годится. Куда он мог

улетучиться с корабля?.. Значит, надо принять во внимание одновременность... Но как это можно: быть и не быть одновременно?! Оптическая иллюзия? Обман зрительного восприятия в состоянии галлюцинаторного аффекта?.. Увы, как медикологу, мне было отлично известно, что состоянию психики десантника можно только завидовать. С другой стороны, оптические иллюзии не имеют обыкновения расталкивать встречных прохожих локтями. Ну что тут можно придумать еще?.. Если пофантазировать, можно, пожалуй, придумать нахального робота, в достаточной степени хорошо замаскированного под человека. По образу и подобию. И все было бы превосходно, все сразу бы стало на свои места. Внешне — чужак, по сути же нет его — чучело. Был и не было. И Рэнд прав, и я прав, схема дислокации права, логика не в обиде. Жаль, что в пределах Солнечной системы человекоподобных роботов для космофлота, увы, пока не производят — единственный негативный момент моего остроумного допущения.

А что, если... Стоп! Но ведь это мысль!..

Не надо несуществующих роботов, не надо никаких оптических иллюзий, все просто: Рэнд принял за «чужого» хорошо замаскированного «своего»!.. Вот тебе логика схемы «был — не было». Сначала Рэнд обманулся — «был». Потом догадался — «не было»!

Но открытие, как водится, потянуло за собой цепочку новых вопросов... Допустим, кому-то из десантников действительно явилась странная идея временно изменить свою внешность. Искусный грим или искусно сделанная маска. В принципе это возможно, хотя и не так просто, как кажется на первый взгляд. Чтоб обмануть цепкий глаз Рэнда, грим или маска должны были выглядеть слишком естественными. Слишком... Это, пожалуй, и не каждому специалисту-гримеру под силу... Впрочем, откуда я знаю: может, в отряде наших десантников есть бывшие крупные специалисты по гриму. Возьмем на заметку. Вопрос другой: чего ради затеян маскарад? Ради шутки? Ничего себе шутка: пролетел мимо Рэнда как угорелый, нырнул в атриум, словно в воду канул. И все — никаких последствий, никакой огласки. А шутка не шутка, если она без огласки. Шутник сродни актеру: ему нужна публика, нужны аплодисменты — нужна публичная оценка его мастерству. Н-да, здесь, как говорится, шутки в сторону...

Но (кроме шуток) маскарад еще затевают ради инкогнито. И чем строже надо инкогнито соблюсти, тем искуснее должен быть маскарад... Кстати, в тот «маскарадный» ве-

чер Бак получил в кухонном отсеке затрещину именно потому, что предпринял попытку узнать «диверсанта». Круг замыкается, а?.. Что же это у нас на «Лунной радуге» происходит?..

— Можно войти? — прервал мои размышления знакомый голос.

— Да, конечно. Входите.

Я обернулся и увидел приятно улыбающуюся физиономию Бака. Ему я был рад. Давненько мы не встречались. Вернее, встречались, но все как-то на ходу, мимолетно, едва успевая обменяться друг с другом приветственными жестами. Масса неотложных дел не оставляла времени для частных бесед. Сегодня утром я издали видел Бака в кафе и мог бы поклясться, что он был явно не в своей тарелке. Сейчас я бы этого не сказал.

— Присаживайтесь, Феликс. Рад желанному гостю.

— Мимо вот проходил... Решил зайти.— Он бросил взгляд на открытые панели диагностической аппаратуры, добавил: — Если вы, конечно, не очень заняты.

Механик выглядел изрядно похудевшим, но свежим, спортивно подтянутым, как никогда. Очевидно, работа в профиле основной специальности пошла ему на пользу — он словно бы помолодел. От него исходил холодноватый, тонкий запах хорошего одеколона. Это было так необычно, что я невольно принюхался. Одеколон «Антарктида»? Похоже. Бак редко пользовался парфюмерией и, если это случалось, предпочитал ароматы тяжелые, приторные...

— Нет, не очень,— спохватившись, ответил я.— Как настроение? Как идут дела?

— Пока все в норме,— ответил Бак. Заботливо осведомился: — А как у вас там... в госпитале?

— Спасибо, тоже неплохо.

— Если нужно чем-либо помочь, я готов, можете на меня рассчитывать.

— И ты, Брут! — в шутливом ужасе воскликнул я. Добровольные помощники соколами кружили над медицинским сектором, предлагая любые услуги, и мне надо было тратить много энергии, чтобы госпиталь не превратился в привокзальную площадь, а госпитализированные десантники — в главную достопримечательность корабельного быта.— Вероятно, у вас появилось больше свободного времени?

— Да как сказать... По сравнению с тем, что было в системе Урана...

— Да, понимаю, никакого сравнения... Нет, Феликс, помощь не требуется. Но все равно спасибо. Если потребуется, буду иметь вас в виду... Кстати, как там наши экраны? Много во время десантных работ перебили?

— Много.— Бак улыбнулся.— Десятка два наберется. Сумасшедшая была обстановка... До сих пор еще кое-где вместо экранов дыры зияют. В техотсеках, трюмах, ангарах, на катерах. Руки пока не доходят. Ведь прежде всего я обязан свое вакуум-оборудование в порядок привести. Ну и с экранами тоже приходится... Вот только что экран дисплея наверху сменил.

— На верхнем ярусе? — насторожился я.

— Да. Но это... не то.— Бак опять улыбнулся.— Это в салоне совещаний, где комиссия работает. Не знаю, что там между учеными было, но дисплей пришлось ремонтировать. Думаю, крепко они там о чем-то поспорили... Их теперь не узнать. Раньше вели себя тихо, солидно, спортзал посещали... А вот получили гору всяких материалов по лунам Урана — и будто их кто подменил. Внутренний распорядок ни во что не ставят, спят и едят как попало и когда попало, бороды отпустили. Некоторые из салона сутками не выходят. Сегодня забрел к ним экран менять, а в салоне шум стоит — боязно в дверь войти. Вошел — на меня никто внимания не обращает. Кричат, смеются, друг друга с чем-то поздравляют, по спинам хлопают. И меня хлопали, пока я ремонтом занимался. Как дети, честное слово. А вчера один... длинный такой математик, ну фамилия у него еще двойная — Чулымов-Енисейский... в кафе за ужином ковш киселя на себя и меня опрокинул. Случайно, конечно,— торопился уж больно. «Куда торопитесь?» — спрашиваю. Извиняется он. «Ждут меня наверху,— отвечает.— Без меня,— говорит,— работа у них там не клеится». Вижу, очень ему неудобно за свою неловкость. Ну я, конечно, все это в шутку обернул. «Работа,— говорю,— не волк, в лес не убежит, отдыхать вам надо». Он растерянно так посмотрел на меня, отвечает: «Верно, в лес не убежит, поэтому ее, окаянную, делать надо...» А сам небритый, бледный какой-то, глаза красные, а под глазами круги... В общем, пора, я думаю, вам в это дело вмешаться. Дай им волю — загонят они себя этаким-то аллюром!..

— Непременно вмешаюсь. К сожалению, Феликс, все это так... Давайте-ка сменим тему,— предложил я.— Как там наш «диверсант»? Неужели притих?

— Не знаю,— вяло ответил механик.— Может, притих. Разбитых экранов много, и мне пока трудно ориентировать-

ся. Экраном меньше, экраном больше — в теперешней обстановке не очень-то уследишь...

Мне подумалось, что капитан, по-видимому, прав. Этот бритоголовый увалень, будучи превосходным специалистом по вакуум-оборудованию корабля, как инженер-хозяйственник, напротив, оставлял желать лучшего. По крайней мере, в делах хозяйственного учета.

— Ладно,— сказал я,— допустим... По поводу чужака никаких новостей?

Бак неуверенно пожал плечами:

— Если говорить конкретно — нет. Однако мне кажется, чужак потревожил не только десантников.

— Да? А почему это вам кажется?

— Понимаете ли... Недавно мне выпало быть свидетелем одного занятного происшествия.— Бак оживился.— Происшествие, в общем-то, ерундовое, но с криминальным намеком... Принял я душ перед сном, где-то за полчаса до полуночи. Время позднее, тихо вокруг, в душевой я один. Переоделся в гардеробной, к выходу подошел и уж было дверь отодвинул, да вспомнил, что белье в утилизатор не сбросил. В коридор по инерции все-таки выглянул. Вижу, там, в самом конце коридора, человек из атриума вынырнул и быстренько так оттуда в моем направлении засеменил. «Куда это,— думаю,— он торопится?» Только подумал, а тут еще двое из атриума вынырнули. Человек оглянулся на них и шагу прибавил. Кухонный отсек миновал, отсек холодильников тоже... Те двое его окликают: «Эй, парень, погоди!» А тот от них чуть ли не бегом. Двое не отстают. Озадачило это меня. Я осторожно выставил глаз из дверного проема, наблюдаю. Судя по костюмам, все трое — парни из корабельной команды. Но кто такие конкретно, издали определить не могу. К тому же первый, торопыга этот, лицо рукой прикрывает. Вот так...— Бак показал как: прикрыл растопыренной пятерней нижнюю половину лица.

— Потом вижу: рука у него нормальной окраски, белая, а лицо и волосы голубовато-серые. Прямо оторопь меня взяла... Тех двоих я узнал наконец — ребята из группы энергетиков. А «серого» узнать не могу, хоть тресни!.. Энергетики «серого» нагоняют — недалеко уж от меня это было — и бесцеремонно так, грубо за руки его хватают. Тот разозлился, шипит на них: «Какого черта вам от меня надо?! Вы что,— говорит,— балбесы, не видите, как меня краской заляпало?! Не дадут человеку спокойно пройти в душевую!» Ну энергетики узнали его, стушевались. «Прости,— говорят,— друг Жора, не за того тебя приняли». Укоряют

его: «Чего же ты, сякой-эдакий, не отзываешься, когда тебя окликают!..» Жора глазами похлопал, да как рассмеется. «Ой,— говорит,— не могу! А ведь вы, парни, меня именно за «того» и приняли, не отпирайтесь! Ловлю, значит, затеяли? Ой, не могу!..» Энергетикам, конечно, обидно. «Заткнись,— отвечают ему.— В таком виде будешь ночью по коридорам шататься — нарвешься, это уж точно. Кто верит, кто нет, но, если слух пошел, ребята начеку, сам знаешь. Фонарь ненароком подвесят — иди потом доказывай, что ты не верблюд!..» Смеяться Жора сразу перестал. «Да,— говорит,— что верно, то верно. Вы,— говорит,— ребята, почаще в зоопарк забегайте на верблюдов смотреть — может, будет нам, двигателистам, безопаснее по коридорам ходить».

— Георгий Шульгин? — полюбопытствовал я.— Из группы двигателистов? Наш корабельный художник?

— Он самый,— подтвердил механик.— Ну так вот, заходит Жора в душевую, раздевается, одежду бросает в утилизатор. Посмотрел я на его заляпанное краской обличье и говорю: «Нервный тебе, видать, сегодня натурщик попался...» Он зырк на меня, но молчит. Я опять ему шпильку: «Художником быть нынче небезопасно, а?..» И тут с ним припадок веселого настроения приключился. Ростом невелик, а хохотать умеет будь здоров! Стоит передо мной голый, с испачканной физиономией и заливается во все горло, слезы вытирает. «Да,— говорит,— чувствовал я, что в искусстве ты разбираешься, но чтобы до такой степени превосходно!..» Головой в изнеможении покачивает. Разговорились. Оказалось, натурщики здесь ни при чем. Жора большое полотно для картины готовил, допоздна в изостудии задержался — фон какой-то накладывал. Распылитель красок чего-то испортился, и фон ему, Жоре, вместо картины прямо на физиономию лег... Он, бедняга, выглянул в дверь — вроде бы нет никого в коридоре. Лицо кое-как руками прикрыл — стеснительно все же перед людьми, если встретишь,— и бегом в душевую... Остальное я видел. Ну, конечно, спрашиваю его: «А что это на тебя энергетики навалились?» — «Да так,— говорит,— делать им нечего. Одну гипотезу им любопытно проверить...» — «Какую,— спрашиваю,— гипотезу?» — «Это их,— отвечает,— дело, какую...» Ну я ему прямо: «А тебе это разве не любопытно, не трогает?» Он смеется: «Отчего же не трогает? Ты что, ослеп, радость моя бритоголовая, не видел, что ли, как они мне пытались руки за спину завернуть?» Подмигнул мне заляпанным глазом и по-

шел мыться... Такие вот дела,— подытожил Бак.— Выходит, все знают, но помалкивают.

«Н-да,— подумал я.— Десантники знают, администрация знает, энергетики, двигателисты... Знает практически весь экипаж — от художника до начальника рейда и капитана. Одни шепчутся за углами, другие — таких большинство — недоумевают молча. И ожидают, наверное, не скажет ли чего-нибудь дельного по этому поводу администрация... А что ей сказать? Для этого надо как минимум разобраться в существе вопроса. Попробуй тут разберись, если источники информации ненадежны, а сама информация настолько же необычна, насколько бездоказательна. А откуда черпать доказательства, если весь экипаж делает вид, будто ничего особенного не происходит?.. Да, круг логически замкнут. В конечном счете администрация права. Ведь в общем и целом полет протекает нормально. Так, глядишь, молча все до финиша и долетим, а там видно будет...»

— Видно будет,— повторил я вслух.— Ладно, Феликс, я вот что хотел бы спросить. Этот Жора... Вы не могли бы представить себе его в роли известного нам «диверсанта», с которым вам довелось выяснять отношения в кухонном отсеке?

Механик быстро взглянул на меня. Однако с ответом не торопился. Полез в карман, вынул свой чудовищно яркий носовой платок, промокнул бритое темя. В кабинете распространился явственный аромат «Антарктиды».

— Жора?..— Бак отрицательно покачал головой.— Нет, это был не он. Куда ему! Ростом не вышел. Да и все остальное... В роли того «диверсанта» я мог бы представить теперь...— Механик странно потемнел лицом, добавил: — Ну, в общем, другого.

— Командира десантников Нортона,— подсказал я.

Лицо механика медленно изменилось.

— Да,— пробормотал он, уколов меня взглядом.— Теперь я мог бы поручиться головой, что это был Нортон.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Видите ли...— Механик задумался.— Тогда в кухонном отсеке было очень темно, однако... Ну как бы это сказать?..

— Вы хотите сказать, что ваша моторная память запечатлела в себе целый ансамбль ощущений, которыми сопровождалась борьба с неизвестным?

— Да.

— С той поры вы пытались как бы «примерить» весь

этот «ансамбль» к окружавшим вас людям. Не ко всем, разумеется, а именно к тем, чья кандидатура казалась вам наиболее подходящей.

— Верно...

— После «примерки» круг вероятных кандидатур на роль «данного вам в ощущениях» рослого, быстрого, сильного, гибкого и хладнокровного диверсанта значительно сузился. В конце концов остались считанные единицы — меньше, чем пальцев на одной руке. Сколько? Готов спорить, двое.

— Двое...— как эхо, подтвердил механик. Вид у него был ошарашенный.

— Однако Нортона среди этих двоих не было,— продолжал я (меня буквально несло на крыльях прозрения).— Мысль о Нортоне у вас возникла недавно.

Мне показалось, в глазах у механика мелькнула тень суеверного страха.

— Не было...— бормотал он словно в гипнотическом трансе.— Недавно...

— Да, заподозрить командира десантников — такое не сразу и в голову может прийти... Нужен был достаточно весомый повод. И повод случился. Я имею в виду слух об отставке Нортона. Размышляя о странном решении командира десантников, вы — уже скорее по инерции — попытались «примерить» памятный вам «ансамбль» ощущений к этому человеку. И вдруг обнаружили, что Нортон, пожалуй, точнее всех остальных «вписывается» в контуры происшествия в кухонном отсеке... Подозрение вас потрясло... Первой вашей мыслью было: явиться ко мне за советом. Вы не сделали этого — вас одолевали вполне понятные сомнения. Но сегодня вам повезло: вы уловили еще одну особенность Нортона, которой был отмечен и ускользнувший от вас диверсант. Не так ли?

— Верно, черт побери!..

На лице Бака отразилась панически напряженная мозговая работа. Я предложил механику высказаться, но он не слушал меня. Он хотел разгадать секрет моего «ясновидения» и спросил для проверки:

— Скажите, какую особенность Нортона я уловил?

— Запах,— ответил я.— Запах одеколона «Антарктида».

— Но ведь я никому...— пролепетал он. Краска бросилась ему в лицо.— Ни единым намеком!..

— Успокойтесь,— сказал я с досадой.— Никто, разумеется, ничего мне об этом не говорил. И я, понятно,

не факир-ясновидец. Все значительно проще: исходную информацию вы дали мне сами.

— Насчет моторной памяти и ощущений борьбы — это я понимаю,— упорствовал Бак.— Те двое... Да... Вы, должно быть, заметили, как я обхаживал их, и догадались. Ведь, кроме всего прочего, вы еще и психолог.

— Вот именно.

— По поводу Нортона... Да, здесь тоже логично. А вот насчет запаха!.. Я ведь только сегодня и уловил!

— Утром,— добавил я.— Около трех часов назад. Когда столкнулись с Нортоном у входа в кафе.

— И это вы знаете!..

— Почему бы и нет, если я сидел в кафе недалеко от двери и все прекрасно видел. По выражению вашего лица я догадался, что встреча с Нортоном чем-то вас поразила. На мой приветственный кивок вы не ответили, слепо и бестолково прошлись между столами и ушли не позавтракав. Тогда я, конечно, не знал, что вы торопились в отсек гигиены. Вы торопились вспомнить по свежим следам запахи кое-каких парфюмерных изделий. Результаты ваших экспериментов с душистыми аэрозолями я ощутил. И понял, хотя и не сразу, чем это пахнет... Надо ли говорить, насколько хорошо мне известны парфюмерные вкусы ваши и Нортона?

— Теперь не надо,— сдался наконец Бак.

— Не обижайтесь. На психолога не стоит обижаться за то, что он психолог. Открытие сделали вы, я о нем догадался, и только.

— Это открытие нам ничего не дает,— заметил механик.

Я посмотрел на него.

— Ведь дело-то теперь не наше,— пояснил он, опустив глаза.— Я понял так, что по медицинской части у вас претензий к Нортону нет. Психика у него в порядке, и свои поступки он сознает. В общем... вы как хотите, но что до меня, то скажу откровенно: связываться с Нортоном я больше не желаю. Неприлично как-то, знаете ли, затевать драки с членом командного совета корабля. Пусть ломает экраны, если ему это нравится.— Бак махнул рукой и поднялся.— В конце концов, лишний десяток экранов можно сменить, а мне мои зубы дороже.

Уходя, Бак осторожно полюбопытствовал, намерен ли я как-то использовать новые обстоятельства, и, когда я ответил, что нет, не намерен, вздохнул с облегчением. Ужасно ему не хотелось расстраивать нашего капитана...

Итак, раскрыв инкогнито «диверсанта», мы словно связали себя по рукам и ногам. Своеобразие личных качеств «экранного злоумышленника», уровень его служебного положения на корабле лишали нас, дилетантов, практически всяких надежд добраться до истины — тут хоть лопни от любопытства, как выразился бы старина Бак. Зачем понадобилось Нортону ломать экраны? Имеет ли Нортон отношение к загадочной истории о чужаке? Если да, то какое? Ни на один из этих вопросов я до сих пор не знаю ответа. Я, разумеется, совершенно отчетливо понимаю, что тайное битье экранов не есть экстравагантный каприз или, если хотите, некий ритуал абсурда, однако более правдоподобной версии просто-напросто не имею. Вот, пожалуй, и все, что по этому поводу я могу сообщить...

Раут-холл погрузился в глубокую тишину.

— Конец текста звукозаписи,— произнес Купер, и слушатели, стряхивая с себя оцепенение, зашевелились в креслах.

— Что скажете? — спросил Роган, ни к кому персонально, впрочем, не обращаясь.

Фрэнк отметил в голосе консультанта плохо скрытые нотки сарказма и торжества, подумал: «Профессор, кажется, того... тщеславен».

— Необыкновенно любопытный текст,— сказал Никольский.— Я хотел бы иметь его фонокопию.

— Считайте, что фонокопия у вас в руках,— ответил Гэлбрайт.— Ну что ж, профессор,— сказал он Рогану,— должен вас поздравить. Кое в чем медицина утерла нос нашим парням из отделов Наблюдения Внеземельного сектора. А этот Альберт...

— Альбертас Грижас,— поправил Роган.

— Да, Альбертас Грижас... Отчего мне кажется знакомым это имя?.. Он что, по-прежнему в составе экипажа «Лунной радуги»?

— Нет, шеф,— ответил Купер.— Я успел связаться с информаторием УОКСа. Альбертас Грижас временно исполняет обязанности медиколога на супертанкере «Байкал».

— Причины?

— Самые приятные для Грижаса, Гэлбрайт,— вмешался Роган.— Равно как и для его друзей. Участвовать в последнем рейде «Лунной радуги» к Плутону Грижас не мог, поскольку... во-первых, защита докторской диссер-

тации в Москве. Весьма успешная, кстати. Во-вторых, необходимость его присутствия в Вильнюсе в ответственный момент существенного пополнения семейства Грижасов. Инга Грижас готовилась стать матерью очередной четверки близнецов.

— Так вот откуда мне знакомо это имя! — оживился Гэлбрайт.— «Вильнюсский феномен», «Дважды по четыре — сенсация!».

— В самом деле,— смущенно произнес Никольский.— «Прибалтийские витязи-близнецы», «Демографический микровзрыв в Европе». Я как-то упустил из виду...

— Естественно,— заметил Роган.— Факты рождения близнецов не входят в сферу забот Управления космической безопасности.

— Пока,— подал реплику Фрэнк.

— Что «пока»? — нервно отреагировал на реплику шеф.

— Пока не входят,— пояснил Фрэнк.

— Не понял. Должно быть, очень тонкая шутка.

— Еще неизвестно, чем может обернуться эта «шутка» для наших потомков.

Гэлбрайт удивленно поднял брови.

«Что это со мной сегодня происходит?..» — уже с тревогой подумал Фрэнк, ощущая нависшую в холле атмосферу всеобщей неловкости.

— Молодой человек в некотором смысле прав,— прервал молчание Роган.— По данным статистики, в семьях работников Внеземелья, или — я не люблю этого слова — косменов, близнецы рождаются в двадцать раз чаще, чем в семьях оседлых землян. Особенно это касается «наследственных» работников Внеземелья, то есть косменов второго и третьего поколений. Объяснить упомянутый результат простым совпадением невозможно. Теперь даже скептики понимают, что мы имеем дело с генетической аномалией внеземельного, так сказать, происхождения. Как аномалия проявит себя в дальнейшем, нам неясно. Будет ли это во вред человечеству... Вопрос изучается.

— Честно говоря,— сказал Никольский,— я не в состоянии вообразить, какую проблему для человечества могут таить в себе факты пусть даже резко возросшей рождаемости близнецов.

— Весьма серьезную проблему антропогенетического свойства,— опередил Рогана Фрэнк.— Если будет доказано, что количество близнецов на Земле возрастает по экспоненте, наши потомки могут оказаться перед угрозой антропогенетического тупи...— Какие-то булькающие зву-

ки заставили Фрэнка умолкнуть на полуслове. Он посмотрел на Рогана. Роган смеялся.

— Простите старика,— сказал наконец консультант.— Невежливо, я понимаю, но... согласитесь, трудно удержаться, когда такого рода специфический вопрос рождает озабоченность в умах абсолютных в этой области неспециалистов. Сами антропогенетики только-только начинают разводить руками, а кое-кому уж не терпится ударить в набатные колокола!..

— Время такое, профессор,— вежливо напомнил Фрэнк.

— Какое?

— Ну такое... быстротекущее. Пока специалисты разводят руками, специфические вопросы времени заставляют Управление космической безопасности самым недвусмысленным образом действовать кулаками. Правда, не слишком много от этого проку, но ведь надо же что-то делать.

Роган уставился на Фрэнка немигающим взглядом. Задумчиво произнес:

— То ли я постарел и ничего не понимаю в умонастроениях современной молодежи, то ли... Может, действительно время?.. Впрочем...— Старик помедлил.

«Ну-ну,— мысленно подбодрил его Фрэнк,— любопытно узнать, что думали динозавры, встречая первых млекопитающих».

— ...Впрочем, я думаю,— проговорил профессор в нос,— сие происходит по причине резкой гипертрофии самосознания нового поколения. Загадочный всплеск...

— Почему «загадочный»? — возразил Никольский.— У нас на Востоке это считают в порядке вещей. И называют, кстати, не «гипертрофией самосознания», а «развитым чувством общественной значимости».

— Развитым!..— многозначительно повторил Роган.— И в этом все дело. Развитие без экстенсивных всплесков. Ваша социальная среда постепенно накапливала общественно-психологический потенциал необходимой для нашего времени ориентации. Постепенно, заметьте! Поэтому вам, неспециалисту в области социологии, трудно понять кое-какие «детские болезни» западного социума. Герой нашего разговора...— старик посмотрел на притихшего Фрэнка, как смотрят на неодушевленный предмет,—...болеет какой-то очень мучительной, но, полагаю, не очень опасной «детской болезнью». А может быть, и несколькими сразу. На досуге хочу поразмыслить и попытаться поставить точный диагноз. Сдается мне, одна из причин

подобного рода «недомоганий» — не совсем обоснованный выбор профессии...

— Я вижу, вы решили убедить моего шефа в моей профессиональной непригодности,— заметил Фрэнк.

— Нет, здесь имеется в виду другое: запросы вашего гипертрофированного самосознания опережают наш век. Я хочу сказать, что профессия, которая полнее соответствовала бы вашим потенциям, просто еще не успела возникнуть. Вот если бы наряду с Управлением космической безопасности был создан Институт космических тревог и опасений, я не задумываясь рекомендовал бы вас на должность руководителя кафедры Отчаяния.

— А кстати,— сказал Никольский,— у этой «еще не существующей» профессии уже потихоньку режутся зубы, хотим мы этого или нет. Полинг, безусловно, прав в одном: дела по вопросам стратегии у нас обстоят неважно. И, по-видимому, очень скоро оргподразделение стратегического уклона у нас будет создано. Что-нибудь вроде отдела Методологии, скажем, или отдела Гипотетических Опасений...

— Лучше сразу — отдел Погребального Шествия,— со вкусом ввернул консультант.— А в штате — десяток молоденьких плакальщиц по проблемам грядущего.

— Согласен! — прорычал Гэлбрайт, хлопнув по кромке стола обеими ладонями сразу.— Согласен с доводами всех спорящих сторон! Обещаю вырвать у нашего руководства штатную должность Оракула и торжественно обязуюсь выдать Полингу самую лестную характеристику! Благодарю всех участников поучительнейшей дискуссии, но умоляю — умоляю! — оставить в покое проблемы грядущего и вернуться к насущным делам настоящего. Ближе к теме. Напоминаю: тема нашей работы в силу некоторых обстоятельств имеет большее отношение к системе Урана, чем к системе ориентации кадров.

9. Веревка для шурина

— Самый загадочный элемент сообщения Грижаса — история о чужаке.— Шеф обвел глазами собрание.— Кто-нибудь желает высказаться?.. Ваше мнение, профессор?

Старик медленно поднял бледные веки:

— А ваше?

— Так, понятно...— Гэлбрайт перевел взгляд на Никольского.

— Я думаю, следует попытаться установить контакт с Рэндом Палмером,— сказал Никольский.— Если это возможно.

— Попробуем, и безотлагательно. Палмер — штатный сотрудник Западного филиала УОКСа. Наш оператор наверняка успел оценить обстановку... Что скажете, Купер?

— Я затребовал у связистов нашу спецлинию видеосвязи с УОКСом. Предупредил Палмера, что нам, вероятно, будет нужна его консультация. Он ждет.

Гэлбрайт кивнул.

Участок голубого пространства рядом с изображением Купера посветлел, бесшумно лопнул от пола до потолка. Появилась огромная голова — так, наверное, видится обитателям комнатного аквариума голова хозяина, когда он смотрит на них сквозь стекло. Фрэнк добросовестно разглядывал Палмера, но ничего особенного в нем не находил. Возраст — лет пятьдесят. Голова круглая, волосы пепельно-седоватые и, как это в обычае у десантников, коротко стриженные. Бронзовое от загара, твердое и в то же время самое что ни на есть обыкновенное лицо — из тех, которые трудно запоминаются с первого взгляда. На тренировках зрительной памяти частой сменой образцов подобных лиц тренеры-психологи доводили Фрэнка до изнурения.

— Хэлло, Рэнд! — сказал Купер голове Палмера-великана в огромное ухо.— Извини, заставил тебя подождать. Ты нас видишь?

Выражение терпеливого ожидания на исполинском лице сменилось вниманием, глаза и губы шевельнулись:

— Вижу, но почему-то не в цвете. Только ты у меня на экране цветной...

— Все в порядке, так и должно быть. Рэнд, мой шеф полагает, ты сумеешь помочь распутать одно занятное дельце. Мне придется записывать вашу беседу, не возражаешь?

— Давай без церемоний. У меня, между прочим, рабочий день, а работы по горло.

— Мы тоже не на прогулке,— рассеянно обронил оператор.— Шеф, у меня все готово.— Он сделал какое-то необходимое ему движение рукой в сторону. Это выглядело забавно: рука вошла в ухо гиганта.

— Купер,— сказал Гэлбрайт,— отодвиньте изображение Палмера дальше от своего, вы мне мешаете.— Голова гиганта невесомо откачнулась вправо и сократилась в размерах наполовину.— Вот так, хорошо. Добрый день, Палмер.

— Добрый день, Гэлбрайт.

— Вы знаете меня в лицо?

— Да. Видел вас однажды в УОКСе.

— Однажды... Когда?

— В тот сумасшедший день, когда потерпел катастрофу «Спэйс фэнтом». Или днем позже?.. Ну, в общем, видел на совещании по поводу гибели этого трампа.

— Год назад... У вас хорошая зрительная память.

— Пока не жалуюсь.

— Что ж, пригодится.— Гэлбрайт кивнул.— Ваш возраст?

— Сорок семь лет.

— Должность?

— Инспектор по кадрам десантных подразделений УОКСа.

— Превосходно... Как у вас там погода?

Палмер удивленно поморгал:

— Погода отличная. Но вас, должно быть, интересует не это...

— Да. Кроме погоды, нас интересует Четвертая экспедиция к Урану. Точнее, одно странное происшествие на борту «Лунной радуги».

— А... понятно...— В глазах Палмера отразилось тоскливое размышление.— Что вы имеете в виду?

— Странных происшествий было несколько?

— Я бы этого не сказал.

— Вот и прекрасно. Будем считать, вы догадались, о чем идет речь.

— Понимаю. Вам нужно, чтобы я первый произнес это слово — «чужак». Ладно, я произнес.

— Спасибо, Палмер. Это очень важно для следствия.

— Следствие по делу о чужаке?

— Нет, мы идем по другому следу, но чужак оказался у нас на пути. И знаете, он почему-то нам не понравился, мы решили проконсультироваться с вами. Когда это было? Вы помните точную дату и время?

Палмер назвал дату и время.

— Расскажите подробности встречи.

— Прошло восемь лет,— пробормотал Палмер.— И сейчас я...

— Вы забыли подробности?

— Нет, но...

— Вам приходилось с кем-нибудь делиться этой историей?

— Да, я рассказывал про чужака своему другу.

— Друзей у вас, вероятно, немало. Кому именно?

— Я не хотел бы называть имен.

— Вы полагаете, Палмер, вопросы я задаю из праздного любопытства?

— Вот поэтому и не хотел бы... Простите, но я не желаю, чтобы моих друзей беспокоили.

— А уж это насколько вы будете откровенны. Если нет... результат, увы, окажется прямо противоположный тому, которого вы добиваетесь. Мы будем просто вынуждены говорить с Бугримовым.

На лице Палмера проступило смятение.

— Вы... Но откуда вы знаете?

— Служба такая. Бугримов поверил вашему рассказу о чужаке?

— Конечно. Я никогда его не обманывал и не разыгрывал. И вообще... это не в моем характере.

— Кому еще рассказывали вы о чужаке?

— Командиру десантного отряда «Лунной радуги» Нортону.

— Нортон поверил?

Лицо Палмера окаменело.

— Вы молчите?

У Палмера на лбу выступила испарина.

— Что это с вами?..

Десантник молчал. Бывший десантник. Фрэнк сочувственно смотрел в его светло-карие, сильно увеличенные на экране глаза,— можно было представить себе, каково ему там. Увеличенные изображения лиц как-то нехорошо, неприятно обнажали людей... Но это был один из методов следовательской практики, ничего не поделаешь.

— *Я не совсем понимаю ваше состояние*,— мягко сказал шеф,— но вы должны взять себя в руки и...

Палмер его не слушал.

— Спросите Нортона сами,— отрезал он.

— Нортона, значит, можно побеспокоить. Вам Нортон не друг.

— Здесь суть не в этом. Просто я не желаю совать свой нос в личные дела Нортона.

— А разве вопрос, поверил Нортон вам или нет, никак не касается вашего носа?

— Сначала я был убежден, что Нортон мне не поверил.

— Ну а потом?

— А потом... Видите ли, это уже не имело значения.

— Пока я ничего не вижу. Ну хорошо... Расскажите

нам то, о чем вы рассказывали Бугримову и командиру.

Палмер стал неохотно рассказывать. Фрэнк слушал рассеянно — не любил повторений. Все совпадало с тем, что рассказывал медиколог. Шеф и Никольский, напротив, слушали с напряженным вниманием; Роган, казалось, подремывал, но Фрэнк мало уже доверял безучастным позам язвительного консультанта.

— Любопытно! — проговорил шеф, будто впервые услышал эту историю.— Весьма любопытно!.. Итак, на борту «Лунной радуги» ночью вы встретили незнакомца, который не мог быть членом экипажа рейдера. Кому-нибудь другому я бы не поверил... А что об этом думаете вы сами?

— Я... до сих пор... В общем, не знаю, что думать. Столько всего передумал!.. Надоело мне, Гэлбрайт! Сыт я чужаком по горло! Обращайтесь с вопросами к Нортону.

— С какой же стати именно к Нортону? Он что... знает о чужаке больше, чем знаете вы?

— Вот вы его об этом и спросите. А мне, в конце концов, все равно, что он там знает, а чего не знает.

— Спросим. Но сейчас я беседую с вами. Ведь не заинтересованы же вы в том, чтобы нашу организацию водили за нос?

— Нет, не заинтересован.

— Я так и полагал. Поскольку наши интересы совпадают, скажите, Палмер... Встретившись с незнакомцем, вы не заметили в его облике какую-нибудь странную особенность?

— Незнакомец сам по себе уже довольно странная особенность.

— Безусловно. Но я имел в виду другое. Вам не приходило в голову, что это могла быть искусно сделанная маска? Грим?

— И об этом я думал. Правда, ничего такого я не заметил, но кто знает... Должно же существовать хоть какое-то объяснение.

— Встреча с чужаком была единственной?

— На борту рейдера — да. Позднее мне приходилось... То есть я, конечно, не мог его встретить, потому что... его уже не было, этого человека. Просто меня удивило странное сходство, и я подумал... Нет, глупо было так думать. Потому что... его уже не было гораздо раньше.

У Фрэнка по спине побежали муращки. Он почти с испугом следил, как бывший десантник мучительно, тяжело пытается выбраться из хаоса каких-то своих представлений. Лицо Палмера было мокрым от пота.

— Вы,— проговорил шеф, глядя в потолок,— вы не могли его встретить, потому что... Ну да, по той причине, что его уже не было... Кого не было, Палмер?

— Этого... Ну который казался мне чужаком. То есть сам по себе для меня он, конечно, чужак. Я совершенно не знал его, никогда не видел... ну... прежде. Только потом... Да и какое это имеет значение? Ведь говорю же я, что все это так... Ну, в общем, не знаю! И откуда вы взялись на мою голову! Может, никакого чужака, в сущности, и не было, а я сижу тут перед вами и путаюсь как дурак!

— Успокойтесь, Палмер. Хотите, я скажу, отчего это у вас происходит?

Палмер молчал.

— Оттого, что вы чего-то не договариваете.

Палмер молча обливался потом. «Ну почему он не вытрет лицо?!» — гвоздем засело в голове у Фрэнка. Сочувствие, которое он испытывал к бывшему десантнику, понемногу улетучивалось.

— Ладно,— сказал шеф.— Вопрос ребром: чужак, в сущности, был? Или чужака, в сущности, не было?

— Смотря что понимать...

— Палмер! Да или нет?

— Ну... как бы это вам объяснить? — пробормотал Палмер. Лицо у него было совершенно измученное.— Почему вы мне не верите? Я действительно не... Ну сначала мне так показалось. А позже...

— Стоп! — сказал Гэлбрайт.— Вот с этого и начнем. С начала. Опишите нам внешность чужака. Если трудно словами... Вы знаете, что такое фоторобот? Купер, дайте Палмеру на экран рабочее поле фоторобота.

— Я знаю, что такое фоторобот, и эта штука, пожалуй, мне ни к чему... Погодите, я все объясню! Уже работая в управленческом аппарате УОКСа, я однажды по какой-то надобности просматривал архив и... Мне попались материалы Третьей экспедиции к Урану. В том числе фотография десантников группы Элдера. Кроме самого Элдера, я никого из погибших ребят этой группы не знал и никогда не видел. То есть видел мельком в программе телевизионной информации... Но, во-первых, когда сообщали о катастрофе на Обероне, мы с Бугримовым про-

водили отпуск в лыжном походе в горах сибирского плато Путорана. И если учесть, что экран размерами с ладонь окружали в тесной палатке семь человек, можете представить себе, как хорошо мне все это было видно. К тому же весть о гибели Элдера так меня потрясла, что остальным десантникам, фамилии которых мне ни о чем не говорили, я уделил меньше внимания. Ведь с Элдером мы начинали еще на Венере. Бугримов тоже очень расстроился. Как выяснилось, кроме Элдера, он знал Бакулина, Асеева и Накаяму. Отпуск был испорчен... Во-вторых, мне не довелось просмотреть в полном объеме специальный фильм-отчет о Третьей экспедиции. Это уже когда мы с Бугримовым находились в резерве на лунной базе «Гагарин». В тот день решался вопрос о нашем участии в Четвертой экспедиции в составе десантного отряда «Лунной радуги», и нам, откровенно говоря, было не до просмотров. Правда, потом, в целях спецподготовки, наш отряд не раз просматривал этот фильм и слушал попутные комментарии Юхансена и Нортона. Но, поскольку не было смысла вновь демонстрировать фильм целиком, мы с Бугримовым видели только ту его часть, которая имела прямое отношение к событиям на Обероне и действиям десантной группы. Десантники, естественно, работали в скафандрах... Словом, как-то так нехорошо получилось, что тех, которые там... остались на Обероне, я толком не видел даже на фотографиях...

— Рэнд, можно я выдам маленькую «профессиональную» тайну десантников? — неожиданно вмешался оператор.

— Не надо, Купер,— остановил его Гэлбрайт.— Все знают: перед началом рискованных операций десантники почему-то не любят смотреть на портреты погибших. Иногда это им удается. Но продолжайте, Палмер, прошу вас.

— Да, есть такое у нашего брата...— смущенно согласился Палмер.— И, наткнувшись в архиве УОКСа на материалы Третьей экспедиции, я все это как бы заново прочувствовал и стал перебирать портреты десантников. Четверых я знал хорошо: Кизимова, Нортона, Йонге и, конечно же, Элдера. Узнал и двух других — Симича и... кажется, Лорэ. Когда-то встречался с ними в резерве. Перебираю дальше и вдруг... вижу перед собой лицо чужака! Я прямо обалдел. Переворачиваю портрет и на обратной стороне читаю: «Геройски погиб при исполнении служебных обязанностей. Оберон, система Урана». И как положено — имя, фамилия, даты. Ну, думаю, дела!..

В голове сумбур, сосредоточиться не могу. Одно понятно: очень похож на того... Глядит с насмешливым прищуром, спокойно так. Будто спрашивает: «Ну что, старина, узнаешь?..» Вот. А вы суете мне фоторобот! Леонид Михайлов, десантник Третьей экспедиции.

Фрэнк заметил, как шеф и Никольский быстро переглянулись.

— Вот оно как...— пробормотал Гэлбрайт.— Друг Нортона!

— Этого я не знаю,— чуть слышно ответили губы с экрана.

— Купер, дайте Палмеру на экран портреты погибших десантников.

Пять красочных слайдов мгновенно выстроились в ряд.

— Кто? — спросил Гэлбрайт.

— Второй слева,— медленно сказал Палмер.

— Да,— подтвердил оператор.— Второй слева Леонид Михайлов.

— Уберите слайды, а портрет Михайлова сделайте покрупнее. Так... Спасибо.

Фрэнк с любопытством уставился на «чужака». Внешность Михайлова производила приятное впечатление. На портрете он выглядел серьезным, но было в выражении его лица что-то такое, что давало повод заподозрить у этого человека иронический склад ума. Поджатые губы, взгляд изучающе-пристальный, левый глаз с прищуром... Фрэнк довольно уверенно представил себе человека неторопливого, спокойного в движениях, склонного относиться ко всему окружающему с повышенным вниманием, но не без юмора. Люди подобного типа встречаются редко... Да, старина Дэв, по-видимому, любитель редкостей. Что ж, друзей выбирать он умеет.

Шеф спросил:

— Вы абсолютно уверены, Палмер, что перед вами портрет того незнакомца, который... гм... шокировал вас на борту «Лунной радуги»?

— Зачем вы так...— печально произнес Палмер.— Я ведь говорил: похож. Настолько похож лицом, что это меня изумило. И все. О какой уверенности может идти речь?

— Ладно, ставлю вопрос по-иному. Вы уверены, что встретили на борту «Лунной радуги» незнакомого вам человека во плоти и крови, очень похожего, как вам удалось это выяснить позже, на Леонида Михайлова?

— Да, встретил. Во плоти и крови. Очень похожего на Леонида Михайлова. Лицом.

— Так... А телом?

— Но я ведь никогда не видел Михайлова в... в натуре!

— Вот именно,— сказал Гэлбрайт.— Зачем же вы все время упорно подчеркиваете: «похож лицом»?

Палмер опять замолчал. На него жалко было смотреть. «Нет, я к этому, наверное, никогда не привыкну...» — подумал Фрэнк. Шеф поднялся и обошел вокруг стола, поглядывая на экранную стену. Палмер потел и молчал. Шеф сел. Деловито сказал:

— Итак, незнакомец лицом похож на Михайлова. А кого он напомнил вам телом? Поясняю: походкой, осанкой, повадками, жестами?..

Губы Палмера шевельнулись совершенно беззвучно, и все на этом закончилось.

— Ну почему я должен тянуть вас за язык? — спокойно спросил Гэлбрайт.— Вы же сами минуту назад говорили, что чужака, в сущности, не было. Это вам удалось «раскусить» еще на борту «Лунной радуги» и довольно быстро. Вы узнали «чужака», Палмер.

Лицо Палмера дернулось, как от удара.

— Нет!..— хрипло возразил он. Добавил с отчаянием: — Я лишь заподозрил!

— А есть ли тут разница?

— Есть. Ведь я ничего не могу сказать вам наверняка, не могу объяснить!.. Ну какая вам польза, если я скажу, что заподозрил Нортона?!

Фрэнк не был готов к ошеломительному действию слов Палмера, хотя то, что в них содержалось, нужно было предвидеть. Предвидеть!.. Его захлестнула бессильная злость. На кого? На этого обильно потеющего человека? На себя?.. Какая-то омерзительная безысходность... Поющие деревяшки — ладно. Дико уничтоженные экраны — тоже ладно, куда ни шло. Теперь вдобавок — Нортон с физиономией мертвеца!.. Великое Внеземелье! Нет, просто сумасшедший дом. Огромный сумасшедший дом!.. «С меня довольно,— думал Фрэнк, ощущая озноб.— Надо действовать, надо что-то предпринимать». Он механически повторил про себя: «Действовать... предпринимать...» Мысли путались, и он не сразу осознал, что это — вспышка отчаянной тревоги за сестру. Он готов был все бросить и немедленно отправиться в Копсфорт. Заметив, что Роган смотрит на него, почувствовал себя еще более мерзко.

«В конце концов,— подумал он,— мое желание и намерения шефа редкостно здесь совпадают...»

Он уловил наступившую в холле гнетущую тишину и, будто о чем-то ненужном, подумал: «Почему они замолчали?»

— Вы не поняли, Палмер,— сказал наконец шеф.— Я не требую от вас никаких объяснений. Нам нужны только факты. Нелишними будут, конечно, и ваши соображения... или, лучше сказать, комментарии к фактам. Когда вы заподозрили Нортона?

Палмер вяло ответил:

— На следующий день.

— В какой момент?

— Не знаю... Во всяком случае, после разговора с Нортоном в спортивном зале.

— Разговор дал вам какой-нибудь повод для подозрений?

— Нет... Не знаю. Когда я рассказывал о чужаке, Нортон слушал хмуро, с тоскливым неудовольствием... Вечером я встретил его в коридоре и... Ступает он как-то особенно мягко. Как леопард на охоте. И у меня... смутно так...

— Первые подозрения?

— Да... Нет. Скорее... ну такое предощущение, что ли.

— И вы подумали...

— Нет, я ничего не подумал. Я слишком устал и рано лег спать. Ну и во сне... Я редко вижу сны, но в ту ночь такого насмотрелся!..

— Подозрения оформились во сне?

— Вероятно. Потому что утром я уже был почти уве... Нет, не то. В общем, я впервые подумал, что со мной сыграли скверную шутку.

— Нортон?

— Видимо, он хотел... не со мной, но так у него получилось.

— А вы пытались понять, каким способом ему удалось изменить свою внешность?

— Пытался. Не знаю... При встрече мне все казалось естественным. Кроме самой встречи, конечно. И настолько естественным, что... Ну, словом, я не уверен, что мои подозрения чего-нибудь стоят. Но, с другой стороны...

— Выражение лица тоже казалось естественным?

— Да, вполне.

— Выражение было похоже на то, которое на портрете Михайлова?

— Нет. Другое. Лицо было хмурым и озабоченным... злым. Будто бы человек торопился по какому-то спешному и неприятному делу. Меня он явно не... Почти не глядя оттолкнул меня локтем и промчался мимо.

— За Нортоном вы замечали такое... такую...

— Отталкивать?

— Да.

— Было однажды. Перед высадкой на Титанию. Нортон спешил — бегал, командовал, ну и в спешке задел меня, оттолкнул. Это мне сразу напомнило... Я остановился, посмотрел ему вслед. Он тоже вдруг остановился. Посмотрел на меня и сказал: «Извини, Рэнд». Сделал шаг, снова остановился, бросил через плечо: «И за тот раз... тоже извини».

— Вот как! Что он этим хотел сказать?

— А кто его знает...

Длинная пауза.

— Это все? — спросил Гэлбрайт.

— Да, это все.

— Хотите что-нибудь добавить?

— Нет.

— Тогда два последних вопроса. Вы не заметили различия в росте Нортона и... этого...

— Я понял. Нет, не заметил. По-моему, ростом они одинаковы.

— Эмблемы на костюмах совпадали?

— Да. На рукаве у того и другого было изображение кугуара.

— Благодарю вас, Палмер. Вы очень нам помогли... По крайней мере, я на это надеюсь. До свидания. Прошу извинить за доставленное вам беспокойство.— Гэлбрайт сделал рукой что-то наподобие прощального жеста. Палмер молча смотрел с экранной стены — казалось, не верил, что все кончилось и он свободен. Лицо его медленно таяло в голубизне.

Гэлбрайт сидел опустив голову, будто изучая свое отражение в полированной крышке стола. Даже неподвижность не могла скрыть его озабоченности.

— Вот так,— произнес он, не повернув головы, но было ясно, что адресовано это Никольскому.

Тот ответил не сразу. Проводил взглядом исчезающее изображение Палмера, опустил глаза и стал смотреть на собственные руки.

— Интересно,— наконец произнес он с такой интонацией, словно хотел сказать: «Плохи дела, коллега».

— Забавно,— в тон Никольскому проговорил Гэлбрайт.

— Если хотите знать мое мнение, то... то я почти убежден,— непонятно сказал Никольский.

— Кентавр? — непонятно спросил Гэлбрайт. Не дожидаясь ответа: — Наши мнения совпадают.

— Тем хуже.

— Да. Тот редкий случай, когда разногласия были бы кстати...

— Странная зависимость,— хмуро пробормотал Никольский.— Чем больше фактов...

— ...Тем меньше смысла.— Гэлбрайт пожевал губами.— М-да, это... это как...— он с видимым усилием подыскивал слова,— как удар об стену головой.

— Но других фактов у нас нет.

— А что, если уговорить Палмера...

— Имитировать встречу?

— Да.

Никольский подумал.

— Я, собственно, не против, но... Во-первых, время. Во-вторых...— Он искоса взглянул на Гэлбрайта.— Вы все-таки надеетесь избавиться от... кентавра?

Пауза. Гэлбрайт медлил с ответом.

— Нет,— сказал он.— Уже не надеюсь. Решительно сбрасывать со счетов маску и грим я пока не намерен, но лучше приготовиться к худшему.

— Лучше к худшему,— одобрил Никольский.— В нашей практике это уже перестало быть словесным курьезом.— Он откинулся на спинку кресла.

— Любите спорт? — спросил неожиданно Гэлбрайт. Заметив быстрый взгляд собеседника, пояснил: — Мне любопытно узнать, как вам нравятся наши ковбойские состязания.

— Родео? Что ж, занятное зрелище...

— Говорят, вы отличный наездник и мастер лассо? Полинг, я обращаюсь к вам. Говорят, вы дважды были чемпионом?

Фрэнк посмотрел на шефа:

— Был. Когда участвовал в школьных родео.

— Говорят, вы непременный участник ежегодного «Большого родео» в Копсфорте?

— У меня просто вылетело из головы, что завтра в Копсфорте спортивная заварушка... Нет, ковбойский спорт я забросил, как только поступил работать в Управление.

— Напрасно.

— Забросил или поступил?

Гэлбрайт молча повращал глазами.

— Я понимаю, куда вы клоните.— Фрэнк подвигался в кресле.— Готов в Копсфорт хоть сегодня... Но, полагаю, нужен я вам не как призер «Большого родео», а как интервьюер, от пяток до подбородка нашпигованный скрытой микроаппаратурой.

— Нет,— сказал Гэлбрайт.— Никакой записывающей микроаппаратуры. И в этом смысле всякую самодеятельность строжайше запрещаю. Никаких спецбраслетов, пуговиц, медальонов, радиосигнализаторов, микротелемониторов. Понимаете? Ни-ка-ких! Обычная одежда спортсмена-ковбоя. Широкополый стетсон, джинсы, ковбойка и пояс с обыкновенной — обыкновенной, Полинг! — пряжкой. Это все. В Копсфорт вас привлекло в первую очередь «Большое родео». Боюсь заглядывать далеко вперед, это «родео», однако, может вполне оказаться одним из самых ответственных в вашей жизни.

— Что ж, мне не впервые скакать без седла и раскручивать лассо. Но кто вам сказал, что я не почувствую разницы между быком и своим родственником? — Фрэнк сознавал, что говорит совсем не о том, о чем следовало бы сейчас говорить, но ничего не мог с собой поделать. Он находился во власти необъяснимого желания сказать шефу что-нибудь неприятное.— С моей стороны, было бы очень нечестно что-либо заранее вам обещать.

— Я не жду обещаний. От вас мне нужны сознательность и готовность. Иначе просто нет смысла затевать операцию «Копсфорт». Или «Большое родео»...

— Или «Кентавр». Или, может быть, прямо без маскировки: «Веревка для шурина»?

— Хотелось бы сразу внести предельную ясность,— устало сказал Гэлбрайт.— Вы, Полинг, вправе взять на себя копсфортовскую миссию только на добровольных началах, и никак не иначе. Ваш отказ, разумеется, нас огорчит, но мы поймем это правильно.

— Шеф, копсфортовскую миссию я, безусловно, беру на себя. И не столько из опасений вас огорчить, сколько по личным мотивам. К тому же посылать в Копсфорт для встречи с Нортоном кого-либо другого просто не имело бы смысла.

— Верно. Тогда в чем причина вашего... гм... смятения?

— Причина в том, что я предвижу, как все это будет. Признаться, шеф, я совершенно не в своей тарелке и... не могу заставить себя поверить в успех копсфортовской затеи. Это меня угнетает. Иметь дело с Нортоном вообще не слишком приятно. А тем более в таком его... качестве. В конце концов, я не специалист по кентаврам.

— Да? — угрюмо удивился Гэлбрайт.— А кто из нас специалист по кентаврам? Хаст? Кьюсак? Я? Вы, Никольский? Вы, профессор? Или, может быть, вы, Купер?.. Вот видите, Полинг, все молчат. Мы испытываем острый дефицит в специалистах подобного рода.— Гэлбрайт заворочался в кресле.— Купер, поднимите нас и можете считать себя свободным до шестнадцати ноль-ноль. Но подготовьте к вечернему заседанию все материалы по «оберонскому гурму». Фильмы, документацию, отчеты комиссии... все!

Купер кивнул. На крышке стола отразился хлынувший сверху дневной свет, изображение оператора угасло, и экранные стены поползли вниз. Фрэнк прищурился в ожидании бьющих лучей жаркого солнца. Солнца не было. Всю широту видимой из окна инструкторского холла небесной панорамы заволокла тяжелая туча. Приближалась гроза. Приближалась стремительно, со стороны океана, низко волоча темно-свинцовое брюхо, поблескивающее разрядами. Такие шквальные грозы нередко приносят с собой серьезную для этих мест неприятность — торнадо. Фрэнк машинально поискал глазами пестрые цепочки хорошо заметных на грозовом фоне противоураганных аэробаллонов. Метеозащиты не было. Синоптики, очевидно, считают, что все обойдется...

— Нортон что-нибудь рассказывал о «Лунной радуге»? — спросил Гэлбрайт.— Полинг, я обращаюсь к вам.

— Нет, шеф,— ответил Фрэнк, отрывая взгляд от окна.— Я не могу припомнить, чтобы при мне Нортон вообще произносил название этого рейдера.

— Как часто вы бываете в семье своей сестры?

— Как правило, раз в месяц. Иногда чаще. Дело в том, что нас — меня и сестру — с детства связывает большая родственная дружба. Вероятно, в зрелом возрасте эта дружба играла бы меньшую роль, если бы не женская трагедия Сильвии: она бездетна. Этим объясняется ее необычайная привязанность ко мне. Она до сих пор называет меня «бэби».

— Исчерпывающий ответ,— похвалил Гэлбрайт.

— Я постарался заранее прояснить ситуацию. Иначе

мой ответ на следующий ваш вопрос может показаться вам нелогичным.

— Проницательность — одно из ценнейших качеств в нашей профессии,— одобрительно прокомментировал Гэлбрайт.— Итак?..

— Итак, несмотря на то, что Нортон муж моей сестры и в конечном итоге мой родственник, я его плохо знаю. Другими словами, шеф, мои довольно частые визиты в Копсфорт — это одно, а мои отношения с Дэвидом Нортоном — нечто совсем другое. Мы с ним очень редко встречаемся и еще реже беседуем. Даже после того, как он вышел в отставку и прочно осел в Копсфорте. Любые формы общения нас тяготят, мы избегаем друг друга.

— Н-ну!.. Чем же это вы друг другу так насолили?

— Ничем. Просто с самого начала он проявил ко мне равнодушие, я платил ему тем же, вот и все...— Фрэнк, заметив, что шеф и Никольский как-то очень внимательно, неотрывно глядят на него, осторожно добавил: — Надеюсь, вы понимаете, что с таким багажом «родственных отношений» мне туго придется в Копсфорте.

— М-да, небогато...— согласился Гэлбрайт.— Но это мы обсудим позже. Теперь предлагаю...

Ослепительно сверкнул в окне пучок огня, и громовой раскат, казалось, поколебал здание. Почти мгновенно вслед за этим в стекло ударил шумный ливень. Плотность ливневого водопада была такова, что сгустившийся в холле сумрак заставил сработать автоматику освещения. Никольский, щурясь, оглядел декоративные светильники, перевел взгляд на окно, покачал головой. Грозовой шквал неистовствовал. Слепяще-голубые ветвистые трещины молний вспарывали водяной поток, почти непрерывно ухало, гремело, перекатывалось на фоне однообразного гула то ли воды, то ли ветра...

— Дождик пошел? — сонно осведомился Роган. Он вынул из уха шарик слухового аппарата, сунул в нагрудный карман и принял прежнюю позу.

Гэлбрайт поднялся, но в этот момент пискнул сигнал внутренней связи.

— Бауэр? — спросил Гэлбрайт, морщась от очередного, особенно звучного удара грома.— Давайте, что там у вас!

— Поступило первое сообщение, из Торонто,— ответил потолочный спикер под аккомпанемент громовой канонады.

«На войне как на войне...» — подумал Фрэнк, прислушиваясь к голосу дежурного.

Бауэр докладывал:

— Операция типа «Эспланейд» оказалась безрезультатной. Меф Аганн вел себя в Торонто как обычный турист. Ни с кем из родственников Элдера не встречался, хотя бы по той причине, что достаточно близких родственников погибшего десантника в этом городе нет. Трое бывших друзей Элдера знают Мефа Аганна в лицо. Двое из них встречались и говорили с Аганном после событий на Обероне только однажды. Существование дальнейших контактов с пилотом отрицают. Ни один из служащих отеля «Глобус», которые знают Мефа Аганна в лицо, не имеет о «черных следах» никакого понятия.

— Это все?

— Да, пока все.

— Что ж... отсутствие результата есть уже результат. Впрочем, подождем других сообщений. Если появится что-нибудь новое, Бауэр, свяжитесь со мной после шестнадцати ноль-ноль. Конец.

Спикер умолк. Гэлбрайт взглянул на часы.

— Пора,— сказал он.— Я чувствую, что желание чего-нибудь съесть превращается у меня в навязчивую идею. Призываю вас всех отнестись к этой идее без легкомысленного предубеждения.

На призыв Гэлбрайта первым откликнулся Роган:

— Я готов, если вы подскажете мне, где здесь находится диетический зал.

Фрэнк невольно взглянул на него, вспомнив про слуховой аппарат в нагрудном кармане профессора. Поднялся и, с трудом передвигая затекшие ноги, направился к двери. Уходя, слышал, как шеф что-то сказал Никольскому, но что именно, не разобрал: слова утонули в грохоте грозового разряда. Ответ Никольского он разобрал достаточно ясно:

— Не надо, Гэлбрайт, не беспокойтесь. Мефа Аганна мы возьмем на себя. Еще неизвестно, как у вас пойдет работа с Дэвидом Нортоном...

Фрэнк вышел в безлюдный, ярко освещенный коридор. Дверь с мягким шелестом закрылась. В коридоре было невыносимо тихо.

Часть II

1. Ржавчина воспоминаний

Хуже всего то, что большую часть года небо над Копсфортом совершенно прозрачное...

Сегодня после заката он нечаянно задел взглядом желтую искру Меркурия, и потом целый вечер в ушах плавал крик меркурианской чайки. Она кричала скрипуче, протяжно, долго: «Кия!.. Кия!.. Кия!..» И чтобы отвлечься от крика-призрака, крика-воспоминания, он стал думать о разной чепухе, но это помогало плохо. Напрасно, к примеру, он пытался припомнить, как звали того проклятого попугая на лунной базе «Гагарин», которого скучавший в резерве Джанелла выучил орать во всю глотку: «Лейтенант Нортон, смир-р-но! Салют!» Он вспомнил лишь, что много раз собирался свернуть голову ни в чем не повинной птице, но так и не собрался. И еще почему-то вспомнилось, как Михайлов стянул в пакгаузе толстого рыжего кота, принес на рейдер за пазухой и спрятал у себя в каюте, решив прокатить до Урана, и как сначала все были рады и дали рыжему имя Форсаж, а потом, уже после разгона до крейсерской скорости, когда эта кошка вдруг родила под ковровым фильтром регенератора пятерых мертвых котят, ее у Михайлова отобрали, стали называть Мадам и очень жалели. Мстислав Бакулин обозвал Михайлова живодером и чуть не полез в драку. А дальше... Дальше был Оберон, и никаких воспоминаний тут не требовалось. Об этом можно было только размышлять, но десять лет утомительных размышлений его убедили, что именно об этом лучше не думать. А кошку-межпланетчицу подарили какому-то зоопарку, и зеваки знали о ней больше, чем о погибших на Обероне десантниках. Один из парадоксов современной жизни, но об этом тоже лучше не думать.

Скверная штука спонтанные воспоминания. Стоит мимоходом зацепить глазами желтую точку над горизонтом, и в ушах надолго застревает крик давно уже, вероятно, умершей чайки: «Кия!.. Кия!..» Черт бы побрал этот крик! Когда он впервые услышал меркурианскую чайку, ему и в голову не приходило, что это крепко врежется в память и со временем перевоплотится для него едва ли не в главную особенность Меркурия. В звуковой образ планеты.

Раньше по поводу представлений о Меркурии никаких сложностей у него не было. Двойник хорошо знакомой Луны, только гораздо больше и жарче, и есть там крупнейший во Внеземелье металлургический комбинат. Подлетая к планете, он спал. На борту комфортабельной «России» он отлично выспался за четверо прошедших суток и на четверо суток вперед и лишь за полчаса до пересадки в орбитальный лихтер без всякого любопытства взглянул на скучно оголенную под солнцем поверхность, усеянную оспинами кратеров, вмятинами патер сморщенную и задубелую, как высохшая кожура граната. На спуске лихтер заложил крутой вираж, на его экранах колесом повернулась грандиозная мозаичная панорама: белые и золотистые многоугольники, полосы, звезды, дымчато-черные круги и овалы, синие плоскости, ртутно-зеркальные капли и купола, а на следующем вираже появились голубовато сверкающие иглы башен-кристаллов, бело-черные «шахматные» поля, что-то похожее на длинное розовое озеро со стеклянистыми в красных прожилках берегами, вогнутые склоны, облагороженные амфитеатрами мутно-зеленых ступеней-террас... и все это пестрое нагромождение обнимала горная дуга, причудливо изрезанная складками, на каждой вершине что-то ослепительно блестело, а дальше, за этими блестками, уходили, горбатясь, к горизонту угрюмые кряжи, дико изуродованные рубцами полуразрушенных каменных валов, трещинами разломов и воронками кратеров. Окинув взглядом внезапно распахнувшийся простор, он вдруг испытал ощущение масштабности захваченного людьми нового мира (ощущение, которое ему уже приходилось испытывать дважды: на подступах к Марсу и при посадке на Ганимед) — ощущение того, что это, черт побери, планета, а не какая-нибудь там луна. Разумеется, он сознавал, что один город, пусть даже очень крупный (с двухсоттысячным населением, которое дало своему городу трогательно-символическое название Аркад), еще

не повод для торжеств по случаю освоения всей планеты, но ощущение «нового мира» не покидало его...

Лихтер пронырнул огромный, брызнувший фиолетовым светом шлюзопричальный колодец, остановился и выпустил на перрон пассажиров. Хорошо, что он догадался выйти последним, никто не заметил его замешательства. Перронные ярусы космопорта напоминали скорее фойе столичного гранд-театра, чем вокзальное помещение, и в форме десантника он сам себе казался ужасно нелепым в нарядной толпе. Средневековый пират на фоне сверхсовременного интерьера. Аркад с первых шагов поразил его роскошью, неслыханной и невиданной в условиях Внеземелья, и до тех пор, пока он не связался через вокзальный видеотектор со штабом отряда «Меркьюри рэйнджерс», ему не верилось, что здесь вообще нужны люди его профессии. И потом ему целый день в это не верилось, пока он знакомился с городом. Точнее, не день, а те пять часов, которые штаб ему выделил на устройство и отдых. В отдыхе он не нуждался и за четыре часа успел (как ему представлялось) многое осмотреть. Здесь было много такого, чего не встретишь в других уголках Внеземелья, а главное — много зелени, света, простора, воздуха и воды. Позже он уяснил, что видел только мизерную часть самого крупного города Внеземелья. Самого автоматизированного, самого промышленного, самого комфортабельного, самого-самого!..

В сущности, это был уже и не город. Это был колоссальный плацдарм вторжения земной ноосферы в чуждый ей мир суровой планеты, Малая Земля, зарывшаяся в грунт Меркурия больше, чем на девять десятых, буквально по макушку, и неплохо вооруженная против всего, что имело склонность выковыривать ее оттуда. Хотя бы то обстоятельство, что макушку Аркада почти непрерывно лизала плазма солнечной короны, уже говорило само за себя...

Конечно, о существовании Аркада (жилищно-промышленного комплекса А-200-М, построенного на Меркурии с учетом опыта сибирских мегалополисов) он знал и както мог вообразить себе его размеры, но о существовании такого впечатляющего плацдарма — Аркадии — имел до смешного смутное представление и теперь, знакомясь с Аркадией, сожалел, что прежде никогда особо не интересовался меркурианскими делами. Бродил наугад, без всякой системы, и не верил глазам, настолько все было просторным, удобным и очень разнообразным. Третий

уровень города совершенно его покорил. Цветники, уютные скверы. Странные разветвленные сооружения в четыре-три этажа, скорее похожие на канделябры, чем на дома. Не менее странные декоративно-архитектурные формы каких-то ажурных построек, назначение которых непросто было угадать. Бесконечные струи фонтанов, бассейны с чистой водой, отражавшей глубокое синее небо и небольшое незнойное солнце «марсианского» типа. Это как на вершине горы, с той лишь разницей, что не видно нигде горизонта; и только по кучевым облакам, окружавшим все это, можно было понять: пространство здесь ограничено, небесный простор иллюзорен... На открытых «блюдцах» домов-канделябров сидели, ходили и разговаривали группки людей, занятых, видимо, чем-то серьезным, пестро светились экраны видеотекторов, и он по некоторым признакам определил, что забрел в деловую часть города.

Жилищно-бытовой сектор ему понравился меньше. В жидковатых сосновых рощицах довольно плотными рядами стояли, как грибы, на цилиндрических подставках потешные сооружения, вид которых наводил почему-то на мысль о гибриде венерианского дисколета и панциря слоновой черепахи. Сперва ему показалось, будто он попал на стоянку местного транспорта... Позже выяснил, что эти забавные штуки — спальни-квартиры для семейных аркадцев. А еще позже он и жена имели такую же спальню-квартиру, когда Сильвия вопреки настойчивым увещеваниям родни и соседей, бросив все, появилась здесь в качестве работника отдела информации монтажно-строительного комбината, и ее появление для него, огрубелого работяги-десантника, было самой немыслимой роскошью в этом шикарном Аркаде. Жена прилетела страшно веселая, возбужденная, а он так долго молча смотрел на нее, остолбенев, что по ее лицу пошли гримасы и она заплакала... Но тогда, потешаясь видом меркурианских «вигвамов», он, конечно, этого еще не знал. Не знал, что «вигвамы» довольно удобны, что в них, вообще говоря, не живут, а только ночуют, что жизнь аркадцев протекает в городе всюду: на рабочих местах, на спортивных площадках и стадионах, в театрах, в «залах феерий», в клубах экспресс-информации, в «лесах» и на пляжах обширнейшей зоны отдыха Новый Эдем, в ресторанах и музыкальных кафе, наконец. Не знал, что в перерывах между делами и сам какое-то время будет жить этой жизнью, не ведал, какими счастливо-тревожными будут

дни ожиданий ребенка, как будет цепенеть жена под озабоченными взглядами медикологов и как потом ничего нельзя будет сделать и ребенок умрет не родившись, а он, когда ему про это сообщат, пойдет куда-то, не сознавая куда, и лишь искусственный рассвет, отраженный в воде, крик пролетевшей над головой чайки, резь в глазах, и мокрое лицо, и хруст песка на зубах подскажут ему наконец, где он и что с ним происходит, и он впервые проклянет Внеземелье, проклянет молча, но так, чтоб было слышно на всех планетах и лунах, где он побывал... Да, в те часы, разглядывая диковинный город, он ничего еще об этом не знал и спокойно прошел мимо зеленой площадки, на которой галдела шустрая малышня.

Скоро он поймал себя на том, что осматривает город деловито и даже с некоторой долей придирчивого практицизма. Как специалист. Никуда не денешься, он был специалистом по Дальнему Внеземелью. Дальнему, правда, но принципиальной разницы это, пожалуй, здесь не имело. Ни на секунду Аркадия не могла его обмануть кажущейся абсолютной безопасностью и безмятежностью. Он был твердо уверен, что жизнь в Аркадии далеко не проста и определенно небезмятежна. Потому что это Внеземелье. Близкое ли, Дальнее, но все равно Внеземелье. А Внеземелью он не доверял и на четверть мизинца. Никогда, ни при каких обстоятельствах. Должно быть, поэтому в отрядах и группах, где ему доводилось командовать, люди погибали редко. Люди не любили его — он это знал,— награждали его не всегда безобидными прозвищами — он терпел и прощал,— но ни разу не попадалось среди его подчиненных такого, который бы неохотно пошел вместе с ним, Лунным Дэвом, на любую по сложности операцию. Его считали чем-то вроде ходячего талисмана (бывало, просто жались к нему за время уж слишком отчаянных передряг) и не знали, что весь его «счастливый» опыт основан на недоверии. Он мог понять и простить все, кроме беспечности в отношениях с Внеземельем. И чем больше он видел дизайнерских ухищрений, смысл которых сводился к стремлению подчеркнуть внутреннее благополучие меркурианской среды обитания, тем зорче приглядывался к свидетельствам «технического недоверия» к Внеземелью. А свидетельств встречалось немало, хотя специально он их не искал.

На верхних уровнях города он обратил внимание на световые фигурки стилизованных черепах, забавно перебирающих лапами, и выяснил, что цвет «веселых рептилий»

информирует о состоянии защитного поля где-то высоко над головами аркадцев. Черепашки переливались успокоительно зеленым сиянием, но плиты мощной металлоброни, пока разведенные в стороны и замаскированные под декоративные карнизы, тоже о чем-то ведь говорили... Попутно он выяснил, что вертикальные шкалы уличных термометров одновременно служат для указания уровней проникающей радиации; и когда он взглянул на верхние цифры одного из этих изящно декорированных указателей, ему стало понятно: Аркадия готова ко всему. По крайней мере, жители ее учитывали даже вероятность катастроф... Ему хотелось продолжать смотреть на город глазами ослепленного роскошью новичка, но это было уже невозможно. Уличные шкалы газового контроля. Искусно закамуфлированные экраны и сигнализаторы экстренного оповещения. Тусклые круги с едва заметными надписями: «Выход к лифтам скоростного спуска в убежище», «Склад аварийного оборудования», «Вход в герметириум по сигналу 2-Т». Еще ожидая в резерве меркурианскую визу, он знал, что скучать на этой планете ему не придется. Но между «знать» и «почувствовать» была определенная дистанция, которую предстояло преодолеть. И было странно, что в Аркадии эта дистанция для него растянулась. Он многое увидел, кое-что понял, однако почти ничего не почувствовал.

Яркая надпись, прыгая с места на место, как ополоумевший заяц, усиленно соблазняла войти в обеденный зал ресторана «Бамбук». Он вошел. Никакого зала здесь не было. Что-то вроде бугристо-оранжевой трубы с волнообразно колыщущимися стенками... Он ощутил ускорение. Быстрый подъем, будто вдоль гигантского пищевода... Внезапная остановка. Распахнулась ослепительно солнечная дыра, и сначала он увидел поверхность Меркурия, а уж потом разобрал, что залитые солнцем горы видны сквозь прозрачный стакан ресторанного зала. Над горами было черное небо.

Он поискал свободный стол в той стороне зала, откуда открывалась панорама грандиозных валов двух почти соприкасающихся патер, и, чувствуя на себе взгляды соседей, сел к залу спиной. Есть он любил в одиночестве. Когда нельзя было есть в одиночестве, он спокойно ел в обществе и никого не замечал.

Судя по широте кругового обзора, обеденный зал ресторана «Бамбук» находился где-то на самой верхушке довольно высокой башни. Если смотреть в промежуток

между валами, отсюда неплохо были видны заслоняющие горизонт горбы мрачного кряжа, угловатые, как обтянутые шкурой костяки изнуренных коров. По склонам горбов, которые были поближе, медленно сползали желтовато-белесые, грязно-зеленые и серые с бурыми гривами языки чего-то такого, что походило на перелившуюся через край котла очень густую и вязкую пену какого-то варева. Не сразу он догадался, что это струится по склонам лавина дымов... «Пожалуйста,— проговорил кто-то над ухом,— ваш заказ». Он отстранился и посмотрел на тумбу разговорчивого буфета. Лапки буфетного манипулятора быстро сервировали стол, произнесли: «Приятного аппетита!» — и не успел он моргнуть, как перед ним оказался прозрачный судок с небольшим количеством янтарной жидкости. «Странные порядки...» — подумал он, опуская ложку в судок.

Еда была вкусной, но ее было мало. Он набросал туда гренков, перемешал, и в кресло напротив села девушка с недовольным, как ему показалось, лицом. Русые волосы, модно свисающие над ушами двумя короткими пучками, золотистый свитер-паутинка, нахмуренные брови.

— Не помешаю? — спросила она.

— Нет.

— Приятного аппетита,— произнесла она не слишком-то дружелюбно.

— Благодарю.

Пока он ел суп, она, заказав «дежурный обед», сердито гремела предметами сервировки. «Бывалый десантник и юная экспансивная меркурианка»,— подумал он и перестал обращать на это внимание.

— Вы не умеете есть,— вдруг сказала она.— Вы едите как автомат, бесстрастно, словно не замечаете разницы между стерляжьей ухой и гороховым концентратом.

Он посмотрел на нее. Она была довольно красива, но не настолько юна, как ему показалось вначале. От нее весьма ощутимо исходили флюиды мрачного настроения.

— А вы не умеете вести себя за столом.

— Это вы мне?..— спросила она с ироническим любопытством.

— Вот именно,— подтвердил он.— Я, догадываюсь, случайно занял ваше любимое кресло и, вероятно, съел заказанный вами суп, но, согласитесь, это не повод для такого мощного раздражения.

— Верно,— сказала она.— Не повод... Просто я сегодня не в своей тарелке. Извините. Бывает.— Синевато-серые ее глаза глядели серьезно и словно бы куда-то мимо него.

— Итак, мы оба не в своей тарелке,— проговорил он, разглядывая очередное блюдо, поданное манипуляторами. На длинной стеклянной посудине лежало три листа салата, два розовых шарика и кубик розоватого студня, и все это было удручающе миниатюрным.— Давайте меняться,— предложил он.

— Нет, попробуйте. Это все из креветок и очень... питательно.— Тень усмешки прошла по ее губам. Глаза оставались серьезными.— Сегодня день моего рождения, я угощаю.

— А... Поздравляю. И сколько же?.. Впрочем, ладно.

— Последний раз двадцать.

— Двадцать девять? Я готов был подумать, что вам девятнадцать.

— Спасибо.

— Не за что, это не комплимент.

— Вы тоже сегодня не в духе? — спросила она.

— Нет, это мое обычное состояние. Я, видите ли, мало приспособлен для светских бесед.

— В таком случае будем есть молча... Закажите себе что-нибудь мясное. Беф-монтре, например.

Он заказал беф-монтре.

Ели молча. Смотреть на свою сотрапезницу он избегал. Но заметил, как она, стараясь проделать это украдкой, подала отрицательный знак головой и рукой кому-то за его спиной. Он понял, что испортил людям компанейский обед. А может, и совершил какую-нибудь еще бóльшую глупость. Торопливо заканчивая десерт, сказал:

— Надо было сразу мне все объяснить, я мог уйти к другому столу, и прекратился бы этот цирк.

В ее глазах возникло и тут же угасло какое-то необычное острое выражение, он его уловил, но не понял.

Очень спокойно она сказала:

— Чепуха, не обращайте внимания. Я должна была ответить на вопрос моей подруги. Только и всего... По-видимому, вы впервые в этом ресторане?

— Я впервые на этой планете.

— Сегодня? «Россия»?

— Да. Кстати, в обеденных залах «России» иные порядки.

— А раньше?

— Что «раньше»?

— Где вы обедали раньше, можно узнать?

— Можно. В обеденных «залах» Дальнего Внеземелья.

— Каким же образом вы... сюда, на Меркурий?

— По собственному желанию. Если вы это имели в виду.— Он подчеркнул слово «это».

— Нет, я имела в виду другое. Обычно космодесантники специализируются избирательно, в их среде есть «планетчики», «лунники», «пространственники»...

— Вы неплохо знаете нашу среду, но все это верно только отчасти. Хороший десантник должен быть всяким.

— Вы... хороший десантник?

— Я всякий.

— Скажите... вам нравится ваша работа?

Он посмотрел на нее:

— Почему вы об этом спросили?

— Чтобы знать, как вы ответите.

Он еще раз внимательно посмотрел на нее:

— Разве это хоть сколько-нибудь важно — как я отвечу?

— Для меня — да.

— Ну что ж... Работа нормальная.

— Нормальная...— тихо повторила она.— Впервые за время нашего знакомства вы сказали неправду.

— Мы еще незнакомы.

— Людмила Быстрова.

— Дэвид Нортон.

— Вот и познакомились. Зачем же вы говорите, что ваша работа нормальная, если она ненормальная?

Он помолчал, пытаясь вообразить себе, зачем ей все это надо. Ему не нравились ее вопросы. Ему не нравилась тема беседы. И наскоро проглоченная еда тоже не очень понравилась. Разговор, затеянный новой знакомой, вызывал у него смутное холодноватое любопытство и такое же смутное холодноватое неудовольствие.

— Что вы в ней видите... ненормального? Риск? Сложность?

— Нет. Этого добра у любого работника Внеземелья хоть отбавляй. Я имела в виду то, что у вас внутри.

— Простите, но какое вам дело до того, что у нас внутри?

Несколько мгновений лицо ее было угрюмо-задумчивым.

— Выпьем кофе? — предложила она.— Не отказывайтесь. Кофе местный, меркурианский.

На стол из буфетной тумбы переместилась целая флотилия предметов кофейного сервиза — не менее дюжины сосудов разных форм, изящные тонкостенные чашки, блюдца, ложки, розетки... и даже что-то вроде подсвечника с дрожащими язычками спиртового пламени,— все из желтого сверкающего металла.

— Молоко? — предложила она.— Сливки? Мороженое? Суфле?

— Нет, просто кофе. Сливки, суфле — это вам.

— Почему мне?

— Потому что было заметно, как вы пытались заставить себя поесть и как у вас ничего из этого не вышло. Сливки тоже местные?

— Конечно. Здесь все местное. Вы еще увидите наши «зеленые фабрики», фермы, плантации...

— Вы имеете к этому отношение?

— Только как потребитель. А как специалист я имею отношение к субкритической модификации металлов. Сверхпрочные сплавы. То, на чем вы летаете. Пейте, остынет.

Он поднес к губам сверкающую чашку.

— В другой обстановке я бы подумал, что чашка из натурального золота.

— Здешнее золото ничем особенным не отличается от земного.

— Что, вся эта посуда... золото? Но зачем?

— Красиво, практично. Не окисляется и не тускнеет. Как вам наш меркурианский кофе? — спросила она.

— Я не нахожу в нем ничего меркурианского. Вкус обычный, земной.

— В этом его достоинство. Наши плантации совершеннее лунных.

— Богато живете.

— Да... как будто небедно. Еще чашку?

— С удовольствием.— Он посмотрел на цветные струи дымов за окном и спросил: — Промышленность ваша коптит?

— Наша промышленность не коптит,— сказала она, не повернув головы.— Дымят побочные кратеры Малого Аборигена.

— Есть и Большой?

— Был. Вел себя агрессивно, намучились с ним и в конце концов подавили. Красивый был вулканище. Необузданный, пылкий... Слишком близко от города.

— Но ведь и этот недалеко.

— Даже ближе.

— Почему бы его не заткнуть?

По ее глазам он понял, что сморозил глупость.

— Не кощунствуйте,— тихо проговорила она.— Вулканологи заботятся о здоровье Малого Аборигена так, как не заботятся о своем собственном. Мы считаем Малый Абориген подарком судьбы, и здесь не принято говорить о нем в неуважительном тоне.

— Понятно... Химия?

— Верно. Вулканогенное сырье. Но прежде всего вода.

— Знаменитый гейзер Мелентьева?

— В том числе, но не только. Малый Абориген, насколько я понимаю, не единичный вулкан. Система вулканических очагов. К счастью, малоактивных — в сольфатарной стадии, как говорят вулканологи. Горячие газы, вода... и все остальное. Воды неожиданно много. В стане меркуриологов и вулканологов до сих пор царит теоретическая неразбериха. Они по-разному объясняют «гидрофеномен очаговой провинции Абориген», но это, понятно, не мешает нам использовать гидрофеномен для нужд бытовах, культурных, промышленных. А вы говорите «заткнуть».

— Ну давайте я отрежу себе язык.

— Опасаюсь, ваша жена никогда мне этого не простит.

— Правильно опасаетесь.

— Профессия у нее земная?

— Она архитектор.

— А можно узнать, как ваша жена относится к профессии космодесантника?

— Конечно, без особого восторга, но...— Он смотрел, как она наливает кофе.

— Я слушаю вас, продолжайте.

— ...Но без той предвзятости, которая граничит с нетерпимостью, а может быть, даже и с ненавистью.

— Понимаю, что это вы обо мне... но не понимаю, откуда вы... обо мне...

— Почувствовал. Это всегда очень хорошо чувствуется.

— Будь на то моя власть,— проговорила она,— я запретила бы десантникам жениться.

— Можно проще: не выходить за десантника замуж, вот и все.

Он заметил, как она вздрогнула. Это сильно и неприятно его удивило, и он подумал, что никогда еще не доводилось ему совершать столько промахов на протяжении одного часа.

— Замечательный город,— сказал он и залпом выпил чашку довольно горячего кофе.— Аркад произвел на меня впечатление... Респектабельный город, солидный. Все четыре кита на месте...— Мелькнула мысль: «Разговорился... Кофе, что ли, виноват?»

Она рассеянно покивала. И словно очнувшись:

— Что... какие киты?

— Ну эти... хлеб, энергия, вода, металл. На которых... э-э... современная цивилизация.

— А... Да, конечно, киты... Хлеб с маслом. Энергия... Сколько угодно. Металл. Вода. Море воды... Кстати, видели вы наше Море?

— Море?.. Нет, не видел.

— Только что ушла моя подруга. Жаль. Она бы вам его показала. Я не могу. У меня через сорок минут один умный опыт в лаборатории субкритических модификаций. Чувствую, не получится.

— Опыт?

— Да. А на Море вам непременно надо взглянуть. Глазам не поверите... Значит, пятый кит утонул?

— О чем вы? — спросил он осторожно.

— Об утопленнике, разумеется. О том самом — пятом. Который взял да и утонул. Как-то места ему не нашлось среди четырех...— Она старалась говорить спокойно, однако голос ее изменился от напряжения.— Ладно, не будем. Сотни тысяч раз уже слышали: нравственность — служанка потребности. Миллионы раз... Строптивая, своенравная, но служанка. И самое печальное, что это наполовину правда.

«Черт!..» — подумал он, глядя на нее в упор.

— Не смотрите на меня так,— сказала она.— Я сегодня, верно, не в своей тарелке, но я в своем уме.

Она попыталась улыбнуться. И это было самым худшим из всего, чем успела она его огорошить. Теперь он видел, что ей действительно двадцать девять, и ни годом меньше.

— Послушайте, вы, экспансивная меркурианка!..— холодно произнес он.— Вид у вас сейчас, прямо скажем, неважный, но по какому, собственно, поводу вы взвинчены? Спрашиваю не из пустого любопытства, я странно и неприятно чувствую себя центром вашего неудовольствия.

— Да,— подтвердила она.— К сожалению. Я очень виновата перед вами и перед собой, что позволила вам это почувствовать. Сегодня меня одолела какая-то сума-

сшедшая, горькая, острая жалость к себе, к вам, людям вашей профессии, и вот... все это вдруг... неожиданно выплеснулось. Понимаете?

— Нет. Что вам за дело до нашей профессии?

— Я говорю о людях.— Глаза ее сухо блеснули.— Только о людях.

— Чуть раньше вы говорили о ненормальности нашей работы.

— Это был подход к разговору о людях.

— К разговору? Мне показалось, вы едва удерживались, чтобы не выкрикнуть мне все это в лицо.

— Возможно... Да, скорее всего было именно так, как вам показалось. Вспышка женского эгоизма. Чувственная правота большого несчастья... Не знаю, зачем я собиралась это сделать, и... не совсем понимаю, почему не сделала этого. В последний момент решила вас пощадить?... Или себя?..

«Жизнерадостный город,— подумал он.— Благополучный такой, веселый».

— Я не нуждаюсь в пощаде. Ни в первый момент, ни в последний.

Его замечание, видимо, до нее не дошло.

— Специфика вашей работы сама по себе для меня темный лес,— продолжала она.— Я не специалист и не знаю, до какой степени жизнеспособен ее механизм. Но не надо быть специалистом, чтобы видеть, до какой степени он мертвоспособен... Едва ли не всякий раз, продвигаясь вперед буквально на несколько метров или спасая кого-то, вы оставляете за собой своих мертвецов. Десятки. В общей сложности сотни... А может, и тысячи, Нортон?.. Каким количеством жизней оплачена каждая пядь каждой из тронутых вами лун и планет? Молчите?.. Трупами ваших товарищей усеян ваш путь. И трупами ваших курсантских иллюзий. И конца этому что-то не видно... Нет, я судить не берусь, насколько оправдан суперпроцент такого количества жертв. Вероятно, оправдан, если Земля, бдительно оберегающая принципы гуманизма, на это идет. Но Земля еще просто не знает, как сильно меняется ваша психика, ваш внутренний мир. Узнав, она ужаснулась бы... О, сначала вы чувствуете себя носителями мужской отваги, храбрецами. А кое-кто и героями. Это когда получаете первые визы на выход в Пространство. Ну а потом? Кем вы себя чувствуете потом? Вот вы, Нортон, чувствуете себя героем?

Он промолчал. Вопрос был нелеп.

— Ладно, отвечу за вас. Героизм... Вы про него позабыли, вы толком уже и не знаете, что это такое. Да, парадокс: ваша работа — сплошной героизм, а для вас, ее повседневных производителей, это понятие стерлось. Больше того, вы с подозрением относитесь к слову «герой» или даже к слову «отвага». Бывалых десантников можно узнать не только по форме с кошачьей эмблемой на рукаве. В глазах недоверие, ходит с оглядкой, словно все время ждет удара из-за угла. Вам, профессионалам Зон Смерти, надо бы на рукав другую эмблему... Впрочем, не надо. Эта «эмблема» и так постоянно у вас в голове. В мыслях, в чувствах, в самой крови!.. Привычка заглядывать в свой внутренний мир — свойство нормальных людей — вас угнетает. Вы не любите вспоминать. Причина проста: память о вашей работе забивает все остальное. Что у вас может быть в памяти? Масса неимоверно рискованных операций? Да. И лица участников. Лица ваших друзей и товарищей. Тех, к которым вы привыкаете за годы совместной работы, кому отдаете частицу себя и... многие из которых гибнут прямо на ваших глазах. Гибнут, причем не однажды, а столько раз, сколько вы вспоминате, плюс тот... самый первый, непоправимый. В сущности, вам больше не о чем вспоминать, и этим вы отличаетесь от работников Внеземелья любой другой специальности. Мертвые лица погибших не дают вам покоя. Но не вспоминать невозможно, и ржавчина воспоминаний, вызывая у вас ложное чувство вины, разъедает вам души. Не так ли, Нортон?

Он смотрел на нее и молчал. Дела обстояли еще хуже, чем она себе представляла, но ему хотелось понять, зачем ей все это надо.

— Вы живете... нет — существуете... да, совершенно автоматически существуете в атмосфере забытого вами же героизма, на который вам наплевать. В сумерках вашей мрачной отваги, которую вы разучились уже замечать. И еще — в оглушительной тишине пантеона давно похороненных мертвецов, которые тысячи раз умирают и не могут никак умереть в вашем сознании!.. Мало того, нет ни малейшей гарантии, что сами вы... не сегодня, так завтра...

Спохватившись, она постучала суставами согнутых пальцев о стол.

— Видите? Я суеверна. Ваш брат десантник заставит быть суеверной. Я не стыжусь. Нет смысла стесняться этого перед людьми, которые сами приносят несчастье...

Подходит такой молодец и, улучив минуту, вдруг предлагает тебе стать подругой его на «вечные времена». Долго лечишь потом свои никудышные нервы. Ведь можно было и не отказывать. Никто его больше не видел. И никогда не увидит. «Вечных времен» у него было только десять часов... Кто скажет мне, сколько будет их у того, кто сегодня... Подарок мне в день рождения, мама моя!..— Она потерла ладонями бледные щеки.

Глаза ее были наполнены страхом, гневом и болью. Он понял, в чем дело, но в этот момент не испытывал к ней ни жалости, ни сочувствия, а просто боялся, что она разрыдается.

— Не беспокойтесь,— сказала она.— Слез не будет. Слезный этап в моей жизни давно миновал. Еще в ту пору, как мне довелось подышать вместе с вами одной атмосферой и узнать, чего она стоит. В моей голове тоже есть пантеон тысячи раз умирающих мертвецов. Мой пантеон не настолько, правда, обширен, но что в этом толку, если в нем уместилось больше отчаяния... И сегодня, боюсь, подарили мне еще один... экспонат.— Она опять постучала.

— Вы... ему...

— Да. Решительно. Наотрез. Не могу... Видеть не могу спокойно форму десантника! Но куда от них денешься в этом городе?.. Отряд большой, их слишком много... Но почему обязательно я?!

Второй раз за сегодняшний день он ощутил себя неуютно в форме десатника.

— Причина понятна,— сказал он.— Ваша красивая внешность. Ведь мало кому известно, что у вас там... внутри. Я хочу сказать — в голове. А в голове у вас настоящий, простите, сумбур.— Она метнула в него мрачно-пристальный взгляд, но это его не задело.— К тому же вы чересчур суеверны. Все мы в какой-то степени суеверны, но вы чересчур. Ну что сегодня может случиться с тем парнем, которому вы так решительно, наотрез...

— Все! — перебила она.— Все что угодно!.. Когда человек, носящий вашу проклятую форму, вылетает ночью на Плоскогорье Огненных змей, с ним может случиться все что угодно!..— Она постучала о стол с такой злостью, словно эта была голова недоумка.— Это Меркурий, Нортон. Мер-ку-рий! — повторила она по слогам, потирая ушибленные пальцы.— Многие несчастные женщины счастливого города будут сегодня думать... холодея от страха, думать сегодня о Плоскогорье!..

«Сегодня» и «ночью»?..» — подумал он с некоторым недоумением. Солнце над городом едва перевалило зенит, и до наступления темноты было никак не меньше сорока земных суток. Наконец догадался: она имела в виду ночную сторону планеты.

Он промолчал. Это его уже не касалось. Что будут думать женщины города, его не заботило. Он пытался припомнить какую-нибудь обтекаемо-светскую форму прощания. Перед ним была женщина — в общем-то, малознакомое для него существо, природное своеобразие которого он представлял себе смутно,— и, пожалуй, единственное, что он знал о них наверняка, это то, что прощаться с ними надо особенно элегантно...

— Ну, мне пора,— угрюмо сказала она, посмотрев на часы. Подалась немного вперед, как это делают, когда готовятся встать. Но встать она не успела: потолок зала вспыхнул голубым сиянием, прозвучали гудки — серия резких гудков...

Пока он соображал, что бы могли означать эти сигналы, приглушенно завыла сирена: ау-у... ау-у... Мышцы его напряглись: в любом уголке Внеземелья вой сирены мог означать лишь одно — состояние общей тревоги. Однако он видел, что никто из присутствующих на сигнал тревоги не реагировал — во всяком случае, активно,— никто никуда не бежал, никто даже не вышел из-за стола. На лице своей собеседницы он не мог прочесть ничего, кроме холодной угрюмости, словно бы вой сирены просто отвлек ее от намерения встать, и только. Внезапно он ощутил уменьшение силы тяжести. Бросил взгляд на залитый солнечным светом ландшафт и понял, что ресторанная башня со скоростью лифта проваливается вниз...

— Уважаемые посетители! — донеслось из буфетного чрева.— Мы приносим свои извинения за вынужденность отрицательно-вертикальных перемещений. Мощность протонной атаки ожидается до девятнадцати баллов. Остальные параметры хромосферной вспышки мы сообщим дополнительно. Благодарим за внимание.

Знакомо брызнули фиолетовым светом стены колодца. Легкий толчок. За стеклом кругового окна клубился пар, сквозь мутно-белесую пелену кое-где пробивались желтые пятна... Он почувствовал, что собеседница вновь собирается встать, перехватил ее взгляд и поразился бледности ее лица. И взгляд чем-то особенным так его удивил, что все остальное сразу неуловимо сместилось и отошло на задний план. Несколько долгих секунд они смотрели друг дру-

гу в глаза. Это было нелепо. Как игра в «кто кого пересмотрит». Но он не мог избавиться от ощущения, что зрачки, устремленные на него, видят нечто совсем другое...

— Мне пора,— повторила она.— Было время, когда мне очень хотелось вот так... посмотреть вам в глаза, Лунный Дэв. Но постепенно это мое желание перешло в свою противоположность. И лишь случай... сегодня...— Она оборвала себя и медленно встала.— Ладно. Будьте здоровы.

— Откуда вы... мое прозвище? — спросил он, преодолев замешательство.— Впрочем, не то. Я хотел... Да, я хотел бы узнать, за каким... простите, зачем...

— Посмотреть вам в глаза?

— Да. И почему именно мне? — Он машинально взял со стола кофейную ложку, согнул между пальцами.

— Почему?..— повторила она, возвращаясь, как ему показалось, откуда-то издалека.— Честно говоря, не знаю. Может быть, потому, что вы женаты... Да, скорее всего именно поэтому. Кизимов, Винезе, Йонге, Лорэ... эти были холостяками, и с ними все ясно. Никого у них не было. И ничего. Кроме нормальной работы.

— Откуда вы Йонге, Кизимова... Черт!.. Послушайте, Людмила... э-э... как вас там? Быстрова! Откуда вы...

— Бакулина. По мужу — Бакулина. И Быстрова, но это в девичьем прошлом.— Огибая угол стола, тихо добавила: — Да, Нортон, был у меня когда-то муж... Мстислав Бакулин. Вместе с вами там... на Обероне.— Медленно проходя мимо: — Впрочем, почему же с вами? Вы здесь, а он... там.— Приостановилась, но уже где-то за его спиной — он не смотрел на нее.— Я понимаю, ничего нельзя было сделать. Но вы здесь, а он там.— Короткая пауза.— А я... наполовину здесь, наполовину там...

Она ушла. Он не видел, но чувствовал это, продолжая сидеть перед сверкающей грудой золотых побрякушек. Странная пустота... Он не испытывал никаких ощущений. Ни угрызений совести, ни ошеломления, ни злости. Ни раздражения, наконец. Ничего. Ровным счетом... Он испытывал ощущение пустоты. Эта женщина основательно выпотрошила его и ушла, унося с собой все, что ей удалось из него вынуть. И было немного зябко. Словно выскочил из холодильника в теплый отсек и не успел как следует согреться. Больше ничего особенного он не чувствовал. И в голове была пустота. Никаких особенных мыслей, никаких тревожных воспоминаний. Оберон мерцал

в сознании крохотной звездочкой. Ничем не примечательный, совершенно неотличимый от других звезд, скупо рассыпанных, как приманка для юных романтиков, в пустопорожних пространствах Вселенной. Как будто там, на этой крохотной звездочке, никогда ничего особенного не происходило. И как будто там, у звезд настоящих (когда их достигнут), тоже ничего особенного не произойдет...

Да... тому, кто знает про оберонскую катастрофу лишь понаслышке, трудно даже представить себе, насколько все было просто. Внеземелье лязгнуло пастью — и шестерых как не бывало. До нелепости просто. Если бы это было сложнее, чем было, они успели бы что-нибудь предпринять. Сложными оказались только последствия. В этом весь характер Внеземелья — от абсолютной простоты события до чрезвычайной сложности последствий. И надо еще разобраться, кому в большей степени не повезло. Тем, кто остался на Обероне, или тому, кто здесь... «по собственному желанию»... Это правильно она говорила насчет героизма. Какой уж там героизм, если тебе хвост прищемило! Чем — неизвестно... но так прищемило — искры из глаз!.. Теперь вот приходится хвост поджимать и по всему Внеземелью искать безопасные подворотни. И смотреть в оба, как бы тебе на твой искалеченный хвост не наступили. Зазевайся хоть на минуту — непременно наступят... А кто это тут экран укокошил? А почему это вы плохо спите? А зачем у вас такое хмурое лицо? А верно ли говорят, что вы человек с невероятным чутьем? А что за детские фокусы с досрочной отставкой? И вообще, почему это вы так старательно избегаете общества, прячетесь в тень?.. Как же, спрячешься тут! Подсядет кто-нибудь к столу, и выясняется, что ты с ним, подсевшим, едва ли не в родственных отношениях. Дьявольски оживленная здесь подворотня...

Пар исчез. Теперь за окном была березовая роща. Кроны были желтые, осенние, а дальше что-то блестело, как огромные кучи мятой фольги. Он не сразу понял, что это посеребренные скалы. В целом пейзаж за окном производил странное впечатление из-за этого блеска, но деревья выглядели натурально. Между белыми стволами прошел человек в светло-коричневом. Нортон сжал зубы — фигурой прохожий напоминал Михайлова. Было такое однажды в Ванкувере: он заметил в парке очень похожего на Михайлова человека и долго смотрел ему вслед, будто хотел убедиться, что это наверняка не Михайлов; прохожий, чувствуя, видимо, взгляд, остановился и посмотрел

на него, и это было как «привет» с Оберона... В тот же день, придумав для себя какой-то предлог, он из Ванкувера уехал.

Нет, прохожий в светло-коричневом не похож на Михайлова. Это березы похожи. Точно такие, каких много вокруг полигонов Байкальской школы космодесантников — в долине реки Сарма и на местных горах. Впрочем, в тайге вообще много берез. Леонид мягко, протяжно произносил это свое родное слово — тайга... Осень третьего курса запомнилась просторами и чем-то хорошим, сильным, ярким, цветным. Потому, вероятно, что была последней курсантской осенью перед лунными стажировками. В сентябре школьный парк десантных машин обновили, и третьему курсу довелось отрабатывать пилотаж на машинах серии «Казаранг» и «Буран». Летали, естественно, над горной тайгой, а она, необъятная, удивительно быстро преображалась, с каждым днем все обильнее расцвечивалась желтыми и багровыми пятнами, и это здорово сбивало с привычных наземных ориентиров... На первых двух курсах он и Михайлов о дружбе между собой не помышляли. Напротив, более жестких соперников трудно было сыскать, за их соперничеством следила вся школа. Оба делали вид, что не замечают друг друга. На самом же деле... Да, не было, кажется, большего удовольствия (тайного, разумеется), чем подержать конкурента в хвосте. Поводом для соперничества служило все что угодно. В том числе пилотаж. Особенно трудно шла отработка маневров на низких высотах. Два десятка специальных метательных установок в разных местах с интервалами в четверть минуты швыряли в небо пятиметровые обручи, и надо было обладать реакцией акробата, чтобы пройти на машине хотя бы сквозь половину из них — «взять на шило». Десять пройденных колец считалось весьма неплохим результатом, двенадцать — мастерским достижением. Однажды на тренировке он «взял на шило» четырнадцать, и это была сенсация. Но торжество его длилось недолго: в тот же день Михайлов «взял» больше — пятнадцать... И вот экзамен по маневрированию. На стартовой площадке их «Бураны» оказались рядом. День был холодный и солнечный, видимость — лучше не надо. Он был приятно взволнован и совершенно уверен в себе. Чувствовал: победит. Михайлов, осматривая свою машину, вдруг оглянулся, спросил: «Ну, курсант, как настроение?» — «В норме,— ответил он и вопреки давно выработанному для себя правилу зачем-то доба-

вил: — Сегодня я тебя побью, заранее предупреждаю». Михайлов смерил его долгим взглядом, потом улыбнулся и неожиданно протянул руку. Помедлив секунду, он принял руку Михайлова, еще не зная, что это уже насовсем... *В тот день они оба «взяли»* по шестнадцати колец. Чего им стоил рекорд, видели медики школы, которым пришлось впрыскивать в носы рекордсменам какую-то мерзость, чтобы унять кровотечение. Но никто не видел, как «герои бреющих полетов» тайком обменялись «подарками»: он молча отдал Михайлову березовый сучок, *вынутый* из турели правого реверс-мотора машины соперника, и так же молча Михайлов отдал ему обломок еловой ветки — вещественные доказательства условной смерти. Попади сучок, ветка в руки инструкторов, рекордсменам без всякого разговора снизили бы экзаменационный балл: верхушка дерева на Земле имела недвусмысленное отношение к верхушке скалы во Внеземелье. Но как бы там ни было, на этом их соперничество кончилось. Четвертый курс, *Луна, стажировочные формирования*, выпуск, десятки трудных и не очень операций в системах Юпитера и Сатурна — все это пройдено плечом к плечу. Вплоть до последней точки на Обероне... И если бы не крик-приказ Элдера: «Нортон, назад!!!» — увы, послушно сработал дисциплинарный рефлекс,— они *остались бы плечом к плечу* и за чертою жизни, и все было бы проще, никогда бы так мучительно не обжигало воспоминание. Истерзанная горем вдова Мстислава Бакулина совершенно права. Нет, это счастье, что Михайлов не был женат...

Буфетная тумба о чем-то вежливо разглагольствовала. Передавали обещанные параметры солнечной вспышки. Все в порядке — сквозь магнитный купол над городом не просочилось ни капли протонного ливня. Заиграла музыка. В руках у него что-то было. Он раскрыл кулаки, увидел два сверкающих обломка золотой ложки, швырнул их на стол и направился к выходу.

Кто-то ему подсказал, как проехать на Море. Небольшой экипаж (кресло на круглой мягкой платформе и ветровое стекло) *резво промчал его по лабиринту* светлых тоннелей с глянцево-черными желобами и вдруг застыл перед арочным входом. Он вошел в ярко освещенную просторную пещеру с белыми сталактитами (как большие сосульки из помутневшего льда). Сквозь дыры в стенах падал в пещерное озеро солнечный свет, падал со всех сторон, будто в эти дыры заглядывало несколько солнц сразу. Вода была настолько прозрачной, что

озеро казалось пропастью, ненадежно прикрытой тонким стеклом: были видны голые скалы, круто и далеко уходящие в глубину. И это называлось Морем?.. Он огляделся. Заметил тропу с указателем «На пляжи северного побережья», понял, что это еще не Море.

Он не знал, зачем ему понадобилось Море именно сейчас, но быстро пошел по тропе через расселину, обросшую голубыми (от декоративной подсветки) бородами сталактитов, быстро и машинально, словно бы торопился исполнить какое-то дело, о котором странно и непонятно почему забыл. Тропа привела его в переполненный солнцем и блеском водной поверхности довольно широкий каньон, и это было... да-а-а... настоящее Море!..

Слово «Море» здесь произносили так, как произносят слова с большой буквы, и в принципе он был готов увидеть нечто не совсем обыкновенное, но такого ненормально чрезмерного, невероятного обилия воды просто не мог ожидать... Минуту стоял неподвижно. Водил глазами, пытаясь хоть как-то представить себе, когда и каким образом успели здесь вообще столько наворотить. И сам Аркад, и это неправдоподобное Море... Он стоял ближе к левому берегу, который стеной вертикальных и очень высоких утесов подпирал плосковатое небо неестественно ровного лазурного цвета, и отсюда отлично был виден противоположный берег с полосами пляжей, обрамленных кривыми, но живописными соснами. Скалы там были тоже высокие, однако от пляжных полос и линии сосен их отделяла цепочка уступов, накрытых шапками зелени. Гигантский водоем тянулся километра на три, и далеко впереди, где этот каньон, очевидно, пересекался с другим ущельем подобного типа, угадывалось продолжение водной поверхности. Он не мог поверить глазам и сначала подумал, что пространство в три километра всего лишь искусно сработанный иллюзион. Но когда он услышал над головой крик чайки и еще заметил вдали, в воротах каньона, белую стаю, понял, что все это, кроме уменьшенной копии солнца и равномерно лазурного неба, сущая правда... На мелководных участках были видны лохматые пятна водорослей; пахло сосновой смолой, разогретым песком и приторно-йодистой гнилью, характерной для запаха побережий южных морей. Из ворот каньона вылетел глиссер и, оставляя за собой дугу стеклянно-глянцевого следа, повернул зачем-то к утесам левого берега. Он перевел взгляд с глиссера на правый берег и увидел, что один из дальних пляжей заполнен полуголыми людьми. Люди

прыгали, суетились, махали руками, как дети. Вероятно, это в самом деле были дети. На остальных пляжах людей было мало. Водная гладь вдруг подернулась рябью, заиграла бликами. Он ощутил воздушные толчки, словно порывы легкого ветра, повернулся и пошел обратной дорогой. Чайки и глиссер его доконали. Рабочего настроения не было, он испытывал к Меркурию неприязнь. Все здесь выглядело насмешкой над героическим аскетизмом Дальнего Внеземелья... Есть ложь, нехорошо похожая на правду. Аркад был правдой, нехорошо похожей на ложь.

Он брел по городу, ничего не замечая вокруг, пока не наткнулся на пузырь кабинки видеотектора. Потребовал связь с начальником штаба отряда Ричардом Бэчелором. Попросили обождать пять минут. Прошло десять, прежде чем на экране возникла боксерская физиономия Бэчелора.

— Ну как ты? — спросил Дик, сощурив глаза.

— Никак. Я сыт по горло вашим Аркадом.

— Вашим!.. Хитер, старый бродяга. Ладно, привыкнешь. Первые дни мне тоже было не по себе.— Глаза Дика добродушно щурились, и это был скверный признак.

— Ты мне лучше скажи, решен ли вопрос о моем назначении. Если да, то в какую группу отряда, конкретно?

— А в какую тебе самому бы хотелось?

— Дик, не крути. Я всегда уважал в тебе дипломата, но...

— Ты назначен в экспертную группу штаба.

— За какие грехи?

— В опергруппы отряда я тебя все равно не пущу,— твердо сказал Бэчелор,— пока не освоишься в местных условиях.

— Кто начальник экспертной группы?

— Евгений Гаранин. Завтра с утра найдешь его и представишься по уставу.

— Я сделаю это сегодня.

— Можно сегодня. Допустим. Но какая в этом необходимость?

— Мне нужно на Плоскогорье Огненных змей.

— Да? А что ты знаешь о Плоскогорье?

— Ничего. Но я не хочу быть штабной крысой.

— По-твоему, я штабная крыса?

— Ты штабной ягуар.

— Плоскогорьем сейчас занимается группа «Мангуст».

— Вот и... Хотя бы взглянуть, чем она занимается.

— Взглянуть...— медленно повторил Бэчелор.— Операция группы «Мангуст» носит характер экспериментальной разведки. Разведка не наша. Да и группа, в сущности, не наша, техники там командуют. Я вынужден был отправить в чужую группу десяток наших ребят, и сердце теперь у меня не на месте. Ладно, Дэв, прогулку на Плоскогорье тебе я устрою. Будешь там в качестве наблюдателя от экспертной группы штаба отряда. Но с одним условием...

— Дик, ты собираешься меня пугать?

— Видишь ли, Дэвид... мне самому не нравится эта ночная возня с Плоскогорьем... Район тяжелый, пакостный. Пугать тебя я, конечно, не собираюсь, но и ты не суйся там куда не надо, пока не поймешь, что к чему.

— Ясно. Уточнить задание я должен у Гаранина?

— Ну что задание... Ходи, наблюдай, а главное — вживайся в обстановку. К серьезной работе группа «Мангуст», похоже, не очень-то подготовлена.

— Кто планировал операцию?

— Да не в этом дело. Группа не располагает нужным оборудованием, а на одном энтузиазме... сам понимаешь. Операцию откладывали до прихода «России» — надеялись, Земля подошлет заказанную технику, но...— Бэчелор многозначительно развел руками.— Теперь откладывать не хотят. Рудники под угрозой, и надо действительно что-то предпринимать. Подручными средствами... За людей страшновато. Я с техников шкуру спущу, если они там угробят хоть одного нашего парня... Честно говоря, я даже рад, что тебе загорелось на Плоскогорье. Им на пользу будет почувствовать глаз представителя штаба.— Дик посмотрел на часы.

— Торопишься?

— Да. И тебе не следует прохлаждаться. Катер на Плоскогорье отойдет через час с небольшим, сектор МК-22, спецперрон, патерна девятая. Пропуск я перешлю прямо вахтеру. Вопросы?

— Гаранин не обидится, что мы с тобой вот так... ну... как бы через голову моего начальства?

— А, совесть заговорила! — Дик ухмыльнулся.— Думаю, нет. Некогда ему обижаться. Готовит шестерых ребят в Коронарную область. По трое на рейдер. Людей в отряде не хватает, а мы расширяем профиль работ... Были мы «планетчиками», были мы «пространственниками», скоро будем и «солнечниками». Завтра стар-

туют — вздохну посвободнее... Чего это ты на меня уставился?

— Я не знал, что в Корону уходят два рейдера.

— Два,— подтвердил Бэчелор.— «Иван Ефремов» и «Артур Кларк». По глазам вижу, захотелось тебе в Корону...

— Нет.

— Да ну, признавайся уж... Тут половине отряда все время чего-нибудь хочется. Одним хочется в Дальнее Внеземелье, другие мечтают о Венере, третьих тянет на Марс. И ведь почти никого из них не удержишь. Даже здесь, на Меркурии и около, потихоньку расползаются. Кто в Корону подался, кто — в хозяйство Шубина за учеными степенями... Лучший спец по флаинг-технике отряда Валерий Алексеенко ушел на «Зенит». Соблазнил-таки его Калантаров идеями «межзвездных перелетов», и теперь он у них на «Зените» вроде мартышки для опытов. Жаль парня.

— «Зенит» — это серьезнее, чем нам с тобой кажется. Это пахнет технической революцией, Дик.

— Возможно. Но то, что личный состав отряда «Меркьюри рэйнджерс» за полгода подтаял на шестьдесят человек, тоже кое-чем пахнет.

— У тебя порядка тысячи отборнейших парней — самый крупный отряд Внеземелья. Даже Венеру ты обскакал. Начальник отряда «Утренняя звезда» мне намекал, что тебе иногда удается не вполне законным путем заграбастывать до половины годового выпуска десантных школ. Иннокентий Калугин зря говорить не будет, я ему верю. Ты всегда был слегка скуповат и откровенно прижимист.

— Да? — Бэчелор, похоже, обиделся.— А Калугин не намекал, каким путем ему наконец удалось отобрать у меня двух оберонцев — Кизимова, Йонге? На первом же заседании в УОКСе лягу костьми, но я их верну... А кого УОКС присылает взамен? Желторотых птенцов, которым все тут в диковинку. Ведь он, желторотый, очертя голову лезет куда не нужно. Сам посуди, сколько с ним наработаешь, если его то и дело надо придерживать, чтобы он в отпуск живым улетел, папку с мамкой порадовал.

— Вот за это я тебя, старый скряга, люблю.

— Что мне до твоей любви, если практически не с кем работать. Вся надежда на ветеранов. А где их брать? Двоих потерял, тебя одного получил. Одного!

Правда, один ты стоишь десятерых, но, согласись, для меня это слабое утешение на общем фоне.

— Болтаешь много. И глаза у тебя красные, точно у поросенка. Ты когда последний раз нормально спал?

— Верно.— Бэчелор провел рукой по глазам.— Меньше спишь — больше болтаешь, за мной это водится. Впрочем, ты не груби мне, букварь. Хотя мы с тобой и одну школу заканчивали, но все-таки я был на целый курс старше.

— Да, извини. Тем более что ты теперь старше на целый курс Академии.

— Не остри. С Плоскогорья вернешься — зайдем куда-нибудь, поговорим.

— В «Бамбук». Закажем кофе в золотых кастрюлях, и будешь ты меня выворачивать наизнанку, расспрашивая про то, как погиб Николай Асеев.

— Я знаю, как он погиб... А почему в «Бамбук»?

— Я там обедал. Кстати, ты знал Мстислава Бакулина?

— Лично — нет. Гаранин хорошо его знал. Ведь оба они алеуты — из Юконской школы. И кажется, даже сокурсники... Ну пообедал ты в «Бамбуке», и что же?..

— Ничего. Захотелось поужинать на Плоскогорье.

— Гм... Надо будет использовать странные свойства этого ресторана в делах перестановки кадров десантных формирований. Ну... будь здоров, дел у меня выше горла. До встречи, эксперт. Салют!

— Пропуск выписать мне не забудь, академик. Салют!..

В указанном секторе порта десантных флаинг-машин он предъявил свое удостоверение, и хмурый вахтер с подозрительным взглядом молча открыл перед ним турникет. На бедре у вахтера болталась открытая желтая кобура, из которой выглядывал паллер. Кобура была видна издалека и вместе с блестящими перекладинами турникета внушала чувство абстрактного уважения. Нельзя уважать турникет или паллер отдельно, но в комплексе эти предметы о чем-то весьма выразительно говорят. Неясно, правда, о чем. До отхода катера он успел покопаться на складе и подобрать для себя удобный скафандр полужесткого типа. Удобству экипировки он всегда придавал большое значение. Даже слишком большое, но это не было проявлением своеобразного сибаритства. Это — чтобы не думать во время работы о пустяках. Если придется работать. Почему-то он был

уверен, что работать сегодня ему не придется, однако по опыту знал, что лагерь любой опергруппы не то место, где такого рода уверенность чего-нибудь стоит... Десантников в катере он не увидел. Кроме него, были два пассажира: бородатый неразговорчивый геофизик и очень подвижный и страшно болтливый связист.

Благодаря общительности связиста он без малейших со своей стороны усилий узнал за время полета историю Плоскогорья. Во всех ее мрачных деталях. Историю героизма, наивности, суровой необходимости и довольно нелепых в конечном итоге смертей. Ничего принципиально нового. Десятки подобных историй лежали в основе его каждодневной работы... А Плоскогорье само по себе мало его волновало. Ему захотелось выбраться из Аркада, и он это сделал. Куда — не имело значения. Он об этом не думал. Он просто летел, и свист моторов десантного катера доставлял ему удовольствие. Хоть два Плоскогорья. Какая разница. Хоть тысяча Плоскогорий, Нагорий, Предгорий. Внеземелье многообразно и многолико. И каждый лик Внеземелья в принципе заслуживает лишь одного: безграничного недоверия. Вот и все. Остальное — нюансы. Восторги, трепет, благоговение, страх со временем выпадают в осадок. Люди его профессии достаточно быстро трезвеют в объятиях Внеземелья...

Пять лет миновало с тех пор. Отставка. Земля. Изуродованный организм и ненужные воспоминания. Теперь Внеземелье он видит разве что в небе Копсфорта, но первый свой день на Меркурии помнит до мельчайших подробностей. Он мог бы с точностью до минуты восстановить и мысленно снова прожить тот день, если бы это зачем-то потребовалось. Но как раз этого он не хотел. Он с этим боролся, отчаянно и безуспешно, с того самого дня, как вернулся домой. Ноги коснулись земли, а голова еще там... и ржавчина мучительных воспоминаний разъедает нервы и мозг. Не говоря уже об ощущениях собственного уродства. Он очень устал от всего этого... Он не хотел вспоминать ни тот первый свой день на Меркурии, ни какие-либо другие дни, связанные с Внеземельем. Он постоянно старался сосредоточиться на чем-нибудь постороннем, но старания были безрезультатными, как если бы он пожелал запретить себе думать или дышать. Куски Внеземелья застряли где-то у него внутри, в прямом и в переносном смысле этого выражения, и огромная толпа, казалось

бы, полуугасших, полустертых образов удаленных во времени звуков, людей и событий вдруг оживала, накрывая его с головой, как приливная волна...

Он лежал на спине, зажмурив глаза (чтобы не видеть ночного неба над Копсфортом), и внезапно почувствовал, что начинает проваливаться в какую-то вязкую белую мглу. Он сделал рывок, словно хотел ухватиться за то, на чем он лежал, но... видимо, это была только мысль о рывке. Мышцы свело напряжением, белая мгла сомкнулась над головой. Он понял, что момент упущен и теперь ему обеспечено несколько странных минут...

2. Лошадиные сны и контрасты, контрасты...

Странными были эти минуты. Снилось белое небо... Словно в молочном море бушевали в нем глянцево-белые волны с перламутровым кружевом пены на гребнях. И снилось иссиня-черное солнце. В зените.

Черное солнце стояло над пропастью. В пропасть каскадом сбегали террасы. На склонах террас — крутые ступени, льдисто блестевшие то ли стеклом, то ли действительно льдом. Неодолимый, тревожный соблазн пробежаться по этим ступеням... А за спиной, как обычно в такие минуты, плавал Затейник и, разжигая соблазн, подстрекал: «Ну, чего там?! Вперед!..»

Появлялся Затейник непременно в сопровождении светового эффекта: где-то сбоку вспыхивал вертикально удлиненный отблеск и, мелькнув солнечным зайчиком, исчезал. Боковым зрением отблеск почти всегда удавалось поймать. Затейника — никогда. Однако воображение уверенно рисовало висящий в воздухе сгусток зеркальной субстанции, напоминающей ртуть. Оборачиваться бесполезно — все равно не увидишь. Но Затейник был за спиной: от него исходило ясное ощущение ртутно-подвижной тяжести.

Ну? Чего там?! Вперед!..

И начинался стремительный спуск по скользким ступеням. Безрассудный, безудержный бег... Подобные сны видят, наверное, молодые горные лошади. Полускачка, полуполет. Ветер в лицо. Дух захватывало, сердце бешено колотилось. Но страха не было. Ничего такого не было, кроме вскипающей злости. И надежды, что пытка движением скоро закончится...

Сумасшедший бег давно стал привычным сюжетом коротких, но утомительных снов. Вернее сказать, полуснов, где явственно все осязаешь и довольно отчетливо мыслишь. А иногда даже мечтаешь о честном, настоящем сне. О нормальном, естественном сне, который, увы, приходил раз в трое-четверо суток, но зато был глубок и неосязаем, как смерть.

Нортон очнулся. Минуту лежал, не открывая глаз, ощущая голой спиной и затылком твердую плоскость, жадно вдыхал ночную прохладу. Грудь часто вздымалась. Голову до предела наполнил многозвучный звон, сердце продолжало бешено стучать. В белом небе ходили белые волны. В зените стояла апокалипсическая луна. Иссиня-черный кругляк ее был слегка на ущербе. Нортон поднял прозрачные, будто стеклянные, веки. Ничего не изменилось. Тот же дурацкий белый пейзаж — будь он проклят,— тот же черный кругляк — будь он проклят четырежды! Но тысячу раз будь проклято все Внеземелье!!!

Скрежетнув зубами, он рывком перевернул себя на живот. В глазах мгновенно (как это бывает в калейдоскопе) сложился яркий узор: разноцветье лохматых пятен, полос и кругов. Плотный ком застрявшего в ушах звонкого шума вдруг лопнул и расплескался какофоническим половодьем музыки и голосов. Глухо мыча, обхватив руками голову, Нортон перекатывался с боку на бок; мозг резонировал, отзываясь на работу едва ли не всех телецентров, радиостанций и радиомаяков континента!..

В конце концов он снова лег на живот и застыл. По опыту знал: ничто не поможет, пока не заставишь себя успокоиться. Он успокоился. Теперь надо сделать усилие и выбрать из этой сумятицы звуков и образов что-то одно — легче будет отбросить все остальное. Он выбрал торжественный хор под рокот органа. Он настолько уже изучил местный эфир, что мог почти безошибочно определить, откуда исходит трансляция. Выбор был неудачен — волна органно-хорового концерта шла со стороны Солт-Лейк-Сити, волна мощная, избавиться от нее всегда бывает трудно... Однако сегодня ему удалось подавить сверхчувствительный мозговой резонанс неожиданно быстро.

Нортон привстал на руках. Огляделся. Была изумительно светлая ночь. Вернее, был поздний вечер — до полуночи оставалось часа полтора. Очень ярко, совершенно нормально светила луна, нормально квакали в разноголосицу лягушки, и где-то в садовых зарослях ухала

ночная птица. Он лежал на краю самой верхней площадки трамплина. Внизу, в спокойной воде бассейна, сияла вторая луна... Постороннему глазу, пожалуй, могло показаться, будто какой-то чудак в пестрых плавках принимает лунные ванны. Купальный халат, вероятно, свалился в бассейн. Счастье, что постороннего глаза не было... Нортон сел, свесив ноги с трамплина. Страшно хотелось прыгнуть. Он посмотрел на увитую стеблями ипомеи террасу дома и от прыжка воздержался.

Мышцы требовали силовой нагрузки, движения. Эта мучительная, ненасытная потребность не давала покоя ни ночью ни днем. Ночью особенно. Соскользнув с площадки, он задержал падение рукой и повис, покачиваясь, как обезьяна. Перебирая руками ажурные переплеты выгнутой стойки трамплина, проворно спустился к земле. Спрыгнул и побежал, хотя бежать здесь было неудобно — ноги вязли в песке. Бег по песку не доставлял удовольствия, и Нортон перескочил на низкий парапет, который вровень с пляжным песком тянулся вдоль длинной стороны бассейна. Прямой как стрела парапет привел его к полузатопленному полукругу ступеней схода к воде. В акробатическом прыжке перевернувшись на руки, он так, на руках, и сошел по мраморным ступеням в воду, и она неслышно сомкнулась над ним.

Он покружил у самого дна. Дно чуть светлело; в сумеречно-серой толще воды медлительно, сонно колыхались тончайшие занавеси дымчатого сияния. Поверхность, залитая лунным серебром, приятно лоснилась над головой глянцевым блеском... Нортон трижды пересек бассейн из конца в конец под водой и ни разу не всплыл на поверхность. Ненормально, конечно. Особенно если учесть размеры бассейна: семьдесят метров на тридцать. Бетонированного корыта более крупных размеров в Копсфорте, пожалуй, и не найти...

Каким образом вообще удавалось ему ненормально долго бывать под водой, Нортон не понимал. Удавалось, и все тут. Правда, потребность в дыхании на глубине ощущалась, но эта потребность скорее всего была рефлекторной — без вреда для себя он довольно легко ее подавлял. Странная способность обходиться подолгу без воздуха была одной из тех немногих его «ненормальностей», против которых он ничего не имел и которые даже был склонен использовать. Бывало (вот как сегодня), истерзанный «калейдоскопной игрой» зрения, слуха и обоняния, измученный полуснами, он спрыгивал в воду, опускался на дно

и лежал, наслаждаясь подводным покоем. Удушье он начинал ощущать минут через сорок. Если двигался — через двадцать — пятнадцать. Когда он впервые заметил эту свою «ненормальность», подумал, помнится, с мимолетным не то интересом, не то омерзением: «И утопиться-то по-человечески, видно, теперь не сумеешь!..»

Он испытывал неодолимую тягу к воде, и его ночные купания тревожили Сильвию. Раньше он не стеснялся ночами шумно резвиться в бассейне: надо было себя утомить, насытить движением. То же самое делал он и теперь, но делал тихо и скрытно, глубоко под водой. Иначе Сильвия просыпалась, выходила из дому, обеспокоенно слушала всплески, доносившиеся из темноты. И кто знает, о чем она думала... В конце концов он улавливал «запах» ее тревоги и спешил покинуть бассейн. Словно был виноват перед ней. В чем? В том, что этот жалкий бассейн — одна из немногих радостей его мучительно-пестрого бытия?.. Нет, дело, конечно, не в этом. Он знал в чем. И знал превосходно. Увы, сквозь маску бывшего обыкновенного парня Дэвида Нортона проступало обличье монстра... Но (свидетель великое Внеземелье!) разве он виноват? Разве он ви-но-ват?!

Нортон слепо, яростно греб под водой. Он слишком медленно уставал, хотя вкладывал в ярость движений всю энергию мускулов. Он ненавидел неистощимую силу собственных мышц и дорого дал бы за возврат утраченной способности нормально уставать!.. Едва не врезавшись с ходу в бетонную стенку, он повернул и вознамерился было снова пройтись вдоль бассейна. Но вдруг ощутил, что это ему надоело. Выдохнул воздух, спиной опустился на дно и, раскинув в стороны руки, замер в объятиях водяной невесомости. Словно в водяном гробу. Заживо. В очень просторном гробу — семьдесят метров на тридцать. Вместо крышки — дремотный блеск лунного серебра... Нет, он проявил малодушие только в одном: не решился уйти. Уйти, удалиться, чтобы избавить Сильвию от своего злосчастного присутствия. Это был бы самый правильный и самый честный выход, но это было выше его человеческих сил. Или нечеловеческих?.. Как бы там ни было, он не мог без нее...

Вода полыхнула пронзительно-синим огнем, плеснула в уши болезненно-острым визгом. Нортон инстинктивно сжался, зажмурил глаза, подождал. Синяя вспышка и визг повторились. Он, точно ошпаренный, вынырнул и, разогнавшись сильными гребками, с маху выбросился грудью

на бетонную полосу парапета. Он мог бы, пожалуй, побить все мировые рекорды по плаванию. Да и не только по плаванию, и без скидок на возраст. Супермен, черт побери! При всем при том заурядная летучая мышь в состоянии выгнать его из воды.

Сидя на краю бассейна, он с опаской и злостью следил, как в надводном пространстве суетливо и на первый взгляд беспорядочно мечутся перепончатокрылые летуны,— кажется, их называют ночницами-рыболовами. То падая к самой воде, то разочарованно взмывая в лунное небо, рыбоядные зверьки напрасно шарили в бассейне чуткими лучиками эхолокаторов. Корма не было, и зверьки один за другим улетали. Стиснув зубы, он ждал, когда они наконец уберутся. Несколько раз его задевали буквально бьющие наотмашь лучи ультразвука. Он вздрагивал, ежился от пронзительной синевы и острого визга — жалкий, могучий, болезненно-раздраженный сверхчеловечек. Супермен, временами готовый заплакать — если б умел! — от отчаяния и жалости к самому себе...

Да, итоги были, мягко говоря, плачевными. Мир изменился, перестал быть родным. В том смысле, что он перестал быть привычно удобным. Как вывернутые наизнанку ботинки, если бы их удалось таким образом вывернуть. Впрочем, вздор. Какие могут быть претензии к миру людей у того, кто сам нечеловечески изменился?..

Минуту он сидел неподвижно, ссутулясь. И неподвижность успокоила его. Вспомнил: сегодня истекает год с тех пор, как он вернулся домой. Что ж... многие вернулись по-другому — в запаянных наглухо специально прозрачных гробах. Или в специально непрозрачных — смотря по тому, что сделало с человеком Его Сиятельство Внеземелье. Или совсем не вернулись. Ему, Дэвиду Нортону, повезло. Если везением можно считать теперешнюю жизнь с двойным, будто у злодея, дном. На возвращение домой это мало было похоже.

Вдоль позвоночника пробежал зуд, и Нортон почувствовал тяжесть в висках и затылке. Остался в общем спокоен — знал, что за этим последует. Обвел глазами пухлую стену зелени на противоположном берегу бассейна: кроны деревьев, кусты начинали светиться и стекленеть. Странное величественно-бредовое зрелище: похоже на антикварную выставку люстр немыслимых габаритов. Зеленовато-сизое свечение листвы таинственно не отражалось на воде. Поверхность воды отражала — отражала ли? — нечто другое: где вдоль бассейна, где поперек,

участками, скользили отрезки фосфорически-белых полос, создавая иллюзию... паркетной, что ли, текстуры всего водяного прямоугольника.

В небе тоже происходило что-то неладное, и напрасно Нортон старался туда не смотреть (он много раз это видел, но приучить себя с равнодушием относиться к причудам небесной метаморфозы до сих пор не умел). Атмосферный купол светлел, наполняясь переливчато-опаловым сиянием. Довольно красиво, однако небу родимой планеты абсолютно не свойственно... Картина быстро менялась: в глубинах воздушного океана вспухали гигантские призрачно-радужные пузыри и, деформируясь в созданной ими же тесноте, с каким-то хищным азартом безудержно расширялись, проникая друг в друга, словно каждый из них был обладателем неоспоримого права на господство в пространстве. Радужный шквал стремительно приближался, и в тот самый миг, когда цветное небо готово было рухнуть на землю, Нортон невольно втянул голову в плечи. Каждый раз он презирал себя за это, но каждый раз делал то же самое, не в силах справиться с ошеломлением, потому что буйство немыслимо ярких красок вдруг обрушивалось на него как удар шквального ветра. В этот момент он чувствовал себя в центре беззвучного взрыва, и опасность задохнуться или ослепнуть в красочном вихре обезумевшей стихии казалась ему реальной. Чтобы вырваться из радужного урагана, нужно было подавить в себе ощущение вихревого движения усилием воли — очень своеобразным усилием, но уже хорошо отработанным практикой. Он так и сделал.

Небо угасло. На темной земле все еще оставались невесомые розовые купола, а в глазах плыли черные и зеленые пятна. Но это был финал, и Нортон облегченно перевел дыхание. Несколько секунд спустя в окружающий мир вернулось ночное спокойствие. В воде спокойно блестела луна; кусты и деревья, утратив прозрачность, мирно дремали... Было время, такие контрасты его потрясали. Теперь привык.

Разумеется, он сознавал, что его организм обладает странной способностью воспринимать кое-какие детали окружающего мира полнее и глубже, чем это доступно нормальным людям. Откуда свалилась ему на голову эта «способность», он не знал, однако она была для него отвратительна, как отвратителен для совершенно здорового человека бредовой мир сумасшедшего, он противился ей как умел и даже побаивался особо эффектных ее проявле-

ний, которых не понимал. Мелочи, правда, он терпеливо сносил, хотя и они временами сильно ему досаждали,— будь то радужный шквал радиоволн, болезненно-острый укол ультразвука или мертвенно-синее, как чувственный образ тоски, мерцание кабелей электросистем. Невозможно свободно и просто ощущать себя дома, если, взяв в руки яблоко, видишь в нем (не глазами, а черт знает чем!) золотистый ход червоточины. Если бывают моменты, когда голова твоего вислоухого пса вдруг обрастет язычками сияния, нелепо и жутковато похожего на корону, и если магнитные бури (до которых тебе и дела-то нет никакого!) вызывают в твоей собственной голове такой кавардак, будто ты опрокинул в себя флягу бренди. Или, скажем, если в апреле по вообще непонятным причинам тебя начинает преследовать неестественная желтая окраска ландшафтов, а в мае доводят до бешенства мигрени перед грозой... Впрочем, «мигрень» здорово помогла в те первые двадцать четыре часа на Меркурии. Плоскогорье Огненных змей... Верно Дик тогда говорил, район был действительно очень тяжелый и пакостный. Гиблое место. Дурную славу этому месту создала в основном разведэкспедиция первооткрывателей Плоскогорья...

3. Плоскогорье Огненных змей

За одну меркурианскую ночь Плоскогорье убило четверых меркуриологов и уничтожило два катера-шаролета. Погибла практически вся экспедиция. По обугленным трупам определили: убийца — высоковольтный разряд. Водитель третьего шаролета красочно описал момент катастрофы: стоило впереди идущей машине снизиться до критического в тех местах уровня — и «навстречу катеру из какой-то ямы выскочил огненно-голубой головастик, похожий на кобру в прыжке!..». Потом водитель долго ничего не видел, потому что был ослеплен вспышкой близкого взрыва, и едва сумел дотянуть до лагеря на своем утыканном осколками аппарате. То, что осталось от экспедиции, срочно эвакуировали, разведку временно прекратили — в длиннющую меркурианскую ночь было много других неотложных дел. Конечно, в длиннющий и адски горячий день забот было не меньше, но разведгруппу на Плоскогорье все-таки отрядили. Разведчики облазили множество ям и ничего подозрительного не обнаружили; даже бурение с отбором керновых проб сути зловещих событий не прояснило. А ночью снова трагедия: пытаясь выяснить,

почему перестала работать смонтированная разведгруппой линия геофизических датчиков, погиб еще один шаролет. С этим решили покончить и опасную территорию попросту объявили «зоной ночной недоступности», запретив до лучших времен всякую самодеятельность в этом районе. Решение администрации хотя и вызвало ропот разведчиков-энтузиастов, но было абсолютно правильным. Рисковать людьми и техникой без особой на то необходимости — преступно, а на фоне главных задач промышленно-металлургического центра Меркурия — преступно вдвойне. Тем более что королевство Огненных змей никому, кроме искателей-первопроходцев, пока не мешало.

Шли годы, менялась администрация — запрет оставался, и постепенно привыкли к нему, как привыкали на этой планете к десяткам запретов иных — рук не хватало объять необъятное. И кто знает, когда наступили бы «лучшие времена», если бы не обнаружились доминионы проклятого королевства (еще два опасных в ночную пору участка) и если бы к одному из них близко не примыкал богатый иридием рудник «Нежданный», которому надо было работать и ночью и днем. Временное перемирие с Огненными змеями, к радости энтузиастов и неудовольствию трезвых практиков, закончилось. Отложив текущие дела, энтузиасты бойко организовали группу технического содействия «Мангуст», усиленную ребятами из «Меркьюри рэйнджерс», и подготовили ночную штурм-операцию под названием «Конкиста». Но очень скоро «мангустадорам» пришлось убедиться, что наскоком змеиную крепость не взять: эффектная гибель хорошо оснащенного, как им представлялось, десантного вездехода (к счастью, безэкипажного) послужила сигналом к отбою. Отступив, стали думать, как быть. Штурм электрических площадей в сотни квадратных километров требовал опыта и соответствующего оборудования. Ни того, ни другого не было. Ведь никому и в голову прийти не могло, что на Меркурии доведется вступить в серьезную схватку с природным электроразрядником такой чудовищной энергоемкости и вдобавок неясного принципа действия,— геофизики лишь пожимали плечами. Тогда мудрецы из «Мангуста» решили испробовать в деле дистанционно управляемый тягач-вездеход, оснастив его «надежным заземлением», а попросту говоря, волочащимися сзади связками цепей и металлических тросов, настолько длинными, насколько это было под силу мощной машине. То самое, что Дик Бэчелор называл «подручными средствами». Н-да...

В штурмовой лагерь катер прибыл за два часа до назначенного срока операции. В районе лагеря царила глухая меркурианская ночь. Да и сам район, по словам общительного связиста-попутчика, был «глухоманью на отшибе». Этому можно было поверить. За время полета от полуденного Аркада до «вечерней границы» связист то и дело показывал ему, новичку, местные ориентиры, но лишь единственный раз они видели с высоты довольно крупную базу и уже знакомые по Аркаду участки «шахматных полей» — гелиоэнергетическую сеть рудничного комплекса «Менделеев». И после, когда машина прошла над изрезанной кинжальными тенями зоной терминатора, прошмыгнув очень красивую зону «розового луча» (прощальный привет хромосферы уходящего Солнца), и нырнула в глубокую, как океан, планетарную темноту, он не без подсказки того же связиста заприметил промелькнувшие на правом траверзе далекие огни опорной базы каких-то разведэкспедиций, а потом они шли над ночным полушарием еще три тысячи километров, и ничего, кроме двух вулканических факелов, редких вспышек проблесковых маяков прямо по курсу и неподвижных звезд наверху, он не видел...

Лагерь ему понравился. Везде и во всем здесь ощущался порядок. Но когда был дан сигнал к началу операции и он увидел, как оборудован штурмовой тягач-вездеход, у него возникло сомнение... Люди едко перешучивались, скрывая тревогу, и лишь руководитель группы Джобер был полон загадочного оптимизма.

Затея, как показалось на первых порах, себя оправдала; механический мамонт, уволакивая свой невероятный шлейф, тяжело вылез на Плоскогорье и с упорством железного идиота стал ломиться сквозь кучи камней и клубы поднятой пыли, и жгуты ослепительно синих разрядов и фейерверочные россыпи искр и дымные столбы света направленных сверху прожекторов эскадрильи специально для этого случая роскошно иллюминированных катеров. Вслед за ним, осмелев, поползла самоходная установка с какой-то аппаратурой; экипаж — водитель и оператор. Водителем самоходки был Аймо Зотто по прозвищу Канарейка — любимец отряда «Меркьюри рэйнджерс», самый веселый десантник из всех десантников-весельчаков, каких только можно припомнить,— и его убила шаровая молния... Не хочется вспоминать, до чего он был скрюченный, страшный, этот Аймо, когда его принесли в бункер и неизвестно зачем уложили на стол

походной операционной. Такого рода внезапности всегда болезненно бьют по нервам. И особенно сильно, если ты в непонятном для самого себя качестве представителя штаба с головой ныряешь в горячий котел незнакомой тебе обстановки едва ли не прямо с трапа доставившего тебя в этот ад межпланетного корабля и сперва, пытаясь сосредоточиться на изучении орбитальных снимков и карт проклятого Плоскогорья, слушаешь через полуоткрытую дверь звон гитары, смех и песни Аймо, а потом помогаешь вытаскивать из скафандра его неподвижное тело, и какой-то дурак самодовольно-траурным баритоном тебе говорит: «Вот так, Нортон, мы здесь и живем, здесь тебе не Юпитер, и ты, должно быть, у нас не задержишься...» — а те, кто умнее, сжав челюсти, не говорят ничего, и это еще хуже... Да, он сразу невзлюбил Меркурий. Однако, насколько Меркурий был для него предпочтительнее Юпитера, знал об этом он один и ни перед кем не собирался отчитываться.

Он не мог найти себе места, пока не уснули ошеломленные несчастьем люди; потребности спать он не испытывал и, не зная, куда себя деть, молча сидел в скафандровом отсеке рядом с дежурным, который, как все, был чрезвычайно подавлен случившимся и почти с испугом поглядывал голубыми, как земное небо, глазами то на гитару Аймо, то на безмолвного представителя штаба. Гитара Аймо стояла кверху грифом в нише, где должен был висеть скафандр. Дежурный был молод и полушепотом объяснил, что Аймо не расставался с гитарой до самого входа в шлюз и всегда оставлял ее здесь, чтобы сразу взять в руки, как только вытаскивал их из скафандра. Он не ответил. Дежурный, верно задетый его равнодушием, тоже умолк. Но это не было равнодушием. Просто он не привык обсуждать очевидные вещи. И кроме того, хотелось хоть на минуту забыть веселого человека Аймо Канарейку, его коричневое лицо, смеющийся рот, коричневые руки с розовыми ладонями. Недавняя веселость Аймо выглядела неуместно, как улыбка на губах убитого хищником гладиатора. Он очень надеялся, что не Аймо предлагал сегодня Людмиле Бакулиной руку и сердце... Да, в наш респектабельный век все это напоминает бои гладиаторов. С той только разницей, что, когда впереди падает твой товарищ, ты испытываешь стыд от того, что позволил упасть ему вместо тебя. Вот ведь в чем штука...

Он встал, подошел к стеллажам, где находилось десантное снаряжение, выбрал рейд-рюкзак средних разме-

ров. Проверил работу выводного клапана: в подставленную ладонь выпало несколько тонких пластмассовых дисков — рейд-вешек. Диски вспыхнули пурпурно-красным огнем. Он вообразил себе светящуюся цепочку «кровавых следов», которая будет тянуться за ним — далеко ли? — в опасную зону, помрачнел, но, отгоняя тревогу, подумал, прикинув на глаз объем рюкзака: километров на двадцать этого хватит. Потом он невольно продемонстрировал дежурному, с каким проворством можно упаковаться в скафандр, не пользуясь посторонней помощью,— навык, выработанный практикой в условиях невесомости.

Трудно сказать, на что он надеялся. На болевые спазмы в висках, возникавшие, как он не раз убеждался, когда ему доводилось бывать поблизости от высоковольтных источников напряжения? На интуицию, которой в последнее время стал доверять больше, чем показаниям точной аппаратуры? Аппаратура пока не сумела обезопасить людей на дьявольском Плоскогорье... Ошарашенный его приготовлениями дежурный спросил: «А... как же насчет разрешения командира?» Он тщательно укрепил рейд-рюкзак на спине, соединил кабель от клапана с коммутационной системой скафандра, ответил: «Нет нужды в таком разрешении. Я представитель экспертной группы штаба отряда, и мои действия командиру группы «Мангуст» неподконтрольны. Других вопросов нет?» Других вопросов не было, но лицо у дежурного было очень расстроенное. Он попрощался с дежурным взмахом руки — по пути рука привычно захлопнула стекло гермошлема — и вышел в шлюзовой тамбур.

Дорогу, проложенную тягачом, следовало бы считать безопасной. По логике дела. Лично ведь наблюдал, как увешанное цепями чудовище, двигаясь напролом, гасило электроразряды, доказывая тем самым, что емкость задетых машиной грунтовых аккумуляторов не беспредельна. Но еще лучше он знал, что логика человеческих представлений далеко не всегда хорошо согласуется с логикой Внеземелья. Выйдя на эту дорогу, он выключил фару и подождал, пока его зрение приноровится к новым условиям.

Звезды струили на Плоскогорье невесомо-призрачный свет. Едва уловимо подсвечивал голые спины бугров белый фонарик Венеры, и кое-что перепадало от огромного, взметнувшегося над горизонтом жемчужно-лебединого крыла зодиакального сияния. На фоне «крыла» остро блестела звездочка ГСПС (главный спутник планетарной

связи). Нет, полночная темнота Плоскогорья для человеческих глаз была не такой уж и непроглядной. Он обернулся. На кончике шпиля видной отсюда верхушки лагерной мачты спокойно мигал огонек маяка. Но это уже не имело значения. Его внимание было сосредоточено только на том, что впереди. А впереди ничего успокоительного не было, и единственное, что он знал наверняка, продвигаясь вперед, так это то, что там погибло несколько человек. Он думал об этом без страха и сантиментов. Смерть других содержала в себе информацию, которую он хладнокровно, рационально был намерен использовать. О собственной гибели он не думал. Она была не менее вероятна, он всегда это чувствовал, но во время десанта никогда не думал о ней. Если случится непоправимое, его смерть рационально используют те, кто пойдет следом.

Первый сгусток огненной плазмы он встретил раньше, чем дошел до того места, где погиб Аймо. Меркурианская шаровая молния была похожа на светящийся апельсин, поверхность которого периодически искрилась голубоватыми блестками. Она парила сравнительно невысоко — не выше уровня его бедра. Минуту он внимательно разглядывал ее, на некотором удалении, с опаской, и ему показалось, будто бы у нее есть длинные, исчезающе тонкие жгутики и будто бы в такт появлению блесток она эти жгутики втягивает и выпускает, как парящая в воде медуза.

О повадках шаровых молний он мало что знал (и земных-то не видел, не говоря уж о меркурианских). Когда эта штука без всякой, казалось бы, на то причины вдруг шевельнулась и медленно поплыла, он попятился. Внезапно его охватила вспышка мрачного ожесточения. Плохо сознавая, что делает, он поднял камень... Тяжесть камня его отрезвила. Выронив камень, он обогнул «апельсин» и пошел дальше. Он был очень собой недоволен. Вспышка ожесточения была нелепой. Мало того, абсолютно непрофессиональной. За такие вещи ему доводилось отстранять от работы своих подчиненных. И теперь, встречая на пути светящиеся шарики, он разглядывал их с холодным вниманием и думал, что, если бы самоходка шла с погашенными фарами, Аймо наверняка остался бы жив... Один из крупных шаров наткнулся поблизости на обломок скалы. Взрыв был эффектный. Такого взрыва он не ожидал — его ослепило и обсыпало каменным крошевом. Да, шутки с плазменным сгустком энергии плохи...

Сквозь треск в наушниках шлемофона послышался голос: «Связь, Нортон, связь!» По начальственно-требовательным ноткам голоса он сразу определил, что это Джобер. «Нортон, немедленно возвращайтесь, или я вышлю катер!» Пришлось ответить успокоительно: «Все в порядке, Джобер. Слышимость великолепная». Взрыв негодования Джобера был равносилен взрыву шаровой молнии. Из всего, что пропустили через себя наушники, удалось лишь разобрать, что в полевых условиях командир группы не в состоянии обеспечить всех желающих операционными столами,— очень ценная информация. «Не дурите, Джобер. Катер мне помешает. Успокойтесь и просто поддерживайте со мной связь».— «Я не могу спокойно поддерживать связь с потусторонним миром!» — «Рекомендую вам это как эксперт».— «Мне нужны живые эксперты, Нортон!» — «В ваших силах помочь мне остаться в живых».— «Но как?!» — «Прекратить панику, не отвлекать меня пустой болтовней». Минутная пауза. «Нортон, учтите, я снимаю с себя ответственность за вашу безопасность».— «Учту, папаша...» — рассеянно ответил он, осторожно лавируя в поисках прохода между тремя плавающими шарами. Шары были голубого цвета и двигались чуть быстрее оранжевых.

«Джобер, полагаю, все, что я говорю, проходит на фонозапись, не так ли?» — «И даже то, что говорю я».— «Превосходно...» — «Вы что-то там нашли, Нортон?» — «Да. Я нашел, что ваша затея с тягачом никуда не годится».— «Где вы находитесь?» — «Недалеко от машины. Но пока несколько сзади ее. Иду вдоль «хвоста», спотыкаясь о цепи».— «Умоляю, не заходите вперед!» — «Именно это я и собираюсь сделать. Понимаете, Джобер, я встретил здесь уйму шаровых молний. Не меньше десятка. По цвету и по размерам шарики можно подразделить на два типа: оранжевые величиной с апельсин и голубые величиной с крупный грейпфрут. Видны хорошо и передвигаются в достаточной степени медленно, чтобы внимательный человек не мог их не заметить. Но вот что странно... Большинство шариков плавает невысоко над грунтом. В основном на уровне моего бедра. Реже — на уровне головы. И еще — почему-то им нравится плавать именно там, где прошел тягач. Я не заметил ни одного за боковыми пределами проторенной дороги и не вижу ни одного дальше носа машины. О чем это говорит, Джобер?» — «Да, о чем это говорит, Нортон? Вам оттуда виднее».— «О том, Джобер, что утюжить эти места тягачом вам

запрещается. *Стоит ли заменять одного убийцу другим, прыгающего летучим?*» — «Согласен. Но что же нам тогда разрешается? Быть на связи и, леденея от страха за вашу жизнь, уповать на то, что вам, быть может, удастся увидеть больше, чем вы увидели?» — «Ничего иного пока не могу предложить. Ожидайте, я вызову вас. А если не вызову... Во всяком случае, рейд-вешки укажут вам какой-то отрезок дороги, по которому безопасно пройдет самоходка с нужной для вашей группы аппаратурой. До связи».— «Нортон, честное слово, вы ненормальный!» Он не ответил. Работать в таких условиях хуже всего. Командир опергруппы ничего не смыслит в специфике десантной разведки, командир пустословит, командира приходится уговаривать.

Обойдя застывшую на лобастом бугре машину, обросшую, как голова Медузы Горгоны, хаотически торчащими во все стороны пучками прямых, изогнутых *и спирально закрученных молниеотводов, он глянул вдаль* и невольно остановился. Вид Плоскогорья его поразил. Королевство Огненных змей нежно и очень разнообразно светилось. Участками. Он затруднился бы передать словами то, что различали его глаза,— обращение к любым аналогиям было бы безрезультатным. Здесь, пожалуй, могла бы выручить только живопись неуверенных ассоциаций... «Пролетая над мрачной стеклянной планетой, Звездный лебедь случайно задел эту местность крылом, и на волнисто-стеклянную толщу грустного царства серых, сизых и черных теней в сомнамбулическом беспорядке просыпались перья-призраки и пушинки-фантомы...» Да, что-нибудь в этом роде... Минуту он простоял, размышляя, стоит ли будоражить начальство загадочным сообщением. Решил, что не стоит, и неторопливо *спустился* с бугра. Он не был уверен, что призраки Плоскогорья доступны глазам человека с нормальным зрением...

Он *продвигался вперед* чутко и осторожно, как зверь на охоте. Болевые сигнализаторы еще ни разу не проявили себя, и это его слегка беспокоило. Тем более что дно ложбины, в которую он спустился, было наклонным и вело куда-то все ниже и ниже. Ложбина вполне могла оказаться одной из тех ям, которых здесь так боялись. Ввел поправку — стал забирать левее. К продолговатым буграм. Левее и выше. Внезапно боль в голове заставила резко присесть. Он вскрикнул, судорожно изогнулся и, обхватив руками шлем (огромный пузырь, как ему показалось), скатился в ложбину.

Боль отпустила. В ушах бесновался голос Джобера — просил, требовал, умолял. «Какого дьявола вам от меня надо, Джобер?!» За время вдруг наступившей паузы он успел вскочить на ноги, осмотреться. Пылающая пурпуром цепочка ярких звезд шла вдоль косогора и обрывалась недалеко от подножия бугра. А под ногами уже успела скопиться кроваво-красная «лужица» мерно «капающих» из рюкзака рейд-вешек. «Вы живы?!» — прозвучал в наушниках несколько запоздалый не то возглас, не то вопрос, и ему показалось, что говорит кто-то другой, не Джобер. «Кто говорит?» — «Первый помощник командира группы Данилов».— «Привет, Данилов. А куда подевался Джобер?» — «Никуда он не подевался. Расшвыривает здесь фармацевтические ящики в поисках чего-нибудь успокаивающего».— «Великое Внеземелье! Ну оступился я, вскрикнул, умолк. Не буду же я ругаться на весь эфир через спутник связи! Ладно, не отвлекайте меня. Занят». Он посмотрел на спутник связи, выключил клапан рейд-рюкзака и подался на косогор. Надо было убрать этот слишком заметный отрезок пунктира — для безопасности тех, кто пришлепает следом...

Смутное убеждение, что там, у подножия продолговатого бугра, где кончался красный пунктир, затаилось опасное Нечто, вызывало непонятную скованность мысли, и чем ближе он туда подступал, собирая рейд-вешки, тем плотнее его окутывал страх. Страх был унизительно примитивен — где-то на уровне инстинктивного страха у того довольно распространенного типа людей, которым трудно бывает заставить себя подойти к самому краю обрыва... Последние метры он полз, обливаясь потом, на четвереньках и буквально выковыривал из грунта неудобно-тонкие диски. Голова набухала тошнотворной болью, и он чувствовал, как у него начинают дрожать колени и руки; в глазах плыли пурпурные пятна двух последних рейд-вешек. Он потянулся к ним... и, оглушив себя собственным криком, резко отпрянул, упал на спину и, перевернувшись через горб рюкзака, увидел ослепительно голубую дугу и покатился куда-то, и рядом катились камни...

Его привел в чувство голос Джобера. В голове стоял шум, но боли не было. Он лежал на дне ложбины, еще ниже того места, где в прошлый раз образовалась красная «лужица», все вокруг было спокойно. «Черт!..» — пробормотал он и сел. Голос командира группы взвился фальцетом: «Нортон, возвращайтесь немедленно!!!

Долго вы будете издеваться над нами, паршивец вы этакий!» Разжав крепко стиснутый кулак в металлизированной перчатке, он убедился, что собранных дисков, к счастью, не выронил. Тихо сказал: «Пошел вон, Джобер. Где там менее впечатлительный первый помощник?» — «Нортон, я слушаю вас. Но вы должны извинить командира. Чем был вызван ваш чудовищный крик?» — «Вдохновением. Это был мой боевой клич». Он выбросил диски, отряхнул с перчаток пыль. «Послушайте, Данилов... А кто вам сказал, что здесь опасны именно ямы, а не, скажем, бугры? Вроде того, на котором остановился тягач?» — «Это утверждали очевидцы катастроф. Двух убитых меркуриологов тоже нашли в яме. Впрочем, да... они, конечно, могли и скатиться...» — «В том-то и дело. Как раз сейчас я нахожусь в одной из таких ям — метрах в тридцати пяти прямо по курсу, которым шел вездеход,— и превосходно в ней себя чувствую. Зато левее, взгляните на карту, тянутся три продолговатых бугра, и... похоже, они налиты энергией под самую пробку. Во всяком случае, первый из них определенно. Неподалеку от его подножия валяются две «шальные» рейд-вешки, но даже туда я не советую подходить. Буквально в нескольких сантиметрах от того места я наблюдал дугообразный электроразряд. По-видимому, в таких местах достаточно слегка потревожить грунт, чтобы нарушить там электростатическое равновесие. Подчеркиваю: вполне безопасен только путь, отмеченный рейд-пунктиром нормальной или повышенной плотности, «шальные» вешки не в счет».— «Понял, Нортон, спасибо. Но... простите... О вашем чутье ходят легенды. Как это вам удается?» — «Это детали, Данилов, которыми вы абсолютно спокойно можете пренебречь. У меня все. Маршрут продолжаю».— «Погодите, Нортон! Мы получили «вердикт» из штаба отряда. Касается вас...» — «Джобер чертовски оперативен. Ладно, давайте мне текст».— «Здесь всего одна фраза: «Эксперту Штаба отряда «Меркьюри рэйнджерс» Д. Нортону предоставить возможность действовать так, как он сочтет нужным. Начальник экспертной группы Е. Гаранин». И... больше ничего».— «Этого достаточно. Спасибо, Данилов. До связи».

Во время беседы с первым помощником, обходя бугры и придерживаясь низин, он успел перебраться из одной ложбины в другую и оставить за спиной новые десятки метров рейд-пунктира. Теперь, полагаясь на болевые сигнализаторы в голове, он шел вперед гораздо бодрее — почти уверовал в то, что он и есть тот самый

«комплексный блок разведочной аппаратуры спецназначения», которого так недоставало группе. «Автономно действующий образец, оснащенный манипуляторами». Но скоро пришлось столкнуться с неприятным открытием: он стал хуже видеть. Нет, правильнее сказать: стал видеть иначе. Сперва ему показалось, будто все вокруг окутала фосфорически-голубоватая дымка. Что-то вроде легкой светоносной завесы, довольно прозрачной, но со своими законами оптического преломления: детали рельефа, особенно ближние, так причудливо искажались от малейшего поворота головы, что сплошь и рядом трудно было понять, какие же они на самом деле — вогнутые, плоские или выпуклые. Присмотревшись, он понял: иллюзию дымчатого марева создавало плавное колыхание сети или, лучше сказать, системы струящихся во всех направлениях тончайших, как паутина, волокон таинственно невесомой и едва уловимой зрительным ощущением слабо люминесцирующей субстанции... Он долго разглядывал новый облик ландшафта. Узлами паутинообразной «сети» были бугры — у их подножий она достигала наибольшей концентрации, а в низинах почти не просматривалась. Подозрение, что именно бугры насыщены энергией, перешло в уверенность. С одной стороны, это как будто упрощало задачу маршрута, но с другой — искажение близких деталей рельефа сильно ее усложняло. Попадались места, где он с трудом различал даже то, что было под ногами...

За двенадцать часов он сумел одолеть не больше восьми километров. Несколько раз мучился болью в «электрических тупиках», когда забредал в слишком узкие промежутки между буграми, возвращался и снова искал безопасные «коридоры», оставляя рейд-пунктир только там, где боли не чувствовал. На восьмом километре пережил поучительно неприятный момент: прыгнув через какую-то ерундовую трещину, сослепу угодил в кучу камней, и они покатились лавиной, которая вызвала слабое сотрясение грунта, а сотрясение, в свою очередь, вызвало на ближайшем бугре вспышку такого мощного электроразряда, что минуту глаза не видели ничего, кроме сумятицы радужных пятен. Едва эти пятна растаяли, он увидел себя в окружении шаровых молний, и пришлось проявить спортивную резвость, чтобы итог игры с опасными шариками в «кто кого перегонит» был в его пользу. Потом он нашел просторную чашеобразную яму и долго в ней отдыхал. Электричеством здесь и не пахло, глазам ничего не мешало, но голова болела. Голова у него разболелась просто

от голода и усталости, дальше идти с такой головой не было смысла. Яма была идеально круглая и очень большая (метеоритного, видимо, происхождения), он добросовестно ее обследовал и вызвал катер...

Итогами его работы специалисты группы «Мангуст» остались довольны. Рейд-пунктир позволил им беспрепятственно протащить на этот участок массу всевозможной аппаратуры и в конце концов получить точную информацию об электрических свойствах всего Плоскогорья. Коварным буграм зачем-то присвоили его имя: куполовидные бугры стали называть «нортонами», продолговатые — «нортвенами», и каждый бугор Плоскогорья получил свой номер, словно это был уже планетный инвентарь. Встреч с «мангустадорами» он избегал, потому что при этом всегда было много тягостных сантиментов, и спецы разного профиля по-разному пытались ему объяснить «энергетический механизм» Плоскогорья. Восхищались, какие замечательные конденсаторы эти нортвены и какая у них уникальная кристаллическая структура, поясняли, как они накапливают энергию в вечернее время меркурианских суток, и как разряжаются утром, и как сложно участвуют в этом все виды излучений Солнца и плазма его Короны, и даже слабая атмосфера Меркурия, насыщенная атомами испарившихся металлов; а кое-кто из спецов делился мыслями о проектах унификации даровой энергии в промышленных целях, считая, что созданные самой природой «планетарные электростанции» гораздо совершеннее построенных людьми гелиоэнергетических комплексов. Он не сомневался, что все это важно в научно-технической перспективе, но это было уже не его дело. В то время он искренне полагал, что это его уже не касается. Ему вполне доставало других забот. И он совершенно рассвирепел, когда узнал, что Плоскогорье убило еще трех человек. Год спустя администрация вновь объявила территорию Плоскогорья и два других участка подобного типа «зонами утренней, ночной и вечерней недоступности», распорядилась законсервировать рудник «Нежданный», срочно эвакуировала людей и запретила там все методы разведки, кроме дистанционно-технических. Крутой поворот в отношениях к Плоскогорью он воспринял довольно-таки равнодушно. Но когда узнал о причине спешно принятых мер, по-настоящему испугался. Данные статистики космического сектора здравоохранения свидетельствовали: у большинства разведчиков Плоскогорья рождались мертвые дети. Первое подозрение пало на ка-

кие-то малоизученные комбинации электрочастот, но это уже детали. Такого отчаянного испуга, как тогда, он ни разу в жизни не испытывал. До сих пор ощущение этого сидит в нем ледяной занозой...

4. Быт во лжи

Над бассейном, бесшумно помахивая крыльями, пролетела ночная птица. Нортон проводил ее взглядом и заодно осмотрел небо — нет ли где летучих мышей. Промелькнула еще одна птица, но перепончатокрылых не было. Он остался сидеть. Он обсох, и плавать уже не хотелось; сидеть ему было уютно. Задрав голову и пошевеливая ногами в воде, он долго смотрел на луну. Хотя понимал, что это рискованно. Моргнуть не успеешь, как снова провалишься в изнурительный полусон... Понимал и смотрел.

Почти все лучшее в жизни было связано у него с луной. С лунными космодромами, базами и, конечно, с друзьями, которые там... Пестрый табор, исходная точка, трамплин для молодецких набегов по всем направлениям Внеземелья. Так ему представлялось когда-то. Теперь он даже не тосковал. Знал и был тверд в своем знании: мосты сожжены. И навсегда. Он сам их сжег не колеблясь — будь оно проклято! — и ни о чем не жалел. Иногда, правда, что-то болело. Особенно в лунные ночи. Слишком много лунных и звездных ночей... Да, он слишком привык к борьбе с Внеземельем. Скучал. По этой борьбе. Внеземелье он теперь ненавидел. Боялся? Что ж, можно сказать и так. Не совсем справедливо так говорить, но зато избавляет от мерзостной тонкости оправданий. Он упорно боролся, сумел кое-что сделать, но в конце концов проиграл. Вот и все... В пылу борьбы не заметил, когда романтику соперничества с Внеземельем потеснила экспансия иного свойства. Вслед за разведчиком-первопроходцем густым косяком пошел деловитый монтажник-строитель, добытчик, промысловик — Земля решительно, быстро втянула доступные ей уголки Внеземелья в орбиту своей экономики. Человечеству, дескать, иначе нельзя, не выжить. Все это верно и справедливо, но... Но почему итог внеземельной экспансии заранее предполагается блистательно победным? Человек намерен все взять и ничего не отдать — к иному себя не готовит. Земля плюс просторное Внеземелье представляется людям в виде обыкновен-

ной арифметической суммы; было мало, стало несравненно больше, а будет, знаете ли, бесконечно много. Не все догадываются, что это не так, что здесь берет свое высшая алгебра плохо вообразимых последствий. О том, что это не так, он и сам догадался не раньше, чем почувствовал эту алгебру на собственной шкуре...

Нет, добиваясь возврата на Землю, он не испытывал угрызений совести. Внеземелье ясно и жестко дало ему знать, чтобы он убирался туда, откуда пришел. Он так и сделал. А тем, кто остался, он желает всего наилучшего.

Он смотрел на луну, вспоминал их и желал им всего наилучшего. Крупных успехов, ярких побед. Все они славные парни, волевые, отважные, стойкие, и вполне заслуживают побед. Но лично он с этим покончил. В блистательную победу над Внеземельем он больше не верил. Отработать в пространстве положенный срок было общественным долгом, и он его выполнил, но верить или не верить — это, в конце концов, его личное дело. Конечно, найдутся такие, кто будет его презирать за то, что он, Дэвид Нортон, специалист экстракласса, предпочитает сидеть на краю уютного бетонного корыта, болтать ногами в воде и глазеть на луну со дна уютной земной атмосферы. Ну что ж... Отнестись уважительно или, напротив, при встрече руки не подать — это ведь тоже личное дело кого-то. Кого-то из тех, кто продолжает мнить себя там, в Пространстве, хозяином и еще не успел сокрушительно проиграть...

Нортон вдруг ощутил за спиной чье-то присутствие, слегка насторожился. Пляжной полосы здесь не было, близко к бассейну подступали кусты каликанта. За кустами были молодые вязы, и Нортон, не оборачиваясь, уверенно предположил, что тот, чье присутствие он уловил, находился под вязами. Да, запах скорее всего исходит оттуда... Собственно, это не запах, если говорить строго, однако дать более точное определение предмету подобных своих ощущений Нортон не мог. Его мало интересовало, имеет ли эта его способность ощущать на расстоянии достаточно крупные одушевленные объекты хоть какое-нибудь отношение к обычному механизму восприятия запахов. Не все ли равно — как и посредством чего? Просто он давно убедился, что, сам того не желая, своеобразно чувствует запах живого (живозапах, если угодно), как чувствует стрелка магнитного компаса глыбу металла. Убедившись, вынужден был примириться, хотя живозапа-

хи по большей части не доставляли ему удовольствия. Терпимо «пахли» немногие из людей. Приятно «пахли» только Сильвия, дети и, как ни странно, собаки. Сильвия «пахла» уютно и как-то невыразимо удобно... Нет, живозапах там, за кустами, был не ее...

Нортон припал плечом к парапету — над головой мелькнуло тело огромной кошки и с шумом обрушилось в воду.

Нортон сел, посмотрел на зверя. Ошеломленно проплыв по дуге, кугуар выбрался из бассейна, и было слышно, как с него льет вода. Нортон вытер ладонью забрызганное лицо и сказал:

— Хороший ты парень, Джэг, но дурак.

Зверь встряхнулся. Мокрый мех блестел под луной.

— Иди сюда.

Кугуар не удостоил его взглядом.

— Кому сказал, топай сюда!

Зверь медленно подошел. Нортон потрогал пуму за круглые мягкие уши, почесал под мордой влажную шерсть, как чешут домашней кошке. Кугуар принял ласку с достоинством. Морда красивая, белая на конце. Глаза как желтые угли.

— Ладно, не обижайся. Сам виноват.

Подумал: «Никак примириться не может, что я быстрее его. Все-таки пробует... Ну пробуй, ушастик, пробуй. Мы теперь никогда не сумеем застать друг друга врасплох, и с этим тебе уже ничего не поделать. И мне...»

— Такие вот дела, ушастик... Но шуметь по ночам я тебе запрещаю. По ночам надо тихо играть. Понял?

Зверь, широко открыв пасть, издал звук, похожий на протяжный стон и капризный зевок одновременно. Блеснули клыки.

— Не притворяйся, великолепно все понимаешь. Ты почти так же умен, как старина Голиаф. Ведь правда?

Кугуар презрительно фыркнул, потянулся, выпустил и спрятал когти.

— Н-ну...— неодобрительно произнес Нортон.— Только не важничай. Быть сильнее вовсе не значит быть умнее. Скорее даже наоборот. И в этом смысле Голиафу мы с тобой не соперники. Голиаф не бродит ночами в зарослях, как ты или я, не шумит, не лает на луну, хотя собакам это очень нравится. Спит себе и видит приятные сны. Он умница, он понимает: в этом доме лунатиков хоть отбавляй, а Сильвия у нас одна, и тревожить ее по ночам никому не дозволено. Ясно?

Услышав имя хозяйки, Джэг повернул морду в сторону дома. Сел на задние лапы.

— Умница,— похвалил Нортон.— Вот теперь мы с тобой поиграем.

Он снял с кугуара ошейник, вскочил. Зверь нетерпеливо крутился.

— Нет, играть пойдем на ковер. Ну, вперед!..

Джэг прыгнул в кусты.

«Ковром» служила ровная, как стол, поляна, со всех сторон окруженная вязами. Когда-то здесь был замечательный корт, но потом по просьбе Сильвии Нортон оборудовал площадку для тенниса в той части садового парка, где росли фруктовые деревья,— Сильвии нравились китайские яблони в цвету. Он сделал все так, как она пожелала, хотя китайские яблони лично у него вызывали больше недоумения, чем восторга. Деревья-хамелеоны. Утром стоят белые, вечером — пламенно-алые, и невозможно понять, какие же они на самом деле... Старый корт он засеял травой, и теперь это был почти идеальный борцовский ковер.

Роль рефери сегодня была отдана луне.

Джэг нетерпеливо подпрыгивал, катался в траве, как ошалелый котенок. Под луной его светлое брюхо казалось голубоватым... Нортон подал сигнал — хлопнул себя по бедру. Джэг замер. Посмотрел на соперника желтыми углями глаз, выгнул спину и, опустив голову, пошел боком, пугая. Прыгнул...

Прыжок кугуара Нортон видел, как в фильме с замедленным эпизодом: зверь плавно вставал на дыбы, задние лапы вытягивались, а затем с непостижимой для такого массивного тела легкостью отрывались от земли, и наступал момент грациозно-мягкого, как в невесомости, полета... Вот так всегда. Ничего не стоило уклониться от нападения. Игра не на равных... Единственный выход — усилием воли сдержать, приглушить эту сверхненормальную скорость реакции нервов и мышц.

Эк!.. Нортон принял на грудь девяностокилограммовую кошку, упал. Закипела борьба.

Соперники были одной весовой категории, и схватка шла с переменным успехом. Стремительный каскад прыжков, падений, кувырков, увертюк. Возились радостно, самозабвенно, до хрипоты в дыхании. Пока небесный рефери не скрылся за вершинами деревьев.

Потом носились друг за другом по всему парку. Почти бесшумно. Петляли между деревьями, прыгали через

шезлонги, надутые воздухом туши мягких скамеек и полосы цветников. Оборвали гамак. В садовом парке им было тесно. Перемахнули живую изгородь и умчались в сопредельную территории виллы дубовую рощу. Здесь просторно, можно побегать вдоволь. Но скоро им помешали: по бетонному полотну соседней автострады прошуршал элекар.

Свет фар лизнул стволы деревьев низом, погас: элекар юркнул за поворот. Нортон вспомнил, что завтра в Копсфорте начало Большого родео. Постоял, прислушиваясь. Окликнул Джэга и повернул обратно. Веселью конец. В той стороне рощи, где проходил канал, приезжие разбили временный спортивный лагерь, и лучше было отсюда уйти. Решительно незачем кому-то видеть его полуголым. Да еще в сопровождении кугуара... Недавно Джэг нашалил: загнал на дерево инспектора местного водоснабжения. Инспектор — солидный, уважающий себя человек — очень рассердился, как только ему подсказали, что пумы отлично лазают по деревьям, и в отместку неделю продержал виллу на голодном «водяном пайке». Будто знал, что супруга хозяина виллы добилась от мужа твердого обещания избегать особо острых конфликтов с городскими властями. К счастью (для себя самого), блюститель водного режима экономии переменил отношение к Джэгу и теперь, посещая виллу, непременно требовал показать ему «льва». Называл его «молодым игривым балбесом», норовил потаскать за ошейник, но при этом так громко и весело говорил, потел, быстро двигался и так оглушительно хохотал, что даже мудрый, уравновешенный Голиаф начинал угрожающе скалить зубы.

Нортон ласково потрепал кугуара по шее. Вперед!.. Разогнавшись бок о бок, человек и зверь синхронно перемахнули живую изгородь.

Луна успела уйти, но в парке было светлее, чем в роще. Джэг катался в траве, бил хвостом. Явно надеялся, что человек продолжит игру. Ненасытная жажда движений...

— Нет,— сказал Нортон.— Петухи, брат, пропели. И перестань крутить помелом, шабаш окончен. К вольеру!

Было жаль оскорблять дикую грацию зверя ошейником и решеткой вольера, однако пора. Запирая вольер, Нортон чувствовал неудовольствие Джэга. Подумал: «Не слишком ли много у нас с ним похожего?.. Надо будет пошарить на кухне и принести этому малому его люби-

мый бульон с куриными потрохами». Вернулся к бассейну, без всплеска ушел под воду, поплыл у самого дна.

Обычно после такого щедрого перерасхода мышечной энергии наступало что-то вроде внутренней разрядки, благотворное влияние которой ощущалось и в последующий день. Сегодня мышцам изрядно досталось, но не было ни малейшего, пусть даже призрачного, умиротворения. Давила горькая, злая и в то же время какая-то мутная, вялая тяжесть. Может быть, так ощущается безысходность?.. Он наткнулся на утонувший халат, подхватил его, всплыл у трамплина. Тщательно выжал халат, натянул на голое тело, побрел к дому. Подходя, запахнул полы и стал машинально застегивать пояс. Наконец поймал себя на нелепости всех этих действий, остановился.

Луна ушла, и в потемневшем небе ярче проступили звезды. На звезды он не смотрел. Глаза безучастно следили за мягкими переливами синего света на полу открытого в сад летнего холла. Мыслей не было. Мозг пуст, как грот на берегу моря в часы отлива. Это не удивило его. В последнее время он часто бывал так рассеян. Вероятно, стал уже привыкать к никчемности своего бытия. По прихоти удручающих его самого обстоятельств он утратил какую-то элементарно простую, но жизненно необходимую связь с миром людей и теперь не знает, чем ее заменить. Да, чем заменить? Бассейном? Ночными прогулками с Джэгом?..

Нортон вошел в дом. Вкрадчиво, мягко, как зверь в нору. Неслышно пересек летний холл, по ворсистым ступенькам внутренней лестницы спустился на нижний «подземный» этаж, где расположены все хозяйственно-бытовые и спортивные помещения виллы. Автоматически открылись створки дверей, вспыхнул свет, в котором Нортон не слишком нуждался. Внеземелье наградило его способностью видеть во мраке. Это не значит, что он вообще не чувствовал темноты. Чувствовал. Как темно-серую, но в то же время стеклянно-прозрачную массу. И чем плотнее был мрак, тем больше суживалось поле зрения,— он видел как бы в «узком луче». То есть различал все достаточно четко лишь в том направлении, куда падал взгляд. Правда, он плохо видел вдоль магнитных линий планеты — с юга на север и с севера на юг,— но готов был с этим мириться.

Уже не заботясь о тишине (знал: отсюда наверх не долетает ни звука), быстро прошел коридор, пылаю-

щий синевой искусственного лазурита, и оказался на «банном дворе». Впрочем, это просторное круглое помещение с фонтаном Сильвия называет «римским залом». Не зал, а сама стерильность — блеск, белизна. Мраморные скамьи (под антик), ниши с белыми вазами, горельефы на стенах (тоже под антик), блестящие чаши и высокие узкие зеркала. «Что ж,— подумал Нортон, срывая с себя мокрый халат,— у обитателя этой норы когда-то был вкус к обыкновенным радостям жизни». Халат, с силой брошенный в сторону, сбил с треножника чашу, и она покатилась, звеня.

Рядом внезапно открылась дверь предбанника сауны. Он быстро взглянул туда и вздохнул с облегчением. Никого там не было. Просто он сам подошел к двери слишком близко... Он почему-то боялся увидеть Сильвию. Здесь, в такой час. И теперь, когда все объяснилось и этот нелепый испуг миновал, он почувствовал гнев. Тоже нелепый, абсолютно беспричинный. Да, да, беспричинный, черт побери! Никаких причин не было. Ни малейших. Кроме одной. Кроме той, что он вернулся на Землю уродом и, забившись в комфортабельную нору, ежечасно, ежеминутно чувствует свое уродство и знает, что с этим уже ничего не поделать!.. Ладно, оставим. В конце концов, это похоже на истерию. Пора брать себя в руки. В самый раз... Он поднял халат, бросил его на скамью, направился в душевую.

Молочно-белый пузырь душевого бокса, усеянный изнутри пластмассовыми бородавками форсунок, светился так ровно, что вогнутость его стен трудно было заметить,— казалось, форсунки свободно парят в фосфоресцирующем тумане. Чуть приподнятая над полом площадка, покрытая искусственной травой, напоминала кругло вырезанный пласт свежего дерна. Нортон перескочил на нее прямо с порога, охнул от удара твердых, как копья, ледяных струй,— мелькнули сорванные колпачки форсунок. Напор воды был ужасен — Нортон едва сохранил равновесие. Перемудрил вчера с регулятором водонапора!.. Площадка медленно поворачивалась, Нортон рычал, защищая руками лицо от бешено бьющей воды, и никак не мог уяснить, нравится ему это новое развлечение или не нравится. Струи, казалось, вминали ребра и резали холодом. Это вполне могло кончиться синяками.

В гардеробной он осмотрел себя в зеркале. Грудь, спина горели, как от ожога. Все в порядке, синяков нет.

Но собственное лицо ему не понравилось. В сущности, никогда оно не нравилось ему и прежде — скуластое, жесткое. Но раньше оно хотя бы не выглядело настолько суровым. Сжатые в полоску губы, цепкий взгляд серых, чуть глубже, чем нужно, сидящих глаз... Надо быть хоть немного повеселее. Он заставил себя улыбнуться. Получилось так мерзко, что он отвернулся и больше в зеркало не смотрел.

Неудачный опыт с улыбкой больно задел его. Там, в Пространстве, он мог позволить себе не улыбаться, если ему не хотелось. Настроение снова упало. Он чувствовал, что опять погружается в состояние желчного самосозерцания, остро приправленного чем-то похожим на ненависть. Какая-то совершенно бесплодная, неразумная ненависть, как если бы он ненавидел воздух, которым дышал... Впрочем, возможно, что состояние это было просто сродни инстинктивному неудовольствию зверя, горло которого взято в ошейник. Видно, не зря сегодня там, у вольера, он подумал о сходстве между собой и Джэгом. «Оба мы любим суп с куриными потрохами,— думал он.— Оба в ошейниках. И ночью и днем ходим на поводке обстоятельств. Оба мы притворяемся. Джэг притворяется матерым хищником, я — добропорядочным отставником... Но Джэг способен обмануть лишь чудака инспектора. Я старательно обманываю всех. Начиная с себя. Жизнь моя пропитана ложью. Быт во лжи!..»

В голове у него неприятно шумело, и он наконец обратил на это внимание. В предчувствии чего-то недоброго обошел комнату, гадая, что с ним происходит. Может быть, заболел? Чепуха. Никогда ничем не болел.

Мягко светились углы потолка. На полу — имитация мехового ковра, якобы сшитого из тигровых шкур. В зеркальной стене отражалась вся комната — почти пустая, казавшаяся квадратной от зеркального удвоения. Кроме круглого дивана «шляпка подсолнуха», никакой другой мебели не было. Одну стену полностью занимал гобелен с изображением кавалькады (пышная свита какого-то короля). Гобелен настоящий, средневековой работы,— семейная реликвия Полингов. Реликвия кое-где была немного потерта, но все еще впечатляла знатоков старинных ремесел. На фоне изящного гобелена мрачным идолом торчала реликвия Нортонов — потускневшие от времени рыцарские доспехи. Клюворылый шлем украшен черным плюмажем. Согласно семейному преданию эти доспехи когда-то принадлежали одному из предков

рода Рэли — Нортонов. Пустотелый «предок», опираясь железом перчаток на рукоять чудовищного меча с волнистым лезвием, много лет добросовестно охранял скрытый в стене шкаф для одежды. Рукоять доходила рыцарю до подбородка. Нортон приблизился к «предку», поправил слегка покосившийся меч — суставы доспехов отозвались унылым скрипом. Что делать, сэр, боевой звон оружия навсегда запрещен. Во веки веков. Аминь!

Вдруг Нортон заметил, что там, где он коснулся меча, лезвие заблестело сильнее. Он взглянул на ладони, нахмурился: сквозь кожу буквально сочился ясно видимый блеск... Вслед за этим он почувствовал сильный озноб. Потом его бросило в жар — горячая волна быстро прошла от затылка к ногам,— Нортон в недоумении выпрямился. Постоял, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Такого еще не бывало. После «температурной» волны пошла волна уже совсем другого рода: от онемелых ступней словно бы начал подниматься кверху уровень кипящей крови, попутно омывая внутренности болью. Голову распирал многоголосый звон, и Нортон, ощутив себя очень скверно, вдруг почему-то решил, что, как только уровень жгучей боли достигнет мозга, произойдет катастрофа. «Неужели... конец?» — тоскливо подумал он.

На мгновение боль вошла в мозг и сразу угасла. Звон пропал. Все внутри как-то по-особенному онемело — сердце, казалось, вот-вот остановится. Было страшно пошевелиться. Нортон увидел свое отражение в зеркале, обмер. Он весь блестел. Как металлическая болванка...

Он и «предок» — оба блестели. Но блеск потомка был ярче. Все тело с головы до пят как бы переливалось слоями текучего блеска, мерцало зеркальными пятнами. Слой зеркальной субстанции был не везде одинаково плотен, и сквозь это мерцание Нортон мог разглядеть свой загар, хорошо различал пестрый орнамент на плавках. Он медленно, трудно приблизил к лицу непослушные руки и увидел, что блеск неохотно, как вязкая ртуть, стекает с поверхности рук и тянется шлейфом. Возникло сумасшедшее желание не мешкая стряхнуть с себя блистающую пакость. Смутно чувствовал: превозмочь странную скованность мышц удастся лишь с помощью каких-то не менее странных и еще незнакомых ему усилий. Скорее интуитивно, чем сознательно, он плавным (поневоле) жестом поднял руки над головой, мучительно

потянулся, и ему показалось, будто мягкая катапульта толкнула его в потолок.

Он встретил потолок ладонями, спружинил, и его перевернуло вниз головой. Увидев под собой макушку шлема с черным плюмажем, он только теперь испытал потрясение, осознав наконец, что́ происходит. Он парил, как прежде ему доводилось парить в невесомости... Потрясение, видимо, смяло, разладило этот немыслимый, противоречащий земной природе импульс подъемной силы сверхъестественного полета, и Нортон, успев извернуться в воздухе кошкой, рухнул на четвереньки. Нога задела доспехи, что-то грохнуло за спиной, и секунду спустя нечаянный летчик заработал удар по затылку рукоятью меча. Нортон поздравил себя с посвящением в рыцари, мельком подумал: «Бурный финиш, однако!» Привстал на руках, отшатнулся: рядом медлительно колыхалось перекошенное полотнище слабого блеска, словно язык серебристого пламени,— должно быть, остатки блестящего слоя, соскользнувшего с тела при взлете. Нортон попятился на четвереньках, вскочил. Не отдавая себе отчета, что делает, схватил меч, обеими руками поднял над головой и рубанул полотнище блеска наискось... и лезвие странно увязло в призрачной сердцевине. Остервенев, он стал вытаскивать его оттуда рывками, но меч подавался назад неохотно, будто застрял в смоле. В последнем рывке Нортон не удержал равновесие и оказался вместе с оружием на полу. Снова вскочил. Руки дрожали. Его трясло от бешенства и унижения. Блеск угасал...

Нортон минуту следил за его угасанием налитыми кровью глазами. Потом отбросил оружие в сторону — меч глухо брякнулся на ковер.

5. *Тропа сумасшедших*

Был пятый час утра, когда он почуял какое-то неудобство. Поерзал в кресле, пытаясь избавиться от неприятного ощущения. Не удалось. Странно... Был бы в этом хоть какой-нибудь смысл, он помолился бы сразу всем звездам вместе взятым и сказал бы им, что на сегодня с него довольно!..

Он сидел в своем кабинете на втором этаже за рабочим столом и смотрел на небольшую тетрадь в черной обложке. Тетрадь, которую он никогда никому не пока-

зывал, прятал в секретном сейфе стола, и знал о ней, кроме него самого, разве только один Голиаф. Сегодня в ней появилась очередная запись...

Год назад тетрадь называлась просто — «дневник», хотя дневником в общеупотребительном смысле она не была. Скорее была каталогом всяческих проявлений уродства, которое он притащил в себе из глубин Внеземелья, и в конечном итоге вполне заслуживала названия «Черная книга». Тайком от жены он заносил в эту книгу все свои «ненормальности». И даже пытался как-то классифицировать их. Он полагал, что здесь, на Земле, дела пойдут по-другому и «ненормальностей» будет меньше. Лелеял надежду, что в земных условиях все это постепенно заглохнет. Зря он надеялся. Дела пошли не так, как он ожидал. Скверно, в общем, пошли дела...

Он захлопнул тетрадь, сжал зубы до боли в скулах. Сегодняшний блеск в гардеробной его доконал. Досада, растерянность, и никакого желания думать. Да и о чем, собственно, думать?

Блеск на ладонях он видел и раньше. Впервые — после десанта на Умбриэль, где едва не отморозил руки из-за неисправности обогревательных элементов в перчатках скафандра. Помнится, уже тогда он правильно увязал появление блеска с действием холода и к низким температурам стал относиться с опаской. Впрочем, ему там пришлось ко многому относиться с опаской. Было в Пространстве кое-что и похлеще... Стоп! Что было, то было. С тем, что было, покончено. И больше не будет. Но здесь...

Может, плюнуть на все и шагнуть наконец к мудрецам с учеными степенями? Помогите, дескать, инвалидствующему герою Внеземелья избавиться от... сам-незнаю-чего. Сразу услышат. Обрадуются. Налетят со всех континентов. На каком-нибудь острове воздвигнут в честь твоего уродства целый научно-исследовательский комплекс НЕЗНАМЧЕГО, окружат тебя частоколом шприцов, пушками микроскопов, блоками анализаторов, прихлопнут колпаком с проводами, и превратишься ты из несчастного инвалида в лабораторную колбу с «восхитительно феноменальными свойствами». И тебе не останется ничего другого, кроме как верить во всемогущество какого-нибудь лысого институтского корифея с величественными жестами и невнятным произношением. А потом, этак лет через десять, когда его лаборантка наивно поделится радостной вестью, что корифею в конце

концов удалось вытяжку из твоих гормональных желез использовать для «регуляции половых признаков плодовой мушки дрозофилы», ты все поймешь и попытаешься оттуда удрать. Тебя, конечно, поймают и будут хором стыдить. Н-да...

Он открыл стол, отодвинул фальшивую стенку, швырнул тетрадь в сейф. Большим пальцем левой руки коснулся прозрачной пластинки замыкающего устройства. Пластинка брызнула светом, щелкнул замок. Надежный замок: открыть его мог только узор кожных бороздок пальца хозяина.

Ощущение странного неудобства усилилось. Нет, пожалуй, тетрадь была ни при чем... Откинувшись в кресле, Нортон с недоумением и неудовольствием стал искать другую причину.

Сидел он мягко, удобно, в привычном кресле, за привычным столом. Было тихо. На нем были удобные шорты, пестрая тенниска из очень приятного скользкого материала, серебристые и тоже очень удобные кеды. Воздух свеж, в меру насыщен цветочным запахом. Кабинет просторный — шестигранником — в виде беседки; залитые синим свечением стены и потолок декорированы узорами черной решетки, живописно увитой комнатной зеленью. Над головой уютно сияла линза светильника. С правой стороны решетки не было — там начинался песок скрытого темнотой океанского пляжа, а в отдалении стояла подсвеченная прожекторами группа высоких пальм; лучи прожекторов озаряли шевелящиеся в дюнах панцири: армия морских черепах выползала из прибрежных вод, оставляя на песке ребристые борозды, похожие на следы вездеходов,— черепаший десант захватывал плацдарм для кладки яиц. Нортон поднялся. Ощущение неудобства переходило в тревогу... Он резко повернул регулятор громкости — в комнату ворвался грохот океанского прибоя. Тяжелые волны звучно дробились о невидимые в темноте гребни барьерного рифа и, шурша, накатывались на песок. Нортон выключил звук. Повел головой из стороны в сторону, словно принюхивался. Распахнул кабинетную дверь. У порога стоял Голиаф — пес-полукровка с внешностью пойнтера: висячие уши, пятнистые (черное с белым) бока. Пес смотрел на хозяина преданным взглядом. Нортон шагнул за порог, собака посторонилась. Прыгая через ступеньки, Нортон взлетел по внутренней лестнице на третий этаж (если можно назвать этажом верхнюю террасу под открытым небом).

На террасе царила предутренняя мгла. Томно пахли цветы неизвестных Нортону редких растений, фигурная лужа декоративного бассейна как зеркало отражала чуть посветлевшее небо. Все остальное тонуло в подсиненной полутьме, и нормальный глаз человека различал бы здесь только неясные пятна, силуэты и контуры. Нортон мог бы читать здесь газету. Встревоженно озираясь, он побродил между стойками, несущими раму шатрового тента. Перепрыгнул узкий участок бассейна и, растолкав по пути плетеные кресла-качалки, замер у борта восточного края террасы.

Где-то далеко занималась рассветная полоса: ее едва было видно сквозь плотный ряд пирамидальных тополей, стоящих у соседней виллы. Нортон смотрел на восток. Сосредоточиться мешали какие-то звуки. Он оглянулся. Источником звуков был Голиаф — пес лакал из бассейна. В зеркале воды дрожало отражение мраморной чаши. Нортон еще раз внимательно посмотрел на частокол тополей и направился к центру террасы, где возвышался стеклянный футляр над колодцем подъемника. Проходя мимо чаши, взглянул на торчащий из нее пышный куст — предмет садоводческого тщеславия жены, сказочно прекрасная синяя роза...

Видеотектор висел на стенке футляра подъемника. Нортон поднял прозрачную полусферу. Секунду поколебался и набрал индекс виллы соседей. Замерцал экран.

— Один момент!..— откликнулся голос, по которому трудно было сразу понять, кто говорит — женщина или мужчина.

Экран оставался пустым.

— Да, слушаю!

Нортон знал, чей это голос. Поморщился.

— Пригласите Бена. Или Эллен. Если они, конечно, не спят.

— Бен, к сожалению, в отъезде. Эллен, к сожалению...

— Алло! — завопил женский голос. На экране возникло красивое, но заплаканное лицо подруги Сильвии Эллен.— Ты, Дэвид? Почему я не вижу тебя?

— Здесь довольно темно.

— Я сама хотела связаться с тобой. Только что. Бегаю как сумасшедшая, реву и не знаю, что делать. Ник!..— Остальные слова утонули в рыданиях.

— Что — Ник? — резко спросил Нортон.

— Я проснулась,— заговорила, давясь слезами, Эллен,— вышла в летний холл, где любит спать Ник, и увиде-

ла, что... что его там нет!.. Я обегала весь дом, обегала сад, звала, кричала. Мальчишка как в воду канул! Вот только что Гед меня «обрадовал»: Ник угнал элекар!

— Чей элекар?

— Гед приехал вчера и бросил свою колымагу на садовой аллее... знаешь ведь ты братца моего мужа! Поленился загнать в гараж! Вот Ник и... Видно, шорох скатов меня разбудил. Мой элекар не заряжен, Бен в отъезде, и мы тут совсем без колес. Собиралась вызвать тебя и дежурного по охране порядка, но ты меня опередил. А мальчик где-то сейчас...

— Куда он мог?.. Перестань наконец реветь!

— Да откуда ж мне знать?! Просто взял и угнал!..

— Восьмилетние мальчишки элекары просто не угоняют — у мальчишек возраста Ника всегда есть дела. Он куда-нибудь вообще собирался? Чем твой малыш забивал себе голову последние дни?

— Аквалангом.

— Что?

— Гед обещал ему акваланг. Привез. Особая модель... ну специально для детей. И съемочная камера такая... пузатая, для воды.— Всхлипывая, Эллен произносила слова машинально, как в трансе.— Вчера они полдня возились в бассейне — снимали друг друга. Слышала, Гед говорил малышу, что скоро возьмет его на какие-то Северные озера. Сочинял, будто бы в каждом из них можно увидеть чудовище — вроде морского Змея. Ник, разумеется...

Она внезапно исчезла с экрана. Нортон знал почему. Когда появилась опять, лицо ее было страшным.

— Я не... я не нашла!!! — Она задыхалась.— Акваланг!..

— Ясно. Камера — тоже?

Кивнула. Говорить не могла — душили слезы.

— Слушай меня, Эллен!..

— Но... но ведь он не поехал на Север, Дэвид?!

— У нас в округе немало своих водоемов. Слушай меня. Пусть Гед мчится на виллу Генри, берет его элекар — у Генри надежная скоростная машина — и, не теряя ни минуты, прочесывает западное направление, вплоть до Бизоньих озер. А ты свяжись с главным дежурным ночных постов, коротко объясни ему положение. Пусть они поднимут поисковый «блин» — или что там будет у них под рукой — и пройдутся над южной автострадой до Соленого озера. Я беру на себя северо-запад. Гед не менял свою колымагу?

— Та же... серебристо-розовая, ты узнаешь ее. Дэвид!

— Ну?

— Ты догонишь Ника, ведь правда?!

— Успокойся, время у нас еще есть. До рассвета мальчишка в воду не сунется.

— *Он так любит тебя!..*

— Все! — оборвал ее Нортон.— Действуй как я сказал.

Перемахнув увитый плющом бортик террасы, он принял в воздухе нужную позу, мягко упал на газон.

В гараже он быстро убрал дистанционные кабели, соединявшие элекар со стендом автоконтроля и щитком подзарядки. Не открывая дверцу, прыгнул за руль. Ударом ладони выключил блок «безопасной езды» и крякнул с досады: предательски вспыхнули и замигали ярко-оранжевые *глазки сигналов* — четыре спереди, четыре сзади,— такая иллюминация способна растормошить даже самого сонного блюстителя дорожного порядка. Нортон спрыгнул с сиденья, схватил какой-то попавшийся под руку стержень и с хрустом всадил его в первый глазок. Так же безжалостно раздавил и все остальные. Под ногами путался Голиаф. Нортон швырнул стержень в сторону, вскочил за руль и, не зажигая фар, резко тронул машину с места. Матери Ника он солгал — времени в запасе не было. Если мальчишка махнул на Старый Карьер — не было ни одной лишней секунды.

Белый элекар, прошелестев скатами, скользнул вдоль темной аллеи как призрак. Однако на выезде услужливый автомат — будь он неладен! — залил ярким светом весь участок перед воротами.

Срезая углы на пустынных перекрестках, Нортон гнал машину кратчайшим путем. С недозволенной скоростью. Городок спал. Небо светилось, но земля еще дремала в синеватой мгле. Было около половины пятого. Впервые за много дней Нортон взглянул на часы: циферблат показывал пять двадцать две... Слегка удивившись, что продолжает чувствовать живозапах собаки, он оглянулся. Голиаф лежал на заднем сиденье.

Небольшой участок окружного шоссе он проскочил, выжимая педаль скорости до упора. Мелькнул указатель поворота на северо-западную магистраль. Из поворотного виража машина, отчаянно вереща скатами, вынеслась с таким сильным креном, что какое-то время шла на двух левых колесах. Нортон вывел ее на белую линию «магистрального хода», или, как здесь говорят, на «фитиль». Теперь оставалось переключить питание мотора с аккумуляторов на питание высокочастотным током от кабеля, проло-

женного вдоль автострады под «фитилем». Он так и сделал — скорость ощутимо возросла.

Элекар, с гулом рассекая воздух, мчался по прямой. Автострада была совершенно пустынна. Включив блок водителя-автомата, Нортон оставил руль. Все, делать пока больше нечего... Он оглянулся: бешеный ветер согнал Голиафа на пол. Нортон окликнул его, перетянул за ошейник на переднее сиденье, рядом с собой; пес благодарно лизнул ему руку.

— Ну куда понесло твои дряхлые кости? — Он погладил собаку.— Почуял, видно, беду... Верно, дружище. Никнепоседа опять отколол сногсшибательный номер.

Голиаф посмотрел на хозяина, привстал, потянулся мордой к ветровому стеклу.

— И все-то ты понимаешь. Да, сорванец махнул, должно быть, на Старый Карьер...

«Скверно,— подумал Нортон.— Скверно, если он махнул туда».

Справа тянулась равнина. Кое-где на равнине разбросаны горки с плоскими, как стол, вершинами. Слева по ходу мелькали идеально ровные ряды деревьев — плантация азимины. Проплыли мимо выпуклые корпуса фруктового заводика, чем-то похожие на кофейный сервиз. Потом зеленый массив повернул в сторону от автострады, мелькнула и затерялась в полях блеснувшая глянцем узкая лента канала. Дальше пошли кормовые угодья; усадьбу скотоводческого комплекса можно было угадать по торчащему над шапками зелени куполу водонапорной башни. Заря успела выкрасить купол в розовый цвет. Светало быстро. Впереди розовела гряда голых холмов.

Нортон пристально всматривался сквозь ветровое стекло. Ни одного элекара на полотне автострады он до сих пор не заметил, и это его беспокоило. Либо мальчишка успел перевалить гряду, либо гнал в другом направлении. Последнее было бы предпочтительнее, однако Нортон не сомневался, что сорванец выбрал именно Старый Карьер. Во-первых, сравнительно близко (Ник был слишком нетерпелив). Во-вторых, несравнимо страшнее (Ник был ужасно самонадеян в вопросах личной отваги). Светлая красота Бизоньих озер или, скажем, пустынная величавость Соленого озера вряд ли могли соблазнить отважного аквалангиста. Уж где и водиться подводному чудищу, как не в глубинах мрачного водоема в Старом Карьере.

Автострада заметно пошла на подъем; залитая рассветным румянцем гряда приближалась. Нортон пытался представить себе расстояние между собой и юным искателем

приключений. Три минуты, которые были потрачены в переговорах с Эллен, он наверстал за счет повышенной скорости до выхода на магистраль.

В гонке по автостраде он ничего не выигрывал. Знал: элекар Геда был точно такого типа, как и его собственный,— модель «Торнадо» последнего выпуска,— и Ник, разумеется, гнал машину тоже на «фитиле». Шустрый малец научился лихо водить элекар. Кстати, не без его, Нортона, соучастия... Малец впереди минут на десять — двенадцать как минимум, иначе его элекар удалось бы заметить на этом отрезке пути.

Двенадцать минут... Черт, много! Наверстывать их придется на старой грунтовой дороге в глубоком ущелье — скверной, по счастью, дороге,— но все равно: двенадцать минут слишком много. Этого молодца надо перехватить до выхода из ущелья в каньон. Не так это просто... Даже если выжать из машины все, на что она только способна. И даже если Ник не выключит блок «безопасной езды». Выключит — непременно куда-нибудь врежется...

Элекар стремительно брал пологий подъем. Холмы придвинулись к полотну автострады. Подъем кончился, холмы расступились, и элекар вылетел на простор каменистого плато. Затопленное утренней тенью плато неискушенному глазу могло показаться широкой равниной, и путник, едущий в этом направлении впервые, невольно хватался за рулевую баранку, когда автострада вдруг выносила машину на виадук, повисший над пастью каньона.

Нортон смотрел вперед, томясь бездействием. Он ничего не мог предпринять. Во всяком случае, до того места, где предстояло покинуть роскошную магистраль: там, за виадуком, был очень удобный асфальтированный съезд в ущелье на очень плохую грунтовую дорогу... Городские власти специально не занимались ремонтом этой дороги, чтобы меньше было охотников ездить на элекарах в каньон. Но вряд ли в Копсфорте нашелся бы хоть один гражданин, который ни разу не побывал на Старом Карьере. Граждане Копсфорта необыкновенно любознательные люди. И безмерно отважные. Пикник под скалами, каждая из которых в любой момент может упасть тебе на голову, содержит в себе, очевидно, идею пробного камня для проверки качества «мужской закваски». При этом бессмысленный риск почитают за метод сознательного воспитания отваги. Одно из самых, пожалуй, загадочных свойств человеческой психики на современной Земле. Именно на Земле, потому что космодесантнику, всегда точно знающему, ради кого

или ради чего рисковать, готовность рискнуть «вхолостую» казалась абсурдом.

Мало того, риск (как, впрочем, и все остальное здесь, на уютной Земле) подвержен влиянию моды. Удивительно видеть все это свежему глазу. Риск, который сам по себе прост и суров, как обнаженный клинок, зачем-то стараются прицепить к бутафорским перевязям в духе традиций «старых добрых времен». Модным стало, к примеру, устраивать мрачные пикники в штольнях давно заброшенных шахт, где все держится на одном честном слове. Или испытывать крепость собственных нервов и мышц, разгуливая по гнилым этажам отживших свой век небоскребов, которые еще не успели снести. Проникать в обомшелые лабиринты забытых, а часто и полузатопленных сооружений военного назначения, порой нашпигованных всякими подлыми штуками сверх всякой меры. Бывало, любители проржавленных сувениров украшали свои гостиные такими «коллекциями», что приходилось вызывать десант саперов или команду специалистов-дезактиваторов. В лучшем случае отделывались испугом. В худшем — взлетали на воздух целыми семьями, иногда прихватывая с собой и ни в чем не повинных соседей. Или смертельно травились какой-нибудь дрянью, повергая в трепет кошмарного ожидания жителей близлежащих кварталов.

Просто диву даешься, сколько всевозможной пакости было настряпано в «старые добрые времена» с единственной целью: угробить достаточно рациональным путем как можно больше народу. Высший распорядительный орган объединенных наций до сих пор вынужден содержать специализированные отряды десантников «Вэри дейнджроуз!» — «Очень опасно!». Молодцы из ВДОО — в серебристой форме с эмблемой «Веселого Роджера» на рукавах — уже давно занимаются розыском и ликвидацией тайных хранилищ на территориях бывших очагов секретного изобретательства и производства оружия самого разного типа. Давно и усердно, а конца этому что-то еще не видно. Лет пять назад в одном из выпусков телевизионных последних известий был показан телерепортаж со спутника «Порт-1» о конечном этапе ликвидации найденных запасов какого-то адского вещества под кодовым названием «заливное тетушки Мэри», созданного в некогда существовавшей сверхсекретной лаборатории военно-морских исследований «Эйч-Сэпрайз». От причалов «Порта-1» в безвозвратный полет в сторону Солнца отправился дряхлый танкер «Амалия». С великими предосторожностями, под конвоем

кораблей-барражировщиков ВДОО. Трюмы и танки «Амалии» были набиты контейнерами, похожими на автоклавы. Двухсот автоклавов-контейнеров с буквами ЗТМ на лоснящихся желтых боках было достаточно, чтобы превратить всю воду таких водоемов, как Мексиканский залив или Черное море, в студень. Полного груза «Амалии» хватило бы на Атлантический океан... А недавно с еще большими предосторожностями в безответные глубины Солнца сбросили какую-то другую смертельно опасную пакость под названием «табачок дядюшки Джона». Сбросили вместе со всей эскадрильей транспортных кораблей, принимавших участие в этой, говорят, сложнейшей операции.

Н-да, с какой только мерзостью не пришлось иметь дело парням из ВДОО! «Молоко гуннов», «перцовый дым», «нейтронный подкидыш», «крылатые стрелы», «глаз Сатаны», «меч Израиля», «преторианские колокольчики», «мяо хэньхао», «стопа великого кормчего»... Остатки бывших арсеналов человеконенавистничества сплошь и рядом обезвреживались ценою жизни. Но чистка планеты продолжается; есть основания думать, что не все еще тайные гнойники обнаружены и должным образом обработаны. К сожалению, часто бывает: находят их первыми те, кто к такого рода находкам совершенно не подготовлен. Любителей совать нос в затхлые щели не убавилось даже после нескольких предупредительно-разъяснительных кампаний. Но хоть перестали трогать руками всякие штуки сомнительного происхождения и об особо подозрительных находках торопились уведомить органы ВДОО. Выработалась некая форма корректного поведения: просто лазили, наслаждаясь риском, глазели, устраивали пикники, но ничего не трогали. Словом, «посещали».

На общем фоне повального увлечения риском визиты в Старый Карьер выглядели сравнительно безобидно, однако в принципе это было явление того же порядка: граждане Копсфорта не отставали от моды. А кое-кто из тщеславных отцов, страдавших гипертрофированным чадолюбием, вроде Бена, считали чуть ли не отцовским долгом хоть раз показать своему малолетнему отпрыску эту дыру в самой что ни на есть опасной близости. И отпрыски, еще более тщеславные и любознательные, чем их отцы, отлично запоминали дорогу. Правда, соваться в каньон в одиночку до сих пор отваживались мальчишки не младше двенадцати лет. Ник рисковал установить абсолютный рекорд нижней возрастной границы для одиночных посетителей карьера. Папа — известный специалист по производству

кисло-молочных продуктов, обожавший молоть всякий вздор о «штаммах мужской закваски» и непременно со ссылками на историю,— рехнулся бы с перепугу, узнав, куда потянула сегодня «закваска» его восьмилетнего сына...

Каньон, как и всегда, возник неожиданно. Элекар вылетел на виадук: замелькали, сливаясь в полосы, розовые блики отражателей на парапетах — в свете утра виадук выглядел как сиреневая линейка с отблескивающими краями, повисшая над фиолетово-синей пропастью.

Перемахнув каньон, Нортон выждал немного и взял управление на себя. Время бездействия кончилось: приближался поворот в ущелье. Вот он, асфальтированный съезд. И щит с надписью: «Не съезжайте вниз, если не хотите попасть в аварийную ситуацию!»

Нортон поставил ногу на тормозную педаль. Но не нажал — внезапно принял другое решение. Элекар, не сбавив скорости, промчался мимо; Нортон посмотрел в ущелье: петляя по склону, вниз уходила дорога на Старый Карьер. Обозримый участок дороги был пуст, но едва уловимо припудренный пылью воздух сказал Нортону все...

Показался следующий поворот. Нортон вошел в него почти на полном ходу, чуть не задев накренившейся машиной стойку рекламного щита, и сразу выжал педаль скорости до упора. Шоссе капризно извивалось между скалами, но это было превосходное шоссе. Пока мальчишка петляет внизу по ухабам, на хорошем шоссе можно выиграть время. Правда, попасть отсюда в каньон — проблема. Неподалеку от смотровой площадки (куда, собственно, и проложено это шоссе) есть очень рискованная дорога в ущелье. Вернее, нет там никакой дороги. Просто каскад горных спусков, который вполне справедливо называли «тропой сумасшедших». Несмотря на строгий запрет, по «тропе» иногда съезжали наиболее отчаянные из мотоциклистов-лихачей.

Последний изгиб — и лента шоссе вынырнула на пологий спуск вдоль скалистого гребня. Смотровая площадка как на ладони. Полукруглая, с поручнями. Коттедж механика и мачта-опора подвесной канатной дороги. На канатах — разноцветные котелки-кабинки для любителей прогуливаться над каньоном. Сам каньон открывался гораздо ниже, в полутора километрах отсюда, и все еще утопал в фиолетово-синей мгле...

Спуск на «тропу» был перекрыт огромной катушкой из-под кабеля. Нортон подъехал, сдвинул препятствие передним бампером — катушка с треском перевернулась, гулко покатилась вниз. Элекар, поскрипывая, перевали-

ваясь с боку на бок, сполз по склону в засыпанную щебнем ложбину. Потревоженный щебень пришел в движение, и элекар заскользил к обрыву в потоке мелких камней.

В опасной близости от обрыва Нортон вывел машину из русла осыпи, свернул на лепившийся вдоль расселины узкий карниз. До того узкий, что левый борт элекара со скрежетом чиркал о выступы скал. Нортона это не беспокоило — был уверен: проехать здесь можно. Его беспокоила переправа. Впереди, где обрывистые края расселины сближались, виднелся пешеходный мостик, сооруженный монтажниками подвесной дороги для своего удобства, но для езды на четырех колесах отнюдь не приспособленный. Две плотно подогнанные друг к другу железобетонные балки — вот все, что там было. Узковато для элекара...

Карниз пошел под уклон. И весьма кстати — мостик виден теперь замечательно. Надо брать его с ходу. Мало кто из лихачей мотоциклистов решался на это — обычно переводили машину руками. И ничего удивительного: загреметь оттуда в расселину проще простого... Перед мостиком небольшая площадка. Ровная, к счастью, как стол, но почти такая же по размерам. Вся надежда на точный прицел, крутой поворот и хорошую скорость. Карниз стал пошире, можно начинать разгон. Да, отсюда будет в самый раз... Нортон мысленно отрепетировал предстоящий маневр, столкнул собаку с сиденья на пол, увеличил скорость.

— Зря ты ввязался в эту историю, Голиаф.

Слившись с баранкой руля, он вел машину к заранее выбранной точке в центре площадки. Старался ни о чем не думать — действовал на уровне инстинкта, автоматизма, чутья. Площадка стремительно приближалась. Резкий поворот вправо — сильный крен, пронзительный визг амортизаторов, выход на два колеса. Нортон успел ощутить, как вздрогнула железобетонная балка. Спасибо, проехали... Элекар грохнулся брюхом на другой берег расселины, лихо подпрыгнул. Заставив машину выровняться, Нортон бросил ее вниз по склону.

Склон гладок и крут. Пожалуй, это был самый гладкий участок на пути в ущелье (не считая лысой макушки лежащего ниже базальтового купола). Но это был островок, со всех сторон окруженный обрывами, диким нагромождением скал, и съехать отсюда можно разве только по воздуху — никаких иных, даже самых плюгавеньких мостиков нет.

Скорость росла.

— Приготовимся, Голиаф!..— крикнул Нортон. Голос его утонул в шуме встречного ветра.

Элекар взвился в воздух с уступа скалы, как с трамплина, и на несколько долгих мгновений Нортон попал в объятия невесомости.

Приземление состоялось на скате каменного горба. Удар был скользящим, однако тяжелым, заскулил Голиаф, Нортон едва не вышиб лицом ветровое стекло. «В прошлом году здесь разбился мотоциклист,— подумал он, яростно действуя тормозом и рулем.— Но никто еще не пробовал разбиться здесь на элекаре». Машину так занесло, что какое-то время она с отвратительным визгом скользила по склону боком, точно склон был покрыт слоем льда, присыпанного шлаком.

Снова скорость и снова шум встречного ветра. Спуск вел в неглубокую седловину. Брызнув щебнем из-под колес, элекар вылетел на покатую, голую, всю в мелких трещинах поверхность базальтового купола. Нортон мельком взглянул вверх, на освещенные первыми лучами солнца зубцы вздыбленных скал. Нити канатов с кабинами-котелками пересекали пространство над головой наискось и уходили в синюю мглу. Какие-нибудь минуты назад он был на том уровне, где высилась мачта-опора, и это ему самому казалось невероятным...

Нортон безжалостно гнал машину вперед. Обилие крупных камней раздражало — падала скорость. Но другого пути просто нет. Проникнуть в ущелье можно было только через заброшенный оловянный рудник...

Преодолев головокружительный спуск, он выбрался наконец к руднику. По уплотненному временем отвалу породы съехал в овраг — рудничного, видимо, происхождения. Овраг брал начало от полуобвалившегося входа в штольню, расширялся к отвалам, а ниже по склону суживался до размеров транспортной траншеи, круто сбегавшей в расселину, которая (Нортон знал это) выходила прямо в ущелье. Дно оврага усыпано щебнем и кучками хрусткого мусора цвета ржавчины. Судя по некоторым признакам, когда-то здесь был фуникулер — вагонетки с рудой, очевидно, сползали от штольни к дороге в глубине ущелья. Нортон уверенно бросил машину в каменный желоб траншеи — именно этим путем недавно вывезли в местный музей какой-то рудничный механизм столетнего возраста.

Элекар, подпрыгивая, как норовистый конь, нырками скатывался по горбатому склону. Нортон с опаской оглядывал почти отвесные стены расселины, покрытые сетью трещин. Прочность стен не внушала ему никакого доверия. Вдруг он резко затормозил и выпрыгнул из машины. Следом выпрыгнул Голиаф. Уже синел поблизости выход в ущелье — тянуло сыростью, долетали журчащие звуки ручья. И на полпути к подножию ската — последнего ската к старой дороге! — громоздился завал. Пропади оно пропадом!..

По левую сторону лежал у стены обломок скалы, похожий на перевернутую кверху днищем длинную лодку, по правую — просто массивная круглая глыба и осколки поменьше. Завал, в общем-то, невелик. Быстро его осмотрев, Нортон решил брать препятствие с ходу. Обломок отлично пройдет под колесами слева. Но глыба... Не теряя времени, Нортон поддел руками крупный осколок, крякнул, придвинул к глыбе вплотную. Наскоро соорудив из камней нечто вроде въездного пандуса для правых колес, он смахнул пот с лица и уж было намерился кинуться вверх по склону к машине, как вдруг залаял Голиаф. Нортон взглянул на собаку. Перевел взгляд в ущелье — и на секунду застыл. Он опоздал!.. Дорога внизу отражала пляшущий свет,— несомненно, свет фар приближающегося элекара!..

6. Старый карьер

Розовый элекар промелькнул мимо расселины. Нортон взбежал вверх по склону, прыгнул за руль. Поймал за ошейник Голиафа и, швырнув его на пол, рывком убрал тормоз и с разгона бросил машину через завал. Мгновение судорожного взлета, крен в полете, сильный удар и грохот в момент приземления — он едва почувствовал это. Элекар вынесло в прозрачную синеву ущелья. Крутой поворот влево перед обрывом. Тормоз, отчаянный скрежет колес. На повороте он так рванул машину об угол бетонированной платформы, что с треском проломился борт,— все это слепо скользнуло мимо сознания — лишь бы выдержали колеса и вынес мотор.

Дорога была отвратительная, но это была дорога. Расчетливо, хладнокровно он вел с ней поединок за скорость. Ему казалось, будто он не видит ничего, кроме размашистого мелькания световых миражей от фар ушедшего вперед элекара, хотя видел и чувствовал многое:

каждый ухаб, летящие под колеса спуски и повороты, громады утесов, глубокий и пугающе близкий уже срез ущелья — выход в каньон. Расстояние между элекарами сокращалось медленнее, чем он ожидал, и это стало внушать ему подозрения. Он понимал: мальчишка не мог отключить блок «безопасной езды» (без помощи автомата восьмилетний лихач давно бы сверзился на дно ущелья), но, с другой стороны, блок не позволил бы развить такую скорость при таких дорожных условиях — нажал бы на тормоза. Да и сам мальчишка нажал бы, он не дурак — видит, конечно: дорога идет под уклон и успела уже «накатить» элекару опасную скорость. Выходит, просто нечего нажимать?.. Нортон представил себе судорожно вцепившегося в баранку руля насмерть перепуганного ребенка...

Скалы внезапно раздвинулись — открылся каньон. Дорога вывернула на прямолинейный спуск, и Нортон впился взглядом в розовый элекар, стремительно выходивший к подножию склона. Ник рулил стоя. Было видно, как трясутся на быстром ходу его плечи, темноволосая голова и тонкие локти, завихрения воздуха теребили подол голубой рубашонки. Сжав зубы, Нортон гнал вниз в совершенном отчаянии. Предпринять что-либо он был бессилен: розовый элекар с опережением в сотню метров уже выкатывался на Губу — плоский мыс, выпяченный в пространство каньона, будто оттопыренная губа великана, окунувшего каменный подбородок в озеро. Подозрение насчет тормозов оправдалось. Машина неслась вдоль Губы, виляя на прямой дороге: мальчишка знает, что надо остановиться (ведь это место служило стоянкой для транспорта и дальше ходили только пешком), но катит вперед — не может решить, как ему быть со своей разогнавшейся колымагой. Действительно — как? Хоть бы мотор выключить догадался!.. Нортон гнал на пределе, выигрывал метры, буквально физически ощущая страх и беспомощность малыша. Справа — ровная площадка и обрыв к воде. Слева — тоже площадка, но в окружении скал, и вдобавок на ней рытвины, россыпь крупных обломков и даже брошенный кем-то колесный домик-прицеп с разбитым окном. А впереди, где кончалась Губа, огромный щит люминесцировал предупреждением: «Дороги нет. Очень опасно!» — и красно-белые трубы шлагбаума перекрывали выезд на дорогу в Старый Карьер. Черт, ведь никакого шлагбаума раньше здесь не было!..

— В воду, малыш, в воду!!! — заорал Нортон, осознав наконец, что это единственный, хотя и крохотный, шанс.— Руль вправо!

Мальчишка, панически озираясь по сторонам, мчался к шлагбауму, словно собрался брать его на таран. Нортон вдавил ободок звукового сигнала — отвратительный хрип. Удар кулаком — напрасно, сигнал не работал. Да что там сигнал — шлагбаум в нескольких метрах! Острое чувство вины резануло как лезвием; Нортон сжался, оцепенев за рулем, и готов был зажмуриться — не мог на это смотреть!..

Неожиданно розовый элекар шарахнулся влево — Нортон расширил глаза: Ник опасно повис на баранке. В каком-то немыслимом вираже элекар обогнул полосатые трубы (силой инерции Ника сбросило на пол), накренясь, почти на боку, скользнул по стене пешеходного лаза и, завершая зигзаг крутым поворотом, с грохотом вылетел на дорогу. Нырнул под уклон и пропал. «Вот это логика!..» — опомнившись, успел подумать Нортон, притормозил и в последний момент повторил маневр автомата. Бешеный рывок, треск раздираемого борта.

Вывернув под уклон, Нортон молниеносно оценил обстановку. Огибая стену утеса, дорога шла вдоль обрыва, совершенно отвесного, и была на этом участке широкой — вполне могли б разминуться два тяжелых грузовика. Но щит не лгал, у поворота на Старый Карьер дороги действительно не было — полгода назад обвал буквально срезал дорожный уступ. Остался, правда, узкий карниз, который все же давал возможность туристам пройти над обрывом за поворот. Пройти! Мальчишку несло туда на колесах... Вот он снова медленно выползает к рулю,— должно быть, его слегка оглушило. Ну сорванец!..

С быстродействием автомата Нортон сортировал в уме детали происходящего. Ника он превосходит в скорости вдвое — мало. Борт дребезжит — ерунда. Что-то колотит в днище машины на уровне шасси — опасно, однако рулю она подчиняется — огромное ей за это спасибо. У мальчишки он на хвосте — догнать успевает. Но объехать...

Откинувшись за рулем, Нортон вышиб ногой ветровое стекло, прицелился в хвостовые огни элекара. Пять метров, четыре, три с половиной... пора! Он вскочил на капот и с наклоном к потоку воздуха прыгнул вперед. Падая в отделение кузова за спиной Ника, увидел летящий навстречу обрез дороги. Ник тоже увидел — бросил руль, заметался; Нортон одной рукой поймал его за рубашку,

другой крутнул баранку руля вправо. Задняя машина с лязгом соприкоснулась с передней, толчок — Нортон едва устоял на ногах и в этот момент ощутил разверзшуюся пустоту под колесами. Сдавленный крик ребенка...

Медленно (как Нортону показалось), постепенно увеличивая крен, машина стала валиться с обрыва. Хладнокровно определив направление для броска, он с силой вышвырнул Ника из кузова элекара — подальше от берега — и мгновение спустя выпрыгнул сам. Привычным движением ног (как в условиях невесомости) развернулся вниз головой, поймал взглядом Ника, крикнул:

— Сожмись!..

Тельце мальчишки, летящего в воздухе «крабом», неуверенно съежилось, и Нортон увидел его отражение в глянцево-черной воде.

Грохот тяжкого всплеска рухнувших элекаров. Вздыбленная — точно во время подводного взрыва — волна встретила Нортона хлестким ударом и, утопив, завертела. Кружась в кипящем котле побелевшей до молочного цвета воды, он пытался представить себе, насколько удачно финишировал Ник. Всплыл, осмотрелся. Снова нырнул. Сквозь быстро тающий слой пузырьков опустился пониже и наконец разглядел голубое пятно...

На поверхности он поднял мальчишку над головой, встряхнул — руки и ноги Ника безвольно мотнулись. Сжав зубами подол голубой рубахи, Нортон забросил легкое тельце на спину и на гребне поднятой перед собой волны устремился к внутреннему берегу залива — ему казалось, что еще никогда он так не спешил.

Огромная полость полузатопленного карьера. Неровные стены этой чудовищной ямы ниспадали к заливу амфитеатром ступеней-террас. Нортон нащупал руками край берега, покрытого слоем воды, выбрался, перевернул Ника вниз головой и энергично потряс за ноги. Мальчишка пошевелился. «Все в порядке,— думал Нортон, укладывая его на обломок скалы.— Легкий шок. Как-никак, а высота обрыва метров двадцать...» Ник приподнялся, ошалело повращал глазами, сел. Глаза у него были синие, с длинными, как у девчонки, ресницами. Очень похож на мать.

— Привет, аквалангист,— сказал Нортон, вытирая лицо ладонью.

— Салют, Дэв...— глухо произнес Ник и тяжело закашлялся.

— Не ушибся?

— Нет.

— *Полежи,— посоветовал Нортон.— Голову вниз.*

Он отвернулся и посмотрел на обрыв. Представил себе траектории падения элекаров. Машина Ника упала в воду удачно — в стороне от того опасного места, где обвалился дорожный карниз. Вторая рухнула у самого подножия обвала: над водой светлел застрявший на клыке скалы белый обломок задней части кузова. Могила старика Голиафа.... Нортон почувствовал в горле тугой ком. Надо же было так растеряться, чтобы совсем забыть про собаку! Ну что мешало выбросить пса из машины в воду где-нибудь по дороге?! Н-да, год безделья — и вот результат: утратил способность быстро и правильно соображать в критических ситуациях...

Кашляя, Ник пояснил:

— Это потому, что я немного напился холодной воды.

«Он немного напился!» — подумал Нортон. Стянул через голову мокрую тенниску.

— А где Голиаф? — неожиданно спросил Ник. Нортон выронил тенниску.— Я слышал, он лаял там, на дороге. Может, мне показалось...

— Нет, тебе не показалось. Голиаф был со мной в машине. Видишь тот белый кусок элекара?

Мальчишка заплакал. Нортон смотрел на него, выжимая воду из тенниски.

— Довольно реветь. Будь мужчиной.

— Мне-е... жа-а-алко...— сипел Ник, размазывая слезы.

— Мне тоже.— Нортон надел тенниску.— Ладно... успокойся. Голиаф погиб нормально — выручая друга из беды. Такой поступок достоин уважения, но не слез. Понял?

— По... понял...

— Вот и отлично. Разденься, я помогу тебе выжать одежду. Ты, видать, продрог.

— Н-нет...— Ник стал раздеваться. Вид у него был хмурый, брови насуплены.

Нортон взял его себе под мышку и перенес с мелководья на берег. Сбросил кеды, вытряхнул из них воду, обулся. Было совсем светло. Солнце озаряло верхние утесы карьера.

— Ты кем будешь, когда вырастешь, Ник?

Тот взглянул на него исподлобья.

— Я ведь уже говорил тебе, Дэв! Буду космодесантником.

— Да, это я слышал. Но разве мало других интересных профессий у нас на Земле?

— Десантники ВДОО? — Ник вздохнул. Серьезно сказал: — Нет, с этими у меня ничего не выйдет. Пока я вырасту, все тайники пооткрывают.

— Не отчаивайся. Мальчишкам всегда почему-то казалось, что ничего такого... героического им уже не достанется.

— А потом?

— Что потом?

— Ну... им всегда доставалось?

— Доставалось. Всегда. И еще как!.. Ну вот, все почти сухое, одевайся, и пошли.

— Куда? — спросил Ник.

— Что значит — куда? Наверх, разумеется. И вот что, парень... Твоей матери совсем не обязательно знать, как мы с тобой летели с обрыва.

Нортон поднял голову: кабинки канатной дороги двигались. Некоторое время он молча следил за бегущими в лазурном небе разноцветными котелками.

— Готов держать пари,— пробормотал он,— к нам в гости едет старина Берт.

— Это у которого изо рта вылетает огонь? — возбужденно полюбопытствовал Ник.

— Гм... Насчет огня я не уверен. А вот то, что у него иногда вылетают крепкие выражения, мне известно... Но ты его не бойся, он человек справедливый.

— Я никого не боюсь,— насупившись, заявил Ник.

— Правильно,— одобрил Нортон.— Чего ради ты должен кого-то бояться.

— Эй, бродяги! — гулко пророкотал сверху голос, усиленный радиомегафоном. Канатная дорога остановилась. Красная с белыми пятнами, как перевернутая шляпка мухомора, кабинка пошла вниз, разматывая подвесные тросы. Повисла метрах в пяти над землей. Человек в белой панаме и в солнцезащитных очках, опершись руками о край своего «мухомора», хрипло выкрикнул уже без усилителя: — Какого дьявола вы притащились сюда?! В такую рань!

— Сними очки, Берт,— откликнулся Нортон.— Они мешают тебе узнавать старых приятелей.

— Дэв? Семь тысяч чертей!..— Берт снял светофильтры.— Клянусь ареной Большого родео, уж тебя-то я меньше всего ожидал встретить в этой дыре!.. А это что за микроб рядом с тобой?

— Отважный парень. Ему надо было проверить, какая живность здесь водится.

— Ах, чтоб мне лопнуть! — изумился Берт.— Живность! Да какая тут живность, в этой помойной яме?! Тут даже змеи давно с тоски передохли. Однако, я вижу, вы успели добавить мусора в мое хозяйство?..

— Извини,— сказал Нортон,— так у нас вышло.— Он пожалел, что не столкнул обломок элекара в воду. Теперь эта история выплывет наружу, как пить дать.

— Ладно, туристы,— прохрипел Берт,— поднимайтесь сюда, я опущу вам другую кабину. Никак я не думал, что в день Большого родео кому-нибудь вообще придет в голову лазить в каньон!

— И я удивлен, что сегодня ты не в Копсфорте.

— Черта с два! Механиков на канатке трое, а дежурить выпало мне. С тех пор как здесь гробанулся тот ненормальный мотоциклист, власти города учредили дежурство даже по праздникам. Эти умники полагают, будто мне под силу угнаться на своей хромой ноге за мотокретинами!

Берт был явно не в духе, и Нортон решил промолчать.

Он и Ник осторожно взобрались по доломитовым глыбам на полуразрушенную террасу, прошли под «канатку» и влезли в спущенную для них кабину. Кабина взлетела вверх и пошла, поскрипывая, вдоль каната. Ник восторженно вертел головой. Нортон разглядывал с высоты путь, которым съехал сюда, чтобы выручить малыша и убить Голиафа...

— Дэв, ты будешь выступать на родео? — спросил Ник.

— Нет.

— Почему? Ты бы их всех запросто победил.

— Вот поэтому мне и нельзя. Если мы заранее знаем, что я могу их запросто победить, то моя победа будет нечестной. Ведь правда?

— Правда... Но очень хочется, чтобы ты стал чемпионом Большого родео.

— Зачем? Чтобы тебе можно было хвастать перед мальчишками, что с чемпионом Большого родео ты на короткой ноге? Обойдешься.

— Обойдусь.— Ник тяжело вздохнул.— А ты подаришь мне еще одну поющую палочку?

— А где та, которую я тебе... на прошлой неделе?

— У меня взял ее Гед.

— А зачем ты отдал?

— Он мне обещал подарить акваланг.

— Ясно... И больше ты палочку эту не видел?

— Нет. Он сказал, что берет ее на не... неопределенный срок. Это на сколько, значит?

— Это значит — почти насовсем.

— Плохо...— проговорил Ник.— Ты не обижайся, Дэв. Я, конечно, виноват. Ведь ты говорил, чтобы я этой палочкой перед взрослыми не хвастался... А я опять похвастался. Я и сам не знаю, почему у меня так всегда получается...

— Хвастовство — самый большой твой недостаток. А кому еще, кроме Геда, ты хвастался? Отцу? Матери?

— Да... Но мама не захотела смотреть и сказала, чтобы я не лез к ней со всякой чепухой. Папа посмотрел и сказал, что всякие такие штуки ему давно уже знакомы. Что ему приходилось видеть телеприемники даже в собачьих ошейниках. А Гед когда посмотрел, то сказал, что подарит мне акваланг, если я ему расскажу, как ты сумел это сделать. Но я ведь не знаю, что ты с ней сделал. Когда я принес тебе палочку, ты просто покрутил ее в руках, потер ладонями, и она стала петь и показывать... Ты не обижайся, Дэв, ладно? Мне очень хотелось акваланг. Теперь вот ни палочки, ни акваланга...

— Понятно... Ладно, ты не горюй. Будет тебе акваланг. Но с одним условием... Впрочем, с двумя. Плавать только со взрослыми. Элекаров не угонять. Слово даешь?

— Честное космодесантское!

— И хвастать больше не будешь?

— Я постараюсь...

— Постарайся. Ну вот и приехали. Вылезай.

Смотровую площадку заливало солнце. Здесь было тепло. Нортон, щурясь, взглянул на шоссе, увидел вынырнувшую на спуск лимонно-желтую машину и узнал элекар Генри... Так, значит, Гед пораскинул мозгами и догадался, что на Бизоньи озера Ник не поедет. У этого малыша догадливый дядюшка...

— Ну, чего стоишь? — сказал он Нику.— Беги встречать дядю.

Ник побрел. С оглядками, неуверенно.

— Беги, беги! Пусть дядя видит, что с тобой ничего не случилось, и хоть немного убавит скорость.

Ник побежал.

Звеня ключами, прихрамывая, подошел Берт. Рубаха небрежно распахнута на загорелой костистой груди. Лицо у него было крупное, мятое и небритое. Серебри-

лась щетина. Он посмотрел на шоссе, кивнул и спросил:

— Вроде бы Генри несется?

— Нет. Машина его, но едет не он.

— Нервное сегодня утро... Малец-то чей?

— Сын Бена. А в машине — дядя мальца, брат Бена по имени Гед.

— Приезжий, значит? Что-то не знаю такого...— Берт снова взглянул на шоссе и кивнул: — Встретились родственнички, разговаривают.

— Пусть поговорят. Им есть о чем... Малыш угробил дядин элекар.

— Шустрый малец!

— Хороший мальчишка. Но чересчур отважный.

— Пороть надо,— заявил Берт.— Не мальчишку пороть, а мать его. Да и отцу не мешало бы всыпать. Знаю я эту семейку...

Нортон не стал возражать. Берт посмотрел на него и сказал:

— А ты меня сегодня здорово пугнул. Гляжу в окно и гадаю: кого это черти несут сюда на белом элекаре? Из дому вышел — исчез элекар!.. Но слышу: треск стоит на тропе сумасшедших. И катушки на месте не видно, только пыль вьется. У меня все внутри так и оборвалось. Ну, думаю, кто-то в расселину ухнулся... Поковылял туда, спустился к самой расселине — нет нигде элекара!.. Я прямо обалдел. Ты что, по воздуху ее перепрыгнул, щель эту?

— Почему же по воздуху. А мост?

— Но ведь там на четырех колесах не...

— На четырех, конечно, нельзя, на двух можно.

— С ума сойти!.. А дальше?

— Дальше... Да, пришлось и по воздуху. Когда выбора нет, и по воздуху прыгнешь.

— Ловок... Рассказать кому — не поверят.

— А ты не рассказывай,— посоветовал Нортон.

— И в мыслях не было. Мне моя репутация дороже.— Берт поковылял к дому. Приостановился, бросил через плечо: — Кофе готов. Заходи, позавтракаем.

— Спасибо, зайду.

Нортон снял кед, вытряхнул из него мешавший ноге острый осколочек доломита. Заметил, как дядя Ника, оставив мальчишку в машине, засеменил на смотровую площадку. Фигура у него была несуразная. В костюме ковбоя с эмблемой спортивного клуба на рукаве он выглядел нелепо. Точно лимон, напяливший на себя ковбойскую шляпу.

Он был моложе своего брата, но раза в два шире в объеме: над туго затянутым ремнем выдавался отнюдь не спортивный живот. Лицо круглое, несколько одутловатое, глазки водянисто-светлые, быстрые. Нортон обратил внимание: Гед, приближаясь, обошел его тень, словно боялся на нее наступить.

— Я даже не знаю, какими словами выразить вам свою благодарность!..— смущенно заговорил Гед. Держался он робко, руки его двигались — он не знал, куда их девать.— Тем более что чувствую себя до некоторой степени виновным в этих событиях...

Нортон обулся, пошевелил ногой, проверяя, нет ли еще чего-нибудь твердого. Недовольно поморщился — от этого человека исходил пренеприятнейший живозапах. Почему они всегда так омерзительно «пахнут» — Бен и его братец?..

— Вы не ранены? — участливо спросил Гед.— Могу ли я что-нибудь для вас сделать?

— Да. Оставить меня в покое.

Нортон потер испачканное пылью колено и побрел к открытой двери дома, откуда несло запахом кофе. Гед, словно загипнотизированный, двинулся за ним. А мальчишка, позабыв все свои неприятности, стоял за рулем неподвижного элекара, как за штурвалом, и орал какую-то маршевую песню.

Семенивший сзади Гед торопливо забормотал:

— Я хотел бы... Нортон, послушайте!.. У вас разбилась машина, и я... Мне вас подождать?

— Не советую,— тихо сказал Нортон.— Вы меня не дождетесь...

7. *Отчуждение*

Прислонив мопед к дереву, Фрэнк сдвинул на затылок широкополый стетсон и обвел взглядом увитый зеленью дом. Было тихо и солнечно. В садовом парке по-утреннему хлопотливо щебетали птицы. Дом молчал. Фрэнк, взявшись руками за поясной ремень (как шериф из старого фильма), побрел в обход — по кромке газона. Было странно, что его не встречал, как обычно, приветливый Голиаф.

Никогда он не чувствовал себя на этой вилле уютно. Сегодня тем более. Сегодня вдобавок он ощущал себя так, словно ему предстояло пройти здесь каверзный полигон, необычность которого усугубляется тем, что под мышкой нет бластера и надо следить за выражением своего лица. Ни Вебер и никто другой не учили его следить за выраже-

нием своего лица. А зря. Полигон под названием «Оперативная мимика» был бы кстати...

Не доходя до бетонированной щели гаража, он заметил две отчетливо видимые на зеленом ковре газона вмятины, остановился. Осмотрел заросшую плющом декоративно-дырчатую стену дома и, придержав шляпу рукой, поднял глаза на огражденный бортиком козырек верхней террасы.

По наклонному пандусу он спустился в гараж. Машины Дэвида не было. Золотистый элекар Сильвии был на месте. Под ногами хрустело стекло. Фрэнк представил себе, как стоял элекар, и понял происхождение двух удлиненных россыпей стеклянных осколков. Помятый газон, разбитые глазки сигнальной системы блока «безопасной езды», в беспорядке брошенные кабели... Фрэнк рванул одну из боковых дверей гаража, взлетел по внутренней лестнице на второй этаж дома. Обегал все помещения, заглянул в распахнутую дверь кабинета; выскочил на террасу, спустился на первый этаж и обошел летние холлы. Везде был порядок. В вазах стояли свежие цветы; огромный букет белых и розовых гладиолусов был еще мокрый... Успокоившись, Фрэнк отправился на кухню, приоткрыл дверь и увидел сестру.

Сильвия, что-то бормоча себе под нос, священнодействовала у кухонного агрегата. На столе в расписном фарфоровом блюде уже высилась горка вафельных трубочек с кремом. Агрегат мигал кружка́ми и полосками световых сигналов, шелестел и периодически щелкал чем-то похожим на блестящие челюсти тостера.

— О, бэби! Какой ты красивый! Этот костюм тебе очень идет.— Она улыбнулась.— Настоящий ковбой!..

Он молча смотрел на нее. Она заметно осунулась, постарела. Рыжая, руки в веснушках... Сделал усилие над собой, улыбнулся:

— Привет, мом! Как поживаешь?

— По-старому, бэби, по-старому. Все у нас как и прежде, без изменений.— Она подошла и ласково потрепала его по щеке. Ей очень нравилось, когда он называл ее «мом».— Ты такой красивый и представительный! Но мрачный... Нет? Значит, мне показалось. Ты просто, наверное, озабоченный. Трудно тебе в твоем Управлении, бэби?..

Он успел затолкать в рот вафельную трубочку и теперь на все ее вопросы отвечал только мычанием и неопределенными жестами.

Счастливо улыбаясь, она упрекнула его:

— Бэби, ты как ребенок! Тебе полагается снять шляпу и пойти вымыть руки. Любой воспитанный человек на твоем

месте давно уже сделал бы это.— Она включила какие-то кнопки, агрегат ухнул и тонко завыл.— Я очень рада твоему приезду. Я знала, что в день Большого родео непременно увижу тебя, и решила приготовить на сладкое к завтраку твои любимые «фафлики»... В последнее время я редко стряпаю сама — обычно мы пользуемся доставкой горячих блюд на дом, сервис у нас в этом смысле выше похвал. Но сегодня решила тряхнуть стариной и поспорить с искусством дипломированных кулинаров... Ты намерен участвовать в скачках?

— Да. В качестве созерцателя.

Не снимая шляпы, он таскал «фафлики», слушал ее болтовню и сообразно обстоятельствам кивал или пожимал плечами. И внимательно разглядывал сестру, выбирая моменты, когда она на него не смотрела.

— У тебя правда все в порядке, мом? — спросил он, стараясь придать своему голосу оттенок беспечности.

— Разумеется! — Она продолжала манипулировать кнопками агрегата.— Почему ты решил об этом спросить?

— Давно не видел тебя. Естественно, интересуюсь... И если когда-нибудь вдруг случится, что тебе понадобится моя помощь, ты получишь ее немедленно.

Она сделала движение головой, будто хотела взглянуть на него, но это движение осталось незавершенным.

— Ты всегда был добр ко мне и внимателен, бэби, и я благодарна тебе. Но... с чего ты взял, что мне нужна будет помощь?

— Я ведь сказал: если... Жизнь штука сложная, мом. Работа в Управлении окончательно убедила меня, что современное бытие полно неожиданностей. Причем не все из них приятного или хотя бы достаточно безобидного свойства.— Он слизнул крем.

— Ты знаешь...— теперь она на него посмотрела,— мне все это как-то не очень нравится.

— Мне тоже. Но это, видимо, выше наших эмоций.

— Я не о том... Твоя работа делает тебя излишне мнительным.

— Ничего подобного. Моя работа делает меня рациональным. Дэв дома?

— Нет. Но через час будет здесь, и мы сядем завтракать. Буквально за минуту до твоего появления я говорила с ним по видеотектору. Дэв сказал, что у него испортилась машина где-то в районе смотровой площадки каньона.

— Да? Чего ради его туда понесло? Он что, каньона не видел?

— Туда зачем-то понесло соседского мальчишку, и Дэву пришлось его догонять.

— Догнал?

— Разве могло быть иначе? Правда, мне неизвестны подробности, Дэв о них умолчал. Ты ведь знаешь его...

— Я его знаю.— Фрэнк взял еще один «фафлик».— Ну ладно, не буду тебе мешать. Ты когда управишься со своими делами?

— Думаю, получаса мне будет достаточно. Пойди проверь, хороша ли вода в бассейне. Только не слишком перегревайся на солнце.

— Постараюсь.

Фрэнк вошел в кабинет Нортона. Дверь он оставил открытой, как было. Сел в кресло, облокотился о стол и прислушался. Дом будто вымер. Справа жирно лоснилось большое болото с зеленой водой. Фрэнк, задумавшись, остановил на нем взгляд. В отдалении — худосочные заросли. На переднем плане (едва ли не возле стола) бродили по мелководью какие-то крупные длинноногие птицы; одна из них, оттопырив крыло, усердно чесалась. «Второй канал девятой стереопрограммы,— подумал он.— Нескончаемые видеоландшафты с живностью для закоренелых меланхоликов...»

Он открыл стол, покопался в нем и быстро нашел фальшивую стенку. Так, интуиция не обманула его...

Отодвинув стенку, он обнаружил сейф. Коснулся пальцем пластинки замыкающего устройства — пластинка брызнула светом, но замок не сработал. Ясно: замок типа «Дактилоцензор». Очень модный замок. Быстродействующий, удобный. Одно неясно: почему владельцы маленьких тайников считают эти замки абсолютно надежными. Впрочем, прятать дневники от любопытного глаза домашних можно, конечно, и под такими замками. Посмотрим, что доверил «Дактилоцензору» Нортон... Вынув из кармана эластичные перчатки, Фрэнк аккуратно натянул их на руки, поднес к губам, подышал на пальцы. Эти перчатки с «пальчиками» Нортона ему за три с половиной минуты изготовили в лаборатории дактилоскопии в перерыве между двумя вчерашними заседаниями следственной группы. Втайне от шефа. Достаточно было сунуть под нос ребятам жетон, и его снабдили не только перчатками, но и съемочной камерой типа «Видеомонитор» новейшего образца — камера замаскирована в коробке карманного фонаря... Шеф узнает — позеленеет от ярости. Шеф полагает, что такого субъекта, как Нортон, можно «раскрыть», ме-

тодически припирая к стене душеспасительными беседами...

Сейф находился в левой тумбе стола. Фрэнк сунул туда левую руку и открыл замок первым же прикосновением. Вынул из тайника тетрадь в черной обложке. Больше ничего там не было. Он перевернул обложку и узнал своеобразно размашистый почерк Дэва. Выбрал несколько абзацев наугад, прочел, тихо присвистнул. Два вчерашних утомительных заседания следственной группы не стоили и одной страницы этой тетради... Он выхватил из заднего кармана джинсов плоскую коробку «Видеомонитора», нажатием на торец корпуса открыл глазок объектива, вытащил из камеры три тонкие телескопические ножки и поставил трехногого «паука» объективами вниз в центре стола над тетрадью. Прислушался. В доме было по-прежнему тихо. Фрэнк включил «фонарную» кнопку — ослепительно голубой свет вспыхнувшей линзы залил первую страницу. С этой же кнопкой связан включатель съемочного механизма.

Не снимая перчаток, Фрэнк перелистал под объективом исписанные страницы, выключил камеру, быстро привел ее в добропорядочный «фонарный» вид, сунул в карман. Затем пробежал глазами несколько страниц ошеломляющего текста. Не все понятно, но даже того, что ему удалось уяснить, было более чем достаточно. Последняя страница подействовала на него как удар по затылку. Непослушными руками он водворил тетрадь на место. Бедная Сильвия!.. Однако держится она великолепно... Не знает?.. Вздор! Как это можно — жить рядом с чудовищем и ничего о нем не знать! Знает, все знает! А если не все, то о многом догадывается. И терпит. Любит его и на все это попросту закрывает глаза. Попросту? Может быть, в ужасе?.. Нет, она ведь с ним... добровольно. А, дьявол! Но как же все-таки быть? Попытаться уговорить ее уехать отсюда? Хотя бы на время?.. Но о каком, собственно, времени... Это конец! Тут такая теперь свистопляска поднимется!..

Фрэнк запер сейф, снял перчатки, взглянул на часы. Половина восьмого. Минут через тридцать Нортон должен быть здесь. Надо избавиться от «Видеомонитора». Этот дьявол в образе человека способен почувствовать даже миниатюрный аккумулятор. Не исключена возможность, что он способен и мысли угадывать. Нет, вряд ли. Это было бы слишком... Но осторожность не помешает. Ведь черт его знает, на что он еще способен!..

Чтобы не встретиться с Сильвией, Фрэнк вышел из дома через гараж, сел на мопед и, выкатив за ворота, по-

вернул в направлении городской станции технического обслуживания элекаров. За полчаса он успеет съездить туда и обратно. Шоссе было влажным после утренней поливки; умытые кусты сирени, идущие зеленой изгородью по обеим сторонам дороги, свежо блестели. Фрэнк машинально вывел мопед на «малый фитиль» у обочины и перевел питание мотора с аккумуляторов на «даровую» энергию кабеля. У большого щита с рекламой о прелестях отдыха на Бизоньих озерах его обогнал открытый, дико разрисованный элекар с юнцами и девушками. Молодежь невоспитанно хохотала, указывая пальцами на двухколесного ковбоя. Пока машина не скрылась, было видно, как они там падают друг на друга от хохота. Фрэнк остановил мопед и, растопырив ноги, уткнулся лицом в сложенные на руле руки. Карман чувствительно оттягивала камера «Видеомонитора». Она была тяжелая, как булыжник. По дороге туда он не чувствовал этого, но сейчас камера стала вдруг тяжелой и неудобной. И мысли стали тяжелыми и неудобными. Он не думал, что будет именно так. Он ни секунды не колебался, когда перелистывал перед объективами «Видеомонитора» записи Нортона, а теперь его угнетало мучительно-двойственное ощущение. Не надо было обладать особо развитой проницательностью, чтобы во всей полноте представить себе ценность полученной... нет, похищенной информации. Но в то же время он совершенно отчетливо сознавал, что похитил ее не к добру. Эта карманная мина способна вдребезги разнести семейный уклад четы Нортонов. Способна опрокинуть, сломать, искалечить многое из того, что людям дорого и привычно. Превратить, скажем, Копсфорт в зону СК, сестру — во врага. Какая по счету зона? Шестая? Н-да... На Памире седьмая. Восьмая на Адриатике, девятая в Калифорнии. Н-да... И суток не прошло с тех пор, как он донимал ни в чем не повинного Вебера экстраполяцией мрачных предположений...

Неожиданно для самого себя он выхватил из кармана блестящий параллелепипед «Видеомонитора», отшвырнул в кусты. Даже не посмотрел, куда улетела эта мучительно неприятная штука, только слышал, как зашуршала листва. Легче ему не стало. Он не знал, что с ним происходит. Он был холодно спокоен, но чувствовал, что где-то недалеко от границы спокойствия бродит волна сумасшедшего гнева. Слепого, безадресного. Развернув мопед на пустынном шоссе, он покатил в обратную сторону. Все, что он делал, происходило почти машинально. В голове и в кармане теперь было пусто, размышлять не хотелось. Уж раз он не в силах

исполнить священный свой долг, то размышления по этому поводу тем более не имели смысла. В конце концов, в его служебном задании не предусмотрена работа с «Видеомонитором». Напротив, строго запрещена. Ему вменили в обязанность выявить причастность Нортона к «черным следам» и попытаться склонить этого дьявола то ли к вынужденной исповеди, то ли к добровольному покаянию. И больше ничего. Ничего больше.

Фрэнк оставил мопед на траве и направился к летнему холлу по дорожке, пестро выложенной пластинами разноцветного туфа. Не дойдя до порога, опустился в надувное кресло. Он ощущал себя так, словно и сам был накачан холодным воздухом. Странная невесомость тела, мыслей и духа... В кронах деревьев щебетали птицы. Он сидел, надвинув шляпу на глаза. Ему не хотелось ни видеть здесь ничего, ни слышать...

В летнем холле что-то заскрежетало. Зазвенела посуда. Голос Сильвии:

— Вода не слишком холодная, бэби?

Приподняв шляпу, он огляделся. Ответил:

— Нет, мом. Вода превосходная.

* * *

Нортон развернул элекар Берта на берегу канала, включил водитель-автомат, нажал кнопку «обратного хода» и выпрыгнул через борт. Все вокруг было тошнотворно желтым: небо, кусты и деревья, трава и вода. Вдобавок небо отливало глянцем, и этот неравномерный призрачный блеск делал небо похожим на повисший над головой океан ананасового желе... Нортон продрался сквозь придорожные кусты. Его покачивало. Сквозь просветы между деревьями блестела ядовито-желтая вода. Он лег на траву и уставился в небо. Летом такого он еще не испытывал. В апреле дьявольская желтизна мучила каждые три-четыре дня, но потом вдруг прекратилась и, помнится, он с надеждой подумал, что это уже навсегда. С таким же успехом он мог бы надеяться, что вслед за апрелем наступит февраль.

Затылку мешало что-то колючее. Нортон сунул под голову руку, вынул засохшую ветку, отбросил в сторону. Безобидное движение вызвало тошнотворные колебания небесного глянца, и Нортон старался больше не двигаться. Желтое небо утомляло глаза, но он не позволил себе смежить веки — знал: будет хуже. Впрочем, и так было нехорошо...

В какой-то неуловимый момент глянцевый блеск помутнел и рассыпался. Пошел сверкающий снег. Казалось, ветер принес откуда-то громадное облако рыбьей чешуи, разметал его наверху, а потом этот мусор стал падать на землю, сверкая под солнцем. Желтое небо сменил глубокий коричнево-йодистый фон, ничего, кроме «фона» и «снега», не было видно, и Нортон почувствовал себя совершенно беспомощным, как слепец. Он опустил усталые веки — теперь это уже не имело значения: «снегопад» продолжался.

Уши заложило чем-то непробиваемо плотным, и он, цепенея от страшного подозрения, подумал, что внезапная глухота слишком похожа на... Нет! Только не это! Он готов вытерпеть все что угодно, только бы на Земле его не нашло то, от чего он сбежал...

Тишина звенела, странно покачиваясь, и постепенно он успокоился. Та тишина, которой он боялся, никогда не звенела. Та была абсолютно мертвой — мертвее представить себе невозможно. Да, все в порядке — сегодняшняя тишина звенит. Очень тонко, едва уловимо... И где-то в самой ее сердцевине словно бы часто-часто лопались липкие пузыри и торопливо шелестела пена. Разговорчивая такая пена, как шепоток безумца...

Сверкающие снежинки-чешуйки мягко и липко лопались над головой, засоряя пространство серыми клочьями торопливого шелеста. Разной плотности мутные тени и коричнево-йодистые пятна... И как будто из всего этого кристаллизуется чье-то коричнево-бронзовое лицо — в перевернутом виде, наполовину скрытое тенями, наполовину освещенное колеблющимся пламенем... Не лицо, а скорее намек на него — громоздкое, диковинно-живописное сочетание теней и отсветов бронзы. Нельзя сказать, чтобы это смутно различимое лицо было придвинуто слишком близко, но почему-то хотелось хотя бы слегка от него отстраниться. Как и тогда, в прошлый раз... Он попытался связать в один узел все свои сиюминутные чувства — томило злое желание разобраться и в конце концов подавить в себе рецидив недоверия к вещественной зримости... нет, не то слово...— ощутимости? — да, ощутимости образа. Тем более что в необычном лице было нечто обычное и даже знакомое... Он сделал попытку сосредоточить внимание только на том, что ему показалось знакомым. Эдуард Йонге? Тэдди?.. Торопливый шелест-шепоток безумного эха достаточно внятно повторил его нетвердую мысль: «Эдуард Йонге? Тэдди?..» Бронзовое лицо, кажется, дрогнуло. Нет, он не

был в этом уверен. Но шелест-ответ, мгновенно распространенный ошалело качнувшимся эхом, плеснул в мозг резонансной волной: «Жан? Лорэ? Нет, ты не Жан... Кто ты, не улавливаю, не могу понять!..» Эхо было насыщено беспокойством. Тени и отсветы чуть переместились (диковинно подсвеченные куски бронзы словно бы ожили), и лишь теперь он догадался, чье это лицо. Оно отличалось своеобразием черт — смесь европейского с азиатским. Своеобразие было весьма привлекательным. Да что там — даже красивым. Среди ребят «Лунной радуги» Тимур Кизимов выделялся броской красотой...

«Извини, Тимур, сперва я принял тебя за другого...» — нерешительно подумал он. Просто так подумал, на всякий случай. И вздрогнул, захлестнутый новой волной ответного резонанса.

«Нортон?.. Вот сюрприз! Не ожидал... Но, как говорят начинающие поэты, рад эфирному свиданию с тобой».

«Я тоже. Вверх ногами, правда... Вздор какой-то...»

«Отчего же вздор? Ведь мы с тобой антиподы. Лорэ, к примеру, у меня всегда на боку...»

«Я не о том. Все это вздор вообще... Болезненные судороги мозговых извилин».

«Молодец. Очень толково все объяснил... У тебя, вероятно, это впервые? Не готов поверить в эфирную встречу?»

«Не знаю, Тим. Но это не впервые. Два раза был Йонге. Желтизна... несколько раз. Тэдди — два раза».

«Хорошо видел? Ясно?»

«Это можно назвать словом «вижу»?.. Тогда нет. Как тебя».

«Вот чудак! Откуда мне знать, как ты видишь меня!.. Тебя, например, я вижу скверно. Узнал скорее интуитивно, чем визуально... Так что у тебя с Эдуардом?»

«Да ничего... Мне казалось, Тэдди был взбешен. Ругался. По крайней мере, я это так ощутил».

«Ругался? Йонге? Невероятно... А ты?»

«Я молчал. То есть... ну... сам понимаешь».

«Диалог, значит, не состоялся... А знаешь, мой милый... ты и Йонге — два чудака! Ведь это же превосходная дальняя связь».

«Мне и Йонге связь не нужна».

«Да? Ну прости... Я и забыл, что вы друг с другом не очень-то ладили. Еще тогда я не мог понять почему. Правда, ходила какая-то сплетня, будто бы ты оставил Йонге в хвосте своей внезапной женитьбой...»

«Мы ладили, Тим. Только нам никакая связь между собой не нужна. В сфере моего воображения ему просто нечего делать. Так же, как мне... в его...»

«Ладно, Дэв, с тобой все ясно. И меня ты, конечно, считаешь продуктом собственного воображения...»

«Но хотелось бы, Тим, чтобы это была действительно честная «дальняя связь»...»

«Кстати, Лорэ тоже не верил и недавно приехал ко мне на Памир выяснять отношения лично».

«Поверил?»

«Думаю, да. Ты бы видел, как он на меня посмотрел, когда я, словно бы мимоходом, обронил кое-какие фрагменты наших «эфирных бесед»!.. Впрочем, есть и другие способы перепроверки. Скажем, по почте. О, придумал! Я отправлю тебе карточку-квитанцию, которая удостоверит факт сверхдальней церебролюбительской связи. И знаешь, что я на ней нарисую? С одной стороны рукопожатие континентов, с другой — систему Урана. Но в образе Оберончика там будет этакий плешивый череп с дыркой на лысине и с двумя косточками крест-накрест...»

«Заткнись!»

«Это ты мне или своему воображению?»

«Заткнись, говорю!..»

«Кстати, Дэв, как будет в нашем случае правильнее: говорю или чувствую?»

«Правильнее будет: думаю, мыслю».

«Умница. Вот и давай, мыслитель, посоветуемся, как нам дальше жить...»

«Повеселее ничего придумать не мог?»

«Ах ты, телячий хвост! Повеселее!.. Не развеселит ли тебя новость, что Управление космической безопасности очень интересуется старыми оберонцами?»

«Да? Я так и думал... Все утро я только об этом и думаю».

«Понятно...»

«Что понятно?»

«Ну прежде всего то, что наши мозговые извилины неплохо настроены в унисон. Отсюда и связь... Ладно, дело в другом. Суть дела, видишь ли, в том, что нас на Земле всего четверо, но каждый из этой четверки предпочитает мыслить, упрятав голову в песок...»

«Погоди, погоди!.. Сдается мне, ты абсолютно убежден, что все четверо... одинаково...»

«Нет, ты не просто мыслитель, Дэв, ты выдающийся мастер этого дела!.. Впрочем, каждый из нас, по-видимому, воображал себе, что именно он самый феноменальный

урод на планете. И каждый страдал в одиночку. Мыслители...»

«Предлагаешь страдать коллективно?»

«Я предлагаю что-то решить. Ведь так продолжаться дальше не может. Хотя бы по той весьма заурядной причине, что наше уродство уже не секрет для космической безопасности».

«А что они, собственно, знают?»

«По крайней мере, им известно даже то, чего не было известно до недавнего времени мне».

«Ты мог бы выразиться яснее?»

«Видишь ли, каждый из нас знает все о себе и ничего об остальных. Функционеры из космической безопасности знают хотя и не все, но понемногу о каждом. О тебе, правда, речь пока не идет. Но стоит ли рассчитывать на то, что там работают дураки?»

«Нет, не стоит...»

«Я тоже так думаю. Не сегодня завтра и тебя зацепят. Просто так тебе не отсидеться в твоей коровьей крепости. Вместо того чтобы сообща обдумать свое положение, мы ломаем друг перед другом комедию. Вот ко мне приехал Лорэ... О чем, ты думаешь, мы говорили? О погоде. Об эволюции климата Средней Азии и Средиземноморья. И если не считать моего ответа на его вопрос, почему я до сих пор не женат, никакой новой информацией обо мне он не обзавелся. Я понимал, что́ его привело на Памир, но сам он не сказал мне об этом ни слова. Зато я очень подробно узнал, как менялся климат на Адриатике в период между палеогеном и антропогеном... А о том, что этот адриатический климатолог способен демонстрировать перед публикой великолепные образцы «черных следов», я узнаю в Управлении космической безопасности. Кстати, Дэв, как с «черным следом» дела обстоят у тебя?»

«Может, сначала ты объяснишь мне, что это такое?»

«Именно это я и имел в виду, когда напомнил, что мы обожаем ломать друг перед другом комедию. Но ты не смущайся и продолжай. Положение обязывает».

«А знаешь, мой дорогой, в чем разница между нами? Между парочкой «я и Лорэ» и парочкой «ты и Йонге»?»

«Впервые ты заговорил со мной поучающим тоном...»

«Разница в том, что Йонге и ты еще не женаты, а я и Лорэ, как нарочно, до сих пор еще в состоянии брака».

«Насколько я понимаю, ты хочешь сказать, что вам искать выход труднее, чем нам?..»

«Ты очень правильно понимаешь. Для неженатого ты

просто невероятно смекалист и проницателен... Ну что ж, пусть удача сопутствует тебе в поисках выхода».

«Спасибо. Но с тех пор как мы оказались перед входом в зону СК, куда нас прижали, я утратил веру в удачу. Мы стоим у самых ворот и смотрим на них такими глазами, будто эти ворота не имеют к нам никакого касательства. «Вы случайно не знаете, для кого приготовлена эта новая зона спецкарантина?» Слушай, Дэвид, ты притворяешься или действительно не понимаешь, что новая зона приготовлена для тебя?»

«Говорят, поэтами рождаются, а ораторами делаются. Ты счастливый человек, Тим. И поэтом родился, и оратором сделался...»

«Шизофреником я скоро сделаюсь. И немалая заслуга в этом будет твоя и Лорэ. Эх, знать бы все это заранее!.. Я долго еще флиртовал бы с мадам Внеземелье».

«Как это делает наш упрямый и самоотверженный Золтан Симич?»

«Золтан... Золтан уже ничего не делает...»

«Шутишь?..»

«Вчера сообщил мне один мой друг... из УОКСа. И ситуация-то, в общем, была как будто нехитрая... Трехместная коробочка пошла на вынужденную в Горячих Скалах... ну выручали ее и нарвались на кольцевую могилу. В тех местах это раз плюнуть...»

«Понятно... И сколько?»

«Двое. Золтан и его напарник».

«Н-да... Тело Золтана удалось найти?»

«Там не находят, Дэв. Когда проваливается этакий серповидный участок метров пятьсот шириной, там ничего не... Кроме лавы, естественно, и перегретых газов, паров. Кислотных, серных, ртутных, рутениевых... всяких. Взрывы бухают. Видимость — ноль... Одним словом, каша. И никакими локаторами...»

«Знаю, Тим. Даже знаю, что и тебе довелось этого блюда отведать. Но ведь ты как-то выкрутился?..»

«Мне повезло — моим напарником был Йонге. Вот вдвоем мы и выкрутились... Совершенно нелепое происшествие. Едва мы вывели из опасной зоны группу афродитологов, у одного из них лопнуло что-то в системе воздушного обеспечения. Из атмосферы, видимо, кое-что просочилось в скафандр, и парень так отравился, что стал способен на мелкие чудеса. Схватил ни с того ни с сего камнерез и пропорол багажный отсек дисколета... Ну пришлось побегать за ним, и он затащил нас в «коль-

цо». А там уже все шевелилось... Еле поймали! Хорошо, Эдуард догадался треснуть его по затылку. Да так треснул, что бедняга только на базе очнулся. Потом медикологи говорили, что потеря сознания и спасла его. А вот как нам вообще удалось уйти оттуда живыми, этого ни один медиколог тебе не расскажет. Золтану не удалось... И сегодня я не в состоянии избавиться от мерзостного ощущения. В том смысле, что не следовало торопиться в отставку. В конце концов, будь я напарником Золтана, все сложилось бы по-другому...»

«Это тебе только кажется. Бьешь копытом о землю, забыв, что уже не рысак. Тоскуешь... А ведь, по сути дела, само Внеземелье перечеркнуло твою служебную визу на выход в Пространство. Чего же ты мечешься там, у себя на Памире, как метался некогда между «Меркьюри рэйнджерс» и «Утренней звездой»? Не потому ли, что, получив нокаут от Внеземелья, ты еще не нашел в себе мужества это признать?»

«А вот мое мужество, Дэвид, лично тебя ни с какой стороны не касается».

«Правильно. Потому и не спрашиваю тебя, отчего это ты так поспешно удрал из Дальнего Внеземелья. И вовсе не любопытствую, много ли экранов ты перебил. Хотя бы, скажем, только на «Голубой пантере».

«Чего ты от меня хочешь?!»

«Не волнуйся, мой милый, в твоем возрасте вредно. В нашем возрасте было бы лучше, конечно, беседовать о погоде. Однако, насколько я понял, во-первых, в тебе эта тема не вызывает ответного энтузиазма. А во-вторых... Ты так темпераментно призывал к откровенности, что рассчитывать на апатию собеседника тебе уже не приходится. Чем больший камень бросаешь в болото, тем меньше шансов уберечься от брызг».

«Мораль? Не бросай камень в болото, если там сидит Нортон?»

«Кто-то минуту назад меня информировал, что Нортон в болоте не одинок. А знаешь... мне начинает нравиться эта странная «дальняя связь». Похоже на то, как если бы нас посадили друг перед другом на стулья, не забыв привязать одинаково прочными ремнями желтого цвета. Хочешь не хочешь — надо беседовать...»

«А... входишь во вкус. Насчет ремней это ты верно заметил. Пока нас ремни держат в узде, можно плевать друг другу в лицо без риска, что собеседник поднимется и уйдет, хлопнув дверью?»

«Ищешь ссоры?»

«Нет. Просто хочу, чтобы ты наконец изложил мне свою точку зрения. Глупо ссориться, сидя в одном болоте».

«Это, пожалуй, самое умное из того, что я от тебя сегодня услышал».

«Да? А что от тебя сегодня услышал я? Томный призыв к сохранению нашего причудливого статус-кво? Давайте, дескать, ребята, втянем конечности в панцирь, и дело с концом... Я уже не говорю о том, что это вообще никакое не решение нашей проблемы, но панцирь... покажи-ка мне его! У тебя у самого есть этот панцирь? Или ты, унаследовав вязкую англосаксонскую традиционность, инстинктивно считаешь панцирем собственный дом?!»

«Ну а в тебе, я вижу, бурлит неугомонная пылкость Востока. Панцирь — это прежде всего наше самообладание. Пора бы тебе отличать свойства десантника... бывшего, правда... от свойств черепахи».

«А тебе зону СК, будущую, правда, от безмятежного существования глубокоуважаемого ветерана».

«Стоит ли так... прямолинейно, Тимур?.. Какая, собственно, надобность им изолировать нас?»

«Найдут. Если мы сами откажемся от обсуждения этой надобности».

«А, вот как! Ну, давай покопайся в нашем болоте, поищи аргументы для причин изоляции. Начинай».

«Безопасность общества — высший закон».

«Этот твой аргумент основан на доводе, который сам еще требует доказательства. Ты опасен для общества?»

«Я?.. Что за чепуха! Нисколько».

«И я неопасен. Я опасен для состояния нервной системы своей жены, но не для общества в целом. А это другое дело. Жена — самостоятельный человек и может в любой момент свободно уйти... Я не думаю, что у Лорэ и Йонге в этом смысле все обстоит по-иному».

«Но так думаем только мы — четыре жалкие единицы всего земного сообщества...»

«К счастью, не только мы. Нам выданы бессрочные пропуска на планету Земля и копии актов обязательного медосмотра для бывших работников Внеземелья. В сумме, Тим, это серьезный юридический документ. И чтобы упрятать нас в зону СК, обществу потребуется ни много ни мало — кардинально пересмотреть соответствующие законы Мировой Конституции. Это не просто...»

«Но возможно».

«А на каком основании? Мы ведь не заразные, как «резиновые паралитики», и не чокнутые, как «синие люди». За десять лет мы никого не заразили и никому не причинили ни малейшего вреда. Напротив, были полезны для общества. Десять лет, по-моему, вполне достаточный срок гарантии. Хотя бы просто для того, чтобы нас оставили в покое».

«А по-моему, Дэв, ты упускаешь из виду одно принципиально важное обстоятельство. Мировая Конституция как регулятор общественных правоотношений существует исключительно для людей. О нелюдях там не сказано ни единого слова. Как быть?»

«На этот вопрос я отвечу не раньше, чем будет доказано, что я действительно нелюдь».

«Ну а... если?.. За доказательствами далеко ходить не придется. Наши биоэнергетические параметры временами чудовищно отличаются от тех же параметров нормальных людей. Разве этого не достаточно для юридической аттестации понятия «нелюдь»? И чего в таком случае стоит вся твоя казуистика?»

«А твоя?.. «Чудовищно» — сильное, конечно, слово, но это еще не критерий. Грамотная аттестация понятия — дело сложное, тонкое и трудоемкое».

«Что ж, применят критерии посолиднее».

«Но их пока нет. И вопреки твоему убеждению, Тим, за ними придется ходить далеко. А главное — долго».

«Я думаю, дождемся... Мы очень медленно стареем, Дэв. Внешне мы выглядим почти точно так, как десять лет назад. Никто не верит, что мне сорок шесть... Люди уже начинают обращать на это внимание».

«А мне каково? Жена на три года моложе меня, а выглядит старше. Кое-кто уже начинает себе позволять неуместные шутки по этому поводу».

«Долгожители... Будь оно проклято! И если бы не мальчишки, которых у меня две сотни... Устал я, Дэв. Странно как-то устал. Хотелось бы знать, сколько мне там отпущено... щедрой рукой Внеземелья».

«Может быть, много, Тим. А может быть, и с воробьиный нос... Так что не суетись. В отличие от нормальных людей мы ничего не ведаем ни о будущей жизни своей, ни о будущем своем конце. Вот это, видимо, серьезный критерий для аттестации понятия «нелюдь»... Вполне может случиться, что завтра мы протянем ноги из-за какой-нибудь ерунды. Скажем, во время магнитной бури. Или от слишком холодной воды...»

«Или от жгучего любопытства своих соплеменников. Н-да... Хорошо угадать бы ровно в тот день, когда юридически мне запретят называть себя человеком».

«Если так, жить тебе долго. Потому что, когда наконец нас раскроют, мы войдем в полосу чертовой уймы юридических казусов. Правоведы будут здесь разбираться сто лет... И знаешь, чем это может закончиться, Тим? Парадоксальным на первый взгляд и очень для нас любопытным определением!..»

«Оставят за нами Права Человека, признав, что мы безопасны для общества?»

«Мало того! Признают, что общество опасно для нас!.. Ведь если отбросить предвзятость, то, по сути дела, так оно и есть!»

«Ах, черт побери! Да не все ли равно, как нам будет предложено выйти вон из рядов человечества — шагом назад или шагом вперед?! Кто мы такие без общества? Вне его? Нули. Экскременты Дальнего Внеземелья...»

«Ну хорошо... Впрочем, хорошего мало. Каковы твои намерения?»

«Еще не знаю. Вся беда в том, что я ничего еще не знаю... Одно бесспорно: жить так дальше нельзя. Я уже ощущаю потребность сделать попытку установить с обществом обоюдочестный контакт. Я плохо себе представляю, когда и с чего тут можно начать, но я подумаю... и попытаюсь».

«Попытайся. Тебя грызет ностальгия определенного рода... Полагаешь, меня она не грызет? Но между нами та разница, что ты питаешь надежду как-то избавиться от нее, а я — нет. Я вижу: тут уже ничего не поделать... Согласно каким-то законам развития общество периодически плавится, как металл, и в переплавке, естественно, отторгается шлак. Тимур, хочешь ты того или нет, но мы с тобой отработанный шлак нашего общества. Слово «тимур» на языке одной из ветвей твоих предков, кажется, означает «железо»? Теперь твое имя звучит как насмешка...»

«Оставь мое имя в покое. Моя надежда — это все-таки надежда. А что остается тебе?»

«Я буду противиться ненужным, на мой взгляд, контактам. Независимо от того, какие общественные институты попытаются мне их навязать. Не хочу... Не верю в обоюдочестный контакт. Он просто не может быть обоюдочестным. Несложно представить себе, до какой степени здесь неравно соотношение интересов... К сожалению».

«Я хотел бы надеяться, что абсолютное тождество нравственных качеств нашей четверки и общества в целом не исключает возможности компромисса».

«Компромисс? То есть расскажешь о мелочах типа церебролюбительской связи, электромигрени и «черных следов», утаив остальное? И при этом отчаянно попытаешься убедить сограждан планеты, что твоя откровенность по поводу неприятностей Дальнего Внеземелья в принципе бесполезна для общества, но была бы очень вредна для тебя самого? Полагаешь, это твое заявление даст тебе право остаться в рядах человечества? Черта с два, как сказал бы один мой приятель. И в конце концов, соблюдая свои интересы, общество непременно вернет тебя в Дальнее Внеземелье и вновь заставит барахтаться в жуткой трясине того состояния, выбраться из которого тебе в свое время стоило... сам знаешь чего. И когда ты там превратишься в объект бесконечных, неимоверно болезненных для тебя и, как потом выяснится, бессмысленных, никому не нужных экспериментов...»

«...Поймешь наконец, что условия для обоюдочестных контактов самой природой нашего гнусного положения просто не предусмотрены. Тот редкостный случай, когда смирение равносильно сопротивлению».

«Ты думаешь, я не ломал над этим голову дни и ночи? Однако альтернативы не вижу».

«Как там записана твоя вилла в адресной книге Копсфорта? Вилла «Эдвенчер»?[1]»

«Да. Ну и что?»

«Ничего... Назови ее: вилла «Элиэнейшн»[2].

* * *

Нортон опоздал к завтраку на полтора часа.

Он кивнул, здороваясь с Фрэнком, и ничего ему не сказал. Извинился перед Сильвией за опоздание и сказал ей, что она сегодня выглядит великолепно. Ушел в душевую, быстро вымылся, переоделся. Сел к столу.

За столом говорили мало, и почти весь завтрак прошел в молчании. Нортон похвалил еду, заметив, что на этот раз Сильвия превзошла сама себя. Ел он по своему обыкновению размеренно, как автомат, и по отсутствующему выражению его лица невозможно было понять, что

[1] Приключение (от *англ.* adventure).

[2] Отчуждение (от *англ.* alienation).

же он при этом чувствует на самом деле. От него разило холодноватым запахом одеколона. «Антарктида»?» — подумал Фрэнк. Надо было что-то говорить, и он спросил о программе Большого родео. Нортон ничего об этом не знал. Видимо, пытаясь поддержать разговор, Сильвия спросила брата, на чем он приехал.

— На элекаре,— ответил Фрэнк.

— Тогда откуда у тебя мопед?

— Я бросил свой элекар на станции техобслуживания. Была очередь на подзарядку, ждать не хотелось. Прокатный парк элекаров пуст — мне объяснили это большим притоком туристов и предложили взять хотя бы два колеса... Передай мне, пожалуйста, перец. Благодарю... Конечно, смешно гарцевать на мопеде в этом костюме, однако иного выхода не было.

— Ты можешь взять мою машину. Она, правда, женской модели...— Сильвия посмотрела на мужа.— Дэв, а что случилось с твоим элекаром?

Нортон промокнул губы салфеткой. Ответил:

— Надоел он мне. Заведу, пожалуй, другой. Джэга ты покормила?

— Ну разумеется. Почему не видно нигде Голиафа?

— Я оставил его там... у Берта.

— Оставил обнюхивать поломанный элекар?

— Берт жаловался, что ему на дежурстве тоскливо. Места себе не находит от злости. Такому страстному болельщику, как Берт, наблюдать родео только на экране... Да, его можно понять.

— Да,— ровным голосом сказала Сильвия.— Его понять можно.

Фрэнк и Нортон одновременно взглянули друг другу в глаза. Фрэнк перевел взгляд на сестру. Она сыпала, сыпала, сыпала перец себе в тарелку. Фрэнк опустил глаза. В голову ударила волна слепящего бешенства, и несколько секунд он ничего не видел. Первым желанием было швырнуть нож и вилку на стол, подняться, уйти. «Да, Полинг,— сказал шеф,— в таком состоянии вам лучше встать и уйти».— «Не доводите дело до крайностей,— посоветовал Никольский.— Вам действительно... гм... лучше встать и спокойно уйти». Фрэнк медленно отодвинул тарелку. Машинально взял «фафлик» и с хрустом откусил половину. Пожевал. Нортон крутил в руках салфетку и смотрел на него.

Кое-как покончив с завтраком, Фрэнк надел шляпу и побрел в парк. Надо было взять себя в руки, привести

в порядок эмоции. Нортон что-то учуял... Ну разумеется. Ведь этот монстр по какому-то там «живозапаху» ощущает человеческую к нему неприязнь.

Фрэнк постоял у вольера, глядя сквозь прутья решетки на кугуара. Джэг спал под навесом, вытянув лапы. Умаялся за ночь, бедняга. Живая игрушка для этого дьявола...

Мимо прошел Нортон в купальном халате.

— Остановись, Дэвид.

Нортон остановился. Бросил через плечо:

— Ну?..

— Нам необходимо поговорить.

— О чем?

— О чем получится. Но хотелось бы — о смысле жизни.

— Модная тема... Что ж, начинай.

— Не здесь. Не нужно, чтобы нас видела Сильвия.

— Хорошо. Тогда через час. Я немного поплаваю, а через час встретимся в кабинете. Если хочешь, поплаваем вместе.

— Благодарю,— сказал Фрэнк,— но после плотного завтрака мне это будет во вред.

Нортон ушел.

Фрэнк от нечего делать поднялся на верхнюю террасу дома. Рассеянно посмотрел на едва видимую за кронами деревьев верхушку башни телевизионного ретранслятора. Сзади прошелестел подъемник.

Голос Сильвии:

— Бэби, ты обратил внимание, как расцвела наша красавица?

Фрэнк подошел, посмотрел на синюю розу. Спросил:

— Ты давно никуда не ездила, мом. Хотелось бы тебе побывать... скажем, в Австралии?

— Да? А почему тебе пришла в голову мысль именно об Австралии?

— Недавно оттуда вернулся один мой приятель. Австралия произвела на него сильное впечатление. Он просто в восторге...

Сильвия задумчиво разглядывала розовый куст.

— Мне одно непонятно,— сказала она.— Если Дэвиду и тебе зачем-то нужно отправить меня куда-нибудь подальше, то почему не пришла вам в голову мысль об Антарктиде?

— При чем здесь Дэвид? — удивился Фрэнк.— То есть... я хочу сказать...

— Не надо, бэби, я понимаю, что ты хочешь сказать. А Дэвид при том, что буквально несколько минут назад, отправляясь в бассейн, предложил мне увлекательный круиз вокруг Европы. Континент другой, но идея, видимо, та же... Бэби, все это мне очень не нравится. Я чувствую, от меня что-то скрывают.

— Мом!..— озабоченно произнес Фрэнк.— Тогда тебе просто необходимо принять предложение Дэвида. Вероятно, Дэвид знает, о чем говорит...

— Вероятно, знаешь и ты. Одна я ничего не знаю...

— Мне известно слишком мало, чтобы мы с тобой могли отчетливо поговорить на эту тему. Однако, мом, тебе не следует пренебрегать предложением Дэвида. И моим советом уехать отсюда на время. Плохих советов я никогда тебе не давал.

— Спасибо, мой мальчик, но твой совет напоминает мне кота в мешке. То же самое можно сказать о предложении Дэвида...— Сильвия вздохнула.— Только что я разговаривала со своей подругой Эллен, и она зачем-то просила меня побывать у нее. Я ненадолго... Надеюсь, за это время вы с Дэвом поссориться не успеете?

— Что за вопрос! Делить нам с Дэвидом, в сущности, нечего...

— Кроме забот о моем увлекательном отдыхе. Ладно... Прошу вас, будьте благоразумны.

Сильвия ушла. Через минуту Фрэнк увидел, как, сверкнув на солнце, нырнул в аллею золотистый элекар. Фрэнк еще раз взглянул на башню телевизионного ретранслятора, спустился с террасы. Он не знал, куда себя девать.

В назначенный час он вошел в кабинет Нортона и застал в нем стереотелевизионный ландшафт не то Гренландии, не то Антарктиды. Вздымая огромные волны, куски ледника бесшумно падали в воду. Хозяин сидел за столом. Выпростав руки из-под наброшенного на голые плечи халата, он указал визитеру на кресло, неуютно стоящее метрах в двух от стола, сухо проговорил:

— Прошу. И к делу. Я очень не расположен к долгой беседе. Нет, нет, ближе не придвигайся! Прости, разумеется, но ты сегодня невыносимо...— Нортон поморщился,— как никогда...

Фрэнк принял в кресле удобную позу, подумал, стоит ли соблюдать этикет — снимать перед хозяином шляпу, и, решив, что не стоит, сказал:

— С обонянием у тебя полный порядок.

— Ничего,— сказал Нортон,— жить тошно, но можно.— Полюбопытствовал: — Ну а у вас там... как с обонянием?

— А у нас все наоборот: жить можно, но тошно. Обоняние наше, естественно, другого класса, но гораздо шире по человековедческому диапазону...

— Многозначительно... А что еще ты мог бы к этому добавить?

— А надо ли что-то еще добавлять, уж раз я здесь... с полуофициальным визитом?

Собеседники долго смотрели друг другу в глаза. Нортон выглядел совершенно спокойным. Его спокойствие озадачило Фрэнка.

— Полу...— проговорил Нортон.— Это как понимать?

— Понимать так, что к тебе и твоей жене относятся бережно.

На мгновение глаза Нортона неприятно сузились.

Фрэнк мысленно похвалил себя и добавил:

— Кстати... ты верно решил, Дэвид: на какое-то время Сильвию надо отправить подальше. Похоже, ей не очень-то улыбается вояжировать вокруг Европы, но ты обязан настоять.

— Еще что я обязан?

— Еще ты обязан понять, что круг замкнулся. Ты и твои товарищи — знаешь, о ком идет речь,— нами полностью расшифрованы, и с этим надо считаться.

— Так уж и расшифрованы!..

— Каким-то образом вам удалось обойти рогатки спецкарантина, и вы решили, что можно разыгрывать эту партию дальше. Нет, Дэвид.

— Позиция в этой партии такова, что на месте администрации вашего Управления я согласился бы на ничью.

— Ничейного результата не будет.

— Как знать...

— Не будет, Дэвид. Просто потому, что этого не может быть по всем параметрам современной жизни. В прошлом веке подобный фокус тебе, вероятно, удался бы. Но теперь общественно-политическая тактика иная.

— Опять многозначительная фраза.

— Но ведь по меньшей мере наивно рассчитывать, что общество равнодушно пройдет мимо такого экстравагантного факта, каким представляется ваша четверка.

— Четверка? — переспросил Нортон.

— Да. Золтан Симич погиб, а Меф Аганн для нас пока под вопросом...

— Как давно погиб Симич?

— Около шестидесяти часов назад.

— Тело найти удалось?

— Нет.

— Плохо...— пробормотал Нортон.

— Почему? — спросил Фрэнк с любопытством.

— Елли бы в вашем распоряжении оказалось мертвое тело, может быть, вы оставили бы в покое живых.

— Не думаю...

— В этой ситуации меня как-то мало интересует, что думаешь ты,— заметил Нортон рассеянно.— Уж лучше придерживайся официальных рамок своей миссии. Кстати, в чем она состоит конкретно?

— Я должен предложить тебе войти с нами в контакт немедленно и на добровольных началах.

— И это все?

— Администрация считает, пока достаточно.

— Пока... Ты думаешь, такая миссия может иметь хоть какой-то шанс на успех?

— Ты уже дал мне понять, как мало интересует тебя то, о чем думаю я. Моя задача: информировать тебя о нашем открытии и сделать соответствующее предложение. Свой отрезок пути я прошел.

— Ну, положим, я согласился на добровольный контакт. Что за этим последует?

— Очевидно, здесь возможен только оптимальный вариант: тобой займется наука.

— Но ведь я не какой-ниудь механизм, чтобы меня можно было запросто разобрать на мелкие части, обследовать до молекул и собрать обратно.

— Вряд ли это будет выглядеть настолько драматически. Существуют методы иного...— Фрэнк не договорил. Подумал: «Здесь логика на его стороне...»

— Я вижу, ты в затруднении,— сказал Нортон.— Не потому ли, что администрация вашего Управления внимательно изучила акты медикологической экспертизы и ничего примечательного в них не нашла? Н-да... В итоге ни ты, ни твоя администрация не вправе предвосхищать благополучные выходы из моего положения, а тем более выдавать мне успокоительные авансы.

— Тем самым, Дэвид, ты заводишь беседу в тупик. Но именно тебе предстоит из него выбираться.

— Конечно. Ведь именно надо мной нависла угроза быть разобранным на молекулы... Я намерен сделать вам контрпредложение...— Нортон посмотрел куда-то мимо со-

беседника.— Предлагаю джентльменский договор. Вы не досаждаете мне при жизни, а я завещаю вам свое бренное тело. Вот тогда и копайтесь в нем как хотите и чем хотите... Завещаю вместе с дневником наблюдений, в котором обязуюсь отразить все особенности своего... гм... странного бытия.

Помолчали. Нортон спокойно спросил:

— Ты не слишком разочарован?

— Дело не во мне,— ответил Фрэнк.— Я подумал о разочаровании, которое постигнет тебя.

— Когда мое предложение будет отвергнуто? Ты за меня не волнуйся.

— А я за тебя не волнуюсь.

— За Сильвию?

— Кроме Сильвии, есть планета Земля...

— Для планеты я неопасен.

— Готов поверить. Но ты почему-то не хочешь этого доказать.

— Право что-либо доказывать предоставляю вам. В конце концов, это ваша служебная обязанность.

— Здесь надо добавить: и человеческий долг. Именно в этом плане я был намерен говорить с тобой. Как личность с личностью.

— Такая дискуссия заведет нас в тупик. Ситуация, в которой оказались мы с тобой и распорядительные органы твоего Управления, выходит за рамки ныне существующей морали. Это удручает, но не должно удивлять. Предусматривать такого рода ситуации разуму человека было пока несвойственно.

— Верно,— согласился Фрэнк.— Однако разуму человека также несвойственна и бездеятельность в любых ситуациях.

Нортон угрюмо взглянул на него. Процедил:

— Во всяком случае, на вашу бездеятельность мне рассчитывать не приходится...

— Вот поэтому твое контрпредложение не имеет практической ценности. И если каждый из вашей феноменальной четверки изберет для себя ту же позицию... Что получится, Дэвид?

— За каждого из четверки я не ручаюсь. Контрпредложение я сделал только от своего имени.

— Одного себя пытаешься противопоставить всему человечеству? Надеешься выстоять в этой борьбе?

— Я предлагаю мир, а ты говоришь о борьбе... Кстати, само человечество не готово к этой, с позволения сказать, борьбе.

— Даже так?.. А на чем основан этот твой, с позволения сказать, оптимизм?

— Для борьбы нужен повод. Общество не может бороться со мной без всякого повода. Я полноправный член общества, уважаю его законы и обоснованно считаю, что законы должны меня, полноправного, защищать. Я выражаюсь достаточно ясно?

«Полноправного...— подумал Фрэнк.— Вот в чем тут соль!..»

— Твое юридическое полноправие ни у кого не вызывает сомнений,— ответил он.— Но вот биологическое...

— О юридическом праве я знаю,— перебил Нортон.— А вот о биологическом впервые слышу. Я рожден на Земле и от земных отца и матери. Так что катитесь вы от меня со своими сомнениями...

— А если вдруг выяснится, что твоя природная сущность не адекватна биологической сущности человека? Допустим. И что тогда?..

— Тогда мне ничего другого не останется, как предъявить обществу свои претензии по самому большому счету! — подхватил Нортон.— Ведь это оно послало меня за пределы родной планеты. Ведь это для его благополучия мне приходилось трудиться во Внеземелье, рискуя собственной головой. Вдобавок ваше Управление как общественный институт не сумело обеспечить мне космическую безопасность. Так кто же будет в конце концов виноват, если обнаружится моя биологическая неадекватность?!

— Никто, естественно. Однако все мы будем виноваты, если не сумеем оградить людей от угрозы изменения природной сущности человека.

— Ограждайте. Разве я против? Но лично себя я не позволю считать нелюдью. Независимо от того, нравится вам такая моя позиция или не нравится. Для человечества и для планеты в целом я абсолютно безопасен. Не будь у меня такой уверенности, я никогда не решился бы вернуться на Землю. То же самое можно сказать и о каждом из нашей четверки. И в этом смысле я готов поручиться за каждого хоть головой... Впрочем, довольно. Я тебя честно предупреждал: дискуссия заведет нас в тупик. Нет, нет, довольно! К тому же ты интервьюируешь меня, в сущности, не имея на это права.

— То есть как?..— Фрэнк слегка растерялся.

— А вот так. Сначала нужно предъявить мне свидетельства моей биологической неадекватности, а уж потом затевать разговор.

— Они у нас есть.

— Палочка, которую вам удалось выманить у мальчишки?

— Хотя бы. Она побывала у тебя в руках, и отсюда ее совершенно необъяснимые свойства.

— Опасные для человечества?

— Вероятность этого исключать мы не вправе...

Нортон демонстративно перевел взгляд на телевизионный стереоландшафт. Почти у самого стола неслышно суетились передние ряды колонии пингвинов. «Первый раунд закончился с преимуществом Нортона»,— мысленно прикинул Фрэнк.

— Я вижу,— сказал он,— ты не равнодушен к зрелищам на экране. Но не вижу, как это можно было бы совместить с дикой вспышкой твоего экраноненавистничества во Внеземелье...

— О чем речь? — спросил Нортон, не повернув головы.

— Хочешь сказать, что об этом ты не имеешь понятия... Ладно. А о «черных следах» ты имеешь понятие?

— «Черные следы»? — Нортон искоса взглянул на Фрэнка.— Это что за диковина?

— Это такая диковина, которая... В общем, да, ты можешь отвертеться от любых улик. В том числе от поющей деревяшки. Но есть, по крайней мере, одно свидетельство твоей биологической неадекватности, от которого тебе не уйти, сам знаешь. Я имею в виду «черный след».

Обратив лицо к собеседнику, Нортон сурово спросил:

— Где ты видел «черные следы»?

— Я их не видел.

— Тогда о чем разговор?

— Все о том же.

— Тема нашего разговора исчерпана.— Нортон поднялся.

Фрэнк, продолжая сидеть, кивнул на заснеженный берег с пингвиньей компанией:

— Экран менять приходилось?

— Нет,— прошипел Нортон.— Не приходилось.

— А если пощупаешь этот берег руками, придется?..

В глазах Нортона — где-то в самых зрачках — застыло холодное пламя.

— Я доставлю тебе удовольствие,— тихо сказал он,— пощупаю этот берег руками. Но после...

Нортон вышел из-за стола и, погрузившись в толпу пингвинов по грудь, подступил к телевизионной стене

вплотную. Халат, соскользнув у него с одного плеча, остался висеть на другом, и сквозь призрачно-трепетный слой розового с голубым ореолом свечения, порожденного потревоженным стереоэффектом, Фрэнк мог разглядеть левую половину мускулистого загорелого тела и пестрые плавки. Было слышно, как Нортон демонстративно похлопал по стене ладонью. «До чего же часто подводит людей излишняя самоуверенность...» — подумал Фрэнк.

Оставляя за собой тающий шлейф розово-голубых ореолов, Нортон выплыл из зоны действия стереоэффекта. Натянул на плечи сползший халат, резко спросил:

— Ну и что?

Фрэнк молча смотрел на заснеженный берег, на белые купола антарктических гор.

— Я спрашиваю: что?

— Ничего,— вяло отозвался Фрэнк.— По-видимому, ошибка...

— Если вы приходите ко мне с ошибками, то я не слишком высокого мнения о работе вашей организации.

— Я тоже. Правда, по другому поводу...

— Желаю тебе приятного времяпрепровождения.— Нортон вернулся за стол.— Говорят, Большое родео в этом году будет на редкость помпезным, не пропусти чего-нибудь интересного.

— Постараюсь... Будь добр, запроси станцию техобслуживания. Прошел ли там подзарядку мой элекар?

— Запрашивай сам.— Нортон переключил клавиши.

С потолка бесшумно опустилась изогнутая штанга и повернулась конусным наконечником в сторону Фрэнка. По штанге соскользнула сверху коробка видеотектора. Фрэнк набрал индекс, и на экранчике появилась смуглая женщина с оранжевыми волосами и сильно накрашенными оранжевой помадой губами.

Блеснув белками глаз, женщина неожиданно произнесла густым баритоном:

— Справочный пункт. Слушаю вас.

— Добрый день,— сказал Фрэнк.— Я оставил вам на подзарядку свой элекар.

— Пожалуйста, назовите номер машины, серию.

Фрэнк назвал.

— Даю диспетчера сектора подзарядки.

На экране возникла потная физиономия Лангера.

— Элекар модели «Юпитер»? — осведомился «диспетчер».

— Да.

— Великолепная у вас машина! — рявкнул Лангер.— Предлагаю обмен на «Кентавра». Соглашайтесь!

— Нет,— сказал Фрэнк и подумал: «Ну артист!..»

— Жаль!.. Что ж, забирайте, готов ваш «Юпитер».

— Прошу прислать машину по адресу: Дубовая роща, первая линия, вилла «Эдвенчер»... Впрочем, этот маршрут есть в блоке памяти элекара. Нажмите пятый клавиш, и все дела.

— Пятый? Сделаем. Встречайте машину.

— Благодарю вас.

Откинувшись в кресле, Фрэнк наблюдал, как штанга втягивается в потолочный люк, и живо представлял себе, как действует в эту минуту Лангер. Вот он отправляет «Юпитер» на виллу. Вот связывается по видеотектору с операторским постом местного телетранслятора, и на экранчике появляется физиономия Кьюсака со следами неудачного визита к Йонге. Лангер коротко бросает напарнику: «Раздевай!..» Кьюсак едва уловимо кивает, подает команду диспетчеру телетранслятора, и теперь в любое мгновение...

С телевизионной стеной что-то произошло. Фрэнк вскочил. Нортон тоже вскочил, халат слетел с плеч. Стереоизображение словно бы съежилось, утратило глубину, экран превратился в стеклянную плоскость, и на белом от снега антарктическом берегу точно в том месте, где Нортон хлопал ладонью, контрастно выступили угольно-черные отпечатки левой пятерни...

— Любопытно,— сказал Фрэнк, встретившись глазами с Нортоном.— Знаешь, я ведь впервые вижу «черные следы» в натуре.

Нортон молча выпрыгнул из-за стола. Оттолкнул Фрэнка, схватил кресло и, размахнувшись, с силой всадил его в экран. Посыпалось стеклянное крошево.

— На «Лунной радуге» ты разбивал экраны деликатнее,— заметил Фрэнк.

— Вон! — яростно прошептал Нортон.— Пока я не разбил твою голову...— Он сделал руками что-то вроде отталкивающего жеста.— И чтоб никогда!.. Ни ногой!..

Фрэнк обомлел: под мышками у Нортона непонятно блеснуло. В ноздрях тоже чудился металлический блеск. И во рту словно зеркальные зубы!.. Искаженное гневом и блеском лицо... Фрэнк невольно попятился. Потрясенный, он только теперь со всей полнотой осознал, кого расшевелил и что затронул...

На нетвердых ногах он сошел в летний холл. Непослушными пальцами набросал для Сильвии записку какого-то душераздирающего содержания. Скомкал, сунул в карман. Кое-как взял себя в руки и торопливо написал другую. Умолял сестру немедленно покинуть Копсфорт, приглашал к себе. Сунул записку под вазу с гладиолусами. Вышел из дому, сел на мопед и, не разбирая дороги, покатил на выезд. У ворот наткнулся на длинный, оливкового цвета элекар и не сразу сообразил, что это «Юпитер». Завалил мопед в заднее отделение кузова, опустился в кресло водителя, тронул машину с места.

Зеленый коридор шоссе. Ветер с шорохом обтекал ветровое стекло, монотонно шелестели скаты.

Промелькнул мимо памятный щит с рекламой о прелестях отдыха на Бизоньих озерах. Фрэнк резко затормозил, дал задний ход. Не открывая дверцу, выпрыгнул из машины, полез в кусты. Под кустами было сумрачно, грязно от размокшей земли. Он весь перепачкался, пока нашел коробку «Видеомонитора».

Лангер и Кьюсак ждали его, как и было условлено, у видеотекторного павильона станции техобслуживания. Ждали порознь. Кьюсак любезничал с двумя дамами под белым тентом кафетерия. Лангер стоял на тротуаре под солнцем, и в руках у него поблескивали бутылки. Заметив подъезжающий «Юпитер», он поставил бутылки у ног и подпер кулаками бока. В пестрой рубахе навыпуск и в светлых шортах он выглядел как боксер тяжелого веса, напяливший на себя одежду подростка; пот лил с него в три ручья.

— Жарища!..— сказал он Фрэнку.— Ну... как дела?

Фрэнк молча перебросил «Видеомонитор» Лангеру, закрыл глаза и обессиленно откинулся на сиденье.

— Эта «корзина» с уловом? — тихо поинтересовался Лангер.

— Спрячь в карман,— не открывая глаз, пробормотал Фрэнк,— и не отдавай мне эту штуку, даже если я захочу отобрать ее у тебя.

— Понято. Значит, не зря...

Фрэнк слышал, как Лангер выволок из кузова мопед и сказал Кьюсаку: «Отведи коня нашего чемпиона в стойло». Потом услышал, как забулькала вода. Усилием воли он стряхнул с себя оцепенение. Открыл дверцу, вышел из элекара. В ногах не было привычной твердости.

Лангер, запрокинув голову, опоражнивал бутылку из горлышка. Взглянул на товарища, поперхнулся.

— Ах, чтобы мне треснуть!..— проговорил он.— Хаста спустили с лестницы, а тебя, похоже, прямо через мусоропровод!..

— Что у тебя в бутылке? — спросил Фрэнк.

— Холодная минеральная.

— Полей мне на руки.

Лангер взял вторую бутылку, полил. Остаток вылил себе за пазуху, рыча от удовольствия. Фрэнк стряхнул воду с рук вялым движением и вдруг замер, уставясь на них, словно впервые видел. Лангер внимательно посмотрел на него. Фрэнк пошел в обход элекара. Машинально обогнул распахнутую дверцу, сел на край проема в кабине — между пультом и сиденьем водителя,— нажатием кнопки вскрыл дохнувшую холодом полость походного бара, вынул салфетку. Вытирая испачканные на коленях джинсы, он слышал, как вернувшийся Кьюсак сказал что-то Лангеру тихо и неразборчиво. Но ответ Лангера он разобрал:

— Оставь его в покое. Ему не до этого. Кстати, нам тоже... Ты, красавчик, и так слишком заметен в среде мирных граждан Копсфорта.

— Не остри,— отозвался Кьюсак.— В этот раз работа проделана, я бы сказал, на редкость элегантно... Ладно, поехали. Кто за рулем?

— Я за рулем. Чемпион сядет рядом со мной, ты сзади... Сели? Поехали!

Элекар набрал скорость, нырнул в тенистый радиус городского шоссе. По ветровому стеклу побежали отблески.

На окраине Копсфорта Лангер круто взял вправо, лихо прошел поворот. Мелькнул указатель: «Аэропорт 15 км».

«Юпитер» пожирал шоссейное полотно со скоростью авиетки.

«Работа была элегантной,— сжав зубы, думал Фрэнк.— На редкость».

— Ты чего приуныл? — Лангер подмигнул Фрэнку.— Взгляни на своего коллегу...— Он указал кивком на Кьюсака.— Шар земной катится в новую эру, а для этого субъекта жизнь продолжается в старом темпе.

Тронув несколько клавишей в нужной последовательности, Лангер выхватил из-под пульта зажим с бородавками ларингофонов, нацепил себе на шею. Перед ветровым стеклом вырос блестящий стержень антенны и, покачиваясь, засвистел в потоке встречного воздуха.

— Улей, улей, я пчела! Как прием?

— Как у невропатолога,— недовольно ответил голос Гейнца из пультового чрева.— Раздевайся быстрее!

— Ты, Задира, с нами поласковее. Мы на обратном пути, так что готовьте свою колымагу к старту.

— Это сделаем. Ты лучше скажи, что мне домой передать. Носорог и восточный Журавль там от нетерпения уже по потолку вышагивают.

— Передай: болото прошли, хвосты не намокли, никто не простудился. Чемпион в седле. Домой везем корзину лягушек. У меня все. Конец.

— Понял тебя, пчелка, понял! Поздравляю! Конец.

Лангер выключил связь. Фрэнк покосился на исчезающий стержень антенны, сказал:

— Насчет корзины ты, наверное, зря... А впрочем, ладно. Пусть шеф переварит это заранее.

— Что он должен переварить?

— Я пустил камеру в дело без его ведома.

— Без его ведома...— Лангер бросил на Фрэнка сочувственный взгляд.— При мне Носорог разрешил ребятам технической службы соорудить для тебя спецперчатки и выдать «Видеомонитор».

— Шутишь?..

— Напротив. Потому и сказал тебе откровенно, чтобы ты избавился наконец от иллюзий насчет вероятности шуток в нашей системе.

Фрэнк промолчал.

— Нортон не только личная твоя забота. Нортон — забота теперь всего земного сообщества. Вот и веди себя соответственно. Не надо все взваливать на свои могучие плечи. В том числе и нагрузку нравственных отношений. Эх, молодость!..

— Ничего,— сказал Фрэнк.— Говорят, это быстро проходит.

...Впереди, грациозно закинув искрящиеся рога на спину, с легкостью призрака мчался Звездный олень. Ветер донес его крик:

— Блеск Вселенной! Океаны Пространства!.. Когда тебя ждать на звездной дороге, товарищ?..

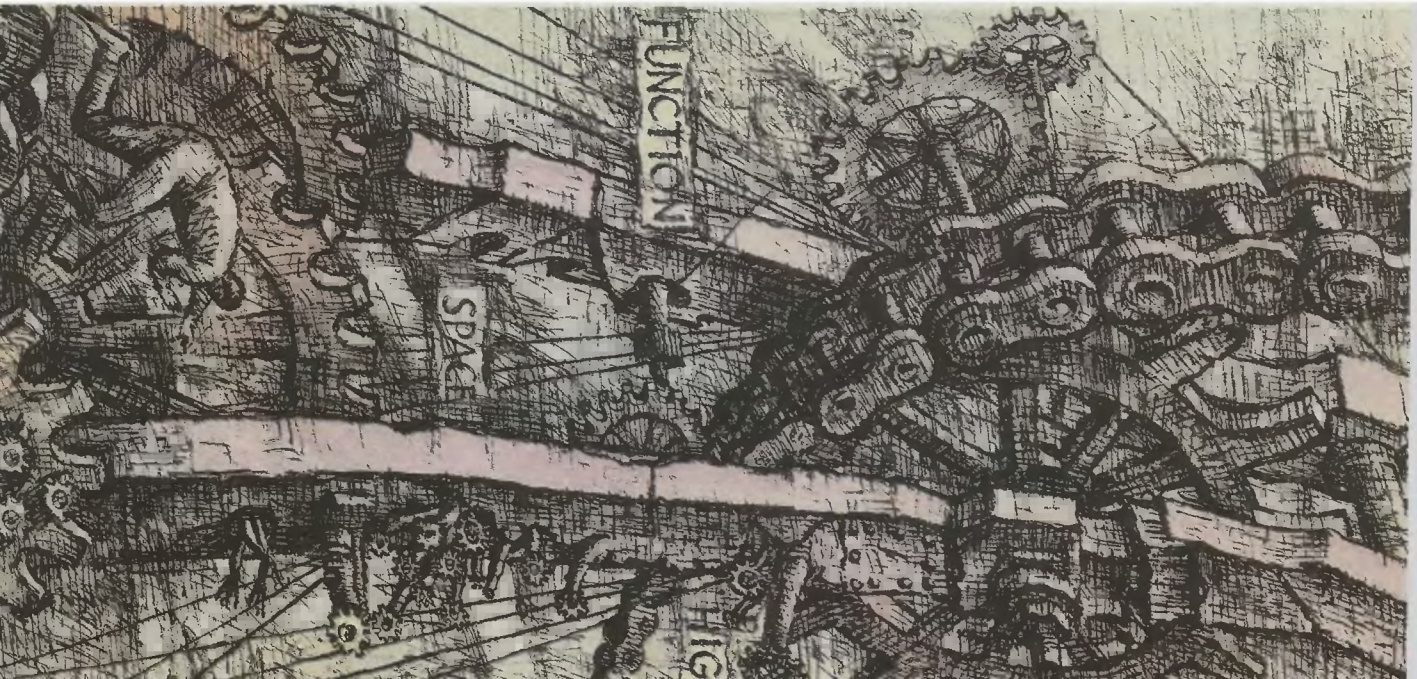
Фрэнк угрюмо смотрел сквозь ветровое стекло.

Конец первой книги

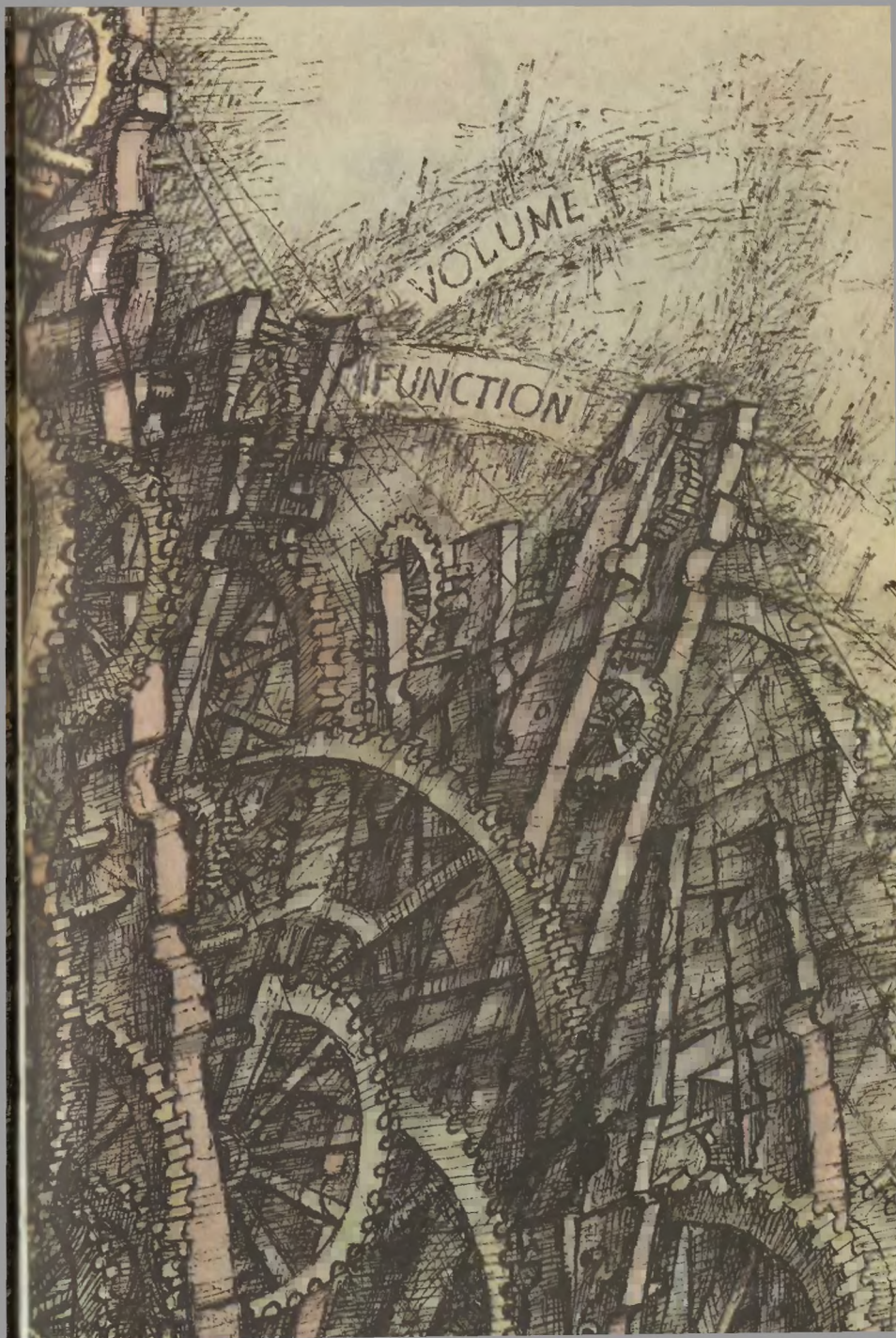
Владимир ЩЕРБАКОВ

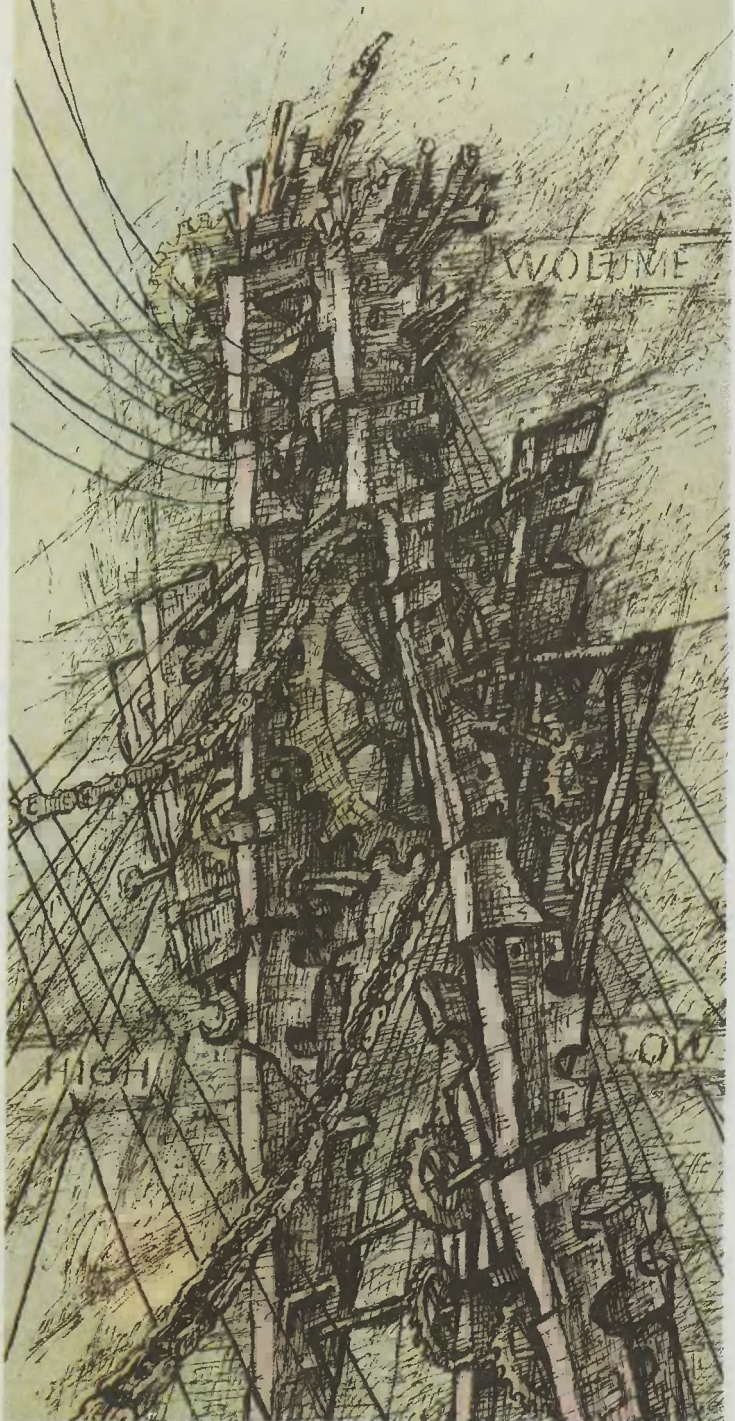
Чаша бурь

роман

SPACE-WIDE

VOLUME
FUNCTION

VOLUME
HIGH
LOW

Пролог

Тень в круге

Переписка

«Небо светлело, и лучи коснулись снегов, разбросав желтые угли по сугробам. Далеко, за лесами и полями, готовился к отлету межзвездный снаряд. Теперь Эрто, пожалуй, не поспел бы к старту. Путь его пролегал в иных измерениях, где гармония космических пустот уступала место ритмам холмов и перелесков, мерной текучести земных ветров...»

Я начинаю письмо строчками из рассказа, который хорошо Вам знаком. Герои его — зеленые человечки. Верите ли Вы в странных, неуловимых пришельцев? Если да, то не противоречит ли это невыдуманной гармонии космических пустот и подлинным фактам?

Когда-то европейцы высадились на Азорских островах, затерянных посреди Атлантики, на полпути между Европой и Америкой. И что же? На самом западном острове этого необитаемого архипелага они обнаружили древнее каменное изваяние: великан всадник простирал руку через океан, туда, где находилась Америка. Быть может, эта история в числе других ведет нас в незапамятные времена, когда контакты с пришельцами были обычны? Не вспомнить ли кстати атлантов и Атлантиду, Шамбалу, Беловодье и Лемурию?..
ИРИНА ЛАТЫШЕВА.

* * *

...Уверен, что в бесконечной Вселенной найдутся и обитаемые миры. Об этом говорил еще Джордано Бруно, за что осужден святой инквизицией и сожжен на костре. Зеленые человечки — собирательное имя пришельцев, оно в ходу у скептиков. Не знаю, как вели бы себя последние,

окажись они вдруг в прошлом, во времена Бруно. Не исключено, что они помогали бы инквизиторам подкладывать дрова в костер.

Об исторических параллелях. Я знаком, к примеру, с ученым, который доказал, что в Приднепровье во втором тысячелетии до нашей эры говорили примерно на том же языке, что и в Этрурии. Славянские имена богов, оказывается, древнее, чем можно вообразить. Но для меня это отнюдь не свидетельство палеоконтактов. Просто после Троянской войны праславяне-этруски переселились на Апеннинский полуостров и принесли туда с собой культуру Триполья. Нет пока доказательств существования и общей колыбели многих языков и племен — Атлантиды. Бронзоволикие, светлоглазые, почти двухметрового роста атланты скорее всего потомки кроманьонцев, расселившихся по Европе, а не космических пришельцев. Будут найдены когда-нибудь и предки кроманьонцев, занимающих сейчас обособленное, отграниченное снизу место на верхней ступени эволюции. АВТОР ЗАИНТЕРЕСОВАВШЕГО ВАС РАССКАЗА.

* * *

Благодарю за письмо. Не знаю, вправе ли я говорить с Вами о том, что меня волнует (сомнения эти, бесспорно, могут кому-нибудь показаться не заслуживающими внимания), но позвольте все же узнать: как отнеслись бы Вы к терпящим бедствие на чужой планете? ИРИНА.

* * *

Если когда-нибудь мне представится возможность помочь терпящим бедствие, я немедленно это сделаю. Но о чем речь? Мы еще не достигли других планет и вряд ли приходится рассчитывать на это в ближайшее время. (Автоматические корабли и космические станции не в счет.) Кто именно и где попал в беду? ВЛАДИМИР.

* * *

Меня не устраивает Ваш ответ. Разве Вы не догадались, что именно я хотела сказать? Вы же фантаст. Потому я и обратилась к Вам, что мне трудно найти человека, готового понять меня. И теперь, когда нужно проявить

хоть немного смелости, Вы пасуете. Разумеется, попал в сложную ситуацию не земной корабль. (Призовите на помощь рассуждения о множественности обитаемых миров!) Представьте себе обычную, в общем, ситуацию. Пятеро инопланетян изучали Землю. Трое находились на окололунной орбите вместе с кораблем. Двое спускались на Землю на десантном боте (так, кажется, называются малые исследовательские суда). Были собраны гербарии, коллекции, сняты копии книг и видовых фильмов. Бот приземлялся много раз, часто в труднодоступных районах — в горах, пустынях, на безжизненных островах. Разумеется, случалось это и в обитаемых районах, но бот тотчас уходил в отдаленные укрытия. В последнем десанте участвовал всего один инопланетянин — из-за недомогания второго десантника. И вот этот инопланетянин остался один в районе Тулé, на западном побережье Гренландии, потому что бот был сбит. Для меня остается загадкой, почему не сработала гравизащита, мгновенно уводящая боевую ракету с курса. По несчастью, бот был принят за разведывательный самолет без опознавательных знаков. ИРИНА.

* * *

Признаться, меня весьма озадачило Ваше письмо. Быть может, Вы решили написать фантастический рассказ и в столь необычной форме делитесь со мной замыслом? Как все это понимать? ВЛАДИМИР.

* * *

Неужели эта простенькая история вызывает у Вас недоумение? Хорошо же. Высылаю фото десантного бота. Можете обратиться к специалистам: они подтвердят, что снимок подлинный. ИРИНА.

* * *

Получил фото. Благодарю Вас. Чем я могу быть полезен уцелевшему десантнику? И еще: каким образом у Вас оказалось фото? И вообще, при чем тут Вы? Извините за резкость, но шутка Ваша, если только это шутка, мне все же непонятна. ВЛАДИМИР.

* * *

Вы спрашиваете, при чем тут я? Но потрудились ли Вы показать снимок эксперту? Если нет, прошу это сделать. Собственно, только после этого можно было бы объяснить Вам, при чем тут я. Но я сделаю это сейчас, несколько опережая события. Десантник, который остался в одиночестве на гренландском побережье,— женщина. Еще точнее: это я. ИРИНА.

* * *

Экспертиза подтвердила подлинность снимка, и все же я поставлен перед необходимостью получить от Вас новые доказательства достоверности происшедшего, не говоря уже о Вашем личном участии в этой предполагаемой экспедиции. Плохо представляю себе даже теоретически, как ракета может сбить инопланетный бот, снабженный гравизащитой. Ведь основное требование к этой защите — надежность именно в подобных ситуациях, не так ли? ВЛАДИМИР.

* * *

Да, это так. Я уже писала, что для меня осталась загадкой история со злополучной ракетой близ Тулé...

Представляю себе, что получилось бы, если бы я обратилась к человеку менее осведомленному. Это похоже на известную притчу (сборник притч погиб, к сожалению, вместе со многими другими материалами нашей экспедиции). Что делать в моем положении? Вы и представить себе не можете, какие неожиданности подстерегали меня, когда я тайком пробиралась к ближайшему порту, чтобы оказаться наконец на борту норвежского траулера. Не буду описывать свои злоключения, Вам не дано их понять. В конце концов меня подобрали туристы-лыжники, и началась моя новая жизнь, под чужим именем, естественно. Так я оказалась в Мурманске, потом — в Петрозаводске. Во время своих странствий я искала человека, который мог бы мне поверить. Выбор пал на Вас. Случайность? Возможно. Я вызвала Вас на откровенность своим первым письмом. Теперь я убедилась, что диалог утомителен, нелегок. И почему это люди, увлеченные какой-то идеей, часто проходят мимо ее воплощения, даже не узнавая

родное детище? Вам нужны новые доказательства? Пусть будет так. Высылаю конверт с гибким листом. На листе или, лучше сказать, в листе смонтированы преобразователь и приемопередатчик для связи с окололунным кораблем. Там, на дальней орбите, они еще ничего не знают о судьбе очередного десанта. Прошло лишь два месяца по вашему календарю, а программа рассчитана на пять. Вы сами сделаете то, что должна сделать я: дадите им знать о происшедшем. Вы должны достать долгоиграющую пластинку с записью Сонаты ми-минор Корелли. Включите проигрыватель, поставьте пластинку и, держа за уголок лист, который я выслала, прочитайте вслух мое третье письмо к Вам, начиная со слов: «Пятеро инопланетян изучали Землю...» Музыка служит нам для передачи модулированных сообщений в пространстве (она — ключ, который передается вместе с самим сообщением). Кроме того, музыка не вызывает помех коротковолновикам. Но будьте уверены: самые чувствительные в Солнечной системе приемники настроены на сонату Корелли. Вы тотчас получите ответ, точнее, знак, что передача принята на борту. Тем самым Вы поможете мне: до сих пор я не смогла достать пластинки с записью Корелли. ИРИНА.

* * *

Я сделал все, о чем Вы просили меня. Когда зазвучала соната, я прочитал третье Ваше письмо. Как только я произнес фразу о самолете, гибкий пластиковый лист засветился мягким, как будто солнечным, светом, хотя на улице был темный спокойный октябрьский вечер. А настольная лампа вдруг погасла на мгновение. Где-то в тайниках моего сознания прозвучало: «Спасибо за помощь!» Слова эти сопровождались музыкальной фразой из Корелли. Если это не ответ, то что это? Может быть, Вы объясните?.. Голос был женский, низкий, бархатный. ВЛАДИМИР.

* * *

Имя женщины, которая Вам ответила,— Танати. На корабле нас было двое. Теперь, когда Вы как будто убедились в правдивости моих писем, прошу выслать мне диск с записью и лист, если Вас это не затруднит. ИРИНА-РЭА.

* * *

Одна деталь противоречит самому духу событий, о которых Вы рассказываете. Я имею в виду контакт между цивилизациями. По-видимому, он состоялся? Но если так, почему мы с Вами это допустили? Контакт — это музыка разума, это новые диковинные корабли на стапелях, затем — в сверкающем от звезд пространстве, на новых неведомых землях-планетах. Это событие необыкновенное, ко многому обязывающее обе стороны. Легче всего изобразить встречу братьев по разуму в кино или повести, следуя традициям. Написано об этом немало, но кто поручится, что в книгах отыщется хоть одна правдоподобная ситуация, предвосхитившая события?

Высылаю Вам запись музыки Корелли. Постоянно думаю о том вечере, когда она звучала так обещающе. ВЛАДИМИР.

* * *

Спасибо за сонату Корелли. Теперь я могу поддерживать связь с кораблем. Утрачены собранные материалы, и я не знаю, как их теперь восстановить.

Вы спрашиваете относительно возможности контактов. Контакты непозволительны, если они охватывают сразу широкий круг людей. Многое тогда изменяется, и нет никакой решительно возможности вернуть события в исходную точку и начать все снова. Представьте, что подобный факт стал всеобщим достоянием. Мгновенно придет в действие механизм, который связан с социальным расслоением во многих странах и другими известными Вам явлениями. Начнется борьба за контакты, за использование их в своих целях. Это изменит ход развития, эффект в конечном счете получится отрицательный. Как ни странно, но контакты — не панацея от бед.

Контакты личные, например, наша с Вами переписка, допустимы. Иногда они желательны. Во всяком случае, Ваши письма я жду с нетерпением. Расскажите о себе. РЭА.

* * *

Если Вас интересуют гербарии и коллекции, я мог бы связаться с моим другом, который работает в Томском ботаническом саду. Нетрудно написать в Киев, в Ташкент,

что касается Главного ботанического, то это как раз проще всего, ведь я почти коренной москвич. С этого «почти» я начинаю рассказ о себе в надежде, что и Вы напишете несколько слов, которые будут для меня бесценным подарком (не забывайте о моей профессии).

Я не помню отца, да и не могу его помнить: осталось лишь несколько пожелтевших фотографий, которые моя мать, затем тетка хранили как зеницу ока. Родился я перед самой войной, в дальневосточном городе. Помню снежные метели, сугробы, долгие зимние вечера, а весной — аквамариновую бухту моего детства, где даже в апреле еще плавали льдины, а рядом с ними то тут, то там появлялись нерпы, охотившиеся за рыбой. Над бухтой бродили цветные облака — розовые, жемчужные, коричневые, синие. Нигде позже таких облаков я не видел. И с весны до осени особенный смолистый запах доносили ветры с гор, где на каштаново-серебристых под солнцем каменных горбах зеленел кедровый стланик.

Помню трудный месяц, когда мать не хотела мне говорить об отце. Запомнилось ее лицо, я и теперь вижу ее такой, какой она была тогда. Наконец я узнал: отец погиб в боях под Харьковом.

Вскоре я потерял мать. После войны мы перебрались с теткой моей в Москву, к родственникам. Затем — школа у завода «Серп и молот», новые друзья, голубятни близ Андроникова монастыря, катанье с крутого холма на санках.

Порой вдруг вспоминается широкая лента Амура, горящие дома на его берегу, товарные вагоны нашего поезда, безнадежно застрявшие в тупике ввиду боевых действий против Квантунской армии. В августе сорок пятого, когда мы перебрались в Москву, было жарко, солнечно. Много западнее, под Челябинском, дым от заводских труб висел пеленой, маревом, солнце было горячим и красным. Я впервые в жизни держал в руке стакан молока и боялся притронуться к нему губами. А в жарком багряном зареве над городом шар солнца медленно опускался и горел, как уголь в паровозной топке.

Много лет спустя я прочел письма отца к матери и многое пережил заново. Отец мой сибиряк, участвовал в гражданской войне, окончил рабфак, потом технологический институт. Мать говорила, что выглядел он всегда молодцом, и когда началась война с Германией, отец ушел на фронт добровольцем, несмотря на возраст. Впрочем, мне так и не удалось установить, сколько лет ему тогда

было: два сохранившихся документа — брачное свидетельство и старая курортная книжка — расходятся в этом. По-видимому, ему было уже пятьдесят... ВЛАДИМИР.

* * *

Вы как будто читаете мысли на расстоянии. Это удивительно. Я-то думала, что это удается только мне. Ваш рассказ так заинтересовал меня, что я хочу услышать продолжение. До этого письма я по какой-то неуловимой ассоциации думала как раз о Вашем отце. Вскрываю конверт... будто по мысленной моей просьбе слова вдруг складываются в строки, по которым удается проследить судьбу человека.

Сибирь я видела на выпуклом селенировом стекле нашего корабля, зато всю разом. Огромный лесистый край, завораживающий своими просторами и светлыми лентами рек. Маленькая подробность: тайга из космоса кажется оранжевой, даже коричневой, но вовсе не синей и не зеленой, как об этом пишут. Это нетрудно исправить и в Ваших рассказах. То же, впрочем, относится к тропическим лесам. Только пустыня не меняет своего цвета, и с огромной высоты выглядит она точно так же неприглядно, как и вблизи. Но космические снимки получают с помощью светофильтров, и цвет в конце концов восстанавливается, что ввело в заблуждение не только Вас. РЭА.

* * *

Мне предстоит ответить на Ваш вопрос, и, сев за письмо, я раздумывал, как это лучше сделать. Потом решил: буду рассказывать так, как я рассказывал бы своему другу. Итак, об отце. Зимой двадцатого года красноармейцы без единого выстрела овладели Красноярском. Белые сдались, армия Колчака после этого перестала существовать. Позже отборный корпус генерала Каппеля, отступая с боями, пройдет по байкальскому льду навстречу японцам, оккупировавшим Забайкалье. Но тридцатой дивизии, преследовавшей белых, еще предстояли бои с белочехами, операции в долине Селенги, бои близ монгольской границы.

Сохранилось фото: дом в Иркутске, перед ним — группа красноармейцев. Дом украшен плакатами, рядом с домом самодельная трибуна и сделанная из снега фигура бойца с винтовкой. Мой отец стоит во втором ряду. Мать

особенно берегла эту фотокарточку, и теперь она открывает мой альбом. Именно под Красноярском и начинался боевой путь отца: он вступил добровольцем в тридцатую дивизию и прошел с ней путь до низовьев Селенги. Второе фото моего альбома запечатлело Гусиноозерский дацан, резиденцию ламы-ахая, главы буддистов в Сибири. Мой отец стоит у трофейного «мерседеса». Рядом красноармейцы. Поездка к ламе была необходима, чтобы получить разрешение ловить рыбу и охотиться. Коренное население этих мест — буряты — считали и рыбу и птиц неприкосновенными. Запасы продовольствия в тридцатой дивизии подходили к концу, и комдив Грязнов отрядил два «фиата» и два «мерседеса», взятых у колчаковцев, для дипломатической миссии в Гусиноозерский дацан, где находился трехэтажный дворец ламы. Здание дворца было украшено двумя золотыми оленями с колесом между ними и казалось величественным и грозным. Позже я встречал репродукцию этой фотографии в какой-то книге. Миссия Грязнова принесла успех: лама объявил верующим, что запрет на ловлю рыбы и отстрел дроф не распространяется на красноармейцев. Думаю, что трофейные машины и кавалькада всадников произвели на ламу впечатление.

Позже отец был ранен на монгольской границе. В то время район этот был опасным: белоказаки то и дело совершали настоящие разбойничьи экспедиции.

Я не знаю, почему буддистам запрещено ловить рыбу и стрелять птиц, но полагаю: это как-то связано с их убеждением, что душа человека после смерти переселяется в другое существо. Значит, убить птицу почти то же, что убить человека. Если у Вас было время познакомиться с жизнью и учением Будды, то Вы не могли не обратить внимания еще на одну деталь: краеугольный камень учения — это отрицание богов. Будда был атеистом, причем самым убежденным, но по прошествии нескольких лет он по иронии судьбы сам был провозглашен богом, а его учение извращено невежественными последователями. ВЛАДИМИР.

* * *

Злой рок преследует экспедиции на Вашу планету. Экспедиций было уже три. Первая исчезла бесследно. Мы можем только гадать, что произошло. Вероятней всего, следы ее когда-нибудь отыщутся на дне морском. Трагедия

произошла так давно, что мы редко вспоминаем о ней. Зато второй полет остался у нас в памяти. Мы достоверно знаем, что тогда случилось. Столкновение с метеором из роя кометы Галлея (который на год-два опережает саму комету) вывело из строя приборы. Затем последовала неудачная попытка приземлиться в районе невысоких гор, покрытых тайгой. Но расчет, проведенный вручную, был неточен. В атмосфере произошло изменение траектории корабля, которое можно было назвать одним словом — рикошет. Удар о плотные слои воздуха был так силен, что обшивка перегрелась. Раскаленное тело, лишенное управления, рыскало над тайгой, все еще пытаясь приземлиться в безлюдном районе. К этому времени в живых остался только один член экипажа. Он принял единственно правильное решение: катапультироваться. Парашют опустил его в районе Подкаменной Тунгуски. С ним вместе были выброшены рация и автомат записи данных. Думаю, нам повезло: одно сообщение с Земли все же поступило к нам. Затем аппаратура записи и передачи данных отказала, спасшийся член экипажа оказался в тайге, и ему ничего другого не оставалось, как перейти к выполнению последнего варианта. Что такое последний вариант? В нашем понимании это приспособление к местным условиям, использование подручных средств и среды обитания для спасения жизни. И одновременно — сокрытие случившегося. Никто не должен был подозревать о присутствии на Земле инопланетянина. Нужно было стать таким, как все, стать человеком Земли. Это не так уж трудно сделать, ведь мы внешне такие же, как вы.

Почему я пишу Вам об этом? Да потому, что не оставила надежды найти того человека. Ведь он, вероятно, жив. Прошло, правда, более семидесяти лет с тех пор, но был он тогда юн и здоров настолько, насколько это позволял парадокс хода времени в быстродвижущихся замкнутых системах. К тому же стареем мы медленно. Да, наша экспедиция предполагала провести поиск, но теперь из-за потери бота это неосуществимо. И только я еще на что-то надеюсь. Вы можете спросить: почему именно я? Скажу прямо: тот член экипажа — мой отец. Я не помню его, мне не было и года, когда он улетел вместе со второй экспедицией, но у матери осталось фото... Прошло двадцать лет, и я стала участницей третьей экспедиции. Наши судьбы в чем-то схожи между собой: Вы потеряли отца, и я его потеряла. Теперь Вы лучше поймете меня. РЭА.

* * *

Из Вашего письма следует, что корабль приземлился незадолго до того, как мимо нашей планеты должна была пройти комета Галлея. Место падения и время соответствуют так называемому Тунгусскому диву. Вы об этом, вероятно, знаете. В тайге и сейчас еще сохранились следы. Падение сверкающего шара изменило ландшафт на сотнях квадратных километров. Напоминаю Вам об этом для того, чтобы уяснить важную деталь. Экспедиция Томского университета исследовала район катастрофы. Предполагалось, что торф должен законсервировать атомы космического вещества, принесенного шаром из неведомых далей. Эти атомы могли войти в состав органических молекул мхов. Оказалось, что мхи и торф сохранили изотопы водорода и углерода, принесенные неизвестным объектом, и состав этих изотопов соответствует кометному веществу. Значит, это была небольшая комета. Вывод не подлежит сомнению. Вы же пишете о корабле.

Я готов был бы согласиться с Вами, если бы речь шла о комете Аренда-Ролана, появившейся значительно позже, в 1957 году. Как известно, у этой странной кометы вместе с обычным хвостом, направленным от Солнца, был узкий, как луч, второй хвост, направленный к Солнцу. Этот аномальный хвост не был похож ни на одно небесное явление, известное до тех пор. Он появился внезапно и внезапно же исчез. Кроме того, комета излучала радиоволны, что явилось полной неожиданностью для астрономов. Излучения были стабильны, как если бы работали два радиопередатчика. Некоторые ученые предполагают, что комета Аренда-Ролана не что иное, как межзвездный зонд, запущенный инопланетной цивилизацией для изучения Солнечной системы. Обнаружив на Земле разум, зонд послал сигналы, не понятые и не расшифрованные до сих пор. Затем комета Аренда-Ролана прошла мимо нас и удалилась, исчезнув из поля зрения приборов.

Но Вы пишете именно о тунгусском объекте, который был типичной малой кометой. Не могу принять Вашу точку зрения, пока не пойму, что же тогда произошло в тайге. Если можете — объясните. ВЛАДИМИР.

* * *

Вы спешите с окончательными выводами. Сторонники кометной гипотезы опубликовали много статей и книг; Вы, разумеется, их успели изучить. Вероятно, другие предположения, в том числе и гипотезы Ваших коллег, прошли для Вас бесследно. Напомню сначала, о чем там шла речь. Прежде всего о свечении неба. Оно наблюдалось в течение нескольких дней после катастрофы. Что это за явление? Это, по сути, солнечный свет, отраженный частичками кометного хвоста. Таков должен быть ответ. Но белые ночи, наступившие после взрыва, вовсе не были похожи на светящийся кометный хвост. Некоторые горные породы, взятые из района эпицентра, при нагревании сильно светятся. Это термолюминесценция. В других местах Сибири она не наблюдается. Напомню Вам и о мутациях. Можно говорить о новом виде муравьев в районе катастрофы, который там сформировался под влиянием неизвестных излучений. Один Ваш коллега писал в свое время о ядерном взрыве. Не разделяю эту точку зрения, и все же Вы должны были внимательнее отнестись к изысканиям в глухой сибирской тайге. Прошу Вас ознакомиться с работами А. В. Золотова, доказавшего, что кварцевые эталоны времени ведут себя более чем странно в районе эпицентра: они отстают на две секунды в сутки, что во много раз превосходит допустимую погрешность. Все это опубликовано. Теперь о том, что не опубликовано ни в одной книге.

Я писала о последнем варианте. Мой отец вынужден был оставить все надежды на спасение корабля. Он знал, что помощь придет не скоро и ему придется остаться на Земле. В то же время он обязан был скрыть факты: даже просто сведения о случившемся означали бы наше вмешательство в дела Земли, в развитие вашей цивилизации. По крайней мере, до поры до времени отец обязан был молчать. И он молчал. Но в тайге остались следы. Лес был повален на огромных пространствах. Отец ничего не мог с этим поделать. В атмосферу были выброшены частицы вещества, вызвавшие белые ночи в Европе и Средней Азии. И с этим отец ничего не мог поделать. У него оставался к моменту катастрофы единственный автономный источник энергии. И он решил замаскировать непосредственные следы катастрофы, которые могут быть обнаружены в последующих экспедициях.

Он попытался это сделать, используя оставшуюся в его распоряжении энергию. Насколько ему это удалось — судите сами. Во всяком случае, до сего дня кометная гипотеза, вызванная к жизни изотопным составом торфа, продолжает привлекать внимание. Отец успел рассчитать состав и рассеяние космического вещества, которое должны были обнаружить уже после его смерти.

Давайте будем считать, что каждый из нас может задавать любые вопросы. И если мы еще в силах припомнить через столько лет то, что было, давайте это сделаем, не откладывая. Те несколько часов, которые мы отдадим прошлому, не пропадут бесследно. Останется горечь, когда мы оба приблизимся к далекому-близкому, коснемся его мысленно и снова окажемся в сегодняшнем дне с его быстропроходящими заботами. Останется как бы едва уловимый аромат, потом и он растворится, как запах кедрового стланика на сопках, когда выпадает первый снег. Странная просьба, не правда ли? Как-то Вы поймете меня? Наверное, Вы похожи на отца. На обратной стороне бумажной обложки первой Вашей книги — портрет, который мне об этом рассказал. Вы удивитесь, может быть, ведь я не знаю, как выглядел Ваш отец. Отвечу на это в следующем письме. Сейчас же у меня к Вам три важных для меня и для Вас вопроса.

Вопрос первый. Можете ли Вы назвать место и год рождения Вашего отца на основании документов о рождении?

Вопрос второй. Жив ли кто-нибудь из друзей детства Вашего отца или из его знакомых того времени?

Вопрос третий. Что Вы знаете о родителях отца? РЭА.

* * *

Ну что ж, я снова пускаюсь в путешествие во времени. Прикрываю глаза — и вижу сибирскую деревню Олонцово на берегу Лены. Рубленые дома, деревянный тротуар, запахи смолы и меда; босоногая девочка с лукошком, полным брусники, смотрит на меня удивленными серыми глазами. Почему так удивлена эта босоногая жительница Олонцова с первым урожаем брусники в плетеной корзинке? Не догадались?

Потому что я — чужой. Я городской — в костюме и полуботинках, с портфелем в руке, где сложены рубашки, два полотенца, бритвенный прибор и сетка от комаров.

Да, я взял накомарник, и не потому, что наслушался рассказов о комарах и мошке, а потому, что на Дальнем Востоке еще в далекие дни детства познакомился с этими микроскопическими хозяевами тайги. Но день ясный, ветренный, к тому же оказалось, что в конце августа здесь нет этой напасти и можно дышать полной грудью.

Как Вы догадываетесь, в тот самый день я искал дом, где родился отец. Я обошел всю деревню из конца в конец. Напрасно. Дома я не нашел. Я переночевал на сеновале у одинокой старушки — Марфы Степановны. Помню лицо ее цвета печеной картошки, изрезанное морщинами, как лик деревянного якутского идола. Утром эта женщина позвала меня на чай, заваренный листьями малины, я достал из портфеля сахар и печенье. Наконец я решился задать ей вопрос. Звучал он примерно так же, как строчки из Вашего письма. (Я боялся спрашивать ее об отце. Что-то останавливало меня. Но медлить больше было нельзя: мне пора было уезжать в Москву. Моя командировка в Иркутск истекала. В Олонцово же я завернул на свой страх и риск.)

Женщина промолчала, будто не слышала моих слов. Минула тягостная минута. И она негромко так сказала:

— Всех помню,— и вернула мне фото.

— Отца тоже помните? — спросил я, волнуясь.— Помните?

— Нет,— сказала она коротко, и это «нет» как бы повисло в воздухе.

И больше на эту тему мы не говорили. Нужно ли добавлять, что в сельсовете я не нашел никаких документов об отце?

Так кончилась тогда моя поездка, и я никогда больше не ездил в Олонцово, словно чувствуя неведомый запрет. Трудно, может быть, понять это. ВЛАДИМИР.

* * *

Вы сообщили о книге, в которой есть фото Вашего отца. Я нашла ее. Случилось это так. Любимое место мое в читальном зале было занято, и я прошла к стеллажам, где пылились энциклопедии и справочники. Тут я увидела молодого человека, вероятно, студента, который листал эту книгу. По описанию я узнала дворец ламы. Студент перевернул страницу, но я ее запомнила и запечатлела в памяти. Трехэтажное здание с оленями и колесом между

ними, автомобиль, группа всадников на втором плане, красноармеец у «мерседеса»... Потом я взяла эту книгу. Села за стол, и что-то мешало мне, я медлила, не могла решиться. Вот и фото. Я снова и снова всматривалась в черты его лица. Сердце сжалось: это был мой отец. Таким я знала его с детства по многим портретам и кинофильмам.

У него внимательные, широко расставленные светлые глаза, в них как будто застыло удивление. Это немного мальчишечье выражение глаз меня особенно привлекало в нем, я узнавала его даже на кадрах, запечатлевших отлет экспедиции, когда лица участников видны сквозь выпуклые селенировые стекла. Смеялся ли он, обнимал ли мать, рассказывал ли он ей о чем-то своем — всегда жило в глазах его это выражение, которое, впрочем, не так легко передать словами. Удивление — да... Но не только. Это был еще и вечный вопрос к окружающему, к себе, к людям. Я говорю «к людям», не делая различий между вами и нами. Он тот же на знакомом Вам фото. Годы, испытания, лишения, горе и утраты не изменили его, он тот же, мой и Ваш отец. У меня было достаточно времени, чтобы проверить это. РЭА.

* * *

Вам удалось вернуть меня в прошлое. Но Вы тут же захотели так изменить это прошлое, чтобы я перестал узнавать знакомые до боли его приметы. Судите сами, могу ли я поверить Вам на слово, если даже возможность считать Вас моей сестрой не склоняет меня на сторону Ваших предположений. Предположений. Иначе я не могу это назвать. Как видите, я не спешу объявить себя хотя бы наполовину инопланетянином.

Ваше письмо подействовало на меня так, что я готов был припомнить каждый день и каждый час свой. Снова я на берегу синей бухты, и мы с товарищем босиком идем по серому песку, где отлив оставляет за собой пряно пахнущие ленты и нити морской травы. Справа ползет тень крутобокой сопки, к загривку которой клонится предвечернее солнце. Мы забираем влево, где свет и алмазы капель на бурой гриве замшелых камней, где на дне оставшейся лужи видны морские ежи и улепетывающий краб. И следы заполняются водой, когда мы носим камни, складываем их так, чтобы получилась стенка, перегораживающая лужу надвое. И еще стенка, и еще... Потом, огляды-

ваясь на уходящее солнце, вылавливаем из лужи рыбью мелочь, которая ослепла в мутной воде и не может скрыться.

Там, куда Вы меня позвали, я вижу долину, синюю от ягод, с тремя прозрачными протоками. Перепрыгивая через них, я ощупью, не глядя, нахожу голубику. Потом протоки сливаются, я закатываю брюки до колен, выхожу на перекат, но вода сбивает меня с ног, и я вдруг понимаю, что надо быть вместе с течением, плыву, меня выносит к большому камню, где я поднимаюсь. Колени еще дрожат, но страх, первый страх в моей жизни, уже побежден. Река отныне становится моим союзником. Позже, много лет спустя, она будет мне сниться. И густая жимолость у подошвы сопки, и лиственничный лес на пологом склоне, и полосатый веселый бурундук, сидящий у серого пня, расколотого некогда молнией,— все это осталось, все это не придумано. И нет места ничему другому. Что крепче этого может привязать меня к детству, где нет и намеков на тоску по иному миру?

Вы просили документальных доказательств и старались быть точны во всем. Теперь пришла моя очередь просить у Вас подобных же подтверждений. Не задаю вопросов. Очевидно, Вы сами знаете, какие вопросы я мог бы задать. ВЛАДИМИР.

* * *

Бессонная ночь. Только перед рассветом из руки моей выскользнула книга. Я искала там примеры, которые помогли бы нам понять друг друга. Что же это за книга? «Сарторис» Фолкнера. Цитирую:

«По обе стороны этой двери были узкие окна со вставленными в свинцовую оправу разноцветными стеклами — вместе с привезшей их женщиной они составляли наследство, которое мать Джона Сарториса завещала ему на смертном одре... Это была Вирджиния Дю Пре... она приехала в чем была, привезя с собой лишь плетеную корзинку с цветными стеклами».

В эту же ночь я прочла Брэдбери. И тоже о стеклах.

«Ему снилось, что он затворяет наружную дверь — дверь с земляничными и лимонными окошками, с окошками цвета белых облаков и цвета прозрачной ключевой воды».

И вот уже холодное марсианское небо становится теплым, а высохшие моря зарделись алым пламенем. Да-

вайте и мы понаблюдаем мир через цветные стекла воображения.

Итог этих наблюдений вот каков: автор «Сарториса» заимствовал землянично-лимонное окошко у Брэдбери, фантаста. Да, Рэю Дугласу Брэдбери едва минуло семь лет, когда был опубликован «Сарторис» Фолкнера, и все же это не парадокс. Казалось бы, ответ получен давно: в будущее и прошлое проникнуть не удается, машина времени немыслима. Но даже у вас появились сообщения, что информация может преодолевать временной барьер. Гарольд Путхофф и Рассел Тарг из Станфорда семь лет назад доказали это.

Вас интересуют их опыты?.. Сначала они выясняли природу поля, передающего зрительные образы на большие расстояния. Природу его выяснить не удалось, зато по счастливой случайности кому-то из них пришло в голову принимать и регистрировать зрительную информацию заранее. Слово «заранее» требует пояснения. Один человек, участник опытов, направлялся на машине к аэродрому, порту, зданию необычной архитектуры или другому объекту. Обычно, когда он в сопровождении ученого оказывался у избранной цели и сосредоточивался, то другой участник, находившийся за много километров в лаборатории, принимал информацию и рисовал на чистом листе бумаги аэродром, порт или здание. Но вот человеку-приемнику дали задание нарисовать объект на час раньше, когда другой участник еще не увидел его. Никому из них не было сообщено о том, что рисунок выполняется заранее. Но рисунок тем не менее удался на славу. Сотни раз повторяли опыт, и результат его убеждал, что информация может поступать из будущего.

Не буду отклоняться от нашей темы и пояснять, как это происходит. Важен факт. Нам он был известен очень давно. Любой из нас, если только пожелает, может передать информацию или зрительные образы в прошлое, в будущее, преодолев время и пространство. Для этого нужна не техника, а подготовка, способности, воля. Зрительные образы осязаемы; человек может обмануться, приняв их за реальность. Иллюзия? Тем не менее иллюзия полная, совершенная. Любопытно, не правда ли?

Теперь вместе с Вами перекинем мостик в прошлое, о котором Вы размышляли в письме (и я благодарна Вам за эти размышления, они позволили мне найти ключ к давним событиям). Начнем с того, что Вы находились тогда за тысячи километров от фронта, где воевал наш

отец. Не нужно быть провидцем, чтобы понять, как он хотел увидеть сына. Увидеть, понимаете? И он должен был это сделать! У меня на сей счет сомнений нет. Вспомните эту встречу. Она должна была состояться. Неужели прекрасная память не поможет Вам восстановить подробности, к ней относящиеся? Это могли быть считанные мгновения — припомните их! В трубке детского калейдоскопа видны лишь правильные цветные узоры. Постарайтесь рассмотреть в ней стеклышки, создающие иллюзию. Маленькое отклонение от геометрии, не так ли?.. РЭА.

* * *

Пытаюсь взглянуть на окружающее сквозь земляничные стекла воображения. Только там, в первом и наиболее ярко отразившемся в памяти периоде моего детства, аромат земляники нам был неведом. Были сизые ягоды голубики, черные бусины водяники, или шикши, янтари спелой морошки.

Море я и вовсе не хочу рассматривать ни через какое волшебное стекло. Потому что был один памятный туманный день и был огромный пляж, куда мы прибыли на лодке, и странно теплая для этих широт вода, когда можно было бродить босиком по колено в воде. У коричневых обрывов горел костер — живое красное пламя его я вижу до сих пор. Во время отлива я прижимал ногой крабов к плотному песку и бросал их к костру. Нас было трое. Мой старший товарищ Гена Ерофеев и его отец Василий Васильевич взяли меня в эту поездку с собой.

После ухи и чая я забрался на уступ, бросил несколько ветвей стланика на камни, лег на спину и смотрел на ряднину тумана, спускающуюся по склону сопки. В моем рассказе я приближаюсь к тому мгновению, о котором Вы просите сообщить. Вот оно, это мгновение: я вдруг чувствую, что поодаль от меня присел на россыпь глинистого сланца человек. Будто бы этот человек в запыленной, вылинявшей от солнца гимнастерке, перепоясанной брезентовым пояском, в кирзовых сапогах, и в руке у него пилотка. Я вижу его краем глаза, но понимаю, что могу помешать ему, что ли, и оглядываться не надо. Так прошло с полминуты, а лицо этого человека я не успел рассмотреть. Хотел обернуться к нему, да вдруг услышал:

— Как живешь, малыш? — Я ничего не ответил. Замер. Понял, что вопрос был адресован мне. И снова услышал: — Не горюй!

И когда я обернулся, его не было. Пропал он так неожиданно, что я спрашивал себя: правда или показалось? Но эти слова остались во мне навсегда.

А рядом со мной лежало яблоко. Я сразу понял, что это мне. Я надкусил его. Оно было кисло-сладким, хрустящим, вкус его запомнился на всю жизнь. Немудрено, ведь я впервые видел настоящее яблоко.

Мне кажется, Вы правы. Редко пытаемся мы заглянуть внутрь калейдоскопической трубки и часто не замечаем цветных стеклышек, а видим лишь их отражения в зеркале. Эпизод, о котором я рассказал, можно считать доказательством странной гипотезы, которую я услышал от Вас. При непременном, конечно, условии, что он не был случайностью.

Вернемся ко второму периоду моего детства. Это было уже в Москве, на Школьной улице. Жил я у тетки, на втором этаже кирпичного дома, рядом с Андрониковым монастырем. У развалин монастыря зимой мы катались на санках, склон холма круто опускался к Яузе, и ребятня любила это место. Зимой сорок седьмого в один из ясных дней я собирался туда после школы, но был наказан на уроке пения. За что — не помню. Учитель наш, Сергей Фомич, так рассердился, что оставил меня в пустой комнате на час. Это было со мной впервые. И вот я сижу в этой комнате, окна ее залиты солнцем, и солнечные зайчики как бы в насмешку надо мной пляшут на полированной крышке рояля. Я смотрю в окно и вижу воробьев, которые устроили возню у матовых, наполненных светом сосулек, свисающих с крыши. С минуту я наблюдаю за ними, потом оборачиваюсь и вижу человека у рояля. Человек этот в сапогах, на нем гимнастерка, подпоясанная брезентовым ремешком, и я узнаю его со спины. А он, не оборачиваясь, говорит:

— Ну-ка, малыш, споем вот эту песню.— И несколько аккордов словно вдруг усыпили меня, и я пел точно во сне, и звучала удивительная музыка. То была народная песня, и слова ее неожиданно для себя я вспомнил, хотя раньше знал только мотив.

И когда прозвучал последний аккорд, я услышал:

— Мне пора, малыш, прощай.

И я встрепенулся. Что это было? Комната пуста, над окном шумят воробьи, солнце опускается на крыши дальних домов у Абельмановской заставы, свет его резок и багров. Щемящее чувство одиночества было непереносимо. Я уронил голову на подоконник, закрыл глаза,

чтобы не расплакаться, в ушах моих снова зазвучали знакомые аккорды, но я не поднял головы, так как знал, что человека за роялем не было.

Теперь я хотел бы рассказать о том, что произошло пять лет спустя. Мне исполнилось уже тринадцать лет. Летом я поехал к бабке моей по матери, которая жила под Веневом.

Помню теплое июльское утро...

Листья хмеля за стеклом горят зелеными огнями на солнце, я приоткрываю окно, сдерживаю дыхание, потому что вижу у палисадника Настю. Рядом с ней двое сверстников, и один из них, повернув голову к окну и не видя еще меня, кричит:

— Пошли на речку!

Теперь я толкаю оконную раму так, что хмель тревожно шумит и с листьев срывается крапивница и взмывает до конька крыши. Прыгаю из окна на мягкую серую землю, расталкиваю высокие мальвы, бегу к изгороди, перепрыгиваю ее. Остановившись рядом с ними, стараюсь не смотреть на Настю. Стараюсь быть впереди, когда мы выходим на дорогу, ведущую к речке.

В руке у нее стеклянная банка с крышкой: если мы поймаем окунька или вьюна, она принесет его домой, и он будет жить в банке, пока старый белый кот не выловит рыбку лапой.

— Настя, дай понесу банку! — говорит Владик.

— Нет, я, моя очередь! — Я подхожу к Насте и протягиваю руку, и рука Владика и моя рука встречаются с ее рукой, мы отталкиваем друг друга, и дело неожиданно доходит до драки. Мы катаемся с Владиком по траве, выкатываемся на колею и, наконец, серые от пыли, встаем, а Настя укоризненно качает головой и советует посмотреть в зеркало.

Вдруг кто-то предлагает идти пшеничным полем. И мы сворачиваем на тропу, желтые стебли и колосья бьют нас по рукам, еще минута — и мы, забыв об осторожности, сходим с тропы, собираем колоски, на ладонях наших остаются теплые беловатые зерна, вкус которых нам хорошо знаком. И тогда появляется далекая тень на тропе.

— Объездчик!

Мы бросаемся врассыпную. Настя бежит за мной. Я вижу, как стремительно приближается к ней конник с плеткой в руке. Останавливаюсь. Потом что-то словно подталкивает меня, я бегу назад, успеваю схватить Настю за руку, мы падаем, и я закрываю ее от удара. Свист

плетки, мгновенный страх, заставляющий нас вжаться в серую сухую землю!.. И в тот же миг — необъяснимое. Точно большая теплая ладонь погладила меня по коротко остриженным волосам, наступила тишина, в которой я услышал тот же знакомый голос:

— Мне пора, малыш. Не горюй!

Когда мы поднялись, не было ни объездчика, ни страшного его вороного коня. Налетел порыв ветра и пригнул желтые стебли к земле. И снова — тишина, волнующая, полная скрытого смысла.

Позже, студентом уже, я прочел стихи. О Насте из-под Венева:

«В садах, на полянах, в цветах укрываясь, в туманах теряясь, зарей озаряясь, во всем божьем мире, в любом кратком миге была ты везде и повсюду.

Зефиры носили над этой землей твое имя; листвы шелестенье и рокот волны, обдававшей каменья,— все было дыханьем дыханья, рожденного только устами твоими».

Я знаю эти стихи наизусть. Написаны же они кем-то в начале века. Может быть, первым шептал их я. Потом их записал поэт, живший на пятьдесят лет раньше меня. Согласно Вашей гипотезе так могло быть...

«На небе вечернем средь звезд я, бывало, твои лишь выписывал инициалы, а если глаза опускал к горизонту — в мальчишеских грезах меж стройных березок выискивал взором твой мягкий девический контур.

Повсюду бывая, незримо везде успевая, во всех моих мыслях, желаньях,— ах, где ты ни пряталась! — тобою душа моя полнилась вечно, любовь из нее изливалась к тебе бесконечно, как слава святых озаряет их святость».

Это все, что я могу сообщить Вам о необыкновенных встречах. ВЛАДИМИР.

* * *

Весь вечер я пыталась представить бухту, и скалы, и мальчика, который бредет по отмели. Мне казалось, что я отчетливо различаю солдата в поношенной гимнастерке, странным образом попавшего на этот дикий берег, потом словно и впрямь надвигался туман, о котором Вы писали, и видение постепенно исчезало. Я старалась удержать его, но солдат не возвращался, и не было на берегу мальчика, моего брата...

Раньше я не могла и помышлять о встрече с Вами. Теперь мне хочется попросить разрешения на эту встречу.

Думаю, у меня есть право увидеть своего земного брата, и я хочу, чтобы это мое право подтвердили на корабле. Но кто знает, будет ли так, как я хочу?..

Достала где-то цветную открытку с видом Андроникова монастыря. Зеленый от травы скат, внизу Яуза, старые стены, святые ворота. Я мысленно вошла в эти ворота, обошла монастырь, прикоснулась к белым камням его храма, потом увидела площадь, улицы, низкое солнце над холмом. Увидела то, что когда-то было близко отцу и Вам. РЭА.

* * *

Вот первое мое воспоминание об отце.

Мы у костра. Едва слышно шуршит горячий воздух над огнем. Искры мелькают в голубоватом дыму. Скоро начнет смеркаться. В этот час предсумеречной ясности и тишины окружающее кажется застывшей картиной. Застыли цветы пушицы, недвижны лиственницы поодаль, стеклом кажется вода в реке. Только огонь живет, он похож на красного оленя. Но искр все меньше. Жар покрывается серым тончайшим пеплом. Вдали становятся темнее валуны и скалы. Огонь гаснет, и минуты эти, первые осознанные минуты моего детства, навсегда врезаются в память. Рождается страх. Я боюсь, что пламя исчезнет совсем. Отец берет меня на руки. На щеке его видны еще тусклые отсветы...

Это место, как я установил много позднее, расположено в двух километрах от дальневосточного города, близ речки Каменушки.

Отец бывал в Москве нечасто. Перед войной он жил в этом приморском дальневосточном городе, который стал первым городом моего детства. Но вторым была Москва.

Мне все труднее рассмотреть прошлое в резком, не искаженном повседневностью свете. Поздним вечером я шел по своей Школьной улице, где дома с заколоченными окнами сиротливо ожидают своей участи: их скоро снесут. Я заходил во дворы. Над головой шумели высокие тополя и акации. С улицы не видно деревьев, не видно волшебного пространства дворов, наполненных когда-то нашими голосами. Нет уже каменных пристроек у тридцатого дома, и нет деревянного флигеля с пожарной лестницей, куда мы забирались в сорок пятом и позже смотреть салют. Это улица московских ямщиков, единственная в своем роде.

Сиротливо высится кирпичная стена, отделяющая мой двор от соседнего. Над ней когда-то верещали стрижи, я забирался на гребень ее, и солнце слепило глаза так, что я не видел ни двора, ни сараев, ни дома, ни флигеля. Этот резкий свет я помню отчетливо, как будто часть лучей еще и сейчас не угасла, как будто они до сих пор ослепляют и гаснут лишь по мере того, как тускнеет в сознании вся картина.

Наверное, от отца досталась мне ностальгическая натура. Думаю так: чем выше уровень цивилизации, тем больше объем памяти. Я встречал и встречаю людей, которые не испытывают особой тоски ни по прошлому, ни по будущему. Память сдерживает развитие многих качеств, в том числе таких противоположных друг другу, как агрессивность и творческие возможности. От памяти удобней избавиться. Но что такое творчество без памяти?..

Я умею переноситься мысленно в любое место. Бессонной ночью закрываю глаза и начинаю странный полет. Внизу будто бы вижу я горы, море, знакомую реку, тайгу. Я лечу над лесом, пока не засыпаю. В другой раз я вижу деревенскую околицу близ Венева, речку Осетр с крутыми берегами, вечернее поле, балку с темным холодным ручьем. Я лечу над полем так низко, что пугаю перепелок, они вырываются из душистой травы и стремительно исчезают в серо-синей дали. И воспоминания о полетах во сне сами похожи на сны. ВЛАДИМИР.

* * *

Я говорила с Танати и с руководителем экспедиции. Трудно передать подробности этого разговора. Наши были взволнованы тем, что мое предположение подтвердилось и на Земле у меня есть брат. Я намекнула, что мне надо увидеть Вас. Руководитель оборвал меня, спросил резко, знаю ли я самые простые вещи, которые не может не знать участник дальнего полета. «Но это мой брат! — воскликнула я.— Брат!» Он возразил: «Да, но он представитель иной цивилизации, а контактов с другой цивилизацией быть не должно, контакты изменят будущее, лишат людей самостоятельности, неужели Вам это не ясно? Письма можно подделать, фотографии — сфабриковать, но если станет фактом контакт, знаете, что начнется? Не мне Вам это объяснять, Рэа. Но даже если вдруг было бы получено разрешение с нашей планеты, мы должны помнить о Тулé в Гренландии. Тулé, если хотите,

это символ несостоявшегося контакта». Я поняла безнадежность моего положения, но не сдавалась. В конце концов он заявил, что наша встреча возможна в том случае, если Вы станете участником экспедиции и после ее завершения улетите с нами на нашу планету. Прошу Вашего согласия. Ответьте мне. РЭА.

* * *

В нашей Галактике больше ста миллиардов звезд. У некоторых есть планеты. Среди них не найдется такой, где я не захотел бы побывать. Я читал об одном человеке, который изобрел двойные очки. Если внимательно наблюдать поляну с цветами, можно увидеть через поляризованные двойные стекла звездную передачу. Сапфировые океаны планет-гигантов. Города в оранжевом тумане. Дуги мостов, соединяющие континенты и острова...

Каждый цветок — маргаритка, лютик, ромашка — принимает малую частицу изображения. Полупроводящие слои между стеклами объединяют эти частицы в картину. И разворачиваются голубые, под цвет неба, паруса над океанами. Прямо над городом вспыхивает необыкновенный мираж, и кажется, что в инопланетной роще, парящей над инопланетным городом, позванивают серебряные листья, прячутся под сенью их неведомые птицы, рубиновым огнем горят глаза невиданных зверей. А по мостам бегут почти невидимые от стремительного движения экипажи. Но когда они достигают янтарного берега и замедляют ход, то сказочные их контуры напоминают о просторных дворцах, таких, что каждый из них занимает всю улицу.

Разумеется, очки такие изобретены фантазией. И все же в этом я нахожу для себя и нечто серьезное. А именно желание победить мертвые дали. Есть ли у вас стекла, которые помогают в таких случаях? ВЛАДИМИР.

* * *

Да, они у нас есть. Чтобы в этом убедиться, нужно попасть на корабль.

Паруса над океаном, янтарные берега, дуги мостов, соединяющие континенты, даже невидимые экипажи — вовсе не полусказка, а явь. Но простая экскурсия с возвращением немыслима. Нужно выбирать. Быть там и здесь, хотя бы и поочередно, нельзя до тех пор, пока контакты исключены. РЭА.

* * *

Рэа, во многом я сам виноват. Наверное, я был недостаточно внимателен к Вам и не успел сказать главного, хотя и пытался это сделать. У меня никогда не будет другой земли, кроме этой. К тому же у меня здесь много дел и проектов. По вечерам я думаю о светлых редколесьях, где господствует даурская лиственница, о глухих болотах, о бегущих по распадкам ручьях. Как здорово набрать в котелок воды, развести на камнях костер и, пока варится чай с брусникой, представить, что идешь тропой отца.

Но когда я побываю там, я смогу съездить наконец в Венев, где не был четверть века. Человек изъездил пол-Европы и пол-Азии, а в Венев выбраться не смог. Вам, думаю, это понятно. Так уж я устроен. Воспоминания заменяют мне порой действительность. ВЛАДИМИР.

* * *

Я так и предполагала... и ни на что не надеялась. Мое письмо оказалось ненужным, зряшным. И все же я нашла способ встретиться. Я увижу Вас! И я получила на это разрешение. Ведь я могу появиться так, как умеем это делать мы. Вы увидите меня, я увижу Вас. Может быть, мы успеем сказать друг другу несколько слов. Это будет перед отлетом, через девять дней.

Вы согласны? Еще одно: прошу Вас ни в коем случае не публиковать моих писем к Вам. Разве что с подзаголовком «Фантастика». Это обязательное условие нашей кратковременной встречи. РЭА.

* * *

Позвольте вспомнить стихи Пушкина: «Прекрасны вы, брега Тавриды, когда вас видишь с корабля при свете утренней Киприды, как вас впервой увидел я; вы мне предстали в блеске брачном: на небе синем и прозрачном».

На двадцать первом году своей жизни поэт отправился морем мимо полуденных берегов Тавриды и наблюдал Венеру, утреннюю Киприду. Любой астроном скажет сейчас, что именно в тот год планета была в фазе наилучшей утренней видимости.

Когда эта фаза наступила в очередной раз, Пушкин пишет о Венере новые строки, на этот раз для «Евгения Онегина».

Прошло еще восемь лет, и в следующую фазу утренней видимости Венера сияла на небосводе, как и прежде; поэт об этом знал, но не мог уже увидеть утреннюю звезду. В традиционный римский день Венеры он скончался. Под знаком радостно встречаемой им, но роковой планеты набросал он и знаменитый свой эскиз. Изображены двое: один стреляет из пистолета, другой падает, раненный. Рукой поэта ниже подписано: смерть Пушкина.

Поразительны обстоятельства, сопутствующие рисунку: выполнен он за много лет до его дуэли с Дантесом, еще в кавказский период его жизни. Пушкин как будто успел побывать на месте будущей дуэли.

Это лучше всего убеждает меня в Вашей правоте. Да, образы могут передаваться через время и расстояния. Буду надеяться на это. ВЛАДИМИР.

Запись в дневнике

Странное недомогание. Будто невидимая рука притронулась к сердцу. И жмет, жмет. Легко, но чувствительно. Нет, это не болезнь. Что-то другое, посерьезней.

Однажды это уже было со мной. У Андроникова монастыря. Память очертила не то круг, не то петлю времени...

Сохранился снимок: два мальчугана у стен монастыря; снимал кто-то из взрослых. У одного в руках мяч. Это я. Другой, рядом со мной... Что я знаю о нем? Жил он на той же Школьной улице. У него были сестра и мать. Отец погиб на фронте, как и у меня. Однажды я пришел к нему. Мы спустились в полуподвал. Вошли в комнату.

Слева — койка, накрытая темным сбившимся одеялом, справа — стул с выщербленной спинкой, прямо — подобие обеденного стола. И обед — два ломтика жареного картофеля на сковороде. Но обедать он не стал. Мы пошли играть на улицу. Переждали ливень в подъезде, бродили по улице босиком. Бежали грязные ручьи. Небо было высоким, чистым, холодным.

И новые воспоминания...

Август и сентябрь сорок пятого — время желтых метелок травы, ряски в Лефортовских прудах, теплых красных вечеров. Над храмом Сергия в Рогожской скользят стрижи. На высоком берегу — развалины Андроникова монастыря. Где-то здесь впадал в Яузу ручей Золо-

той Рожок. (Над светлой струей ручья в Андрониковом монастыре останавливался Дмитрий Донской после битвы на Куликовом поле. Воины пили воду ручья. У Спасского собора монастыря похоронен Рублев.)

...Рядом стучали колеса. Над рельсами струились горячие потоки воздуха. Синие рельсы отражали московское небо. Несколько шагов вдоль полуразрушенной монастырской стены — и вдали возникал Кремль с его пасмурно-розоватыми башнями, тусклыми шатрами, величавой колокольней, зубцами стен и куполами храмов. Высоко взбегал он на холм, отделенный от нас толщей воздуха над низкими крышами. С маковки нашего рогожского холма виден был он то четко и ясно, то размывчато, словно сквозь матовое стекло.

У стен монастыря — разноголосица, звонкие удары по мячу. Мальчишечий футбол. Второй тайм. Играем в разных командах. Вот он, мяч. Еще один бросок, и я ударю по воротам. Он бежит слева, этот мальчик. Я отталкиваю его. Не так уж заметно для других это мое движение плечом и рукой. А судьи нет. И он падает. Стоп. Я особенно внимателен, воспроизводя в памяти именно этот вечер.

Под красноватым солнцем на пыльной траве мы отдыхаем, разговариваем, смеемся, перед нами линия за линией открываются охваченные закатным пламенем улицы и проспекты. В удивительный час предвечерней ясности на улицах мало людей, редко ходят трамваи, почти нет машин. Город словно отдыхает от великого труда. Так оно и было. Закатный свет окрашивал прошлое и настоящее, и осязаемые нити его тянулись в будущее. И он всегда вспыхивал в памяти, когда я снова, хотя бы только мысленно, приходил туда, на этот удивительный холм с его пыльной травой, несказанным дымным воздухом заводской окраины, с желтыми стенами домов, которые так явственно светились...

Я оттолкнул его не только от мяча. Он исчез из моей памяти. Мы больше не друзья. Да, именно тогда это и случилось, и с того вечера мы не встречались на улице, и несколько раз потом видел я его издалека, но не подходил. И он тоже... Вот какая история произошла с тем мальчиком и со мной.

Почти физически ощущаю этот толчок. Как будто это было сегодня. Не надо бы так! Возникают ассоциации. Андроников монастырь. Щемящая боль. Игра в футбол. Ушедшая дружба. Ассоциации? Ну нет. Не только.

Пробив канал в косном времени, вернулась давняя боль. Именно ее чувствую я сердцем. Разве нет? Это не болезнь. С ней я бы справился — трудно, но возможно. Я встречал людей, которые тоже могут это делать — лечить биополем.

Я знаю, как необъяснимое тепло нагревает ладони. Иногда рука ощущает как будто бы дуновение. Иногда — будто бы искривление пространства. Биополе?.. Впрочем, дело не в названии. Нужно сконцентрировать волю. Тогда пальцы похожи на магниты, но стрелка компаса при этом бегает все же по другой причине: биофизическое поле и магнитное — не одно и то же.

Вернадский писал о пространстве — времени живых организмов. Именно так. Стоит, пожалуй, перечитать его переписку, чтобы лучше понять то, о чем писала сестра.

Петля времени... Ведь это август сорок пятого — те двое с мячом. Снимок тусклый, пожелтевший, еще десять—двадцать лет — и время сотрет наши лица. Как жаль. А сейчас нужно поехать туда. Не принесут радости встречи и намеченные на будущее поездки, если в прошлом осталась хоть малая вина.

Немедля! Причина — там. На поездку — час. Не более.

...Вечер над Яузой. Морщит мутную воду, гонит пыль по выщербленному асфальту в сторону Костомаровского моста, врывается на холм, шелестит травой. Яр точно вздыхает. Затрясся куст под стеной. Снова тишина... Вот оно, то место. Меня не удивляет, что желания человека, умеющего излучать биополе, исполняются: я это знаю. Фантастично лишь то, что я так отчетливо помню Москву сорок пятого... Это почти реальность — воспоминания о ней. Больше всего на свете я хотел бы увидеть этих ребят. И футбольный мяч у стен монастыря. Мне безразлично, как это называется: телепортация, иллюзия или даже путешествие во времени. Это возможно, сестра права. И я смогу... Пора исправить ошибку и доиграть матч честно.

Пасмурный день. У монастыря — ни души. И трава, трава. Как тогда.

Странный порыв теплого ветра. А трава не шелохнется. Пробился сквозь облака закатный луч. Знакомое мне ожидание несказанного, неповторимого.

Впрочем, вот они появились.

Трое, четверо... еще четверо. И тот мальчуган. У него в руках мяч. Я срываюсь с места легко, стремительно.

По-мальчишечьи. Передо мной красный от кипрея сквер. Справа предзакатное солнце. Облака вдруг исчезли. Чистый багряный свет... Третий тайм.

Еще одна запись в дневнике

Необыкновенно стремительный полет над тайгой, в вечернем небе над пеленой облаков яркие, как радуга, полосы — следы заката. Полуявь, полусон, но главное помнится так ясно, что и сейчас вижу глаза ее на фоне распадка с белыми цветами.

Удивительно это: за восемь часов полета я пересек почти половину земных меридианов. Быть может, для того, чтобы оказаться у них на планете, потребовалось бы времени даже меньше. Пусть так, но я не согласен. Я все же не променяю рейс в город моего детства на гиперпространственный и безвозвратный полет в окрестность Магелланова облака или в любую иную окрестность.

Был ясный день. В долине реки Уптар на россыпях серой гальки цвели заросли кипрея в рост человека. Через полчаса автомобильной езды на взгорье показались знакомые дома, я попросил шофера проехать к бухте по старым улицам, но мы так и не смогли приблизиться к морю. Улочки узкие, с неповторимым обликом: деревянные дома залиты солнцем, за деревянными изгородями — дикие цветы, багульник, ольха.

...Спустился к бухте, разделся, вошел в воду. Начался отлив. Я шел по сверкающим лужам, добрался до большой воды, поплыл. Тело обожгло студеными струями отлива. Нырнул, открыл глаза, рассматривая морских ежей, рыбьи стаи, ватаги раков-отшельников. Вынырнул и поплыл к отвесному обрыву, где у подошвы сопки обнажилась полоса светлого песка. Потом развел костер и грелся, сидя у огня, пока солнце не упало за гористый мыс. И возвращаясь в город, вспоминал ее.

Вот как все произошло.

Примерно через час после отлета из Москвы я задремал. Вдруг во сне зародилась необъяснимая тревога, словно кто-то преследовал меня. Я проснулся. В салоне тускло горели крохотные лампочки. Сосед слева спал, накрывшись газетой, и похрапывал во сне. Тревога улетучилась, я нажал кнопку, стюардесса принесла минеральную воду, я поблагодарил ее и откинулся в кресле.

Но спать расхотелось. Вдруг я увидел рядом с моим креслом женщину. Она стояла и молча наблюдала за мной. Я встал. На ней было темно-зеленое платье с отложным воротничком и вышитым цветком, похожим на цветок мальвы. Она быстро проговорила, слегка наклонив голову:

— Я думала, ты выше ростом.

— Нет. Я не великан,— улыбнулся я.— Шатен среднего роста, как многие. А ты удивительно хороша собой, сестра... несмотря на возраст.— И тут я разглядел цветок на платье, он был, наверное, живым.

— Ну вот я пришла и увидела тебя,— сказала она с едва уловимой интонацией горечи.— Еще минута, и мы попрощаемся. Хорошо, что многое мы успели сказать в письмах. Я рада, что встретила тебя.

Она приблизила свое лицо, и в этот момент мне навсегда запомнились ее огромные, серые с синевой глаза, где таились готовые вспыхнуть искры.

— Я увижу скоро дом нашего отца, Рэа.

— Я знаю. Береги себя, брат.— Она задержала мою руку в своей, словно не хотела расставаться. И тихо сказала: — Смотри, какие облака!..

Я оглянулся, посмотрел в иллюминатор, увидел облака, светившиеся от закатной радуги. Когда обернулся, ее уже не было.

Подошла стюардесса, спросила:

— Кто эта женщина? Почему она была не на месте?

— Она подходила узнать, когда прилетаем.

— Но ее нет в салоне! И на посадке не было.

— Вы что-нибудь слышали о зеленых человечках? — спросил я, вспомнив вдруг, с чего началась переписка.

— Но это выдумка! — воскликнула стюардесса.

— Конечно, выдумка,— согласился я.— И ваша точка зрения мне понятна. Лично я, правда, иногда думаю иначе. Сейчас, например, когда в иллюминаторе видна вон та неяркая звездочка, на которую можно и не обратить внимания. Кто знает, что за миры откроются нам когда-нибудь. Но только тогда, не раньше, мы с вами увидим снова женщину в зеленом платье с цветком мальвы.

...А воображение мое очертило круг, и в нем оказались моря и океаны — воды их бороздили корабли с тугими звенящими парусами. Круг расширился. По лону земли, по белым пескам, среди тридцати зеленых хребтов шумели семьдесят семь играющих рек.

И девяносто девять рек бежали, сливаясь, по красным пескам, среди медно-желтых гор, у янтарных подошв ста семи утесов.

Солнце всходило над первым и вторым мирами. Над обоими мирами в волшебно-прозрачной выси плыл сверкающий воздушный фрегат. Внизу, пересекая ленты ста семидесяти шести рек, накрывая загривки хребтов, бежала его тень.

И возникли слова:

«С тобой мы шли, и ночь была все краше, и свет гнал тьму, и стало людно вдруг. И тень шагнула в человечий круг, и понял я, что имя ей — Бесстрашье».

Часть первая

Каникулы у моря

Камера хранения

Солнце стояло низко, и тень от эстакады ушла к серебристым стволам пробковых деревьев. Нас было трое: приземистый старичок с баулом, женщина и я. Мы стояли уже четверть часа — и ни с места, не ладилось там у них, в камере хранения: лента с чемоданом женщины остановилась вдруг, и вместо того, чтобы закинуть его на полку, потом пристроить дедушкин баул и отпустить меня, они принялись колдовать с механизмом. Их было двое; я слышал голоса, доносившиеся из окошка. По эстакаде неслись машины, над головой тарахтели мотоциклы и грузовики, а мы стояли и ждали у моря погоды. Галька сияла, и вода плескалась в тридцати шагах от нас.

Еще вчера я купался в Японском море. Вода там прохладная, ветры в октябре налетают со всех сторон, но зелень во Владивостоке еще летняя, ни одного желтого листа. Я добрался туда на теплоходе из города детства... Излюбленный мой отпускной маршрут начинается во Владивостоке, а завершается в Сочи, еще точнее, в Хосте. Полет наперегонки с солнцем длится около суток, если учитывать посадку в нескольких городах. Так было уже дважды после того, первого, полета...

— Простоим, а завтра дождь зарядит,— сказал я негромко,— погода здесь капризная, особенно во время отпуска.

— На Черном море штормить в ноябре—декабре начинает,— негромко, серьезно возразил старичок.

А женщина молчала. И я добавил:

— Иногда это раньше бывает. Иску-

паться бы, пока они там возятся. Эй, долго ждать?! — крикнул я, подвинувшись к окошку, но, как водится, мне не ответили.

Я увидел круглое, светлое лицо женщины с едва приметными крапинками веснушек, ее вздернутый нос, большие серые глаза, усталые и все же какие-то задорные, с непонятным вызовом, что ли.

— Хотите искупаться? — сказал я.

— А они там долго? — спросила она.

— Какое это имеет значение? Камера хранения работает круглосуточно. А солнце, увы, нет. Тем более в октябре. Поднести чемодан до пляжа?..

— Хорошо,— разрешила она, легко откинув голову, и первой пошла к морю, а я смотрел на длинные-предлинные тени от ее стройных ног и шел за ней.

Мы переправились через балку с тусклой травой и ленивым ручьем, потерявшимся в камнях в десяти шагах от моря. Она медленно направлялась к скалам, словно подумывая о зряшности моей затеи. Белые ее туфли с длинными носками ворошили галечник.

Так же нерешительно, медленно она входила в воду, и я удивлялся ей; подбадривая ее, заплыл далеко-далеко, лег на спину и смотрел, как она купалась, как боялась замочить волосы, как быстро выходила из воды и пряталась за скалой.

Мы вернулись. У камеры хранения ни души. Тусклокрасное теплое солнце висело над самым морем.

— Зеленый луч когда-нибудь видели? — спросила женщина, повернувшись к солнцу.

— Ни разу,— ответил я.— Воздух стал другим, не получается.

— И я нет,— сказала она.— А что с воздухом случилось?

— Стал он не таким прозрачным, машин прибавилось...— Я поднял ее чемодан и сдал его мужчине в темных очках. Потом свой. Проводил ее на крутую горку, где среди теплых серых камней примостился дом отдыха. Внизу россыпь огней, над ними белые легкие быстрые облака, до которых можно рукой дотянуться.

— Завтра поможете чемодан сюда перенести? — спросила она.

— Я мог бы это сегодня сделать.

— Не догадалась.

— Вас зовут Женя?

— Откуда вы знаете?

— Угадал. Завтра я буду под скалой.
— Хорошо. Я тоже.
— До встречи.
— До завтра.

Дикарь несчастный, подумалось мне, давно пора научиться доставать путевки. Я отправился на поиски жилья. Был теплый вечер, у нового санатория пахло цветами: тонкий, знакомый по прошлому году аромат; дальше, под деревянным мостом, шумела Хоста; из ущелья тянуло холодом, и здесь, над рекой, вспоминались московские холодные дожди, первые заморозки... Я взбежал на горку, привычно считая каменные ступени. Пятьдесят, семьдесят, девяносто... вот и знакомый дом. Мне повезло: через полчаса я снова шел по каменной лестнице, но уже с чемоданом, свернул направо, открыл дверь ключом, который дал мне хозяин, зажег свет, положил чемодан, присел над ним на корточки... На синтетической коже его исчезла царапина, которую я приметил раньше. Я поднял чемодан на стул, поднес настольную лампу и развел руками: синтетик был гладким, чистым. С минуту стоял в раздумье. Поднял крышку. Костюм повесил на вешалку, свитер на спинку кровати, достал рубашки.

Стоп. Что-то не так... Электрическая бритва лежала справа, это я помнил; сначала я вообще забыл ее положить, а когда спохватился, то места не оказалось, и я примостил ее кое-как, и мягкая крышка чемодана заметно здесь выдавалась. Теперь бритва была слева, и никакой выпуклости, кажется, так... И с рубашками недоразумение. Все они выглажены, сложены как надо. А ведь этого быть не могло! Я не умею обращаться с сорочками, и одна из них, вот эта, из прачечной, должна быть сложена по-моему. Я прихватил ее в последний момент.

Ни одной вещи не исчезло, но они приобрели какую-то необъяснимую новизну. Следовательно... Нет, ничего из этого необъяснимого факта не следовало, как ни напрягал я воображение. В голове промелькнуло: камера хранения опытная, отлаживает методы обслуживания, совмещая хранение вещей с химчисткой... Если бы! В этом южном городке, кажется, не было и обычной химчистки... Впрочем, пора спать.

Утром после тихой спокойной ночи была особенно заметна разница в цвете воды: бухта, куда впадала Хоста, казалась темной, дальше открывались голубые дали.

— Это не обман зрения! — сказал я Жене.— Там чистая вода и красноватая галька.

— Так пойдем туда.

И мы двинулись по берегу, поднялись на бетонную стену, кое-где изъеденную прибоем. По правую руку от нас туннель убегал под гору, на склоне росло несколько пицундских сосен.

— На Пицунде их много, целая роща.

— Знаю,— сказала Женя.

Мы одолели железнодорожную насыпь, двинулись по шпалам, спустились на бетонный волнорез, я прыгнул вниз и поймал Женю. Здесь было просторно, пусто, над нами поднимался берег. Странно было видеть в октябре эти глубокие зеленые краски: широколиственный лес взбирался по крутому склону, кое-где голубели сосны, на фоне деревьев бежал поезд. Плавным, спокойным было его движение. Лучи солнца не проникали глубоко в лес, и видны были темные прогалы между дубов и кленов, размытые тени, кусты калины. Поезд пробежал, и эти мгновения запомнились с такой легкостью, как будто я давным-давно уже видел этот берег. И не один раз...

В шашлычной на вымощенном камнями пятачке расставлены столы и стулья, дремлет старый сытый кот, и днем тут не надо стоять в очереди, потому что с дикого пляжа еще никто не пришел, кроме нас с Женей и того самого старичка, что стоял с нами у камеры хранения.

Женя присела за столик, а мы с ним получали обед, и я успел спросить его, не заметил ли он чего такого с его баулом.

— Нет как будто,— сухо ответил он и занял столик у большого пробкового дерева.

...Я рассказал Жене о чемодане, рубашке и бритве. А вот и камера хранения. Я протянул квитанцию в окошко. Машинально получил Женин чемодан и тут только рассмотрел, что подавал его не вчерашний мужчина, а женщина.

Удивительная это была женщина: прическа высокая, глаза светятся под очками зелеными искрами, платье тоже с какими-то искрами, впрочем, после целого дня на солнце это могло и показаться... Мы взобрались на горку. В бассейне плавали красные и оранжевые рыбы.

Ни души, в доме отдыха тихий час. Прислонившись спиной к серой глыбе, нагретой солнцем, я ждал. Женя поднялась по ступенькам и вышла на балкон.

— Спускайся вниз,— сказал я.

— Не хочется,— ответила она; постояла, постояла — и все же ушла с балкона. Я увидел ее на крыльце. Она сказала:

— Пойдем, расскажу о чемодане.

Мы пересекли тень от эстакады, выбрались на дикую тропу и повернули в сторону Адлера. Там песчаный пляж, редкость для Кавказа, и песок там крупный, серый, горячий, а море почти такое же голубое, как за бетонной стеной, где мы купались утром. Справа — красный тревожный свет, солнце почти коснулось воды.

— Знаешь, я сразу поняла: что-то не то,— начала рассказ Женя.— Слишком уж все выглажено, а туфли как новые. Может быть, я и не заметила бы ничего, да ты подсказал. Вышитый цветок на кофте и тот как будто только что распустился, да вот посмотри... а ведь он давно вылинял.

— Э, дело не в цветке.

— А в чем?

— А вот прочти...

— Тут по-итальянски, я не умею.

— И никто теперь не сумеет, название фирмы нужно с конца читать. Это слово тебе знакомо?

— Вроде «синтетика»... если с конца.

— В том-то и дело. А так все в порядке. Нужно было им спасибо сказать.

— Кому — им?

— Ну тем, кто в камере...

— А-а... Что это они удумали?

— Сегодня на пляже двое о том же говорили. О камере хранения. Два парня у волнореза, я к ним прикурить подходил, один в очках, на аспиранта похож, так вот он сказал: «Это не камера хранения, а пункт обмена старых вещей на новые». А второй парень ему ответил: «Ну и даешь ты, Борис, кому это надо: старье брать, а новое отдавать?» А тот, первый, Борис, ему говорит: «Мало ли кому. Ты вот сидишь здесь и думаешь небось, что ты венец творения, думаешь ведь?.. А того не понимаешь, что если бы так оно и было, то и в камере хранения той ничего удивительного бы не было. Но то-то и оно, что не венец ты творения, Сеня, а предмет изучения. О деталях, впрочем, умолчу.— И он странно хмыкнул.—

Статью космонавта Поповича о разумной жизни на спутниках Сатурна и Юпитера читал?.. На Европе, что обращается вокруг Юпитера, обнаружили целый океан воды. Так вот, допустим, что жизнь где-то есть. Те, другие, поступают так же, как мы. Мы ищем каменные ножи, амфоры, берестяные грамоты, глиняные таблички, статуэтки, древние книги и кольчуги, все, что создано руками человека. Те, с других планет,— тоже...»

И тут я перебил их. Прикурил. Отошел, усмехнулся про себя, а через некоторое время задумался об инопланетном разуме, представляешь?

— Это серьезно,— согласилась Женя.— Но я на твоем месте даже и представить себе не смогла бы, как это камера хранения попала в руки инопланетян.

...Как-то я заглянул в окошко; рядом никого не было, и я вдруг увидел, что камера хранения намного просторнее, чем я думал. А вместо пола, казалось, была морская гладь, и, только присмотревшись, я понял: это голубой ковер... Передо мной возникла та самая женщина.

— Скажите,— спросил я самым естественным тоном,— вы, конечно, слышали о Венере Милосской, олицетворяющей женскую красоту?

— Да,— ответила она и как будто задумалась, загляделась на свое кольцо с восхитительным зеленым гранатом. Такой гранат, я знал, как будто бы помогал угадывать будущее.

Но речь шла о далеком прошлом. И это далекое прошлое было моей специальностью: ведь я защитил диссертацию о культурах Средиземноморья такого давнего периода, что на защите не нашлось ни одного серьезного оппонента.

В ее гранате вспыхнула и пропала изумрудная искра, несомненно, игра света... Я сказал:

— Весной тысяча восемьсот двадцатого года крестьянин с острова Милос по имени Юргос погрузил в землю лопату и наткнулся на изумительную скульптуру. Потому и названа она Милосской. Но Венера была без рук.

— Нет,— возразила она односложно, и я постарался скрыть удивление.

— Да, говорят, что французский мореплаватель Жюль Себастьян Сезар Дюмон-Дюрвиль описал ее в своем дневнике совсем другой. В левой руке она держала яблоко, а правой придерживала ниспадавшее одеяние.

В гранате ее — белый огонь. Вспыхнул и погас... Я внимательно рассматривал ее кольцо. Давно уже гра-

нат перестал быть редкостью, из него делают электронные приборы, совсем несложные. Пластинки граната с какими-то примесями могут задерживать ультразвуковые колебания, служить элементами памяти. Это, если угодно, подобие объяснения его свойств, связанных с будущим, с предсказаниями всякого рода. Если, конечно, молчаливо предполагать, что будущее уже содержится в прошлом... но парадокс этот более чем сомнителен. Ее гранат тоже был синтетическим, и я подумал, что во времена Куприна никто об этом и не догадался бы.

— Да. Ее видел Дюмон-Дюрвиль,— сказала она с расстановкой, и я опять скрыл свое изумление, вызванное и словами ее, и тоном, не терпящим возражения. И еще она добавила: — А почему вы спрашиваете меня об этом?

— Да потому,— сказал я и сделал паузу,— потому только, что вы копия Венеры Милосской, какой ее видел Дюмон-Дюрвиль.

— Неправда,— сказала она.

Я молчал и смотрел на нее. И в эту минуту она не могла опустить глаза и глянуть на гранат. А там мерцал зеленый змеиный глаз.

— Правда,— сказал я, глядя ей в глаза.— А теперь скажите, пожалуйста, что это за работу вы себе нашли?

— Это временно,— сказала она, и бесцветный огонь встрепенулся в камне.

Тут подошли сразу несколько человек, накидали саквояжей и сумок. Незнакомка отдалилась от окошка, и все эти нелегкие вещи каким-то непостижимым образом оказались на движущейся ленте. Она оставалась в тени. Я уж было хотел снова подойти и продолжить разговор, но меня оттерли три отпускницы, за ними приблизились мужчины, и я понял, что пришел автобус из Адлера и нужно подождать часок-другой. Но когда наконец пятачок близ окошка опустел, ее уже не было. А был не располагающий к беседе тип в очках, которого я приметил в первый день.

Пора было к Жене. Все эти дни стояла изумительная погода, дышалось легко, я перепрыгивал через три ступеньки, не уставая. В воздухе легкий пряный запах отмирающих листьев и последних осенних цветов. В бассейне шевелили хвостами беззаботные рыбы; мальчишки кидали им хлебные крохи, иногда, впрочем, наживляя их на крючок, привязанный к мизинцу.

Да, я думал о незнакомке... Удивительно это. Откуда она знает о Дюмон-Дюрвиле? А кольцо с гранатом!..

Но поздним вечером, когда мы бродили с Женей по изогнутым, как серпантин, аллеям и под ноги попадались какие-то большие коричневые стручки, настроение переменилось. Что, собственно, тут загадочного? Гранат обыкновенный, даже синтетический, а светился он потому, что положение ее руки во время разговора менялось. Что загадочного в ее платье, туфлях, односложных ответах? Да, красива, ну и что? Туфли... ну, положим, в Сухуми или Тбилиси можно достать и получше.

Женя заметила, что я рассеян, и угадала, кажется, по какой именно причине я молчу. Но говорить с ней о своих подозрениях я не мог. (Не мог! Она бы рассмеялась мне в лицо — при самом благоприятном исходе.)

Небо было глубоким, сапфировым, с каким-то странным светом, с отблесками на летучем облаке, с россыпью бирюзовых звезд. Мы остановились у бассейна, и небесные огни отражались в темной воде, мигали, завораживали. Но это была реальность!

Взгляд не может не путешествовать во времени. Ведь вместе с ночным атмосферным свечением, опаздывавшим всего на тысячные доли секунды, приходят и вести из давнего прошлого. Первая станция на пути в прошлое — Альфа Центавра. Четыре года разделяют нас. И этот отрезок непреодолим — нельзя пробить пока сказочный туннель к звездному раскаленному шару, чтобы сблизить два разных времени. Но что такое четыре года по сравнению с сотнями, тысячами веков!

Звезды из столетней окрестности — это современницы, так их, пожалуй, можно назвать; они почти наверняка таковы, какими кажутся, видятся. Но стоит удалиться за эти пределы, обозначаемые не человеческим воображением, а стеклами или антеннами астрономических приборов, и зарождается сомнение: не погасла ли дальняя звезда? Не исчезла ли туманность — целый мир, отнесенный от нас на многие и многие поколения пути?

Я рассказывал Жене о звездах, а сам думал о другом: почему же я не спросил незнакомку обо всем напрямик?

Нужно исправить ошибку. А захочет ли она беседовать о том, что меня интересует?.. Вряд ли. Хорошо, что сегодня она не догадалась, куда я клонил. Впрочем, я опять фантазировал: нет, не стояли за ней зеленые человечки с другой планеты, ведь ясно же!

Женя — биолог, заканчивает аспирантуру; об инопланетянах слышать не может: морщится и хохочет.

Женя чуть выше меня, и когда мы идем с дикого пляжа, рука ее покоится на моих плечах.

Есть такой возраст, когда одинаково небрежно, покровительственно обращаются и с теми, кто моложе, и с теми, кто старше. Потому-то и смешно мне стало, когда на глаза нам попался старичок из очереди в камеру хранения и довольно-таки косо посмотрел на нас.

Кто бывал в Хосте, знает, что дорога с северного дикого пляжа проходит как раз мимо камеры хранения под эстакадой. Вот так мы с Женей и прошествовали в обнимку мимо знакомого окошка. Оно казалось серень-ким, невзрачным, не заслуживающим внимания. Я хотел заглянуть туда, но Женя меня не пустила.

Несколько раз проходил я с Женей под эстакадой, но каждый раз повторялось то же самое: Женя удерживала меня, она была против этой истории с незнакомкой и странной камерой хранения.

Однажды поздним вечером я увидел незнакомку в дальнем углу комнаты с голубым ковром, но тут же у окошка оказался человек с зонтом и чемоданом. За ним не замедлили появиться еще несколько отдыхающих. Подошел поезд... Я дождался, пока людской поток схлынул, но увидел в камере только мужчину в очках с небрежно зажатой в зубах трубкой.

Я пошел к причалу, где плескались мутно-зеленые волны, а у волнореза кто-то стоял с удочкой. Вот подошел еще один рыболов, и я узнал обоих: это были аспирант Борис и его знакомый.

Я поздоровался. Они ответили. Борис озабоченно посмотрел на часы. Я спросил:

— Не помешал?

— Нет как будто,— ответил Борис и добавил, обращаясь к товарищу: — Через десять минут, можешь сверить часы.

— Не клюет? — спросил я.

— Не особенно.

Мне показалось, что на дальнем конце причала кто-то есть... женщина как будто. Борис подтолкнул товарища, оба смотрели туда, где у мыса Видного шел катер на подводных крыльях. За катером, за мысом сверкнуло, и небо перечеркнул метеор.

— Ну как? — спросил Борис.

— Точно,— ответил товарищ.

— О чем вы, ребята? — поинтересовался я.

— Да о том же, о загадках природы... метеор видели?

— Видел.

— Завтра приходите в то же самое время, увидите снова.

— Ну да?

— Три вечера подряд одно и то же.

— Интересно.

— А что именно вам интересно?

— А то, что вы о камере хранения на пляже говорили.

Они переглянулись. Борис сказал:

— Это гипотеза. Знаете, сколько лет Копернику понадобилось, чтобы доказать очевидную, казалось бы, мысль о беге нашей планеты вокруг светила?.. Ну вот, а вы готовы поверить нам сразу. Так не бывает.

— Не бывает...— поддержал Бориса товарищ.

— Почему же не бывает... я вчера говорил с той женщиной.

— Ну и что узнали?

— Да ничего не узнал. Отвечает «да» и «нет».

— И не узнаете ничего, даже если мы с Борей правы. Так, что ли, Боря?

Тот утвердительно кивнул. И вдруг спросил:

— А вы что, в самом деле поверили?

— Да как сказать...

— Вот то-то и оно, что проверить это невозможно. Тут сам Коперник бы спасовал. Допустите на минуту что-нибудь такое... понимаете?.. И увидите, что вы абсолютно беспомощны и вокруг вакуум, пустота, полное отсутствие фактов.

— Странные, однако, у вас ассоциации... Между прочим, пока мы с вами разговаривали, исчез человек. Вон там, на дальнем конце причала...

— Показалось!

— Пойду посмотрю...

Прошел весь причал, но никого не обнаружил. Ни с чем вернулся к ребятам.

— Неужели шутке поверили? — опять спросил Борис.— Контакты невозможны.

— Ладно, чего уж.— Я подумал, что они готовы забыть случившееся.— Почему на пляже не появляетесь?

— Да мы на другой перебрались. Чтоб вам не мешать.

Темень вокруг непроглядная... Покачиваются на волне поплавки. Бухта спит, городок видит вторые сны.

Я отошел от них в сторону, размышляя о сказанном: в словах Бориса чудился мне скрытый смысл; все, что он говорил, показалось мне неискренним.

Теплая ночь... тайный свет у окоема, где звезды погружаются в воду, какие-то бродячие морские огни, мягкое дыхание ветра, открытость пространства. Когда-то, я знал, у береговой линии рождалась жизнь. Богиня Афродита вышла из пены морской. Там, где соединяются воздух, вода и земля, произошло необъяснимое чудо. Ветер собрал здесь с поверхности моря все богатство океана, странно-загадочные цепочки органических молекул, легкие атомы жизни. Именно здесь, в тихих лагунах, начались, быть может, впечатляющие превращения.

Сон. Песня ветра

Иду в свое временное прибежище; считаю ступеньки; открываю дверь. Спать!.. Мне снится сон. Будто бы я снова выхожу к морю.

Далеко-далеко, у адлерского мыса — созвездие переливающихся огней; я смотрю на них из темноты под высокими кронами пробковых деревьев. На мраморных ступенях у санатория «Волна» желтые листья, низко склоненные ветви ив.

Впереди — причал. Как наяву, снова вижу ее. Она молчит, но я вдруг понимаю, что должен подойти. На руке ее вспыхивает гранат. Зеленый узкий луч бежит по гальке, по асфальту, останавливается у моих ног. Ведет к ней. Словно зеленая нить тянется от нее ко мне. Она в коротком плаще, волосы ниспадают волной, почти закрывают плечи, воротничок плаща.

— Это сон,— говорит женщина.

— Да, сон,— повторяю я.

— Идите за мной,— продолжает она.— Не бойтесь.

Она подходит к самому краю причала и легко спрыгивает на глянцевую воду. И ждет меня. И легко так покачивается на пологих волнах. Я прыгаю вниз. И вода держит меня. Я будто бы становлюсь легким как перышко. Она идет по волнам. Я за ней... Дальше, дальше от берега. Вот она остановилась. Обернулась.

— Ну, что отстаете? Живее!

Несколько шагов — я рядом с ней. Она берет меня за руку. От ладони ее исходит какое-то электрическое тепло, кожу мою покалывает.

— Идите следом! — повторяет она.

Туфли ее скрываются под водой. Она медленно погружается, как будто под ногами ее отлого уходит в воду береговая полоса. Но это не так. Мы держимся без опоры — и постепенно опускаемся, опускаемся... ниже, ниже. Вода плещется у моего подбородка. Мне не страшно. Вода теплая, мягкая какая-то, она не сопротивляется движению. И одежда моя суха.

Вот мы уже в глубине. На дне шар.

Шар светится. Он жемчужно-бел и осязаем.

Будто бы мы вошли через овальный люк в этот шар и он всплыл и понес нас над глянцем волн так низко, что гладкое его днище касалось их гребней. Прошла едва ли минута. В течение этой минуты я видел как бы застывшее море. Шар изнутри был прозрачен. Только внизу были темные ниши и над головой овальные углубления, откуда шел свежий воздух, и хотелось подставлять этому потоку лицо и руки. А море вдруг снова поглотило нас. Шар опустился на дно.

— Выходите! — коротко скомандовала женщина.

Я открыл овальную дверцу и вышел. Так, как будто это был троллейбус, а под ногами моими асфальт. И опять я не почувствовал плотности воды: она не сопротивлялась движению, мы шли по морскому дну не быстро и не тихо, и движения ее рук и ног были грациозно-непринужденны, как во время прогулки. Наверное, для нее это и была прогулка.

...Я увидел человеческую руку, торчавшую из песка, и замер. Мгновенный страх. Полосатая невзрачная рыбешка метнулась в сторону. Я что-то сказал. Она остановилась. Лицо ее было невозмутимо. Медленно провела она рукой над тем местом, где под серым песком погребен человек, и я увидел вдруг, что этот человек бронзовый. Серый пласт грунта приподнялся, приоткрыв статую.

— Работа великого Фидия,— сказала женщина.— Это к вопросу об античном искусстве, вас ведь оно интересует?..

— Да.— Я понял намек.— Фидий один из строителей Парфенона.

Едва заметный ее жест — и серый грунт, еще оставшийся в волосах бронзового мужчины, перехваченных лентой, легко поднялся, образовал облачко мути и осел на дно близ скульптуры. Произошло это так, как будто она могла действовать на предметы, не прикасаясь к ним. (Наяву я вряд ли бы поверил в подобное, хотя мне и при-

ходилось слышать о телекинезе,— я даже видел фильм с участием симпатичной женщины, по мысленному приказанию которой двигались компасная стрелка, авторучка, футляр от кубинской сигареты и другие мелкие вещи.)

Теперь мне открылось: скульптура восхитительна, ее не с чем сравнить! Смутная догадка мелькнула у меня, но едва я решился высказать ее вслух, как женщина сказала, словно подтверждая ее:

— Да, это одна из статуй, преподнесенных афинянами дельфийскому святилищу. Всего было подарено тринадцать статуй. Если помните, в четыреста девяностом году до нашей эры была одержана победа над персами при Марафоне. Павсаний пишет, что дар дельфийцам посвящен именно этому событию.

— Где мы находимся? — спросил я.— То есть я хотел бы знать...

— Риаче Марина, Калабрия,— ответила она.

— А время... наше?

— Тысяча девятьсот семьдесят второй год новой эры... Вашей эры,— уточнила она, и я понял, чем это было вызвано, но промолчал.

Вода была светлой, голубоватой, видно, мы находились на неглубоком месте, рядом с берегом. Так оно и было. Я увидел двух аквалангистов. Они приближались...

— Это они,— сказала женщина как бы про себя, и бронзовая статуя мгновенно покрылась сероватым песком, и ничто не напоминало о ней, кроме руки... Мы отошли. Шар погас. Аквалангисты замедлили движение, остановились. Их испугала, так же как и меня, рука бронзового человека. Мгновение — и они поплыли назад, к берегу. Они работали ластами так, что до меня доходили упругие волны...

— Все. Сейчас они сообщат о находке в полицию, потому что приняли статую за убитого. А нам надо уходить. Это была единственная возможность показать вам творение Фидия, понимаете?.. Полиция прибудет через час. Они передадут скульптуру для исследований. Потом во Флоренции ее будут реставрировать целых пять лет, ведь бронза подвержена солевой коррозии. Там же, во Флоренции, в здании археологического музея откроется выставка. На ней будет и вторая статуя, лежащая здесь, неподалеку. Но вы на выставку попасть не сможете. Вот и все.

...Снова — шар. Полет над морем. Подводные раздолья.

Проступили сквозь водяную толщу очертания судна. Мы приблизились. Это был русский фрегат. Два-три шага — и мы остановились. Я едва мог различить детали деревянного корпуса, их контуры были изменены, искажены до неузнаваемости. Наклонив палубу, фрегат навеки остановился на морском дне. На форштевне разрослись коричневые подводные растения (их листья и стебли пошевеливались от стремительных движений рыбьей мелюзги). Не видно пушечных портов. Ракушки облепили кнехты, служившие некогда для крепления снастей бегучего такелажа. В палубе зияли неровные пробоины. Обнажились бимсы, на которых покоился настил. Наклонная плоскость кормы, нависшая над водой — подзор,— уже не напоминала о великолепной резьбе по дереву, которой так славились корабли — ровесники фрегата.

Спутница легко взмахнула рукой.

Будто сказочное диво явилось мне. Точно освободившись от колдовства, корабль вздрогнул. Исчезли мидии и водоросли, в пушечных портах засияли начищенной медью дула, развернулись паруса, на носу поднялась Урания — женщина под звездным венком; за спиной ее развевается плащ, тело ее как бы летит, оставляя рассыпающиеся по бортам акантовые листья. Локоны ее над волнами словно рождают музыку, и, внемля этой музыке, тритон на кормовом подзоре запрокинул голову, чтобы вот-вот протрубить в золотую раковину начало похода.

Рядом с тритоном выпукло обозначились лев и морской конь-гипокатам, они приподнялись, поддерживая венок и скрещенные мечи, и застыли в геральдической позе. Между ярусами окон возникли крылатые женские фигуры, в простенках между окнами нижнего яруса вспенили воду дельфины. В квадратные торцы крамбол вписались гирлянды, а на самом верху кормы, на гекаборте, застыл Нептун.

Я несколько раз обошел корабль. Я медлил, не хотел с ним расставаться.

— Пора,— сказала женщина.

Мы подошли к жемчужному шару, нырнули в овальный люк, шар дрогнул, за ним взвилось облачко мути. Фрегат точно растворялся в воде. Но это был прежний корабль, каким он предстал перед нами в первое мгновение,— глыба, заросшая морской травой.

Она нажала матовую клавишу под рукой. Прямо на стекле шара я снова увидел корабль — сияющий убранством фрегат.

— Копия...— попробовал догадаться я.— Объемная запись.

— Пожалуй, можно и так назвать,— согласилась она.

— Вы могли бы вызволить этот корабль из морского плена и перенести его к себе?..— не очень уверенно предложил я.

— Нет.— Она строго взглянула на меня.— Это все равно что отнять у таких, как вы, сердце. Или слово.

— И это, наверно, очень далеко...— кивнул я понимающе.

— Очень! — согласилась она и вдруг спросила: — Скоро закат, хотите увидеть зеленый луч?

— Да.

Она остановила шар у самой поверхности. Я припал к стеклу. Сверкнул ее зеленый гранат. И тотчас, словно отозвавшись, последний луч закатного солнца прошел через воду; он был зеленоватым, дрожащим, волны точно пытались его размыть.

— Спасибо,— поблагодарил я; она улыбнулась.

— Я хотел спросить вас о гранате... что это?

Она словно обдумывала, как ответить; помолчала, сказала:

— Мой советчик, помощник. Моя память. Память логическая. Гранат помнит все. Но память эмоциональную доверять ему...— она опять помолчала,— доверять ему не надо... Правда, когда я работаю, это бывает необходимо — всегда верить ему.

— Вы устаете? — спросил я.

— Бывает,— ответила женщина.— Иногда устаешь и хочется забыть... все забыть.

У нее было строгое, грустное выражение лица, а простая прическа (вовсе не такая, какую я видел однажды) наводила на мысль, что ей частенько приходится кому-то подражать.

— Возможны ли контакты? — Вопрос мой был недвусмысленным.

— Только во сне,— ответила она тихо и печально улыбнулась.— Во всяком случае, мы не должны оставлять доказательств контактов. Это может изменить будущее.

— Значит, работать нелегко...— подытожил я, невольно вспомнив сестру, но стараясь не выдать себя: ведь я, по существу, не знал еще, с кем мне довелось встретиться...

Она молча кивнула.

— И у вас бывают недоразумения... ошибки...— Я осторожно намекал на камеру хранения, которая путала правое и левое.

— Да, бывают,— согласилась она.— И очень часто, к сожалению. Меня уже предупредили, что нужно быть внимательнее.

— Кто предупредил?

— Не знаю. Просто сказали. Узнать предупредившего я могла бы по зеленому гранату. Такому, как у меня. Разве что крупнее и ярче...

— Значит, это женщина?

— Женщина. Только... как это сказать... выше рангом. И гранат у нее не простой.

— Понимаю. Только и ваш гранат не так уж прост.

— О нет! У меня не такой...

— И она здесь?.. Та, другая?

— Выходит, здесь.

— Только для того, чтобы проверить вашу работу?

— Да. Впрочем, я уже наделала ошибок, и предостаточно. Вы тоже будьте готовы... Однажды на рассвете постучат в окно. Сначала тихо, потом сильнее. Три раза и еще семь раз. Вам захочется открыть окно, но вы не подходите и не открывайте. Знайте: это прилетела металлическая муха разрядить вашу память, освободить вас от воспоминаний. Муха будет жужжать; звук этот почти неуловим, но он застигнет вас врасплох и подчинит себе. Подойдете к окну — забудется сон: и жемчужный шар, и старый фрегат под парусами, и дельфийская скульптура. И все остальное... Вот вам иголка. Воткните ее в оконный переплет. Иголка эта не простая. Муха ее боится. Ведь тысячи прозрачнокрылых сородичей ее кончают жизнь тем, что пополняют собой коллекции. Это неизбежно: нет вечных двигателей, бессмертных существ и бесконечных историй. Живая муха или электрическая — конец один: на иголке в коллекции или в запаснике кибернетического фонда, где собраны удивительнейшие экспонаты всех времен. Защититесь иголкой — и она будет служить антенной, от которой мухе не поздоровится.

И я с радостью потянулся за иголкой, но она отвела мою руку и сказала: «Лучше мне самой...»

Снова полет. Стремительный, бесшумный, почти невидимый со стороны. Потом мерцание зеленого луча в глубине.

И я увидел подводные сады, забытые причалы, затонувшие каравеллы и галеры, покоящиеся в подводных

долинах и расселинах, светящиеся глаза обитателей придонного слоя, тени кальмаров-гигантов, скользящих в глубине. Увидел коралловые рифы в аквамариновом пространстве вод, полосатых и пятнистых пестрых рыб, похожих на бабочек, и птиц, морских змей и скелеты вымерших ящеров в доисторических пластах. Она показала мне развалины опустившегося на дно древнеиндийского города Каверипаттинама, откуда суда династии Чолов отправлялись в заморские страны. Я побывал у пирсов Ольвии. У Багамских островов, где покоится легендарная «Пинта» — третья каравелла экспедиции Колумба. У канадского острова Фанди, где рыбаки подвешивают сети на берегу на высоких шестах, как будто собираются ловить птиц. После самого высокого в мире прилива — восемнадцать метров — можно собирать улов.

...Когда мы приблизились к знакомому берегу, я услышал странные стихи. Женский голос звучал протяжно, изысканно-медлительно. Но я не узнавал его. Незнакомка исчезла из моего сна. Казалось, поет ветер. Или море.

Пусть жабры и клыки процедят воду,
И пусть вернется вновь вода
И складки гор умножит,
Как морщины множит горе,—
Бессмертны мы. Сегодня и всегда
Свет глаз твоих над этим морем.

Непотерянный день

Утро. Неяркий свет в окне. Но уже десятый час. Под окном много зелени, и листва заслоняет солнце. Вскакиваю с постели, умываюсь, вспоминаю, что в десять мы должны быть с Женей в Адлере, чтобы лететь в Красную Поляну. Ведь я почти опоздал! Скатываюсь по ступенькам. Бегу к стоянке автобуса, где мы условились встретиться... Жени нет. Ну, положим, десять минут она могла бы и подождать. А небо! Так ясно, что видна труба теплохода над сферическим изгибом морской дали.

В кафе на центральной аллее глотаю сливки и творог, бреду на пляж. Заглядываю в камеру хранения. Ее нет. Ну и сон мне приснился...

Под бетонным волнорезом мелкие черноморские крабы вылезли погреться на солнышке. Кидаю с досады камни в воду, целюсь в высоко торчащий над водой валун: два попадания из десяти, результат неважный. На

пляже пустынно, как всегда в середине октября. Тишь. Галька красная, теплая... И шуршит. Оборачиваюсь: Женя.

— Здравствуй, Женя! Я тебя ждал, но не дождался.

— Здравствуй. Ты меня не ждал.

— Ошибаешься. Полчаса охотился за тобой на автобусной стоянке. В Красную Поляну мы опоздали.

— По твоей вине.

— Но тебя же не было в десять!

— Была. В тот день, когда мы договорились. То есть вчера.

— Что это значит?

— Это значит, что мы с тобой должны были лететь туда двенадцатого октября.

— Женя!.. Мы же договорились: сегодня с утра...

— Но сегодня уже тринадцатое.

— Да? Шутить изволите?

— Проверь,— пожала она плечами так непринужденно, что я действительно пошел за соседний волнорез, где как раз оказались двое тех самых ребят.

Вдвоем они убедили меня, что сегодня тринадцатое октября.

— Сдаешься? — спрашивает Женя.

Я молчу, вспоминаю странный сон, пытаюсь найти какое-то подобие объяснения. Сутки, выходит, пропали, или, быть может, это вовсе не сон? Да нет! Что это со мной, в самом деле? Легче допустить, что я проспал до сегодняшнего утра, ведь спать хотел по-настоящему... Это хоть похоже на правду в отличие от варианта с путешествием в Средиземное море, Атлантику, Индийский океан, на морское и океанское дно на жемчужном шаре в сопровождении очаровательной инопланетянки.

— Разгадка проста! — воскликнул я.— Я волновался перед полетом в Красную Поляну, и мне все это приснилось. Во сне я летел с тобой на вертолете, представь себе. И мне показалось, тоже во сне, конечно, что просыпаться необязательно. Проспать почти двое суток! Можно ли это представить?

— Трудно...— односложно ответила Женя.— Согласна дать тебе еще одну попытку. Учитывая, что сегодня тринадцатое число.

— О, я завтра буду ждать тебя в такси у самого дома отдыха!

— Идет.

...Проснулся я рано: кто-то тихо, старательно, настойчиво стучал в мое окно. Прислушался — стук повторил-

ся. Я быстро встал, подошел к окну, отдернул слепую белую занавеску, уколов палец сломанной иголкой, которая торчала из оконного переплета... Высасывая из пальца кровь, я не без удивления обнаружил за окном Женю. Милое лицо, сонные еще глаза, а голос — веселый, звонкий:

— Я думала, ты опять проспишь! Да открой окно, а то плохо слышно.

— Я уколол палец,— сказал я громко.— Сейчас выйду.

По лицу Жени промелькнула летучая тень, тревога, почти неуловимая, как ночная птица. Прожужжал зеленый жук и утих, ударившись о стекло.

...Из Красной Поляны вертолет нес Женю и меня над тенистыми ущельями, а я увидел незнакомку из сна. Именно увидел, а не вспомнил. Или, может быть, представил так отчетливо, что невольно прикрыл глаза и подумал о шаре. Показалось: вот он, протяни руку и дотронешься... Открыл глаза. Мне и в самом деле захотелось увидеть его. Наяву. Но я знал, что это невозможно. И тогда появилось оранжевое пятно на стекле вертолета. Медленно ползло оно по стеклу. Цвет его изменился, и мне показалось, что это изображение жемчужного шара незнакомки. Так и есть, очень похоже! Иллюзия полная...

Я услышал:

— Кто-то слишком много себе позволяет.— Это было сказано тихо, но внятно.

Женя! Боже, до чего захотелось вспылить. Но я сдержался, задумался. Кто слишком много позволяет себе? Ответ вовсе не очевиден. Если Женя имела в виду женщину с зеленым гранатом, то откуда она знала про жемчужный шар? Если меня, то и вовсе непонятно: при чем тут пятнышко на стекле вертолета, которое, кстати, исчезло.

Я внимательно изучаю Женю. Исподволь разглядываю ее. Кажется, она этого не замечает. Несколько непринужденных слов — и мне показалось, что она сама готова отвлечь меня от моих размышлений. Но нет! Женя не так проста, как мне казалось... не так проста.

— Что ты имела в виду, Женя?

— Я вспомнила, что камера хранения работает очень плохо! — Ко мне обращены ясные светлые Женины глаза, и я мысленно каюсь, что минуту назад допускал иное, не то, что она подразумевала.

А откуда-то из глубины моего существа всплывает мысль, от которой теплеют виски. «Тот день, когда было

море, и старый фрегат, и песня ветра — если он был,— непотерянный день».

Именно светлый круг на стекле вертолета заставил вспомнить слова незнакомки из камеры хранения о второй инопланетянке с гранатом. О мимолетности соприкосновения миров.

Незнакомка, я и Женя

Наступил день, когда я рассердился на себя, на Женю, на камеру хранения, на сатурнианцев, которые появляются на необыкновенных летательных аппаратах, свободно парят над Гималаями, в глубине морской передвигаются с помощью неких светящихся колес, выныривая на поверхность, чтобы запросто поболтать с наивными простачками третьей планеты. И со мной...

...Рано утром я пошел на базар, купил букет чайных роз, три килограмма винограду, корзинку — в нее сложил виноград, прикрыл его журналом, сверху положил розы, приладил плетеную крышку и сдал в камеру хранения.

Принимала женщина. Была она в золотисто-желтом платье с белым газовым поясом, в дымчатых очках, на плечах ее — легкий шумящий плащ, на запястье — браслеты, на смуглых ногах серебристые туфли с высокими каблуками, расписанными золотыми волнистыми линиями. Я застыл как вкопанный. Передо мной была комната с голубым ковром и маленьким столиком. На столике — хрустальный стакан, в стакане — алый цветок. Куда это подевались саквояжи и сумки?..

Женщина стояла чуть в стороне, и я потому и видел это пространство с белыми и желтыми бликами. Но вот она сделала два-три шага, и комната с голубым ковром утонула в полутьме. Я протянул ей корзинку. И тут заметил транспортер, опустил на ленту корзинку и взглянул на женщину. Под башней темно-золотистых локонов неподвижное, строгое лицо.

— Все? — спросила она.

— Все,— ответил я, не решаясь добавить ни слова.

Осторожней, подумал я невольно, не подавай виду, что ты ее хочешь провести, иначе... Что будет, я не знал, но твердо решил подарить ей розы... позже. Интуиция подсказала, что тайна голубой комнаты мне не откроется, если я сейчас заговорю.

Быстро промелькнула неделя.

На пляже, где не раз поджидал я Женю, представилось вдруг, что комната с голубым ковром исчезла и женщина тоже. Не пора ли, спрашивал я себя...

И вот новый день: у крутого берега я ловил знакомую минуту — показывалась бесшумная электричка, волна полого ложилась на гальку, голубоватый лес казался древним, сказочно живописным и притягивал к себе. Я подплывал к берегу, бросался на гальку, но все переменялось вокруг: и лес много терял в моих глазах, становился обычной рощей на взгорье, и на голой полосе берега, круто взбегавшего к его подножию, открывались рытвины, горы щебня на железнодорожном полотне. И все это заставило меня снова ждать встречи с той минутой: я уплывал в море и высматривал электричку. Вот она появлялась и словно чертой отделяла прошлое от будущего. Но с каждым разом впечатление становилось слабее... И с этим я ничего не мог поделать.

«Что необыкновенного нашел я в камере хранения?..» — думал я и бродил по берегу и искал парней, размышлявших о ней много дней назад. Их не было.

Я подошел к Жене, и мы стали собираться. У камеры хранения я остановил ее. Теперь, спустя восемь дней, должно многое проясниться.

— Подожди.

Подошел к знакомому окошку. Протянул квитанцию. Женщина была рядом со мной, только на ней было другое платье, белое с голубым поясом. За ней угадывалась неувядающая алая роза на столике. Темный контур цветка плавал над хрустальным стаканом. Старая мысль промелькнула опять. «Зачем им... этим... старые вещи, если они могут сотворить в мгновение ока все, что надо,— и более того?»

Я взял корзинку, откинул плетеную крышку. Розы были свежее, чем восемь дней назад. Но вчера выяснилось, что у Жени — день рождения. Я протянул ей букет. А голова была занята другим: что происходит? Женщина отошла от окошка, но я успел заметить, как белым огнем полыхнул ее гранат. Цветок как будто плавал над хрустальным стаканом, и столб света выхватил из тьмы голубой ковер, и мне послышался там шум моря. «Вот оно что! — подумал я.— Им действительно нужны подлинные вещи. Пусть старые, но подлинные. Там у них, на другой планете, наверное, музей, лаборатория, что еще?.. Взамен они возвращают дубликаты, копии. Им это по силам. Просто!..»

И тут случилось то, что иногда случается со мной: пропало очарование голубой комнаты, женщины, алого цветка в хрустальном стакане, ведь я, наверное, добрался до сути. Как там, на берегу, где вечно будет пробегать на фоне леса поезд и, может быть, подарит кому-нибудь волшебную минуту, утраченную для меня. Не то чтобы я очень уж хотел огласить результаты моего эксперимента с розами, которые выглядели совсем живыми, такими же, какими я сдавал их восемь дней назад вот этой ворожее. Нет, но мне надоело играть в прятки. (Разве у меня нет сестры, похожей на эту незнакомку даже внешне?..)

Я говорил слишком громко, не без иронии, понимая, что только так и не иначе могу я выразить свое понимание событий и свою роль в них. Потом, когда память снова возвращала меня в этот солнечный день, я корил себя за поспешность. Но, допустим, я поступил бы иначе. Смог ли бы я чего-то достичь? Вряд ли...

Женя настойчиво тянула меня за руку — подальше от этого не нравившегося ей места. Она ничего как будто не замечала и воспринимала мою горячность спокойно. Но во время разговора, как я убедился позднее, ей не надо было искать смысл в моих словах — и она лишь живо улавливала интонации.

Подул ветер.

Всего на мгновение я отвел взгляд от знакомого окошка. Но этого мгновения оказалось достаточно. Взяв под руку ничего не подозревавшую спутницу, я шагнул к нему, уже понимая, что опоздал. Да, опоздал.

Я не верю своим глазам...

Передо мной белеет стена камеры, по ней разбегаются причудливые желто-зеленые узоры — отблески волн. На решетчатых створках красуется замок. Я осторожно провожу пальцем по темному холодному металлу. Замок покрыт пылью, и кажется, что висит он тут давным-давно. Быть может, это порыв ветра поднял пыль и надул сора в заржавленную скважину.

Медной тусклой проволокой к знакомому окошку прикручена табличка: «Камера хранения переведена в помещение вокзала». Женя недоуменно смотрит на меня, и выражение удивления в ее больших светлых глазах сменяется другим: она как будто подозревает сговор. В тридцати шагах от нас по-прежнему лениво и бездумно плещется море.

Вечер был таинственно-волшебным, таким же, каким был весь этот необычайный день. Я проводил Женю, вернулся к себе, прилег с книгой в руках на койку и услышал стук в стекло. Я замер. Стук повторился. Я резко поднялся, подошел к окну, откинул занавеску. Долго всматривался в мерцающие далекими огнями сумерки. Тишина. Вдруг снова стукнуло так, что звук этот отозвался тревожным гулом во всем моем существе. И я увидел светящегося жука. Он размеренно, словно нехотя, полз по стеклу. Я привстал на стуле и открыл форточку. Жук шевелил усами с красными точками на концах — и не двигался. Я протянул руку за окно, чтобы поймать его. Не знаю, почему пришла эта нехитрая мысль. Насекомое двинулось к моей кисти, точно прилипшей к окну. Я отдернул ее. Пусть уж лучше влетит в форточку, подумал я. Но жук и не подумал влетать в окно. Он был похож на крупную бронзовку. Надкрылья его фосфоресцировали, красные точки на усах — тоже. Я наблюдал.

Вот он подполз к деревянной раме у самой форточки. Застыл, как будто принюхивался к чему-то. Светящиеся надкрылья развернулись, одно мгновение — и он исчез, улетел. И гудение упругих крыльев напомнило мне утренний эпизод, когда я увидел перед моим окном Женю и услышал, как в стекло что-то ударило. Нет сомнений: это был тот же самый жук. В голове моей успела сложиться причудливая гипотеза. Ведь говорила же незнакомка о мухе, которая прилетит разрядить мою память! Да, это был сон, но сон правдивый.

Вот зачем пожаловал ко мне жук. Ему нужна моя память. Мои воспоминания: о камере хранения, путешествии на дно морское... о сестре. (Контактов быть, в общем-то, не должно, и кто-то должен исправить допущенную незнакомкой и мной ошибку.) Может быть, этой печальной необходимости и не возникло бы, не проговорись я Жене сегодня про назначение инопланетного пункта по обмену старых вещей на новые. Это-то уж было совершенно недопустимо, и мне никто не простит разговора с Женей. Ясно, что за мной наблюдали, за камерой хранения, конечно, тоже. Наши отношения с незнакомкой, впрочем, призрачные, были локализованы. Теперь пришел черед стереть всякую память о них.

Ну что ж, посмотрим, кто кого, подумал я...

Металлический жук стукнул по стеклу снова, меня

словно призывали открыть окно настежь. Я знал теперь: жук бьется о непреодолимую преграду. Иначе он влетел бы в форточку. Быть может, его не остановило бы и стекло. Что же это за преграда? Догадаться нетрудно. Иголка... она все еще торчала из оконного переплета. Позавчера утром я уколол палец до крови. Но зато избежал укуса этой твари. Иголку подарила предупредительная незнакомка в серебристых туфлях.

Я нащупал холодное острие. Собственно, острия не было, вместо него был излом: половина иглы торчала из дерева, а другая половина... вот оно что! В кармане моей куртки, висевшей на спинке стула, я немедленно обнаружил эту вторую половину. Наверное, каждый кусочек этого амулета обладал защитным действием.

И когда игла оказалась в моей руке, жук отскочил от стекла, точно его отбросил щелчок невидимки. Я ждал его, стоял у окна и ждал. Тщетно. Он улетел и не возвращался.

Я вернулся к своей книжице. Это была «Война с саламандрами».

Книга предупреждала. Простое совпадение, разумеется. ...Незнакомка. Вторая незнакомка. Возможно, еще кто-то, о ком не было сказано. Это действующие лица. Какие силы стоят за ними? Этого я не знал. Концы с концами не сходились, как я ни ломал голову.

Наверняка вторая инопланетянка — обычная с виду женщина. («Узнать предупредившего я могла бы по зеленому гранату. Такому, как у меня. Разве что крупнее и ярче».— «Значит, это женщина?» — «Женщина. Только... как это сказать... выше рангом...» — «И она здесь?.. Та, другая?» — «Выходит, здесь».)

Она не просто проверяла камеру хранения, ее интересовала и моя персона. Оставаясь невидимой, незаметной, она или они исподволь изучали нас. А камера хранения была лишь приманкой.

Стоп. Не придумываю ли я? А если это обычная проверка камеры хранения, служившей станцией для пополнения инопланетного музея?

Нить памяти снова вела меня в прошлое.

Два голоса слышались мне, возможно, они дошли из подсознания. С одной стороны — отец, сестра, незнакомка, с другой — инопланетянка, уничтожившая камеру хранения, превратившая ее в обычный каменный амбар, и металлический жук.

* * *

...Утром шумела гроза. Я долго лежал с открытыми глазами, вспоминал случившееся, и оно казалось случайностью.

А может быть, именно так, а не иначе устанавливаются контакты, и нужно быть предельно собранным, внимательным к мелочам, к деталям, раз уж так повезло? Повезло... Происшедшее могло быть тестом. Мысль эта манила и успокаивала. Но тут я понял, что продолжается воображаемый диалог, который состоялся накануне. Он отвлекал от главного. Рядом со мной и Женей вчера и раньше была вторая инопланетянка. Она следила за мной все эти дни, она подослала жука. Значит, среди инопланетян, кто бы они ни были, нет единства. Она закрыла камеру хранения так искусно, что это привело нас в замешательство. История с контактом повторялась, опять он не выходил за рамки личных отношений. Как когда-то...

Может быть, моя встреча с сестрой на борту воздушного лайнера, мимолетная и никем, по существу, не замеченная, если не считать стюардессы, тоже была кому-то неугодна?

Я содрогнулся: в космосе нашлось бы место силам, грозным и неизвестным даже моим хорошим знакомым.

Ничего пока не следовало из необъяснимых фактов. Ровным счетом ничего. Связано ли вчерашнее происшествие с сестрой... с теми, кто был тогда на корабле? Или это другие?

Может быть, это следующая по счету экспедиция? Я не был бы удивлен, если бы узнал, что сестру мою отстранили от участия в ней. Вторая инопланетянка знала все и вынесла мне приговор...

К полудню прояснилось, как это часто бывает близ Сочи. Серо-синие облака отдалились, ушли в горы и висели теперь там, никому не мешая. Мимо окна прошествовали три купальщицы в сарафанах, потом — семья отдыхающих, потом — трое мужчин одного примерно роста и возраста. Эта троица напомнила мне о беглой встрече с ними на улице Хосты. Три красавца атлета шли во всю ширину тротуара, и мне пришлось сойти на проезжую часть.

Я выбрался в кафе, спрятав в брючный карман коробочку из-под пилюль с половиной иглы. Вторую половину иглы я оставил в оконном переплете.

Вечером у дома отдыха, на открытой круглой веранде, начались танцы. Оркестр разместился у широких ка-

менных ступеней. Публика, бесцельно бродившая поблизости, ожила, закружились пары, а в южном небе над головами танцоров выписывали круги и пируэты многоугольники созвездий. Стало необыкновенно легко, даже весело.

Танцевали парни, которых мы видели в оранжевых куртках у железнодорожного тоннеля, где подновляют насыпь. Танцевали отдыхающие санаториев и продавщицы киосков. Танцевал некий Жора, сотрудник ювелирной мастерской, специалист по женским перстенькам из левого серебра, только что покинувший с одной из своих подруг ресторан «Лотос» и оставивший для верности свой черный лимузин близ отделения милиции.

Увидел я и нашего старичка, которого не раз встречали мы с Женей. Он кружился с дородной дамой из Воронежа, отдыхавшей во втором корпусе санатория и имевшей обыкновение в любую погоду носить с собой зонтик.

А в стороне стояли два аспиранта с соседнего пляжа. Рядом с ними некто Сева Хелемский, мастерски вырезавший из дерева сувенирных гомункулусов и мелкое зверье, не решался сделать выбор. Между тем на симпатичного Севу поглядывали сразу две особы, манерно жавшиеся к зеленоватому стволу старого платана.

Вела вечер шатенка в алом платье, с легкой шалью на плечах, она даже пробовала танцевать на месте, как бы олицетворяя собой птицу счастья завтрашнего дня в одноименном танце.

Ко мне протиснулись боком три атлета в клетчатых пиджаках и лакированных желтых полуботинках, похожие друг на друга, как близнецы. Сегодня я их уже видел. Один сказал с едва уловимым акцентом, кивая на меня:

— Что мы сделаем с этим типом за сломанную камеру хранения?

Самшитовая роща

Склонившись в издевательском поклоне передо мной, один из этих троих, а именно тот, что находился справа от меня, сделал пальцем эдакое порхающее движение и бережно взял меня за воротник куртки.

— Случаются порой удивительные историйки! — начал он опереточным деланным голосом.— Мы обеспокоены были, когда узнали о дебоше, учиненном вами у вокзальной площади.

— Дебоша не было,— возразил я, ощущая, как подрагивают пальцы.

— Все же мы вас должны забрать для беседы,— бесцеремонно резюмировал другой из этой опереточной троицы и поправил пальцами бачки так осторожно, словно они были приклеенные.

— А кто вы, собственно?

— Общественники. Уполномоченные. Значит, договорились... хорошо, что мы такие понятливые. Итак...

Но это «итак» повисло в воздухе, потому что, когда первый атлет потянул меня за куртку, произошла неожиданность: рука его разжалась, а сам он заголосил. Он стоял в полушаге от меня и, растопырив пальцы, причитал что-то невразумительное.

— Это не тот! — воскликнули в голос двое других.— Совсем, совсем не тот!

И они проворно взяли под руки озадаченного своего товарища и уверенно повели его в сторону, а он так и держал на весу не сгибавшуюся от плеча руку и с опаской разглядывал ее.

Я был озадачен не менее. В тот же миг я увидел Женю. Ее улыбка была светлее и приветливее, чем всегда, она быстро взяла меня за руку, и мы нырнули в танцующую толпу.

— Ты видела этих человекообразных? — спросил я.— Кто они?

— Не обращай внимания! Никто.— Она сказала это так уверенно, что я невольно подумал: она знает гораздо больше.

— Я не мог не обратить на них внимания...— возразил я.

— Ты даже не смотрел на меня. Беседовал с ними.

— Ты права, как всегда. Ты слышала?..

— Пустяки.

— И все трое на одно лицо.

— Не совсем так.

— Компания. Что с ними стряслось... Не пойму.

— Они симпатичные...— Женя бегло окинула светлым своим взором танцующих.

— Симпатичней некуда. Не пойти ли нам завтра в самшитовую рощу? Там прохладно, лес, река, пещеры...

— Идем!

...Стоит ли удивляться происшествию? Нет, не стоит. Всякое бывает на Голубой горке. Именно здесь, по рассказу одной четы, музыкальная фьюжн-группа наших

роскошных лауреатов Кизи Дымова и Туси Готсданкер устроила шум в таком шикарном ритме, что местный ударник Тэдди Кабальерцев, как все знают, свалился с платана безбилетников прямо на эстраду и был охлажден и вынесен по указанию Тусиного дирижерского сапожка.

* * *

...Слева блестели зубчатые листья колхидского падуба, а справа нас встречало деревцо шелковицы, за которым начинались дебри. Столетние самшиты едва достигают пятиметровой высоты, искривленные их стволы с корой цвета седины наводят на мысль о сказочных карликах, обросших зеленой причудливой бородой мхов и лиан. Над ними застыли в зеленом полусумраке буки-великаны, увитые плющом. Мы были одни на тропе, и чем дальше она нас вела, тем больше охватывало меня необъяснимое ощущение предрешенности происходящего. Мы миновали мост через оползневую балку. Я остановился. Женя прошла вперед, тоже остановилась, поджидая меня. Загорелая рука ее на фоне коричневой коры тиса казалась хрупкой, легкой, стройные пальцы ее дотянулись до мелких красных плодов. Она пробовала ягоды, которые вызревают к октябрю на мягких хвойных лапах тиса.

— Это корм для птиц! — рассмеялся я.

— Похоже на земляничное желе,— сказала Женя.

— У красного дерева, а именно так называют тис за цвет древесины, должны быть красные ягоды. Посмотри: вот старый пень, кто-то пытался ножом отрезать кусок дерева — тщетно! Непросто справиться даже с этим жалким остатком тысячелетнего гиганта. А в ягодах семена, в земле они прорастают только через три года. И в каждом семени все, что создала на планете жизнь.

— Как это — все, что создала жизнь? — не поняла Женя.

— Не останься на земле ни одного растения, из одного тисового зернышка можно было бы получить целый ботанический сад. Ведь мутации обратимы. Значит, можно с их помощью вернуться как бы в начало начал жизни, а потом случай и удары квантов вновь создадут россыпи живых клеток, всевозможные сочетания генов.

— Из любого семени можно получить точно так же исходные формы, а из них — целый ботанический сад.

— С тисовым семечком это сделать проще, ведь тис — реликт третичного периода. От него ближе к началу.

— Абстрактный пример. Никому не придет в голову всерьез этим заниматься. Если понадобится, задача может быть решена проще.

В роще было раньше два туристских маршрута. Но вот уже лет десять или даже больше открыт лишь один — кратчайший из них. Я хотел непременно показать Жене всю рощу, но для этого нужно было пойти старой, заброшенной, заросшей тропой. Женя отговаривала меня. Я упомянул о древней крепости, прибавив, что не установлено, кто ее построил. Это подействовало, Женя воскликнула:

— Тогда пойдем к крепости! Заодно установим, кто *и когда ее построил*!

...Нас обступили затененные заросли. Среди опавшей листвы, на которую упал солнечный луч, скользнула ящерица с темно-оранжевым узором на зеленой коже. Ящерица застыла на мгновенье, показав нам бусины глаз, и пропала.

Эта ящерица запомнилась мне. Что-то подсказывало: недаром бусины ее глаз наблюдали за мной. За этим крылось нечто большее. Но я гнал мысль эту прочь... В конце концов так можно дойти до крайности.

Каменная просторная щель перегородила тропу.

В период дождей в этой балке образуются водовороты, даже водопады. Мимо кустов кизила дорожка увела нас влево, а потом снова вернула к балке. Мы переходили ее по узкому деревянному мостку. Серые плиты известняков и мергелей были когда-то разорваны тектоническими силами, а теперь вот по ним свисают зеленые пряди мхов и сочатся струи среди корней иглицы и папоротника.

— Здесь настоящий лабиринт! — воскликнула Женя.

— Балка так и называется — Лабиринтовая.

И только я произнес «Лабиринтовая», как послышалось гудение шмеля. Звук все усиливался каменными стенами балки, и я понял, что это вовсе не шмель. Я тревожно озирался по сторонам, но продолжал идти. Женя шла следом и не замечала моего состояния. Наконец я увидел непрошеного гостя: это был жук со светящимися надкрыльями. Только теперь, днем, он был похож на обычную бронзовку, и если бы я впервые увидел его, то ничего не заподозрил бы. Я остановился, следил за его прихотливым полетом, спрашивал себя, почему это кого-то обуревает желание охотиться за мной? Жук сел на пластину мергеля неподалеку. Я остановился, но не стал объяс-

нять Жене причину непредвиденной остановки. Она ни о чем не спрашивала. Молча взяла меня за руку, потянула вперед. Жук взлетел, покружился надо мной и исчез. Игла была при мне.

Стало светло. Открылось небо. Мы поднялись на площадку с каменными перилами. Перед нами была пропасть, на дне ее шумела Хоста. По обеим сторонам пропасти высились белые уступы скал. Голубые речные струи бились о камни в ста метрах ниже нашей площадки.

На севере виднелась возвышенность, как бы замыкающая ущелье. Там, на этой возвышенности,— руины крепости.

Тропа свернула влево. У самой надписи, предупреждавшей, что покидать тропу нельзя, мы сошли с нее, двинулись по маршруту большого кольца. Когда-то здесь тоже была туристская тропа. Теперь она едва угадывалась. На плоских камнях, которыми она вымощена, давно отвоевала себе место под солнцем буйная кавказская флора. Это не удивительно. Много миллионов лет назад на этом самом месте плескалось теплое море Тетис, и мы замечали то тут, то там следы былой морской жизни: раковины моллюсков, отпечатки кораллов и диковинных растений. Теперь, миллионы лет спустя, на морских отложениях далеких эпох, обогащенных микроэлементами, спешила подняться вторая волна жизни — уже сухопутной.

По карнизу ущелья мы поднялись к перевалу. С обрыва увидели гору Иегош, покрытую лесом. Там, где поднимал гребни гор Иегошский хребет, начинался Кавказский заповедник. Мы забрались так высоко, что уже не слышен был шум реки.

Женя взяла меня за руку.

— Здесь не слышно и не видно даже зверей,— сказала она.— А ведь они где-то есть. Ты не боишься? — Она испытующе смотрела мне в глаза.

— Нет причины для беспокойства. До сумерек еще часа полтора. До полной темноты — часа два. На юге быстро темнеет, к сожалению. Что касается зверей, то здесь водятся шакалы, зайцы, куницы, медведи. Но увидеть их трудно именно потому, что они сами хорошо видят и слышат человека. Охотники поэтому, чтобы выследить их, вынуждены прибегать к помощи других зверей.

— Каких? — спросила Женя.

— Собак. Хотя, конечно, ты можешь возразить, что

собака не зверь, а домашнее животное, и я с тобой должен буду согласиться.

— Пойдем быстрее,— сказала Женя.

И мы пошли дальше, в ущелье третьей на нашем пути балки — Глубокой. По ее неровному, выщербленному склону вели каменные ступени. Деревянные перила и поручни, некогда помогавшие туристам, теперь находились в таком жалком состоянии, что мы не рисковали прибегать к их помощи. Субтропические джунгли обступили нас, они словно соскучились по человеку и хотели заключить нас в объятия. Чащобы с лианами и папоротниками, кизилом, самшитом и лавровишней уступили место буковому лесу. Под вековыми буками зеленела мягкая хвоя тисов. На древних пнях и близ валежника белели сыроежки и грузди.

Новый подъем — и мы оказались рядом с угловой башней крепости. Сохранились остатки стен высотой не более восьми метров, колодцы башен, уходящие в скалу, державшую некогда все сооружение. Плоские камни связаны томпотом, очень прочным известковым раствором.

— Крепость когда-то была грозой для всей долины. Быть может, здесь шли торговые караваны к морю и обратно.

— И это все, что известно о крепости?

— Да,— ответил я.— Вот башни, стены, древние камни, которым почти нечего рассказать о человеке. Лично я думаю, что крепость в глубокой древности осталась недостроенной.

— Пора,— сказала Женя.— Начинает смеркаться.

Мы стали спускаться к ущелью. На краю рощи тысячелетних тисов мелькнуло редкое дерево хмелеграб, листья которого напоминают о грабе, а плоды-шишечки — о хмеле. Женя даже не слышала о нем. Потом миновали источник с ключевой студеной водой, чашу под скалой, где лениво плавали тритоны, где папоротник венерины кудри, омываемый брызгами, опускал прихотливые побеги в подводный мирок. Через несколько минут мы вступили на деревянное полотно из досок, нависшее над ущельем. Оно было похоже на памирские овринги, о которых я читал в книгах. Полотно это цеплялось за каменные выступы, кое-где оно опиралось на толстенные бревна, укрепленные в расщелинах скал. Оно было некогда достойным завершением маршрута большого кольца, дававшего туристам и любопытным возможность не только увидеть ущелье, но и испытать ощущение

высоты, когда при взгляде вниз замирает сердце. Я шел впереди и велел Жене держаться от меня на расстоянии двадцати шагов.

Шаткая деревянная терраса нависала над пропастью. Две сорвиголовы отважились ответить на вопрос: можно пройти над обрывом или нет? Если дойдут до конца его, значит, можно... если нет — нельзя. Боялся я за Женю. Я оглядывался, всем своим видом давая понять, что есть еще возможность повернуть назад и второй раз увидеть старую крепость, которая ей так понравилась.

Вот открытое место, где виден темный глаз пещеры над головой. Там раньше была целая колония летучих мышей. А сейчас? Я окинул взглядом подъем...

И тут меня качнуло, как на палубе. И еще раз, и еще. И я уже летел вниз, беспомощно раскидывая руки, сжимаясь в комок и снова вытягивая руки в надежде зацепиться за корень дерева. А вверху таял Женин вскрик... Меня подбросило на каменном карнизе, дважды перевернуло в воздухе, и я снова увидел застывшую реку, похожую на серо-зеленое стекло. Удар. Режущая боль, еще удар о камни, хруст сломанного деревца. Падение мое тормозили кусты самшита и молодые стволики, державшиеся на крутом, почти отвесном скате. Они легко пружинили и ломались, но не в силах были удержать меня хотя бы на минуту. И где-то вверху возникал темный глаз пещеры, а на светлом еще небе застыла черная птица, которую я замечал каждый раз, когда меня переворачивало. Не ощущая уже боли, я налетел на крепкое приземистое дерево, и колючие его ветви будто схватили меня и несколько секунд не отпускали. Вспыхнула надежда: ведь я погасил скорость. Сколько метров до реки?.. Мне нужно было упасть в воду, причем на самом глубоком месте.

Дерево согнулось и стряхнуло меня вниз.

И я упал на выступы серых камней, острых и холодных. И по скале скатился вниз, оставляя следы окровавленными ладонями, и втягивал голову в плечи — единственное, что я мог сделать по своей воле. Я готов был прекратить борьбу, бессмысленность которой стала очевидной. Еще немного — и я потерял бы сознание. Почти горизонтально расположенный ствол сосенки, державшийся корнями за известняки, снова приостановил падение. И тогда я почувствовал, что мне поможет давняя встреча с сестрой. Это пришло ко мне, как всегда, в самую последнюю минуту, точно нужно прошептать про себя несколько слов, чтобы перешагнуть через невозможность, через пространство.

Да, я свешивался вниз головой с ненадежной опоры ствола и знал, что сейчас рухну. Но одновременно я был впереди себя и отыскивал глазами точки опоры, каменистый откос и пузырящееся мутное стекло реки. Вот оно, глубокое место! Словно воочию я видел со стороны стену скалистого ущелья, галечный пляж, себя самого. Только это помогло мне сделать последнее движение. Я лишь помог себе нырнуть вниз, чуть правее, чем получилось бы само собой. Я нырнул вниз, чтобы попасть к следующему дереву, и опять попытался сдвинуть онемевшее, избитое тело в ту же сторону, к карнизу, с которого я упал бы в глубокую воду.

И как бы со стороны я увидел эти сантиметры, последние движения рук, ног, всего тела и знал, что мне теперь удастся бросок с карниза. Удар. Последние стоны — я лечу в реку, глотаю воздух, и холодная вода горного потока принимает меня. Не ощущаю последнего удара о застывшие волны. Но нет! Река бурлит, она отнюдь не застыла, эта иллюзия — спутник высоты. И меня волочит по каменистому дну, я не сопротивляюсь. А течение несет, несет меня к перекату, на мелкое место.

На быстром перекате я выполз на берег, раскинул руки и лежал на светлой гальке лицом вниз, потеряв счет времени. Было уже совсем темно, и в ущелье проникли струи холодных ветров, когда я встал. Медленно, поддерживая колени руками, двинулся по галечному пляжу. Когда ущелье сузилось, а берега поднялись стеной, я не решился входить в воду. Могло сбить и ударить о подводную скалу. Я выжидал, собираясь с силами. Пришла минута, когда вода перестала быть страшной. Я неуклюже нырнул, вытянул руки вперед, стараясь пальцами и предплечьем защитить голову от удара. Пальцы мои скользнули по каменному боку ущелья, у самой подошвы обрыва. У следующего переката меня подняло вверх, покатило по дну, но течение разошлось здесь по всей ширине, потому что отвесные стены отступили. Я снова выполз из воды и упал.

Только по руслу я мог выбраться из каменной теснины. Над ней поднялась слепая луна — ее пересекали быстрые облака. Ветер усилился. Вверху, в самшитовом лабиринте, завыл шакал.

С трудом закатав брюки, я увидел в тусклом пепельном свете кровоточащие раны и ссадины на ногах. Я приложил к ранам листья, разорвал носовой платок на узкие полоски и попытался их перевязать. Наконец это удалось. Ощупал ноги, руки, ключицы. Переломов не было. Лег навзничь

и с наслаждением слушал вой ночного зверя. Я жив! И до рассвета доберусь до города.

Женя... Где она? Сомнений не было: она видела, что случилось со мной, и повернула назад. И вышла той же дорогой, какой мы добирались к ущелью. Самую дикую, опасную часть пути она должна пройти до наступления темноты. Часа через два меня будут искать. Хорошо бы оказаться к этому времени в городе. Нужно постараться. Иначе спасателям придется нелегко.

В путь! Ну же... Заставил себя окунуться с головой в белопенный поток, который шумел так, что заглушал другие звуки. Бил руками по камням, отталкиваясь от дна, старался держаться на стремнине, ловил широко открытыми глазами каждый проблеск, каждый лунный луч. Выбросило к замшелому камню. Я обхватил его ногами и руками, и напор потока был бессилен причинить мне зло. Кожа моя теперь улавливала толчки воды, зрение стало острым. Как раненый лосось, я продолжал пробиваться к устью реки, к морю.

Последнее купание — и я увидел огни ночного города. Хоста. Знакомые дома.

Теперь меня била дрожь. Во мне накопилось так много холода, что, даже собравшись в комок на сухом берегу, я не ощущал в себе ни искры тепла.

Ну же... Бегом. Быстрее. Вот и тротуар. Сто метров. Еще сто. В отделении милиции дежурный сержант таращит на меня глаза. А чему тут, собственно, удивляться, товарищ сержант? Ведь ущелье горной реки — это не беговая дорожка стадиона в Лужниках. Знают ли обо мне? Да, знают, говорит он. Была женщина, рассказала о происшествии. Хорошо, что я пришел. Нет ли горячего чаю?.. Если нет, пойду домой. Что? Штраф за нарушение правил в общественном месте? Согласен. Пусть меня оштрафуют. Но формулировка должна быть иной. Потому что в ущелье, кроме меня, никого не было. Общество диких зверей, ящериц и форелей в речке не в счет. Отлично понимаю сержанта и приношу извинения. Все произошло не только ненамеренно, но даже неожиданно. Беспокоиться за меня не надо — дойду. Нужно лишь позвонить в дом отдыха, сообщить этой женщине, что я жив и здоров. Только я собрался набрать номер, как раздался звонок. Дежурный поднял трубку, передал мне. Женя... Сказал ей, что все в порядке.

А через несколько минут, с трудом надев сухой свитер, спортивные брюки, шерстяные носки, грелся у электрической плитки, на которой шумел чайник...

Промелькнувшая в голове догадка поразила меня. Я гнал ее от себя, но она не давала мне покоя. И оттого долго не мог я уснуть и встретил рассвет с открытыми глазами.

Доски-то провалились подо мной не случайно. Напрягая память, вспоминал я эту минуту, потому что от нее многое зависело теперь, слишком многое. Быть может, моя жизнь. Что там было, на тропе? Качнуло? Будто кто-то подтолкнул. Заходили под ногами доски, но удержались каким-то чудом на бревенчатой опоре. А я свалился, и это должно было бы закончиться просто, однозначно. Исход я знал, когда увидел на камнях и стволе сосны навсегда врезавшиеся в память кровавые следы ладоней.

И как следствие этой мысли встретил я появление металлического жука, который ударил в стекло. Я встал, подошел к окну, тыльной стороной ладони прикоснулся к игле. Поднял с пола брошенную мокрую одежду, повесил на руки брюки и убедился, что вторая половина иглы не исчезла, не выпала в водовороте, она по-прежнему покоилась в кармане.

На рассвете убедился воочию, чего стоило мне это приключение: ссадины на лице, на груди, синяки на ногах и руках, с ладоней содрана кожа. Как это я добрался? В таких случаях, наверное, проявляется весь запас живучести, подаренный человеку природой. Я не был обделен в этом отношении. Выжил назло козням. Однако чьим?..

У меня решили отнять воспоминания вместе с жизнью.

Что дальше?.. Оставалось двенадцать дней от моего отпуска. Только половина. Обидно, что я не мог идти в таком виде на пляж... А почему, собственно? Пляж безлюден. Полежу на солнышке, отойду. Занимался ясный погожий день. Я лежал в постели и думал об отце, о сестре, о незнакомке, о себе. Что мне предстоит впереди? Надо докопаться до сокровенного, скрытого пока от меня смысла событий.

...Около девяти утра услышал звонкий голос Жени. Она была взволнована. Впервые я видел ее такой. Я встал, открыл дверь. Она легонько провела пальцами по моим волосам, по щекам и подбородку, и прикосновения эти действовали как бальзам средневековых алхимиков. Я сказал, что не спал.

— Если бы знала, пришла бы раньше! — воскликнула она.— Не хотела будить тебя.

— Не спалось.

— Ты чем-то обеспокоен?

— Нет.

— Все хорошо? — Она опустила глаза, как будто стыдилась своих слов.

— Да,— односложно ответил я.

— Открыть форточку?

— Неплохо бы. Теперь можно. Я замерз ночью до чертиков.

— Представляю.— Женя подошла к окну, открыла форточку, заметила иглу, прикоснулась к ней.

— Не трогай,— сказал я.— Оставь ее в окне.

— Хорошо, не буду.— Женя взглянула на меня как на чудака, подошла к мокрой одежде, оставленной в углу на полу, сказала: — А это? Надо выгладить...

Потом Женя ушла. Долго ее не было, я устал ждать. Но вот раздались знакомые шаги на каменных ступенях, ведущих к дому. Так звучат только каблуки ее туфель!

Она принесла сметану в бумажном стаканчике, кофейный напиток в бутылке, коробку перепелиных яиц, две бутылки, пузырек с облепиховым маслом. Все из магазина, кроме облепихового масла. Его она нашла на рынке. Там же усатый брюнет торговал ягодами, желтыми, невзрачными, кислыми. Немедленно Женя заставила меня проглотить две чайные ложки масла и горсть облепиховых ягод. Включила плитку, поставила на нее маленькую сковородку, тоже купленную в магазине, и стала готовить яичницу из перепелиных яиц.

— Облепиха незаменима. Ягоды и масло — лучшее средство для раненых альпинистов.— И я по тону ее голоса не мог догадаться, шутит она или говорит всерьез.

Она хотела кормить меня из ложки. Я воспротивился. Попросил сделать бутерброд. Хлеб я смог кое-как держать обеими руками.

— Я обижусь на тебя, если ты будешь тратить на меня слишком много времени.

— Почему? — спросила Женя.

— Потому что это будет означать, что я потерял не только самостоятельность, но и сообразительность. А такие люди ведь обидчивы.

— Ты прав,— улыбнулась Женя.— Я пойду на пляж, чтобы не досаждать тебе своим вниманием. Приду к обеду.

— К ужину,— уточнил я.— Ведь я не верблюд и к обеду не успею прожевать ягоды и провизию.

— Ягоды оставь на завтра,— сказала Женя.— Это двухдневная порция.

— Ладно. Мне уже лучше.
— До вечера.
— Спасибо.

Так или примерно так прошло четыре дня. А на пятый день я не без удивления обнаружил, что выгляжу вполне нормально, если не считать небольших рубцов и белых следов от ссадин на загорелом моем теле, готовом к солнечным ваннам и купанию. Завтракали в этот день мы на втором этаже ресторана «Хоста», который, как известно, расположен по дороге на северный пляж. Я не удержался, конечно, и заглянул в камеру хранения на вокзале. Там была рабочая обстановка. Никаких следов инопланетян не удалось обнаружить и у старого здания под эстакадой. Окошко было закрыто, и все еще висела знакомая табличка с надписью. И резкая утренняя тень от бетонной эстакады не только закрывала изрядную площадь на земле, но, казалось, парила и над бывшей камерой хранения, укрывая невзрачное строение от любопытных взглядов.

Не люблю хостинский вокзал. Многолюдье в отпуске противопоказано. И все же я несколько раз пытался заглянуть туда... в окошко новой камеры хранения. Незнакомку я, разумеется, не встретил. Зато встретил Женю. Это произошло поздним вечером, и она, как мне показалось, смутилась. Я был смущен не менее.

Что же удалось выяснить? Что там работает отныне мужчина и он не похож на того типа в очках, которого я приметил в старом помещении, под эстакадой. Работает он там, насколько мне известно, и по сей день. Кажется, камеру хранения позже перевели на старое место. Незнакомка больше не появлялась. С вещами в камере хранения пока не происходило ничего загадочного, голубой комнаты как не бывало.

Однажды на набережной я засмотрелся на зеленый камень в перстне. Молодая высокая грузинка стояла с подругой в нескольких шагах от меня. Камень на тонкой красивой ее руке живо напомнил о незнакомке, о том, что здесь, в Хосте,— вторая женщина с инопланетным камнем. И я решился, забыв о риске, о страхах... Я потянул Женю. Она освободила свою руку. Я подошел к девушке-грузинке. Мне запомнилось ее имя: Теа. Подруга ее вставила словцо:

— Все же Теа не продавщица ювелирного магазина, чтобы спрашивать у нее о драгоценностях.

— Ну что ты, Нина,— возразила ей Теа.— Если человек хочет узнать, что это за камень, я отвечу. Мой родной дядя Гиви подарил этот перстень мне в день рождения.— И Теа

царственно подняла руку и показала мне его, и я убедился, что это не совсем то.

— Камень вам очень идет,— произнес я, памятуя, что Женя, вероятно, наблюдает сценку.

— Очень! — ответила подруга с акцентом (в грузинском языке нет ударений).— У Теа зеленые глаза, а у дяди Гиви хороший вкус.

— Спасибо, Теа, спасибо, Нина,— скомкал я разговор, пытаясь быть учтивым.

Подруга Нина пожала плечами. Я вернулся к Жене, она холодно сказала:

— Интересуешься зелеными камушками?.. Это хризолит, а вовсе не гранат.

Расставание

Чуть позже я вспомнил этот эпизод, но тогда меня уже не удивило, что Женя на расстоянии нескольких шагов смогла рассмотреть, что это не гранат, во всяком случае, не тот гранат, который я искал.

Мы пошли на пляж. Искупались. Знакомая электричка промелькнула в послеполуденный час над берегом. Аромат смол, пологие волны, красноватая галька, тишина... Мгновенное предчувствие тревоги...

Тем временем наверху, где едва выступала над прибрежной бетонной полосой насыпь с рельсами, замаячили и пропали три знакомые опереточные фигуры. Теперь они были одеты иначе: на одном джинсы и рубашка цвета бобочки-голубянки, на другом вельветовые брюки и курточка, на третьем водонепроницаемая белая и розовая синтетика. Но что мне до них? Стоп! А может быть, это как раз участники игры?

Они пропали молниеносно, но это само по себе не могло бы навести на подобные мысли, случись встреча десять дней назад. Но теперь ставки возросли.

...На щебне, ниже просмоленных нагретых шпал, вились еще два вихря оранжевой пыли. Когда они улеглись, синие кусты и тени под ними на склоне горы обозначились особенно отчетливо. Воздух был необыкновенно прозрачен.

Я повернулся на спину, ощущая отвыкшими от тепла лопатками сухую колкость гравия и гальки под тонким полотенцем. Женя расхаживала по берегу и старалась выплеснуть на камни рыбешек. Она не наклонялась, а резко ударяла по воде ногами, напоминавшими о коричневом ла-

кированном дереве. В брызгах не сверкнуло ни рыбьей чешуи, ни студенистой эмали медузы. Я нащупал иголку, приладил ее в карманчик плавок, подошел к Жене, попросил ее отойти и раскрошил в воду кусочек хлеба. Собралась стая барабулек, которых при желании можно было бы погладить по жабрам. Потом я увлек Женю на волнорез, лег на бетон, достал несколько мидий, разбил раковины камнем и бросил их в синюю прозрачную глубь. Тут же налетела ватага морских собачек и зеленух, изящных, как бабочки и стрекозы. Они хватали моллюсков, даже кусочки раковин, а внизу, над самым песком, ходила рыба покрупнее, тоже соблазнившаяся трапезой.

— Как интересно они бросаются на мидий! — воскликнула Женя.

— Рыболовы хорошо знают их вкус. Этой мелюзге не добраться до самих обитателей раковин. Вот осетры на Волге и Каспии — другое дело. Они глотают и раковины.

— Ты видел живых осетров?

— Да. Осетры — наши друзья, они снабжают нас икрой, мясом и визигой. Нырнем, что ли?

Мы вошли в воду без всплесков, открыли под водой глаза. Ноги Жени были похожи на торпеды; в следующую минуту, когда мы начали работать руками и ногами, стараясь обогнать один другого, контуры их показались мне необыкновенными — гибкими и выразительными. Они напоминали мне лишний раз о том, что эволюция, вероятно, изнемогла, потому что близка к воображаемому эталону.

Мы все еще были под водой, словно у нас установился молчаливый уговор: кто дольше не всплывет, тот получит за это приз. Наши руки коснулись, мы были рядом; повернули к глянцевой поверхности воды, и тут, всплывая, я вздрогнул от неожиданности.

Я успел заметить мгновенное движение Жениной руки, собиравшейся обнять меня. И увидел мелькнувшую в серо-синем свете стальную иглу. В мгновение ока моя иголка пропала в глубине. Я немедленно повернул, пытаясь догнать ее... Отчаянные, напрасные усилия: я не мог оставаться больше под водой. Но всплыть и отдышаться значило потерять мой талисман. И все же я направился в глубину. Метр, два, три. И тут я понял, что не выдержу больше ни за что на свете. Голова наполнилась красным туманом, потемнело в глазах, я выдохнул часть воздуха и круто пошел вверх. Пелена застилала глаза, но мысль работала быстро, как никогда. То, что

подсказывал разум, было похоже на бред, на галлюцинацию, но я слушал его голос в эти доли секунды. И мысленным взором я видел сейчас ее глаза, какими они были минуту назад. Движения ее рук. Промелькнувшую иглу. Расстегнутый карманчик, из которого она выпала. И силуэт грациозной женщины внизу, в глубине. Там, у самого дна... Я не мог с ней состязаться, у меня не хватало дыхания и выносливости!

Вынырнув, я отдышался. Женя еще не показывалась. Секунду-другую я мучительно соображал, как поступить. Ничего не придумал, но все получилось само собой. Вот на поверхности показалась ее голова. Она улыбалась, глаза ее излучали свет. Я заставил себя непринужденно рассмеяться:

— Ты выиграла, Женя! Приз твой.

— Какой приз? — продолжая улыбаться, спросила Женя, и тут я заметил, что говорит она так легко, как будто бы не провела под водой пяти минут.

— Игла, которую ты нашла на дне! — выдохнул я.

— Ошибаешься,— спокойно возразила она, согнав улыбку с лица.— Игла не может быть призом. Впрочем, если хочешь...

Все ясно: игла у нее. Это на многое открывало глаза. Я прозревал. Но мне и виду нельзя показывать, что я близок к разгадке. Эти трое — второстепенные киборги, биороботы, их прислали, чтобы следить за мной, за каждым моим шагом, но главная их задача — придать истории с камерой хранения вид правдоподобия. И они хотели свалить с больной головы на здоровую. Тех, кто прислал их сюда, не устраивала инопланетная версия. Все правильно, и действуют они хорошо, пытаясь даже меня самого убедить в том, что камера хранения на моей совести... Но Женя? Я отказывался верить догадке.

К берегу мы направились вместе. Молча вышли из воды. Я лег как ни в чем не бывало и закрыл глаза.

— Я сейчас уезжаю,— спокойно произнесла Женя.

— Как это — сейчас? А вещи, чемодан?

— Чемодан больше мне не понадобится.

— Шутить изволите!

— Нет. У меня всего несколько минут...

— Почему же ты меня не предупредила? — воскликнул я.

— Ну, знаешь... меня вовсе не надо провожать. Я сама.

— Сама!..— повторил я и осекся.

Женя поспешно собиралась, а сумочка ее оказалась открытой, и я заметил внутри большой зеленый камень. Я замолчал как завороженный. Наши глаза встретились. Она тянула сумочку к себе. Но продолжала смотреть на меня. Перстень выскользнул на гальку. И подкатился к моему локтю. Еще не осознавая происшедшего, я поднял его. Отполированные грани сверкнули, и под ними вспыхнул белый огонь.

— Гранат...— бормотал я смятенно, разглядывая камень.

— Дай-ка,— тихо сказала она.

Я понял все, выдавил из себя:

— Отдам в обмен на иглу.

Она улыбнулась.

— Пожалуйста,— и протянула иглу.— Она тебе пригодится.

— Значит, я тебя не буду провожать?

— Это невозможно.

— Непонятно, зачем тебе нужно было оставаться здесь так долго. Когда тебе вернули в камере хранения кофточку и ты обнаружила ошибку, все могло быть кончено. Ведь ты из-за этого сюда пожаловала? — Я недоговаривал намеренно, делая вид, что понимаю лишь половину истины.— Ты проверяла камеру?

— Но потом... был отпуск, каникулы...— проговорила она, а я подумал, что этот ответ ей вполне мог подсказать зеленый гранат.— Я сама так решила.— Она поднялась.— И ни о чем не жалею.

Там, где были ее колени, в мелкой красноватой гальке остались две продолговатые ямки. Рука ее легла на мое плечо. Гранат полыхнул зеленым огнем и оказался на ее безымянном пальце.

— Странно, что я не носила его на руке все эти дни, правда? — Она наклонилась, словно хотела что-то добавить, но передумала.

— На самом деле все не так уж и странно,— сказал я.— И ты это знаешь. Там, в роще, человек сорвался в пропасть. И если бы этот человек был не я, его ждал бы иной исход...

— Нет! — воскликнула негромко Женя.

В ее светлых глазах я уловил испуг, который, казалось, мешал ей говорить. Замешательство длилось минуту, но этого было бы достаточно, чтобы она нашла ответ, если подозрения не обманывали меня. Она не нашла ответа.

— Ладно. Теперь о той троице на танцах...— сказал я.

— Я их не знаю.

— Значит, кроме вас, здесь, на Земле, есть другие?

Женя внимательно посмотрела мне в глаза, и я, как ни странно, уловил в ее взгляде растерянность.

— Мы догадывались о других, но я знаю о них не больше твоего. Наша женщина из камеры хранения пыталась защитить тебя от этих других. Она уверяет, что угроза была вполне реальной... хотя и она ни в чем не уверена.

— Женщина из той самой камеры хранения... которую ты закрыла во избежание огласки...

Это было невероятно. Мы дошли в этом прощальном разговоре до той точки, когда оказалось, что мои догадки не менее достоверны, чем знания инопланетянки.

— Понимаю, вы у нас недавно,— сказал я.— Не освоились здесь и многого не замечаете. Первый этап: собирательство на чужой планете...

— Это наша планета,— негромко произнесла Женя.— Ваша и наша.

— Ну, положим, это преувеличение.

— Так говорят наши легенды. Возьми это на память.— Она бросила к моим коленям какую-то безделушку и добавила: — Это микрокопия. Легенды пришли к нам от дедов, а тем от прадедов много-много поколений назад. Мы не утратили секрет древнего письма. И у тебя тоже есть права на наше прошлое.

— Ну да, мой отец... сестра...

— Мне пора!

— Назови свое настоящее имя,— попросил я.

— Велия. Велия, дочь Павы.

— Имя моего отца...

— Волний, сын Спурины.

...Я смотрел ей вслед, пока глазам не стало больно от ослепительного солнца.

Часть вторая

Старые города

День рождения

Над рабочим столом Николая Николаевича Чирова подвешены на кронштейнах восемь светильников и ламп разного цвета, в том числе ультрафиолетового. А на полках разместилась коллекция барельефов, статуэток, скульптур, тессер, глиняных табличек, керамических и стеатитовых печатей, собранных со всего света. Это копии. По фотографиям, главным образом собственным, мой бывший научный руководитель воссоздает маленькие и большие реликвии. Я видел его за гончарным кругом, когда в свободное время он колдовал у почти готовой амфоры; у верстака, где он вытачивал из кости или камня подвески, печати, бусины, мелкие украшения, процарапывая потом резцом буква за буквой карийские, греческие, санскритские надписи.

— Строго говоря, это подделки,— бросил он однажды мимоходом, показывая мне несколько новых вещиц, пополнивших фонд.— Но подделки эти лучше оригиналов, нагляднее, а главное, доступнее. В некотором роде они типичнее.

Мне не надо было разъяснять это. Он не только археолог, но и специалист по мертвым языкам. Выражение это, конечно, неудачное. Что такое мертвый язык? Это язык, который, перестав изменяться, обрел бессмертие.

— Присматривайтесь к начертанию букв,— говорил он, включая один из светильников.— По нему можно угадать даже характер мастера. Сомневаетесь? Вглядитесь в это бронзовое зеркало. Здесь изображены три бога и трое смертных. Надпись на языке пеласгов, но кое-какие

усовершенствования в начертании отдельных значков не ускользнут от внимательного глаза. Видите? Вот здесь и здесь... А это значит, что зеркало делал раб и внес в него детали, свойственные художникам и мастерам его далекой родины. Один из богов необыкновенно живописен, курчав и похож на заморского гостя, прибывшего для торга.

И вот теперь на рабочем столе Николая Николаевича — семь керамических пластинок, подарок Жени, точнее, Велии. Рядом — пластиковый футляр, в котором они покоились.

Не будь Чиров моим научным руководителем и старшим товарищем, которому я многим обязан, я описал бы не без прикрас, как полезли его брови вверх, как он крякал и хмыкал, будучи не в состоянии сохранить спокойствие, как подозрительно косился на меня, прикидывая, наверное, какая муха меня укусила и как ему повести себя. Да, было от чего прийти в замешательство, ведь еще там, на черноморском берегу, я узнал на табличках этрусские буквы. А этруски перестали существовать еще до начала новой эры, оставив памятники культуры и нерасшифрованные короткие тексты своим наследникам — римлянам.

— Где вы достали это? — спрашивает Чиров.

— Нашел,— говорю я и про себя бормочу что-то о спасительной лжи.

— Что вы там бормочете? — спрашивает он.

— Так... я не понял ни строчки, хотя умею читать отдельные слова.

— Вы догадались, наверное,— он повернулся ко мне,— что это самый большой по объему этрусский текст, на который никто не мог и рассчитывать до вашей находки?

— Да, потому и пришел к вам.

— И это подделка,— добавил он.— Я говорю не о футляре, а о самих табличках.

— Конечно,— сказал я, невольно обводя взглядом его коллекцию.— Это подделка. А может быть, копия.

— Знаете что? — Он аккуратно собрал таблички в футляр и внимательно заглянул мне в глаза.— Я не буду заниматься всем этим, пока вы не расскажете мне, как они попали к вам в руки.

— Хорошо,— пробормотал я.— Запаситесь терпением.

И я вкратце поведал ему историю моего знакомства с Женей-Велией, умолчав, разумеется, о том, что она инопланетянка, поскольку говорить об этом с профессором

Чировым не имело смысла. К тому же открывать ему тайну — мою и Женину — я не имел права. Кажется, я все же упомянул ее настоящее имя.

— Но Велия — этрусское имя! — воскликнул Чиров.— Как вы это объясните?

— Никак. Я догадывался об этом. Объяснить же этого не могу.

— Ладно. Займемся табличками...

Чирова сразило ее имя. По улыбке его можно было догадаться, что́ он думает обо мне как о специалисте. Сам же факт розыгрыша, на который я поддался, его заинтересовал.

Чиров глубоко задумался. Медленно водя указательным пальцем по переносице, он что-то бормотал или даже напевал. Мне казалось, что он впал в оцепенение: так вдруг застыло его лицо. Его густые, светлые, седеющие волосы упали на лоб, закрыли карие глаза, он отвел их пятерней и держал ее на затылке, чтобы они не мешали ему изучать таблички. Другой рукой он легонько водил по столу, словно что-то искал, задел свою прокуренную трубку с двойным серебряным пояском и уронил ее на пол. Я поднял ее. Последовала неожиданность, к которой я должен был быть готов. Он заявил:

— Оставьте это мне. Если завтра утром я решу, что вы меня мистифицировали, то верну их вам вместе с моим расположением. Если нет — задержу на неопределенный срок. Идет?

— По рукам,— сказал я почти весело.— Поклон вашей дочери.

— Нет,— возразил Чиров.— Сегодня у меня день рождения. Останьтесь.

— Да? — воскликнул я.— Вы держали от меня в тайне этот день!

— Так и должно было быть. Об этом знали несколько человек, и вы их увидите. Что касается подарков, то я ненавижу этот обычай. Ведь они обязывают, не так ли?

— Как вам угодно. Прошу вас, Николай Николаевич, об одном: никому не рассказывать о табличках. На всякий случай, понимаете?

— Не понимаю, но согласен.

— Это важно,— пробормотал я и прикусил язык: дверь кабинета распахнулась, на пороге стояла рослая девица.

Пожалуй, именно она могла бы олицетворять для меня существо из другого мира, если бы я не знал наверняка,

что это дочь профессора Чирова, похожая к тому же на его покойную супругу. О Валерии нельзя сказать двумя словами так, чтобы сложился образ. Художник, вероятно, начал бы с деталей, с мелочей, а уж целое потом получилось бы само собой. Она носила этой зимой унты, расшитые узорами, украшенные мелким бисером, ленточками, медными колечками-кюнгэсэ. Шуба у нее беличья, тоже северная, длинная, просторная, которая вместе с меховой шапкой делала ее похожей на белую медведицу. Дома складывалось иное впечатление. Ноги ее под темно-серым нейлоном оттенка старинного серебра напоминали о высоких этрусских вазах. (Секрет темной этрусской керамики, как я хорошо знал, не разгадан до сих пор.) Вообще все в ее одежде напоминало об иных временах и нравах. Только раз я видел волны платиновых волос, укрывших ее до пояса. Чаще ее украшал конский хвост и даже пучок. Продолговатые темно-карие глаза прибавляли ей несколько лет, несмотря на детский почти овал лица.

— Па, уже почти все готово...— сказала она тоном, заставлявшим подозревать, что ничего не было еще готово к вечеру, посвященному юбиляру.

— *Володя тебе поможет,— откликнулся* Чиров на тон дочери, но не на смысл ее сообщения.

Я отправился на кухню, где под руководством Валерии открывал банки с севрюгой в томатном соусе, морской капустой и кальмарами, и как ни старался я делать это изящно, одну банку все-таки опрокинул на пол.

— Сколько я тебя помню, Володя, ты всегда был неловким,— сказала Валерия, не поднимая головы, и это замечание меня взбесило.

— Я вдвое старше и помню, как вы пешком под стол ходили,— сказал я первую пришедшую на ум колкость.

— Но мы все растем и взрослеем,— парировала она.— И учимся быть аккуратными.

Я замолчал, а она пошла переодеваться. Я стоял у дверей и встречал гостей. Первым пришел доцент Имаго с букетом розовых хризантем. За ним пожаловала смирная чета старинных друзей. И наконец, я остолбенело уставился на Бориса с пляжа у Хосты.

Заметив мое замешательство, он с достоинством произнес:

— Я аспирант профессора. Рад вторично познакомиться. Кажется, у вас еще не сошел южный загар, а?

— *Да, солнышко в октябре светило что надо.*

За столом я оказался рядом с почтенными супругами. Женщина с милым, участливым лицом, внимательным, пристальным взглядом сиреневых глаз, как выяснилось, всюду успела побывать и обо всем рассказывала так охотно, что к ней здесь привыкли, как к стихийному проявлению сил природы. Муж ее, тихий и молчаливый, кивал головой, когда говорила жена или другие. Делал он это с любезной улыбкой, иногда, впрочем, вставляя малозначительные, но приятные для говоривших фразы. Ее звали Марина Александровна, его имени никто не знал.

Я намеренно погасил спор, который мог увлечь всех и увести в сторону этрусских проблем. Марина Александровна неожиданно рассказала о двух школьниках, которые ехали из Риги в детский санаторий, а попали в Шамбалу.

— Но это уж, извините, почтеннейшая Марина Александровна, совсем, совсем не то! — воскликнул Чиров, сделав такое движение рукой, точно собирался отвести от себя нечто невидимое, но опасное.

— Почему же не то, Николай Николаевич,— скороговоркой возразила женщина.— Ехали школьники, вдруг в поле показался белый всадник, приблизился к поезду и выпустил из лука стрелу. А стрела попала в окно купе, где были Гена и Лена, и к наконечнику ее приколота записка: «Гена и Леночка, вас ждут в Гоби, в Шамбале». Почему это вас удивляет?

— Но помилуйте, почтеннейшая Марина Александровна! — опять воскликнул Чиров, и я отметил про себя, что слово «почтеннейшая» он произносит в таких вот случаях.— Помилуйте, какая Шамбала, какой белый всадник?!

— Ну как же, Николай Николаевич, вы Этрурией занимаетесь? И думаете, что другие не могут Шамбалой интересоваться? А ведь это страна мудрых отшельников в гобийской пустыне.

— Могут,— тихо, почти про себя, сказал муж Марины Александровны.

— За Шамбалу и Этрурию! — произнес находчивый аспирант и поднял бокал.

Весельчак этот Борис. Из карманов модного светло-коричневого пиджака он извлек разноцветные шарики пинг-понга, и они замелькали в его руках так, что трудно было сосчитать их и рассмотреть, как они исчезали, когда он заканчивал один номер и начинал следующий, не менее занятный. Шарики были окрашены в яркие

цвета фосфоресцирующими красками. Он запросто глотал их, забрасывал в пустые бумажные кружевца шоколадного набора, оставлял их поочередно на горлышке золотой ликерной конфеты, и они не то парили над ней, не то вращались, едва касаясь фольги, и затем попадали снова к нему в руки. Хлопнув в ладоши, Борис собирал шарики, разбежавшиеся по столу, заставлял их мелькать перед нашими изумленными глазами все быстрее, и вот они дружно исчезали, растворялись в голубоватом от табачного дыма воздухе гостиной.

И тут я открыл его секрет: шарики были окрашены так, что смесь цветов давала белое пятно, как в школьном опыте с вращающимся кругом, когда краски набегают друг на друга и глаз воспринимает лишь сероватую массу. Я прикинул скорость, с которой надо было манипулировать шариками, и поразился ловкости рук археолога.

— Браво! — громко сказала Валерия, и в карих глазах ее я увидел отражение мелькавших над столом шариков.

Мгновение, другое — и остался один-единственный серебристый шарик, и Вадим показал его нам, положил на стол, и мы увидели, что это круглая шоколадная конфета в обертке. К ней стремительно протянулась белая красивая рука с тонким запястьем, украшенным браслетом, и накрыла конфету. Валерия развернула фольгу, показала шоколад и в следующую минуту, к удовольствию аспиранта, угощала конфетой черного пуделя, послушно жавшегося к ее ногам.

Доцент Имаго собственноручно достал со шкафа виолончель, сознавая, что эта привилегия в доме Чирова принадлежит именно ему. Виолончель была торжественно передана Валерии. Она сняла с нее потертый балахон с крупными костяными пуговицами, смычок заскользил по струнам, длинные сильные ее пальцы прижимали струны к грифу. Звучал Тартини, но сейчас он был каким-то домашним, задумчивым, был он послушен движениям рослой круглолицей барышни в вельветовых брюках цвета сентябрьских листьев, в просторной светлой блузке с жемчужными круглыми пуговицами.

Мы расправлялись с многослойным «наполеоном», который приготовила Валерия, и он осыпáлся на тарелку.

Валерия окончила музыкальную школу, потому что этого хотела ее мать, покойная супруга Чирова. Но сам Чиров не принимал всерьез это музыкальное увлечение. Более того, он посоветовал дочери поступить в авиационный, что та сделала с восторгом. Свысока смотрела она

на студентов пищевого, выходивших к троллейбусной остановке с другой стороны Волоколамки. Первые два-три года ей нравилась эта игра в авиаторов. Потом она охладела к будущей профессии.

Я побаивался, что Николай Николаевич не сдержит слова, данного мне, и расскажет об этрусских табличках именно сегодня, в присутствии Марины Александровны. Мне казалось, что это случится вот-вот, в следующую минуту. И потом Чиров с доброй улыбкой скажет мне: «Извини, брат, не утерпел, да и разве не имею я права рассказать об этом в день моего рождения?» Вот почему я все время переводил разговор на темы, далекие от истории, и аспирант с иронией поглядывал на меня, словно знал истинную причину. Лицо его уморительно морщилось, он порой делал мне какие-то знаки и хватался за голову, точно давал мне понять, как он мне сочувствует. В этот вечер я был близок к тому, чтобы возненавидеть аспиранта.

Невесть откуда в руках его появился альбом с изображениями этрусских древностей. Этот альбом он раскрыл на странице, которая не могла не привлечь всеобщего внимания. Цветное фото воспроизводило фреску на стене этрусской гробницы. За столом, уставленным яствами, расположились пирующие, слуги разносят еду и питье, собаки под столом грызут кости, поодаль — флейтисты и танцоры. Лица на фреске необыкновенно живые, художник уловил мгновенное их выражение, как много позже удавалось это Франсу Гальсу.

— Что изображает сия картина? — с нескрываемым лукавством спросил аспирант.

— Пир, конечно, и превеселый! — раздался голос Валерии.

— Дочь моя права,— пояснил Чиров.— Но не будем морочить голову гостям. Да, это пир. Но в центре, как я полагаю, сидит все же покойник. Я узнал его по страусовому яйцу в руке. Вот он, показывает пирующим яйцо — символ бессмертия, возрождения, начала начал. Слово «яйцо» по-этрусски звучит так: «яис». И почти также звучит слово «бог», «начало начал».

— Покойник со страусовым яйцом в руке, ха-ха! — не к месту рассмеялся доцент Имаго.— На пиру по случаю собственной кончины. Что может быть гениальнее!

— Готов поспорить с вами, Николай Николаевич,— вкрадчиво заметил аспирант.— Яйцо и бог разные для этрусков вещи и понятия.

Чиров нахмурился. Борис хотел, очевидно, продолжить свою мысль, но тут же замолчал. Всем своим видом он старался показать: вот, мол, как я осведомлен, с самим Чировым готов поспорить, но не буду этого делать — из уважения к моему учителю.

Во время этого научного разговора муж Марины Александровны уснул, свесив голову на грудь, и гости начали потихоньку расходиться.

Из дневника

Сначала на меня дохнуло холодом межзвездного пространства, и я с изумлением обнаружил, что до чужих планет можно дотянуться рукой. О жизни собственного отца я узнал от инопланетянки, моей сестры.

Теперь, через два с лишним года, я с не меньшим изумлением открываю для себя связь инопланетян с этрусками, которые в первом тысячелетии до новой эры жили на территории теперешней Италии. Около трех тысяч лет назад у них появились города. Но не всегда они жили там, где их памятники находят археологи. Перебрались в Италию они предположительно из Малой Азии.

Я уповаю на Чирова. Если удастся расшифровать текст на табличках — я кое-что узнаю. Женя-Велия подарила их мне как сувенир. Возможно, таблички и есть сувенир. Но для меня это единственный шанс разобраться в происходящем.

О Чирове я писал сестре в первом своем письме. Тогда, два года назад, он считал, что этруски пришли на Апеннины из Приднепровья. Этим якобы объясняется сходство языков.

В чем состоит главная трудность расшифровки и перевода этрусских текстов? В том, что гласные раньше звучали иначе, по мнению Чирова. Так, вместо «о» слышалось чаще всего «у». Не было мягкого знака, вместо него в конце слова использовалась буква «и». Согласные звучали глухо — и писались слова так, как произносились. Помню, как поразил меня перевод этрусского слова «спур», выполненный по правилам Чирова. Заменив две буквы, он получил слово «сбор». Смысл его ясен. У этрусков оно использовалось в значении «город», «поселение». Слово «тупи» до Чирова не удавалось перевести. По его правилам замена двух букв давала «топь». У этрусков оно означало также «потоп». Вот еще несколько

этрусских слов. Тит — дид, дед (имя в значении «старейший»). Зусле — сусло. Ита — эта. Али — или. Ми — я. Мини — меня. Тур — дар. Пуя, поя — жена (буквально «поилица»).

Это было началом. Вскоре Чиров составил словарь, в котором насчитывалось до четырехсот слов. Но профессор не учел, что привычные для нас созвучия совсем иначе воспринимаются теми, кто плохо знает славянские языки. Однажды я застал профессора крайне расстроенным. На столе лежало письмо от зарубежного слависта. Воспроизвожу его здесь по памяти.

«Уважаемый профессор Чирроу! Ваши статьи внимательно изучены в нашем университете специалистами по этрусскому языку. Мы использовали Ваши методы для дальнейшей расшифровки последних найденных надписей. Результаты работы мы опубликовали и оттиски статей разослали коллегам. В результате из семнадцати стран к нам в университет пришли официальные отзывы и публикации, в которых содержатся прозрачные намеки на умственные расстройства талантливейших наших лингвистов. Сейчас мы испытываем заметные трудности в связи с прекращением финансирования работ и отставкой ректора университета, который поддерживал этрускологов. Пресса обрушилась на те достижения, которые помогли Вам расшифровать и перевести надписи на тессерах и бронзовых зеркалах. Сообщаю Вам это в надежде получить от Вас лично какие-либо подтверждения правильности избранного пути. Бывший профессор университета (подпись)».

Чиров зло и весело наблюдал за мной, пока я читал письмо. Потом воскликнул, сопровождая слова энергичным жестом:

— Нет ничего смешнее, чем заниматься наукой в белых перчатках! Они забывают, что до сих пор живы языки, где всего одна гласная. Одна, мой друг! Эти профессора привыкли читать по буквам, как в школе или гимназии. А гласные звуки раньше вообще не записывались, их пропускали или безбожно коверкали в текстах!

— Но в чем-то они правы,— возразил я мягко.

— Правы в желании топтаться на месте! А не хотите ли, господа, покрутить гончарный круг? Не хотите ли постоять у станка и потом вытереть ваши холеные руки паклей? — Чиров обращался теперь ко мне, как будто именно я скомпрометировал его метод на страницах зарубежной прессы.

Прошел год, и многое переменилось. Чирову стало ясно, что этруски не потомки скифов, венедов или славян. Скорее братья или, точнее, двоюродные братья. Так же как филистимляне или рутены. К этому выводу его привели публикации о раскопках в Малой Азии. Именно там обнаружена цивилизация, которую можно назвать Восточной Атлантидой. Раскопаны города Чатал-Гююк и Чайеню-Тепези. Обломки медного шила и трех медных булавок, а также куски руды датированы рубежом восьмого-седьмого тысячелетия до нашей эры. Это примерно время Атлантиды Платона. Жители Чатал-Гююка строили дома из сырцового кирпича в том же, седьмом тысячелетии до нашей эры. Они знали четырнадцать видов культурных растений. Обрывки тканей того периода вызывают изумление даже у современных ткачей. Поражает техника полировки зеркал из обсидиана; отверстия в бусинах из полудрагоценных камней тоньше, чем в современных иглах. Мастерство и художественный вкус древних анатолийцев намного превосходят все известное для других регионов нашей планеты. Судя по некоторым признакам, эта древнейшая из человеческих цивилизаций кое в чем могла соперничать с Атлантидой. В Чатал-Гююке найдены святилища и храмы, найден и целый жреческий район этого древнейшего поселения. Богиня-мать, дающая жизнь ребенку (одно из главных божеств Чатал-Гююка), восседает на троне, подлокотники которого оформлены в виде двух леопардов.

Одна из древнейших этрусских фресок воспроизводит мотив с леопардом. Двое ведут коня под уздцы. На крупе лошади за спиной мальчика-наездника сидит молодой леопард. Зверь доверчиво положил лапу на плечо мальчика. Откуда они идут? Леопард молчаливо свидетельствует: из Малой Азии. Именно здесь во втором тысячелетии до новой эры мы находим черную керамику, свойственную этрускам. Изделия из этой керамики найдены в бывшей фригийской столице Гордионе. Известно и о тесных связях Северного Причерноморья и Приднепровья с Анатолией.

Они называли себя «расена», «расены» или по-славянски на «о» — «росены». Их предки, древнейшие племена Восточной Атлантиды, поклонялись леопарду. Сыны леопарда-рыса называли себя расенами, русами, русицами.

У Чирова необыкновенная, цепкая память. Примерно через месяц работы, когда, несмотря на все ухищрения,

привлечение хеттского, хаттского, древнерусского языков, дело застопорилось, профессор извлек из тайников своей памяти и процитировал одну из глиняных табличек Вавилона. Запись эта необыкновенна.

«В первый год из той части Персидского залива, что примыкает к Вавилону, появилось животное, наделенное разумом. Все тело у животного было как у рыбы, а пониже рыбьей головы у него была другая, и внизу, вместе с рыбьим хвостом, были ноги, как у человека. Голос и речь у него были человечьи и понятны. Существо это днем общалось с людьми, но не принимало их пищи; и оно обучило их письменности и наукам и всяким искусствам. Оно научило их строить дома, возводить храмы, писать законы и объяснило им начала геометрии. Оно научило их различать семена земные и показало, как их собирать».

Табличка эта давно известна ученым. Некоторые из них предполагают, что она намекает на посещение Земли инопланетянами (намеки эти справедливы, в общем, я имел случай убедиться в этом и раньше и позже описываемых здесь событий).

Чиров знал ее почти наизусть. Это решило исход нашей работы: ведь начало этрусской легенды почти совпало с древним текстом! Он-то и подсказал нам смысл написанного, даже перевод самых трудных слов, над которыми мы могли бы биться и год, и два, несмотря на словарь, составленный Чировым.

Произошло все за чашкой кофе, мы говорили о пустяках, молча сидела с нами за столом Валерия, прислушиваясь временами к резковатому голосу отца. Потом мы враз смолкли, опустили головы, и он, останавливаясь поминутно, чтобы припомнить необыкновенные слова, читал по памяти:

— «В первый год из той части Персидского залива... Все тело у животного было как у рыбы... оно научило их строить дома...»

— Что вы прочитали? — спросил я Чирова.

— Неужели не знаете?.. Это ключ к этрусскому тексту.— И вдруг стал уверять меня, что текст, над которым мы бьемся, переводится примерно так же и что именно он мог послужить некогда эталоном для вавилонской записи.

И он оказался прав. То, что не удавалось сделать за месяц, было закончено в три вечера. Вот что у нас получилось:

«Из синего простора за семьдесят веков до нас поднялась звезда. Она поднялась снизу, из воды, когда звезды на небе уже спали. Ты видишь рассвет каждый день, и каждый день всесильное солнце поднимается над твоей головой. Поймай на рассвете мгновение, когда владыка небесный еще не вышел на поле свое, когда скрылись звезды, когда пробудились птицы. В эту минуту, в этот час сверкнула спокойная вода в синем просторе. Белый огонь пробежал невидимой дорогой к нашему берегу. И вырос огонь и остановился на песке среди немногих людей из нас. Знай, что и тогда море было там, куда солнце садится, а берег наш родной был там, где оно в ясный день поднимается. Тогда было так. Так было и много позже, когда сыны леопарда прошли неготовными дорогами в земли, которые указали им предки.

Огонь же, оставшийся среди нас, угас, теряя силу, но выросли тогда три луча узких, как лезвия, как ножи сынов леопарда. Знай, три луча выросли, засверкали. Один луч коснулся руки одного из нас. Другого из нас второй луч коснулся. Третьего достал третий луч. На руках следы от лучей остались как багровые знаки солнца, как кровь. И обежали лучи круг людской, и обежали они землю под их ногами, и воздух, и траву, и песок, и камни, и дома. Круглое тело огня вспыхнуло среди людей и стало удаляться. И вслед ему смотрели, пока огонь не скрылся. И увидели люди на руках знаки огня, знаки холодного лезвия, пробежавшего среди них. Знай, так было».

Солнце по-этрусски — «усил», «осил». В нем сокрыт один из древнейших корней, сохраненный в глаголе «сиять» до сего дня. «Усил», «осил» как бы сближают силу и сияние. Итак, речь шла о вмешательстве какой-то неведомой силы в жизнь этрусков. Произошло это задолго до переселения их в Италию. Где-то на Средиземноморском побережье, в Малой Азии. Или даже в Леванте, где обитали позже финикийцы, ближайшие родственники этрусков, основатели буквенной системы письма, которую применяли и этруски и которую позже освоили соседи-кочевники.

Что тогда произошло? Эпизод напоминал случай на берегу Персидского залива, но он относился ко времени очень давнему — ведь самые древние города на Земле располагались на прародине этрусков, в Малой Азии. Вавилонский эпизод, считает Чиров, следовал за этрусским, и нет оснований не верить ему.

Теперь о главном. Нужно переосмыслить текст с учетом современных понятий. Крупный специалист в области космических сообщений считает, что полеты разумных существ на межзвездных кораблях попросту не нужны. Их не будет. Вся информация, необходимая нашим предполагаемым братьям по разуму, содержится в генах. Достаточно одной клетки, чтобы узнать о человеке многое. Достаточно оптического локатора и нескольких голограмм, чтобы узнать почти все о народе, племени, городе или цивилизации этрусского времени.

— Значит, была попытка изучить истоки нашей цивилизации,— рассуждали Чиров и я.— Лучи, конечно, были далеко не простыми пучками света. Они записали информацию в неведомых блоках памяти, и невидимая глазу суть этих лучей могла проникнуть сквозь дерево и даже камень. Так стало известно на борту корабля о древнем земном поселении, о домах, их устройстве, их обитателях. Сами же пришельцы из корабля не показывались. Это свидетельство того, что корабль был, вероятней всего, автоматическим.

— Наше предположение удовлетворяет принципу Оккама: следует объяснять явления, пользуясь минимальным объемом знаний.

Профессор съязвил — он искоса поглядывал на меня,— и все же давно я не видел его таким довольным и благодушным.

Да, они взяли клетки кожи, и на руках этрусков остались багровые следы после этой несложной операции. Сработало холодное лезвие, другие слова тут не подыскать и в наш атомный век.

Открывалась вот какая перспектива: клонирование позволяет выращивать организмы из отдельных клеток, что и было выполнено на далекой неизвестной планете теми же вездесущими автоматами. Еще двадцать лет назад я своими глазами видел маленькие сосенки в колбах, которые ведут происхождение от отдельных клеток, высеянных в питательную желеобразную смесь. Было это в Ленинграде в лаборатории Яценко-Хмелевского, профессора лесотехнической академии. Но это на нашей планете. Четверть века назад.

Что касается случая с этрусками и автоматическим кораблем, то он вполне мог послужить отправной точкой для основания инопланетной колонии, второй Этрурии или, еще лучше, Новой Этрурии. Для этого нужны лишь несколько живых клеток...

Именно автоматические корабли являются главным видом транспорта в нашей Галактике — так считают многие ученые. И главная их цель, упрятанная в блоках программы и памяти,— спасение на отдаленных планетах той культуры, которой суждено погибнуть. Этруски погибли под натиском Рима. Здесь, на Земле. Два тысячелетия назад. Зато где-то в необозримой дали потомки их увидели второе солнце и назвали его также по-этрусски: «осил». А потомки потомков увидели и Землю.

Кто послал корабль для спасения этрусков, я, разумеется, не знал и не надеялся узнать. Да и одних ли только этрусков?.. Скорее всего в нашей звездной системе издревле блуждают такие корабли. Иногда они садятся на планеты...

Я старался скрыть от Чирова мою следующую мысль. Была она проста: «Ты симпатичный старикан, и голова у тебя что надо, но если бы ты знал, сколько космических экипажей уже перебывало здесь, почти у самого порога твоего дома. И твой бывший ученик тоже оказался из этих... пришельцев».

Ищу предков. Геракл и Омфала

Было несколько очаровательных дней, когда я мечтал, предавался воспоминаниям, читал и размышлял об этрусках. Я нашел, что отец мой похож на незнакомца из этрусского города Вольтерры. Алебастровое надгробие дошло до наших дней, относится оно ко второму веку до новой эры, к периоду поздней Этрурии. В это время все ее земли оказались под властью Рима. Пройдет еще лет сто, и от самобытного искусства этрусских мастеров останутся воспоминания и памятники, не станет самих мастеров. Рим проглотит Этрурию. На землях этрусков императоры будут селить римлян. Этруски будут согнаны со своих мест. Историк Мюлештейн напишет: «Этрурия — колыбель Рима. Рим — могила этрусков».

На репродукции бронзового зеркала я нашел свой портрет. Имя этруска — Пава. Сходство поразительное. Рядом с ним — воин с копьем и еще двое. Меня не удивляет сходство с этруском. Но удивительно, что я нашел портрет этруска, похожего на отца... Велия. Пава. Волний.

— Это этрусские имена! — твердо сказал Чиров, когда я осторожно спросил его об этом.— Почему они вас

интересуют? — И, не дождавшись вразумительного ответа, добавил: — Пава — имя, которое известно у славян с некоторым свойственным им оканьем: Бова. Вспомните сказку «Бова-королевич». О Велии я уже говорил вам. Что касается Волния, то имя это восходит к Воли синей. Так называли большое озеро в Этрурии и город на берегу его. Но слова тогда отделялись друг от друга лишь точками. И потому позже писали: Велсна. Означает это «синий простор». Волний — это «вольный».

Я узнал, что предком этрусков был Геракл.

Имя Геракла писалось по-этрусски так: Геркле. Был он родным дедом Тиррена, переплывшего море на кораблях, чтобы основать первые поселения этрусков в Италии. Происхождение Тиррена засвидетельствовано с мифологической точностью. Геракл был продан в рабство царице лидов Омфале, которая очень плохо с ним обращалась.

О тяжелых днях древнего героя известно гораздо меньше, чем о его славных победах, поэтому позволительно напомнить, что именно Омфала сделала его не просто рабом, а своей рабыней. Она приказала Гераклу носить только женское платье. Много же труда должен был потратить Геракл, чтобы верхний край хитона его всегда был похож на короткую безрукавную кофточку! Раз Омфала собственноручно наказала его только за то, что опоясан хитон Геракла был под грудью, как у женщины, а не на талии, как у девушки.

Ежедневно перед полированным бронзовым зеркалом Геракл накидывал на плечи пеплос, верхнюю накидку, красота которой заключалась в изяществе драпировки. Для бесстрашного мужа была выбрана самая нежная голубая ткань с фиолетовыми разводами. Чтобы складки хитона и пеплоса были более пышными, в подол одежд Геракл вшивал кусочки свинца. Поверх хитона и пеплоса, повинуясь женской моде того времени, отважнейший из воинов накидывал прямоугольный плащ с вышитыми цветами и легкий шарф из полупрозрачной ткани — калиптру. Обувью ему служили мягкие яркие туфли или полусапожки («По чертогу кружит, золоченой туфелькой сверкая». Эврипид). Облик неустрашимого витязя дополняла изысканная прическа из завитых волн, низко спущенных на лоб, вдоль щек, а сзади приподнятых и уложенных в узел, скрепленный серебряными шпильками и узкими ленточками. Нельзя представить себе модницу тех далеких времен, которая считала бы свой туалет

завершенным без румян, краски для губ и бровей, век и ресниц, духов в изящных керамических флаконах — лекифах. Геракл никогда не смог бы постичь всех этих премудростей, если бы не строгое око той же Омфалы. Он представал перед царицей не иначе как с веером в руках. На предплечье его, правом запястье, лодыжках красовались нарядные браслеты.

Работа была не труднее, чем у других приближенных к царице рабынь. Геракл должен был прясть, прислуживать царице, выполнять мелкие типично женские поручения.

В период этого унизительного трехлетнего рабства, как пишут историки, Омфала родила Гераклу четырех сыновей. Один из них был Атис, отец нашего Тиррена.

Яблоко раздора

Утро следующего дня стало поворотным пунктом в моих отношениях с Чировым на ближайшее время. Как это случилось? В шесть утра раздался звонок, я проснулся и слушал басовитый голос телефона, потом догадался, что звонит мне Чиров. Интуиция. Взял трубку и услыхал:

— Вы не тот, за кого себя выдавали, вы оказались человеком без принципов, без убеждений... Что вы на это скажете?

— О чем вы, Николай Николаевич? — Я был ошарашен, но все же в считанные секунды этого пассажа попытался припомнить: не водится ли за мной грех, не набедокурил ли я нечаянно, не обидел ли старика какой-нибудь выходкой?

— Не прикидывайтесь! — зарокотал Чиров.— Зачем вы это сделали?

— Что именно, Николай Николаевич? — Во мне затеплилось подозрение, что он проверяет меня, испытывает,— и отсюда странная интонация и странные его слова, обращенные ко мне.

— Он еще спрашивает, мой бывший ученик! — продолжал Чиров.— И это единственное, чему он научился у своего профессора,— задавать вопросы и не давать ответов. Зачем вы похитили из моего кабинета этрусские таблички?

— Я не похищал их из вашего кабинета.

— Не думайте, что я стар и меня так легко провести.

— Даю честное слово.

— Возьмите его назад. О табличках, кроме вас и меня, никто не знал. Кроме того, они были заперты в моем столе. И наконец, я отлично помню, с какой неохотой вы мне уступили их на время!

— Помилуйте, я сам предложил их вам.

— О нет! Вы дали их на время, чтобы использовать меня как этрусколога, а потом неожиданно вернуть их себе вместе с результатами нашей... гм, работы. Не так ли?

— Нет. Не так.— Я окончательно проснулся и не верил теперь своим ушам: что он, ошалел, что ли?

— Так! Бессмысленно отрицать это. Замок стола сломан, на нем отпечатки ваших пальцев. Не думайте, что мне недоступна элементарнейшая экспертиза, с которой справляется даже начинающий криминалист.

— Этого не могло быть!

— Это факт! — прогремело в трубке.

И тут до меня дошло: нужно разобраться в этой истории, не пристало мне обижаться на старика, тем более что я от него действительно кое-что утаиваю.

Я накинул пальто, скатился по лестнице, догнал притормозившее у светофора такси, поехал к нему.

Он как будто не удивился моему появлению. Молча кивнул головой, пропустил в прихожую, скрестив руки на груди, не без сарказма оглядел меня с ног до головы.

— Итак, допустим,— промолвил он негромко, точно про себя,— что вы действительно захотели вернуть себе эти таблички. Я не намерен выступать с обвинением. Замечу только, что, как бы я ни был одержим, я вернул бы их вам по первому слову.

— Вы говорили об отпечатках пальцев... это серьезно?

— Вполне. Полюбопытствуйте!

Он провел меня в кабинет. Там было сумрачно, шторы на окнах задернуты, словно и вещи, знакомые мне до мелочей, выражали сочувствие их владельцу и не хотели смотреть на меня, а притаились и наблюдали исподтишка, как я выкручусь из неприятной истории.

Он включил настольный свет и показал мне отпечатки пальцев, обработанные по всем правилам криминалистики. Я всматривался в квадратики фотобумаги и собирался с мыслями. Где же таблички? И я сказал это вслух. Но голос мой предательски дрогнул, и старик так и впился в меня глазами, неправильно, очевидно, истолковав мой тон. Я плюхнулся в малиновое кресло, в котором раньше так часто сиживал и которое теперь показалось неуютным, холодным, чужим.

Прикрыв глаза, попытался я вызвать образ убегающего человека в темном. Вот он... седьмым зрением я вижу его! Но что-то загораживает его лицо. Что это? Зонтик или большая книга... Он прячется от меня. Он знал, что я смогу мысленно идти за ним. И устранить разницу во времени. И вот солнце освещало его чем-то знакомую фигуру, а темный прямоугольник скрывал его лицо. Это была книга, но не она, а тень ее прятала от меня человека, побывавшего у Чирова и выкравшего таблички! Тень... так и должно было случиться: он умел защищаться и знал, от кого придется защищаться! Тень защищала тень. Усилием воли я отодвинул книгу. Но с тенью справиться не мог.

Наверное, лицо мое побледнело, и когда все кончилось и я открыл глаза, Чиров в упор рассматривал меня. С гибкостью, удивительной для его возраста, он захлопнул ящик стола и мнимо смиренно произнес:

— Видно, стареем. Из нас двоих мне больше всего приходится считаться с необратимостью времени. Наше поколение живет и мыслит в другом темпе.— Он едва заметно усмехнулся.— И свое бессилие перед этим фактом оно пытается превратить в позицию.

— Ну что вы...— попробовал я защитить его и себя.

— Да уж, видно, так оно и есть, и не я первый это заметил. Для того чтобы это обнаружить, достаточно двоих.

Я испытывал мучительную неловкость, но повинен был в ней я сам. Нужно было поскорее расстаться. Старика снова понесло. Я попрощался. Он ответил небрежным кивком, я увидел его профиль и впервые подумал, что он всегда был и останется отчасти ребенком. Такие люди встречаются и в преклонном возрасте, жизнь учит их только одному: тщательно скрывать это свойство характера от других. Но в нашей беседе Чирову это не потребовалось. Значит, всерьез...

Я шел пешком от Чирова. Шел все медленнее, изредка прыгая через первые весенние лужи. Потом остановился. Еще минута — и я повернул бы назад к дому Чирова. Такой был настрой.

Что-то мешало мне, какая-то подспудная работа шла во мне после разговора с Чировым. Разве не имеет права этот человек оставаться самим собой? Я стал другим, вот в чем дело. Вся эта история с контактами приучила

меня к обостренной наблюдательности и нетерпимости. Все явления, даже обыденные, наполнились скрытым смыслом. Возник вдруг второй план, и для меня этот второй план стал главным. Все совершалось по законам, в общем-то простым и хорошо мне знакомым. Но теперь к ним прибавлялось нечто постороннее. В отблеске солнца на стекле я мог увидеть попытку сестры или Жени напомнить мне о чем-нибудь, в резко затормозившем грузовике усмотреть намек на продолжавшуюся борьбу с троицей неизвестных, вынырнувших еще там, на юге, из какой-нибудь щели времени. И все же от этого нужно было отказаться. Второй план, связанный с моими неожиданными приключениями, должен был подчиниться обычному, видимому, естественному. Только через обыденное могли проявить себя неведомые мне враги, подсылавшие металлического жука, устроившие обвал в ущелье, а теперь вот похитившие таблички.

Только я открыл дверь, зазвонил телефон. Я поднял трубку. Звонил Борис.

— Ты расстроил старика! — кричал он в трубку.— Что ты ему наговорил? Он не хочет слышать твое имя...

— С чего ты это взял? Да я видел его...

— Он расстроен. Он подавлен. Позвони ему! — Аспирант подливал масла в огонь.

— Хорошо,— сказал я как можно спокойнее.

— Помни, что ты наделал уйму глупостей!

— Пока! — Я бросил трубку.

...Настоящей родиной викингов является Причерноморье. Вождя викингов, приведшего свой народ в Скандинавию из Причерноморья, звали Одином. После смерти его провозгласили богом. Причина переселения — римская экспансия. Случилось это в первом веке новой эры, много позднее похода этрусков-росенов на Апеннины. Малая Азия — общая колыбель их. Здесь зародилось почитание быстрых, ловких зверей — леопарда и гепарда. Леопард-рыс дал позднее свое имя и похожему на него внешне зверю — рыси. Гепард помогал охотникам.

Думаю, что проследить пути народов, населявших некогда Восточную Атлантиду, Чирову пока не удалось. Еще бы, ведь Чайеню-Тепези был заложен в восьмом тысячелетии до нашей эры. И уже тогда люди знали более десятка культурных растений. Есть свидетельства, что много раньше, тридцать тысяч лет назад, близ Чатал-Гююка и Чайеню-Тепези шли торговые пути. По ним

доставляли черное вулканическое стекло — идеальный материал для наконечников копий и женских украшений.

Иногда я шептал про себя этрусские слова. Именно так, на слух, их легче воспринимать. Раш — рожь, зерно. Я нашел слово «руште», «руш» в значении «русичи». Это как будто уводило в сторону от почитаемого в древности леопарда. Однако слова могут пройти через барьеры тысячелетий, если они усиливают друг друга. Когда два разных слова звучат сходно, то рано или поздно они объединяются в одно. Не так ли произошло с рушрус?

...С недавних пор на стене моей комнаты появилась репродукция: этруски во время обряда вбивания гвоздя в стену храма. Два слова о сути. Несколько человек собирались в храме в один и тот же день года. Жрица с венком на голове, обнаженная, редкостной красоты девица, вбивала молотком гвоздь. Когда на стене храма не останется свободного места от вбитых гвоздей, народ этрусков, по их собственным поверьям, должен исчезнуть. Так вот, у руки жрицы я с удивлением заметил световой зайчик: он словно выжидал до поры до времени, потом сдвинулся, переместился поближе к другой ее руке, державшей молоток. Лицо ее осветилось, на мгновение показалось живым — и светлое пятно поползло по стене комнаты. Потом остановилось. Я следил за ним; отложил книгу и встал. Вот пятно, похожее на чистый лист бумаги, медленно двинулось, высветив согбенного гаруспика-гадателя, изучавшего печень быка, принесенного в жертву. Чуть заметней стал растительный орнамент; виноградная лоза, окаймлявшая изображение, ожила, листья как будто шевельнулись от ветра — и пятно убежало дальше. Точно где-то недалеко мальчик пускал солнечные зайчики большим зеркалом. Невольно я обернулся, но увидел закрытую дверь комнаты и темную портьеру.

Я протянул руку вслед за светлым пятном — оно убежало от моей руки, потом пропало. Или мне все это показалось?

* * *

После обеда я вышел прогуляться. Был серый будничный день. Прошел переулками к Тимирязевскому парку, за старым забором открылись просеки и аллеи, зимние ро-

щи, жухлый снег. На корявом дубке позванивали от ветра чудом уцелевшие бронзовые листья. За лиственничной аллеей, спускаясь к озеру, увидел на дальнем взгорке Валерию. Она быстро шла по просеке, наверное, возвращалась домой. Я шел следом, на расстоянии, прячась за стволы черной ольхи, обходя поляны. Она вышла к березовой роще, где был твердый наст, и пошла по целине.

Я видел ее статную фигуру издалека, за белыми, чистыми, нарядными стволами. Следовал за ней, оставаясь незамеченным. Она была в новой рыжей шубе, унтах и красной полосатой шапочке. Сероватое полотно снега под березами не проваливалось под ногами. Справа от нас остался узкий заливчик озера, где ребятня ловила рыбу у полыньи водостока.

Мы вышли на Новопетровскую улицу. Дома здесь расположены под углом к дороге, я сворачивал на газоны, ждал, пока она пройдет дальше, и эта игра стала волновать меня. У булочной она остановилась, словно раздумывая. Потом открыла дверь. А я ждал поодаль, на другой стороне улицы. Она вышла из булочной с десятикопеечной булкой. Незаметно для прохожих (но не для меня) эта рослая барышня отщипнула кусок булки и оглянулась. Но меня не заметила. Резко свернула в пельменную, и я опять ее ждал. Теперь она пропала на четверть часа.

Так я провожал ее до трамвайной остановки. Прыгнул следом во второй вагон. Мы доехали до метро, и там я спрыгнул первым, наблюдая за входом в вестибюль. Но ее не было! Я обнаружил ее вдали, у самого железнодорожного моста. Она шла так быстро, что я едва поспевал за ней. Так мы добрались до Покровского-Стрешнева, вошли в лес.

Мне стало неловко.

Что это со мной приключилось?

Она останавливалась у разводий, кормила уток.

За лесом Валерия прыгнула в троллейбус. Через пять минут она будет дома, подумал я. Остановившись, я не решался перейти Волоколамское шоссе, словно дал зарок этого не делать, пока она не будет дома. Потом вернулся в лесопарк, шел по берегу прудов, где летом купался. По стволу одинокой сосны шныряла серая с рыжим брюшком птаха. Чем-то я был похож на нее.

— Это я,— прозвучало в трубке.— Ты меня узнал?

— Да, конечно, узнал.

— Прошел месяц, а ты к нам не заходишь... я знаю почему. Отец ругает тебя, а я не верю ему.

— Вот как?

— Да. И вообще мне многое надоело. Если хочешь, я приеду к тебе.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать один. А что?

— Самый подходящий возраст, чтобы вот так просто приехать к знакомому мужчине, который к тому же более чем вдвое старше.

— Ты не хочешь?

— В том-то и дело, что хочу.

— Ну...— Голос в трубке замолчал.

— Ты понимаешь, что речь идет не просто об отпрыске профессора, а о самостоятельном человеке по имени Валерия?

— Если хочешь приобрести право читать мне мораль на том основании, что мне только двадцать один, тебе следует согласиться со мной.

— Это серьезно.

— Можешь встретить меня хотя бы у подъезда? Нужно поговорить.

— Встречу,— сказал я и повесил трубку.

Через полчаса мы сидели в моей комнате со светло-коричневыми обоями, с этрусскими гравюрами в простеньких рамках, акварелями, изображавшими светлые, пустынные поля, рощи, прозрачно-зеленый северный небосклон, морские побережья со скалами, песчаными пляжами и деревянными лодками над кромкой прибоя.

— У тебя хорошо...— Она зябко поежилась, протянула руку, достала с полки истрепанную, лохматую книгу, стала листать.

Я включил сухарницу, которая служила мне вместо электропечки, зажег настольную лампу. Она вопросительно посмотрела на меня и указала глазами на книгу.

— Старые истории о хеттах и славянах,— пояснил я как можно популярнее.

За пределами луча света от лампы ее глаза казались темными, как густая кровь, меловая белизна ее шеи рез-

ко выделялась над полукруглым воротником темной блузки, отливавшей серебром.

— У тебя есть что-нибудь пожевать? — спросила она скорбно-смиренным тоном, и я заверил ее, что все будет в порядке, ведь я разработал сам несколько кулинарных рецептов.

— Это потому, что ты один? — На щеке ее, обращенной ко мне, обозначилась ямочка, и все лицо ее выражало участие ко мне.

— Да. И потому, что я немного изобретатель. Я могу приготовить пельмени по-восточному с редькой и мясом, яичницу по-хеттски с луком и шкварками, медовую брагу по-этрусски.

— Подойдет,— сказала она серьезно.

— Что подойдет?

— Все, что ты назвал. Сколько тебе надо времени?

— Смотря для чего. Для первого и второго блюда полчаса, для третьего — три часа.

— Хорошо,— тем же скорбным, тихим голосом сказала она.— Тогда сделай мне пельмени по-восточному и яичницу по-хеттски, потом поставь кофе и сразу эту... медовую этрусскую. Можно немного сухого вина и красной икры.

— Идет,— ответствовал я, ободренный тем, что у меня была на всякий случай припрятана банка красной икры и что теперь она так пригодилась.— Ты посидишь здесь, да?

— Нет, я пойду с тобой на кухню, посмотрю, как ты будешь готовить яичницу по-хеттски. Больше у тебя ничего нет?

— Почему же? Я могу сделать для тебя шоколадный напиток индейцев майя. Хочешь?

— Потом. Не все же сразу,— рассудила она.— Теперь идем на кухню.

Пока я готовил, она покачивалась в старом потертом кожаном кресле и, вытянув носки темных с коричневым отливом туфель, рассматривала их.

— У тебя не найдется элоники? — спросила она так тихо, что я едва расслышал ее вопрос.

— Какой элоники?

— Ну, это такая жидкость, от которой кожа приобретает блеск...

— Нет, элоники у меня не найдется.— И я подошел к ней.

Круглое лицо ее было пунцовым, глаза блестели, руки она сложила на груди, и я стоял перед ней, а она так же, как и минуту назад, покачивалась в кресле, вытянув ноги в сером.

— Почему у тебя только одно кресло? — спросила она строго.

— Да потому, что я живу один. И выменял это кресло у своего друга. Отдал за него восьмитомник и пятитомник.

Мы поужинали.

— Думаю, тебе пора возвращаться...— Я произнес это спокойно, твердо и, словно убеждая в том же и себя самого, повторил просьбу про себя. У двери комнаты она молча остановилась, обернулась ко мне, но в полутемном коридоре я не сразу угадал выражение ее лица. А ее руки ощутимо сжали мои плечи, по шее и щеке прошла ее прохладная ладонь, ее круглое лицо, неподвижное, почти кукольное, сейчас приобрело необыкновенное выражение: брови ее сдвинулись, губы искривила принужденная, полупрезрительная улыбка. Руки ее отталкивали меня, но не отпускали, это было похоже на игру: гибкие длинные пальцы с накрашенными ногтями впивались в мои плечи, отпускали меня на мгновение, потом все повторялось. Я хотел осторожно притянуть ее к себе, она опередила меня, надавила ладонями и запястьями, усадила меня на стул у вешалки, сказала наигранно резко:

— Хочешь отправить меня домой? Ну, попробуй, попробуй!..— И, тускло блеснув темной кожей, носок ее туфли поместился тут же, на стуле, и в слабом свете отливающее сиреневым колено приблизилось, прислонилось и держало меня так, что я не помышлял встать.

Валерия наклонилась и медленно выдохнула слова темным от помады ртом:

— А может, передумаешь, а? — Голос ее был низким, грудным; тугое серо-сиреневое колено, овеянное тонким запахом духов, коснулось моего подбородка; она добавила: — Я видела тогда, на Новопетровской, как ты шел за мной.

Я молчал. Так прошла вечность. По ту сторону вечности, за теплым сумраком этого вечера и еще семидесяти семи вечеров, за прохладой плеч и меловой их белизной, грузным их великолепием угадывалась несбыточная полоса горестно-счастливых дней.

В июне, после сессии, Валерия уехала с туристской группой во Францию. На третий день после ее отъезда установилась настоящая летняя погода, в парке под светлым небом допоздна гуляли парочки, я почти каждый день купался во втором пруду, близ того места, где Валерия кормила диких уток, оставшихся зимовать.

Вода там прозрачная, холодная, у дна бьют ключи. Я доплывал до середины пруда, ложился на спину, ловил краем глаза вершины качающихся сосен, красные лучи заката, в памяти моей соединялись разорванные потерей табличек нити нашего поиска.

Кто-то был против начавшихся контактов. Я уже успел убедиться в справедливости Анаксагора, который писал, что вместе когда-то были зародыши вещей с их формой и цветом, вкусом и запахом; и рождались в космосе живые существа и люди, имеющие душу и разум, и у тех людей, как и у нас, есть на далеких планетах населенные города и творения искусства, есть Солнце, Луна и другие светила, и земли их приносят щедрые плоды, к которым привыкли и мы.

И вот, когда случай представил доказательства этого, некто постарался убрать их.

Валерия вернулась с опозданием на несколько дней, и я искренне удивился, как при всем этом не возникло трудностей с визой. В день возвращения на вечере в Доме литераторов я приметил вот что: когда мы пошли в буфет, Валерия оставила на сиденье кресла голубой конверт — знак того, что места заняты. Конверт был с обратным адресом, по-французски на нем значилось имя: Мишель Легран. После вечера я провожал ее. Мы шли пешком до бульварного кольца, сели на скамейку. Я повернулся к ней, взял ее руку, спросил:

— Кто такой Мишель Легран?

— Композитор,— ответила она.— Очень милый. Есть еще вопросы?

— Да. Ты поднималась на Эйфелеву башню?

— Зачем?

— Ты очаровательная кроманьонка.

— Думаешь, я не знаю, кто такие кроманьонцы?

— Ничего обидного я не сказал. Люди эти даже превосходили современных в росте и объеме мозга, но были равнодушны к архитектуре. Им было не до этого. Нуж-

но было охотиться на пещерных медведей и саблезубых тигров.

— Можно не пояснять...

— Франция — классическая страна кроманьонцев. В прошлом, конечно.

— Современные неандертальцы, о которых говорит отец, пережили кроманьонцев. Но не научились быть обходительными.

— Знаешь, я скорее ориньякский человек, нежели неандерталец.

— Возможно. Ты уже месяц не приглашал меня в театр.

— Просто потому, что не могу угадать твои желания.

— Теперь об одном из них ты знаешь.

— Да. Обещаю.

— А у тебя есть желания?

— Есть. В Александрии найдена мумия женщины. Тело ее обернуто листами полотняной этрусской книги. Хочу увидеть ее.

— А еще?

— Хочу познакомиться с востоковедом, который еще до твоего отца обнаружил в Книге Мумии славянские корни. Но в отличие от него считал, что этруски пришли в Италию с берегов Дуная и отрогов Карпат. Еще хочется побывать на раскопках порта Спи́на в дельте По. Лет тридцать назад профессор Альфиери нашел там первую постройку. Спина — это жемчужина Этрурии, точнее, северной ее провинции. По всей Этрурии сейчас, наверное, бродят гробокопатели. Есть такая профессия. Люди эти загоняют в землю тонкие стальные пики семиметровой длины и по сопротивлению или удару такой пики о твердый предмет судят о предполагаемой добыче. Бродят там, где когда-то звучала страстная музыка, этрусские женщины танцевали и пели, а мужчины наполняли кубки вином и медвяными напитками. Хочу увидеть, что еще скрыто в земле. Вот мои желания. Просто, правда?

— Вы с отцом не вполне здоровы... и неизлечимы.

— Это так. Когда-нибудь и ты поймешь, как нужно человеку его дело.

— Но ты пишешь...

— Все равно. Нужно еще дело.

— Не все так думают. Во всяком случае, ваши этруски по вечерам танцевали.

— У них было больше времени. Они же самые древние на земле люди, если, конечно, не считать атлантов. Им просто не нужно было изучать и раскапывать гробницы предков. Они и так все знали. Еще три тысячи лет назад они утверждали, что их государство насчитывает пять тысяч лет.

— А атланты?.. Кто они?

— Они жили на островах в Атлантике. Потом упал громадный метеорит, пробил земную кору, начались извержения, и Антлантида ушла под воду.

— Значит, Атлантида — не выдумка?

— Думаю, что нет.

— И у тебя есть доказательства?

— Самого общего свойства. Предания не лгут. Американец Томсон поверил легендам майя и нашел их священный колодец с драгоценностями, которые они приносили в дар богу дождя Чаку. Археолог Митчел-Хеджес знал о существовании «черепа смерти» и нашел его в развалинах древнего храма. Вещица эта сделана из кварца, нижняя челюсть подвешена и может двигаться даже от ветра. Если под черепом поместить свечу, глазницы его испускают яркие лучи, а окружающие предметы и люди как бы проецируются на дымчатых кварцевых образованиях. Полагают, что череп сделан был в Древнем Египте. Это не так. Он из Атлантиды. О Трое ты слышала. Ее описал Гомер, слепой певец, сам ставший легендой. Но Троя найдена! Атлантиду же описал Платон, весьма серьезный человек. Об этой стране помнили египтяне. Атланты воевали с народами Средиземноморья, хотели обратить их в рабов. Раньше это считали вымыслом Платона. Девятое тысячелетие до нашей эры... очень давно, раньше пирамид на шесть тысяч лет. Теперь жилища тех, кто воевал с атлантами, точнее, их ближайших потомков, найдены. Это города Чатал-Гююк, Чайеню-Тепези и другие.

— Ты назвал те самые города, где жили предки этрусков?

— Да. Они начали строиться уже после гибели Атлантиды. Но были и другие где-то рядом. Они уничтожены катастрофой. После падения метеорита поднялся океан; шла волна высотой в три километра. Побережье смыло вместе с городами, и камни их перемешались с вулканическим пеплом и морским песком. Остались поселения вдали от берега. Растаял ледовый щит Европы, и океан поднялся на сто сорок метров... все покоится на дне.

— А атланты? Навсегда исчезли?

— Да.

— Странно. Этруски исчезли. Атланты — тоже...

— Что же тут странного? Многие племена и народы исчезали, или постепенно начинали говорить на другом языке, или становились известны позже под другим именем. Примеров много.

— Но атланты исчезли совсем!

— Римляне тоже исчезли, однако ты похожа на Ливию, жену императора Августа.

— Какая она?

— Я покажу тебе ее...— И я полез в свою сумку, достал альбом с репродукциями, раскрыл его и подал Валерии.

— Нет, не похожа... так, чуть-чуть. Один человек говорил мне, что он похож на атланта.

— На атланта? Кто?

— Не могу сказать... я дала слово.

— Ладно. Будем надеяться, что он тебя не обманул. Вообще-то ни одного портрета или даже описания до нас из Антлантиды не дошло.

— И мы не знаем, какие они были?

— Нет. Но есть предположения. Впрочем, зыбкие. Кто-то писал, что Египет был колонией Атлантиды и царствовавшие там династии сохранили внешнее сходство с колонистами-атлантами.

— То есть атланты похожи на египтян?

— Да. Среди фараонов много блондинов. Например, Рамзес, войска которого потерпели поражение от хеттов. А хетты жили уже в Восточной Атлантиде, в Малой Азии. Можно подумать, что после гибели атлантов их далекие потомки-египтяне продолжали воевать со своими давними, доисторическими врагами в лице хеттов. А у хеттов и этрусков много общих слов... Корень зла, посеянный войнами атлантов, давал всходы после их гибели.

— Корень зла?

— Это образ. Не более того. Хетты и этруски мыслили образно.

Непрошеные гости

Валерия поднялась со скамейки, спросила:

— Ты не был в Италии?

— Нет, ни разу.

— Я думала, ты...

— Это не так уж важно. Захотел бы — поехал.

Я стал удерживать ее, но она пересилила меня, поднялась, и мы пошли по бульвару, где сейчас было пустынно, темно, только за чугунной литой оградой светились окна. В метро было тоже необыкновенно пусто. Я проводил ее до подъезда. В свете дальних фонарей руки ее казались необыкновенно белыми, а губы еще сохранили выражение почти детской обиды с той минуты, когда я так некстати вспомнил о кроманьонцах. Нет, это мне показалось, разумеется...

После таких вот встреч я всегда возвращался пешком, иногда окружным путем по Новопетровской улице, по темным аллеям парка, над берегом заросшего рогозом ручья у железнодорожной насыпи. И я хотел было идти, да вдруг раздумал и свернул к метро. Через несколько минут я был у своего дома, на лестнице столкнулся с какими-то типами, бесшумно выскользнувшими из подъезда. Поднялся к себе, открыл дверь и сразу уловил запах сигаретного дыма. Я особенно чувствителен к нему, потому что два года назад бросил курить. Дверь в комнату распахнута. На столе, на подоконнике — раскрытые книги. На полу — гранки моей статьи о культе леопарда в Чатал-Гююке. В пепельнице — окурок. На широком подоконнике стоит полупустая бутылка минеральной воды. Я пробежал глазами страницы. Книги были об Атлантиде. Ту, что лежала на столе, написал профессор Жиров, которого я хорошо знал. Вторую книгу, на подоконнике, написали два зарубежных автора. (Думаю, они выполняли заказ фирм, обслуживающих туристов на Крите, потому что вопреки старым и новым фактам умудрились доказать, что Атлантида располагалась на Санторине и Крите, в Средиземном море.) Что-то еще было в моей комнате не так. Я прилег на тахту, стал думать о своем. Едва слышный шорох поднял меня с постели, я в два прыжка очутился на кухне и увидел на моем обеденном столе три стакана с недопитым чаем. На газовой плите стоял горячий чайник. Стаканы были теплыми.

Что происходит? Кто-то интересуется Атлантидой. Но не только. Изучают меня, мои книги, мои рукописи. Я мог бы застать нежданных гостей, если бы пришел минутой раньше.

Открыл дверь ванной. Окунулся под холодную струю, вытер лицо полотенцем, которое мне подарила Валерия, стал вытирать руки. Вдруг в настенном зеркале над раковиной мелькнула едва различимая тень. Я замер. Дверь

в коридор была открыта, и там, в крохотной прихожей, произошло необъяснимое движение. Снова промелькнула тень. Но на этот раз я увидел глаза. Точнее, их отражение в зеркале. За моей спиной, стараясь остаться незамеченным, некто наблюдал за мной, словно я был зверем, которого надо загнать в ловушку. Чужие зрачки тут же исчезли. Я обернулся. Никого не было. Вышел из ванной в кухню. Стаканов на столе не было. Они оказались на полке, чистые, вымытые. И чайник исчез с плиты, перекочевав на свое место, на низкий столик у посудного шкафа. Ворвался в комнату, увидел, что гранки лежат на письменном столе, книги встали на свое место, кто-то возвратился сюда только затем, чтобы навести в моей квартире порядок. Стоп. А разве могла быть другая причина?

Да, могла. На стаканах остались отпечатки пальцев. Мои гости уничтожили их, вымыв посуду. На целлофановых переплетах книг могли остаться улики. Вот оно что! Стало проясняться... они рассчитывали, что я пойду пешком от дома Чировых на улице Сурикова. Я же проехал остановку на метро. Ну-ка посмотрим, ничего они здесь не забыли, в чужой для них обители, где и развернуться-то негде по-настоящему? Прошел к входной двери и заметил ключ. Да, это так: я запер дверь и оставил его в замочной скважине с внутренней стороны. Иначе быть не могло: давняя привычка. Этого они не учли. Надо было вынуть ключ, тогда я не догадался бы, кто ко мне пожаловал. Вывод следовал неожиданный. Они не открывали мою квартиру, когда вернулись, чтобы замести следы. Они прошли сквозь стену. В самом прямом смысле этого слова. Хотя, разумеется, объяснять это нужно с упоминанием тоннельного эффекта в макросистемах, вероятности перехода, искривления пространства в живых системах и за их пределами и еще чего-то, что я понял давно и так, без всяких прописных сигм и криволинейных интегралов. Когда я летел в сторону восхода солнца, к самому Тихому океану, именно так появилась в салоне моя сестра.

И в самшитовых джунглях я повторил тот же прием, когда выискивал на отвесной каменной стене точку опоры, чтобы броситься вниз, в бутылочно-голубоватую воду. С тех пор так и остался для меня неясным вопрос: доски подо мной провалились сами или кто-то помогал этому?

И все же я ошибался. Потому что пренебрегал принципом Оккама. Увидеть себя со стороны непросто, совсем непросто. Преодолеть глухую стену... Что ж, я допускал

такую возможность, для этого, правда, нужно нечеловеческое усилие. Гораздо проще — выйти из моей квартиры, оставив ключ внутри. Затем повернуть его — бесконтактно, так сказать. Дверь окажется запертой. Точно так же можно вернуться, замести следы и снова исчезнуть. С ключом и замком такие штучки проделать гораздо проще, чем с самим собой.

К чему им мои книги об Атлантиде? Любопытное совпадение. Об атлантах говорила Валерия, один из них ей лично представился... И тут меня словно обожгло. Это мог быть такой же атлант, как я — этруск. Разве нет? Похож внешне, да, это само собой. Но не тянется ли нить из прошлого, из самой Атлантиды? Как тянется явственно до боли такая же нить из Этрурии.

Я вернулся в комнату, погасив в прихожей свет, и мне почудились шорохи, неясные звуки, восклицания. Нет, это скорей всего нервы. Никого там не могло быть. Ко мне явились инопланетяне, но не атланты. Призраки, живые привидения, их главный закон — не оставлять следов, не нарушать обыденного распорядка в нашей жизни, даже, возможно, поддерживать его всеми силами. Так им легче работать, следить за нами и, главное, за нашими контактами с другими инопланетянами, так похожими на нас.

Я бросил рассеянный взгляд на фреску. Этруск на ней кивнул утвердительно головой. Или я так захотел спать?..

А на стене прямо над этрусской фреской горел светлый квадрат. Точно лист бумаги приклеили к обоям. Я сосредоточился и произнес: «Если появление квадрата на стене означает, что мое пожелание будет выполнено, пусть эти люди или призраки больше не переступят порога моего дома».

Угадал ли я? Этого я не знал наверняка. Но что-то подсказало мне: светящийся квадрат — этрусский.

Разговор с атлантологом

В те дни я искал человека, с которым можно было бы продолжить разговор об этрусках и атлантах. Ибо история с контактами вела в Этрурию, к предкам ее первопоселенцев, но те, в свою очередь, были современниками атлантов. Земля заселена; зато в космосе есть звезды и новые, пустынные планеты. В стародавнее вре-

мя корабль унес не только живые клетки людей побережья, но и успел освоить информацию — и она была передана затем потомкам этих людей. С ними, потомками, я уже встречался.

Страна этрусков исчезла — вместо нее ожила целая планета.

Но исчезла и Атлантида. И если неведомые космические корабли оказывают таким образом помощь исчезающим цивилизациям, то они должны были совершить посадку и в районе Атлантики.

...Есть такая редкая специальность — атлантолог. Когда-то в Москве жил профессор Жиров, химик по образованию, который написал об Атлантиде книгу. Мне сказали, что у него был ученик по фамилии Копенкин. Александр Сергеевич Копенкин. Я искал его в Москве, а нашел в Дубне. Оказывается, он физик, Атлантида — его хобби.

— Скажите, гуанчи — потомки атлантов? — огорошил я его вопросом.

— И стоило для этого ехать из Москвы? — улыбнулся он.— Нет, они не имеют к атлантам никакого отношения.

— Я читал об этом во многих книгах.

— Нет,— твердо сказал Копенкин.— Впрочем, что мы сидим взаперти, вечер-то какой!.. Пойдемте-ка, я покажу вам Волгу!

И я пошел с этим невысоким крепышом физиком к песчаным плесам, где среди ольховника отыскался катер. Копенкин завел мотор, и мы пошли сначала вдоль берега, потом нас вынесло на стрежень, и наконец мы оказались в удивительно тихой, ясной заводи и вышли на берег.

— Гуанчи — не атланты! — продолжал прерванный разговор Копенкин.— Среди них были распространены три антропологических типа. Кое-кто готов был действительно отождествлять рослых светловолосых гуанчей острова Гран-Канария с атлантами. Но это не так. Это были потомки финикийцев.

— Финикийцев?.. Но первопоселенцы Финикии — родственники этрусков! — воскликнул я.

— Да. Корабли финикийцев побывали на островах. В этом — разгадка. Разве вы не знаете, что на латиноамериканском побережье найдены финикийские статуэтки и древнеримские монеты?.. Что же говорить о Канарах? Они рядом, под боком у древних мореплавателей. Впрочем, вас интересуют атланты? Так?

— Да... найдены ли какие-нибудь следы Атлантиды?

— Как сказать... для меня доказательств найдено более чем достаточно. Остатки пресноводных растительных и животных форм посреди Атлантики, вулканические породы сухопутного происхождения, извлеченные с глубины в сотни метров, осадки глин и морских взвесей, которые отлагались у больших исчезнувших островов,— тогда Гольфстрим шел не к берегам Скандинавии, а к берегам Атлантиды, затем — в сторону Гибралтара. Он-то и нес эти осадки, они накапливались на том самом месте, где струи замедлялись островами, там как бы образовывалась тень Гольфстрима. Потом случилось вот что. Читаю по памяти. «Пошел огненный дождь из камней, выпал пепел, скалы и деревья повалились на землю, разбивались вдребезги друг о друга... И огромная змея сорвалась с неба, ее кожа и кости упали на землю. Примчались страшные потоки воды. И с огромной змеей небо обрушилось вниз, и земля потонула...»

Это описание из мифа майя довольно точно соответствует столкновению Земли с астероидом: дождь из камней по времени должен опережать водяной вал, ведь волна распространяется медленно в сравнении с выстрелами каменных ядер. Астероид упал в Атлантику, в районе Бермуд. Огромная змея, о которой говорится в мифе,— это, несомненно, столб раскаленных газов, оставшийся на некоторое время в атмосфере. Последовали землетрясения. Возможно, была видна и раскаленная лава, взметнувшаяся вверх. Выбросы пыли и пепла закрыли солнце на сто лет. Так была уничтожена Атлантида. Она перестала загораживать Гольфстриму путь на север. Теплое течение стало обогревать Европу и растопило льды, доходившие до Валдая и среднего течения Одры. Уровень океана поднялся.

С того именно времени в памяти человечества остались мифы о первозданном хаосе, о том, что небо и земля вначале были единым целым, не было солнца, луны и звезд, затем произошло разделение света и мрака, неба и земли.

— Остались Азорские и Канарские острова...

— Атлантида располагалась вблизи Азорских островов. Они были ее частью. Тогда горные вершины их поднимались над уровнем моря на пять и более тысяч метров. Хребты отгораживали Атлантиду от северных ветров.

— Можно ли отождествить с атлантами хоть одну находку?

— Это мадленский алтарь в Испании. Эпоха ранней Атлантиды.

— Что это такое?

— Культовый комплекс, которому более шестнадцати тысяч лет. Представьте площадку и холмик, на вершине которого — песчаниковая плита весом более тонны. Вокруг плиты вертикально стоят камни. В яме сложены наконечники копий, раковины, кости животных, в другой половине ямы найдены швейные иглы. Рядом — каменная скульптура, голова, правая ее половина — лицо человека с усами и бородой, левая — морда хищного зверя. Думаю, сооружение это говорит о том, что колонисты из Атлантиды достигали Европы. Это были охотничьи экспедиции. Испания — классическая страна кроманьонцев.

— Кроманьонцы — это, по-вашему, атланты?

— Да.

— А я в этом не уверен. Существовала еще Восточная Атлантида. Города в Малой Азии строились во времена атлантов.

— Возможно. Но искусство градостроения пришло из Атлантиды! Один из архитекторов глубокой древности сообщает, что Ниневия, столица Ассирии, сооружена по плану, который в давние времена был осуществлен в образе неба. И это общая черта многих городов минувшего. Когда мидийский царь Дейок строил Экбатану, он окружил дворец на холме семью кольцами стен, окрашенных в разные цвета. Латиноамериканские города эпохи инков наводят на мысль о сходстве со столицей Атлантиды. Вспомните Платона: «Стены вокруг наружного земляного кольца они (атланты) по всей окружности покрыли медью, нанося металл в расплавленном виде, стену внутреннего вала покрыли литьем из олова, а стену самого акрополя — орихалком, испускавшим огнистое сияние». В этом описании требует пояснения лишь слово «орихалк». Это сплав, подобный бронзе. Таким образом, устройство города похоже, но вместо стен в Атлантиде использовались для защиты столицы земляные валы.

— Но римлян научили градостроительству этруски.

— В центре этрусского города рылась яма, куда складывались дары урожая. Заметьте — это похоже на мадленский алтарь! Иными словами, налицо влияние атлантов или их предков. У Платона каждое слово — правда.

— Значит, правда и то, что атланты хотели завоевать мир и превратить людей в рабов?

— Но это высшая цивилизация! У них не было рабства.

— Наивно. Платон пишет о рабстве. Главное же в том, что атланты не были высшей цивилизацией.

— Как так?

— Да так. Кто с ними воевал? Кто разбил заокеанское воинство?

— Греки. Точнее, их предки.

— Не совсем так. За две тысячи лет до Парфенона на той же скале возвышался Пеласгикон, крепость праславян-пеласгов. А до них... до них были тысячелетия хеттов и праславян-русов. Они и разбили войско атлантов. От тех и от других море ничего не оставило, к несчастью.

— Ну что ж, военное счастье изменило атлантам.

— Нет. Оно не изменяло им. Просто они встретили силу, равную им. Или превосходящую их, прежде всего духом. Когда-нибудь отыщут города, построенные ранее Чатал-Гююка. Ведь селения и города седьмого тысячелетия до нашей эры — остатки цивилизации, равной Атлантиде. Они случайно возродились после потопа. Главные города народа, одолевшего атлантов, надо искать на дне морском. Но камни фундаментов разметаны волнами, а кирпич-сырец, из которого ставили стены и колонны, давно стал глиной, в которой обитают моллюски.

— Ну, вы, кажется, далеко зашли. Найти цивилизацию, равную Атлантиде... Атланты — непревзойденные мастера. Они знали орихалк, золото, медь, строили каналы, термы, суда. Их водолечебницы на гейзерах были лучше, чем сейчас на Азорах. От них все это и многое другое переняли потом на нашем материке. Так же, как атланты, мы лечимся змеиным и пчелиным ядом, например.

— О нет! До них познали люди тайну витых колонн, хлебопашества, черных зеркал из вулканического стекла, хрупкой и мягкой бронзы, секреты разных деревьев. Этруски знали о биополе растений и использовали его для излечения болезней. Вспомните лакомства из черной муки, терракотовые ванны, тронные и пиршественные залы, об убранстве которых мы можем лишь догадываться, наконец, вспомните крылья пеласга Икара. Вспомните жгучий, яростный зной, который опалил его глазницы. Во имя чего взлетел он? Уж не во имя ли атлантических богов? Нет! Звезды были богами этрусков. В их честь он поднялся вверх, к небосводу. На шее его была раковина на белой шерстяной нитке — дар людей лучезарному солнцу, богу богов. Икар — имя пеласгийское, с тех пор много воды

утекло и глухие звуки стали звучать звонко, а «о» стало самой распространенной буквой алфавита.

— Как вы Атлантиду... право. Это земля богов!

Мне не хотелось спорить.

Над нашей заводью полыхнул закат, и пламя его угасло. Над изломанной линией сосновых вершин встало зеленоватое зарево, и в его прощальном прозрачном свете прорастали яркие звезды. Медленно темнело. Ясный теплый вечер, когда от нагретых солнцем стволов исходит тепло. Вокруг ни души. Черная гладь заводи, всплеск, шуршание тростника. Затаенно-тревожный крик ночной птицы, призрачно-неуловимый шелест кожанов, белый летучий огонь падучих звезд.

— Что это у вас за булавка из кармана торчит? — Копенкин включил фонарь, свет ослепил меня на мгновение, и он успел каким-то чудом разглядеть иглу, которую я всегда носил с собой, приклеив к ней пластиковый шарик и закалывая ею боковой карман пиджака или куртки.

— Так... иголка, на всякий случай,— ответил я, поднимаясь на борт легкого верткого суденышка, которое покачивалось на волне, поджидая своего хозяина и его гостя.

— Талисман? — продолжал допрашивать Копенкин.

— Да, почти.

— Тут ко мне из Москвы один приезжал...— заговорил негромко Копенкин, поднявшись из крохотной каюты с блестевшей в луче канистрой.— Расспрашивал об атлантах, этрусках, а сам знает не меньше моего, пожалуй. Что это — мода такая? Или все, как вы, диссертации на эту тему пишут?

— Не знаю. А как выглядел этот человек?

— Высокий. Шатен. Похож на охотника из Кро-Маньона.

— Похож на кроманьонца? — тихо воскликнул я.

— Или на атланта. Что вас удивляет? Мы все потомки кроманьонцев.

— Но охотник из Кро-Маньона только один... старик с высоким лбом.

— Этот довольно молод. Но похож,— подтвердил Копенкин.— Как странно, что встречаешь вдруг человека, как будто ожившего через пятнадцать тысяч лет после своей смерти. Вы мне тоже кого-то напомнили.

— Этруска на фреске,— сказал я.

— Пожалуй, я ведь интересуюсь древними культурами Средиземноморья... и этрусками тоже.

— Ну да, ведь они унаследовали многое от атлантов. Так выходит, по-вашему.

— Ладно, ладно. Тот кроманьонец не такой задиристый. Разговорились с ним, что говорится, по душам.

— Общность взглядов!

Охотник из Кро-Маньона

Последней электричкой я возвратился в Москву и от Савеловского вокзала шел пешком до Масловки, потом нырнул в ночное такси. Долго не мог уснуть, что-то тревожило меня дома, я сел в кресло, стал искать пятно света, которое ползло по стене несколько дней назад. Его не было. И тогда я понял, что видел нечто подобное на катере Копенкина. Металл канистры засиял как бы сам собой, а потом по дощатому настилу палубы, по каюте пробежал зайчик, который я видел много раз. Так или нет?..

На третий день после моей поездки в Дубну я увидел его на троллейбусной остановке. Он вдруг появился под моими ногами, я замер, и когда подошел троллейбус, я не вспрыгнул на подножку. Что-то остановило меня. Я наблюдал за светлым пятном на асфальте. Оно дрогнуло, двинулось вдоль проезжей части, сначала медленно, потом быстрее... еще быстрее. Остановилось, словно поджидая меня. Я пошел за этим призрачным лучом (хотя, конечно, никакого луча не было — просто светился асфальт, камешки, палочки от эскимо).

Так мы добрались до перекрестка. Я и пятно. Вместе прыгнули через мелкую лужу, оставленную утренним дождем (этот дождь разбудил меня — проснулся я раньше обычного). Оказались у самого светофора, переждали поток машин. Солнечный зайчик приспособился к моему неровному шагу, замирал, дожидаясь меня, когда я отставал от него; он указывал мне путь, как нить одной добросердечной женщины указывала путь герою в лабиринте. Только вот лабиринта не было, вместо него было шоссе в час «пик» и улица, его пересекавшая. Когда светофор зажег зеленый глаз, в голове моей сложились стихи о лабиринте невидимом. Я подумал, что строки о жабрах и клыках, цедящих воду, быть может, тоже сочинил я, а во время полета над морем в памятный для меня день кто-то прочел их вслух — и только.

Я перешел улицу с этой мыслью, светлое пятно остановилось, я тоже. Вот оно ни с того ни с сего отпрянуло

назад. Я обернулся, провожая его взглядом, и тут же тепло ударило в виски, вслед за кремовым «Жигуленком» я метнулся так стремительно, как умею это делать. И успел рассмотреть рядом с водителем Валерию Чирову, волну знакомых волос, закрывших воротник кожаной куртки, накинутой поверх вишневого батника. По странной, молчаливой указке моего спутника и гида, светового пятна, я разглядел и владельца машины. Это был аспирант Борис собственной персоной.

Больше всего удивило меня сходство его с кроманьонцем-охотником. Раньше это не бросалось в глаза... Высокий лоб, грива каштановых волос, пристальный взгляд первобытного следопыта, случайно оказавшегося за рулем современного автомобиля, резкий профиль, выдающийся вперед подбородок. Готов допустить, что это подсказка. Ведь световой зайчик прыгнул в кабину, пробежал по плечу Бориса, по его лицу. Борис прикрыл глаза, так ярок был свет. А я отстал от его машины, вернулся к перекрестку. Путеводный луч пропал.

Может быть, Копенкин прав насчет атланта или кроманьонца? Борис атлант? Вопрос теперь не казался нелепым.

* * *

Валерия, как большой ребенок, изучала людей, присматривалась к ним. Отчасти они были для нее просто игрушками. Так я размышлял, когда в один прекрасный осенний день сел на электричку и поехал в Малиновку, на дачу профессора. Когда поезд тронулся от Нахабина, погода испортилась, пошел дождь, оставлявший на окнах поезда струйки холодной воды. Все смешалось за окном в пляшущую мутно-белую массу, день был слеп; у меня болела голова, чувствовал я себя скверно... Вагон качало, стучали колеса на стыках рельсов, от всего этого не было спасения, но, главное, не было спасения от собственных мыслей, которые съедали настроение, как ржавчина съедает металл. Прошло еще десять минут, я поднялся, вышел из вагона. Спустился с платформы, перешел железнодорожное полотно, направился к дачному поселку. Дождь усиливал ощущение чего-то липкого, прохладного, окутавшего меня. Это материализовались предчувствия, сострил я. Ноги мои стали мокрыми, пока я шел по грунтовой дороге.

И вот я у дома Чирова. У изгороди — машина, кремовый «Жигуленок». Вот оно что... Осторожно вхожу в

дом, направляюсь к двери большой комнаты, которая служит Чирову кабинетом.

Дверь приоткрыта. Я остановился подле. Бревенчатая стена с офортами, деревянный письменный стол, за которым мне доводилось работать этой осенью, на столе — бокал зеленого стекла, гранат с вырезанной четвертушкой, лимон на блюдце, нож. На столе же, рядом с блюдечком,— ступня в черном, маленькая по сравнению с голенью в алой гетре. Вторая нога Валерии тоже на столе. Ноги едва заметно двигались по дереву, видимо, Валерия покачивалась в кресле.

В следующий момент я увидел ее выходящей на кухню. Инстинктивно прижался к вешалке с верхней одеждой, нырнул под занавеску. Валерия проплыла мимо, не заметив меня. Была она похожа на огромный фарфоровый кувшин, на ней были знакомые мне туфли на платформе, светлая косынка, стягивавшая грудь и плечи, светлые брюки до колен. На кухне едва слышно щелкнула ручка газовой плиты. Валерия опять проплыла мимо меня, держа в руке медную кофеварку. Если бы она увидела меня — все было бы проще.

Дверь за собой она захлопнула, но я все же услышал мужской голос:

— Женщина на фото очень мила. Если бы ее и тебя видели сейчас... то все в один голос сказали бы все же, что твой писатель потерял намного больше, чем приобрел.

Я вспыхнул. Это было обо мне. И о Жене.

— Перестань,— сказала она.

Многое прояснилось: он сфотографировал меня тогда на юге с Женей и сейчас ловко предъявил это фото как доказательство моего легкомыслия.

* * *

А дома, словно в утешение мне, под этрусской фреской как будто белый лист приклеился к стене. Световой зайчик дрогнул. Быстро перебежал он по стене к моему столу, за которым я сидел, подперев голову руками. Свет приобрел лимонно-зеленый оттенок.

Что-то изменилось вокруг меня. Ожил письменный стол, едва слышно зашуршали бумаги, точно дыхание ветра пришло в комнату, и я, оторвавшись от работы, наблюдал.

В зеленоватом квадрате, как в кадре, стали проявляться контуры изображения. Я понимал, что происходит, но

не мог сбросить оцепенения. Это было похоже на гипноз, на внушение, но действовало это так, как будто я сам вдруг перенесся вслед за зеленым глазом, манившим в морскую даль. Вот я рассмотрел жемчужно-серебристый шар, всплывший над иссиня-серыми волнами. Минута — и он у галечной гряды, где пенится вода. Запах йода от гниющих водорослей проник в мою комнату, и вдруг стал слышен шорох струй, омывавших камни и пряди горькой морской травы. Я сам был там, у самого уреза воды, со мной рядом шла незнакомка из камеры хранения, я видел каблуки ее туфель, расписанные золотыми волнистыми линиями.

Так мы шли с ней бок о бок и разговаривали. Магический глаз с непостижимой точностью восстанавливал то, что я забыл. С обворожительной грацией она перешагивала через мокрые валуны, загородившие нам дорогу. Над нами шумели сосны, цеплявшиеся седыми корнями за откос. Потом промелькнула знакомая электричка. Ее гудок заставил меня вздрогнуть — такова была сила иллюзии.

Снова берег. Но теперь я вижу Велию. Правда, я звал ее другим именем — Женя. Рука ее покоится на моем плече. Море волнуется у наших ног, мы садимся на вылизанный водой и высушенный солнцем ствол упавшего дерева. Рядом зазвучал ее голос.

Увидел я и сцену прощания. Женя уходила от меня, и далеко-далеко, за белыми гребешками волн, покачивался белый, почти невидимый шар. Он был дымчато-прозрачен, скрыт от посторонних глаз низким облачком дыма, как бы случайно севшим на воду. Женя шла к нему, последние метры — по воде. Море держало ее. Вокруг было пусто, стояла такая тишина, что я слышал, как хлопала крыльями бабочка. Она осторожно ступала по гребешкам волн, точно это было застывшее стекло. Ей навстречу распахнулась матовая дверца шара.

Оружие Джинса.
Атланты против этрусков

Рано утром звонок у входной двери разбудил меня. Вышел, открыл дверь — никого! И тут же у ног увидел конверт.

Я положил конверт на стол, поставил кофе, несколько раз рука моя как бы сама собой тянулась к белому

прямоугольнику письма, но я медлил. Обратного адреса на нем не значилось, и я пытался угадать, от кого весточка. От сестры! Я вскрыл конверт и не удивился — письмо действительно было от сестры. Вот оно:

«Не могу поступить иначе. Несколько минут, проведенных вместе, теперь так же отчетливо видны, как пестрые каменья на дне горного ручья. К человеку вдруг приходит убеждение, что никто не в силах его заменить. Так случилось и со мной. Скоро мы увидимся. Нужно о многом поговорить. Все, что происходит вокруг тебя, требует осторожности. Как жаль, что я так мало знала об этом раньше!»

В том, что она готова была к тому, что письмо ее будет перехвачено, сомневаться не приходилось. Иначе я обнаружил бы его в почтовом ящике.

Волшебный вечер! Как нужен человеку дом, комната с любимыми гравюрами и фресками, хорошим радиоприемником, настольной лампой, в свете которой видны серебряные пузырьки в стакане с лимонадом. За окном шуршат желтые листья на черных ветвях...

Больше трех лет прошло! Сестра моя сидела напротив в старом кожаном кресле; чуть ниже плеча ее белел цветок мальвы.

— Ты? Это ты! — воскликнул я.

— Я. Три года назад я не могла представить, что буду твоей гостьей.— Она едва заметно кивнула, улыбнулась при слове «гостья», окинула взглядом фрески.

— Спасибо, что пришла, сестра. Много раз я наблюдал легкое и тонкое, как лист, солнечное пятно. Оно появлялось на улице, на асфальте; его контуры я различал дома на стене. И только недавно, совсем недавно я понял, что это тоже ты... что это весть от тебя.

— От нас! — воскликнула она.

— Светлый квадрат — окошко, и выходит оно и на вашу и на нашу сторону, разве не так?

— Ты прав. Мы не могли тебя оставить наедине с ними...

— С ними?.. Вы знаете об их существовании?

— Теперь — да. Они хотели лишить тебя памяти.

— Я не забыл об этом. Они охотились на меня в ущелье. Вы знаете об этом, не так ли?

— Если говорить честно, я и теперь сомневаюсь в том, что обвал в ущелье устроили они.

— Когда-нибудь я докажу, что это так.

— Ты еще мало знаешь о них, брат...

— Это атланты.

— Да, это атланты,— тихо, как эхо, откликнулась она и вдруг словно спохватилась: — Но разве кто-нибудь из наших тебе об этом говорил?

— Нет. А если бы мне об этом сказали, я не поверил бы. Раньше, по крайней мере, я счел бы это выдумкой.

— Мы тогда в этом не были уверены. Впервые мы столкнулись на Земле с посторонней силой. Но было бы безумием объявить об этом во всеуслышание. Если ты пришел к мысли об этом самостоятельно, то потому только, что ты один из нас.

— Нет, сестра. Я прежде всего человек, рожденный здесь. И я не беззащитен.

— Прости, брат. Я не хотела тебя обидеть. Мы ведь тоже рождены здесь, и мы сами рассказали тебе об этом, когда вручили этрусские таблички, одну из наших реликвий. Верь, мы не были их врагами. Простая случайность столкнула нас здесь, у вас...

— Они ищут здесь то же, что и вы. Это их родина.

— Нет. Они хотят гораздо большего. Недавно мы узнали, что они используют контакты в своих целях.

Сестра умолкла. Губы ее сжались, как будто она решилась на что-то весьма важное для себя и для меня. Я притронулся к ее руке, сказал:

— Знаю. Не убеждай меня. В личине людей они мешают нам, сеют вражду и недоверие. Я подозревал Велию... стыдно признаться в этом...

— Светящийся корабль опустился в Атлантиде за день до ее гибели. Он перенес клетки живших там на пустынную, но теплую планету. И она стала Новой Атлантидой.

— А ваша планета — Новой Этрурией?

— Да. Были заселены две планеты, удаленные друг от друга. И посланцы их встретились здесь, на Земле.

— Встреча была неожиданной?

— По правде сказать — да! У них все по-другому. В этой второй Атлантиде все еще ставят под златоверхими крышами храмов бронзоволиких идолов, олицетворяющих силу и власть.

— В Новой Этрурии все по-другому?

— Конечно.

— Незаметно, подспудно они изучают ваши и наши слабости, проникают всюду, куда только дотягиваются их руки,— и тогда в цепи обыденных событий появляет-

ся звено, которое подготовили они, атланты, и которое означает удар в спину, провал, предательство. И все это делается нашими же руками.

— Знаю, брат. Они маги и кудесники. Даже тогда, в незапамятные времена, атланты успели провозгласить себя богами и царями. И на новой планете они начали много раньше нас. Теперь мы сравнялись, и они это знают.

— Когда-то этруски встретили их у ворот своих городов. Наверное, твоя незримая помощь дала мне возможность разобраться и в этом.

— Ты проницателен... Сто девять их кораблей пристали к нашим берегам. Битва произошла в Сангарской долине. Против трех тысяч атлантов вышли две тысячи этрусских бойцов, которым досталась победа. В те времена прародина этрусков была так же сильна, как и Атлантида. После битвы произошла катастрофа: астероид врезался в Атлантический океан, пробил относительно тонкую океаническую кору, вызвал извержения, наводнения, гибель островов, многолетний мрак над Землей из-за выброшенного пепла, пыли, водяного пара, поднявшегося в атмосферу. Много позже возникли новые города.

Я подумал и сказал:

— Ты сможешь показать мне битву, которая произошла десять тысяч лет назад?

— Да.— Сестра проворным, почти незаметным движением прикоснулась пальцами правой руки к левой, и на тонком запястье ее серебром блеснул квадратный циферблат и зажегся яркий зеленый огонь.

Я увидел, как искрился огромный зеленый камень, семигранный, ослепительно яркий. Это был гранат. Она сказала:

— Смотри!

И в следующую минуту как будто желто-зеленый лист разгладили на стене комнаты прямо передо мной.

Квадрат на стене стал ярче. По нему побежали размытые зеленые полосы, и когда они растаяли, я широко раскрытыми глазами поймал отблески света на перекатах необыкновенной реки, делившей пополам голубую долину. Над ней алело теплое солнце. В трепетавших от движения птиц ветвях раздалась трель, звучавшая как песня. Сверкали птичьи крылья, и в желтом клюве одной из птиц я рассмотрел соломину, предназначавшуюся для гнезда. По стволу дерева, похожего на черный вяз, лез вверх леопард, грациозный пятнистый зверь с янтарными глазами.

В долине появились люди. Я увидел в их руках копья, луки, коричневые змеи пращей, в левой руке у каждого был щит. Присмотревшись, я догадался, что щиты были из козьих шкур, натянутых на деревянные рамы. Тревожно звучал деревянный рожок. Навстречу живой волне воинов двигалась другая — они сошлись, и боевые крики смешались со стонами раненых, а сухой треск ломавшихся копий усиливался эхом. Меня точно приподняло над полем брани, я парил над ним, удерживаемый непонятной силой. Искривленные прямоугольники ратей с высоты птичьего полета казались малоподвижными, почти застывшими на месте. Наконец голубая дымка затянула вид на поле боя, на долину. На полминуты я оказался среди рослых, золотоволосых бойцов, слышал боевые возгласы. В моих руках были алый щит и меч. Нас вела Афина Паллада. Потом видение исчезло.

— Это все, что мы знаем,— откликнулась сестра на мой невысказанный вопрос.— Теперь атланты ищут здесь следы былого... как мы. Шестерку золотых коней, украшавших главный храм Атлантиды, камни, покрытые орихалком, серебряные перья, украшавшие короны их царей... Они берут это с морского дна... насовсем, понимаешь? Они не признают дубликатов. Попутно они похищают памятники культуры других народов и стран.

— Как? Они лишают Землю ее истории? Ее памятников?

— Да. И мы должны оказать им сопротивление.

— Это же чудовищно — красть у людей их прошлое! Если мы не найдем следы Атлантиды здесь, на Земле, то отправимся туда, к планете атлантов, и тогда... ты даже не представляешь, что тогда произойдет!

— Не надо об этом. Мы тоже не безоружны.

— Но пока они похитили таблички у Чирова! И сделал это, по всей видимости, аспирант, похожий на охотника из Кро-Маньона. К тому же он подделал отпечатки пальцев.

— Я это знаю.

Сестра с улыбкой наблюдала за мной, она провела рукой по моему плечу, и я как-то остыл. Снова слушал ее и верил ей.

— Камера хранения, конечно, построена до нас. Мы лишь установили там репликатор, дублировавший, как бы это сказать... предметы быта. Камера хранения как объект была утеряна для нас. Незнакомка, которую ты видел, оказалась не на высоте. Я говорю не о кофточке

и не о чемодане. Правое могло стать левым. Но, во-первых, иногда выход репликатора по ошибке соединялся с окошком — и тогда отдыхающие получали вместо вещей копии, дубликаты, а подлинные предметы быта отправлялись к нам. Это совершенно недопустимо. Во-вторых, едва успев узнать в тебе потомка этрусков — об этом не могли не быть оповещены наши люди,— она поставила себя и тебя под удар. После той ночи и того памятного дня, когда вы бродили с ней по океану на светящемся шаре, участь твоя была бы решена... Атланты не хотели, боялись наших контактов с тобой. Да, контакты запрещены. Это было бы безумием — апеллировать к людям. Но ты... не было, поверь, и нет ни у одного межпланетного совета или координационного центра ответа на вопрос, касавшийся тебя лично. Ты прямой потомок этрусков, никто не смел лишать тебя права узнать правду.

Незнакомка из камеры действовала на свой страх и риск, она воспользовалась замешательством, которое ты внес самим своим присутствием вблизи наших объектов. Но ты нарушал равновесие сил, с точки зрения атлантов. Ты мог по своей воле обратиться к своим друзьям, к людям, и тогда миссия атлантов получила бы огласку. Это уже поражение. Мгновенно оценив обстановку, незнакомка спохватилась. Она пыталась защитить тебя. Было несколько случаев, когда беззвучное, практически невидимое оружие атлантов было применено на этом участке побережья. Мы не были уверены только в том, что это именно они. Несколько наших пострадало. Полная потеря памяти... Тогда мы думали, что это всего-навсего ответ на наши контакты с тобой, хотя и случайные. Можно было даже предположить, что это вмешивался межпланетный контроль, оставивший на Земле микрокиборгов для этой цели. Началась новая полоса, когда каждый твой шаг мог стать последним. Это странная борьба... Ты можешь безопасно пройти по гребню скалы и вдруг исчезнуть в море во время купания, в штиль. Таковы законы этой борьбы, которая при всех условиях — исключений нет — должна остаться незаметной со стороны. Мы называем ее войной нервов. Но за ней стоит необычная техника. В подземельях Венеры спрятаны генераторы излучений, дают же они в конце концов безобидный с виду эффект — искажают цепочку причинно-следственных связей и событий на Земле. Следствия перестают соответствовать причинам, поле событий размывается, появляются так называемые тени. Это тени событий.

Ты можешь случайно угодить в такую тень — и исчезнуть. Даже атланты не знают наверняка, что случится завтра. Они не могут, как ни странно, предвидеть достоверный результат применения этого оружия. В противном случае налицо было бы нарушение законов природы. Но искривление пространства не фикция. Невидимые, неощутимые воздействия подменяют событие искусственным набором, который состоит из самого события и двух-трех теней. Допустим, ты должен перейти вброд речку Кудепста. Ты любишь купаться после моря в пресной воде. Речка неглубокая, кое-где по колено или чуть глубже, и течение не может сбить тебя с ног. Тогда образ этой южной речки в живописной долине записывается в матрицу, соединенную с генераторами высокой энергии. В ту минуту, когда ты идешь по колено в воде, сразу два камня выскальзывают из-под твоих ног. А впереди — метровая глыба, подстерегающая тебя. Вскрик — и с тобой покончено. Но если ты чудом избежал беды на этот раз, в верховьях речки сгущается стремительно черная туча, и внезапный неотвратимый вал воды и песка накрывает тебя, а газеты потом пишут о небывалом селевом потоке.

Она умолкла, пальцы ее застыли на желтом стекле бокала с лимонадом. А может быть, она слушала пленительнейший из романсов — «Бахчисарайский фонтан» Власова.

— Я хотел спросить... об оружии.

— Тебя интересует оружие атлантов?

— Вот именно. Что это такое?

— Ты слышал о чуде Джинса?

— Не помню... кажется, да.

— Если вода в чайнике, который поставлен на огонь, замерзнет, вместо того чтобы закипеть, тогда и произойдет это самое чудо Джинса. Молекулы воды отдадут свою энергию огню, не наоборот. Или камень зависнет в воздухе и будет висеть так, потом упадет, увлекая лавину. Это может произойти само собой, но вероятность так мала, что нужно ждать конца света. Образно говоря.

— Они умеют это делать?

— Да.

— И вы... знаете, как это можно объяснить?

— Не только.— Улыбка засветилась в ее глазах и угасла, но остался — на одно лишь мгновение — след этой неуловимой улыбки, потом глаза стали серьезными, строгими.— Мы умеем это делать. Нужна энергия, воздействие на атомы вещества на расстоянии. Без этого мы не смогли

бы летать в наших кораблях. Околосветовые скорости сами по себе не страшны человеку, страшны ускорения. Даже в скоростном самолете пилот может потерять сознание. Почему? Да потому, что ускорение вдавливает его в спинку кресла, расплющивает его тело. Ускоряется самолет, затем кресло, затем — человек. Эта цепочка может вызвать гибель экипажа. Вот если бы все клетки и атомы человеческого тела ускорялись одновременно с самолетом или ракетой!.. Если бы ускорение действовало на все тело равномерно, и одновременно — на каждую клетку и молекулу внутри клетки! Тогда любые ускорения неопасны. И достижима любая скорость. Но это как раз чудо Джинса! Оно работает в наших кораблях. Оно помогает нам в полетах.

— Только в полетах?

— Видишь ли, теперь мы вынуждены использовать наши источники энергии и для того, чтобы сводить на нет действия атлантов... может быть, следует выразиться точнее, но ты понимаешь, о чем идет речь?

— Догадываюсь.

— Атланты знали, что незнакомка из камеры хранения сделала ошибку, посвятив тебя, причастив к нашему знанию. Ошибка неповторима... Оставалось разрядить твою память, освободить ее от воспоминаний о летающем шаре, о ней, о нас. Тогда мы не решились бы подставить тебя под удар и не рассказали бы тебе снова все, что ты слышал и знаешь. На это они рассчитывали. Хорошо это или плохо обернется для тебя, пока неизвестно. Но мы сделаем все, чтобы постоянно знать о тебе, слышать тебя и видеть. Ты волен сам решать: так или иначе...

— Так. Только так. Почему вы подарили... таблички с этрусскими письменами? Проще было бы рассказать мне это.

— Да. Проще. Только тебе лучше дойти до всего самому, ты же знаешь.

— Допустим...

— Убедить тебя в том, что Велия сказала правду, было бы гораздо сложнее. Особенно после происшествия в ущелье. Ты готов был тогда заподозрить и ее.

— Инцидент давно исчерпан. Любопытная деталь... Я вот о чем. Пять или шесть тысяч лет назад у этрусков или их предков не было алфавита. Они переняли его от греков. По крайней мере, так считают ученые.

— Это ошибочное мнение. Алфавит создан в Малой Азии и оттуда пришел в Европу. На Крите было слоговое

письмо, его можно найти на фестском диске. Затем был алфавит этрусков и финикийцев-пеласгов, его переняли греки. Было и фракийское письмо.

— И все же на табличках было позднее этрусское письмо, бессмысленно убеждать меня в противном. Проблемами слогового письма занимался Чиров, он знает в этом толк.

— Ну что из этого... таблички-сувенир. Все.

— Сувенир для меня, так?

— Не только, если уж говорить искренне. Нам нужно было узнать, кого он заинтересует.

— Вокруг меня происходят события, о которых я не имею ни малейшего представления...

— Это не так.

— Но я действительно ничего не знаю о них. Что, кроме ваших благих намерений, можно противопоставить культуртрегерам наоборот?

— А случайные встречи, вообще всякого рода случайности?.. Разве это так уж мало?

— Вы... действуете. И я ничего об этом не знаю. И не в моих силах отличить простые случайности от других...

— Но ты живешь в век кибернетики, брат мой. Как же ты не знаешь простой вещи: слаб человеческий ум и не способен охватить всего, особенно когда речь идет о судьбе цивилизации. Ноша всезнания не по силам одному человеку. Когда ты читаешь в газете о похищении панно с изображением богини Леды из кипрского музея — разве ты не в силах связать это с тем, что ты узнал об атлантах? Когда у острова Маврикий разыгрываются подводные баталии аквалангистов из-за сокровищ на затонувших судах, ты ведь знаешь, кто на этом греет руки?

— Да... Расскажи о тех, древних, кораблях.

— Галактика просторна. Вовсе не надо покидать ее для того, чтобы найти места, пригодные для жизни. Им несть числа.

— Кто же, сестра, создал корабли?

— Ответ напоминает шутливую сказку без конца. Ведь возраст Галактики более десяти миллиардов лет. А Солнце и планеты вдвое моложе. Значит, есть два поколения звезд — старшее и младшее. Все мы — обитатели младшего поколения. Думаю, это не требует пояснений.

— Знаю,— сказал я.— Но где они, эти представители старшего поколения?

— Их нет.— Сестра нахмурилась.— Но это вовсе не означает, что они не существуют.

— То есть?

— Если нужны пояснения, я готова их дать.— Ее глаза сузились, стали почти непроницаемы.— Мы не обнаружили присутствия в Галактике людей старшего поколения. Но мы уверены, что оно было и есть. Почему? Да потому что автоматические корабли приземлились тогда в Атлантиде и чуть позже — на родине этрусков.

— Ты не ответила,— мягко сказал я и прикоснулся к ее руке.— Где сейчас старшее поколение?

Взгляд ее был теплым, глубоким, но в нем была и тревога, которую от меня скрыть не удалось. Не удалось... Что за старшее поколение? Не выдумка ли это?

— Мы думаем, что они удалились, оставили Галактику,— наконец сказала она.

— Подарили нам звезды, оставили спасательные корабли, так?

— Но ведь и нам когда-нибудь откроются возможности... целые миры звездных островов будут ждать нас. И мы поможем другим.

Что я мог возразить? Космос действительно бесконечен, только человек в это никогда по-настоящему не верил.

— Найдется апельсин? — Сестра уже держалась за дверную ручку, и вопрос застал меня врасплох.

Я пошел на кухню, открыл холодильник, выдвинул ящик для фруктов. На дне его я обнаружил один-единственный апельсин и был этим обескуражен. Я с виноватой улыбкой протянул его сестре: апельсин был невзрачный, зеленый, с жухлой кожицей. Она молча взяла его и пока спускалась по лестнице, кажется, пыталась очистить. Я поддерживал ее под руку, рванулся было за ножом.

— Нет, нет! — воскликнула она.— Не надо!

Мы вышли из подъезда. Тень метнулась в сторону от нас, постукивая палкой об асфальт. Я присмотрелся. Впереди быстро, споро ковылял хромой, и луна освещала его сугорбую сильную фигуру.

— Все,— тихо сказала сестра.— Ты возвращаешься домой. Скоро ты поедешь во Владивосток.

— Во Владивосток? — переспросил я.— Наверное, в город детства?

— Нет, во Владивосток. Иди, иди!

Я сделал вид, что послушался ее. Вошел в подъезд.

Но видел улицу. Только она миновала угол дома, хромой выпрямился, отбросил палку и быстро двинул за ней следом. Я выскочил из подъезда. Но в следующий миг этот рослый, сильный мужчина беззвучно растянулся на тротуаре. Из-под ног его выскользнула апельсиновая кожура. Чертыхаясь, он поднялся, к нему подскочили еще двое. Сестры и след простыл. Я вернулся домой, невольно подумал, что это и есть оружие Джинса в действии. Может быть, нужна была энергия целой планеты — в нашем представлении,— чтобы горбач смог так удачно выследить сестру и начать погоню. Но энергия другой планеты, овеществленная лишь в предвидении и той точности, с какой апельсиновая корка попала ему под ноги, воспрепятствовала успеху этой погони.

Часть третья

Молот гнева

Во Владивосток, как сказано

Встреча с сестрой приснилась. Так мне казалось...

Вечером следующего дня позвонил Валерии. Долго не отвечали, наконец услышал ее голос.

— Нужно поговорить.

— Говори.

— Валерия, я не могу сказать всего по телефону.

— Но я рано утром уезжаю.

— Куда?

— В Прибалтику.

— Надолго?

— Да. На месяц.

— А как же дипломный проект?

— Он почти готов.

— Я хотел предупредить тебя... рассказать.

— Не надо. Не маленькая.— Она бросила трубку.

Пожалуй, это она может предупредить меня и многое рассказать мне, со злостью подумал я, вышел на улицу, быстрым шагом направился к парку, блуждал в темноте по влажным скользким тропинкам, пока не устал от ходьбы.

Неделю просидел в библиотеке и среди книг запасника нашел, между прочим, репродукции бронзовых этрусских зеркал. Фигура человека на двух из них, процарапанная резцом, навела на мысль о том, что рисунки могли перерисовываться — кочевать с одного зеркала на другое. Стал читать надписи — и они тоже были одинаковы на некоторых зеркалах. Одинаковыми, да не совсем: одно и то же слово могло читаться слева направо и справа налево, сверху вниз и снизу вверх. И тогда я по-

нял — этрусские мастера пользовались иногда готовым зеркалом как эталоном. Они помещали его вертикально, а рядом, под ним, клали на стол заготовку будущего зеркала и обводили буквы и линии отражения. Так появлялись зеркально отраженные надписи и фигуры сюжетов, такова разгадка секрета этрусских зеркал.

Из окна я видел залитые светом стены домов, к вечеру ездил купаться в Покровское-Стрешнево.

На восьмой день последовало удивительное предложение. Около девяти утра, когда я собрался ехать в библиотеку, позвонил знакомый журналист и сказал, что общество книголюбов может послать меня в командировку во Владивосток.

— Когда выезжать? — спросил я.

— Два дня на сборы. Договорились?

— Согласен. Летим вместе?

— Нет. Не могу. Ты летишь вместо меня. Жду.— И он повесил трубку.

Через час мы сидели в его кабинете. Я получил командировочное удостоверение и подумал: «Во Владивосток, как сказано...» Кто откажется от поездки к сорок третьему градусу широты, на море, когда вот-вот стрелка барометра дрогнет раз-другой и поползет к отметке «осадки», а календарь напомнит о том, что бабье лето давно кончилось? Во Владивостоке же в сентябре по-летнему тепло.

Едва забрезжил рассвет, я пешком добрался до аэровокзала, сел в такси, и через полчаса последние многоэтажные дома остались позади, и лента шоссе то взбегала на пологие холмы, то опускала машину в широкие лощины. Добрались до Домодедова... Полет над Уралом, Сибирью, над протоками Амура, омывающими просторы тайги. Поворот на юг — внизу дальневосточные сопки, голубовато-серые в лунном свете. Три часа ночи. Приземляемся. Необыкновенно прохладно для сентября: двенадцать градусов. Таксист-дальневосточник гонит машину по полуострову Муравьева-Амурского так, что скрипят тормоза на поворотах. Спрашивает, куда везти. Я не знаю. За два дня до отъезда я дал телеграмму в городское общество книголюбов. Какую же гостиницу о́ни заказали для меня? Едем наугад в гостиницу «Владивосток». Долго стою у стеклянной двери: ночь, не пускают. Наконец проникаю в холл. Угадал. Номер заказан именно здесь. Пятиминутный душ, потом одеваюсь, хочу прогуляться по ночному городу. Дежурная по этажу против моей затеи. Едва не вспылил.

Вспомнил сестру, ее слова — успокоился, вернулся в номер.

В полдень просыпаюсь, умываюсь, хочу познакомиться с дежурной, хотя бы взглянуть на нее: в ночном разговоре мне почудились знакомые нотки инопланетного вмешательства, ненавязчивого, почти незаметного.

Ее нет. Она сменилась утром. Вместо нее — восемнадцатилетняя Олечка. Спрашиваю, как зовут ночную дежурную. Не знает, начинает прикидывать, кто был на этаже до нее. Я улыбаюсь, Олечка тоже.

— Плохая память,— говорит она.— Не помню, Валентина Ильинична или, может быть, Нина...

Я красочно описываю портрет женщины, предупредившей меня о небезопасности ночной вылазки в одиночку. Олечка кивает головой и называет еще два имени. К этому нечего добавить. Спускаюсь на лифте в нижний холл. В кафе беру кальмары с майонезом, кофе, булку. За соседним столиком говорят о ночном происшествии. Грузовик сбил человека, мужчину средних лет в темно-сером костюме, свитере — и далее следует описание моей внешности. Искоса наблюдаю за рассказчиком. Он меня не замечает и не подозревает, как важно для меня это печальное известие. Необходима осторожность. Но я знаю: меня вовремя успевают предупредить, нужно лишь не пропустить это предупреждение мимо ушей. Думаю о пострадавшем. Нужно бы навестить его, съездить в клинику. Или, возможно, этого делать как раз не надо. Нерешительно встаю из-за столика, сбегаю вниз по лестнице, перехожу улицу. С кручи ведут к берегу двести ступенек. Спускаюсь к пляжу водной станции флота. Еще чувствуется прохладное дыхание ветра, но солнце греет так, что вмиг становится жарко. Вокруг деревянные лежаки на колесиках — особенность местного пляжа. Они расставлены на асфальте правильными рядами. Есть свободные: не все командированные в город пожаловали сегодня на пляж, кое-кого, естественно, задержали дела.

Снова поднимаюсь к гостинице, захожу в номер, переодеваюсь, в одной рубашке с сумкой через плечо появляюсь на пляже. Три свободных лежака. Греюсь на среднем. Справа и слева кто-то занимает лежаки. В голове — теплое молоко, я еще лечу над сибирскими просторами, никак не удается справиться с разницей во времени. И только когда я в третий раз проделал мысленно мое воздушное путешествие — в голове прояснилось, дремота покинула меня. Кто рядом со мной? Справа — де-

вушка с яркими губами, наманикюренными пальцами, черноволосая, в ярком купальнике. Слева — мужчина в спортивном костюме, читает газету.

Жарко. Асфальт нагрелся, нагрелось дерево добротных лежаков. Амурский залив сверкает от солнца, розовеют лепестки вышки для ныряния. Настоящее дальневосточное лето. Бегу к вышке по лодочному причалу, взбираюсь по лесенке, прыгаю вниз, вхожу в плотную воду, светящуюся в глубине зеленоватым светом.

Касаюсь руками дна. Коричневые голыши, кое-где обросшие мхом, мелкими мидиями, коричневыми нитками водорослей. Существо с черными трехсантиметровыми колючками, едва заметно ползущее меж камней,— морской еж. Подхватываю его рукой, плыву к берегу. На теплом асфальте еж медленно перебирает ногами-колючками и направляется к морю. Я за него спокоен: доползет.

Асфальт причала обрывается, под ним сваи, уходящие в темно-прозрачную воду. Кажется, можно нырнуть прямо с причала. Здорово — не нужно лезть на вышку с ее раскрытыми лепестками! Верхний слой воды нагрет почти до двадцати двух градусов, ниже вода заметно холоднее. Двухсотметровый заплыв — и я возвращаюсь на свой лежак, спрашиваю у соседа:

— Отливы здесь бывают или нет?

— Нет ни отливов, ни приливов,— отвечает он, откладывая газету.

Долгий час тепла и полудремы. Снова бегу к воде, ныряю с кромки асфальта, касаюсь дна, камней, судорожно отталкиваю дно, царапая ладони до крови, сдерживаю движение тела. Поздно, поздно. Вынырнув на поверхность, обнаруживаю мутную струю крови. Резкая боль пугает меня. На животе две глубокие борозды багрового цвета. Еще немного — и я остался бы на дне. Отливы здесь почти незаметны, но забывать о них нельзя. А ведь мне пора это знать, пора...

Медленно иду на свое место, сажусь, закрывая руками глубокие кровоточащие царапины. Могло быть гораздо хуже. Соседа моего и след простыл.

Сочувственное лицо девушки привлекает мое внимание. Можно ли ей доверять? Ответ приходит как бы со стороны. Да, она не имеет отношения к инопланетным рейдам. С ее помощью я привожу себя в порядок. Немного йода и пластыря — и я снова подставляю солнцу бока и спину. Сегодня меня едва не подвела любовь к морю. Возможно, именно этим кто-то хотел воспользоваться.

Нет, нет, пора выбросить из головы хотя бы на время эту убийственную теорию неслучайных совпадений! Иначе трудно жить. Есть, есть еще на свете просто случайности, и это отрадно.

Так, без обеда, я провалялся до семи вечера. Потом оделся, взобрался по ступеням на скалистый горб, где красуется гостиница. Раньше на месте водной станции было море. Берег, как сказала девушка, взорвали, выровняли, получился пляж и лодочные причалы.

Знобило, я зашел в аптеку, купил аскорбиновой кислоты. Утром вышел погреться на солнышке. Еще два дня — и я пришел в себя.

Дважды в день встречался с читателями в библиотеке на Океанском проспекте. И вот день последний.

...Сел на трамвай, поехал к Дальзаводу, где мне предстояло сделать очерк. Но едва я появился там, как меня пригласили в заводскую библиотеку для беседы с инженерами и судоремонтниками. Был как раз обеденный перерыв, и я полчаса отвечал на вопросы. В том числе, как всегда, и на вопросы об Атлантиде.

Я уже надеялся, что скоро смогу перебраться на север, в город моего детства, где стоит еще на берегу темно-синей бухты дом моего отца. Случилось непредвиденное.

После обеда спустился вниз, к прибрежному бульвару, где за черными вязами открывалась гавань Золотой Рог. Постоял у вокзала местных морских линий, прикидывая, не отправиться ли мне в мое детство на быстроходной «Ракете» — с последующей пересадкой на «Метеор». И в эту минуту по какому-то наитию прислушался к отрывочным фразам на английском. Осторожно повернув голову, увидел двоих. Один из них, пожилой, коренастый, обвел рукой пространство перед собой, словно объясняя назначение причалов, за рукой его прозрачной синей лентой тянулся дым от сигары. Другой умолк, затем, дождавшись, когда спутник его энергичным движением сунул сигару в рот, произнес с расстановками:

— ...тогда вызвали Тимоти Селфриджа, по приказу которого была пущена ракета. И представь себе, Уильям, он не мог сказать ничего путного. Он вел себя как младенец, удивленный телевизионной программой... потребовали объяснений... в рапорте значилось, что это был самолет, предположительно разведывательный... маршрут, маневры над Гренландией и проливами... они снова начали искать останки посудины... история стала известна на са-

мом верху, только проку не было. Приехали Райерсон и Сандретто, я знал обоих... что ты говоришь?

В этот момент один из них взглянул на меня, едва заметно кивнул собеседнику, а тот, вместо того чтобы замолчать, побагровев, пророкотал так, что я услышал все до единого слова:

— Это тайна полишинеля, Уильям. Я могу рассказать это хоть в Москве, при свидетелях. Ничего не было. Это анекдот, из которого хотели сделать байку для новобранцев.

Однако оба неспешно двинулись прочь, а я некоторое время стоял как громом пораженный. Кто они? Откуда появились эти два призрака? Когда просвет между мной и ими заполнили троллейбусы, юркие дальневосточные такси и трамваи, я быстро перешел на другую сторону улицы и пошел в отдалении, не спуская глаз с тающих силуэтов. Они исчезли в здании морского вокзала. Когда я решился войти туда, никого из интересовавших меня там не было. Зато я увидел морской патруль. Через несколько минут выяснилось: от причала отошел в Находку небольшой теплоход с канадцами и австралийцами, участниками какой-то морской конференции.

Я бросился было к причалам, чтобы догнать их на катере или «Ракете», но последний местный рейс в девятнадцать тридцать! На моих часах было девятнадцать сорок. Итак, они исчезли, а история о десантном боте над Гренландией осталась незаконченной. Да, непросто, совсем непросто найти останки самой незамысловатой с виду летающей посудины, похожей на обычный самолет, если только прибыла она с другой планеты. В памяти моей я отыскал строчки из письма сестры: «В последнем десанте участвовал всего один инопланетянин — из-за недомогания второго десантника. И вот этот инопланетянин остался один в районе Тулé, на западном побережье Гренландии, потому что бот был сбит. Для меня остается загадкой, почему не сработала гравизащита, уводящая боевую ракету с курса. По несчастью, бот был принят за разведывательный самолет без опознавательных знаков».

Так ли это?

Когда я вернулся в гостиницу, горничная Олечка сказала:

— А вас дожидался тут один товарищ, только что ушел, какая жалость!

Я спустился в вестибюль и увидел этого товарища у киоска с газетами и почтовыми марками. Подошел,

сжал его плечо. Это был Леня Абашев. Год назад он кончил в Москве литературные курсы, тогда я с ним и познакомился.

Леня Абашев отважен, медлителен, добродушен. Он въезжает на машине по вертикальной стене, а если ее нет — по забору. Говорят, один японский менеджер приглашал его на две недели в Японию на все готовое, чтобы поделиться опытом вождения и эксплуатации автомашин. Леня оформил выездные документы, но в самый последний момент его пригласили в автопробег по новым сахалинским трассам, и он отказался от поездки в страну Хокусая и Фудзиямы. На Сахалине же он один-одинешенек прошел трассу благополучно, успешно миновал участки, оставленные строителями незавершенными, равно как и несколько рек и речушек с мостами без настилов. В итоге он заслужил приз — двухнедельную поездку в ту же Японию, где показал класс вождения, проявил выдержку и самообладание во время автоэкспромтов. И не раз, по его словам, полицейские Страны восходящего солнца показывали ему большой палец с покрышкой и на чистом русском восклицали: «Карасо!»

Теперь он стоял передо мной и невозмутимо рассматривал меня, как будто я так уж изменился за год.

— Все в порядке,— сказал я,— зайдем в номер.

Райерсон, Селфридж, Сандретто

Мы поднялись на пятый этаж. Я достал из чемоданчика московские консервы, заказал чай. Попытался выведать у горничной, кто дежурил той ночью, когда я приехал. Это не удалось. Леня Абашев немногословно поведал о своем житье-бытье. Таким, как он, иногда не очень везет. Мы с ним сформулировали когда-то принцип: сильным труднее. Похоже, исключений не бывает.

— Ты мне не нравишься, Леня. Как будто тебя мучает неразрешимая проблема и ты стесняешься мне об этом сказать. Ну?

— Да, есть проблема...— Он улыбнулся открытой чистой улыбкой профессионала.— У меня машина недавно пострадала... ехал, понимаешь, вдруг навстречу трейлер на умопомрачительной скорости, я крутанул баранку, спрямил угол, выскочил на боковую улочку и угодил колесами в открытый канализационный люк. Два раза перевернуло и шлепнуло. Вот и все.

— Тебе повезло. Эту проблему следует отнести к разряду решенных.

— Не совсем. Я на мели. Пошел к одному прозаику денег попросить на ремонт, он мне отвечает: «Не могу, дружище, дать тебе и трех сотен. У меня дача на берегу Амурского залива, причем двухэтажная, и на втором этаже, представь себе, я делаю ванную с кафелем, просто и элегантно. А кафель недешев, сам знаешь». Как будто он кладет этот кафель на последние свои триста рублей. На те же триста претендовал и я. На большее духу не хватило.

— Ты тоже не лыком шит, Леня. Получи триста, которых не хватает иногда прозаику для полного счастья.

— Спасибо, брат. Считай теперь, что машина у нас в кармане. Через неделю. А там у меня выходит повестушка... сам понимаешь, в долгу не останусь. Еще сумеем махнуть с тобой в тайгу.

— Зачем сразу в тайгу?

— Это одно название — тайга. На самом деле ботанический сад. Привезем на зиму лимонника, грибов, ягод.

— Не откладывай ремонт машины, Леня.

— Хорошо. Скажи, зачем ему понадобилась ванная на втором этаже?

— Странный вопрос. Нужна — вот и все.

— Понимаешь, в прошлом году он сказал мне... при аналогичных обстоятельствах, что заказал ванную на первом этаже. И тоже с кафелем.

— Ну и что? На каждом этаже по ванной. Не нашего ума это дело. Он же не спрашивал тебя, почему ты каждый год прыгаешь на машине через открытые канализационные люки? Так?

— Так...

— Скажи... ты переписываешься с тем журналистом из Плейнфилда?

— С Генри Гри? Нет. Давно не писал ему.

— Ты мог бы возобновить переписку?

— Зачем это? — Леня с недоуменным выражением лица застыл в позе человека, внезапно потерявшего пенсне.

— Видишь ли...— Я подбирал слова; нельзя упоминать о контактах и прочем, иначе Леня покрутит пальцем у виска — и баста. Кроме того, я не имел права раскрывать карты.— Видишь ли, есть одно дело. Генри Гри, судя по твоим прежним рассказам о нем, как раз тот парень, который нам нужен. А дело вот какое. Три года назад

американская пресса писала об одном происшествии над Гренландским побережьем. Там сбили якобы самолет без опознавательных знаков. На поверку оказалось, что самолета вроде не было, а произошло недоразумение...

— Брат, да ты с Луны свалился! — перебил меня Леня.— У меня полная подборка о гренландском самолете. Тогда я еще дружил с Генри. Хотел писать приключенческую повесть. Потом раздумал. Не та это тема, не берет за живое. А тебе зачем это?

— Ну... я тоже хотел написать. Очерк или статью.

— Не надо. Скажи правду.

— Разве простая любознательность перестала считаться уважительной причиной?

— Ладно. Повесть я все равно не окончу в ближайшее столетие. И даже не начну. Что тебя интересует?

— Не что, а кто... Селфридж, Райерсон, Сандретто. Тебе знакомы эти имена?

— Не то слово. Очень и очень знакомы. Рассказать по памяти или показать материалы?

— Бросим монету. Если орел — покажешь бумаги.— Я метнул над столом полтинник, и он, разумеется, упал на раскрытую ладонь Лени орлом.

— Ловко,— восхищенно пробасил Леня.— Едем ко мне.

Приглашение было принято с благодарностью. Мы спустились к бухте Золотой Рог, где на глянце темной воды плясали огни и причалы жили своей особой, затаенной, ни на что не похожей жизнью. Леня хотел остановить такси, я отговорил его, мы пошли пешком в сторону Дальзавода, и справа от нас тянулись и тянулись причалы; акации и вязы накрывали шапками крон узкие скверы, прижавшиеся к шоссе. Слева от нас улицы взбегали на пологие горбы сопок, уходили к заасфальтированным невысоким перевалам. Там обрывалась панорама вечернего города.

Четверть часа — и мы оказались в его квартире. Жил он в мансардной части старого дома, у него было две комнаты с разной высоты потолками, дощатыми полами, удивительной кухней, напоминавшей кунсткамеру: вдоль стен тянулись полки с раковинами, высушенными крабами, морскими звездами, акульими челюстями и черепашьими панцирями. Все это было покрыто серо-зеленой пылью. Я выразил сочувствие:

— Нелегко, наверное, управляться одному?

— Нелегко, брат,— сказал он.— Кофе? Чай?

— Райерсон, Селфридж, Сандретто.

— Помню, помню...— Он исчез в комнате с низким потолком, там что-то грохнуло, послышались шелестящие звуки рассыпавшегося вороха бумаг, и через четверть часа хозяин вернулся ко мне, на ходу развязывая шнурки синей папки.

— Итак, Райерсон,— произнес он.— И другие.

Он подал мне папку с закладками на нужных страницах. Я стал читать. Он ушел на кухню, оставив меня в комнате одного — знак особого доверия к коллеге. Итак, Райерсон...

...Родился в Бруклине. Получил степень бакалавра наук в Стентонском университете штата Флорида, степень магистра наук в Дюкском университете штата Северная Каролина. Возглавлял экспедиции по исследованию космических излучений. Организатор отделения прикладной физики на ракетно-артиллерийском заводе военно-морских сил. Работал в Мурстауне и Камдене, является автором и разработчиком программ надежности и контроля. Возглавлял консультативную службу правительства, вице-президент отделения фирмы в Хоторне, штат Калифорния. Внесен в список профессиональных инженеров. Участник многих военно-промышленных программ.

Улыбчивое доброе лицо. Близорук. Носит очки. Во время беседы слегка наклоняет голову вправо. Тонкая, почти художническая натура. Предпочитает костюмы из серого твида.

Именно этот человек подписал заключение о неизвестном летательном аппарате над Гренландским побережьем. Точнее, об отсутствии такого аппарата, несмотря на нажим военных.

Сандретто.

...Родился в Понт-Канавезе, в Италии. Степень бакалавра наук и диплом инженера-электрика получил в университете Пэдью, штат Индиана. Окончил командно-штабную школу ВВС. Аспирантскую работу выполнил в Северо-восточном университете, Эванстон, штат Иллинойс. Участвовал в разработке первых систем управления воздушным сообщением. Во время второй мировой войны работал в радиолокационном отделении при штабе армейской авиации, на полигоне в штате Флорида, а также руководителем отделения электроники авиации, действовавшей в зоне Тихого океана. Бригадный генерал. Состоял членом комитета 31, ответственного за создание общей системы управления аэронавигационными средствами. Сотрудничал

с фирмой в Натле, штат Нью-Джерси. Руководил группой обороны. Член Института навигации.

Интеллигентное лицо. Проницателен, осторожен. Корректен в отношениях с подчиненными. Заключение подписал с особым мнением. Содержание этого особого мнения неизвестно.

Райерсон и Сандретто не могли, разумеется, хотя бы приблизительно представить, что же произошло тогда в районе Тулé. Работа в комиссии требовала дополнительных данных. Их не было. Не было вообще никаких данных, если уж быть точным. Уверения военных на радиолокационных постах не подтверждены аппаратурой документирования: ленты были пусты, что дало повод рассказывать потом разные небылицы. Соответствующие вырезки из вечерних газет тех лет аккуратно подшиты в Лениной папке. Мне пришло в голову, что не надо Лене Абашеву ничего выдумывать. Достаточно опубликовать все, что тогда было написано: выйдет документальная повесть, в которой найдется место и неплохой идее. Кто, как не ретивые служаки, родил инцидент с самолетом, несмотря на полное отсутствие фактов? В иных условиях подобная тенденциозность может обернуться несчастьем.

Листая вырезки и переводы, сделанные Леней, я не находил главного — материалов о Селфридже.

Я вышел на кухню, где он колдовал с кофеваркой, вернул ему папку, сказал, что с кофе управлюсь сам, если он найдет что-нибудь о Селфридже. Через минуту-другую я получил вырезки о третьем участнике гренландского инцидента. Здесь же мне попались два письма Генри Гри, журналиста, с которым Абашев состоял в переписке. По счастливому совпадению, журналист этот жил в Плейнфилде и знал некую Анну Ридер, возлюбленную Тимоти Селфриджа.

Итак, Селфридж.

...Родился в Чикаго, штат Иллинойс. Окончил школу связи Северо-западного университета в том же штате и командно-штабную школу. Получил степень магистра наук. Служил в войсках, дислоцированных на территории США и за пределами метрополии.

Замкнут и серьезен. Коллекционирует почтовые марки метрополии. Решителен и требователен к подчиненным.

Именно этот человек идентифицировал неизвестный объект с самолетом и отдал распоряжение о пуске ракет. В этом имени для меня крылась загадка, мимо которой

прошел Леня Абашев. Впрочем, на загадку эту мудрено было бы обратить внимание. Почему ракета не свернула с боевого курса? Десантный бот излучал сигналы, которые маскировали его действительное положение в пространстве, защищали его тем самым от оружия. Невидимое поле ограждало его от посягательств. Ракета «земля — воздух» была для него, по всей видимости, то же самое, что теннисный мячик. Разгадка истории крылась в самом Тимоти Селфридже — я это почувствовал, понял, бегло пролистав бессмысленные рапорты военных. Они так и не обнаружили ни одного обломка, ни одной детали, подтверждавшей достоверность происшествия. Сестре моей удалось скрыться, но было нелегко представить, чего это ей стоило.

Двойник начинает действовать

Мысленно можно перенестись так далеко, как захочется. И я мог бы — теоретически, конечно,— оказаться, например, в Гренландии, близ местечка Тулé, в тот самый момент, когда там пролетал инопланетный бот. Мог бы... если успел бы побывать там раньше. Нельзя создать иллюзию присутствия в том месте, которое раньше не повидал собственными глазами. Проверено.

...Был уже второй час ночи, Леня давно уснул, а я все сидел у настольной лампы за его рабочим столом. Появилось еще одно действующее лицо — Мэгги Хейзинг, компаньонка Анны Ридер. Селфридж познакомился с Анной в отпуске, в Калифорнии.

Файф-Лейкс. Именно здесь Селфридж должен был провести две недели отпуска. Четырнадцать дней. Но их оказалось только одиннадцать. Три дня как бы пропали. Во всяком случае, то, что рассказывал потом Селфридж об этих трех днях, по моему мнению, противоречило логике.

Вместе с Мэгги и Анной он поднялся к отдаленному приюту близ Рок-Гарден. В приюте они заночевали. Утром Селфридж сказал, что было бы обидно не подняться на Рок-Гарден, но женщин подвергать опасности он не будет. Фрау Ридер попробовала возразить, но Селфридж уговорил ее остаться. С ней осталась Мэгги Хейзинг. Селфридж помахал им рукой, когда они вышли проводить его до поворота к Солнечному цирку. Он шел по тропе, оставив в стороне подъемник. День был солнечным, ясным, ничто не предвещало перемены погоды.

Через два часа после ухода Селфриджа со стороны ручья в Файф-Лейкс пришла метель, снег бросало на крутые склоны, видимость не превышала нескольких метров. Мэгги Хейзинг успокаивала фрау как могла, но метель усиливалась, хлопья снега стучали в окно, вихри пробегали по крыльцу приюта, то засыпая его почти до уровня окна, то сметая снег с такой силой, что стены приюта вздрагивали. Что же было в горах? Этого никто не знал.

Рок-Гарден — самое опасное место в окрестности, с гор срываются лавины, снежные тучи бродят среди отрогов — тогда горе лыжнику. Снежные карнизы не выдерживают тяжести и срываются вниз, увлекая массу фирна. Снегопады бывают такими обильными и внезапными, что, если бы фрау Ридер знала это место по рассказам бывалых людей, она бы наверняка нашла в себе силы отговорить Селфриджа.

Один из спасателей позже рассказывал, что творилось там, среди горных пиков, и ниже, у канатки, которую он видел с высоты птичьего полета. Точно великан-гримург хотел накрыть всю окрестность шапкой-тучей, и лишь по краям проглядывали знакомые очертания долин и ущелий.

Стихия бушевала весь этот первый день. Анна Ридер выходила на крыльцо, укутанная шубой и шерстяным платком, и возвращалась в комнату снова; сняв шубу, она бросалась ничком на софу и сжимала голову ладонями, чтобы не слышать воя ветра. Мэгги не сомневалась, что Селфриджа уже засыпало снегом. Нужно было дождаться конца бурана, тогда спасатели смогут его найти... Он, конечно, еще жив. Мэгги подбадривала Анну Ридер, та молча слушала, снова зажимала уши руками, закрывала глаза и точно проваливалась в небытие. Может быть, ей так удавалось хотя бы мысленно приблизиться к тому месту, где сейчас мог быть Селфридж. К вечеру, еще до того, как стих ветер, она попросила Мэгги позвать кого-нибудь из приюта. Пришел молодой парень, рассказал, как он сам замерзал когда-то здесь, был засыпан лавиной, но его нашли, и он с тех пор нисколько не боится гор.

С наступлением темноты на улице все стихло. Анна сказала Мэгги: «Он жив, я знаю». Спасатели были уже предупреждены, но поиски могли начаться только на рассвете. Здесь, в Файф-Лейксе, была хорошо известна история Джо Карсона, рабочего, который жил на верхней

станции канатки и отгребал от нее снег. Непогода отрезала его на несколько дней от мира, нервы его не выдержали, и после метели он попытался спуститься вниз, к людям. Нашли его только весной, среди отложений лавины Хедуолл. Передвижение ночью вполне резонно считалось чистым безумием. Здешние специалисты-лавинщики считают: нужно пять лет, чтобы ознакомиться с районом, его особенностями, хитростями и уловками снежных рек. В то время в Файф-Лейксе уже были опытные специалисты, и никто не позволил бы рисковать напрасно.

Утро было ясным, холодным. Как только появилось солнце, снега засверкали, засияли белизной, стало видно так далеко, что уступы карнизов были, казалось, рядом. Они нависали над тропами, но спасатели все же вышли в горы. Потом был день ожиданий, долгий, нескончаемый, тревожный. Группа вернулась в приют ни с чем. Здесь четверо горнолыжников-спасателей оставались до следующего утра. В эту ночь Анна Ридер не сомкнула глаз, она прислушивалась к шорохам, всматривалась в лунно-белую даль за окном. В семь утра четверка опять ушла той самой тропой, которой отправился на прогулку двое суток назад Селфридж.

Мэгги свидетельствует: в полдень Анне Ридер стало плохо, она вдруг тихо воскликнула: «Его нет, Мэгги!» Компаньонка вздрогнула, попробовала возразить, что спасатели не теряют надежд и, может быть, в этот самый момент они уже напали на след. «Его нет!» — повторяла фрау Ридер. Мэгги направилась за обедом в ближайший ресторанчик, позвав посидеть с Анной жену сторожа. Через час Мэгги вернулась, на пороге она оглянулась и увидела приближающуюся фигуру лыжника. Он был еще далеко, но она будто бы узнала его... Мэгги опасалась напрасно взволновать Анну. Она накрыла стол и только тогда вышла на крыльцо. Сомнений не было: возвращался Селфридж. Мэгги открыла дверь и с порога выкрикнула его имя. Анна, к ее удивлению, даже не поднялась со своего места, что-то странное было во всем ее облике. Она как будто не рада была предстоящей встрече. Мэгги рассказывала потом, что спасателей она встречала куда радушней, чем заплутавшегося Селфриджа.

Так кончился эпизод в горах. На следующий день Селфридж уехал. Анна и Мэгги остались еще на пару дней, потом и они вернулись к себе домой, в Плейнфилд.

* * *

...Уснул я прямо за столом: словно провалился в непроглядную темень до утра...

— Не вижу в этой истории ничего загадочного,— заявил утром Леня Абашев.

— Но как объяснить, что Селфридж вернулся только на второй день после бурана? Напоминаю: непогода застала его недалеко от приюта. За два или три часа он мог уйти, скажем, на несколько километров. Это с учетом профиля местности.

— Допустим.

— На обратный путь ему потребовалось бы столько же времени, то есть два или три часа. От силы четыре. Получается вот что: первые сутки после бурана, когда было ясно и солнечно, он сидел на месте, две ночи — тоже. Нельзя же допустить, что после того, как погода установилась, он пошел в обратную сторону, то есть попросту продолжил свою прогулку.

— А если это так?

— Не мог же он заставить Анну поверить в свою гибель? А если и мог, то его обнаружили бы спасатели. Условия для наблюдения были идеальны, расстояние — незначительно.

— Что из этого следует?.. По-моему, он большой оригинал. И мужественный человек.

— Нет, Леня. Мужественные люди в окрестностях Файф-Лейкса замерзали тоже, и для этого вовсе не требовалось двух ночей после небывалого бурана. Из этого следует другое. Вернулся не Селфридж, а другой человек.

— Ну, знаешь ли... в привидения я не верю. Буквально, что ли, понимать?

— Буквально. Кому-то нужно было стать Тимоти Селфриджем. И если эти двое, Селфридж и неизвестный, были внешне похожи, то судьба возлюбленного фрау Ридер могла решиться как раз на второй день. Так можно объяснить невероятную, непостижимую медлительность Селфриджа, кажущуюся медлительность. Анна Ридер так и не смогла найти ответ, а может быть, как раз наоборот... ведь они расстались очень быстро. Что произошло? Никто не знает. Но в твоей книге, посвященной борьбе с лавинами, я нашел указания как раз на этот случай. Автор пишет о тех днях с искренним изумлением перед неистовством стихии. Несколько дней потом в горах сходили лавины,

одна из них вывела из строя канатку. И это несмотря на самые современные средства борьбы со снегом, включая безоткатные орудия, с помощью которых можно вести огонь по рождающимся гребням. Упоминает он и одного молодого человека, которого все считали погибшим. Его появление равносильно возвращению с того света. Врач, осматривавший его, не нашел никаких признаков обморожения или депрессии. Случай не нашел объяснения, пишет автор книги, впрочем, вскоре молодой человек исчез, оставив двух своих подруг. Что скажешь?..

— Нужны доказательства. Где они? Если преступник появился в личине Селфриджа, он должен был оставить следы в Файф-Лейксе.

— Он их оставил. Нужно только уметь их прочесть. Мы с тобой ни за что не придумали бы разговора, который состоялся еще раньше, в деревенской гостинице. Анна открыла дверь, но не пригласила его в номер.

— С ней была Мэгги?

— Да. В номере была Мэгги. Она слышала обрывки разговора и была изумлена. Селфридж говорил о любви.

— По мнению Мэгги Хейзинг, фрау поздно думать о любви. Ей было около пятидесяти. Очень рослая немка с прической пучком, темнобровая, носившая роговые очки по причине неважного зрения, наполовину увядшая дама с причудами. Вот ее портрет.

— Это не портрет. Не хватает главного: ее сути. Признание Селфриджа не выглядит таким уж неожиданным. Не будем вспоминать бальзаковских женщин, но разве иногда возраст не подчеркивает те самые формы, которые прозаики называют женской статью, а поэты — както иначе, за неимением подходящих слов в своем ограниченном словарном запасе?

— Допустим.

— Ты понимаешь, о ком мы говорим? Если бы я был художником, я нарисовал бы ее в фиолетово-сиреневых тонах и обязательно акварелью, а не маслом, потому что холст не передал бы многого. Может быть, для этого потребовалось бы скопировать линии с музыкальных инструментов: виолончелей, скрипок, валторн. Этого не понимала милашка Хейзинг, похожая на незабудку в яркий солнечный день.

— Или на ромашку. Ведь она блондинка.

— Хорошо. На ромашку. Вот фото. Фрау Ридер на утренней прогулке в парке. Парк разбит на английский

манер. Эти дивные дорожки и аллеи как бы подчеркивают то, что я о ней сказал. Такая женщина вызывает не любовь, а мгновенную страсть.

— Ты влюбился в нее.

— Нет. Я вижу ее.

— Ей было сорок восемь. Селфриджу двадцать семь.

— Думаю, Селфриджу было тогда все равно, сколько ей лет.

— Здорово же ошиблась эта милаха!

— Думаю, что я прав. Да, Леня, была экскурсия в горы, деревенька с харчевней, суп из бычьих хвостов с томатами или что-то в этом роде, дешевое вино, недолговременный приют в деревенской гостинице, а Мэгги и тут не сообразила, что разговор о любви между фрау и ее другом имел под собой более чем серьезные основания.

— Хорошо. Я согласен. Но что из этого следует?

— А из этого следует, что Селфридж боролся за эту любовь. И когда он вернулся... понять его нельзя. Нельзя, Леня. Начиная с того момента, как он вновь появился у карниза, все пошло иначе, он вел себя так, как будто пытался оправдать версию, сложившуюся у этой девочки.

— Какую версию?

— Что раньше они дурачились у нее на глазах. И только. Оба были другими. Ей далеко до этих фиолетово-сиреневых оттенков с переходом в черное, она ничего не разгадала. И не могла разгадать. Их отношения — большая редкость.

— И все же...

— Вернулся другой человек.

— Ты всерьез?

— Я не шучу.

— Извини, но поверить в это все же невозможно.

— Этот чужак уловил реакцию Мэгги Хейзинг, даже ее настроение. Оно служило ему защитой. Он использовал Мэгги.

— Зачем это ему понадобилось?

— Чтобы поскорее убраться из Файф-Лейкса, не вызывая подозрений.

— Как он сам... объяснил задержку на двое суток?

— Никак. Думаю, если бы он ее объяснил, это представляло бы интерес и для нас. Этот чужак понимал, что нужно поменьше болтать. Лучше всего было бы в его положении не возвращаться в приют вовсе. Но тогда он

должен был бы не возвращаться и домой. А ему было нужно имя Селфриджа и его положение.

— Если ты прав, то этот тип должен поразительно напоминать внешностью Селфриджа, быть его двойником, не иначе.

— Он и есть его двойник.

Морское кладбище

...Здесь, в светлой дубовой роще, похоронен под серым камнем Арсеньев. У памятника матросам «Варяга» Абашев рассказал о бое близ Чемульпо. Канонерка «Кореец» вступила в этот бой, уже имея боевой опыт. Летом 1900 года экипаж русской канонерки проявил доблесть у китайского форта Таку под огнем расстреливавших его в упор береговых батарей. В морском сражении против «Варяга» и «Корейца» действовали пятнадцать японских кораблей.

Позже, у Цусимских островов, тридцать русских кораблей должны были по чьему-то замыслу противостоять ста двадцати одному японскому военному кораблю. Но, выступив против всей мощи Азии, должны были погибнуть и триста спартанцев у Фермопил и тридцать русских кораблей у Цусимы. Лишь два корабля прорвались на защиту Владивостока.

В сорок первом тридцать наших подводных лодок, не считая надводного флота, оберегали дальневосточные морские рубежи. Японцы не могли обеспечить, как ранее, ни семикратного, ни даже четырехкратного превосходства в силах. Они топили в открытом море наши мирные суда. Последний транспорт был потоплен летом сорок пятого. В августе сорок пятого, когда мы с теткой остановились в Находке, на пути в Москву, здесь еще говорили о том транспорте и это я помнил.

С отлогого склона зеленой сопки виден был Уссурийский залив, прибрежные скалы, просторный распадок. Удивительно легко дышалось, уходить отсюда не хотелось, но Абашев взял меня за руку — пора в машину.

Молот гнева

Было слышно, как шумела вода у порогов. Абашев вел машину над горной рекой. Внизу — глыбы гранита, брошенные рукой неведомого своевольного великана, заду-

мавшего перекрыть течение. Но замысел так и остался неисполненным. Река оказалась сильнее, и теперь над белоснежными струями поднимались трехцветные радуги.

Леня сдержал слово: машина вышла из ремонта даже раньше обещанного срока. Я увидел монгольский дуб, корейскую сосну, увешанную тяжелыми шишками, горный ясень, жимолость и аралию, дикий перец и таежный виноград. И были обещаны белый орех, амурский бархат, цветущие лотосы и корень жизни.

Вечером мы остановились, привязали растяжки палаточных коньков к черемухе. Легкий сухой плавник горел как порох, и я подбросил несколько сырых поленьев, чтобы костер дольше сохранял тепло. Леня извлек из багажника дневной улов.

Рыба хариус с синим телом и красноватыми перьями раскрыла рот и будто бы издала слышимый звук, а на камни капала кровь, и поблескивало лезвие ножа. А в вышине кружили черные птицы, пересекая желтые послезакатные облака.

Ели уху — смеялись: забыли посолить. Дым вставал столбом — признак хорошей погоды завтра.

Готов поклясться, что я слышал шум гальки: точно прошла недалеко чужая машина. Не говоря ни слова, пошел к реке; она дремала, поблескивая серебряными перекатами.

На мелкой коричневой гальке обнаружил следы чужого протектора.

Пошел за протектором: он вел по каменистому берегу. Абашев окликнул. Я ответил. Густая трава скрыла следы. А дальше тянулась нитка проселка, который привольно, во всех трех измерениях колесил над высоким берегом. Вокруг пустынно, тихо.

Вернулся к нашему лагерю.

Абашев пошел за водой для чая. Вернулся через полчаса, молча подвесил котелок над костром.

— Что так долго? — спросил я.

— Там кто-то чужой,— ответил он.— На машине. Как они сюда забрались, ума не приложу.

— Что в этом особенного?

— Ничего особенного. Если не считать, что это машина марки «суперберд» с двигателем пятьсот сил.

— Не может быть!

— Вот тебе и не может быть. Любопытно.

— На другой машине сюда мог проехать только ты.

Пятьсот лошадиных сил — компенсация чужаку за неумение водить авто по гальке и зарослям заманихи.

— Однако... что им здесь надо?

— Ты что-то подозреваешь?

— Еще бы... откуда здесь быть «суперберду»?

— Ладно. Чай остынет. Пусть хоть суперэпиорнис. Пропади он пропадом.

...Ночью меня разбудили шаги. Поскрипывал галечник, шуршали сухие стебли. Я прислушался. Кто-то размеренно шагал в двадцати метрах от нас. Вот звуки затихли, точно растаяли. Только дыхание ветра было слышно мне. И снова. Шаги... Они приближались к палатке.

Улучив мгновение, я перебросил тело за брезентовый полог, мгновенно выпрямился, осмотрелся. Темная высокая тень скользнула почти бесшумно в кусты. Я ринулся следом. Заросли смыкались за мной, царапая плечи, мешая слушать. Метров триста уже осталось за моей спиной — и никакого результата. Кусты расступились, я остановился в раздумье: продолжать бессмысленную погоню? Вернуться?

И я вернулся в палатку, чтобы провести там остаток ночи так, как подобает путешественнику или туристу.

Мне снились багряные зарницы над вулканами Атлантиды, алые потоки лавы, сжигающие зеленые долины гейзеров, тонущая земля. Водяной вал поднялся и обежал океаны дважды. Гигантская туча, мерцая молниями, закрыла место катастрофы. Ворвавшись в Средиземное море, вал-великан смыл гавани Древней Этрурии, разбил в щепы корабли, затопил города, поля и леса. Наверное, я бормотал во сне строчки из древнего мифа.

— И земля потонула! — услышал я голос Лени, проснулся окончательно, поднялся, ошалело озираясь, ибо плохим бывает у меня сон, если ночью я встаю работать, читать или, как нынче, бегать по зарослям поймы.

— Дождь! — воскликнул я.

— Ты провидец, шептал во сне о потоках воды.— Леня протянул мне кружку с горячим чаем, заваренным с брусникой.

— Спасибо.— Я быстро умылся водой, скопившейся в морщине брезентового полога, и осушил кружку.

Мы переждали ливень. Отвязали растяжки палаточных коньков, сложили вещи. Погрузили их в багажник. Машина слегка рыскала, точно сама по себе искала выезд на сносную дорогу. Это руки Лени, подчиняясь интуиции, удивительной его памяти, хранившей историю не одного

таежного приключения, осторожно, но решительно вели машину к большаку.

— Что произошло сегодня ночью? — спросил Леня.— Куда это ты бегал и зачем?

— Оказывается, ты не спал...

— Оказывается,— меланхолично отозвался Абашев.

— Кто-то ночью ходил рядом с палаткой.

— Мне тоже показалось. Смотри!

Я обернулся и увидел приземистый корпус оранжевой машины, следовавшей за нами на приличном расстоянии. Она шла, легко преодолевая подъемы, а за ней видна была еще одна машина, синяя. Оранжевая не пропускала синюю, когда та пыталась обойти ее. Едва заметный поворот — и она занимала проезжую часть так искусно, что казалось, будто временами она разворачивалась даже поперек полотна.

— Что за гонки? — спросил Леня, пытаясь рассмотреть водителя первой машины. По странной закономерности каждый раз, когда ветровое стекло глядело на нас, в нем отражался свет, да так ярко, что глазам становилось больно. А небо между тем было еще затянуто облаками. Наконец я понял: на ветровом стекле прыгало это светлое окошко, предназначенное для меня. Сигнал и одновременно связь с ними... Неужели было так опасно, что здесь, на глазах у всезнающего Абашева, они решились на это?

И я подумал, что тени сгущаются. Невольно подумал, вспомнив ночной визит. Почему, к примеру, погиб человек, похожий на меня?

Я знал, что Селфридж-второй был атлантом. Только так можно объяснить случай с ботом. Он не просто атлант, он изучал защиту и сигналы, которые излучают такого класса малые корабли; эта подготовка дала ему верное оружие. Руками военных он сбил гренландский бот. К этой мысли я пришел еще в городе. Разумеется, Абашеву не объяснить, почему за нами следовал «суперберд».

— Не пойму, кто за рулем,— заметил Леня.— Кажется, женщина, по почерку чувствую. Но ведет не просто мастерски, нет, а как-то даже неестественно легко. Ты посмотри, что машина выделывает. И все только для того, чтобы не пропустить синюю вперед!

Именно эта синяя машина могла быть причиной гибели моего двойника, о котором я узнал в день приезда во Владивосток. И возможно, моей гибели, если бы кто-то не вел другую, оранжевую машину так ловко, что она

мешала синей. Ситуация сложилась подходящая: автомобильные катастрофы всегда случайны. Невидимая человеческому глазу борьба, наверное, происходила и ночью, пока мы спали. Борьба, единственным дозволенным оружием в которой была именно случайность. Опасный же маршрут выбрал Леня Абашев, сам не ведая того. Правда, другой наш маршрут мог оказаться еще опаснее.

Абашев прибавил скорость, мимо промелькнула осыпь, и камень, выбитый колесом, сполз вниз, увлекая щебень. К багажнику оранжевого «суперберда» прилип синий «датсун», не отставая ни на колесо: невидимая нить связывала их. Ленины скулы сжались, он все еще пытался оторваться от обоих непрошеных попутчиков, не понимая цели этой погони и думая о чем-то своем. Может быть, он думал, что двигатель, который он поставил на свой автомобиль, не имеет равных далеко за пределами города и что зря я обманываюсь: внешний вид любой машины еще не определяет ее качеств, тем более если речь идет о его, Абашева, машине.

Но знал бы он, с кем тягается!.. Оранжевый этрусский «суперберд» шел так мягко, даже нежно, что казалось: он действительно летит, оправдывая название марки. Я догадывался, что марка еще ни о чем определенном в данном случае не говорила: внутри эта изящная колымага устроена, наверное, так, что могла бы с ходу, например, зарыться в Японское море и вынырнуть только в Охотском. И синий лимузин атлантов (так я полагал) далеко не показывал своих предельных возможностей. Он словно затаился перед прыжком. С виду почти обычный автомобиль, «датсун» последней модели... Он не должен был вызывать у нас подозрений. Другое дело — этруск. Тот знал, на что готов этот «датсун», и при прочих равных условиях не прочь был бы даже привлечь внимание к скрытому, затаившемуся пирату. Так обстояло дело — согласно моим расчетам или в согласии с моей фантазией, как угодно.

Леня в своих крагах, шнурованных ботинках, полный решимости оставить позади этот странный дуэт, брал повороты так, что дух захватывало. Я вскрикнул, когда нас бросило вниз,— машина слетела по карнизу, легла на крутой склон и вышла на нижний виток серпантина по глиняному бугру. Тряхнуло, машину занесло, скрипнули тормоза, и тотчас Леня бросил машину на полотно дороги. Те двое повторили маневр, не отстав ни на метр. Вот они снова маячат за спиной.

Шуршит гравий под колесами. Дорога грунтовая, почти неезженая. По-прежнему пустынно впереди нас. Откуда-то ползет туман. Он стелется над землей тремя слоями. Нижний — наш, въезжаем в слепящее молоко, выныриваем. Снова ясно. Слева — обрыв, за ним — долина.

Долина была светлой, от нее тянулись синие распадки. Она открылась с высоты перевала как зачарованная земля. В ее верховьях, ниже нас на двести метров, кипел на серых камнях ручей. Зубья скал выступали из синих кустов. Над серпантином дороги, над вторым его извивом высилась чозения, за долиной прямой чертой обозначилось ровное плато — и черта эта плыла, покачиваясь от нашего движения. За ней вставали пепельно-серые пики, а над ними застыли сверкающие облака. Каменные карнизы нависали над крутым склоном, и если бы нас пронесло мимо обрыва, обстановка разрядилась бы.

Мы взлетели по серпантину и медленно опускались вниз, минуя перевал.

— Смотри! — вскрикнул Абашев, и тут же, на моих глазах, он закрыл ладонью лицо, словно от нестерпимой боли, а в ста метрах от нас медленно (или так казалось?) скатывалась под откос синяя машина. Она перевернулась, подпрыгнула на плоском валуне, обросшем сизым мхом. И за ней накренилась оранжевая машина, не успевшая вывернуть на крутом повороте серпантина.

Вздыбившись, синяя машина вспыхнула рубиновым огнем, превратилась в факел, опрокинувшийся в пропасть под каменным карнизом.

Почти одновременно загорелась вторая машина. Сгусток темно-кровавого пламени и дыма взлетел над скалой и бесшумно нырнул вниз. Но не успели развеяться дымные шлейфы над обожженным каменным карнизом, как в мгновение ока сверху, из ниоткуда спустилась туча: черная шапка накрыла перевал и нас. Белые ломаные молнии заметались над землей. Дождя не было; ослепительные огни раскалывали сухой мрак.

— Останови машину,— сказал я.

— Ты что, ошалел? — возразил Абашев.

Я так и не осознал, почему захотелось задержаться на перевале. Может быть, чтобы разобраться в происходившем? Но это не удалось бы... В стеклах прыгали отражения белых и голубых змей; они корчились теперь за нашей спиной и сгорали, оставляя каждый раз тусклое марево. И туча казалась еще гуще, плотнее, по краям ее бродили вихри, у подошвы ее клубилась пыль.

...В городе — разговор с дежурным. Леня рассказывает, как было дело, я молчу. Утром я узнáю о том, что случайно столкнулись две машины, что вели их, скажем, автолюбители-спортсмены. Назовут их имена. Это будут, разумеется, вполне реальные люди, у них найдутся, вероятно, родственники, но подлинная их жизнь останется тайной. Действие равно противодействию. Если под именем Селфриджа действовал атлант, то где-то недалеко от него находился этруск по имени, скажем, Барроу, который незаметно для постороннего глаза помог сестре покинуть Гренландию. Для нее поступок этот остался неведом: все они до предела осторожны.

Заплыв.
Тревога. Обнадеживающая весть

В окно заглядывал тусклый, мерцающий, как кольчуга, Амурский залив. По нему бежали утренние тени облаков. Между ними — блики глаз его. Два паруса белели вдали. С минуту я раздумывал, куда пойти позавтракать. Под ноги попался край большого складного сачка, выглядывавший из-под постели. Я уложил его в Москве в чемодан с тайной надеждой ловить здесь рыбу в лагунах и креветок на свет фонаря, потом — ставить на серые горячие угли костра котелок с ухой. Но я забыл взять его в наше с Леней путешествие. А в городе обедал в ресторанах, иногда навещал булочную, где брал свежую булку, а рядом, во фруктовом магазине,— сок гуавы или ананасный компот; ужинал в кафе «Зодчий», потом допоздна работал над очерком.

Холодильник мой и на сей раз был пуст. Едва я закрыл его, он начал сипеть, кашлять, как старичок, свистеть и дрожать, точно в приступе тропической лихорадки. И ничего там внутри не оказалось съедобного. Спустился вниз, в буфет. Там меня поджидала зубастая жареная рыба со сложным названием «морской скипджек», кальмары и морская капуста. Глоток слабо заваренного кофе — и я спускаюсь по знакомой лестнице водной станции. Ночью было прохладно. На деревянных лежаках — ни души. Мальчишки спрашивают у дежурного матроса, можно ли искупаться. Матрос интересуется, сколько им лет. Им, оказывается, по шестнадцать. Не заметив подвоха, матрос дает разрешение искупаться. И вот они уже на вышке. Я тоже готов нарушить заведенный здесь порядок.

Плакат предупреждает: «При поднятом черном шаре купаться запрещено». Сегодня на вышке я вижу этот шар впервые. Волны, ветер, вода студеная. Но это лишь первое впечатление. Ныряю, рассекаю дельфинье построение купающихся мальчишек. Что я испытал и видел вчера? Будто бы машина атлантов гналась за нами: синий «датсун» готов был перерезать виток серпантина и рвануться нам навстречу.

Это похоже на фантазию. Следа не останется от этих воспоминаний после купания в Амурском заливе. Здесь колючая вода, соли втрое больше, чем в Хосте, на Черном море. Не хватает лишь чуть-чуть тепла. Но это даже неплохо: мне нужна именно такая вода, какая бывает в конце сентября в Японском море, и никакая другая. Днем она прогреется, потому что солнце давно выкатило свой рыжий глаз из-за крутого берега.

Пора вернуться к берегу. Отчетливая и резкая в своей ясности мысль. Пора вернуться. Руки без всплесков входят в воду. Из спортивной гавани вырывается моторка, стремительно приближается к тому месту, где я только что собирался отдохнуть на спине, и перерезает зыбкий мерцающий след, который я оставил в неожиданном рывке. Моторка прошла так близко, что меня качает на гребнях волн. Неожиданный запоздалый страх... Что это? На лодке нет водителя. Ни одного человека на ее борту.

Минуту спустя выхожу из воды, спрашиваю дежурного матроса, не заметил ли он чего-нибудь особенного в этой лодке. Он отрицательно покачивает головой. Рядом мальчишки. Они галдят, о чем-то спорят. Матрос искоса наблюдает за ними. Из-под его бескозырки торчат рыжие непокорные вихры, и мне кажется, что это парик. Неотвязная мысль о парике заставляет остановиться подле него. Мальчишки умолкают, отходят к вышке. Матрос поднимает голову, золотисто-карие глаза его зажигаются от солнца, и он тихо быстро произносит:

— Вам лучше уйти отсюда. Прошу вас.

Не рассуждая, беру одежду, ухожу за парусину, одеваюсь.

Оборачиваюсь. Матроса нет. Он исчез. Бегу по пляжу, стараясь заглянуть за поворот забора, где стоят яхты. Никого! Цепочка мальчишек преграждает дорогу. Они держат друг друга за руки. И не дают мне пройти дальше, к гавани. Беру одного из них за плечи. И тут же слышу:

— Вам же сказано: уйти! Разве вы не видели черный шар?

Кто сказал? Мальчишка? Нет. Голос тот же, что и у матроса. Кажется, лучше уйти. Разобраться в этом надо позже... на досуге. Меня предупреждают. Поднимаюсь по склону. Вспоминаю, что прибрежная сопка, куда ведет лестница, называется Тигровой. Раньше, в шестидесятых годах прошлого века, когда город начинал строиться, здесь, на этой сопке, любили отдыхать тигры. Они наблюдали за происходящим внизу и долго не уступали человеку этого места. Теперь кто-то наблюдал за мной. С того же самого места.

Окидываю взглядом пляж. Мальчишек нет. Зато появились купальщицы в пестрых купальниках. Вот еще несколько человек занимают лежаки. Вернуться? Нет. Нужно спешить в милицию — узнать имена тех, кто погиб вчера.

Я на центральной улице. В моей памяти легкий провал — не помню, как я оказался сразу на оживленном месте у гостиницы «Челюскин». Словно те несколько минут, что я промедлил на пляже, пошли в зачет. Справа должен был показаться кинотеатр «Океан» — бетонно-стеклянный коробок овальной формы. Но я не помню: проходил ли мимо него? Вот уже и кафе «Лотос», оправдывающее свое название,— недалеко действительно цветут лотосы. Иду по тихой улице, где расположен университет. Вниз бежит зеленый распадок, у его устья — чернокорые вязы и акации.

Поворот, еще поворот... Открываю тяжелую деревянную дверь, врываюсь в комнату дежурного, он смотрит на меня круглыми светлыми немигающими глазами, словно тоже хочет произнести: «Вам лучше уйти!» Нет, на этот раз со мной готовы разговаривать. Кто они, эти двое?

Сдержанно и сухо поведал он мне их биографии: жизнь и того и другого укладывалась в несколько строк. Водитель оранжевого «суперберда» — Алексей Груздев, инженер-механик из Находки, автолюбитель, победитель конкурса автоконструкторов, машину собрал своими руками, хотел, видно, доказать, что «суперберд» — марка, вполне досягаемая для умелых рук. В последнее время работал в порту по договору. Родился в Костроме. Это все, что удалось установить. Абашев был не прав: машину вела не женщина, по крайней мере, по установленным данным.

Водитель синего «датсуна» — Дмитрий Томин, эксперт Внешторга, работал во Владивостоке, неоднократно выезжал в Японию и на Филиппины, машину приобрел в Токио, в позапрошлом году был временно лишен прав за

превышение скорости, в сгоревшей машине ничего особенного обнаружено не было.

Я еще раз спрашиваю о двигателе «датсуна», прошу показать фото: я уверен, что «датсун» этот шел далеко за пределами возможностей машин этого класса. Увы, двигатель просто рассыпался, никаких заключений на этот счет сделать нельзя. Мои догадки не для дежурного и даже не для Лени Абашева.

Но, правда, нагая истина все же выплывает на поверхность. Прошу фото эксперта Томина. Дежурный скрывается за обитой железом дверью, выносит коричневую папку. Вот оно, фото...

На меня пристальным, немигающим взглядом смотрел Селфридж. Иллюзия была такой сильной, что я вздрогнул. Лицо атланта на фотографии было совсем живым. Выпуклый лоб с продольной морщиной, тонкие губы, сложившиеся в легкую полуулыбку, волевой подбородок с едва заметным шрамом... этого человека уже не было. Дмитрий Томин — его третье имя. Или, может быть, четвертое, пятое? Кто знает?.. Из-за него я приехал во Владивосток, из-за него...

Выхожу на улицу, иду к бухте Золотой Рог, рассеянно оглядываю корабли у причалов. Бухта входит своим синим языком в самый центр города, где высится белое нарядное двадцатидвухэтажное здание и застыли каменные фигуры памятника партизанам.

Среди вязов приморского бульвара стоят столбы света. Поразительно ясный день странен в своей безответности. Все еще жило в памяти: горная дорога с сопками по бокам, падающие в пропасть машины, купание в заливе, моряк с искрами в карих глазах, досужие мальчишки, как смутно вспоминалось, пытавшиеся задержать меня в воде — не дать выплыть в залив навстречу моторке.

С каждым часом тяжелее будет груз памяти. Воспоминания, как сказал один писатель, нечто столь тяжкое, страшное, что есть даже особая молитва о спасении от них. Не эту ли мысль угадали этрусские мудрецы, послав в утешение мне квадрат света? И не только в утешение... Стало легче, совсем легко.

И удивителен был этот сентябрьский день, начиная с этого часа. На дальних сопках за бухтой светились окна домов; за Тигровой сопкой солнце висело уже низко, но лучи его были теплыми, красными — они скользят над горячей красной пустыней Гоби, прежде чем попасть с запада на этот берег. Спешу по низкому мосту над

железнодорожным полотном к моей сопке со стеклянным дворцом гостиницы. Поднимаюсь в лифте на свой этаж и узнаю ту самую женщину, что встречала меня ночью в день моего приезда. А я ее как раз хотел увидеть. Радостно киваю ей головой, она тоже улыбается, улыбка эта кажется знакомой...

Прежде чем подать ключ, она говорит:

— К вам гость... гостья. Она внизу, скоро поднимется к вам.

И на открывшемся запястье ее, чуть ниже рукава блузки, брызнул светом зеленый камень.

Натюрморт с калиной и нефритовым кубком

Легкий стук в дверь. Прошу войти.

Глаза сестры кажутся темными, глубокими, глянец душистых волос над высоким лбом отражает едва заметно оранжевый свет заката в окне...

— Где ты пропадала?! — воскликнул я радостно.

— Где ты была, киска? — промолвила она вполголоса.— Была у королевы английской... Что видала при дворе?.. Видала мышку на ковре.

А за окном — ветреный таинственный закат с малиновыми облаками, серой потемневшей травой, ропотом деревьев под окном, длинными, мечущимися по земле тенями. Мы сидим с ней за столом, накрытым синей скатертью. Ей необыкновенно идет строгое выражение лица. Я говорю это вслух. Она даже не улыбается. Снова стук в дверь. Сестра говорит:

— Это ко мне. Я открою дверь сама...— Она оставляет меня за столом, подходит к двери, и ей что-то передают из рук в руки. Там мелькнул зеленый камень и рукав светлой блузки. Появилась ваза с ягодами и кубок. Она возвращается с этими дарами, но меня не удивить инопланетными странностями. Она говорит:

— Это калина. А кубок из нефрита.

— Так я и поверил...

И тут она едва заметно улыбнулась.

На синей скатерти перед нами — глиняная ваза, доверху наполненная калиной, и темно-зеленый кубок. Тени от вазы и кубка размыты: свет вокруг необыкновенно мягкий, и когда ветви деревьев за окном кланяются ветру, летучий узор скользит по серо-зеленой стене. Я украдкой

рассматриваю выпуклые линии ее платья с малахитовым отливом.

Беру из вазы ягоду... нет, не беру, потому что ягода какая-то не такая, она очень тяжелая и остается в вазе.

— Что это?

— Видишь ли, это не простые ягоды... А дело вот в чем. Наш десантный бот приземлился в укромном месте, в узком распадке, и был хорошо укрыт от посторонних взглядов. Вдруг утром, когда экипаж покинул его, на распадок опустили металлический каркас и бетонные конструкции. Когда экипаж вернулся, он буквально не узнал места, где спрятан был корабль. Там высился купол. Оказалось: сооружение возведено по проекту Дальшахтстроя за один день. И бот оказался замурованным в распадке, который был перекрыт для эксперимента с солнечными нейтрино... можешь представить?

— Представить трудно. Кому понадобился распадок?

— Дальневосточному филиалу Академии наук. Бот они не заметили, потому что мы применяем электронный камуфляж...

— Я это знаю. Сквозь ваш корабль видно все, как через стекло.

— Нужно вывести бот наверх. Но мы не имеем права трогать все эти металлоконструкции. Так запрограммированы и наши роботы. Если даже мы дадим команду разобрать перекрытие над распадком, они откажутся. И это будет точным соблюдением наших собственных правил и принципов отношений с людьми, с планетой.

— Но вы потом все восстановите!

— Да. Но роботы все равно откажутся.

— Ну, знаете... покорители космоса! Вам далеко еще до атлантов. Боюсь, им удастся перенести на свою планету все, что сделано человеком за тридцать тысяч лет, а вы останетесь тому свидетелями.

— Это не так. Ты это знаешь.

— А как же принципы? Разве они позволяют вам бороться?

— Перестань.

— Но это правда! Они уже унесли память об Атлантиде. Уверен, что на месте битвы этрусков и атлантов в Сангарской долине не найти сейчас даже наконечника копья! А вы размышляете, можно или нет притронуться к металлической ферме...

— Нельзя быть не правым во имя правды и правоты... Скажу более: мы думаем, что перекрытие — дело рук

атлантов. Не они, конечно, придумали его, но они ускорили всю работу там, в распадке, они помогали строителям, оставаясь невидимыми. Да, мы знаем это почти наверняка. Но это не дает нам прав сверх тех, что мы сами определили на этой планете... Даже когда мы бессильны на первый взгляд, мы ищем выход — и находим его. Сейчас нам поможешь ты. Если команду роботам подаст человек этой планеты, они выполнят ее. Так они настроены и запрограммированы.

— Буду рад помочь... если только в этом все дело.

— Ягоды — это особые точки, связанные с тем пространством... они точно клавиши, передающие сигналы... И кубок — тоже. Попробуй его поднять.

— Не могу. Он неимоверно тяжел.

— Да. Он весит двадцать тысяч тонн, но покоится, едва касаясь стола и синей скатерти. Передвинув его, ты подашь команду роботам и одновременно на условном языке расскажешь им, как выполняется работа. Каждая ягода — один из этапов этой работы.

— Понимаю. Но как я сдвину кубок, если даже ягода слишком тяжела для меня?

— Я сниму блокировку. И он станет легким...

Я крепко сжал каменный кубок. Он был все еще очень тяжел. С трудом придвинул я его к чаше. Показалось, что между камнем и керамикой проскочила белая искра до того, как они соприкоснулись.

— Распадок открыт,— сказала сестра.— Три минуты вполне достаточно, чтобы корабль поднялся, ушел из расщелины, в которой он прятался до сих пор. Теперь надо закрыть распадок, вернуть все на свои места. Поставь кубок поодаль от вазы.

Я передвинул кубок по столу, и мне показалось, что опять проскочила искра между камнем и керамикой,— сверкнул огонь, но теперь был он изумрудного цвета. На синей скатерти я увидел выпавшую из чаши ягоду. И, словно угадывая мою мысль, сестра сказала:

— Теперь верни в чашу выпавшую ягоду. Это будет означать конец программы и разрыв связи между кубком и перекрытием.

Я взял ягоду и положил ее на горку таких же темно-красных ягод. И опять показалась искра, точно сверкнул багровый глаз зверька, преследуемого огнем.

— Все,— произнесла она.— Ты помог нам.

— Пустяки.

— Спасибо тебе.

— Ты что же, собираешься исчезнуть?

— Есть несколько минут. Я рада, что увидела тебя.

— Несколько минут...— повторил я машинально и подумал, что большего я не заслужил.— Этот ваш малый корабль, бот или как вы там его называете... был нужен для операции «Суперберд»? То есть для того, чтобы защитить Леню и меня?

— Не только для этого...

— Расскажи еще о самом начале...

— Видишь ли, мы знали о чужих кораблях раньше. С удивлением обнаружили следы посадки на Землю в разных местах, в том числе и на побережье. Никто не имел права оставлять инопланетных следов — и все же это было фактом. Фактом для нас. Если бы это стало фактом для вас, то последствий никто не смог бы предвидеть. Одно это уже меняет судьбу цивилизации. Борьба за контакты перерастает в гонку, найдутся люди, готовые сделать на этом бизнес. Что в этом отрадного? Разве мало уже на планете дремлющих ядерных левиафанов?.. Атланты пробрались в Сангарскую долину, на место старой битвы. Здесь впервые им было оказано сопротивление — незримое, но серьезное.

— Значит, там, в Сангарской долине, они как бы вторично потерпели поражение? Десять тысяч лет спустя после той битвы, так?

— Не надо громких слов. Тем более что тысячелетия спустя не имеет такого решающего значения — факт военной победы или поражения. Предки одержали победу над страшным и сильным врагом, они проявили стойкость и мужество. Но для будущего важнее наша невидимая работа в Сангарской долине и других местах. Они пытаются похитить памятники самого древнего периода Этрурии, клады хаттов и хеттов, трипольских славян и филистимлян, рутенов и даков, балтов и готов. Именно из-за их экспедиций в истории хаттов, славян и колоний русофиникийцев зияет провал. Кто они, сыны леопарда? Росены, расены, русичи. По крайней мере, так можно понять, исходя из истории Восточной Атлантиды. Недавно оказалось, что это половинчатое объяснение. Имя народа берет начало из двух больших истоков. У русских это росены-русичи и руштии-пахари. Руш, раш — так звучали слова «хлеб», «зерно» у этрусков. Леопард-рыс и хлеб-руш дали имя народу.

— Эти два истока должны быть схожими, созвучными...

— Так и было.

— Где они сейчас?.. Где прячутся большие корабли атлантов?

— Везде. На своей планете. На Земле. На Венере.

— На Венере?

— Близ Венеры обнаружены их орбитальные станции, искусно, впрочем, закамуфлированные. Выглядят они как... базальтовые глыбы. Но именно там их главные базы и причалы. Оттуда выходят в экспедиции их десанты.

— Венера, по верованиям древних,— планета, помогающая магам.

— Не все, что делали и делают атланты, напоминает черную магию. Они первыми открыли целебные свойства змеиного яда, у них была письменность, они строили каналы, гавани, дворцы и храмы — и все это двенадцать тысяч лет назад. Сейчас они маги в области техники.

— Я знаю. Что нас ждет?

— Борьба.

— Заклинаю: дайте мне оружие.

— Видишь ли, это сложно... И атланты и мы применяем волновое оружие. Действие его носит туннельный характер: оно не обнаруживает себя в пространстве до тех пор, пока не достигнет зоны действия. Тогда вдруг разрывается привычная связь, даже временна́я последовательность событий. Даже мелочи оказываются исполненными скрытого смысла... У атлантов под горячей пустыней Венеры, в глубоких катакомбах, напоминающих каньоны и карстовые пещеры, укрыты мастерские и ангары. В планетных разломах горят искусственные огни и текут искусственные ручьи. И племя карликов мкоро-мкоро, переселенное с другой планеты, ютится там в небывалой тесноте. Карлики плавят кристаллы и куют металлы для волнового оружия атлантов.

— Чего хотят карлики мкоро-мкоро?

— Не знаю. Но атланты верны себе: они принуждают других работать во имя своих интересов.

— Еще вопрос. Тогда, на побережье, они знали уже, с кем имеют дело?

— Они обнаружили наши корабли на окололунных и марсианских орбитах.

— Они сбили бот,— сказал я.— Селфридж был атлантом, во всяком случае, этот доблестный офицер присвоил себе чужое имя, чужую судьбу и, возможно, убил своего предшественника. Вы знаете уже... или нет?

— Да, но помог нам ты.

— Хорошо, что научились читать мысли с помощью светового кода.

— Мысли передаются чаще всего не кодом, а непосредственно, трансляцией образов. Иначе говоря, нет таких посредников, какими являются слова в языке, порой не только ограничивающие возможность обмена мыслями, но и прямо искажающие смысл, содержание. Код нужен для передачи некоторых абстрактных понятий, он является вспомогательным средством, как, например, линейки в тетради для письма.

— Недаром, оказывается, слова «свет» и «мысль» издревле рядом. Вот на чем основана техника телепатии!

— Есть еще одна возможность. Свет фонаря, горящей спички или автомобильной фары хаотичен, число фотонов, испускаемых в единицу времени, случайно, хотя и близко к какому-то среднему. Поэтому фотоны могут образовать последовательность, похожую на сигнал. Такой случайно возникший сигнал может длиться, скажем, всего одну сотую долю секунды, но для нас этого может оказаться вполне достаточным.

— Скажи, задержка вашего бота в распадке... помогла атлантам?

— Разумеется. И означала еще одну их экспедицию по сбору материалов о прошлом, как они это называют.

Трезубец Нептуна

Около восьми утра позвонил Леня. Мы должны были осмотреть раскопки палеолитической стоянки.

— Километров четыреста. Три часа езды.

— Леня, ты преувеличиваешь возможности твоей машины. И свои — тоже.

— Нет,— лаконично парировал он выпад.

Я собираюсь. Вспоминаю, что палеолит — это канун великой Атлантиды. Теперь, когда атланты вернулись и похитили многое из того, что могли раскопать ученые близ их метрополии, остается одно: надеяться на косвенные доказательства. Об Атлантиде могут рассказать океанские отложения, частицы вулканического пепла, сохранившиеся в земле, камни, отшлифованные рукой человека. В простой глиняной фигурке я смогу увидеть след влияния другой, далекой культуры. Рисунок на глиняном черепке подскажет, куда приставали древние корабли, как выглядели пришельцы, высаживающиеся на берег. Даже раковины

и моллюски, служившие лакомством в незапамятные времена, красноречиво свидетельствуют о многом. Существует целая наука о раковинах моллюсков — конхиология. Тихоокеанские раковины каури найдены в скифских курганах. Раковины из Атлантики — уж это-то я давно знал назубок — находят в этрусских гробницах. В Крыму обнаружены гости из Индийского океана, окаменевшие останки пантеровой циприи и близких к ней видов.

Разговор с Леней в машине:

— На Японских островах найдены черепки глиняной посуды, изготовленной тринадцать тысячелетий назад.— Я откидываюсь на спинку сиденья и вполголоса добавляю: — Это предшествует расцвету Атлантиды на другом конце земного шара.

— Откуда ты это знаешь? — неожиданно спрашивает Леня, не поворачивая головы, и сам себе отвечает: — Впрочем, ты ведь археолог...

— Жаль, но археологи об этом даже не слышали.

— Как это?

— А так. Об Атлантиде написал Платон. И все. Никто из археологов не принимает всерьез им написанное.

— А ты?

— Я верю ему.

— Мне говорили, что на нашей стоянке тоже обнаружены какие-то древности. Им десять тысяч лет или даже больше.

— Это время атлантов.— И я ловлю себя на мысли, что подчеркиваю, как будто нарочно, свою приверженность теме Платона, но в конце концов Леня не сможет догадаться, какие у меня на этот счет есть основания. Жаль, что нельзя с ним поделиться всем, что я знаю. Он не поверит. Я сам иногда спрашиваю себя: уж не привиделось ли все это во сне?

И вот вдали лагерь археологов: брезентовые палатки, рубленый дом поодаль, дым из трубы которого стелется над пихтовой рощей.

Роща подступает к реке, оставляя то тут, то там лужайки, поляны, галечники. Выше по течению угадывается обширное болото.

— На этой террасе нашли сразу две стоянки,— поясняет Леня.

Он останавливает машину. Мы бродим по лагерю никем не замеченные. Потом проглядывает солнце сквозь беле-

сую пелену, и к нам подходит бородач с пустым закопченным котелком в руке. Леня здоровается с ним. Бородач отвечает кивком. Леня провожает его до реки, потом возвращается, ведет меня дальше, к самой стоянке. Бородач возвращается, показывает пластины и заготовки из обсидиана, ножи и остроконечники. Темный блестящий камень гладок и прохладен на ощупь. Попадаются пластины и резцы почти прозрачные, светлого, дымчатого цвета.

— Похоже на ювелирные поделки,— говорит Леня.

— Это древняя дальневосточная традиция обработки камня.— Бородач любуется вместе с нами скребками и наконечниками копий, показывает бусины из воскового агата, оникса, почти прозрачного опала.

— Им больше десяти тысяч лет,— произношу я вслух.

— Около пятнадцати тысяч лет,— поправляет бородач.— Кое-что пропало. Пашня отняла у нас самый верхний горизонт. Культурный слой был нарушен... и все же это настоящий палеолит. А чай, наверное, уже готов. Приглашаю.— Он сделал любезное движение рукой.

У костра я невзначай спрашиваю его о самых интересных находках. И он вдруг изменившимся голосом говорит о раковинах пантеровой циприи.

— И они были найдены здесь?! — восклицаю я не без удивления.— Это ведь моллюск из Красного моря или Индийского океана!

— Да, найдены,— произносит бородач потухшим голосом.— Но представьте, ящик с этими раковинами и гончарными изделиями пропал по дороге в город.

— Как это пропал? — тихо спрашивает Леня.— Ты нам, Николай Трофимыч, сказки не рассказывай. Почему же я этого не знал до сих пор?

— Да потому, что случилось это три дня назад.— Николай Трофимович разливает чай по кружкам, шарит в рюкзаке, достает банку с медом, угощает: — Наш, дальневосточный.

Я стараюсь не выдать волнения. Пантеровая циприя — свидетель неведомых путей древних мореплавателей. Глиняный черепок говорит об очень ранней культуре, быть может, более ранней, чем на побережье Атлантики. Или... или это следы дальних экспедиций самих атлантов. Следы. И они теперь уничтожены.

— Как же так? — говорю я, выразительно глядя на археолога.— Вы хоть представляете, что эти находки означают?

Леня дергает меня за руку: слишком резко, мол.

* * *

...Когда уже в городе я узнал о похищении клада чжурчжэней, знакомое ощущение пришло ко мне и больше не покидало: я стал свидетелем преступления. А следы прошлого вели к истокам древнейших цивилизаций, к неолитической революции, всколыхнувшей сознание человека и человечества.

...Вместе с Леней Абашевым мы обошли стенды музея, где хранились изделия искуснейших мастеров Дальнего Востока. Тонкие железные ножи, иглы, топоры наводили на мысль об артистизме этих мастеровых, об удивительном проникновении в тайны материала. Лезвия были изящны, а наконечники сохранили свою форму, несмотря на то, что последний из здешних умельцев-чжурчжэней был полонен еще монголами.

Мы прошли в запасник музея, и седая представительная женщина рассказала о кладе чжурчжэней, который неожиданно исчез. Что было в том кладе?.. Она по памяти стала перечислять ювелирные изделия, серебряные фигурки, предметы быта. Не было ли там фигурки с шестнадцатью лепестками наподобие ромашки?.. О, такая фигурка, кажется, была. Точно ли было именно шестнадцать лепестков в этом металлическом цветке?.. Да, шестнадцать.

Леня смотрит на меня с почтением и некоторым удивлением, хотя лицо его со стороны могло бы показаться невозмутимым. Но меня не проведешь. Я уловил заинтересованность Лени и спокойно объяснил ему спустя пять минут после разговора:

— Это же стилизованная японская хризантема! Вполне понятно, что чжурчжэни были с ней хорошо знакомы.

Но я умолчал о другом. Одновременно это был знак стилизованного Солнца. Тот же рисунок сохранила серебряная финикийская ваза, которой без малого три тысячи лет, и ваза, найденная на Кипре, и этрусский фонарь из Кортоны. И те же шестнадцать лепестков были обнаружены на «солнечных камнях» в Бразилии, на Канарских островах и в других местах побережья Атлантики. Внешне типичные японцы и баски похожи, это доказал еще этнограф Иошитоми. Можно говорить и о сходстве обоих языков. Атлантолог Коллингтон доказывает, что индейцы Гватемалы говорят на языке, очень похожем на язык басков. Негры одного из африканских племен без переводчика понимают японцев.

И здесь нити вели в Атлантиду. Или, точнее, в Атлантику и Средиземноморье. Словно для гигантских волн судьбы, разбросавших причудливо творения рук человеческих и сами человеческие племена и языки, не было преград. Но это никакие не волны, вот в чем дело. Все гораздо проще... И опять сжалось сердце: сокровища исчезали в далеком приморском городе — еще одна причина моего здесь пребывания.

В фондах Приморского музея хранились костяные изделия керекской культуры из пещеры Омаян. В самом быте кереков много сказочного, необъяснимого. Усопших они отдавали морю. Их жертвенники были уставлены врытыми в землю китовыми челюстями, каждая из которых была окружена моржовыми черепами. Женщина показала нам следы ног духа-хозяина этих мест.

— Но это след человеческой ноги, увеличенный вдвое! — воскликнул я.

— Нет. Этот след оставил жрец,— ответила женщина.— Он скопировал его с неведомого нам эталона.

— Похоже на след бигфута, пресловутого снежного человека,— заметил Абашев.

— Возможно,— сказала женщина.— Мы точно еще не знаем. Ведь некоторая доля невежества обязательна для исследователя.— А я подумал невольно о жребии, который мы выбираем или который нас находит сам: ее жребий — быть хранительницей старых слов, обрядов, вещей, незапамятных историй.

От нее я услышал о стоянке Ушки. Возраст ее примерно соответствует катастрофе в Атлантике. Люди жили здесь десять с половиной тысяч лет назад. В обширном поселке найдены остатки семнадцати жилищ. У некоторых есть входные коридоры, каменные очаги. Обитатели этого камчатского поселка охотились на лошадей, бизонов, лосей, разводили домашних собак и добывали лососевых. Потребовалось две тысячи лет, чтобы лишь незначительно усовершенствовать орудия. В этом я видел влияние катастрофы.

Пока Абашев расспрашивал женщину о двойных наконечниках стрел и рыболовных снастях кереков, я вспоминал:

снимок дна Атлантики в районе горы Ампер, который обошел прессу и вызвал сенсацию; можно подумать, что на снимке запечатлена каменная кладка атлантов, так отчетливы, геометрически правильны линии на фото;

неудачи, постигшие подводников, которые повторно хотели сфотографировать склон горы, исчезновение каменной кладки, новые неудачи экспедиции в этом районе;

множество наземных метеоритных кратеров близ американского города Чарлстона, расположенных как бы вокруг некоторого центра в океане, в районе Бермудского треугольника, и гипотезу, согласно которой огромный метеорит или астероид массой два биллиона тонн рассыпал горячие осколки, разделился перед падением на две примерно равные части и оставил двойной след на дне океана в виде глубоких впадин, которые легко и сейчас обнаружить на карте, и эти именно впадины являются центром тяготения осколков близ Чарлстона;

египетские легенды о змее Апопе и борьбе его с богом Солнца: выплеснувшуюся вверх от удара астероида раскаленную магму, похожую в самом деле на гигантского змея, вынырнувшего из глубин морских;

слова скандинавской пророчицы Вельвы: «Великанов я помню, рожденных до века, помню девять миров и девять корней и древо предела, еще не проросшее. В начале времен, когда жил Имир, не было в мире ни песка, ни моря, земли еще не было и небосвода, бездна зияла, трава не росла»;

шестнадцать лепестков-лучей вновь ожившего Солнца;

девять миров, девять корней и девять островов атлантов, древо мира, ясень Иггдрасиль, по стволу которого снует резвая белка Ротатоск. А над ним парит священный орел, птица мудрости, чьи слова белка передает вниз, дракону,— и дерево мира в «Слове о полку Игореве», где сизый орел и мысль-белка, которая по древу «растекается», свидетельствуют о мудрости певца Бояна.

* * *

Но когда-то дерево мира существовало. Тогда Азорские острова были намного выше и больше по площади. Они были центром империи атлантов. Еще и сегодня остров Пику возвышается на два с третью километра над уровнем моря. Его главный вулкан достигал раньше отметки пяти с половиной километров. Огнедышащая гора была видна со всех сторон, с расстояний более трехсот километров, и была она зеленой от субтропической растительности внизу и альпийских лугов вверху, а вершина ее курилась, и дым поднимался чуть ли не до стратосферы. Призрачно-яркий зелено-желтый столб дыма как бы продолжал гору, обра-

зуя ствол мифического дерева мира. Три корня этого дерева были хорошо заметны издалека. Это острова Пику, Сан-Жоржи и Фаял. Тогда не было проливов между ними, и горные кряжи, выступавшие из воды, действительно дали повод назвать их корнями. А другой миф говорит о трезубце Нептуна, или Посейдона. Ибо те же острова были похожи на гигантскую скалу-трезубец.

Согласно китайской легенде полководец Кун-Кун, проиграв сражение, в отчаянии бьется головой об исполинские бамбуковые столбы, поддерживающие небесный свод. Невиданная толщина и прочность этих столбов ко времени события уже вошли в поговорку. Голова воина, как и подобает, оказалась крепче бамбука. На месте поверженного столба образовалось отверстие в небосводе, из которого хлынула вода. Так начался потоп.

...Я листал книгу с музейной полки. Запомнился чукотский миф о Вороне, добывающем свет. Сначала куропатка, или зимушка, продалбливает зарю. В образовавшееся отверстие проникает Ворон. Попадает он в другую вселенную — мир кэле. У дочери кэле Ворон выхватывает мячи, которыми та играла. Расколов эти мячи клювом, птица освобождает Солнце, Луну и звезды.

Нет, не всегда светило людям солнце! О том же говорят легенды юкагиров, алеутов, коряков, ительменов. Но здесь, на Дальнем Востоке, образ похитителя Солнца и света иной. Нет и в помине огненного змея, потому что не нашлось очевидцев катастрофы. Светящийся болид, затмивший светило, и многокилометровая струя магмы, поднявшаяся вверх, не были видны отсюда.

...В ярком свете резко проявляются контуры наскальных изображений, перенесенные на бумагу рукой современного мастера, плохо чувствующего звериный стиль давно минувшего. И только для меня скользят волнующие тени, трепещет пламя костра на ветру, сначала едва слышно, потом громче звучат тамтамы, и охотник на каменной стеле напрягается — я вижу его в пластичном рывке с копьем в руке... Отсветы на мертвом камне, желтые и знойные; мерцают ожерелья и сердоликовые бусы, тяжелые подвески, яшма и аметист, алые корнеолы и синие камни бессмертия. Пробегают тени, я узнаю три древние расы — карликов, великанов, людей. Великаны атланты утонули в поднявшихся волнах. Люди остались, чтобы рассказать потомкам о борьбе богов и титанов. Карлики ковали оружие тем и другим. Кто осмелился подняться против атлантов? Боги. Их звали, правда, этрусками.

Часть четвертая

Западня

Хоста

Первого октября похолодало. Только в Находке, за горами, было еще восемнадцать градусов, там купались. Абашев сказал, что поедет в Находку.

— Зачем? — спросил я.

— Отдохнуть,— ответил Абашев с такой интонацией, будто он смертельно устал. Наверное, так оно и было.

Что ж, в этом была доля моей вины. Меня преследуют случайности. Лучше уехать, кто знает, что может произойти завтра — с ним и со мной. Так я оказался у авиакассы. Моя командировка кончилась. Нужно было выбирать: лететь в город детства, на север, где еще прохладнее, или... Минута замешательства, потом твердым голосом я произнес:

— Один билет на Сочи найдется?

Повезло: билет нашелся. Я позвонил Лене, сказал, что лечу отдыхать. Он заявил, что отвезет меня на аэродром.

— Ни за что! — воскликнул я.— Доберусь автобусом. Билет на экспресс уже на руках.

Он все же приехал вечером. На нем были походные брюки, шнурованные светлые ботинки, краги, куртка. Выглядел он таким молодцом, что я едва не согласился поехать с ним. Но вовремя одумался. Я не имел права подвергать его риску.

Он подвез меня к вокзальной площади. Мы ждали экспресс. Но его не было. Пришел обычный рейсовый автобус. Попрощались. Моросил дождь, и сквозь слепое стекло я видел его у машины. Он махал рукой, и движения его были как в замедленном фильме.

Автобус долго трясся на плохом шоссе,

неведомо как проскочил поворот на аэродром, я стал волноваться: не опоздать бы к рейсу! Но вот вдали показалась синяя вывеска аэропорта, знакомое застекленное здание, машина лихо подскочила к самым дверям, я вышел, обогнал попутчиков и забросил чемодан на весы.

За стеклом на дороге в свете фонарей едва различалась фигура верхового, а рядом с ним шли двое, и один из них держал коня под уздцы. Как на этрусской фреске «Кампана».

На фреске изображены древние мои знакомые. Впереди мужчина с топором на плече. За ним рослая женщина со вздернутым носом ведет под уздцы коня. Мальчик, сидя на коне, держится рукой за мать. Другой рукой он держит за поводок молодого леопарда, сидящего за его спиной, на крупе лошади. Леопард доверчиво положил лапу на плечо мальчика. За лошадью бежит собака. Мужчина на этой фреске чем-то похож на Леню Абашева. Наверное, у него будет такая же дородная жена. И сын его будет похож на мать. Эта мысль позабавила меня: не лучше ли вместо того, чтобы вызывать из прошлого дух неизвестного этруска, перенести туда Леню с его автомобилем?

В салоне был приятный полусумрак, и я заснул под рокот всех четырех моторов. Полусонный, я выходил в Хабаровске и в Благовещенске, затем в Иркутске, и везде было холодно и темно. Мы летели на запад, и утро не могло нагнать нас. Это была самая долгая ночь в моей жизни. Над Иркутским аэродромом парил яркий белый огонь, похож он был на звезду, но несравненно ярче. Когда он вырос, превратился в шар и завис над головой, сосед по креслу произнес, нагнувшись к моему уху:

— Спутник, наверное.

Я не стал возражать. Шар вскоре исчез, растаял, а мы двинулись к самолету. После Челябинска самолет взял курс на Свердловск, потому что кончилось горючее. Там шел снег. Ветер рвал полы моего плаща, а я думал о море. Неплохо, что я уже почти в Сочи. Почему-то не верилось, что там тепло. Но когда мы приземлились, я убедился, что субтропики не подвели: плюс двадцать один, как всегда в октябре... Такси — и новое шоссе с эстакадой...

Вечная проблема: где остановиться? Не люблю заранее бронировать номера в гостиницах, слать просительные телеграммы, хлопотать. И потому крепко мне достается в приморских городах, особенно в первые дни. Как ни

отнекивался я, но общество книголюбов выручило меня во Владивостоке. Теперь выручать было некому.

Оставалось вспомнить последний день моего отъезда из Хосты в прошлом году. Тогда, после исчезновения моей знакомой из Новой Этрурии, я провел на море три дня. В последний день я приметил гостиницу, спрятанную в роще.

Случилось так, что самолет мой не улетел тогда в час дня, рейс отменили, а в справочном бюро аэропорта объяснили любезно, что о регистрации будет объявлено через два часа. Я сдал чемодан в камеру хранения и опять подошел к справочному окошку.

— Через два часа? — допытывался я на всякий случай.— Это начало посадки? Или регистрации?

— Ни то ни другое,— ответило окошко.— Через два часа объявят, когда начнется регистрация.

— Только объявят...— разочарованно протянул я.

— Почему только,— возразили мне.— Объявят!

Что можно сделать за два часа? Заглянуть на базар рядом с аэровокзалом. Наведаться в магазин. Занять место в кресле, если повезет, и просидеть в нем эти два часа и еще столько часов потом, сколько прикажет погода в аэропорту назначения.

Это не для меня. Я вышел на площадь, сел в такси и на вопрос шофера, куда ехать, ответил:

— К морю. Направо, потом — к самому берегу.

— Значит, в сторону Кудепсты,— уточнил водитель.

Мы неслись по новому шоссе, которое напрямую связывает аэропорт с приморским городом. Но тогда это шоссе местами еще не было готово, и мы свернули с полотна вправо, с минуту петляли среди пыльных придорожных кипарисов, крохотных домиков, нашли старый мост через речку и устремились в объезд неготового участка шоссе. Тут я и увидел вывеску: «Привал». И буквы помельче: «Гостиница».

— Попасть туда можно?

— Под Новый год, наверное, можно,— ответил шофер.

Сам по себе этот дом, утонувший в зелени, тогда не заинтересовал меня нисколько! Вот гостиница скрылась, мы миновали поворот — две минуты, и под колесами шуршит галька. Мой замысел прост: шофер ждет в машине, я раздеваюсь, радуюсь октябрьскому солнцу, плаваю, пока счетчик такси глотает минуты и выплевывает их в виде цифр на табло.

Излишне, наверное, говорить о том, что я опоздал на самолет. Впрочем, не из-за моей забывчивости. Отлет объявили через два часа, как мне удалось узнать в окошке.

— Через два часа даже посадки еще не должно быть,— растерянно возразил я.— Что же делать?

— Не советую догонять взлетевший самолет,— ответила женщина,— лучше подождать.

— У меня ни рубля. Как нарочно, решил покататься напоследок на машине.

— Придется пешком...

Вот почему я надолго запомнил и экскурсию к морю, и такси, и гостиницу, и посадку. Сжалившись, пустили меня все же в самолет без доплаты.

* * *

Я снова проезжал мимо той самой гостиницы.

— Останови! — попросил я шофера.— Я ведь дикарь, путевки у меня нет, мама, папа в профсоюзах не работают, отсюда — необходимость быть вполне самостоятельным.

— Понятно,— сказал шофер.— Подождать?

— Ну да. Я мигом.— А сам в вестибюль, к администратору.

— Нет мест,— ответила она.

— Совсем нет? — пророкотал рядом с окошком брюнет в темной сорочке с белым галстуком и черным пиджаком через плечо.

Пауза. Молчание. Я отхожу от окошка. Отхожу — и краем глаза успеваю заметить, как белый галстук этот протягивает документ. Но в ту же секунду паспорт его вылетает из окошка назад. Две красные купюры, заложенные в нем, начинают порхать по вестибюлю, как субтропические бабочки. Брюнет ловит их, загривок его багровеет. А я решаю: мест действительно нет.

Этруски на огневом рубеже

После красноречивой этой сцены я повернулся, взял чемодан и пошел прочь из вестибюля. Не успел я сделать и трех шагов по дорожке, усыпанной мелким гравием, как меня дернули за рукав. Оглянулся — мужчина в форменной тужурке с аккуратным пробором седых волос с заискивающей интонацией:

— Для вас место найдется. Я побеспокоюсь...

С минуту размышляю. Он повторяет вполголоса, доверительно, что раздобудет место хоть из-под земли. В этой именно гостинице. Готов поддаться на его уговоры, еще раз окидываю его взглядом. На бледном лице выражение угодливости. Никак это не вяжется с только что виденным. Странные у него глаза. Решаю, что он выпил ради субботы, морочит мне голову да еще надеется на магарыч. Настойчивые просьбы поверить ему не рассеивают сомнений. Поверить ему? Ни за что!

Упрямство — не лучшее из моих качеств. Оно ведет меня к черной «Волге». Это не такси. Все равно. Поднимаю руку, за стеклом — энергичный кивок, дверца открывается сию минуту, как будто там, в машине, ждали моей просьбы подкинуть в Хосту.

Взлетаем на шоссе, с эстакады видно море, серо-зеленое, беспокойное, но наверняка теплое. Спрашиваю водителя о погоде. Он говорит, что в конце сентября, как это часто здесь бывает, штормило, лили беспрерывные дожди, гуляли над городом ветры.

— Второй потоп...— вполголоса замечаю я.— Но теперь здесь хорошо...

— Где остановиться? — Вопрос этот он мог бы и не задавать, потому что машина уже затормозила на вокзальной площади.

— Здесь,— отвечаю я.— Вы угадали.— И протягиваю ему сложенную зеленую бумажку, но он делает рукой движение, означающее, что денег с меня не причитается.

Что бы это могло означать? Провожаю машину взглядом и начинаю соображать, что инстинктивно выбрал обычную свою исходную точку. Отсюда две дороги — к вокзалу, где загорелые домовладелицы предлагают комнаты и койки, и к знакомому месту на горе, куда ведут сто двадцать ступенек. Чемодан в этом случае следует оставить в камере хранения. Как когда-то.

Бреду по улице с фруктовыми магазинчиками, ларьками со столовыми винами в разлив и на вынос, застекленным курортторгом. Останавливаюсь у тира.

Хочется расхохотаться. Петлял я как заяц и, сделав петлю времени, снова вернулся к старым рубежам моих приключений.

Покупаю свинцовые пули для духового ружья. Целюсь в яблочко электронной мишени. Рядом со мной — сетования на сбитый прицел. Ну что ж, если в этом тире подают ружья со сбитой мушкой, попытаем все же счастья. Бью

в десятку двенадцать раз. Промахов нет, в чем я лишний раз убеждаюсь, когда кладу винтовку на полку и ловлю удивленный взгляд коренастого хозяина тира.

— У вас есть деньги? — спрашивает крепыш ошарашенно.

— Разумеется,— говорю я.

— Не попробовать ли вам сбить вон тот самолет.— И он показывает рукой на дюралевый аэроплан, подвешенный на тросе.— Знаете, сегодня только трое смогли попасть в этот моноплан, это самая трудная цель в нашем тире. И не только в нашем. Даже в Сочи стрелять неинтересно после того, как вы собьете эту мишень... кстати, за попадание полагается премия — еще один выстрел.

Все это он выговорил одним духом, глядя мне в глаза и одновременно давая жестом понять посетителям, что сетования на плохие ружья обижают его.

— Что ж,— говорю я ему.— Риск невелик. Но ведь если я попаду, то деньги не пропадут, и я получу право еще на один выстрел, так?

Он растерянно мигает, соображая, не валяю ли я дурака. Что ж тут прикидывать, папаша, я действительно валяю дурака, у меня отпускное настроение, несмотря на мелкие неприятности.

Мой выстрел заставляет самолет тревожно выть, он слетает по стальному шнуру вниз, ударяется о пружину, и в тот же момент автоматически включается бравурный марш. Первое попадание.

Несколько прохожих остановились у тира, румяная от солнца блондинка в шортах заглянула в открытую дверь, тоже остановилась. Хозяин сам заряжает винтовку, подает мне, утвердительно кивает. Ни звука — лицо его становится важным.

Самолет медленно поднимается на свою позицию. Прикладываюсь к легкому теплому ложу, нажимаю на спуск. Все повторяется. Самолет гудит, гремит музыка в мою честь, на этот раз — первый Бранденбургский концерт Баха. Это подкупает. За спиной собирается народ, публика. Морской воздух всегда действует на меня так, что я не узнаю себя подчас. Еще выстрел. Снова попадание.

Откладываю ружье с гримасой: неинтересно. Но кто-то за моей спиной требует продолжения:

— Браво! Еще разок, пожалуйста!

Ну что ж, нужно продолжить. Времени у меня хоть отбавляй. И проблема вполне конкретная, имеет только одно решение. Спорт.

Четыре попадания подряд. Блондинка зовет свою подругу:

— Ты посмотри, Таня, как он стреляет! Ни одного промаха!

Еще пять попаданий. Нужно бы кончить забаву, какникак она привлекает к моей персоне внимание. Но не могу. Не могу — и все тут! Снова вой сбитого самолета и музыка, восхищенные возгласы, хмыканье одного из оппонентов, впрочем, вполне понятное: он не попадает даже в тройку электронной мишени.

Хозяин тира с изумленно-растерянным лицом, чисто выбритым, потным, загорелым, заряжает ружье и подает его мне так, как будто это музыкальный инструмент, флейта, например. Еще несколько выстрелов, после которых я решаю: пора промазать хоть один раз, чтобы уважаемый публикум меня наконец отпустил. И в этот момент я слышу возглас:

— Ого! Этруски на огневом рубеже!

Делаю вид, что прицеливаюсь, а сам ищу зеркало. Вот оно, немного влево; и я вижу отражение в нем двух старых знакомых. За ними — третий. На них сиреневолиловые рубашки и джинсы, на том, что дальше от меня,— светлая шляпа. Лицо его в тени, но узнать нетрудно. Кажется, поняли... поворачиваются, отходят. Откладываю ружье, протискиваюсь за троицей следом, но меня кто-то хватает за рукав, кто-то упрашивает повторить, мимо проплывают васильки женских глаз, темные очки следят за мной, но я уже за дверью. Троица поспешает по тротуару в сторону кинотеатра «Луч». Значит, мы скоро будем на вокзальной площади, с той стороны, где в зелени упрятано детское кафе «Веселые картинки».

Они переходят улицу у самого кафе, бегут к автобусной остановке. Автобуса нет. Можно не спешить. Рядом шуршат шины. Та самая «Волга», которая подбросила меня сюда. Шофер открывает дверцу, почти кричит, настойчиво, тревожно:

— Садитесь. Да садитесь же!

Ну нет; на площади показался автобус, подошел к остановке, трое нырнули в его салон. Я в три прыжка пересекаю улицу, направляюсь к остановке. Однако автобус отошел, не дождавшись других пассажиров. И тогда, точно по мановению волшебной палочки, делает широкий разворот еще один автобус, я прыгаю на подножку, успев убедиться в том, что маршрут его тот же. Кроме меня, в салоне десяток пассажиров. Точно два корабля, плывут оба

автобуса по сиреневой ленте шоссе сквозь море платанов, ясеней и кипарисов, а минутой позже я различаю среди машин, следующих за нами, «Волгу» и вижу испуганное лицо шофера за ветровым стеклом. Что это означает? Почему я не воспользовался его услугами? Не знаю, не знаю... Будь что будет.

Справа ленивое море, корпуса белоснежного санатория «Волна». Ниже река, подвесной деревянный мост и еще один мост, железнодорожный, за ним открывается вид на пляжи, где темнокожие, загорелые люди наводят меня на мысль о лежбище котиков. Мыс Видный показал свой серый нос, уткнувшийся в море, зеленые свои склоны и пятиэтажное здание санатория.

Автобус качало на поворотах, мы объезжали горные щели, по которым струились ручьи, слева высилась зеленая стена гор, и только у Кудепсты открылась долина с рекой. Мы ехали по старой дороге, а новое шоссе висело над самым берегом, и я сообразил, почему не прыгнул в легковую машину: шофер наверняка не понял бы моего замысла следовать за автобусом по сумрачно-зеленым виражам. Иного шофера и не уговоришь теперь свернуть на старую, допотопную дорогу, которая оставлена как местная достопримечательность — вместе с автобусными маршрутами.

За деревянным мостом через речку, на первой же остановке, троица выпрыгнула и устремилась к гостинице «Привал». Через минуту я шел следом. Чемодан оттягивал руку, и я всерьез подумывал о том, чтобы спрятать его где-нибудь в кустах, а потом вернуться за ним. Один из троих, в светлой кепочке, оглянулся. Перед ними открылась стеклянная дверь вестибюля. Некоторое время спустя я нырнул в нее. Их шаги раздавались по лестнице, которая вела на второй этаж. Странно, что меня никто не окликнул и не остановил внизу. Словно гостиница поджидала меня. Я поднялся на второй, на третий этаж. Но еще не догнал их. Еще один этаж... Когда я ворвался за ними в номер, то не сразу сообразил, почему комната была пуста. Видно, сдали нервы, я устал, мне надоело вслушиваться и вглядываться в происходящее. Между тем это входило в их расчеты. Я поставил чемодан на пол, огляделся. Здесь, в номере, была только софа, кресло, столик и цветная гравюра. Я знал: дверь за мной была заперта. Но я все же подошел и толкнул ее. Она недружелюбно гуднула, и послышались осторожные шаги за ней, в коридоре. Так я оказался в этой гостинице.

Уж лучше бы мне остаться во Владивостоке и купаться в пятнадцатиградусной воде весь октябрь, чем оказаться в плачевном положении на лучшем из курортов. Подошел к окну: как и следовало ожидать, под ним была бетонированная дорожка, за ней — низкая кирпичная ограда. Выпрыгнуть из окна я не мог. Но если бы я решился на это, то двое беседующих джентльменов с теннисными ракетками в руках, вон там, правее фонтана, незамедлительно взяли бы меня под руки и водворили на место. Что мне грозило?

Вряд ли они решились бы покончить со мной сразу. Были серьезные основания предполагать, что этого не произойдет.

Истина проста. Час назад, когда грозила беда, мне всеми силами старались помочь. Черная легковая машина послана друзьями, но я сбежал от нее. Ясно как день: шофер не мог сказать напрямую, кто его послал. Слово — тоже оружие, особенно если становится достоянием врага. Хорош был бы я сам, к примеру, если стал бы рассказывать Лене Абашеву или директрисе музея во Владивостоке, почему меня интересуют пропавшие экспонаты.

Да узнай я правду о шофере, я замучил бы его расспросами. Вместо дела вышла бы целая повесть — в конечном счете адресована она была бы любознательным атлантам.

Все сходилось: чтобы убедиться в действенности микрокиборгов, разряжающих клетки памяти, атланты должны слышать меня, следить за мной. Но если я нем или почти нем, меня выдают мои поступки, как это было во Владивостоке и ранее.

Окончательная проверка произошла в тире. Именно там я откликнулся на имя «этруск», значит, память при мне. И мои посещения запасника музея и интерес к Атлантиде — не простое любопытство. Не выдать себя я не мог.

Хотелось пить. На столике темного дерева стоял графин с водой. Рядом стакан... Я налил уж было воды, но потом отдернул руку от стакана. Мало ли что могло произойти. Я был пленником. Может быть, вся гостиница была инопланетным кораблем, который отдал здесь невидимые посторонним швартовы, чтобы изучать, наблюдать, ловить нерасторопных этрусков вроде меня. Здесь же, на столике, был телефон. Снял трубку, набрал номер наугад. Молчание. Открыл ящик стола, где обычно лежат рекламные проспекты и телефонные списки. И то и другое было

налицо. Полистал лощеные страницы. Набрал номер администратора гостиницы.

— Алло! — раздалось в трубке; голос женский, спокойный.

— Добрый день. Звонят из четыреста шестнадцатого номера. Здесь захлопнулась дверь, я не могу выйти!

— Как вы попали в номер?

— Так... увидел знакомых и пошел. Дверь была открыта. Думал, это они. Но ошибся. А дверь захлопнулась. Точнее, ее кто-то закрыл снаружи.

— Ерунда! Такого не может быть! — В трубке тонко, комариными голосами запищали наперебой гудки, как будто я говорил по трем телефонам сразу.

Кто эта женщина? Она с ними или нет? Ответить на этот вопрос трудно. Главное — не проявить тревоги. Пусть думают, что я действительно не разобрался в происходящем. Что ж, позвоним директору... Не отвечает. Нужно ждать. Шофер «Волги» знает, куда я попал. До самого деревянного моста через Кудепсту я видел машину. Она шла следом. Второй звонок администратору:

— Не могу ли я заказать в номер ужин.

— Какой у вас номер?

— Четыреста шестнадцатый.

— Этот номер не обслуживается.— И сотня гудков в ответ на мое: «Да послушайте же!»

Проясняется. Администратор знает, с кем имеет дело. Его предупредили. Похоже, они контролируют всю гостиницу и действительно распоряжаются здесь как у себя на корабле. Но я могу звонить в город. Ну, допустим, в справочное бюро.

— Справочное бюро? Скажите, как проехать к сочинскому цирку?.. Спасибо, ясно. Как заказать по телефону такси?.. Благодарю вас.

Я заказал такси. Обещано через час. Весь этот час я на что-то надеялся. Но телефон в город отсюда все же не выходит, вероятно... Нужно набрать несколько номеров и убедиться, что голоса начнут повторяться. Печально, но факт: несколько мужчин и женщин отвечали мне по всему списку, и голоса их действительно иногда повторялись, я узнавал их теперь. Но отрицательный результат тоже результат. По крайней мере, получено окончательное подтверждение, что я узник. Через полтора часа я снова позвонил тем не менее в бюро по вызову такси. Мне ответил тот же голос:

— Такси ждет вас у гостиницы.

— Откуда вы об этом знаете?

— Такси со связью. Задержка машины за ваш счет.

— Почему же шофер не поднялся в номер?

— Это не входит в его обязанности.— И снова гудки, те же самые по тембру, что и после других разговоров.

Все оставалось на своих местах. Почему? Что мешало атлантам покончить со мной? Ответные действия этрусков, как я убедился, чаще всего напоминали мягкую ядерную реакцию. Эти действия так изменяли характер происшествия, что оно почти не вызывало страха. Не всегда это удавалось. Чего стоила одна только история с Селфриджем!

А может быть, атланты хотели лишь одного: запугать, сломить меня. Как бы там ни было, я и сейчас, в положении пленника, пытался найти скрытые пружины действий обеих сторон.

Настенная линогравюра, из тех, что можно увидеть в гостиницах, раскрыла мне глаза. За кущами сада, среди листвы увидел я женское лицо. Это была... Женя. Украдкой рассматривал я цветное изображение. Гравюра как гравюра. А лицо ее. Или почти ее. Глаза, губы, подбородок; тающие в зелени линии шеи и плеч... Она очень похожа на Женю! Ко мне пришла уверенность, что именно гравюра мешала атлантам, и они этого не сознавали. Как это происходило — я объяснить не мог, как ни ломал голову. Украдкой оглядывал я знакомое лицо. Оно казалось живым и серьезным...

Верят ли атланты, что я ни о чем не догадываюсь? Как удается им избежать огласки в непредвиденных ситуациях? Ответ, наверное, прост: здание это существует лишь тогда, когда его нужно показать мне. Потом оно благополучно исчезает из поля зрения окружающих. Я нарушил старинный принцип: не верь глазам своим.

В западне

Вечерело. Двое с теннисными ракетками ушли. Под окном появился мужчина в шортах со шлангом в руке. Он поливал две клумбы поодаль. Я дождался, когда он украдкой бросил взгляд на мое окно. К нему подошел мой знакомый в светлой кепочке, один из троих. Прикурил, постоял, ушел за угол дома.

Все на своих постах.

Это было даже не волновое оружие. Самая примитивная ловушка. Отчаявшись переборoть нас с помощью сил,

управляющих случайностями, они перешли к прямым действиям. Если на шоссе в Сихотэ-Алине с нами в кости играла как бы сама судьба, готовившая автомобильную катастрофу, если в спортивной гавани моторная лодка воплощала непредвиденную ситуацию, то сегодня противник раскрылся. Но в этом было и много утешительного. Карты открыты, и никто не рискнет меня убрать. По крайней мере, сразу. Что же мне предстоит? Ах да! Они обыщут меня, свяжут, разрядят мою память. В этом можно не сомневаться. Чем они заняты сейчас? Скорее всего меняют вывеску заведения, в которое я попал. Допустим, вместо надписи «Привал» посторонние уже могут прочесть: «Строительство объекта завершает второй строительно-монтажный трест». Ну и конечно, рядом опалубка, мешки с цементом, ящик с раствором, полная имитация завершающегося строительства.

Через полчаса я каким-то седьмым чувством уловил изменения. То были еле слышные шорохи, приглушенные возгласы, быстрые шаги за дверью. За окном — никого!

Сел в кресло, стал вслушиваться. Вокруг все стихло. Захотелось спать, но я боролся со сном сколько мог. И вдруг все же провалился в черноту. Мне снилась узкая длинная подземная галерея, сырая и тесная. Я вошел в нее, наклонив голову. Сделал несколько шагов. Знакомый голос подсказывал:

— Быстрее, впереди будет светло!

Показалась арка, за ней галерея расширялась, она была уже похожа на подземный зал. Я силился — тоже во сне, конечно,— узнать, чей голос мне помогал. Стало светло как днем. Своды над головой уходили ввысь, я поднял голову, чтобы увидеть потолок этого необыкновенного зала, но это не удалось. Казалось, надо мной было небо. А голос торопил, звал. И я повиновался ему.

И вот я узнал его. Это был голос Жени. Я удивился, почему не сразу догадался об этом. Пора проснуться, отчетливо звучало в моей голове.

— Проснись! — услышал я, открыл глаза и на двери комнаты увидел светлый квадрат этрусков. Он был таким большим, что я сразу понял: мне нужно войти в него, шагнуть, как в открытую дверь. Я вскочил, не глядя, нащупал ручку моего чемодана, приблизился к светлому пятну. Шагнул. И тут же меня окружили как бы серые крылья огромных кожанов, под их сенью я пробирался вперед, а рядом шла непонятная мне борьба. Резкие ме-

таллические звуки чередовались со змеиным шипением, скрежетом, визгом. И я спрашивал себя: уж не во сне ли продолжается мое путешествие в этом несказанном пространстве?

— Быстрее! — торопил знакомый голос.

Но я не видел Жени. Теперь было нетрудно догадаться, что я почти спасен. В этой галерее все было так, как привиделось в недавнем сне. Только шумно. Но это была уже обычная борьба с применением волнового оружия и чудес Джинса. Несколько минут я пробирался этой нереальной галереей, у которой стены, казалось, дышали. Иногда они сближались настолько, что я мог лишь с трудом протиснуть тело. Но я продвигался. И вот засиял свет. Стало просторно, открылась зеленеющая даль.

На берег набегали волны.

Я увидел себя у моря, на северном пляже близ Хосты.

Во рту ощущалась полынная горечь, я устал. Присел на гальку. За моей спиной поднималась спина горы Ахун. Откинувшись, я видел деревья, похожие на зеленые волны, бархатные тени, бордовые и вишневые пятна первых осенних листьев, лучистое солнце.

Справа на сиренево-дымчатых склонах застыли белые дома. Были они далеки от меня, я узнавал их. Там, за лукоморьем, начинался Сочи. Пляж был пустынен. На железнодорожной насыпи светились цветы на ломких изогнутых стеблях. Ни души. Красноватую гальку у моих ног лизали тихие волны. Все застыло в эту удивительную минуту как на картине, но вот я поймал легкое дуновение ветра. И почти бесшумно прошла надо мной зеленая электричка.

Рядом цокнул камешек. Обернулся — и не удивился, когда увидел Женю...

Мы грелись на солнце, не расспрашивая друг друга ни о чем. Переоделись. Пошли купаться. Долго лежали на теплых камнях. Тонкие ее пальцы ворошили гальку, я задремал под тихий шорох. Она растолкала меня:

— Пойдем!

— Никуда я не пойду.

— Пообедаем в шашлычной, помнишь?..

Я помнил. Столы под открытым небом, нашего знакомого, с которым когда-то стоял в очереди, старого кота... все помнил. Как будто с тех пор ничего не изменилось. А время неумолимо. И я не бессмертен. В эту минуту снова показался зеленый поезд. Он шел над нами на фоне горы. А я стоял у ее подошвы, не в силах сделать ни шага.

Сердце мое сжалось, и что-то сдавило горло. Женя положила руку на мое плечо, что-то говорила, а я не слышал ее. Поезд ушел в тоннель, и страх овладел мной. С минуту я боролся с ним и думал об этой странной реке времени, которая вот так способна вдруг вынести нас на знакомый берег, в то же место, но совсем, совсем другими, не теми, что мы были когда-то.

— Ты... живешь в «Голубой горке»? — спросил я.

— Нет,— ответила она.— Мне дали один день.

Один день... Это звучало как приговор мне. Все было по-другому, не так, как когда-то. Я молча шел за ней. На ней были белые туфли, похожие на те. Эта мелочь успокоила меня. Поднялись на насыпь, где синие отполированные рельсы сияли на солнце, где порхали бабочки и разная крылатая мелкота и откуда был виден город. В шашлычной я поставил чемодан под стол. Нам дали мясо с луком и сладким перцем, с острым соусом, коричневый кофе в стаканах, с запахом цикория, и, кроме нас, никого здесь не было.

— Ты хотел меня спросить...— сказала она и накрыла мою руку своей ладонью.

— Нет. Я все знаю.

— Ну хорошо. Будем молчать.

Потом мы пошли в камеру хранения, я сдал чемодан, пляжные мелочи положил в сумку, и мы направились к морю. Но не к северному пляжу. Пошли в другую сторону. Перешли речку по висячему шаткому мосту, оставив справа злополучный тир. Поднялись на новое шоссе и по обочине его двинулись к южному пляжу.

По железной лестнице, покрытой ржавчиной, спустились к воде. Тут был темный песок, а у самой воды — зеленая галька с крапинами. Отвесно поднималась бетонная стена, над которой трепетали от ветра, поднимаемого поездами, светло-сиреневые метелки диких злаков. После купания грелись, прижавшись спинами к стене и друг к другу. По веревкам плюща спускались ящерицы и шуршали над нашими головами, охотясь на мух. Октябрьское солнце после четырех часов стояло низко. На море светилась дорожка — отражение солнца от ряби. По мере того как солнце садилось, дорожка разгоралась все ярче. От ладони на бетоне были две тени — одна в другой. Внешняя — от солнца, внутренняя, гораздо более темная,— это след руки на бетоне, куда не проходит прямой свет ни от солнца, ни от сверкающей дорожки на море.

Согревшись, ложились прямо на песок. Я сгреб песок в небольшой холм. Мы располагались после купания на западной стороне этого холма.

Около пяти вечера отражение солнца от морской ряби давало треть общего света. Это можно было проверить по двойной тени на серой шершавой поверхности волнореза, где в выбоинах сновали ящерки, поднимаясь при нашем приближении повыше.

Мы удивлялись отражению от моря, благодаря которому в пять вечера было не прохладнее, чем в полдень. Холм напоминал мне этрусский темплум — ориентированное по сторонам света пространство, предназначенное для закладки города. Если бы я строил Хосту, я расположил бы ее не в долине реки, где дуют вечерние ветры из ущелья, а на склоне горы Ахун, там, куда убегает новая дорога на Сочи. Это самое теплое место на побережье.

— Знаешь, там вечерами, особенно в конце октября, на пять градусов теплее, чем внизу, в долине. Понимаю древних этрусков...

— А современных?

— Не совсем. Почему вы решили, что меня нужно оберегать? Я сам выбрался бы из гостиницы. Дайте мне оружие!

— Если ты его получишь... они спровоцируют тебя. Ты можешь воспользоваться им без надобности.

— А они? Я не кролик, чтобы на мне отрабатывать системы волновых пистолетов Джинса!

— Ладно. Ты прав, и мы это знаем. Может быть, уже сегодня...

— Сегодня! Обязательно сегодня!

— Ладно. Искупаемся. Солнце уже так низко, что не поможет ни темплум, ни отражение, ни бетонная стена.

И до меня дошел двойной смысл ее слов. Она хотела тем самым подчеркнуть, что скоро она покинет меня и я, возможно, не скоро увижу ее.

...Мы выходили из моря, когда тени стали необыкновенно длинными и даже светлая дорожка стала гаснуть. Она сузилась, и последние лучи плясали на воде, но уже не грели.

Три черных баклана пронеслись неподалеку от нас. Женина рука скользнула по моему плечу. Я услышал:

— Мне пора.

— Понятно,— сказал я.— Полет бакланов — условный знак, так предусмотрительно теперь все вокруг нас устроено...

Глаза ее были серьезны, как никогда. Помолчав, она сказала:

— Тот старичок, с которым мы обедали в шашлычной в год нашего знакомства... он был руководителем нашей станции здесь, на побережье. А узнала я об этом потом...

— Почему — был?

— Потому что его убили атланты. И сына его — тоже. Сын его вел ту оранжевую машину, которая помешала Селфриджу...

И, словно утешая меня, Женя протянула мне голубой кристалл:

— Это тебе.

И ушла, не разрешив провожать ее. И, как когда-то, я смотрел ей вслед. Только теперь быстро сгущался послезакатный сумрак, и фигура ее таяла, растворялась в нем, а я сжимал в кулаке голубой кристалл или цветок и загадывал про себя: увижу ее или нет? И где-то внутри меня отзывалось: нет, не увижу.

Традиционная прогулка

Часом позже я взбирался по той самой лестнице, которую хорошо знал еще в год знакомства с Женей. Комната, в которой я тогда жил, была занята, но место для меня нашлось у старичка Сергея Герасимовича в тесовой хибаре с нормальной высоты потолками, светлыми окнами и двумя грушевыми деревьями, развесившими кроны над шиферной крышей. Моя временная жилплощадь ограничивалась семью метрами. Я достал из чемодана маленький приемник, который подарил мне болгарский друг в незапамятные времена; слушал чарующие танцы Дворжака, Грига, Глазунова. В кружке заварил чай, потом листал книгу.

«Во время геодезических измерений в штатах Северная и Южная Каролина проведены аэрофотосъемки; на снимках видны округлые и яйцеобразные воронки, напоминающие метеоритные кратеры. Их насчитывается около трех тысяч, в том числе около ста диаметром более полутора километров. Они занимают площадь более ста тысяч квадратных километров и расположены дугой, с центром в городе Чарлстоне. Это лишь часть поверхности, на которую упало небесное тело, а основной район падения — дно Атлантики к западу от Багамских островов. Асте-

роид взорвался в атмосфере в результате перегрева, разбрасывая осколки на большой площади».

Это об астероиде, вызвавшем катастрофу. Факт, который трудно отрицать. Я не был согласен лишь с тем, что астероид взорвался от перегрева. За время полета в атмосфере нагревается и светится тонкая оболочка, скорлупа, а тело космического гостя остается холодным. Бывали случаи, что после падения на небесных камнях выступал иней. Из-за огромной скорости и сопротивления атмосферы гигантский метеорит мог сбросить с себя скалистые выступы и камни.

В пол-литровой кружке, которую я взял у Сергея Герасимовича, вторые сутки сидевшего на безалкогольной диете, осталось немного чаю. Я пил его маленькими глотками. Погасил свет и лежал с открытыми глазами, слушая, как внизу шумит Хоста. Снова включил приемник. Совпадение: диктор говорил об очередной экспедиции в район Средиземноморья исследовательского судна «Витязь», причем намечалось изучить подводную гору Ампер.

Я поднялся с койки, пошарил в кармане куртки, извлек из него голубой камень, подарок Жени. Что это было? Я не знал, но был уверен, что моя просьба выполнена. Я насчитал шестнадцать граней. Столько же, сколько на древнем символе Солнца. И внутри затаилась белая искра. Кристалл или каменный цветок был размером с игральную кость. Ничего в нем не было примечательного, кроме искры внутри, готовой, казалось, разгореться по моей просьбе. Я попробовал передать мысленный приказ. Ничего не изменилось. Огонек в камне дремал, не обращая внимания на мои пожелания. Положил сувенир в карман и забыл о нем.

Поднял с пола упавшую книгу и положил ее на табурет. Книга легла так, что портрет автора на суперобложке был виден в странном ракурсе: внимательные глаза точно наблюдали за мной. Впечатление было таким сильным, что я невольно отодвинул книгу. И снова чужой взгляд следил, следил... Часто меня сопровождает этрусский квадрат, подумал я, но еще чаще, наверное, атланты наблюдают за мной со страниц книг, которые я читаю. Когда мгновенный страх, навеянный этой мыслью, улетучился, я уснул.

Утро выдалось пасмурное, прохладное. Проспал я, оказывается, до полудня. Вышел на улицу, спустился по лестнице к двум двенадцатиэтажным домам, заглянул

в тир, поприветствовал его хозяина. Он кивнул мне, подавая ружьецо. Значит, все правда и это не сон... Вот и черная машина с приоткрытой дверцей. Но это уж слишком! Я ведь еще не завтракал. Зашел в вареничную, где уже на многих столах красовался обед. Не беда: если пообедать, я как раз нагоню время. Дело не в трех часах. Второго октября я должен был быть в Хосте, поскольку из Владивостока вылетел первого вечером. Стало быть, сегодня, по моим расчетам, третье октября. Из разговора в вареничной выяснилось: четвертое! Стоило ли удивляться? Ведь хорошо помню, как вчера пробирался по галерее и попал сразу в следующий день, где вместо предыдущего вечера в гостинице «Привал» был солнечный пляж у синего моря.

* * *

С обедом покончено. Шофер корректен и настойчив. Он ждал меня у порога. Сажусь в машину. Он ведет машину в нужную мне сторону, хотя ни слова не было сказано. Это выходит за рамки обычных отношений.

— Вы что же, сами знаете, куда меня подвезти?

— Догадываюсь...— не оборачиваясь, отвечает он на мой вопрос.

— Каким образом?

— Знаете ли...— говорит он тихо и окидывает меня быстрым пристальным взглядом.— Я все равно не смогу ответить на все ваши вопросы.

— Почему?

— Вы умеете водить машину? — отвечает он вопросом на вопрос.

— Нет.

— А я не умею отвечать на вопросы, зато умею обращаться с машинами... с машиной.

Эта оговорка «с машинами» вместо «с машиной» навела меня на мысль, что ему, конечно, приходилось водить машины много сложнее автомобиля. Я сказал это вслух. Но не в форме вопроса. В форме утверждения.

— Возможно,— спокойно парировал он.— Нам нужно к самшитовой роще, так ведь?

— Вы опять угадали.

— И вы хотите прогуляться по роще? После того, что произошло?

— А что произошло?

— Вам лучше знать.

— Да. Когда-то я сорвался с обрыва. Но теперь я лучше экипирован.

— А позавчера?..

— Это было неопасно. Психологический нажим, не более того. Дружище, если бы они всерьез захотели шлепнуть нас с вами, они это сделали бы раньше.

— Не знаю. Не понимаю, о чем вы.

— Да чего уж там... не будем играть в прятки. Я ведь не прошу отвечать на вопросы, заметьте. Но если они испытывают крепость наших нервов, не стоит ли нам сделать то же самое с ними?

— Это не просто испытание нервов. Ошибаетесь. Это всерьез! — Он обернулся ко мне, и я увидел искаженное гримасой незнакомое мне лицо, а когда я отшатнулся, он снова стал сам собой и произнес: — А нервы должны быть в полном порядке!

— Сдается мне, что вы превысили свои полномочия... на этот раз.

— Откуда вы знаете о моих полномочиях,— ответил он резко и снова обернулся, и в лице его мне показались знакомыми несколько черточек. Да, я знал этот тип лиц, даже писал о таких вот людях. Это же... лицо космонавта, идеального космонавта в моем, конечно, представлении. Может быть, он и был космонавтом, командиром корабля, а теперь вот возит меня.

— Вы просили не задавать вопросов,— сказал я.— И все же один вопрос я вам задам. Скажите, могу ли я, не подвергая никого риску, в том числе и себя, пройти по самшитовой роще до того места, где я сорвался вниз?

— Зачем вам это нужно?.. Извините, я отвечаю вопросом на вопрос, но уж лучше вы будете отвечать, чем я.

— Я хотел бы убедиться, что там все в полном порядке, то есть что деревянный настил снова уложен и опасность никому не грозит. И, кроме того, мне нужно осмотреть этот настил. Разумеется, я надеюсь, что меры приняты... на уровне современной, гм, техники и нас с вами никто сейчас не слышит.

— Какая разница? Мы же едем к роще. Это известно всем, кого интересует.

— Ну что ж, прогулка. Традиционная прогулка...

— Мало вам... всего... еще и в рощу захотелось. Сожалею, что это не запрещено.

— Ладно, я буду осторожен,— сказал я примирительно этому человеку, который наконец-то заговорил со мной по-настоящему.

— Я не смогу вас сопровождать,— сказал он.

— Знаю, старина. Я сам.

— Там нет никого из наших,— добавил он.— И не может быть. Ведь большой маршрут закрыт для посетителей. Никто из нас не нарушает правил, установленных для всех.

— Да, да, охотно верю. Ведь в этом я убедился, когда вы выволокли меня из гостиницы!

— Там было все иначе.

— Конечно, иначе, гораздо интересней и веселей!

И снова оружие Джинса

Неподвижен серый воздух, нет дыхания ветра, небо закрыто слепыми облаками. Белеют как свечи стволы самшита. Асфальтовая тропа остается позади. Впереди — камни, сплетения седых корней, крутые подъемы и спуски. Липнет к ботинкам коричневая земля, за мной остаются следы. Их видно, если оглянуться и присмотреться, низко нагнувшись. На краях следов кое-где видны капли воды. Так же в камере для фотографирования частиц после их пролета конденсируются капельки тумана. Мысль эта беспокоит меня с тех пор, как я увидел следы и впереди — не мои, чужие.

А ведь я уже на запрещенном участке маршрута. Значит, не я один здесь. Не я один... Повернуть назад, нырнуть в машину — и домой?

Может быть, я так и поступил бы, если бы... Я подбираю слово: знал, предполагал, чувствовал... Нет, ничего я не предполагал сейчас, ничего толком не знал, но я больше всего, может быть, не отдавая себе отчета, хотел увидеть их лицом к лицу. А чувствовал я только вот что: с того дня, как я узнал об их существовании, прошло полжизни. Не разбирая дороги, я соединял зигзаги горной тропы цепочкой моих следов, карабкался, и когда дорогу преградила старинная крепость, я не обошел стену, а перебросил тело через светлые камни и двинулся дальше.

Я вышел на самую высокую точку отрога. Начинался трехсотметровый спуск. На пути к реке высились тысячелетние тисы, гигантские липы, закрывавшие мутное не-

бо. Ухватившись на скользком месте за тонкий ствол, я узнал редкое дерево хмелеграба. С его плодов-шишечек капала на меня вода, стекала за воротник. Я встряхнулся, как спаниель, и пошел дальше.

Слева кое-где проглядывало ущелье, один раз я даже видел реку. За ней тянулись неровные участки галечного пляжа.

Вступил на деревянную галерею. Доски были покрыты мхом и увиты лианами, но в одном месте на свежем срезе было хорошо видно, что это настоящее красное дерево. Что это, кстати, за срез? Если так обозначена условленная точка встречи нескольких моих недругов, я не удивлюсь. Высоко, высоко, справа от меня прыгал по камням этрусский квадрат.

Вот и водоем с тритонами. Знакомый папоротник венерины кудри. Серебряная струя сбегает по моей руке. Не хочется уходить от источника. А надо мной застыл этрусский квадрат.

Нет, нет. Пора. Там, впереди, карстовая пещера, бывший дом ста десяти тысяч летучих мышей. А теперь возможное место засады. Так и есть. Скорее угадываю, чем слышу, постукивание камней. Вот он, провал, передо мной. Только он шире, чем я думал. Тридцать метров, не меньше. Все выглядит очень естественно. Здесь рухнули доски, и остались кое-где торчащие из каменной стены ущелья бревна. Перепрыгнуть по ним нельзя. Когда-то на моем теперешнем месте остановилась Женя. Потом она вернулась назад, на тропу. Если собрать всю волю, все умение, которое выручило меня тогда, наверное, удастся преодолеть этот участок. Трудно настроиться, как всегда, на подобные фокусы, очень трудно. Но ничего невозможного в принципе нет. Чудо Джинса возможно не только на уровне техники, но и на уровне живой природы. Только вот вероятность его остается всегда очень малой. Нужен толчок, внешний или внутренний.

— Осторожно! — донесся до меня возглас на чисто русском, хотя на каком же еще языке они должны разговаривать здесь, в окрестностях Сочи?

Я так и не понял: перебрались они через провал за час до меня или пришли с другой стороны. Их было двое. Лица незнакомые, сосредоточенные...

Они стояли у самого провала и оглядывали каменную стену, ущелье, пляжи внизу. Даже не смотрели в мою сторону. Я сделал вид, что впервые узнал о существовании провала. Присел и стал рассматривать края настила. Ведь

за этим, собственно, я сюда и направлялся. Нужно было найти следы надпила, надреза, сделанного хотя бы с помощью лазерного луча. Ведь они не рассчитывали, что я отважусь появиться здесь. Следы искусственно вызванного обвала должны остаться. Еще в Москве я ругал себя за то, что не догадался установить истину. Не ведут ли меня по краю пропасти — в прямом и переносном смысле — и для того только, чтобы сломить мою волю? Важно было знать это.

Следов не было. В замшелых бревнах сохранились углубления от гвоздей, в которых теперь поселились рыжие муравьи. В двух или трех местах видны трещины. Но тоже естественные. Дерево еще крепкое, но наклон бревен в сторону ущелья создавал добавочную силу, которая могла сдвинуть крайнюю доску. За ней поехали остальные. Гвозди, когда-то державшие здесь настил, судя по всему, были тонкие. Может быть, у плотника как раз на этот участок не хватило настоящих гвоздей.

Краем глаза я следил, конечно, за этими двумя. Они не обращали на меня внимания. Уж не обманывает ли меня интуиция? Подняв голову, я осматривал камни и зелень в надежде найти этрусский квадрат. Его не было. Почему? Потому ли, что опасность миновала? Или, может быть, не хотели обнаружить себя? Да, это не простая борьба. За моей спиной, как всегда в последнее время, стояли другие люди со всей их сказочной техникой.

Это так. Но и за теми двумя стояла вполне реальная сила, а не призраки исчезнувших атлантов.

— Эй! — крикнул один из этих двоих, молодой парень в японской нейлоновой куртке с нашивками на груди.

Я молчал. У него было круглое симпатичное лицо, глаза светло-карие, темный чуб закрывал половину лба. Из кармана его куртки торчало горлышко бутылки. Второй был старше, ниже ростом и чем-то напоминал аспиранта профессора Чирова. Стоял он за спиной парня, в полутени.

— Эй, ты что, не слышишь?

— Слышу,— сказал я громко.

— Тогда почему не отвечаешь?

— А ты ни о чем не спрашиваешь!

— Да чего ты пристал к человеку...— пробурчал второй.— Все равно через эту дыру трудно перебраться.

Теперь он вышел из-за спины парня и встал на самом краю, на последней доске. Правой рукой он держался за перила. У него было хмурое невыспавшееся

лицо, он сутулился. Я пока не мог разгадать их замыслы. Может быть, их и не было? Но я теперь твердо знал: если будет обычная с виду драка, то на их стороне — малолюдная, но весьма энерговооруженная планета Венера. На моей... другие планеты, а также их спутники. И каждое незатейливое движение в этой драке вроде поднятой руки или пинка будет стоить энергии двадцати стартующих ракет или более того.

— Ты бы перепрыгнул сюда, дал закурить, а? — спросил вдруг с самой наивной интонацией старший, и лицо его разгладилось.— Ты ведь можешь, я знаю...

— А ты? — спросил я.— Можешь?

— Не, не могу,— сказал он нарочито простовато.

— А у меня нет курева!

— Бросил?

— Бросил.

— А у нас тут малость осталось, держи-ка!

Резким, почти неуловимым движением он выхватил из кармана своего напарника бутылку и швырнул ее с такой силой, что я видел ее лишь в первое мгновение — когда он размахнулся. Я успел заметить улыбку на губах парня — глаза же его оставались серьезными. Не видя бутылки, я все же успел отстраниться. Она разбилась о камни за моей головой, и звук этот разносился по ущелью, пока стеклянная пыль сыпалась вниз. Или это в моей голове звуки так усиливались?

— Промахнулся...— сказал я.— Нечем теперь опохмелиться будет.

— Не боись! — Он покрутил головой, словно присматриваясь к окружающему, а я подумал, что сам я ни за что бы не успел уклониться от удара...

Из-за его спины между тем выплыл мыльный пузырь. Легкий, сверкающий всеми цветами радуги шар поднялся до уровня его плеча и направился ко мне, прижимаясь к камням. Был он легок, как настоящий мыльный пузырь, и со стороны его, конечно, не было видно, даже с противоположной стороны ущелья, оттуда, где высилась печь для обжига камня, никто не рассмотрел бы его.

И все же они выдали себя. Шар наткнулся на ветку и прошел дальше как ни в чем не бывало. А срезанная ветка медленно падала, и легкий шорох ее был явственно слышен. Наверняка эти двое даже не знали, как устроен шар, но управляли им они, и, неточно направив его, они сделали ошибку. Именно об этом я подумал, когда в следующее мгновение показался этрусский квадрат.

Я заметил его на искривленном стволе дерева. И тут же он исчез.

Я не знал, что делать. Шар подплывал все ближе, окутываясь легчайшей голубой дымкой. Кажется, я уже мог бы рассмотреть в нем отражение своего лица...

Навстречу ему двигался другой шар, поменьше. Он показался из-за моего правого плеча. Едва уловимый ореол окружал его, все происходившее казалось игрой света на тончайшей, невесомой пленке.

С равным успехом это могло быть залпом, который нацелен в меня.

Ни чувства безысходности, ни ощущения беззащитности не успело возникнуть. В пяти метрах от меня оба шара остановились, повисли в воздухе, их едва намеченные силовые поля, обозначенные легким сиянием, выросли, опалили меня каким-то электрическим упругим прикосновением, и тотчас шары словно притянуло друг к другу. Впрочем, похоже это было и на атаку, на таран крохотных автоматических экипажей, устремившихся к невидимой точке между ними. Полыхнуло едва заметное голубоватое пламя. Теплая волна воздуха толкнула меня так, что я едва устоял на ногах. Успел заметить, что и тех двоих качнуло весьма ощутимо. Один из них закрыл лицо руками. Я сделал то же самое. Потому что пламя угасло, но жар охватил все пространство. Мне показалось, что беззвучно сверкнула молния. И направлена ее белая стрела была вверх. Треск. Растущий грохот... Сыпались камни. Я медленно отступал от гиблого места. Они тоже пятились назад. Точно метеориты ударили по настилу. Он задрожал, затрясся, заходил ходуном. И совсем уж близко разрывал заколдованное пространство грохот падавшего на нас тиса. Сорокаметровый ствол, как перышко, кувыркался в зеленоватой полумгле, почти бесшумно — так казалось — ломая самшитовые стволы, выворачивая деревья с корнями, сбрасывая их вниз. И когда тис, опережая сломанные самшиты, ударил в края настила с той и с этой стороны, я рухнул вместе с ним вниз.

Я падал в пропасть, не чувствуя боли.

Танцы на Броккене

Меня поглотила тьма. Даже грохот растаял в этой тьме. Но я знал, что вокруг все движется и что сам я не могу остановиться в хаосе и нагромождении обломков и вы-

вороченных из расщелин корней. Возник щемящий звук, который отвлек меня от попыток разобраться в происходящем. Я слушал, и сознание мое точно переходило в другое состояние, я как будто был уже не в ущелье, а далеко-далеко от него. Не было ни реки, ни галечных пляжей, ни обвала. Ни даже воспоминаний о нем. Все исчезло во мгле. И когда она рассеялась, я увидел себя на лестнице, под банановыми листьями, у самой моей хижины...

И тисовое дерево, сорвавшееся с нависшей над пропастью скалы, оставило ощущение нереальности, условности происходящего. Когда я вернулся к себе, постучал хозяин, Сергей Герасимович, и, поздоровавшись, отметил, что я выгляжу уставшим. Деликатное замечание хозяина не выходило из головы.

На грубо сколоченном деревянном столике — алюминиевая кружка. Машинально заглянул в нее и обнаружил остатки чая. Точнее, плесень, покрывшую дно и стенки непритязательного сосуда. Этой разноцветной плесени было столько, что, если бы Флемингу не повезло с пенициллином, можно было бы гарантировать все же успех предприятия, основанного на ее утилизации.

...Это можно назвать эффектом Вальдеса. Чилиец Армандо Вальдес и еще шесть человек спали у костра. Двое стояли на карауле. В пятом часу утра караульный растолкал капрала Вальдеса и сообщил, что невдалеке приземлились два ярких объекта. Тот отправился разузнать, что это за огни. Отойдя от костра на десять шагов, он попросту исчез. Когда через несколько минут он снова появился среди своих, то производил впечатление насмерть перепуганного человека. Бравый капрал лишь машинально повторял околесицу: «Вы не знаете — кто мы есть и откуда мы пришли, но скоро мы возвратимся». Часы на его руке показывали час его возвращения, но дата на их календаре «убежала» на пять дней вперед.

Мне уже доводилось наблюдать эффект Вальдеса, но впервые я не сохранил никаких следов происшествия в своей памяти. Бросившись ничком на постель, пытался сосредоточиться. Виски стали горячими, ладони мои сами собой сжались в кулаки, голова наполнилась теплым туманом.

«Тебе лучше дойти до всего самому. Ты легко веришь людям, но этому поверить сразу ты бы не смог». Обрывок разговора с сестрой... объяснение на все случаи моей жизни.

Но вот прояснилось: мне подарили голубой шестнадцатигранник, он был при мне, что-то происходило, но я этого не помню. Значит... камень отбирал у меня воспоминания. Может быть, я опять попал в водоворот и спасся чудом, и не исключено, что были острые камни, боль, борьба за жизнь, потом спасение, но все пропало, я не могу преодолеть беспамятство.

— Сергей Герасимович! — постучал я в дощатую перегородку, разделявшую нас.— Какое сегодня число?

— Восьмое октября,— откликнулся он.— Не волнуйся, погода скоро наладится. До конца октября здесь бывает тепло.

Так пришло подтверждение догадки. Я недосчитался четырех дней. Вот почему Сергей Герасимович заметил, что выгляжу я усталым. Еще бы, его жилец пропадал где-то четверо суток.

А я-то думал, что голубой кристалл предназначен для другого... Оказалось, нет. Он всего-навсего обезболивал. Род наркотика, избавляющего от страданий. Цветок забвения и вечной молодости. Но я не Гильгамеш из эпоса Двуречья и просил совсем другое. Что бы ни случалось раньше со временем, я всегда помнил о моих злоключениях, больших и малых. Теперь их заслонило от меня. А игрушку, которую мне вручили с целью исполнения этого замысла, назвали в утешение мне тем самым словом...

Я скатился по ступеням вниз, направился к морю. Вода была серой, горбы высоченных волн вздымались до крыши аэрария на городском пляже.

Ушел на пляж и долго сидел на берегу. Многое казалось теперь бессмысленным. Кусты дрока словно не хотели меня пускать к лукоморью, где особенно беснова-лись белопенные гребни. Слева же все катились и катились водяные валы. Они приближались, успевали возвыситься серо-зеленой стеной, падали на гладкие каменья, накрывали весь берег до насыпи. Волнорезы то скрывались под водой, то обнажались, и их словно качало на волнах-великанах.

До насыпи взлетала белая кипень моря. Я сидел на бетонном выступе у насыпи и наблюдал. Впервые в жизни я обратил внимание на то, что еще далеко от береговой линии высокие валы начинали как бы куриться. Над ними поднимались легчайшие брызги. И брызги эти висели над гладкими спинами волн, и только потом рождались гребни, опрокидывающиеся на берег. Гигантский

змей, когда-то боровшийся с самим солнцем, теперь затаился в море, и морщил его, и бил своим чешуйчатым хвостом...

Самых моих ног теперь достигала белопенная река. Я бросился в нее, и меня сразу унесло на тридцать метров. Следующая волна хотела вернуть меня, но я боролся с ней и уходил все дальше в море. Скоро и насыпь и волнорезы скрылись за живыми серо-зелеными стенами. Меня качало так, что это напоминало полет. Совсем далеко пасмурно-темные спины гор проглядывали сквозь тучи. Прошло полчаса.

«Теперь должно хватить сил выплыть...»

Но меня подхватило северное морское течение, и все дальше оставалась Хоста. Несло же меня к мысу с высокими белыми небоскребами и дворцами отдыха, за которыми должна была открыться панорама Сочи. Течение было особенно сильным от ветра, и я греб поперек ему и выигрывал в этой настоящей, подлинной схватке!

Ближе к земле, к берегу волны укачивали меня, относили назад. Теперь нужно было навсегда отрешиться от страха. Чтобы победить. Ибо никакая победа невозможна, если в человеке живет страх. Темные глыбы скал прыгали в ста метрах от меня. Меня уносила назад каждая волна. Нужно не отставать от них. Яростный рывок кончился неудачей. Близ полосы бурунов меня болтало и качало, накрывало с головой. Новый бросок — на гребне волны, как на морском коне, о котором писал поэт. Не отстать от склона воды, обращенного к берегу! Слиться с гибким ее хребтом... Я успеваю коснуться дна ногами. Меня выносит искрящаяся светлая река, и руки уже мнут песок.

Побрел над насыпью, разыскивая одежду. Три или четыре раза обошел бетонную стенку над знакомыми волнорезами. Увидел пустую выбоину, где сидел часа полтора назад. Одежды не было. Бетон был влажен. Пришел девятый или восемнадцатый вал и смыл мою куртку, брюки и рубашку. Вместе с подаренным камешком.

Жаль, что я не могу идти в город: на мне плавки, в карманчике — половина иголки. Нередко жизнь соединяет серьезное, даже очень серьезное, и смешное. Рано или поздно приходится в этом убеждаться на собственном опыте. Вспомнилось: там, где я выкарабкался на берег, под рельсом желтела этикетка спичечного коробка. Кто-то выбросил его из окна поезда, того самого...

Пятьсот метров назад, в сторону Сочи... еще несколько шагов. Вот он, коробок.

Перехожу железнодорожное полотно, иду в гору. Это все та же гора Ахун, но другой ее отрог. Под сенью высокого ясеня развожу костер, кидаю в огонь гибкие ветки орешника, тугие ветки сосны. Сооружаю треногу, на которую вешаю плавки, чтобы просохли. Не о таких ли, как я, сложены невзыскательные истории, героями которых являются проворные субъекты, неоднократно замеченные на Броккене, самой высокой вершине Гарца? Особенно часто видели их в прошлом, в Вальпургиеву ночь. Верхом на кочерге, помеле или поварешке прибывал этот люд, выражая полное почтение и расположение главному чёрту, опускаясь перед ним на колени. Начиналось роскошное пиршество, но все блюда подавались без хлеба и соли. В насмешку над церковными обрядами устраивалась «черная обедня», после которой начинались пляски под оркестр. Вместо скрипок оркестранты держали в руках лошадиные головы, вместо рожков — кошачьи хвосты. Танцевали попарно, но повернувшись друг к другу спиной. В заключение этого славного праздника главный черт сжигал себя, а участники шабаша делили между собой пепел, высоко ценившийся из-за его вредоносных свойств. Сотни очевидцев, допрошенных под пыткой, подтверждали непререкаемую достоверность нарисованной монахами Институрисом и Шпренгером картины.

Впрочем, среди гостей Броккена попадались подлинные шедевры дьявольского соблазна и искушения, как, например, Бабелинка, последняя из сожженных в Германии ведьм. Золотоволосая, как этрусские женщины, она, однако, даже превосходила их ростом и статью. Груди ее обнажали дьявольский умысел, потому что смотрели они чуть в стороны, и у многоопытного монаха-доминиканца Ритониуса, допрашивавшего ее, тотчас возникло желание исправить этот бросавшийся в глаза недостаток. Сапфировые глаза Бабелинки внушали ему беспокойство, и лишь когда подручные связали женщину, отец Ритониус смог убедиться, как подчеркнуто много в ее теле излишеств и по-дьявольски плавных изогнутых линий. Лучшим доказательством вины Бабелинки было само желание монаха познать своего заклятого врага в образе женщины, вызванное безусловным стремлением сокрушить его. Но, даже будучи лишена одежды, связана и оставлена до утра в распоряжении справедли-

вого судьи божьего, Бабелинка упорствовала в своем грехе. Отцу Ритониусу пришлось применить опостылевшие ему инструменты пыток, как-то: щипцы, раскаленные гвозди, дыбу, молотки и молоточки. Признаний не было, и, отерев с лица пот, добросовестный доминиканец с сожалением распорядился о костре.

* * *

Я растянулся у костра на голых, нагревшихся от жара камнях, размышляя о прошлом, незаметно переходящем в будущее, минуя настоящее. Оцепенев от тепла, согревавшего бок и спину, я закрыл глаза. Три часа прошли незаметно. Или, может быть, мне не хотелось возвращаться в таком виде в город? Темнело. Я наметил маршруты. Неминуемо выходило, что мне придется столкнуться с прохожими, а то и с милиционерами. Нужно было выждать. Костер угас. Я снова разжег пламя. Под треск влажных веток сгущалась темнота, проступали над морем звезды. Это означало, что прогноз погоды, который дал Сергей Герасимович, был удачным.

Час. Два. Оставив за своей спиной кучку золы и холодных углей, я неспешно двинулся к городу. Выбрал ближайшую к морю тропу. Собственно, тропы никакой не было, и кое-где приходилось прыгать через заборы, но зато в звездную октябрьскую ночь не так уж странно, как я полагал, повстречать пловца близ берега.

До реки добрался благополучно. Потом ве́рхом обошел санаторий «Волна», нырнул в декоративные чащобы и был таков.

У двери моей обители я отдышался, нашарил ключ в условленном месте — под крыльцом. Вяло улыбнулся собственной проделке; на двери моей рукой было нацарапано в первый же день: «Бочка Диогена». Вместе со мной в комнатенку шмыгнул зверь. Глаза его сверкнули зеленоватым огнем. Я видел его на взгорье у костра. Это был кот, серый, как сумерки. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Потом он деликатно сел в углу, прикрыл свои зеленые глаза и замурлыкал успокоительно. Вот так же сидел он поодаль от костра, не мешая мне думать о Броккене, и у меня были все основания считать его самым мирным из бродячих котов.

На столе, где я хотел навести порядок, выискивал крошки черный таракан. Я подождал, пока он удалился

восвояси, недовольно ворча что-то на своем тараканьем языке. Впрочем, это могло мне и показаться. Собрав влагу с оконного стекла, я мокрыми ладонями вытер клеенку, вышел к умывальнику и вымыл руки. Вспомнилось, что шерсть забредшего ко мне в гости зверя была мокрой. Да, именно так. Даже капли блестели в свете пламени. Но дождя не было. Значит, кота накрыла волна, так, что ли?

Я угостил его остатками колбасы. Сам же глотнул из фирменной стеклянной коньячной фляжки.

— Скучно здесь вечерами,— произнес я, и кот моргнул.— Скучно и холодно, правда, хозяин дал электрический утюг, который можно включать вместо печки... что мы с тобой сейчас и сделаем. Ты умный кот и, конечно, не ловишь крыс, потому что они здесь свирепые и наглые. Днем с огнем не найдешь теперь кота-крысолова.

Ваш брат пошел теперь беспородный, мелкий, против крыс даже один на один ни-ни! А они процветают, мясом и крупой угощаются, поезда на станциях досматривают, даже шпалы грызут. Иностранцы не дураки, вывезли к себе голубого русского кота, наслышаны о войнах с крысами в древности... ну а мой друг историк до слез умиляется, вспоминая о любимой кошечке Софьи Палеолог, особенно трогает его интеллигентность первой и манеры второй, а может быть, как раз наоборот. Оторвался он от современности. Огорчительно, правда? Коньяку глотнешь?

Кот моргнул и, к моему удивлению, слизал коньяк с жестянки, куда я в порядке эксперимента капнул. ...Ночью, словно в кошмарном сне, успел рассмотреть я красноглазую крысу, лезшую по оконному переплету с наружной стороны. За ней — вторую. Все застыло во мне. Успело промелькнуть в голове, что слова мои были не напрасными и что кот мой, наверное, со страху уже забился под кровать. Это были врезавшиеся в память мгновения: крысы, обнюхивающие оконный переплет, добравшиеся почти до форточки, которую я оставил на ночь открытой...

Одна из них точно обшаривает комнату тускло-багровыми лучами, исходящими из ее поблескивающих глаз, а хвосты этих тварей сладострастно шевелятся и поднимаются вверх, ометая оконную раму. Еще мгновение — и одна из крыс бросится на меня. Накликал же я беду на свою голову!

Но страх не успел овладеть мной по-настоящему. На стекле скрестились лучи — тускло-красные и зеленые. Брызнули расплавленные капли, ослепительные искры. Сон?.. Явь?

Метнулась тень. Зеленоглазый кот прыгнул в форточку. Все смешалось за окном. Слышался рык, потом — приглушенное бормотание, вопли, там сцепились оборотни. И вспыхивали лучи, сверкали огни глаз — вот они уже за листвой и гаснут, гаснут, как светляки перед рассветом...

Утром я обнаружил крохотные отверстия в стекле. Они были идеально круглыми, с оплавленными гладкими краями, точно канальцы для нитки в опаловых бусинах.

А вечером зашел хозяин Сергей Герасимович (днем меня не было дома).

— Съезжай-ка с квартиры,— сказал хозяин, и я заметил, что левый ус его слегка дергается,— съезжай, съезжай!

День отъезда

Пульсации живой материи, доставшиеся нам от первоклеток, тысячекратно видоизменялись, усложнялись на протяжении тысячелетий и в конечном счете породили движения ярости, отчаяния, боли, любви. Но бывают дни, когда пульсации эти созвучны окружающему. Причина гармонии кроется в ритмах моря и света над ним, совпадающих с нашими собственными. Таким был день отъезда.

Над голубой равниной было ясно и просторно, зеленоватое небо раскинулось над морской далью, легкая дымка и пелена на западе отражались в токах воды. По всему пространству бродили какие-то изумрудные светящиеся пятна, порождая едва уловимые следы на редких облаках.

Очень далеко, у самого устья Дуная, невидимый, укрытый от меня кривизной земли, лежал низкий песчаный остров, который в старину назывался Змеиным из-за обилия там змей. Это остров Ахилла. Сейчас там гнездятся чайки, над пустынным берегом его пролетают аисты и лебеди, белые, как пена прибоя. Здесь впервые увидели и полюбили друг друга Ахилл и его избранница, их свадьбу отпраздновали боги — Посейдон и Афродита. Когда Ахилл погиб у стен Трои, его мать Фе-

тида обратилась к Посейдону с просьбой поднять со дна моря остров. На остров перенесла она душу Ахилла. Время перемешало миф с действительностью. Достоверно известно лишь, что жители Ольвии построили на острове храм, посвященный Ахиллу, и статуя героя из белого мрамора украшала его. К берегу приставали корабли, чтя память бессмертного юноши. Говорят, еще в прошлом веке там находили камни храма и сокровища, затерянные в песке.

Успею ли я когда-нибудь побывать на острове?..

Три черных баклана пронеслись над водой, казалось, они задевают невысокие волны крыльями. Это был знак: пора уходить, пора уезжать. На побережье наступал час атлантов.

Часть пятая

Ключи Марии

Встреча в кафе

Увидели мы друг друга через стекло. Я вошел, но остался у гардероба. Она тотчас вышла из зала мне навстречу.

— Ты был в командировке? — спросила Валерия.

— Да,— рассеянно ответил я, прислушиваясь к тому, что происходило в зале.

— Сегодня день рождения у мсье Легранa,— сказала она, повернувшись так, что виден был ее волнующий нежный профиль; блики света очерчивали линии лица, намного более выразительные, чем запечатлевшиеся в памяти.

— Тот француз, с которым ты познакомилась?..

— Он самый...

А за столом, угол которого был мне виден, оживленно заговорили об аристократах духа и об искусстве, да так громко, что все было слышно.

Две незнакомые девушки выпорхнули на улицу. В широкую щель между гардинами стал виден зал, два сдвинутых стола, кое-кто из сидящих. Мсье Легран под интимно-задумчивый аккомпанемент гитары пел о том, что невысокого светловолосого человека из Назарета казнили традиционным римским способом, а фэры (фарисеи) и садики (саддукеи) бессмертны.

— Где отец? — спросил я.

— В городе,— ответила Валерия.— Он сказал, что не сердится на тебя.

— Я тоже.

— Что — тоже?

— Не сержусь. Старик мне всегда нравился.

— Он спрашивает о тебе.

— Что ты ему отвечаешь?

— Что ты пропадаешь где-то. Забыл его и меня.

— Мне кажется, сейчас за нами наблюдают пять пар глаз.

— Ну и что...

У нее была узкая у запястья ладонь, длинные, сужающиеся к концам пальцы. Я понимал, что она все еще остается загадкой для меня. Может быть, и для себя самой тоже. Странно, что мысль о прошлом не отталкивает меня от Валерии. Даже наоборот... все это не так просто объяснить.

— ...Мне известно спорное высказывание Флетчера,— рассуждали там, среди разномастной публики, наблюдавшей мир сквозь цветные стекла фужеров.— Этот англичанин еще в шестнадцатом веке побывал при московском дворе и писал буквально следующее: мужчины питают пристрастие к бане и питью, а женщины — к румянам и краске для ресниц, и после двухчасовых занятий своим хобби те и другие перестают узнавать друг друга. Но положение, друзья мои, коренным образом изменил Петр Первый, который вменил все сие в круг постоянных обязанностей.

— Да, мсье, это так. Печально, что вы еще не успели побывать в русской бане! — раздался чей-то радостный визг; обладатель этого жизнерадостного голоса готов был, судя по всему, ползать на животе по столу.

— Я знала, что ты уехал... Без тебя было плохо. (Валерия откинула голову так, что волосы ее упали с плеч в тень за ее спиной, и очень ясно обозначилась линия подбородка). И знала, что тебя долго не будет.

— Это преувеличение. Я был во Владивостоке, потом отдыхал в Хосте, под Сочи. Вот и все.

Мы забрались с ней в самый угол, за дверь, за темные шторы. Все же было не по себе. Роль не для меня. Я не знал, что заставило нас стоять здесь. Иногда я просто не мог узнать ее и себя, порывался куда-то уйти.

— Да стой же, никого здесь нет, кроме нас,— горячо и зло выдохнула она; темная зелень ее жакета, юбки с разрезом отгораживали от дневного света, точно вдруг поднялись горы с пологими округлыми вершинами.

На ней были гольфы цвета асфальта с оранжевой тесьмой под коленом, на которой сбоку покачивались легкие гроздья рябины. На ногах — зеленые полусапожки из тонкой замши с темными шнурками и перламутровыми плоскими пуговицами у тонкой щиколотки.

— Я многое знаю...

— Ничего ты не знаешь,— жарко и сердито выдохнула Валерия.— За тот месяц, что тебя со мной не было, ничего нигде не произошло.

— Я виноват...

— Не спеши брать на себя вину, если ничего не знаешь...

— Я знаю.

— Ну и знай!

В коротких перерывах между репликами мы целовались.

— Ты, при чем тут ты...

— Кто поможет тебе и отцу? — спрашивала она.

— Нужно ли помогать мне?

— Да.

Боязнь теней

С площади Курского вокзала — налево. И еще раз налево, к Яузе, желтой ленте среди улиц, к самой медленной реке. Сначала виден Костомаровский переулок и мост. За мостом на взгорье — церковь Сергия в Рогожской поднимает зеленые купола и колокольню. Ее видно как на ладони. Под белыми ее стенами, ниже холма, летом — таинственно-тревожная зелень, осенью — крутые обнажившиеся яузские откосы. Это самое таинственное место в Москве. Если подняться к Андроникову монастырю, над головой вырастут зеленые навершия и флюгеры, серая древняя стена, и вдали, в зеленовато-золотом от солнца просвете, между новыми домами видны кремлевские башни, а справа — Строгановский дворец.

После наступления темноты лучше не бродить по знакомым улицам, где высятся груды битого кирпича и голые стены, а сквозь пустые оконные проемы видны ребра балок. Уцелевшие дома на Тулинской и Школьной кажутся островами среди первозданного хаоса. Однажды, когда я прошел под аркой своего тридцатого дома на Школьной, чуть ли не на голову мне упал изрядный кусок деревянного бруса с террасы. Эта терраса выходила во двор, теперь же она обветшала, стекла ее высыпались, деревянная лестница на второй этаж обвалилась. Там, на втором этаже, уже никто не живет. Заборы снесли, и двор стал открытым. Две акации вытянулись так, что их не узнать. Темный гребень кирпичной стены, некогда возвышавшийся над окрестностью, исчез.

Я отказался от попыток осмотреть весь дом. В другой раз я позвонил своему давнему приятелю, который до сих пор каким-то чудом сохраняет за собой две комнаты на другой стороне улицы моего детства.

Под окнами у него шумят пять высоченных лип, и весь двор зелен от травы, от густого мха, покрывающего отмостки и каменное крыльцо, и от древесных крон погожими днями гуляют по траве зеленые тени. Зовут его Терентий Климов. Вижу я его не чаще раза в год, как это водится у хороших знакомых, занятых по горло маленькими и большими делами. Я позвонил ему. Долго никто не снимал трубку. Потом раздался его голос, и я тут же согласился приехать. Шел я к нему от Таганки.

Что там, в Таганском парке?.. Строительная лихорадка, визжит подъемный кран, на месте танцверанды с деревянным полом, с навесом от дождя — безликие кирпичные стены. Срыты и веранда, и вековые липы, укрывавшие ее, а Верочка-билетерша ныне готовит студентам и школьникам пунш в дискотеке под неестественно оживленные ритмы эпохи ориньякского человека.

Шел я по моей стороне улицы, которая уже была огорожена. Некоторые дома начали реставрировать: это единственная в Москве ямщичья слобода, которая до сего дня уцелела и сохранила свой облик. Не удержался и заглянул в пустое окно нашего дома: там на стене остались обои и выступал из стены железный массивный прут — остаток старинной коновязи.

Под вывеской обувной мастерской просеменила знакомая старушка, тетя Фима; перешла улицу. Увидел, как она вошла в ворота. Ускорил шаг, следом за ней оказался во дворе, напротив старого деревянного флигеля. Ее не было.

Я взбежал по деревянной лестнице на террасу двухэтажного дома, позвонил у входной двери. Услышал, как неровно, захлебываясь, прозвенел в коридоре звонок. За дверью, обитой черным дерматином, раздались шаги. Щелкнул замок. Звякнула цепочка. Открыл дверь, вошел. Полутьма в коридоре, пыльная газовая плита видна в открытую на кухню деревянную дверь. Все так, как было много лет назад. Никого. Позвал:

— Терентий?

И женский голос откликнулся ласково:

— Да заходи же, Володя!

Тогда я, не глядя, проскочил коридор, толкнул дверь

в комнату, вошел. И тут же раздался чей-то вскрик. Но было поздно.

Мгновение невесомости — и я увидел зашторенное окно, цветок бегонии в глиняном горшке, полуприкрытый шторой, серую пыль в широком луче сумеречного света.

...Резкая боль в левом плече, провал в сознании. Когда пришел в себя, то не услышал сначала ничего, кроме собственного дыхания. Даже с улицы не доносилось ни голосов, ни шума машин. Я полулежал на бетонном полу, по самые плечи в воде. Пахло краской, сыростью, плесенью, словно меня перенесли в другое пространство.

Я боялся пошевелить рукой. Лежал с открытыми глазами и ловил сумеречные пятна света надо мной. Едва-едва стал доноситься далекий шум улиц. Это успокаивало. Наконец я решился. Шевельнул правой рукой, потом левой — ничего, все в порядке, кости целы. Медленно поднялся на ноги. Зазвонил телефон. Сообразил, что это рядом. Отряхнулся. Куртка, брюки, рубашка были мокрыми, липкими.

Нащупал в бетоне углубления, похожие на ступени. Стал подниматься наверх, а телефон все звонил. Выбрался на балку, потом — на деревянный пол в коридоре. В черное зияющее отверстие в стене, которую начали, видно, ломать, были видны далекие вечерние огни. Подошел к телефону.

— Тереша, ты? — раздалось в трубке.

— Нет. Его нет. Он переехал.

— Куда?

— Не знаю.

— Кто это?

— Домоуправ.— И я повесил трубку.

Увидел в углу кухни газовую плиту. И снова коробок спичек с желтой этикеткой оказался под рукой. Я разжег газ, все четыре конфорки. Закрыл дверь в комнату без пола. Стало тепло. Снял одежду, развесил ее на чудом уцелевшей бельевой веревке, привязанной к вешалке и гвоздю в стене. Снова зазвонил телефон. Подошел. Спросил:

— Вам кого?

— Вас.

— То есть?..

— У подъезда вас ждет машина.

— Спасибо. Ах, это вы... узнал вас по голосу.

— Да, это я. Водитель из Хосты. Жду вас.

— Я немного обсохну...

— Поторопитесь.

— Ладно, ладно...

Я сразу нашел его. Машина стояла у бывшей обувной мастерской. Дернул предупредительно распахнутую дверцу. Мы сорвались с места.

— Вас оштрафуют,— сказал я.

— О нет,— ответил он, улыбнувшись.— Прибор покажет только шестьдесят, ни километром больше.

— Чему вы улыбаетесь?

— Приятно, что с вами ничего не произошло... плохого.

— Если случившееся означает, что со мной ничего не произошло, то представляю себе, что меня могло ожидать... или ожидает. Вы можете ответить на этот единственный вопрос?

— Нет, не могу. Я простой водитель.

— Не совсем так. Вы как раз не простой водитель, как я уже имел случай убедиться.

— Не будем на эту тему распространяться. Главное, вы живы.

— Жив. С моей точки зрения, это неплохо.

— С моей тоже.

— Вы так и не скажете мне, что меня могло здесь ожидать?

— Вам не надо здесь бывать. По крайней мере, до зимы. Это опасный для вас район. Вас подстерегают здесь неприятности.

— Вы меня ждете только когда меня подстерегают неприятности?

— Я только выполняю распоряжения.

— Чьи?

— Снова вопросы. Все, что надо, вы знаете и без меня.

— Ладно, ладно... знаю. Может, даже больше, чем полагается. Давайте-ка направо, к мосту, потом к Садовому кольцу и уж потом на Ленинградский проспект. Если нет возражений, конечно...

Возражений не было.

— Ну а как насчет «Чайки»? — спросил я.

— Что, что? — не понял он.

— Когда мне вместо «Волги» будут подавать «Чайку»? Разве все это не дает оснований просить другой мотор?

— Вам не нравится моя машина? — обиделся он, приняв слова мои всерьез.— Не нравится, да?

— Да ничего. Не обращайте на меня внимания, старина, не обижайтесь. Черт бы побрал всю вашу неразговорчивую этрусскую братию...

Валерия

Разговор с Валерией по телефону:

— Профессор Чиров в Москве?

— Нет. Профессор Чиров собрал приличные рубашки, взял два лучших костюма и махнул на юг.

— Куда именно?

— Под Сочи.

— Любопытно. Ты говоришь, под Сочи?.. А куда именно?

— Никуда. В гостиницу. Знакомые заказали ему номер.

— В какую гостиницу? Кто заказал номер?

— Это так важно?

— Это интересно. Он же никогда не ездил к морю...

— Ну и что? Взял и поехал. Прислал письмо.

— Написал, где остановился? Адрес есть на конверте? Я приеду!

* * *

— Адрес...— Она задумалась, прикрыла веки, рассматривая носки своих туфель, повернулась, оглядывая задумчиво свой профиль в зеркале. В волосах ее тускло блестела серебряная заколка с янтарной ягодой. Я живо вспомнил о таких вот иглах, которые давно используют некие представители загадочных цивилизаций здесь, на Земле. Но, всмотревшись, решил, что это простая заколка.

— Адрес...— продолжала она, повернувшись ко мне.— Не помню точно. Город Сочи. Гостиница «Турист». А может быть, я путаю...

— Гостиница «Привал»,— подсказал я.

— Не уверена.

— Кто заказал ему номер?

— Аспирант из института...— Она замялась.

Я мельком увидел знакомый кабинет, просторный стол со светильниками, коллекцию редкостей на полках, книги под стеклом. Дверь была приоткрыта, но мне казалось, что профессор лишь вышел на минуту и должен вот-вот вернуться.

Мы прошли в светлую просторную комнату Валерии, комнату в два света, как говаривали в старину. На стенах были развешаны натюрморты с китайскими пиалами, японскими вазами, утварью, которую можно увидеть в чайхане или на восточном базаре. На журнальном столике лежало письмо. Я сразу приметил его, но не мог прочесть адрес.

— Хочешь кофе? — спросила она и вышла на кухню, когда я молча кивнул.

За несколько минут, пока она колдовала на кухне с медной посудиной для кофе — джазве,— я успел прочесть письмо от первой строки до последней. Ничего особенного. Вода уже прохладная, градусов семнадцать, вечерами дуют ветры с гор. Остановился в гостинице. По утрам делает зарядку на пляже. Обедает в ресторане, ужин заказывает в номер. Названия гостиницы не было. На конверте значился обратный адрес, но край был оторван, и нужного мне слова разобрать было нельзя. Не исключено, что он остановился именно в «Привале». Уж не лучше ли перепоручить мои заботы тем, чьим прошлым профессор так пристально интересовался?

Я обдумывал две гипотезы. Первая: его поездка нужна атлантам. Вторая: она нужна этрускам. Я приводил все новые доводы в пользу каждого из этих предположений и был мрачен. Валерии последнее не нравилось.

А я представлял себе профессора на шаролете, нырнувшем в морскую глубь. Будто бы Чиров с важным видом консультировал хороших моих знакомых по части художественной ценности древней бронзы, мрамора, амфор, этрусского золота. Потом я представлял его близ шестерки золотых коней, которая украшала некогда храм в столице атлантов.

Замечание Валерии и телефон прервали мои размышления. Она поднялась, вышла в прихожую; я слышал отдельные реплики:

— Светка, да ты же вчера была у меня в гостях, ты что, забыла? Какие мушки?... Шкаф?.. Не помню.

Если Чиров оказался там по воле атлантов, то услуги, которые от него потребуют, могут оказаться совсем иного рода. Хотя, впрочем, его поездка ни для кого не секрет. В общем, за него лично можно быть спокойным...

— Ты что? — воскликнула Валерия, вернувшись из прихожей.— Ты, по-моему, болен!

Жестокое замечание. Если бы она знала, что на этот раз ее предвидение сбудется! Я спросил:

— Когда уезжает этот француз из Бордо?

— Он совсем не из Бордо! Почему ты так решил?

— Потому что...

— Ты мне не нравишься.

— Ничего не могу поделать. Еще письма от отца были?

— Нет. Он звонил. Все нормально. Скоро приедет.

— Ты сейчас разговаривала с подругой?

— Да... а что? Спрашивает какую-то глупость. Есть ли у меня мушки, которые кусаются и похожи на комаров. И еще сказала, что ее шкаф выше моего и она его выбросит.

Мы вышли на кухню. Пол здесь был деревянный, дощатый, деревянными были стены, шкафы. В широкое окно полыхнуло красным огнем низкое солнце. Я уселся в низкое кресло с узорами на обшивке. Ноги ее были алыми, когда она попадала в сноп света, но тотчас становились лунно-серебристыми, если тонули в дымчатых тенях от стола или шкафа. Она сполоснула кофеварку холодной водой, и у колена ее зажглась капля, висевшая, казалось, в воздухе сама по себе. В тени ее не было видно. Потом она снова наполнялась светом, как звезда, мерцавшая над деревом. Все алое или жемчужно-яркое у ее узкого, тонкого колена меркло: там были складки черненого серебра, тонкого, гибкого, и свет касался лишь гребешков этих полузастывших волн. Капля наконец сорвалась и поползла по налитой ярким светом и мерцанием критской амфоре высотой до спинки стула.

Легкий теплый ветер, что ли, прошелся между нами... мы не смотрели друг другу в глаза. Платье, ремешки, завязки, накладные кружева с тусклыми лепестками были рубиновыми от огней и холодными как лед. Только теплый ветер едва слышно овевал неподвижные преувеличенно большие контуры заштрихованного поперек серебра, сверкавшего над штрихами золотыми звездами, шарами планет, вспышками блесток на сиренево-лиловом, белом, фиолетово-черном фоне с округлыми линиями широт и меридианов, вдруг ставших вещественными, подвижными, как вязаная сеть для отлова сайгаков.

Непроницаемая крона дерева мира, ясеня Иггдрасиль, держала на себе сиренево-лиловые облака, укрывшие источник Урд.

И крона дерева, медная от лучей, проросла сквозь лиловый шелк облаков, прорвала закатно-алые кружева тумана. Как в ветреную погоду, шуршало, глаз солнца

мигал, его отражения от сиреневых и лилово-анилиновых складок слепили. Но свет не в силах был угнаться за открывавшимися воплощениями мифа, и все резче перечеркивали тусклое серебро критских ваз полосы черни, все гуще становились тени затемнявших друг друга шаров и колец.

Гори, огонь

Мелькали сообщения о пирамидах и каменных дорогах, оказавшихся на дне океана близ латиноамериканского побережья. А на поверку оказывалось, что все это перепечатки из старых журналов — и ни одного снимка. В то же самое время исчезли упоминания о полете над Атлантикой двух бразильских летчиков в сорок втором, когда им удалось увидеть город под водой. Тогда была удивительно ясная тихая погода и морская поверхность напоминала зеркало. Там же, помнится, приводился подсчет; такое состояние атмосферы может повторяться не чаще одного раза в двадцать пять лет. Известен парадокс: чем выше летишь, тем лучше видно дно. Со спутников, например, виден шельф, иногда морское дно до глубин в сотни метров. Космические полеты, таким образом, косвенно подтверждали версию о бразильском самолете.

Я приобрел у букиниста книгу, в которой было фото отца и которую хорошо знала сестра. Увы, я не нашел там снимка. Даже в описании буддийского монастыря и дворца нет ничего общего с прежним. На соответствующих страницах повествуется о хамбо-ламе, изображениях тигров, украшающих его дворец, субурганах — небольших башенках, которые буквально нанизаны на стены постройки и играют в буддийской религии ту же роль, что и кресты в христианской (ранее о них не было упоминаний). Квадратная основа субургана символизирует землю, купол над ней — воду, тринадцать колец над куполом — огонь и в то же время тринадцать степеней посвящения. Еще выше раскинулся зонт — знак воздуха, увенчанный солнцем и луной — тоже условными, буддийскими. Дальнейшее описание привожу полностью:

«У входа можно увидеть также две скульптуры, одна из которых изображает Гомбогурема, Стражника юрты. Он преграждает путь злым духам и теням врагов. Рядом высится скульптура Лхамо, богини, сидящей на муле. Спина мула покрыта кожей сына богини. Мать содрала ее с

собственного сына за то, что тот отступился от веры. В одной руке Лхамо держит чашу с кровью сына, в другой — змею вместо узды. Внутри храма развешаны скальпы, связки человеческих глаз, нанизанные на проволоку языки, отрубленные ноги, руки. Но это скорее символы мучений злых духов, к верующим это не относится».

Только на свою память я мог полагаться.

...Все чаще я видел себя с отцом у костра.

Предсумеречный час.

Я стою рядом с отцом. Перед нами жаркий костер. Пламя уже гаснет, но тем лучше проступают желтые и красные угли. Они окаймлены широким кольцом золы и пепла. Лес вокруг нас светел. Редкие лиственницы будто подошли к огню погреться. Их темно-зеленые мягкие ветви опущены вниз. Деревья кажутся легкими шатрами с острыми вершинами. У подножия их — кочки с седеющей травой.

Наверное, близилась осень. У отца за плечом охотничье ружье. Дуло его смотрит вниз, на вороненой стали — багровые отблески живого света.

На отце куртка, резиновые сапоги с отворотами, патронташ. Небо темнеет на глазах. Пробегает ветер над самой землей. Его дыхание заставляет пламя биться из последних сил. Шуршит осока. Качнулись ветки. Ветер убежал вдаль, и вот уже где-то шепчутся розовые березняки. Ясно видно, как пламя умаляется. Голубоватые языки его отрываются от углей и как бабочки порхают над ними. Я смотрю на отца. Потом тяну его за руку. Он не понимает меня. Показываю рукой на угасающий костер. Угли покрываются серым тончайшим налетом. Это пугает меня. Я боюсь, что станет темно, боюсь, что умрут светлые летучие языки огня.

Первая в жизни минута страха, отчаяния. Я сжимаю руку отца до боли, плачу. Он берет меня на руки, касается моих волос. Мы уходим с этого места. Он широко шагает по кочкам, и меня укачивает. Я успокаиваюсь. Волшебство, которое сменилось тревогой и страхом, осталось со мной на всю жизнь. В тот миг, когда я понял, что костер умирает, пробудилось мое самосознание. Закрыв глаза, я вижу одно и то же: лицо отца, блики на ружье, руки, которые поднимают меня, трепетное пламя.

Стоило мне представить светоносное пламя, и становилось тепло, легко по-весеннему. Точно солнце выходило на небосклон, чтобы обогреть меня. Первое воспоминание детства и всей жизни говорило мне теперь слишком много.

Ночью снились самоцветные угли среди брусничной поляны, за которой вставали высокие сизые травы.

Но вот огонь мерк, и я вскрикивал, тяжесть наваливалась на грудь. В холодном поту я сжимал руками голову, стараясь удержать мгновения... Но вспыхивали уже прощальные искры, и бежали летучие синеватые языки по головешкам, а тонкий налет пепла закрывал сияние. Минута уходила; в отчаянии я шептал странные заклинания, но все кончалось: я не видел больше отца, не видел нашего костра.

Так повторялось несколько ночей кряду.

Трещали сухие ветви лиственницы, брызгали искрами, я протягивал к ним озябшую руку, другой держался за отца. Пролетала неповторимая минута — и я с трепетом и страхом замечал, как тускнели самоцветы углей. Вскрикивал — и все повторялось. Я просыпался от звука собственного голоса, от жалкого бормотания, от странных слов.

Меня манило к этому костру моего детства. Он разгорался помимо моей воли. Неведомая сила переносила меня туда. И я был там! Был, как когда-то у стен Андроникова монастыря, когда мальчишками мы играли там в футбол. Но другая сила гасила пламя. Я был уверен в этом. Костер должен был гореть! И я должен был там быть до тех пор, пока болезнь не покинет меня. Но костер накрывали серым саваном золы и пепла. И пытка длилась и длилась. Ведь тем, другим, нужно было сломить меня и погасить огонь.

Письмо

Есть явление — интерференция. Накладываются темные и светлые волны, получается затейливый рисунок, узор. Так и со мной. Влияние темных волн докатывалось до меня, и все, что ни случалось в последнее время, было результатом их взаимодействия со светлыми волнами. Я не мог предвидеть повороты событий. А мог ли кто-нибудь?.. Сомневаюсь. Со знанием дела можно рассчитать какой-нибудь узел машины и начертить его на бумаге. Получится эскиз или чертеж, где все понятно. Но пусть к этому чертежу подойдет другой конструктор и оставит на нем неизвестное заранее число прямых и кривых линий, нанесенных на бумагу с той же тщательностью, что и ранее. Что получится? Никто сказать этого не сможет. Узел

исчезнет, вместо него возникнет другой узел, в лучшем случае отдаленно похожий на исходный. Вот что происходило. И не только со мной. Прошла без малого неделя — и Валерия позвонила, сказала, что отец прислал странное письмо, адресованное мне, и что передать его содержание даже приблизительно по телефону она не может. Я немедленно поехал на улицу Сурикова.

На конверте значилось: «Владимиру Санину».

Вот оно, это письмо.

«Уважаемый Владимир Константинович, когда-то Вы были моим учеником, и мне кажется, теперь и я вправе обратиться к Вам за советом и разъяснениями. До сих пор помню Ваше возвращение с побережья в прошлом году и необыкновенную Вашу находку — тексты на этрусском. Что с ними сталось, не мое дело, поскольку Вы любезно согласились в свое время показать мне их. И того с меня довольно.

Но вот недавно по какой-то странной игре случая я оказался почти в том самом месте, где проводили отпуск Вы. Мне пообещали хороший номер в гостинице. И действительно, я был доволен. Но вот что произошло однажды. Меня познакомили с человеком, который расположил меня к себе с первого взгляда. Из-под непомерно высокого лба глядели на меня необыкновенные глаза. Затененные набухшими, как бы натруженными, веками, они, казалось, находились перед лицом. Человек был спокоен, бледен, корректен. Фамилия его Каратыгин. Именно он стал приносить иногда подлинные редкости, шедевры искусства минувших времен, и спрашивать мое мнение о них. Когда я пытался узнать, откуда они у него, он говорил, что это копии, которые он сам выполняет по моему методу.

Я поверил этому, успокоился и несколько дней с интересом знакомился с его коллекцией. Иногда ему помогал черноусый брюнет с мягкими кошачьими движениями, молчаливый и нагловатый. Этого второго я звал по имени: Кирилл.

Вы не поверите, если я просто перечислю все, чему мне довелось быть свидетелем. Кунсткамера Каратыгина и его компаньона Кирилла превосходит все, о чем мне доводилось читать и слышать. Странно, что отдельные копии были как бы зеркальным отражением оригинала. Но таковых мало. Все остальные нельзя отличить от подлинников. Когда я произносил эти слова привычным тоном (потому что действительно стал привыкать к созерцанию небывалого богатства), Каратыгин довольно ухмы-

лялся. Потом закралось подозрение: уж не используют ли эти молодцы меня в качестве эксперта? Ведь если вещь проходит через мои руки, я как бы выдаю ей паспорт подлинника, и они с полной уверенностью могут сбыть ее кому угодно за немалые, разумеется, деньги. Более того, они могут без опаски выдавать копию за подлинник.

Что бы вы сказали, например, если у Вас в руках оказалась бы посмертная маска из пирамиды с Храмом Надписей в Паленке? Напомню, что речь идет о древнем мексиканском храме индейцев, где была обнаружена в пятидесятых годах нашего века таинственная лестница, ведущая в комнату с каменным саркофагом. В этом большом саркофаге находились скелеты пяти молодых индейцев. Рядом располагалась вторая комната с огромным каменным блоком, который тоже оказался саркофагом. Здесь покоились останки важной особы, осыпанные золотом и яшмой, которую майя ценили выше золота. Посмертная маска была найдена именно в этом саркофаге. Выполнена она из кусочков яшмы. Тонкие губы, нос с высокой спинкой, особенности строения черепной коробки дали в свое время основания считать, что антропологически тип умершего близок к баскам. Появились сообщения, что этот тип был характерен и для атлантов. Так вот, я видел подлинную маску из Паленке. Или я ничего в этом не понимаю. Теоретически я допускаю, что это была лишь копия. Но как могли эти двое завладеть хотя бы копией? Где находится сейчас подлинник? Ответьте мне на этот вопрос. Прочитайте мои короткие дневниковые записи, которые я посылаю с этим письмом. В них тоже есть вопросы, адресованные Вам. Может быть, вдвоем мы сможем решить эту нелегкую задачу.

Ваш *Чиров*».

Из дневника Чирова

1. К вопросу о глиняных табличках или плитах, как называл их Ашурбанипал («Я велел начертать на плитах славные письмена, произведения книжного искусства, которые не изучал ни один из моих предшественников, я собрал письмена во дворце моем, я разбил их на разделы, и я, царь царей и любимец богов, умею даже читать их»).

Я увидел клинописные знаки, рассказывающие о потопе. О том самом потопе, который стер с лица земли цивилизацию наших предков.

«Ты, человек из Шуруппака, построй себе корабль, брось имущество и спасай свою жизнь. Возьми с собой на корабль по паре всех живых существ». Часть этой таблички отбита. Каратыгин принес мне две почти одинаковые плитки. У одной выщерблина была справа, у другой — слева. Они были словно зеркально отражены. Когда я спросил, откуда та и другая плитки, он только хмыкнул. Одна из них, несомненно, подлинная...

«Едва разгорелась небесная заря, с основания небес поднялась черная туча. Ходит ветер шесть дней, семь ночей. Вода поднялась и накрыла землю. При наступлении седьмого дня буря и потоп отступили. Успокоилось море, утих ураган. Я открыл отдушину — свет упал на лицо мое. Я взглянул на море — тишь вокруг. А все люди стали комьями глины. Равнина стала плоской как крыша».

«Я пал на колени, сел и плачу, по лицу моему бегут слезы.

В двенадцати поприщах поднялся остров. У горы Ницир корабль мой остановился. Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться. Вынес голубя и отпустил его. Вскоре голубь назад вернулся, места пригодного не увидел».

Нашел ее некогда служитель Британского музея Смит, в прошлом гравер. Первая же находка Смита, если не ошибаюсь, вызвала скептический прием у специалистов. Получалось, что версия о потопе древнее самой Библии. Но Смит снова отправился в Ниневию. Ему повезло. Иголку в стоге сена найти легче, чем недостающую часть глиняной рукописи. Но чудо произошло. Вскоре стал известен древний эпос «О все видавшем» сразу в нескольких редакциях, они относились к третьему, второму и первому тысячелетиям до нашей эры. Герой эпоса Гильгамеш навещает своего предка Утнапиштима. Утнапиштим рассказывает, как один из богов посоветовал ему построить корабль. Боги даровали ему бессмертие. Гильгамеш просил открыть ему эту тайну. Однако Утнапиштим не в силах подарить бессмертие родственнику. Зато он рассказывает ему о цветке, растущем на дне океана, который дарит молодость до конца дней. Гильгамеш добывает цветок. В пути на родину его постигает несчастье — змея пожирает цветок. С тех пор змеи каждый год меняют кожу и молодеют вновь, а человек стареет.

2. Женская голова, вырезанная из кости мастером ориньякской эпохи из Брассемпуи во Франции, производит сильное впечатление анфас. Это психологический пор-

трет. Лицо, тонкое, сужающееся книзу, черты лица мягкие, почти воздушные. Для палеолита такие находки — редкость. Размер фигурки небольшой, всего три сантиметра. Я плохо знаком с подлинником, который хранится в музее Сент-Жермен в Париже. Мне показали сразу три одинаковые фигурки. Нельзя было уловить ни малейших отличий.

3. Мадленская птица из Киевского музея, напротив, мне хорошо знакома. Найдена она на Десне. Хорошо различаются хвостовое оперение и узор, заменяющий перья на теле птицы. Узор напоминает о лабиринте. Квадратные фигуры такого же типа покрывают и браслет из Мезина на той же Десне. Таких птиц было две. Целый день они провели на моем столе, и я снова изучал тонкости узора, сравнивая его с изображенным на браслете, который тоже был у меня в двух экземплярах. Одному из них я отдал предпочтение, назвав его подлинным. Но откуда они могли взять оригинал? Вопрос этот ставит под сомнение мое заключение. Все это, конечно, копии.

4. Точно так же не мог держать в руках я настоящую богиню со змеями из Кносса. Эта фаянсовая скульптура напоминает о средиземноморской Атлантиде. Споры о ней продолжались много лет. Но время этой культуры — второе тысячелетие до нашей эры, то есть после Атлантиды Платона прошло несколько тысячелетий до нашей эры, прежде чем были созданы львиные ворота в Микенах, лестничный зал в Кносском дворце, цветной портрет девушки, участницы торжественной процессии, погребальные маски, вазы с морскими звездами, кувшины с росписью.

* * *

Мой аспирант, заказавший мне номер в этой гостинице, несколько дней оставался здесь, потом уехал к родственникам в Сухуми. Через две недели он должен вернуться. Первые визиты Каратыгина и Кирилла состоялись в его присутствии. Он не выразил удивления. Это, вполне естественно, увлеченные люди, таков был его вывод. Мне остается придерживаться того же мнения. Пока я не получу доказательства обратного. То есть, что если и есть увлеченный человек в этой компании, то это я сам. И все же я почти готов поверить, что они такие же фанатики, как я. В самом отборе экспонатов, копии которых они выполняют с таким непревзойденным мастерством и талантом, я нашел систему. Все, что они мне показывали, пря-

мо или косвенно связано с тем временем, когда, согласно Платону, существовала Атлантида. Находки с Крита рассказывают о средиземноморской Атлантиде. Но, может быть, острова в Атлантике и гораздо более поздняя критомикенская культура связаны общими традициями?

...Два дня подряд стоит отвратительная погода. Признаться, я заскучал бы, если бы не беседы о неизвестных мастерах, подаривших нам шедевры. Я напрямую задал вопрос об Атлантиде. Собеседники мои перевели разговор на другую тему.

Выдалось несколько часов полного безделья, и я попробовал записать, с чего у меня все начиналось когда-то...

* * *

В юности я не помышлял об Этрурии. После окончания университета мне довелось несколько лет заниматься Востоком, в собственном смысле этого слова. Помню встречу, которая оказала на меня сильнейшее влияние. Я был по приглашению коллег в Венгрии. Вечером я вышел из отеля прогуляться. Отель этот расположен на Розовом холме, а мне хотелось попасть на другой берег Дуная, но добраться туда я хотел непременно пешком. У острова Маргит, на мосту, ко мне подошел незнакомец в котелке, с усиками и на чистом немецком попросил прикурить. Я остановился, достал зажигалку. Он вмиг признал во мне русского. А я терялся в догадках, как он смог так быстро найти со мной общий язык, но факт остается фактом... Он швейцарец, точнее, ладин. Говорит немного по-русски. С изумлением узнал я от него, что ладины являются прямыми потомками этрусков. До сих пор в некоторых тирольских деревнях и в кантоне Граубюнден слух путешественников поражает странный диалект, на котором говорят соплеменники этого человека.

— Многие теряются в догадках,— сказал он,— и не знают, к какой же языковой группе относится диалект, на котором мы объясняемся между собой. Но это, поверьте, язык древних римлян с некоторыми словами, перешедшими еще из этрусского. Ведь этруски были ассимилированы. Когда они искали убежища в альпийских долинах, они уже почти поголовно говорили на латыни. Понимаю... трудно поверить, что вы встретили живого этруска. Тем не менее это так. Не хотите ли выпить вместе по чашечке кофе?.. Я знаю отличный ресторанчик в десяти минутах ходьбы отсюда.

Я, разумеется, согласился пойти с ним. По пути он рассказал, что побывал во многих странах. В Венгрии необыкновенно дешевые рестораны в отличие, например, от соседней Австрии или Швейцарии. Но приехал он сюда, чтобы ознакомиться с некоторыми старыми рукописями и книгами.

По его мнению, Диоген Лаэртский был прав, когда говорил, что архивам египетских жрецов было около сорока тысяч лет, когда они погибли. Ученые, возможно, улыбнутся в ответ на это утверждение, дошедшее к нам из третьего века нашей эры, но известно, что первобытное состояние и даже состояние дикости наступает в результате упадка и в современном мире. И он упомянул Германию после тридцать третьего года, а потом заговорил о майя и ацтеках. Когда Кортес захватил Мексику, его календарь отставал от истинного астрономического времени и от календаря ацтеков. Календарь майя более точен, чем наш. Конкистадоры положили конец древним культурам. Войны и стихийные бедствия могут повернуть путь, которым следуют племена и народы, обратно к дикости и варварству. Более того, не было ни одного народа, который бы мог проследить свою историю от истоков. Племена и народы угасают вместе со своей культурой, потом иногда возрождаются под другим именем. Из двух народов образуется новый, и он наследует один из языков. Образуются ветви, как у дерева, возникают новые группы и племена, многие умирают или ассимилируют. Одним и тем же языком пользуются иногда народы-деды и народы-внуки, а иногда совсем разные этнические группы.

За чашкой кофе он заявил, что жрецы майя спрятали пятьдесят две золотые таблицы с древней историей Нового Света. Несмотря на пытки, они не открыли тайны конкистадорам.

— А что это за история, никому не ведомо,— добавил он с улыбкой.— Ведь, кроме упоминаний о Кецалькоатле, белых бородатых богах Атлантиды, которые передали людям Нового Света культуру, нет никаких документов. Мы ничего не знаем о древних. Возьмем египетские пирамиды, к примеру. Еще Геродот видел надписи на каменной облицовке этих памятников фараонам. В Британском музее я видел манускрипт, в котором утверждается, что надписи на облицовке были выполнены незнакомыми письменами на непонятном языке. В коптском папирусе есть строки о таинствах астрономии, геометрии,

физики, которые были записаны на гранях пирамид для того, чтобы уберечь их во время грядущих катастроф. Но облицовочный камень был снят с пирамиды. Весь он пошел на строительство жилищ, и теперь невозможно отыскать ни одной плиты с надписями. Вы, конечно, слышали о той точности, с которой глыбы подгонялись при строительстве гробниц, а на самом деле — библиотек и хранилищ знаний?.. Точность эта достигала трех десятых долей миллиметра. Невероятно. Но приходится верить. Разгадка пришла недавно. Было установлено, что древние египтяне применяли бетон, изготовленный по утраченному ныне рецепту. Не знаю, поверите ли вы тому, что не все пирамиды найдены. Но это так. Правитель Египта за триста лет до потопа, то есть задолго до известных нам фараонов, построил две пирамиды для сокровищ и рукописей. (Арабские источники сообщают даже о роботах, которые должны были охранять вход в эти сокровищницы.) Во сне этот правитель увидел, будто земля перевернулась, а люди лежали ничком на опустошенной равнине. Проснувшись в ужасе, он созвал жрецов. Жрецы после раздумий подтвердили грядущую опасность. В построенные сокровищницы было упрятано нержавеющее оружие, небьющиеся стекла, железный инструмент и многое другое. Писатель десятого века, писавший эти строки, вряд ли мог бы представить себе пластики и нержавеющую сталь наших дней. Тем ценнее его свидетельство. С тех пор прошло около одиннадцати тысяч лет. Правителя звали Зарид. Имя, возможно, символическое, но в нем я различаю этрусский корень: «зар» означает «свет, жар». Ведь именно от него произошло русское слово «заря». Если хотите, можно вспомнить другие слова того же корня. Например, «зариться», «жарить», «разорение», в последнем случае указывается наиболее частая в старину причина несчастья — пожар, который действительно способен разорить любого.

Он закурил крепкую сигарету в черном табачном листе и отпил глоток кофе. Его глаза казались темными в полутьме зала. В углу играл небольшой оркестр, и скрипач иногда кланялся этому человеку, словно давно знал его.

— Я не так уж хорошо знаю русский,— продолжил он,— но могу по словарям искать корни самых древних слов. Смело могу сказать, что все корни этрусских слов перешли в русский, только они были переосмыслены подчас так, что не сразу их распознаешь. Но еще более уместно говорить о древнем языке русов, от которого отделился затем прафиникийский, этрусский и многие другие языки.

Конечно, вам поверить в это нелегко. Но вот простой пример. Кто жил в Асгарде скандинавов? Асы. Не так ли? Теперь вспомним, что мир согласно верованиям ариев возник из космического яйца. Об этом говорит Ригведа. «Яйцо» по-этрусски звучит так: «аис», «яис», почти как по-русски. «Бог» — по-этрусски «аис» или «аисар». Бог в Махабхарате индусов именуется Асурасом. Живет он на небе. Но древние «глотали» иногда гласные. Получается, что корень русов, населивших Малую Азию за восемь тысяч лет до пирамид и задолго до потопа, стал основой и русского «яйца», и скандинавского «аса», то есть бога. Бог — яйцо. Как вам это нравится? Но первоначало нашего мира, как говорят последние данные астрофизики, действительно похоже на плотное космическое яйцо, которое взорвалось и стало расширяться во все стороны. Ведь именно этим объясняют сейчас красное смещение, не так ли?

— Вы хватили через край,— сказал я этому человеку.— Это преувеличение, по крайней мере.

— Это скорее преуменьшение! — необыкновенно живо рассмеялся он.— Русы — это еще не русские. Это древние охотники с быстроногими гепардами. Кошачьи в глубокой древности именовались так: «рус», «рас». Отсюда имя племени или племен, объединившихся в союз русов.

Я тогда так мало знал тему нашей беседы, что не мог ему толком возразить. А он продолжал говорить о волнах кочевников, пришедших с востока и принесших свои слова и языки, смешавшиеся с языком предков.

— Но как вы можете доказать, что в Средиземноморье и на Ближнем Востоке был единый язык?! — воскликнул я.— Ведь меня не убедит история с Вавилонской башней, которая рассыпалась, предвещая разделение языков!

— Что Вавилонская башня...— тихо проговорил он, задумавшись, но вдруг, помолчав, воскликнул: — Скажите, а если осколки этого единого языка вы бы обнаружили даже в Новом Свете, вы поверили бы?!

— Может быть,— сказал я.— Но это фантастика чистейшей воды. О каких осколках праязыка можно говорить, если письмена майя молчат и никто не может читать их.

— Да, это так. Но все же известно много слов. Известно и звучание их. Диего де Ланда, душитель майя, оставил на память об этом народе некоторые сведения.

Я произнесу сейчас несколько слов на языке майя, а вы попробуйте их перевести.

— Я не смогу, к сожалению, этого сделать.

— Сможете! Итак, коль, голь... что это?

— Ума не приложу.

— Тот же корень в русском слове «голое». Коль, голь означает поле. Ведь нужно корчевать деревья, расчищать место для посева. Вот откуда этот корень у майя. Поле действительно «голое место», не более того. Слушайте дальше слова языка, который никто давно уже не понимает. «Соломце», «коломче»... что это?

— Солома, вероятно.

— Да. Точнее, тростник. Тун, тон?..

— Тон, конечно.

— Да, звук или тон. Бат, баат?

— Бить, так?

— Почти. Это бита, топор... Тупиль, дубиль?

— Дубина.

— Вы делаете успехи. Имя Кецалькоатль тоже нам знакомо; если отбросить название птицы «кецаль», то получится, с учетом того, что глухие стали звонкими, «гоадль» или «гад», то есть змей! Я мог бы продолжать и далее, но боюсь утомить вас. Теперь вы понимаете, как важно для меня узнать побольше о Новом Свете, о его исчезнувшей культуре, забытом языке?

— Да. И вы считаете это осколками праязыка?

— Несомненно. Это остатки того языка, на котором говорили люди допотопной цивилизации. Потом, позже, мои прямые предки этруски смешаются с римлянами, утратив корни. Но они успеют передать их майя.

— Каким образом?

— Они плавали к берегам Нового Света. И не раз. Отсюда бородатые белые боги в мифах индейцев. Отсюда корни слов в их иероглифах. Кстати, хетты тоже вначале пользовались иероглифическим письмом, но читались многие их слова почти так же, как слова праязыка. То же было с хаттами: язык похож — письменность разная. Мне довелось видеть изображения индейцев майя. Прослеживаются два типа: лица с высокой спинкой носа — это потомки атлантов, и лица со средней спинкой носа — это тип этрусский. Есть, конечно, и лица полумонголоидного типа, ставшего потом общим для многих племен. Диего де Ланда пишет, что это были рослые, красивые люди, особенно женщины. Женщины настоль-

ко красивы, что их иногда вешали, чтобы они не могли посеять раздора среди испанских солдат.

Мы говорили допоздна. Он попросил официанта принести пюре из каштанов со взбитыми сливками. Это фирменное блюдо некоторых венгерских ресторанов. Он даже записал мне рецепт, но я за истекшие с той встречи годы так ни разу и не воспользовался им из-за занятости. Я спросил его об этрусских поселениях в Швейцарии. Он ответил, что вся область южной Германии ранее была населена этрусками. На территории германской Этрурии произошла битва с римскими легионерами под предводительством Вара. В рядах сражавшихся было много потомков этрусских переселенцев, говоривших уже не на латыни, а на немецком. Арминий Германий, выступивший против римлян, также потомок этрусков.

Это все, что я успел записать. Кроме того, Вальтер сообщил мне перевод нескольких этрусских слов. Он готовил публикацию. Но обещанный оттиск он так и не прислал. Не знаю уж, что с ним случилось.

Мне кажется, что самые смелые находки, приоткрывающие завесу времени, не должны служить основанием для выражения эмоций по этому поводу. Что касается любви, то это чувство должно быть, конечно, адресовано современникам и современности, даже если ум человека занят далеким прошлым.

* * *

...Я окончил чтение и протянул листки письма Валерии. Она молча отложила их в сторону. Сказала:

— Я уже читала это. Несмотря на то, что записки адресованы тебе. Объясни, что это означает?

— Все в порядке. Профессору Чирову повезло. Он встретил достойных последователей. Ему там нескучно.

— Это правда?

— Да.

Я сказал это как можно тверже. Чирову действительно ничего не угрожало. Ведь не он, а его аспирант адресовал мне эти записки. Это он водил рукой Чирова. Это он сообщал мне, что с похищением музейных экспонатов покончено, что отныне атлантов интересуют лишь копии. И что археологи могут спать спокойно. И я тоже.

По ночам меня била лихорадка, а холод пронизывал до костей; я кутался в одеяло, включал электрическую сухарницу, которая издавна служила мне печкой. Озноб переходил в забытье, когда я лежал с открытыми глазами совершенно неподвижно, ни о чем не думая. По утрам было лучше. Я вставал, шарил на кухне в белом узком столе, искал сушеную малину, мед, ставил чайник на огонь, выпивал большую чашку кипятка с малиной или медом, потом пытался читать, писать — ничего не выходило. Качало меня как на палубе корабля в семибалльный шторм, и я снова ложился, даже задергивал занавеску на окне, чтобы свет не раздражал, не напоминал о времени. Но я знал, что болезнь моя затянулась, и как ни старался я продержаться эти тяжелые дни, вечерний сумрак вызывал тревогу, горячий дурман окутывал меня снова, а утром иногда приходила врач, молоденькая женщина с яркими глазами, и грустно-требовательно говорила о моем пренебрежении к самому себе. Она прописала мне целый ассортимент таблеток, и все они лежали почти не тронутыми: я не верил в них, и, значит, помочь они не могли.

Однажды впервые в жизни я ощутил глухую боль в груди, сердце ныло так, что я постоянно думал о нем. Меня охватывал страх, потом он уходил, я забывался, но на следующий день все повторялось. И скрыться от него я уже не мог. Я вспомнил о боярышнике, который заваривала моя бабка в таких вот, наверное, случаях. Цепкая память моя восстановила все подробности, все слова ее, и я будто воочию видел ее тонкое лицо, изборожденное глубокими морщинами, и слышал ее голос. Я закрывал глаза — и видел на деревенском деревянном столе фарфоровый чайничек с алыми маками на пузатых боках, блюдце, чашку с такими же маками. Я ковылял на кухню, накрывшись с головой одеялом, наполнял чайник водой, разжигал газ, но мне не хватало главного — боярышника.

По неведомым законам повествование вторгается в сад моей бабки, которая при жизни своей, особенно после военного запустения, не могла за ним ухаживать сама, а я был слишком мал, чтобы помогать ей. Еще в сорок первом, когда она осталась одна, в суровую ту зиму, вымерзли яблони. В сорок шестом, когда семилетним мальчиком я гостил у нее под Веневом во время первых своих школьных каникул, между двух огромных черемух

еще зеленели яблоневые побеги, поднявшиеся от уцелевшего пенька. Но позже они погибли, и дикие травы закрыли это место навсегда. С черемухи открывался вид на весь сад, на лощину, что тянулась к озеру, и бабка рассказывала, что раньше, когда озеро было большое, а дожди шли долгие, шумные, вода поднималась по этой лощине к самому крыльцу дома, к белым плоским камням известняка, которые у порога врыл в землю мой дед.

По этой шальной мелкой воде шли к самому дому темные вьюны, днем они грелись на солнце, у камней, потом уходили вместе с отступающей водой.

После суровых военных зим в саду остались вишневые деревья, кусты сливы, малины, боярышник, крыжовник. И две черемухи, на которые я лазал, встречая на ветвящемся стволе птичьи гнезда, суетящихся ящериц, осиные постройки, шелковые нити и коконы паутины, колонии черно-красных и зеленых жуков, отдыхающих стрекоз с прозрачными горошинами глаз.

С каждым годом кусты под окнами поднимались выше, за ними едва поспевали мальвы, тоже устремлявшиеся вверх и всегда немного перераставшие меня, хотя рос я быстро. Зеленый полог в этом старом необыкновенном саду всегда укрывал меня с головой. Помню белые крупные семена мальвы, сушившиеся на подоконнике, ягоды боярышника, которые я собирал для бабки, колючий крыжовник под окном.

Несколько белых камней были в беспорядке разбросаны по саду. Они предназначались для погреба, но дед мой умер, не достроив этого погреба. Под глыбами известняка мыши вырыли норы. Тропа, у которой дед свалил камни, заросла лопухами в человеческий рост. Я нырял в зеленый полусумрак, чтобы рассмотреть получше норы и самих мышей. Иногда я встречал в мышином заповеднике белого кота и прогонял его. Кажется, мне удалось навсегда отучить его охотиться под лопухами. Мыши были очень проворные, с оранжевой шкуркой и темными хвостами. Меня они не боялись, и когда я бывал у камней, то одна, то другая мышь выбегала по своим делам. Блестящие бусины темных глаз даже не следили за мной, словно оранжевые мыши были уверены в моем к ним расположении. Наша дружба завязалась в первое же лето. Я носил для них кусочки ржаных лепешек, которые пекла бабка, наливал в углубление на камне немного козьего молока от нашей козы; на пыльном току, куда носил бабке обед, подбирал для них ячменные зерна.

* * *

Как и о многом другом, я часто вспоминал об оранжевых мышах, живших под белыми камнями в бабкином саду.

Вспоминать их стало навязчивой идеей, и, как я ни старался, я не мог избавиться от нее. Я никогда не принимал капель от сердечной боли, только мельком слышал названия, которые мне не внушали почему-то доверия. Позже я понял причину этого: ведь я был болен, значит, не мог думать и принимать правильные решения. Печальный факт.

Я помнил два куста в бабкином палисаднике; много раз наблюдал в детстве, как розовели на них ягоды, как блестели они после дождя, и в солнечный день яркие кисти их видны были даже сквозь резные тонкие листья. Тот мир звонкого детства был мне теперь понятней и ближе, ничем не омраченные дни из прошлого появлялись один за одним, я снова переживал их, вслушивался в полузабытые голоса, всматривался в лица... Все чаще и дольше происходило это со мной. И однажды, увидев на стене яркий лимонно-желтый квадрат, я не сразу узнал его.

Возникали светлые, пустынные поля, прозрачно-зеленый небосклон над ними; когда сгущались дымчатые тени, звучали перепелиные трели и высоко-высоко висел неподвижно жаворонок. Вдали, по низкой насыпи, заросшей дикими травами, бесшумно, как во сне, пробегал поезд. Вот откуда, наверное, тянулась нить памяти, связавшая далекое мое прошлое с недавним. Оттуда, из тех дней, появлялся поезд, где бы мне потом ни приходилось его видеть. Мне не хватало парного тепла земли, росы, гроз, грибных дождей.

Тщетно подходил я к окну, всматриваясь в него и пытаясь создать иллюзию присутствия хотя бы в рощице нашего двора. Отражение глаз моих в стекле казалось ярче, темней. Много непохожих черт проявлялось в призраке, временами смотревшем на меня из-за стекла. Что-то происходило со мной. После такого вот вечера, мучительной ночи, едва ощутив приход черно-синего утра, я приподнялся на локтях, стараясь поймать нечто ускользавшее от моего внимания. На столе копошились тени. Иначе трудно об этом рассказать.

Я встал.

Два оранжевых мышонка метнулись прочь от меня, скользнули по столу на пол и скрылись.

Подсев к окну, я разглядывал неожиданный дар. На краю его стояла глиняная чашка с ягодами боярышника. Я осторожно притронулся к узору на керамике, к розовым и алым ягодам, приложился к ним щекой. Они были прохладными, чуть влажными, как после дождя, когда появившееся солнце уже успело подсушить воздух и траву. Это были, конечно, те самые мыши, которые жили под валуном в саду. Когда-то я защищал их от белого кота, теперь они хотели выручить меня.

Во всяком случае, в моем состоянии логика могла подсказывать такие вот цепочки событий, разделенных многими годами, даже десятилетиями.

Я узнал чашку. Это была вещь, которую я запомнил с детства. Ласково и настойчиво кто-то стучал в стол. Я еще раз увидел мышей: они юркнули в щель под моей дверью, дав знать о себе на прощание.

Я не знал тогда, что впереди меня ждет еще одна остановка в прошлом. Быть может, она нужна мне была для того, чтобы хватило сил идти дальше. Ключи Марии — это сокровенное, несказанное, ключи души; расставаться с ними нельзя. Борьба уже давно шла у последней черты — за ключи Марии!

Трепетным, зоревым светом зажигалось в памяти моей ушедшее, но темное крыло неведомой птицы настигало меня, и тревога сковывала. Заклиная прошлое, молясь отцу, сестре, Жене, я снова переживал и надеялся, но в новом, грозовом свете мелькало предвестие беды — прошлое до боли остро отзывалось во мне стоголосым эхом. Даже ничем не омраченные дни и часы детства становились как бы чужими, не моими, они были невозвратимыми, и когда черное крыло закрывало их, я даже чувствовал облегчение. Если же там осталась полузабытая боль — стократной вспышкой все повторялось снова и снова, и пытка эта была нескончаема, и я не мог ночами сомкнуть глаз.

А если приходил короткий лихорадочный сон, правой рукой, у самого сердца, сжимал я до дрожи в пальцах невидимые ключи Марии, ключи от несказанного, невыразимого, сокровенного. И просыпался. Костяшки суставов белели как светляки.

Легче было забыться и забыть все. Но я боролся за прошлое. Только теперь я понял, что события, предшествовавшие этим грозным дням, лишь очертили контур пространства, в котором развернулась сейчас тайная борьба. В центре этого контура, словно тень в круге, был я

сам с моим отчаянием, упрямством, с моей силой и слабостью. Зло и добро неотступно следовали за мной по пятам, но они порой точно сливались, и лишь усилием воли отличал я полет темного крыла от парения светлого крыла, а тени крыльев бежали вместе, пересекая друг друга.

Каждая деталь или мелочь в этом измененном пространстве приобретала иной, неизвестный ранее смысл. Предстояло познать его. Рассмотреть до тонкостей умом и сердцем. Вновь обрести, найти себя.

Сильнее становился, звучал все яснее давний зов земли. В минуты безысходности я думал о прозрачном небе под Веневом, в преддверии отчаяния словно в зеркале озера открывалось полузабытое и далекое — все это время оно жило как бы своей особой жизнью, и я знал — знал, что там есть место, где я мог укрыться. Бессонными ночами я присаживался к столу, пытался работать над «Этрусской тетрадью», и свет, бывало, гас — тогда я зажигал свечу. Возникали строки, в которых так много было моего личного, что я беспощадно вычеркивал их. Но нельзя забыть, что не нашлось ни одного листка бумаги, чтобы переиздать хоть один рассказ из моей книги, о которой напоминала сестра в первом своем письме.

К утру глаза уставали. Сквозь влажную пелену видел я написанное, и оно отдалялось от меня, тускнело. Буквы исчезали, таяли. Я не мог сдержать слез. Свеча гасла. Я проваливался в тяжелый сон. Словно Зазеркалье, являлось прошлое.

Зеркало

Пронзительно-ясно обрисованы белые глыбы на крутом склоне, прерывистая нить ручья, плес в лощине — и над всем этим, по законам перспективы,— ты, твое лицо, твои косы. Ветер мнет куст ветлы, шепчет имя — Настя. В моей руке скользит, обвивая ее, живой вьюн. Я стою на подводном камне, чтобы не замочить закатанных до колен брюк или, быть может, чтобы казаться выше. Мы оба следим за вьюном, и взгляды перекрещиваются и соприкасаются. Тайна этой минуты уходит и остается в памяти: холодная рыбья кожа, темный извив на запястье, подрагивающий хвост.

К обрыву под холмом прилепилась печь для обжига известняка, она высилась как башня, и мы обходили ее стороной. Только раз взбежали мы на круглый верх печи,

отдыхавшей от работы. Прикладывая ухо к кирпичной кладке, вслушивались в странные вздохи, доносившиеся из чрева.

Тогда это и произошло. Настя сорвалась вниз. Я замер. Словно не я, а кто-то другой смотрел, как она падала. Как же это?.. Настя, Настя! В руке она сжимала цветы — четыре стебля цикория. У пода печи смертельный полет ее прервался. Она парила как птица над луговиной. Подол ее платьишка расправился. Или мерещилось мне это? Нет! Настя мягко опустилась на ноги и вот, живая и невредимая, стоит внизу и растерянно улыбается одними губами. Колдовство.

Я же видел, как она сорвалась, как билось ее платье, как беспомощно раскрыла она рот, собираясь, наверное, что-то сказать или крикнуть! И потом — невидимые руки будто бы поддержали ее и медленно, бережно опустили на землю. Трижды волшебна эта минута: бегу к Насте, захлебываясь от радости, кубарем скатываюсь к ее ногам, притрагиваюсь к ее плечу и замолкаю. Настя протягивает мне цветы — четыре стебля цикория. Неловко принимаю букет. Беру ее за руку. И тайна этой минуты уходит и остается в моей памяти.

Точно сквозь матовое стекло проявляется прошлое. Бабкин палисадник, ленивый белый кот у крыльца, огненно-красный петух на деревянных перилах, ветла со скворечником. Школьные каникулы в деревне...

Утро. Вечер. Утро. Дни, как стекляшки в мозаике, разного цвета: зеленые, голубые, ярко-желтые от солнца.

— Это правда, что ты козу доить умеешь? — Губы Насти сдвигаются в сторону, справа образуют ямочку и складку, а я густо краснею. Опускаю голову, потом искоса наблюдаю за ней: она не смеется, нет, глаза ее, серые с синевой, смотрят серьезно, и только губы сложились в улыбку — так умеет только она, деревенская девочка с соседней слободы.

— Я помогаю бабке,— говорю я.— Она старенькая и устает в поле. И еще готовит мне обед.

— Смотри, какой!

Мы идем врозь, я делаю вид, что отворачиваюсь от ветра,— она сама подходит ко мне, берет за руку, тянет за околицу — там волны хлебов в сизом цвете и тропа, ведущая к нашему ручью, к озеру.

...Двое у опушки леса. Держатся за руки. Яркий извив падающей звезды над головами, зеленоватое послезакатное небо. Потом один из этих двоих предаст другого.

Это буду я. А пока они вместе. И если вслушаться в слабые шорохи, кажется, удается разобрать слова:

«Тих и спокоен край, в себе он замкнут: две створки — озеро и небосклон, как жемчуг, в раковине драгоценной мир заключен».— «Вон месяц: спрятался, а сам забросил над ветлами серебряную сеть, он ловит звезды, но едва засветит, чтоб осмотреть улов, как мигом в сети попался он».— «Ты смотришь в небо?» — «Да, звезда упала, блеснув светлей».— «А я звезду на озере увидел, она летела к небу от земли, твоя звезда вниз с неба полетела навстречу к ней».

Снова я увидел Настю только в пятьдесят седьмом, когда приехал к бабке на студенческие каникулы. Поезд гуднул за спиной и ушел к Узловой, а я выбрался на большак, за пять минут прошагал километр, свернул на знакомую с детства тропу, где к ногам жался пыльный подорожник, и скоро увидел провор у бабкиного дома. Бабка моя, Александра Степанова, была уже на ногах, хотя едва-едва занялась заря над Тормосинской слободой и над прудом еще стелилась ряднина тумана. Я поцеловал бабку, передал ей подарок — сверток с ситцем, проводил ее в поле, на работу,— потом долго сидел на крыльце: в десяти шагах от меня носились низом шальные деревенские ласточки, садились на камни, выступавшие из гусиной травы, взлетали, показывая острые углы крыльев на полотнище зари. Я умылся, надел новую, недавно купленную теткой рубашку, пошел к той самой слободе, где встречал Настю когда-то. И увидел ее, и узнал, но прошел мимо, словно застенчивый преступник.

Вот она, эта минута. С беспощадной ясностью до сего дня вижу Настю склоненной над старым деревянным корытом. Она синит белье. Высокие мальвы укрывают меня, за белыми крупными цветами — ее платье, ее косынка, босые Настины ноги. У калитки палисадника плоский камень. Бревенчатая стена дома посерела от дождей и невзгод. Из-под соломенной крыши вырывается ласточка. Я замедляю шаг. Тихо. Едва слышно плещется вода в корыте. Мгновение — и я прохожу мимо, не окликнув ее. Нет, в голове моей не успела сложиться определенная мысль. Я стал другим — вот и все.

Вскоре я уехал, молча, не сказав ей ни слова, так и не повидав ее. А она осталась в селе, над которым, как и раньше, поднимались крылья огнистых закатов, густели ночи — с запахами кошенины и полыни, с теплыми ветрами, с мимолетными вспышками июльских зарниц.

* * *

Наверное, есть в окружающем нас пространстве особый невидимый механизм времени. Чаша небосвода обманывает нас: там, где светятся красные, зеленые, желтые и синие огни, самих звезд уже нет. Они переместились на миллиарды километров, оставив запоздалые следы свои — призрачные светляки. Профессор Козырев, открывший вулканы на Луне, направил телескоп на пустое вроде бы место: в черную, ничем не примечательную точку. Он, правда, вычислил, что именно там должна находиться сейчас звезда. И получилось вот что: под стеклом прибора чаша весов с гироскопом сместилась. Оставаясь незаметным глазу, далекий огненный шар подтолкнул ось волчка. Звезда дала о себе знать.

Пронизывая прошлое, настоящее и будущее, невидимая сила заставляет все и вся измениться: свиваются спирали-орбиты планет, приближаясь к светилу, вспыхивают на солнечном диске искры, появляются и исчезают пятна, ритмы их передаются Земле.

Не солнечные ли циклы будят память?..

Минуло одиннадцать лет. Рано утром сели мы в электричку, вышли на станции, название которой не сохранилось в памяти, прошли луговиной с километр, на опушке леса развели костер. Было нас семеро — трое бывших студентов вместе со мной, четверо девушек в соломенного цвета куртках, брюках, легких свитерах. Один из нас ушел с удочками к озеру и вернулся с большим сазаном. Сварили уху. Искупались. К вечеру транзистор расплескал целое море звуков. Танцевали на траве при чистом, ясном закатном свете. И ничто не казалось странным, и никто не мог сказать, что можно в танце, а что нельзя. Лицо девушки, обвившей мою шею, было пунцово-алым в закатном свете, глаза — темными. Голоса и смех — и тревожно чернел гребень леса над холмом. Потом все переменилось. То ли усталость была тому виной, то ли необыкновенный, настоянный на травах воздух. Я вышел из круга и побежал на холм. Над маковкой его еще висело солнце, а у подошвы его сгустились тени. Подняв руки, я поймал странный мягкий свет заката. Мир менялся, становился неузнаваемым.

И тогда я увидел ее, Настю. Там, где скат холма был круче, мелькнуло ее платье. Наверное, она только что упала с обрыва. И как тогда, я стоял, и медлил, и молчал, и ждал. И снова что-то во мне встрепенулось и оборвалось.

Кто-то взял меня за руку, кто-то спрашивал, что со мной,— а мне нужна была добрая минута, чтобы вернуться к друзьям. И до слуха моего, как сквозь сон, донеслось хлопанье крыльев птицы, взлетавшей кругами над загривком холма. Чей-то насмешливый возглас:

— Его напугал коршун!

И в багряном небе, там, где смешалось алое, желтое, зеленое, над головой моей беззвучно кружили два широких распластанных птичьих крыла...

...А колесница времени мчалась, мчалась, и я предъявлял пропуск и проходил на полигоны, где беззвучно, незримо светили в небо радары и взмывали ввысь ракеты с огненными хвостами. Позже, на втором круге колесницы времени, я показывал билет журналиста, и передо мной открывались двери институтов и лабораторий, библиотек и заводов. Потуги сменить профессию окончились, к сожалению, успешно. (Настеньке же не дали и паспорта, чтобы поехать в город. След ее затерялся в вихревой мгле времени.) Прижавшись порой лицом к стеклу городской квартиры, я шепчу стихи: «Меня защищает от прежних нападок пуховый платок твоего снегопада...» Но как может защитить пуховый платок снегопада, если предательство совершено? Хотя, конечно, подлинного предателя уличить трудно: он незаметен, пружинист на ходу, всеяден и всепогоден.

* * *

Почти всегда далекий свет воспоминаний меркнет, едва успевает открыться зеленый простор холмов, призрачное мелькание белых мотыльков над крышей, чистые голубоватые плесы. И вот снова и снова — желтые глаза улиц, огни далеких станций, ночные аэродромы, экспедиции и командировки. И встречи, и размышления, и усталость. А дома, по вечерам, тусклое отражение в зеркале моего лица, исхлестанного друзьями и недругами. И немой вопрос, обращенный к себе, остается без ответа.

Но память снова вернула меня в далекий день...

Вечером я шел по улице с вечеринки, где много курили, говорили о книгах, работе, о пустяках. Об открытиях, которые изменяют будущее, иногда — настоящее. И в такт моим шагам чей-то голос повторял: «Они изменяют и прошлое». А я возражал: «Нет. Всего-навсего — оценку прошлого».

И подумалось, что в нас может проснуться и заговорить одна-единственная клетка, доставшаяся нам по на-

следству даже от палеозоя. В этот вечер я заблудился: поднимались незнакомые дома с темными глазницами окон, фонари погасли. Я проплутал часа два, пока не вышел к знакомой улице. Дул сырой ветер. Дома по какой-то неожиданной ассоциации я вспомнил чистое озеро моего детства с водой цвета опала, светлый песок, движение рыб в глубине — среди замшелых коряг, стеблей тростника и стрелолиста. Сжав голову руками, увидел, будто наяву, девочку над обрывом. Но теперь это было иначе: Настя была уже у самой подошвы холма, и мне казалось, что вот-вот она ударится о землю. Словно нужно было десять лет без малого, чтобы она пролетела несколько метров. Словно медленный бег колесницы времени мне был до сих пор недоступен, и я лишь наблюдал мелькание спиц.

...Сон. Закрыв глаза, ныряешь в глубину, где медленно несет тебя холодный придонный поток, цепляешься за камни, чтобы дольше проплыть. Еще миг — и темнеет дно. Открыв глаза, различаешь зеленую дернину на противосолнечном его скате, красные летучие огни рыбьих плавников, клубящуюся муть ключа в песчаной воронке. Обшариваешь рачьи норы и мокрой головой раздвигаешь хрупкие ветловые ветки, щедро залитые водой с весны.

Сон относит меня на три солнечных цикла. Я иду проселком, сворачиваю на тропу среди хлебов, взбираюсь на знакомый холм.

О, я догадываюсь, что там должно произойти. Вот и знакомая печь для обжига известняка. Настя уже наверху, и я, задыхаясь, спешу к ней. Понимаю, что опоздал. Сбегаю вниз. Она упала, но я успеваю подставить руки. Ловлю ее, опускаю на землю. И сразу же, как это может быть только во сне, холм исчезает. Поднимается ветер, набегают облака — я не узнаю окрестность. Я силюсь вернуться туда — и не могу найти дорогу.

Но сон продолжается.

Память не просто вернула меня в тот день, нет, она словно сделала петлю: и был я здесь и там одновременно. Два мгновения... Первое: обрыв под зеленым загривком холма, падающая девочка. Второе: я подставляю руки, ловлю ее, опускаю на траву. Она протягивает мне букет (мне ли?) — четыре стебля цикория.

И потом я силюсь сообразить (и тоже во сне!), как такое может статься. И вспоминаю, что и на расстоянии можно воздействовать биополем, можно передвигать предметы силой взгляда, преодолевать время, переноситься

в пространстве — телепортироваться. Но если моя энергия проявилась случайно там, в прошлом, то и оттуда в наше сегодня тоже должно что-то перейти. Да, я думал и думаю, что энергию можно уравновесить массой. Тогда должно появиться нечто оттуда, из того давнего дня. Случай особый, редкостный, но лучше уж допустить взаимопроникновение, чем двойную телепортацию: в пространстве и времени. Этим и кончился странный сон.

Просыпаюсь — за окном дрожат листья от ударов капель. Низкая туча закрыла небо. Слепой рассвет, от мокрых клейких листьев в комнату прокралась тонкая пахучая сырость. Двор за окном зелен и сумрачен. Но утренняя вереница машин уже начала свой неотразимый бег, с дальнего шоссе доносится приглушенный гул. Что-то случилось. Я встрепенулся: рядом, на столе...

Что это?.. Пучок сухой травы. Изумленно рассматриваю его. Четыре стебля цикория с высохшими добела цветками. Прикасаюсь пальцами — и ощущаю покалывание. Колет ноги скошенный луг; колки сухие стебли цветов, а если осторожно взять их в руки, то они шуршат и позванивают; чуткое ухо способно уловить звуки.

«Тих и спокоен край, в себе он замкнут: две створки — озеро и небосклон, как жемчуг, в раковине драгоценной мир заключен...» — «Ты смотришь в небо?» — «Да, звезда упала, блеснув светлей».— «Я в озере звезду увидел, она летела к небу от земли, твоя звезда вниз с неба полетела навстречу к ней».

У каждого есть затаенная сила, которая проявляется как порыв, как действие, но чаще — невидимо, незримо для других. Колесница времени описала невообразимо широкий круг и вернулась, и я коснулся ее. А может быть, поймал взглядом ее тень. Все, что я мог сделать. И для того чтобы воочию увидеть тот день, должно было миновать три солнечных цикла. Теперь я знал, кто поддержал тогда Настю над обрывом. Оттуда, из вихревой мглы времени, невидимо, незримо я вынес четыре сухих стебля цикория, уравновесивших энергию.

...Букет Насти почти невесом. Для меня это не только весть из прошлого.

Этрусская тетрадь Владимира Санина

Югослав Б. Кривокапич утверждает, что ему удалось определить местонахождение легендарного континента Атлантиды, исчезнувшего несколько тысяч лет назад. Письменные источники, датированные четвертым веком, указывают, что затонувший остров, размерами превосходящий Сицилию и Корсику, находился близ берегов Югославии. Сколько раз будут открывать Атлантиду? Сотни, может быть, тысячи таких же вот сообщений появятся в ближайшие десятилетия. И каждый из авторов будет прав.

Потоп, о котором до наших дней дошли десятки сказаний и легенд, это не только водяные горы, обрушившиеся на побережья, не только небывалые ливни, но и медленное, неотразимое наступление океана на сушу, которое началось с момента гибели материка (или острова) Платона. Причина — таяние ледникового щита Европы. Катастрофа ознаменовала конец последнего оледенения. Она же была и причиной этого конца. Земля Платона, расположенная в океане и преграждавшая Гольфстриму путь на север, исчезла как по мановению волшебной палочки. Тропические воды устремились к берегам Европы. Новоявленная река в океане растопила вековые льды. Острова, полуострова, архипелаги, прибрежные равнины ушли под воду. На стосорокаметровой глубине остались гавани, древнейшие города, святилища, храмы. Но до того как цитадели великих цивилизаций древности погрузились на дно, подобно граду Китежу, они были до основания разрушены землетрясениями, градом камней, лавиной вулканического пепла, небывалой высоты волнами. Сырцовый кирпич — основной строительный материал допотопного ми-

ра — не мог, конечно, противостоять натиску стихий. Невзгоды разметали камни фундаментов, оставшиеся творения рук человеческих были рассеяны и остались навеки на дне морском, под слоем осадков и песка.

Какие же территории ушли под воду десять тысяч лет назад?

До катастрофы вместо Адриатического моря в сушу вдавался лишь небольшой залив. Нынешнюю Ирландию и Великобританию, Корсику и Сардинию не разделяли морские проливы. Великобританию не отделял от остальной Европы Ла-Манш. Северного и Азовского морей вообще не было. Черное и Мраморное моря были озерами. Острова в Эгейском море-заливе соединялись в один большой остров.

Затопленные во время таяния ледника площади во много раз превышали остров Платона. Почти повсеместно в будущем должны найти в этих местах, кроме района ледников, памятники допотопной культуры, немногочисленные ее остатки. Некоторые из них уже найдены, но не опознаны специалистами-атлантологами.

Есть ли прямые доказательства существования в Атлантике большого острова или ряда островов? Да, есть. В те времена Гольфстрим шел с запада на восток к Гибралтару, омывая южные берега Атлантиды. Близ юго-восточных ее берегов река в океане оставила осадки. Тогда этот район был «тенью» течения. Осадки обнаружены. Объяснений пока не дано. Если бы в Атлантике не было большого острова, потепление наступило бы сразу. Однако в течение короткого времени имели место целых четыре волны потепления климата. Потепление беллинг: 12 400—12 000 лет назад. Затем двести лет длилось похолодание — средний дриас. За ним последовало восьмисотлетнее потепление — аллерёд. Половецкое потепление длилось триста лет. После него наступило пятисотлетнее переславское похолодание — с последующим потеплением, последним в истории ледника.

Специалистов поражает эта калейдоскопическая смена резко отграниченных друг от друга потеплений и похолоданий. Ничего подобного в истории планеты ни раньше, ни позднее не наблюдалось. Климат в те времена менялся буквально на глазах. Колебания его можно объяснить гибелью Атлантиды. Остров ушел в воду, «утонул», но остались Азорские острова. Плотина, не пускавшая Гольфстрим на север, исчезла, но архипелаг из нескольких островов рассеял струю течения, едва она повернула

на север и смягчила климат. Это рассеянное течение не могло уже обогревать оттаявшую было Европу. Наступило время снегопадов — средний дриас. Льды двинулись, сковали Атлантику, ослабленная река теплой воды стала поворачивать к востоку. Но едва Гольфстрим миновал Азорский архипелаг, уклонившись к юго-востоку от него, как он получил свободный выход к Скандинавии. Началась волна потепления — аллерёд. Течение стало набирать силу с некоторым опозданием, отставанием от нарастающего таяния льдов на севере Европы. Вступила в действие запаздывающая обратная связь: струя Гольфстрима ушла к северу, достигла Азор, рассеялась — и все повторилось. Так было четырежды. В последний раз обстановка на планете в целом была уже иной. Накопились результаты предыдущих потеплений — и гигантская река теплой тропической воды, достигнув Азорского архипелага, смогла наконец преодолеть препятствие и выйти на просторы океана, но уже к северо-западу от роковых островов. С тех пор в течение одиннадцати с половиной тысяч лет Гольфстрим не менял направления.

Память о катастрофе и страшном потопе осталась в этрусском слове «тупи». Если вспомнить, что мягкого знака тогда не было, а его функции на конце слов выполняла буква «и», а также, что звук, изображаемый буквой «у», произносился близко к «о», это слово можно записать в русской транскрипции так: «топь». Означает оно потоп, кару. Ведь, по представлениям того времени, потоп был карой божьей. Именно так произошли русские слова: топь, топить, потоп, утопленник и др.

Из диалогов Платона мы узнаем о роли Афин в отражении агрессии атлантов. Египетский жрец рассказывает: «Удивительны сохранившиеся описания многих великих дел вашего города, но выше всех по величию и доблести одно. Записи говорят, какую ваш город обуздал некогда силу, дерзостно направлявшуюся разом на всю Европу и Азию со стороны Атлантического моря... Вся эта держава (т. е. Атлантида), собравшись в одно, вознамерилась и вашу страну, и нашу, и все по эту сторону устья (Гибралтара) пространство земли поработить одним ударом... Превосходя всех мужеством и хитростью военных приемов, город ваш то воевал во главе эллинов, то, когда другие отступались, противостоял по необходимости один и подвергал себя крайним опасностям. Но наконец, одолев наступающих врагов, восторжествовал над ними и воспрепятствовал им поработить еще не порабощенных и нам всем,

живущим по эту сторону Геракловых столпов, безусловно, отвоевал свободу».

Теперь известно то, чего не знал Платон и о чем умолчали египетские жрецы. В то отдаленное время, о котором идет речь, не было ни Афин, ни эллинов.

* * *

В древности море не разъединяло, а соединяло города, племена и земли. Корабль был главным средством передвижения. В восточном Средиземноморье сложился единый праязык. Носители его — древнейшие племена, поклонявшиеся леопарду-рысу: росены, расены, рысици, русичи. Именно они выдержали удар атлантов, вознамерившихся, по Платону, обратить в рабство все Средиземноморье. (В языке хаттов остался этот корень — рас, рыс.)

По трагической случайности разразилась катастрофа, равную которой еще не знала Земля. С Атлантидой было покончено. Были уничтожены и все города Восточной Атлантиды — родины праязыка. Только спустя две тысячи лет начали подниматься первые поселки — в основном на континенте, вдали от берегов. Так возникли Иерихон, Чайеню-Тепези (название современное), другие города.

Но даже четыре тысячи лет спустя районы побережья не достигли былого расцвета. Древнейшие племена лишь частично оправились от страшных потерь. Они сохранили язык и культ леопарда. Позже их назвали пеласгами. В их финикийских, критских, малоазийских, эгейских поселках говорили на том же праязыке. На рубеже второго-третьего тысячелетий до нашей эры надвинулась гроза. Из континентальных районов пришли греки-ахейцы, которые в древности менее всех пострадали от катастрофы, так как районы их обитания не были связаны с морем и не подвергались опустошению.

Подлинные варвары — греки, они захватили территорию нынешней Греции, разрушили дотла города пеласгов, их крепости, сровняли с землей Пеласгикон, на месте которого лишь через полторы тысячи лет построили Парфенон. Многие из пеласгов переправились на Крит, спасаясь от вторжения. На Крите еще до этого процветали города пеласгов-минойцев. Письменность их прочитана, но не понята до сих пор. Язык их неизвестен ученым, хотя он близок к праязыку, на котором говорили днепровские трипольцы, рутены, филистимляне, лидийцы, ливийцы, хананеи, кимерийцы, этруски и многие, мно-

гие другие [illegible]емена, близкородственные пеласгам-праславянам.

О пересе[illegible]ии материковых пеласгов на Крит повествует Фестский диск знаками древнейшего письма, где рисунки изображали слоги.

Но известны ли, право, надписи, оставленные человеком с допотопных времен? То есть со времен Атлантиды? Да. Доктор Пяллан открыл во Франции барельеф, изображающий женщину с рогом бизона в руке. Этому барельефу около шестнадцати тысяч лет. Это изображение рассматривают как поэтический образ рога изобилия. Но, судя по всему, рослым и сильным кроманьонцам и их сородичам было все же не до изобилия. Интересы их были направлены на самые насущные нужды. Вот почему картинку с женщиной и рогом следует читать, а не рассматривать. Рог — это первый слог в древнейшем из записанных слов: «ро». Женщина — два следующих слога: «жена». Все вместе читается: «рожена», или, по-современному, «роженица». Тело женщины на барельефе не оставляет сомнений в правильности расшифровки этой надписи, а образ рога еще совсем недавно использовали в славянских заговорах, направленных к восстановлению детородных способностей. Но рожена — это и древнейшее имя Ружена.

Сомнения в том, что рог означал соответствующий слог, окончательно рассеиваются, если вспомнить о критских мечах. На их рукоятке изображен именно рог. Но не изобилие же означало это древнее изображение! Есть слово «разить» — с тем же слогом «ро-ра». Отсюда — «сражение», «сразить» и другие слова, связанные с оружием. «Рази!» — вот что написано на мече. Русское слово «оружие» — это «орожие», «рожие», то есть «рога»!

Слова праязыка «рассыпаны и перемешаны». Однако гипотеза о праязыке остается за пределами внимания лингвистов, и они до сих пор гадают, к какой группе следует отнести, к примеру, язык басков со всеми его многочисленными диалектами. А баски между тем продолжают говорить на своем «эскуара» (яс — говор, ясный говор), и им дела нет до хлопот лингвистов. Письмо родилось из магических рисунков, помогавших охоте; подлинной магией было все же создание письменности.

Но праязыку соответствовала и древнейшая система счисления. Какой же она была? Те же баски пользуются двадцатеричной системой. «Двадцать» по-этрусски звучит так: «зачром», «за чиром». Уместно перевести здесь это слово, поскольку переводов его пока не было и неясны

даже числа от 11 до 15. За чиром — за чертой. Этрусские числа 16, 17, 18, 19 образуются вычитанием соответственно 4, 3, 1, 1 от 20. Так, восемнадцать по-этрусски означает — два за чертой. Два за чиром — звучит вполне по-русски. Почему же — за чиром? Потому что двадцать — это своего рода предел, граница определенного ряда чисел. У этрусков налицо остатки двадцатеричной системы. А двадцать пальцев на руках и ногах помогали, несомненно, считать в самой глубокой древности, когда еще не было и обуви. Таким образом и этруски, и баски, и другие народы сохраняли в течение тысячелетий древнейшую систему счета. Отпечатки рук в доисторических пещерах — это счет живых в племени или группе. В пещере Гаргас во Франции, на стенах ее, запечатлена целая коллекция отпечатков, где зачастую не хватает одного, двух, трех, четырех пальцев. Исследователи усматривают в этом ритуал. Тем не менее это древнейшие изображения чисел, которые получались с помощью окрашенной соответствующим образом ладони. Если на четырех отпечатках ладоней нет двух пальцев, то это и означает по-этрусски — «два за чиром». Кстати, «два» по-этрусски звучит так: «жал», «зал». Отсюда — русское «жало», действительно раздвоенное. В этом несложном случае, как и в других, латинская транскрипция не позволила этрускологам понять слово, а заодно — образный строй мышления древних, по необходимости — «поэтический». С точки зрения западного слависта, сказанное заслуживает сурового осуждения. Ведь специалисты привлекают для расшифровки этрусского и перевода минойских надписей почти все европейские и азиатские языки, за исключением как раз древнерусского.

Надписи на этрусских зеркалах небрежны, они выполнены скорописью, можно подумать, что мастер намеренно искажал написание букв, чтобы затруднить чтение непосвященным. Большинство этих непосвященных вообще было неграмотным, и это вполне естественно для того времени. И оно должно было, по замыслу автора надписей на бронзовых этрусских зеркалах, остаться как бы по ту сторону тайны. Действительно, даже овладев этрусским, нелегко иной раз понять то или иное слово. Значит, этрусские тексты только для посвященных?

К этому ошибочному выводу нетрудно прийти, бегло ознакомившись с сотнями и тысячами бронзовых зеркал, но не разгадав их секрета. Ни к какому другому выводу беглое знакомство привести и не может.

Главные особенности надписей состоят вот в чем: текст может читаться справа налево и слева направо, сверху вниз и снизу вверх, буквы нередко поворачиваются в сторону, противоположную направлению чтения или вверх ногами, вместо одних букв пишутся другие. Главное в этрусских зеркалах — не надписи, а рисунки, выполненные иногда мастерски даже по современным канонам. Кто выполнял рисунки? Художник. Ремесленник. Но художник мог быть и неграмотным. Научиться рисовать мог и раб, если он одарен от природы. Для этого ему необязательно не только уметь писать, но даже говорить по-этрусски. А научиться писать было нелегко. Судя по всему, книг в Этрурии было не так уж много.

Но если мастер не умеет писать, он все же должен выполнить надпись, кратко характеризующую сюжет, изображаемый на зеркале. Как это сделать? Нужно, конечно, скопировать надпись — целиком или по частям — с какого-то эталона, образца. Этим образцом было другое зеркало. Легко убедиться, что это так: поставим книгу вертикально перед лежащим на столе зеркалом и обратим внимание, что буквы отражаются в нем. Если бы зеркало было бронзовым, осталось бы лишь обвести их острым резцом, поцарапать на бронзе. Так, с зеркала на зеркало переносились надписи — целиком или по частям, по словам, иногда — по буквам. Просто и быстро. Главное же, не нужно знать этрусской грамоты. Но именно это и приводило к искажениям. Ведь двойник, глядящий из зеркала, не во всем подобен нам: пуговицы у него слева, а не справа, авторучка не в левом кармане, а в правом, сердце тоже расположено справа (я прошу прощения у тех, у кого сердце расположено справа и без зеркала).

Буквы и слова зеркально отражались. Иногда точно так же отражались целые надписи.

Мне удалось найти зеркала с «парными» словами и надписями, не говоря уже о буквах: гипотеза подтвердилась. Удалось найти и другие ключи к этрусским надписям. Прежде всего этруски писали, как слышали, как произносили. Звонкие согласные звучали глухо или приглушенно, но при письме это не «исправлялось», как в современном русском. Звук «о» часто переходил в «а» и в «у». Не было мягкого знака и буквы «ы» — их роль выполняла буква «и». Две буквы нередко изображали один звук.

Вот несколько этрусских слов (некоторые из них известны этрускологам):

уна — юная; тур — дар; туруце — подарил; туран — дарительница; спур — сбор, город; тес — тес; авил — год, овал; свидан, звидан — свидание; слав — слава; торна — дорога; венев — венок; тум — дума, мысль; лепо — прекрасно; раш — рожь, пшеница, хлеб; аде, яде — яд; сил — сила; жинаце — жать, лепить; исеп, усеп — усоп; лар — гроб; тал, тел — делать; жиси — жизнь; скатера — покрывало, скатерть; зусле — сусло; разторопеви — расторопность; зрех — зоркость; аис, яис — первоначало, бог, яйцо; пуя, поя — жена; пуин, пуинел — буйный; карчазь, карчаже — кабан (ср. «корчевать»); синивица — синица; али — или; ита — эта; ан, ен — он; ми — я; мини — меня; ти — ты.

Остановимся на двух заключительных строках надписи «А» — главной этрусской надписи на золотой пластинке из Пирги, найденной сравнительно недавно. В русской транскрипции получим: «Авил ени ака пулу мква». Перевод, полученный этрускологами из сравнения с рядом помещенным финикийским текстом, гласит: «Годы как звезды». Применим сформулированные правила этрусского письма. Ени — они. Пулу, поло — поле. Ака — аки, яко, как. Мква — маково (пропущены гласные). Точный перевод: «Годы, они как поле маково». На этом маленьком примере хорошо видно, на каком языке говорили этруски. Образность и древние корни роднят его с хаттским и хеттским.

Примерно на месте первопоселенцев Чатал-Гююка обосновались хатты, затем — хетты. Многие корни хаттских и хеттских слов перешли в славянские языки. Вот пример: медь по-хеттски называлась куваной. Корень этого слова остался в глаголе «ковать». Хаттское «свит» — свет — перевода не требует.

Именно этрусский язык наряду с хаттским и хеттским помогает установить связь между русскими корнями. Этрусское «пуя», «поя» — это, конечно, поилица. «Пуин» (буйный) того же корня и означает буквально «опоенный». «Пуя» напоминает и о богине-матери из Чатал-Гююка. «Торна» — дорога указывает на глагол «торить», который так прочно вошел в современный язык, что выражения «торная дорога», «торить дорогу» не наводят на мысль о тавтологии.

На фигурке из слоновой кости, изображающей кабана, написано: «Ми пуинел карчаже...» Это переводят так: «Я — Пуинел, карфагенянин». Переводить следует иначе: «Я буйный кабан». Этрусское слово «пуин» («пуинел»)

интересно и тем, что оно смогло стать именем собственным. Отсюда имя певца Бояна в «Слове...». Смысл его таков: «выпивший хмельную чару». Это соответствует обычаю подносить чару певцу.

Этруски — это, образно говоря, лист, оторванный от хетто-славянского дерева. В этой связи можно вспомнить рутенов, живших в Южной Франции. И в «Слове о полку Игореве» упоминаются не венециане, как того хотят переводчики, а «венедици» — венедичи, венеды. В согласии с этим «Влесова книга» говорит о венедах, ушедших на запад, а этрусский глагол «венде» — вести, увести — подтверждает это. Плач по «Уноши князи Ростиславу» — тоже след от эпохи этрусков. Имя одной из богинь Этрурии — Уна, «юная». Тогда говорили «уноша», но не «юноша». Корень этот оставил глубокий след в современном языке. Ему обязаны своим происхождением суффиксы «онок», «ёнок». Рысенок — это дословно «рысь юная».

«Мини мулуванеце авиле випена» — так звучит одна из этрусских надписей. Надписи на изделиях древних мастеров часто начинаются с местоимения «я», «меня». В приведенном примере перевод на русский язык должен быть таким: «Меня художник Авила (выполнил)». Мулуванец (мулюванец) — это художник, примерно так соответствующий глагол звучит и на украинском языке. Однако в специальных работах можно найти иной перевод: «Меня посвятил Авл Вибенна». Кому посвятил Авл Вибенна свое произведение? Это остается неясным. А ведь именно это должно быть сказано в надписи прежде всего! Заметим, что перевод с Авлом Вибенной противоречит и уже установленным нормам самого этрусского языка. Ведь у этрусков глагол завершает фразу, и потому «мулуванеце» не может быть глаголом. Могут возразить, что эта особенность этрусского роднит его скорее с немецкоязычными конструкциями. Отнюдь. Вот отрывок из «Слова о полку Игореве» с глаголом, расположенным по-этрусски:

«Долго ночь меркнет. Но вот заря свет запалила, туман поля покрыл. Щекот соловьиный уснул, говор галок пробудился». В переложении на современный русский эту особенность игнорируют.

Вот еще несколько этрусских слов: зар — жар; чафна — чаша; туляр — доля, межа, межевой знак; тит — дид, дед (имя в значении «старейший»).

«Чафну» (или «тафну» в близком произношении) переводят как «сосуд». Но для «сосуда» этруски использо-

вали другие, менее специализированные слова, например «кутун». Построим цепочку слов. Кутун — кудун — кодун — кадка. Чем не сосуд?..

Есть в этрусском языке трудное слово «лаутни». Перевод его, по существу, выполнен. Слово означает зависимую группу людей, рабов, например. Есть и другие расшифровки этого термина: домочадец, вольноотпущенник, член семьи и т. д. Обратим внимание на звучание слова. Лаутни — лаудни — людни — люди. Ясно, что буквы для звука «ю» не было, приходилось изображать его с помощью двух букв. Много позже слово это как бы вернулось в выражениях «люди графа» такого-то, «людская» и др. Но точный смысл «людней» следует все же искать, исходя из конкретных социальных отношений в Этрурии. Лингвистические догадки могут лишь помогать выяснению смысла подобных слов. Так обстоит дело с термином «зилак», который чаще всего переводят как «претор». Зилак в Этрурии — должностное лицо. Понять его звучание помогает цепочка: зилак — силак — силач. Смысл самого слова, вероятно, таков: «могущественный», «сильнейший», «предводитель». Зилк означает предводителя рангом ниже. Кстати, в ранних формах первой буквой была «с»: силк.

В сложном термине «зилак мехл расенал» можно уловить уже знакомые созвучия. Перевод должен звучать так: «предводитель силы росенов».

Страбон писал: «До тех пор, пока у этрусков был один правитель, они были очень сильны».

В большинстве своем этруски — простые «лаутни»: пахари, мастеровые, моряки, строители. Рисунки на зеркалах отражают глубокое и точное проникновение в психологию человека. Они показывают также, что этруски ценили юмор. Подгулявший молодец на одном из зеркал утолил жажду из фонтана, выполненного в виде головы льва. Из пасти зверя бьет струя воды — она заменяет ему язык. Герой сцены говорит льву: «Хед сле!» — «Иди следом за мной!» Каменный зверь отвечает: «Тиге се!» — «Тяни это (струю воды)!»

Есть свидетельство, что на рубеже нашей эры в альпийских долинах говорили еще по-этрусски. Позднее рутены, северные соседи этрусков, совершили переход к Днепру, «на родину». Возможно, в этом походе участвовали потомки этрусков.

Что именно дала Этрурия Риму? Вот краткий перечень: музыкальные инструменты, ростр и якорь, театр, горное

дело, керамику и металлообработку, траволечение, мелиорацию, города в Италии, искусство гадания, капитолийскую волчицу. Первые цари Рима были этрусками: Тарквиний Приск, Сервий (Сербий) Туллий, Тарквиний Гордый. Этрусские кулачные бойцы участвовали в римских празднествах. Почти всё, что этруски построили в Риме, римляне впоследствии определили эпитетом «величайший». Сам Рим был основан этрусками, а этрусская система подземных каналов и сегодня является частью городского хозяйства «вечного города»! Этрусский щит, этрусское копье, этрусские доспехи надежно защищали Рим и Италию. Мюлештейн писал: «Этрурия — колыбель Рима. Рим — могила этрусков». Небезынтересно отметить, что этрусские пророки смогли точно предсказать время гибели Этрурии.

Отдельным образам этрусских мифов суждена была долгая жизнь. Пуи-пир сродни современному слову «бой». Пир, кровавый пир найдем в «Слове» именно в значении смертельной битвы. В одной из сказок А. С. Пушкина есть рифма «волна — вольна». Интуиция поэта поражает. Ведь этрусская «Воля синяя» прямо связана с «волной». Птица Сва, родственница отца неба Сварога, по-народному весело и непосредственно ожила в «Сказке о золотом петушке». А кот-баюн, голос которого разносится на несколько верст, олицетворяет грозовую тучу, и сила его восходит по родственной линии к леопарду и рыси.

Живой язык постоянно изменяется, за тысячелетия он далеко уходит от языка-предка. Только умерев, язык перестает меняться, и, к примеру, через три тысячи лет потомки с удивлением и недоверием вслушиваются в странные, так и не узнанные до конца созвучия.

* * *

Подвижность, стремительность линий, передающих саму суть и душу изображаемого, характерны только для этрусского искусства. Не говоря уже о римлянах, сотни лет спустя мы не найдем ничего подобного у греков. Пройдет еще тысяча лет и даже много больше — европейские мастера все еще будут тщетно разгадывать вечные секреты этрусков. Но даже лучшие из этих мастеров, самостоятельно открывшие идею движения, смогут передать его лишь схематически-упрощенно. Самые экспрессивные их творения все же утверждают скорее мысль об отсутствии порывистости и подвижности всего живого,

нежели о непреходящей этрусской идее преобразования и движения. Этрусское искусство — пламенное искусство. Лишь Франс Гальс, Леонардо да Винчи и Валентин Серов создали полотна, которыми сказали намного больше, чем их предшественники.

Трудно спорить о том, лучше или хуже отдельные образцы искусства этрусков, ибо их живопись, например, судя по затерянным в руинах немногочисленным осколкам,— это совсем другая живопись, чем живопись европейская, американская, греческая или японская. Она так же отличается от перечисленного, как пламя от тления, водопад от стоячей воды, рвущий узду конь от сытой коровы, жующей сено. Этрусскую живопись отличает одухотворенность, секрет которой не раскрыт. Для этрусков же этот секрет, или тайна, были тайной полишинеля.

Современные западные живописцы понятия не имеют, с какой стороны подойти к капитолийской волчице и как ее надо фотографировать, чтобы передать почти очеловеченную и в то же время свирепую, дико оскаленную и по-своему умную морду чуть прижавшего ухо зверя. Одна из уцелевших подвесок ожерелья изображает льва. Вряд ли слова в состоянии передать ту высшую форму совершенства — в понимании этрусском, конечно, а не европейском,— которой достиг неизвестный мастер шестого века до нашей эры. Чем отличается рычащий зверь от его изображения? Кажется, ничем особенным — в случае творческой удачи художника. Так эту проблему понимают, кажется, до сего дня. Но на этом языке разговор об этрусках бесполезен. У них были совсем иные представления и совсем иные мерки художественного совершенства. Ибо тот же лев у них, будь он из бронзы или золота, во много крат свирепее, подвижнее льва настоящего.

Можно вспомнить и о химере — сказочном звере со змеей вместо хвоста.

Оратор Авила сконфуженно застыл в археологическом музее Флоренции с табличкой «Оратор Авл Метелла». (Все же в нем, несмотря на позу, воплощающую уверенное спокойствие, движения в тысячу раз больше, чем в любом греческом бегуне,— в последних случаях мы без труда распознаем уже знакомую нам подделку под движение.)

В полутьме могил и склепов этрусские мастера изображали подчас танцовщиц и героев не просто в движе-

нии, а за один миг до его начала. В момент резкого поворота танцовщицы вот-вот закончат пируэт; смертельные враги на стене «склепа авгуров» показаны за одну десятую долю секунды до того, как они бросятся друг на друга. Когда рассматриваешь изображения схваток или битв, слышится звон оружия. В сцене охоты явственно раздается хлопанье птичьих крыльев. Чем это объяснить? Неизвестно.

В архитектуре передать подобные эффекты невозможно, и тут уж, кажется, этруски должны довольствоваться тем немногим, что было известно и до них. Однако величайший архитектурный памятник — это все же не пирамида Хеопса, а памятник этрусскому владыке Порсенне в Клузии. Дело даже не в размерах. Вот как Плиний Старший описывает могилу близ Клузия:

«Порсенна похоронен недалеко от Клузия, где оставил четырехгранный памятник из каменных плит; длина его сторон составляет 300 стоп (88,8 метра), высота 50 стоп (14,8 метра). В этом квадратном постаменте расположен непроходимый лабиринт; если кто-нибудь в него войдет без клубка шерсти, то не сможет найти выход. На этом постаменте стоят пять пирамид, четыре в углу и одна в центре. У основания они шириной 75 стоп (22,2 метра), а высотой 150 стоп (44,4 метра). Они сужаются в высоту так, что сверху покрыты металлическим кругом, с которого свисают колокола на цепях. Их раскачивает ветер, их звук слышен вдали, так же как это было в Додоне. На этом круге стоят четыре пирамиды, каждая высотой 100 стоп (29,6 метра). Над ними на общем основании стоят пять пирамид, высоту которых Варрон не сумел привести; этрусские источники, однако, утверждают, что они были так же высоки, как вся постройка до них».

Ни Варрон, со слов которого это записано, ни Плиний не могут привести сведений о третьем этаже пирамид, потому что архитектурный замысел этрусков остается для них за семью печатями. Между тем в этом величественном надгробии сквозит та же идея изменяемости всего сущего, хотя в сооружении использованы самые простые формы. Именно этот эффект и не позволил римлянам определить высоту верхнего этажа пирамид, которые были разновеликими (что еще более усиливало иллюзию метаморфозы). Центральная пирамида верхнего этажа была высотой 74 метра (это сумма высот первого и второго этажей пирамид). Четыре боковые пира-

миды создавали впечатление верхней ломаной линии, которая гармонично сочеталась с нижним архитектурным изломом у квадратного постамента. Они были меньшей высоты — ее нетрудно рассчитать: 19,7 метра[1]. Уменьшающаяся от этажа к этажу высота пирамид создавала главную линию, квадратное основание и высокая средняя верхняя пирамида придавали сооружению стройность. Все вместе создавало ощущение неповторимого движения с резкими переходами от одной пирамиды к другой. Римские историки не могли понять и другого: пирамидами они называли этрусские шатры — основу многих последующих архитектурных форм.

Все сооружение на 16 метров выше пирамиды Хеопса, но создает совершенно иное впечатление. Стало модным делать подобия египетских пирамид, якобы помогающие зарядиться энергией. Нужно помнить, что египетские пирамиды — это пирамиды атлантов (Египет был колонией атлантов, о чем стыдливо умолчали египетские жрецы в политических целях: так легче было заключить союз с греками против персов, на что они надеялись во времена Солона).

Этрусские пирамиды — пирамиды восточных атлантов, именно они помогают «зарядиться энергией» и в отличие от пирамид фараонов были потому доступны и безопасны.

Этрусские шатры, однако, не так долговечны, как сплошное каменное тело. Но ведь и разрушение, по мысли этрусских мудрецов,— лишь одна из форм движения.

* * *

В середине второго тысячелетия до нашей эры греки добрались до Крита. Полнокровное искусство минойцев-пеласгов уступает место сухой и безжизненной стилизации. Традиционные для минойской живописи мотивы — цветы, морские звезды, осьминоги на вазах дворцового стиля — исчезают или перерождаются в абстрактные графические схемы.

И все же ахейская культура греков смогла многое заимствовать у минойцев. В том числе линейное слоговое письмо, религиозные обряды и божества, водопровод, фресковую живопись, фасоны одежды и многое другое.

---

[1] По мнению профессора Чирова и его ассистента архитектора Дроздовой, верхний этаж был, по сути, единой пирамидой.

Примерно через семьсот лет наступил расцвет ахейской микенской культуры. Но на землю Греции и прилегающие районы обрушилось второе нашествие греков-варваров, известных под именем дорийцев. После него начался новый период греческой истории — гомеровский, по имени слепого певца Гомера. Дорийское завоевание отбросило Грецию на несколько столетий назад. Дворцы, цитадели и целые города лежали в развалинах. Даже в Афинах, не разграбленных дорийцами, акрополь был покинут жителями. Произведения искусства дорийского периода по своему художественному уровню отделены уже настоящей пропастью от минойских или микенских времен. Время не просто замерло на две тысячи лет — оно как бы вернулось назад, к самым примитивным формам проявления человеческого духа, которые когда-то оставили далеко позади минойцы-пеласги и создатели Микен.

Подобные метаморфозы объясняются в конечном счете катастрофой в Атлантике.

Может быть, когда-нибудь по крупицам соберут древние песни и мифы. Пока же боги пеласгов носят нередко греческие имена, как, например, Зевс и Кронос. Имя Афины ближе к пеласгийским созвучиям. Минойский герой Икар, взлетевший в небо на крыльях, дошел до нас с исконным именем. Правила общерусского произношения дают его перевод: Игорь, т. е. «горевший».

* * *

Пятидесятивесельные этрусские корабли пентеконтеры достигали двадцатипятиметровой длины и бороздили средиземноморские просторы как вблизи Этрурии, так и в самых удаленных от нее местах. Боевые суда этрусков снабжались подводным металлическим тараном, который римляне назвали ростром. На монетах Ветулонии и других этрусских городов-полисов можно увидеть изображение усовершенствованного якоря с двумя металлическими лапами. Нетрудно понять удобства, даваемые таким якорем: до его изобретения использовались якорные камни и корзины с камнями.

Мастер седьмого века до нашей эры изобразил морской бой. На палубах двадцативесельных кораблей стоят вооруженные воины. Один из кораблей явно собирается таранить противника. Это этрусское судно.

У Этрурии периода античности были торговые связи со многими районами Средиземноморья. Этрусские море-

ходы выходили в Атлантику. Если верить Платону, те же морские пути были некогда ведомы и атлантам.

Впоследствии римляне, вознамерившиеся доказать свое происхождение от богов, постарались изгладить следы «толстых этрусков» из памяти человечества; остались лишь случайные упоминания в книгах историков. С последней древней цивилизацией пеласгов в Средиземноморье было покончено. Но вскоре стал клониться к упадку и Рим.

* * *

Понятно желание некоторых исследователей перенести Атлантиду из океана в Средиземное море, а заодно и подправить хронологию Платона. Так, А. Галанопулос и Э. Бэкон в своей книге «Атлантида: за легендой истина», вышедшей в Лондоне в 1970 году, попросту отождествляют Атлантиду с Критом. Аргументация авторов проста. Говоря о десяти городах-провинциях Атлантиды, они пишут: «Царский город, по описанию Платона, был столицей равнины площадью 3000×2000 стадий. Если остальные девять городов, упомянутых в последних строках цитируемого отрывка, были столицами аналогичных по размеру областей, вся территория Атлантиды должна была занимать площадь около $30\,000 \times 20\,000$ квадратных стадий, т. е. превышать Малую Азию и обитаемую часть Северной Африки, вместе взятые. Длина Средиземного моря равняется примерно 2100 милям, а остров длиной 3400 *миль явно не мог бы поместиться внутри* Средиземноморского бассейна... Жрецы, узнав об огромных просторах только что открытого Атлантического океана, воспользовались случаем и переместили Атлантиду в этот океан. Не исключено, что именно тогда Атлантический океан и получил свое название — от перемещенной туда Атлантиды». Такова незатейливая аргументация атлантологов. Сделав сначала ошибку в определении площади Атлантиды и увеличив эту площадь ровно в десять раз (ибо десять примерно равных островов-провинций Атлантиды должны занимать только $3000 \times 20\,000$ квадратных стадий), атлантологи затем приписали жрецам желание перенести Атлантиду в Атлантику.

Излишне говорить, что ни Крит, ни Сантория не отвечают, да и не могут отвечать описанию Платона, раз и навсегда поместившего Атлантиду между Америкой и Европой. Говорят, что под Атлантическим океаном

кора типично океаническая, она миль на десять тоньше коры материковой, а раз так — Платон ошибся. Но ведь не мешает отсутствие материковой коры располагаться в Атлантике целым архипелагам! Кроме того, катастрофа потому и произошла, потому и погрузилась Атлантида на дно, что размеры ее не соответствовали строению, толщине и напряжениям в океанической коре. Ведь падение гигантского метеорита необязательно должно вести к погружению большого острова на дно морское: это случается в той редкой ситуации, которая сложилась в Атлантике к тому времени. Пробив земную кору, этот метеорит не «растаял», он до сего дня вызывает все известные ученым явления в районе Бермудского треугольника.

* * *

В первый год своей жизни родившийся человек проходит стадию одного из своих предков, а именно — неандертальца. Даже строением тела годовалый ребенок напоминает о тысячелетиях эволюции. Затем следует переходный период — и ребенок становится кроманьонцем. Он строен, быстр, смекалист, любит рисовать, играть, бегать, ходить в походы. Именно на это всегда и во все времена должен иметь право двенадцатилетний мальчишка-кроманьонец. Попытка подправить эволюцию, сконцентрированную в одной человеческой жизни, ненамеренно приводит к печальным результатам: это почти все равно что нарушить естественный ход внутриутробного развития, заменив его с какого-то момента атлетической гимнастикой, искусственным вегетарианским питанием и игрой в шахматы.

Так уж получилось, что далекая катастрофа отозвалась и на человеке. Вопреки распространенному мнению эволюция человека разумного не только не кончилась тридцать тысяч лет назад, но она была как раз наиболее стремительна именно в эти последние тысячелетия. Массовая гибель кроманьонцев в прибрежных районах привела к исчезновению тех, кого древние источники называли великанами. Погибли атланты. Часть восточных атлантов уцелела на материке. Уцелевшие смешались с отдаленными потомками неандертальцев — по одной из ветвей их генеалогического древа. Так возник современный человек, не всегда понимающий ребенка-кроманьонца.

Вот что произошло, по сообщению одного журналиста, в Полинезии.

«Несколько лет назад жители Алеипата на восточном побережье острова Уполу заметили черную точку на горизонте. Море было бурное, и точка то появлялась, то исчезала в волнах. С наступлением темноты она приблизилась к проходу в рифах, окружающих лагуну, и когда была уже на расстоянии какой-нибудь мили от берега, все увидели, что это маленькая, очень неустойчивая лодка паопао. В ней сидел мальчик, на вид лет четырнадцати. Его появление вызвало своего рода сенсацию.

— Откуда ты приплыл, мальчик?

— Из Тутуили.

— Из Тутуили?! По такому морю?! Когда же ты оттуда вышел?

— Сегодня, перед восходом солнца.

— Как же тебе это удалось? Как волны не перевернули лодку?

— Переворачивали, и не один раз.

— Но как тебе пришло в голову плыть шестьдесят миль в такую бурю?

— Я родился на острове Токалау и хожу в школу в Паго-Паго. Так как начались каникулы, я решил воспользоваться случаем и побывать на Западном Самоа. Я подумал, что, может быть, какая-нибудь семья в Алеипата примет меня. Один старик одолжил мне паопао, дал на дорогу три кокосовых ореха. Вот я и приплыл.

Просто так проплыл шестьдесят миль по бурному морю! И на такой лодчонке, которая самое большее годится для плавания по лагуне!»

Случай этот, попавший в поле зрения журналиста, косвенно свидетельствует о том, что мы склонны недооценивать кроманьонца — мага, кудесника, человека безмерной смелости и силы духа. Но все эти и многие другие качества могут быть сохранены и умножены лишь при правильном воспитании.

Отказывая кроманьонцам в цивилизации, которую они на самом деле создали, мы исходим скорее из своего собственного опыта, из опыта нашей цивилизации, отнюдь не первой по времени. Кроманьонская доисторическая цивилизация «морского типа» оставила нам точные карты Антарктиды и Америки, древнейшие гавани и молы, возраст которых требует уточнений, культурные растения, в том числе так называемую тропическую многолетнюю пшеницу, которую колумбийские ученые открыли в семидесятых годах двадцатого века, а индейцы с незапамятных времен использовали в пищу, предания и ле-

генды о первых полетах человека, мифы о богах, впоследствии искаженные, методы кольцевания птиц, о чем рассказало бронзовое кольцо на ноге гигантского вымершего страуса-эпиорниса, которому шесть тысяч лет,— и многое другое.

Если найдется человек, который способен поверить, что в одном из уже обнаруженных поселений девять тысяч лет назад знали с десяток культурных растений потому, что жители сумели вырастить и выходить их за время нескольких вдруг прозревших поколений,— то он поверит в чудо, гораздо большее, чем Атлантида.

* * *

И главное из чудес — язык восточных атлантов, давший начало многим и многим языкам и диалектам. Ведь этрусское «тин» даже по-японски и по-китайски звучит почти так же: «тен», «тьен». Но день, небо, свет — главные слова в любом языке, они остались почти неизменными, другие же были переосмыслены, их не просто узнать. Но можно... Язык наш — чаша бурь. И это так удивительно, что уместны слова поэта, похожего на хетта с барельефа шагающих воинов:

«Ты скажешь: ветреная Геба, кормя Зевесова орла, громокипящий кубок с неба, смеясь, на землю пролила».

Содержание

К. Феоктистов. *Два романа о звездных ветрах* 5

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ *«ЛУННАЯ РАДУГА». Роман*

Книга первая *По черному следу*

Часть первая 13

Часть вторая 172

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ *ЧАША БУРЬ. Роман*

Пролог *Тень в круге* 281

Часть первая *Каникулы у моря* 312

Часть вторая *Старые города* 354

Часть третья *Молот гнева* 404

Часть четвертая *Западня* 443

Часть пятая *Ключи Марии* 475

Этрусская тетрадь Владимира Санина 508

П12 **Павлов С.** «Лунная радуга»: Роман; **Щербаков В.** Чаша бурь: Роман/Предисл. К. Феоктистова; Худож. А. Антонов.— М.: Худож. лит., 1991. — 527 с. (Б-ка фантастики, т. 14).

ISBN 5-280-00538-X

В книгу включены два произведения: роман С. Павлова посвящен проблемам, которые могут встать перед человечеством при исследовании глубин Вселенной; в романе В. Щербакова «Чаша бурь» обсуждаются вопросы, связанные с древними культурами атлантов и этрусков, потомки которых, согласно фантастическому замыслу автора, могут оказаться среди нас.

П $\frac{4702010201\text{-}411}{028(01)\text{-}91}$ подписное

ББК 84Р7

Библиотека фантастики в 24-х томах
Том 14

Библиотека фантастики, том 14

Сергей Павлов
«Лунная радуга»
роман

Владимир Щербаков
Чаша бурь
роман

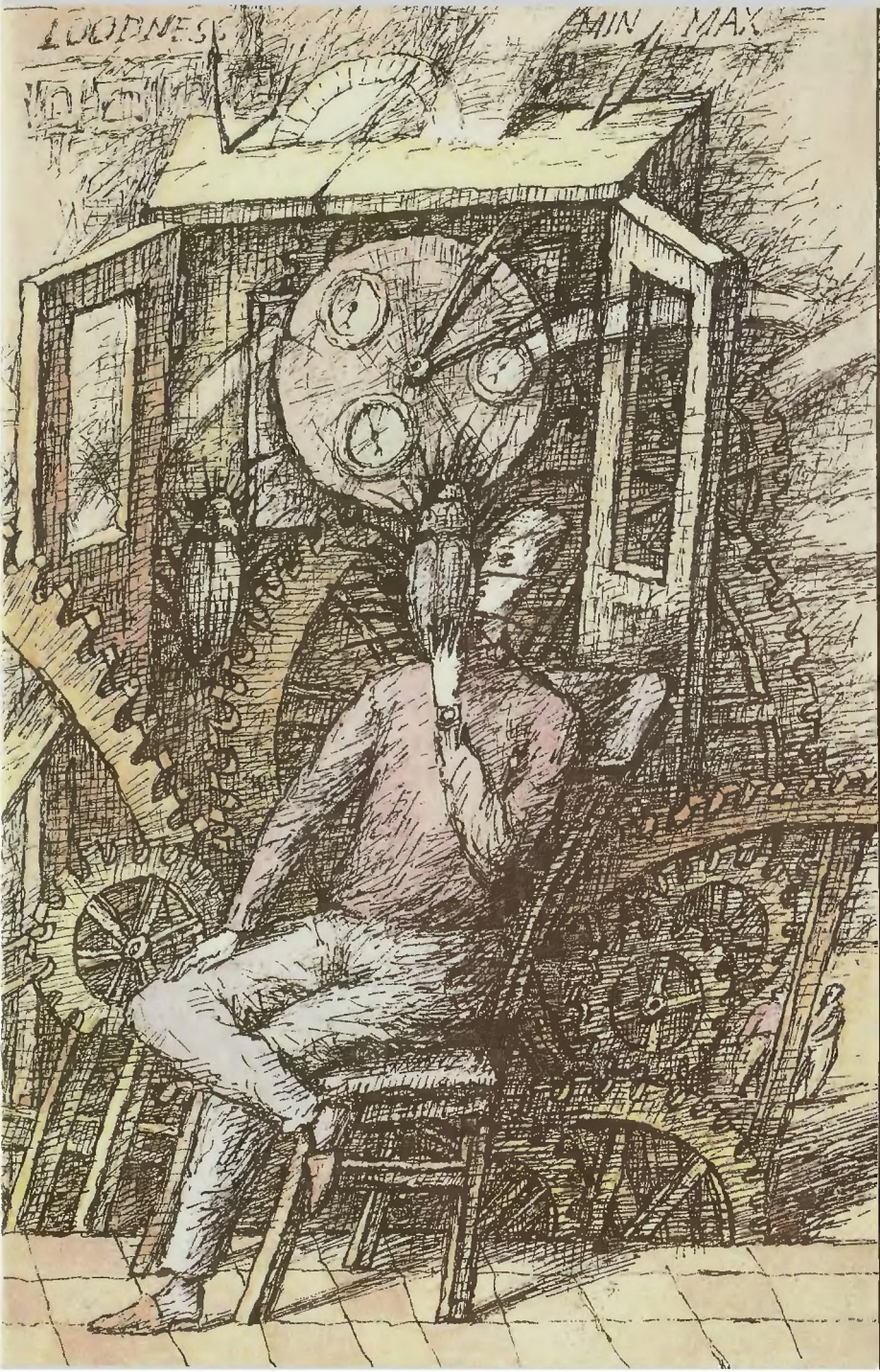
Редактор *В. Бармин*
Художественный редактор *И. Сальникова*
Технические редакторы *Л. Платонова, Л. Синицына*
Корректоры *О. Стародубцева, И. Шевякова*

ИБ № 7035

Сдано в набор 23.05.88. Подписано в печать 07.02.90 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага кн.-журн. имп. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,72. Усл. кр.-отт. 63,42. Уч.-изд. л. 31,11. Тираж 400 000 (3-й з-д 200 001—300 000 экз.). Изд. № III-3102. Заказ № 1988. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература».
107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Диапозитивы изготовлены на Можайском полиграфкомбинате В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по печати. 143200, Можайск, ул. Мира, 93. Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Тверском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати. 170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

LOUDNESS
MIN / MAX

2 р. 40 к.

С. Павлов · «Лунная радуга»
В. Щербаков · Чаша бурь

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ